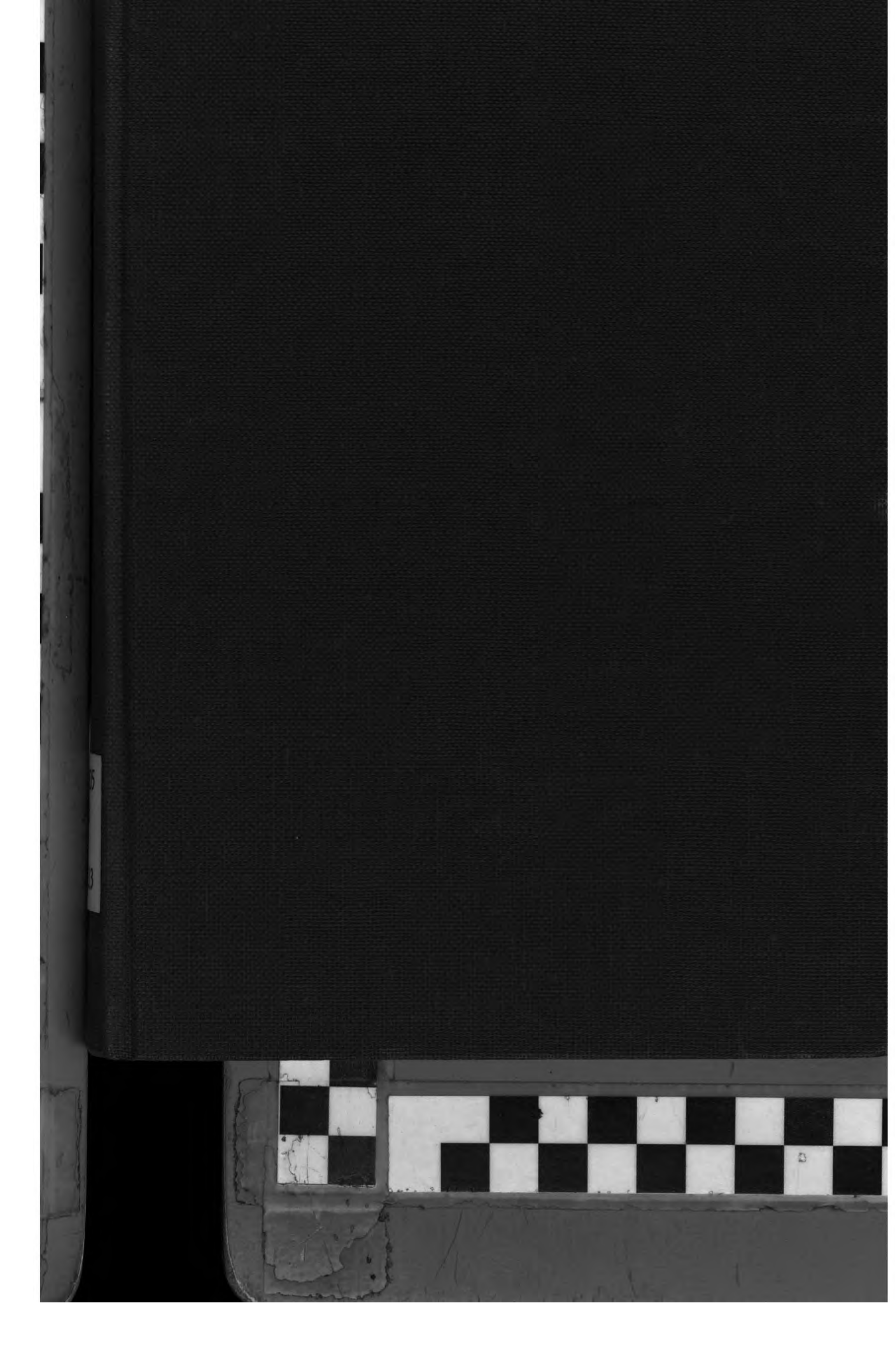




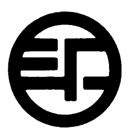


SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

94/38

Published by Europe Printing Establishment

This volume was previously announced as
SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS, 88/3
a series published by Mouton Publishers, The Hague, Netherlands
(supplements Slavistic Printings and Reprintings, 94/1–11)



EUROPE PRINTING ESTABLISHMENT

VADUZ – LIECHTENSTEIN

1973

LE PASSÉ

Byloe

БЫЛОЕ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРІИ
РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

Іюль-Августъ

№ 11-12

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

1909



З. Коноплянникова.



В. В. Лебединцевъ (Кальвино).



Сергѣй Барановъ.

В. В. Лебединцевъ.

О Всеволодѣ Владиміровичѣ Лебединцевѣ я слышала еще за долго до его пріѣзда въ Парижъ въ 1908 г., какъ о человѣкѣ высоко-образованномъ, талантливомъ и съ глубокой революціонной натурой.

Однажды, утромъ, къ намъ явился изящный молодой человѣкъ и спросилъ товарища N. Его манера держаться и говорить, его чистый французскій діалектъ, на которомъ онъ ко мнѣ обратился, вселилъ во мнѣ увѣренность, что онъ не русскій, а иностранецъ. Эта увѣренность не поколебалась у меня даже тогда, когда онъ заговорилъ по-русски: зная много языковъ и живя долгое время за границей, онъ говорилъ на родномъ языкѣ съ нѣкоторымъ иностраннымъ акцентомъ.

Какъ только онъ переступилъ порогъ, мы съ нимъ говорили, какъ старые друзья, которые только вчера разстались.

Онъ былъ выше средняго роста, и на видъ ему можно было дать лѣтъ 29, хотя ему было всего 26 лѣтъ. Его красивое, интеллигентное лицо невольно приковывало къ себѣ вниманіе; въ его большихъ сѣро-синихъ глазахъ отражался цѣлый міръ. Во всемъ лицѣ его было что-то наивно-дѣтское, но подъ этой наивностью скрывалась большая духовная сила и билось великое сердце. Впослѣдствіи, когда я съ нимъ ближе познакомилась, я убѣдилась, что это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ высоконравственныхъ людей, одно присутствіе которыхъ какъ бы возвышаетъ окружающихъ. Онъ такъ хорошо зналъ психологію людей, ихъ достоинства и недостатки, что умѣлъ подходить къ каждому и какъ бы отдавать ему часть своего я.

Парижъ онъ зналъ хорошо. Ему хотѣлось поселиться на Монмартрѣ — ближе къ народу и подальше отъ „буржуйности“, — употребляю то слово, которымъ онъ характеризовалъ все лицемѣрное, неискреннее, пошлое. Денегъ у него было очень мало и изъ пяти франковъ, которые онъ получалъ въ день за свою литературную работу, нужно было еще откладывать на отъѣздъ въ Россію, — это была главная цѣль его пребыванія въ Парижѣ. Черезъ нѣкоторое время ему пришлось разстаться съ любимой комнатой, за которую онъ платилъ 20 франковъ въ мѣсяцъ и съ „комфортомъ“ вообще. Онъ рѣшилъ, что ѣда и все остальное — это „излишняя роскошь“ и сталъ „нагонять“ экономію.

Онъ былъ очень непритязателенъ — до своего прiѣзда въ Парижъ онъ долгое время жилъ въ Римѣ въ одномъ бѣдномъ итальянскомъ семействѣ, гдѣ онъ голодалъ вмѣстѣ со всѣми и гдѣ только „по вечерамъ ѣли бобы и селедку". Къ этому семейству онъ сохранилъ самыя нѣжныя чувства и нужно было видѣть, съ какой любовью онъ выбиралъ иллюстрированныя открытки, чтобы послать каждому члену семейства въ отдѣльности по одному экземпляру, чтобы хоть этимъ путемъ доставить имъ нѣкоторое удовольствiе.

Итакъ, онъ рѣшилъ продолжать „римскую" жизнь въ Парижѣ, т. е. голодать, — онъ сталъ даже самъ, по возможности, стирать свое бѣлье, чтобы какъ можно скорѣе имѣть возможность ѣхать въ Россiю, куда онъ стремился всей душой. Вообще къ такой жизни ему было не привыкать стать. Еще во времена своего студенчества, когда въ его жизни произошелъ переломъ, и онъ начиналъ отдаваться революцiонному дѣлу, которое впослѣдствiи захватило его всего, онъ жилъ на скудныя средства, которыя вырабатывалъ уроками, не считая себя въ правѣ брать средства на жизнь у своихъ родныхъ, такъ какъ онъ жилъ не такъ, какъ имъ это было желательно, а, главное, ему хотѣлось жить такъ, какъ живетъ большинство русскаго народа.

Своимъ чердачнымъ помѣщенiемъ онъ былъ доволенъ, но, вслѣдствiе недоѣданiя и недостатка воздуха въ его комнатѣ, у него иногда болѣла голова. Когда его упрекали, что онъ себя изнуряетъ, онъ отрицалъ это и считалъ для себя образъ своей жизни вполнѣ нормальнымъ. Жизнью впроголодь не тяготился и иногда говорилъ: „зато никакой буржуй не можетъ испытывать такого наслажденiя отъ ѣды, какъ я".

Въ его комнатѣ, гдѣ потолокъ можно было достать рукой, царили образцовый порядокъ и чистота. Стѣны были украшены любимыми имъ гравюрами, и все вообще въ этой комнатѣ свидѣтельствовало о чувствѣ изящества у хозяина. Его имущество состояло изъ небольшой котомки и маленькаго сакъ-вояжа, друга его скитанiй и путешествiй, которымъ онъ очень дорожилъ, говоря, что этотъ сакъ-вояжъ онъ отдастъ кому-нибудь изъ товарищей, когда онъ пойдетъ „въ какое-нибудь дѣло"; онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ сакъ-вояжъ попалъ въ руки жандармамъ. Единственный костюмъ, который былъ на немъ, онъ часто самъ чинилъ. Онъ умѣлъ утюжить, какъ настоящiй портной, и всегда разглаживалъ свой костюмъ передъ тѣмъ, какъ идти къ какому-нибудь „буржую" по дѣлу. Эти знанiя ему пригодились впослѣдствiи, когда онъ жилъ въ Петербургѣ и вращался въ „обществѣ", гдѣ нужно было одѣваться прилично, а въ деньгахъ была большая нужда.

Въ Парижѣ онъ жилъ уединенно и съ русскими видался только по дѣлу. Чтобы собрать матерiалъ для своей литературной работы, ему пришлось побывать у нѣкоторыхъ францу-

зовъ, на которыхъ, кстати сказать, онъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Въ особенности одинъ интеллигентный и очень идейный человѣкъ былъ такъ очарованъ имъ, что обѣщалъ ему свое содѣйствіе и для другихъ дѣлъ, если ему понадобится, что онъ впослѣдствіи и исполнилъ.

Въ это же время онъ велъ дѣятельную переписку съ своими друзьями въ Италіи, гдѣ онъ завоевалъ себѣ столько симпатій и любви, и гдѣ послѣ его смерти онъ послужилъ сюжетомъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, а газеты были переполнены разсказами и воспоминаніями о немъ.

По своимъ взглядамъ и по своей натурѣ В. К. былъ интернаціоналистъ. Онъ зналъ много иностранныхъ языковъ и быстро ассимилировался въ чужой странѣ, проникался ея интересами, и нигдѣ не чувствовалъ себя оторваннымъ. Въ этомъ отношеніи и по той страстности, съ которой онъ отдавался каждому дѣлу, онъ напоминалъ Бакунина. Послѣ Россіи В. В. больше другихъ странъ зналъ Италію, гдѣ онъ сблизился со многими соціалистами и анархистами. Онъ въ Италіи нерѣдко выступалъ на народныхъ митингахъ и пользовался большой популярностью среди рабочихъ. О нѣкоторыхъ своихъ итальянскихъ друзьяхъ—соціалистахъ, онъ, независимо отъ ихъ направленія, отзывался съ большими симпатіями, но вообще западно-европейскихъ соціалистовъ соціалъ-демократическаго направленія В. В. революціонерами не признавалъ. Также онъ смотрѣлъ и на нашихъ русскихъ соціальдемократовъ, среди которыхъ у него были и друзья. Къ ихъ теоріямъ онъ относился крайне отрицательно и говорилъ, что „ужъ слишкомъ все у нихъ просто; я ихъ не люблю за ихъ увѣренность, что они уже нашли истину“. Революціонной дѣятельностью онъ считалъ главнымъ образомъ боевое дѣло Онъ признавалъ, что не всякій способенъ на этого рода борьбу. Себя онъ считалъ подходящимъ для такого рода дѣятельности. „Я долго думалъ“, сказалъ онъ разъ, „надъ этимъ вопросомъ и пришелъ къ заключенію, что въ моемъ характерѣ есть тѣ черты, которыя нужны террористу: это самообладаніе и хладнокровіе“. И дѣйствительно, этими качествами характера онъ выдѣлялся среди всѣхъ своихъ товарищей.

Онъ въ совершенствѣ владѣлъ итальянскимъ языкомъ. Когда послѣ его осужденія, чтобы спасти его въ качествѣ итальянскаго подданнаго, итальянское посольство въ Петербургѣ послало къ нему въ Петропавловскую крѣпость своего секретаря, чтобы получить отъ него простое подтвержденіе своего итальянскаго подданства, достаточное для избавленія его отъ смертной казни, итальянскій дипломатъ былъ пораженъ не только его хладнокровіемъ передъ грозящею смертью, но и его чисто римскою фразою на признаніе: „grazie e tante belle cose“

– которая потомъ произвела сенсацію въ Италіи. Зная au fond итальянскій языкъ, В. В. усвоилъ и испанскій въ самое короткое время, когда онъ былъ командированъ въ 1905 году въ Испанію для наблюденія солнечнаго затменія. Здѣсь, на обѣдѣ, данномъ въ честь русскихъ астрономовъ испанцами, В. В. отвѣтилъ на привѣтствіе уже по испански.

В. В. былъ человѣкъ широкой инициативы, безпрестанно искавшій новаго дѣла и новой жизни. Когда онъ предпринималъ какое-нибудь дѣло, онъ горѣлъ желаніемъ какъ можно быстрѣе привести его въ исполненіе. Онъ обдумывалъ каждый свой шагъ, въ особенности если это касалось „дѣла“ — того идейнаго дѣла, для котораго онъ пожертвовалъ всѣмъ, что было ему дорого, и отдалъ самую жизнь.

Аристократъ по происхожденію, единственный сынъ въ семьѣ, Лебединцевъ получилъ блестящее образованіе. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, зналъ хорошо музыку и глубоко любилъ и понималъ искусство. Онъ учился въ одесской гимназіи. До четырнадцати-лѣтняго возраста онъ ничѣмъ не выдвигался среди товарищей. Но онъ обладалъ пытливымъ умомъ и еще съ дѣтскаго возраста пристрастился къ астрономіи. О ней еще въ дѣтствѣ онъ слышалъ отъ своей гувернантки, съ которой онъ разъ даже, крадучись отъ родителей, долженъ былъ отправиться на зарѣ наблюдать какое-то небесное явленіе. „Астрономія была моя первая любовь“, говорилъ онъ. Отецъ въ этихъ занятіяхъ его поощрялъ.

Съ четырнадцати лѣтъ В. В. начинаетъ серьезно заниматься. Будучи въ старшихъ классахъ, онъ ищетъ дѣла, которое захватило-бы его. Одно время онъ увлекается музыкой. По окончаніи гимназіи, онъ поступилъ въ Одесскій университетъ, гдѣ впервые сталъ интересоваться политикой и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, — такъ онъ, въ качествѣ старосты своего факультета, участвовалъ во всѣхъ происходившихъ тогда студенческихъ волненіяхъ, протестахъ, забастовкахъ.

Еще будучи студентомъ, онъ своими астрономическими работами, за которыя онъ получилъ золотую медаль, обратилъ на себя вниманіе, а послѣ былъ прикомандированъ къ Пулковской обсерваторіи въ качествѣ штатнаго астронома. Назначеніе его пришло какъ разъ въ то время, когда онъ сидѣлъ въ одесской тюрьмѣ по обвиненію въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ.

До своего студенчества онъ не тяготился жизнью у своихъ родителей, но какъ только его чуткая и правдивая натура почувствовала пустоту и фальшь свѣтской жизни, онъ бѣжалъ изъ этого общества и отъ дорогихъ ему людей, чтобы туда болѣе не вернуться... „Эта же обстановка, эти свѣтскія требо-

ванія толкнули меня на путь революціи", говорилъ онъ. Впослѣдствіи, когда онъ уже былъ совершенно оторванъ отъ своихъ родныхъ другою жизнью и другими интересами, онъ никогда не забывалъ посылать поздравленіе къ чьимъ-нибудь именинамъ въ свою семью, зная, какъ это будетъ радовать его „стариковъ".

Родителей своихъ онъ очень любилъ, и, чѣмъ глубже у него было это чувство, тѣмъ менѣе оно выливалось наружу, въ особенности въ послѣднее время. Онъ зналъ, что родные его обожаютъ, и что онъ причиняетъ имъ много страданій своей жизнью. Это была драма, которая причиняла ему много горя. Онъ придумывалъ разные способы ихъ успокаивать. Такъ, онъ писалъ имъ иногда холодныя письма, думая этимъ путемъ искоренить въ нихъ то глубокое чувство, которое они къ нему питали, но пройдетъ немного времени, и онъ пишетъ другое письмо, болѣе нѣжное, жалѣя о прежнемъ. Въ этихъ письмахъ, которыя, по условіямъ конспираціи, были довольно рѣдки, В. В. говорилъ, что онъ счастливъ и давалъ имъ надежды на скорое свиданіе за границей, куда его родные часто наѣзжали. Иногда, когда „дѣла" шли плохо, и онъ испытывалъ нравственныя страданія, ему тяжело было увѣрять родныхъ въ своемъ счастьѣ и внушать надежду на близкое свиданіе, въ которое онъ самъ не вѣрилъ, но онъ все же признавалъ себя обязаннымъ это дѣлать.

Передъ смертью онъ не имѣлъ даже того удовлетворенія, чтобы сказать своимъ роднымъ свое послѣднее прости. Онъ хотѣлъ, чтобы его родные возможно позднѣе узнали, что Кальвино — это ихъ нѣжно-любимый сынъ.

* * *

Принявъ рѣшеніе отдаться террористической борьбѣ, онъ рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ порвать всѣ связи съ прошлой личной жизнью, чтобы всецѣло посвятить себя своей новой единственной задачѣ жизни. Къ этому моменту относится разрывъ его съ любимой женщиной, о которой онъ отзывается, какъ о самомъ дорогомъ ему существѣ. Уѣзжая въ Россію, онъ уничтожилъ всю переписку съ нею, которую онъ до того хранилъ. В. В. рѣшилъ, что не долженъ ни любить, ни думать о любви, которая могла быть помѣхой въ его дальнѣйшей террористической дѣятельности. Вернуться въ Россію подъ своимъ именемъ В. В. не могъ: во первыхъ, онъ сталъ извѣстенъ полиціи по своей агитаціи въ Италіи противъ пріѣзда туда Николая II, а во вторыхъ, —и это самое главное—свой заграничный паспортъ онъ передалъ еще въ Россіи для проживанія нелегальному революціонеру (Штифтарю), у котораго этотъ паспортъ былъ взятъ полиціею. Въ Петербургѣ В. В. почти съ самаго начала поселился подъ ви-

домъ корреспондента итальянскихъ газетъ, доктора агрономіи Маріо Кальвино. Онъ быстро вошелъ въ роль иностранца и эту роль онъ выполнялъ мастерски. Такъ, одинъ разъ, когда В. В. былъ у одного товарища и туда явился незнакомый ему революціонеръ, онъ сталъ разыгрывать свою роль иностранца. Послѣ ухода В. В., вновь пришедшій, заинтересовавшись, спросилъ, кто онъ такой. И узнавъ, что это итальянскій корреспондентъ, онъ воскликнулъ: „вотъ ужъ эти итальянцы, гдѣ только они не шляются!" Еще въ вагонѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, онъ познакомился съ одной барышней и сталъ практиковаться въ русскомъ языкѣ. Успѣхъ былъ поразительный. Его сосѣдка ни на минуту не усумнилась въ томъ, что онъ не итальянецъ. Впослѣдствіи въ Петербургѣ онъ неоднократно удостаивался комплиментовъ насчетъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ съ классическимъ акцентомъ иностранца южанина. Разъ какъ-то, когда я была у него во время его второго пріѣзда въ Парижъ, В. В. вдругъ отвернулся, ловко закрутилъ чѣмъ-то свои усы „à la чортъ возьми", какъ онъ говорилъ, и я увидѣла передъ собой настоящаго хлыща, съ улыбающейся физіономіею, совершенно не свойственной задумчивому и прекрасному лицу В. В. „Таковъ я въ Петербургѣ!" сказалъ онъ. „Но какъ я радъ сбросить эту маску и эти хомуты (высокіе воротники), которые меня такъ стѣсняютъ!"

Въ Россію онъ ѣхалъ спокойный и увѣренный въ успѣхѣ дѣла, которому онъ себя посвятилъ. Вотъ что онъ между прочимъ писалъ съ дороги, наканунѣ переѣзда границы: „Кончилъ дѣла свои — сегодня въ путь, завтра буду тамъ. Чувствую себя отлично, можетъ быть, какъ никогда — равновѣсіе въ душѣ полное."

Послѣ его отъѣзда въ нашей съ нимъ перепискѣ произошелъ нѣкоторый перерывъ влѣдствіе произошедшаго недоразумѣнія въ шифрѣ. Этимъ онъ былъ очень встревоженъ, тѣмъ болѣе, что отъ меня только онъ и могъ имѣть свѣдѣнія о дорогихъ ему людяхъ. Не получая долго никакихъ писемъ, онъ въ началѣ сентября пишетъ мнѣ по-французски слѣдующее: „До сихъ поръ ни одного письма отъ Васъ! Это меня очень безпокоитъ, такъ какъ я не знаю, что я долженъ думать. Я окончательно устроился въ Петербургѣ, и я вполнѣ доволенъ своей работой. Теперь я хорошо вижу, что на избранномъ мною пути я найду то, чего я искалъ всю свою жизнь. Только Ваше молчаніе нарушаетъ мое спокойствіе, котораго я такъ жадно домогался. Прекратите же Ваше молчаніе какъ можно скорѣе!" И далѣе: „Передайте привѣтъ N. и скажите ему, что я дѣлаю все возможное для защиты принциповъ, которые насъ объединяютъ. Мнѣ кое-что удалось... Но немного".

Еще до этого письма онъ и его товарищи предлагали N. написать рядъ статей о террорѣ, обѣщая приложить всѣ уси-

лія къ тому, чтобы онѣ появились въ оффиціальномъ органѣ П. С.-Р. Самъ онъ въ это же время написалъ статью по этому вопросу, но она не была помѣщена въ партійномъ органѣ, — такъ какъ въ ней было найдено „много ереси". Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ, еще въ сентябрѣ 1907 г., онъ жалуется, что мои письма такъ до него и не дошли, и между прочимъ говоритъ: „О дѣлахъ веселаго ничего сказать не могу — дѣлаемъ все, что можно, а если немного выходитъ, — вина не наша". И далѣе: „На дняхъ прочелъ послѣднюю брошюру К-ва. Много правды въ ней. Еслибы только пожелали наши эсдекствующіе хоть немножко принять ее къ свѣдѣнію. Не расписываюсь потому, что не настроенъ совсѣмъ — только пользуюсь минуткой свободной въ Финляндіи, чтобы писать".

* * *

Здѣсь я должна сказать, что В. В. ѣхалъ въ Россію съ готовымъ планомъ дѣйствій. Эта идея у него созрѣла еще во время пребыванія его въ Италіи, и онъ былъ убѣжденъ въ выполнимости и успѣхѣ задуманнаго имъ плана. Но „скромность моя", говорилъ онъ впослѣдствіи, „помѣшала мнѣ предложить мой проектъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Россію". Чтобы привести въ исполненіе этотъ проектъ, необходимо было согласіе Центральнаго Комитета, которое было дано не сразу. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, часть проекта была отвергнута, а другая часть получила утвержденіе. Тутъ то, очевидно, судьба Сѣвернаго Боеваго Отряда Азефомъ и была рѣшена.

В. В. былъ тогда командированъ за границу для подготовки этого дѣла. Въ серединѣ октября н. ст. мы получили письмо изъ Цюриха, въ которомъ онъ извѣщалъ, что будетъ въ Парижѣ черезъ пару дней, и просилъ никуда не уѣзжать. Въ Цюрихѣ, какъ потомъ оказалось изъ его словъ, онъ долженъ былъ съ кѣмъ-то видѣться, но съ кѣмъ, и видѣлся ли онъ вообще, онъ намъ не говорилъ. Быть можетъ, это былъ Азефъ, противъ котораго мы его такъ предупреждали передъ его отъѣздомъ въ Россію, какъ противъ человѣка грубаго, жестокаго и антиморальнаго. О провокаторской дѣятельности Азефа тогда еще не догадывались, но глубокая антипатія имѣлась къ нему всегда. Впослѣдствіи, одинъ революціонеръ, итальянецъ, который отчасти былъ посвященъ въ замыселъ Лебединцева, такъ какъ первоначально предполагалось, что онъ приметъ въ немъ нѣкоторое участіе, разсказывалъ, что онъ, Лебединцевъ, (кажется, за границей) сообщилъ свой планъ одному видному дѣятелю партіи с.-р., которымъ этотъ планъ былъ одобренъ. Не былъ-ли это Азефъ? И не объясняется ли умалчиваніе имени Азефа передъ нами со стороны Лебединцева не только конспиративными соображеніями, но и тѣмъ, что онъ зналъ наше рѣзко-отрицательное отношеніе къ личности Азефа? Во

всякомъ случаѣ, какъ впослѣдствіи выяснилось, Азефъ узналъ о предполагавшемся предпріятіи Лебединцева еще въ Италіи отъ одного революціонера, друга Лебединцева, еще до отъѣзда В. В. въ Россію.

Мы были страшно рады его видѣть. Былъ радъ и онъ. Пріѣхалъ онъ истощенный и измученный физически и нравственно, хотя веселый и бодрый, увлеченный предпріятіемъ, на которое возлагалъ большія надежды. Онъ горячо принялся за дѣло, такъ какъ надо было торопиться. *Онъ никогда не говорилъ конкретно о своемъ проектѣ*, но какъ-то въ разговорѣ высказалъ сожалѣніе, что объ этомъ знаетъ Ц. К., точно инстинктивно чувствуя, что здѣсь кроется гибель. Я очень удивилась этому замѣчанію и спросила, почему онъ объ этомъ жалѣетъ? Онъ отвѣтилъ, что не расположенъ сейчасъ подробно объ этомъ говорить, но что „тамъ болтаютъ". Я не стала больше настаивать, такъ какъ онъ былъ въ плохомъ настроеніи: въ этотъ день получилось извѣстіе, что въ Петербургѣ повѣсили Рагозинникову, которая принадлежала къ тому же Сѣверному Боевому Отряду, какъ и В. В.

В. В. отзывался о ней съ большимъ чувствомъ. Когда онъ прочелъ въ газетахъ подробности объ убійствѣ Максимовскаго, онъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: „бѣдная, бѣдная, какъ долго ей пришлось ждать!" Онъ разсказывалъ, какъ Рагозинникова пришла въ первый разъ на квартиру въ Финляндіи, гдѣ обыкновенно собирались боевики и гдѣ обыкновенно „царило мрачное настроеніе". Она влетѣла, какъ бомба, радостная, веселая; прыгала, скакала, какъ ребенокъ, и старалась развеселить товарищей. Она говорила, что берется исполнить какое угодно террористическое дѣло, которое ей будетъ поручено. В. В. вспоминалъ о томъ, какъ Рагозинникова разъ внезапно, въ то время, какъ онъ сидѣлъ на низенькой скамейкѣ, погруженный въ свою мрачную думу, она, вбѣжавши въ комнату, перепрыгнула черезъ его голову.

Послѣ своего отъѣзда изъ Парижа онъ въ своемъ письмѣ отъ 30 октября ст. ст. вспоминаетъ о Рагозинниковой въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Вчера утромъ прибылъ на мѣсто, а вечеромъ былъ уже со своими. Все полно памятью объ ушедшей недавно, — глубоко это чувствуется, хотя разговоровъ и нѣтъ. Реальный результатъ одинъ: еще глубже, кровнѣе стала спаянность".

О своихъ товарищахъ по работѣ онъ намъ мало говорилъ, но объ одномъ, о Карлѣ, онъ отзывался, какъ о выдающемся организаторѣ и человѣкѣ. Онъ его очень цѣнилъ и мечталъ, послѣ окончанія своего дѣла, предпринять вмѣстѣ съ Карломъ одно очень грандіозное дѣло.

Мы очень часто говорили объ организаціи спасанія товарищей въ боевыхъ дѣлахъ; на все это онъ отвѣчалъ: „денегъ нѣтъ!". Иногда, впрочемъ, онъ высказывалъ соображеніе, что организація

спасанія можетъ оказаться помѣхой къ успѣшному выполненію акта, отвлекая до нѣкоторой степени мысль отъ самаго акта въ сторону того, что должно быть сдѣлано послѣ его выполненія. Себя лично онъ считалъ обреченнымъ на смерть въ связи съ дѣломъ, которое онъ предпринималъ; развѣ будетъ только какая-нибудь счастливая случайность, и ему удастся спастись для того, чтобы предпринять новое дѣло. Объ этомъ онъ говорилъ совершенно спокойно, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, и часто потомъ возвращался къ этому въ своихъ письмахъ, дѣлая распоряженія на случай, когда его ужъ не будетъ. Вообще, всѣ его письма, послѣ вторичнаго его отъѣзда изъ Парижа, носили характеръ завѣщанія. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ писемъ: „Еще маленькая просьба. Вы получите одинъ адресъ для меня (по почтѣ) — очень нужный. Сохраните его и, если намъ придется еще встрѣтиться, передадите его мнѣ.“ „Если мѣсяцевъ черезъ шесть (такъ въ маѣ приблизительно) я совсѣмъ уйду изъ дѣла, къ Вамъ явится человѣкъ, приславшій адресъ (о которомъ сказалъ выше), это очень симпатичный и искренній юноша, прошедшій немного нашу школу и значительно болѣе серьезный, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Помогите ему быть полезнымъ.“

Когда иногда я ставила ему на видъ, что онъ, съ его способностями, талантами и иниціативой могъ-бы быть хорошимъ организаторомъ, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что лучше „самому умереть, чѣмъ другихъ посылать на смерть“. „Вообще“, говорилъ онъ, „въ этой жизни долго оставаться нельзя, и если мнѣ удастся уйти живымъ изъ дѣла, то я на время вовсе отстранюсь“.

Больше всего пугала его мысль погибнуть „при дѣлѣ неудачномъ“. Но онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія! И быть можетъ, еслибы не Азефъ, В. В. погибъ бы, но вмѣстѣ съ нимъ погибли бы многіе изъ тѣхъ, которые губятъ Россію...

Планъ его предпріятія былъ строго обдуманъ, детально разработанъ. Были приняты въ соображеніе всевозможныя случайности. Такъ напримѣръ, насколько мнѣ извѣстно со словъ В. В., это предпріятіе организовывалось нѣсколькими товарищами совершенно самостоятельно. На случай, если одного арестуютъ, то другой продолжаетъ ту же работу. Но одного не предвидѣли — Азефа.

* * *

Съ большимъ трудомъ и усиліями удалось ему организовать то дѣло, ради котораго онъ пріѣхалъ. Голова у него шла кругомъ. Тутъ еще нужно было обманывать бдительность его петербургской хозяйки, которой было извѣстно, что онъ уѣхалъ къ себѣ на родину, т. е. въ Италію; — чтобы она не безпокои-

лась его долгимъ отсутствіемъ, В. В. приходилось посылать ей письма черезъ Италію. Нужно было повидаться съ товарищемъ, содѣйствіе котораго было необходимо для дѣла, но живущимъ не во Франціи; приходилось писать въ Россію шифрованныя письма о ходѣ дѣлъ, а это отнимало много времени. Пришлось ему заниматься разными мелочами, имѣвшими отношеніе къ дѣлу, а главное нужно было *страшно торопиться*, чтобы не упустить момента. Наконецъ, всѣ дѣла были устроены, послѣднія покупки, необходимыя для „дѣла", были сдѣланы, но купить себѣ теплое пальто В. В. на-отрѣзъ отказался, говоря, что „зимою мнѣ никакое пальто, быть можетъ, ужъ не понадобится"... Насталъ моментъ прощанія... Онъ съ насъ взялъ обѣщаніе скрывать отъ его родныхъ, если бы съ нимъ что-нибудь случилось. Онъ спускался медленно по лѣстницѣ — точно желая еще что-то сказать, а намъ хотѣлось ему крикнуть, чтобы онъ вернулся, какъ-нибудь отсрочить его отъѣздъ, такъ-какъ мы инстинктивно чувствовали, что въ этотъ моментъ мы теряемъ близкаго друга и страшно дорогого намъ человѣка.

* * *

Съ этихъ поръ для В. В. начинается рядъ мытарствъ и нравственныхъ страданій, которыя преслѣдуютъ его до эшафота. Изъ его писемъ начинаетъ выясняться, что встрѣчаются какія-то препятствія, повидимому, со стороны Ц. К., къ исполненію задуманнаго имъ дѣла. Такъ, 30 октября 1907 г. (ст. с.) онъ пишетъ: „Съ моимъ дѣломъ пока все идетъ хорошо. Оно немного затянется, на недѣлю, дней на десять". 4-го ноября онъ пишетъ, однако, уже совершенно другое: „Встрѣтились менѣе всего ожиданныя тренія со стороны „теоретической". Глупо и безсмысленно это. Но въ концѣ концовъ, если тренія эти окажутся непреодолимыми... мы просто на нихъ махнемъ рукой. (въ текстѣ письма стоитъ болѣе рѣзкое выраженіе). Выходъ простой, логическій и по существу для меня съ товарищами весьма симпатичный".

Все это его огорчаетъ и мучаетъ. Вскорѣ послѣ этого послѣдовалъ арестъ Карла, и В. В. фактически становится во главѣ Сѣвернаго Боевого Отряда, какъ это видно изъ одного письма В. В. (отъ 27-го декабря 1907 г.) къ своему другу-итальянцу, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Все остается по прежнему, только положеніе стало болѣе отвѣтственнымъ". Въ письмѣ отъ 3-го декабря В. В. пишетъ тому-же другу: „мои проекты осложняются. Дѣло откладывается, но это никоимъ образомъ не можетъ повліять на результатъ его". И далѣе: „Есть въ этомъ одно зло, которое касается лично меня: ***я не могу въ немъ принимать участія***, это окончательно рѣшено". „Я занимаюсь только моимъ ремесломъ корреспондента"... „Я хорошо понимаю, что очень скоро пойдетъ такъ, какъ я этого хочу. Черезъ

2—3 мѣсяца я снова поѣду за границу, чтобы осуществить мои новые проекты“.

Къ этому времени, очевидно, относится возникновеніе плана покушенія на Щегловитова и Вел. кн. Ник. Ник., — планъ, которому В. В., повидмому, не сочувствовалъ, какъ это будетъ видно изъ его послѣдующихъ писемъ, но отъ котораго предотвратить въ данный моментъ товарищей ему, къ несчастью, не удалось... Во всякомъ случаѣ В. В. *не долженъ* былъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что онъ пишетъ своему другу по этому поводу: „Все идетъ хорошо для другого дѣла, но хуже для меня. На будущей недѣлѣ это будетъ сдѣлано, но я не смогу принимать въ немъ участія; я буду продолжать мою жизнь корреспондента“.

Да, Всеволодъ Лебединцевъ не могъ принимать участія въ дѣлѣ, въ успѣхѣ котораго онъ, очевидно, сомнѣвался, которое онъ, быть можетъ, считалъ мелочнымъ и относительно котораго у него не было этой вѣры, одушевлявшей „молодыхъ людей“, которыхъ онъ такъ любилъ и гибель которыхъ онъ тщетно старался предотвратить всѣми средствами. Кто знаетъ, не чувствовалъ ли также онъ *въ этомъ дѣлѣ* близкое дыханіе провокаціи?

Время отъ времени мы получали вѣсточки, что В. В. живъ и здоровъ, но это насъ мало успокаивало. Намъ казалось, что долго ему жить подъ его итальянскимъ паспортомъ крайне опасно, что, впрочемъ, и В. В. самъ признавалъ передъ отъѣздомъ, но при этомъ онъ насъ и себя успокаивалъ тѣмъ, что дѣло его осуществится очень скоро, быть можетъ, черезъ 10—20 дней, а потомъ этотъ паспортъ, конечно, болѣе не понадобится.

Но вотъ неожиданно для всѣхъ въ Финляндіи арестуютъ Карла и другихъ товарищей. Этотъ арестъ, какъ громомъ поразилъ насъ, и передъ нами сталъ роковой вопросъ о провокаціи. Далѣе пошли слухи объ оговорахъ Масокина. Дошли свѣдѣнія также о взятыхъ при арестѣ Карла документахъ, изъ которыхъ наиболѣе важные, впрочемъ, были обратно взяты революціонерами. Далѣе, въ газетахъ сообщалось о финляндскомъ запросѣ, внесенномъ въ Государственной Думѣ черносотенными депутатами, гдѣ упоминалось о какомъ-то организованномъ въ Финляндіи покушеніи въ Государственномъ Совѣтѣ, — запросѣ, обсужденіе котораго страннымъ образомъ каждый разъ откладывалось. Далѣе, въ газетахъ появились сообщенія о строгихъ мѣрахъ контроля, принятыхъ послѣ открытія новой сессіи Гос. Совѣта, о провѣркѣ фотографическихъ карточекъ корреспондентовъ, о томъ, что у корреспондентовъ отнимаютъ портфели при входѣ въ залу засѣданій Гос. Совѣта. Мысль о существованіи серьезной провокаціи выдвигалась все съ большей и большей силой. То обстоятельство, что В. В. продолжаетъ оставаться въ прежнемъ положеніи, намъ казалось безуміемъ, и мы съ декабря мѣсяца 1907 г. стали въ письмахъ уговаривать его прі-

ѣхать на-время за-границу переговорить. Но В. В. первое время категорически отказывался уѣзжать изъ Россіи.

Настроеніе его въ то же время было крайне мрачное. Такъ, въ своемъ письмѣ отъ 7-го декабря (ст. ст.) онъ пишетъ: „Плохи дѣла наши. Былъ моментъ даже, когда все было близко отъ полнаго распада. Избѣгнуть этого удалось, и теперь, поскрипывая, ѣдемъ дальше. Это все таки не значитъ, что планы мои перестали быть выполнимыми. Они отодвинулись на пару мѣсяцевъ, и это обстоятельство дѣлаетъ ихъ лишь болѣе шаткими. Хочу вѣрить, что достигнуть удастся, и все пойдетъ хорошо. А что въ результатѣ получится? — На практикѣ — ничего, но это въ моихъ глазахъ цѣнности ничуть не умаляетъ. Одно будетъ, противъ этого спорить нельзя: въ пошлую гармонію (въ гармонію пошлости) ворвется рѣзкій диссонансъ. Въ этомъ я вижу *всю* цѣнность, смыслъ и оправданіе всего существующаго. Это то, что примиряетъ меня съ днями въ общемъ сѣрыми и холодными, иногда черными“.

Безпокойство наше за В. В. все болѣе и болѣе усиливалось. Мы стали его забрасывать письмами и все болѣе и болѣе настойчиво убѣждали его, послѣ ареста Карла и другихъ непонятныхъ арестовъ, чтобы онъ хоть на нѣсколько дней пріѣхалъ за границу для выясненія создавшагося положенія. Онъ отказывался и сердился даже за самое предложеніе. Такъ, 29 декабря (ст. ст.) 1907 г. пишетъ (по французски) слѣдующее, гдѣ сказывается все та же его замѣчательная скромность: „Вы говорите, что мнѣ было бы недурно отдохнуть немного въ Парижѣ *у своихъ* (слово очень удачное)... Это было бы прекрасно!... Но отъ чего я долженъ отдыхать, скажите, пожалуйста? До сихъ поръ я ничего не сдѣлалъ, или почти ничего... Возможно, что вина не моя, но это не мѣняетъ дѣла. Во всякомъ случаѣ ... j'y suis et j'y reste и, вѣроятно, не на долго. Мое предпріятіе находится все въ томъ же положеніи, немного только упрощено; и я такъ увѣренъ въ немъ, какъ только можно быть увѣреннымъ. Все пойдетъ хорошо! Я буду во главѣ, а въ себѣ я увѣренъ — это все, что мнѣ остается. Это меня утѣшаетъ и даетъ мнѣ мужество вести еще 3—4 недѣли жизнь пустую и отупляющую, въ которой я задыхаюсь.

„А послѣ?... Et bien, zut alors! выпутаемся какъ-нибудь... надо надѣяться... А Вы, что Вы объ этомъ думаете?“

Мы думали объ этомъ совершенно другое. Хотя письма его насъ немного успокаивали, но ничто не могло поколебать предположенія о возможности провокаціи, и я продолжала писать ему въ томъ же духѣ, а В. В. съ своей стороны продолжалъ настаивать на невозможности своей поѣздки, хотя въ его письмахъ начинала чувствоваться уже нотка уступчивости.

Въ началѣ января 1908 г. онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Я поистинѣ въ отчаяніи, но я не могу ничего другаго сдѣлать, какъ повторить: мой отъѣздъ отсюда невозможенъ. Если бы, вслѣдствіе моего отсутствія, мой проектъ рушился, то я никогда не простилъ бы себѣ этого“. И далѣе: „Одно только могло бы позволить мнѣ на короткое время оставить ближайшія дѣла — это какое-нибудь новое предпріятіе, болѣе грандіозное и болѣе необходимое, чѣмъ мое; и еще при томъ условіи, если бы не было возможности пустить это дѣло въ ходъ безъ моего содѣйствія — тогда, конечно, я долженъ былъ-бы это сдѣлать, и я бы это сдѣлалъ“. „Во всякомъ случаѣ я не могъ бы оставить Петербургъ больше, чѣмъ дней на двадцать“. Дальше онъ извиняется за тонъ письма, говоря, что онъ очень усталъ.

Въ своемъ предыдущемъ письмѣ отъ 1 января 1908 г., гдѣ онъ подробно говоритъ о своей петербургской жизни, онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Вы не должны разсчитывать на мой пріѣздъ въ Парижъ — *это абсолютно невозможно.* Во-первыхъ, нѣтъ времени, во-вторыхъ, я не могу быть доволенъ *почти* ничего не дѣланіемъ“. „Я уже не говорю о деньгахъ, — ихъ понадобится не мало“. В. В. зналъ, что о деньгахъ ему безпокоиться нечего, такъ какъ мы съ самаго начала предлагали выслать ему по телеграфу деньги для поѣздки за-границу, куда я умоляла его *пріѣхать хоть на одинъ день.*

Въ это время В. В. пишетъ часто и возвращается въ каждомъ письмѣ къ вопросу объ его отъѣздѣ изъ Петербурга, такъ какъ этотъ вопросъ мы не оставляли и хотѣли вырвать его изъ рукъ палача. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ: „что касается моей „усталости“, то Вы, пожалуйста, мнѣ объ этомъ не говорите. Впрочемъ, мнѣ остается очень мало времени, чтобы думать объ этомъ“...

23-го января того же года, въ отвѣтъ на мое письмо, гдѣ рѣчь шла о необходимости его отъѣзда изъ Петербурга и указывалось на ту опасность, которая ему грозитъ, В. В. пишетъ:

„Ваше дорогое письмо застало меня въ состояніи почти отчаянія. Я не нахожу необходимой поддержки, а безъ этого абсолютно невозможно дѣйствовать. Правда, обстоятельства мало благопріятствуютъ, *но совсѣмъ не это мѣшаетъ дѣлу*“. „Я долженъ заниматься мелочами. Дѣлать нечего! Я не могу *и не хочу* предоставить самимъ себѣ тѣхъ, которые неразлучно связаны со мной. Я не хочу оставить ихъ дѣйствовать однихъ. Пусть это безсмысленно, я готовъ это признать, но я предпочитаю дѣйствовать безсмысленно, но быть вмѣстѣ съ ними. Кромѣ этого, *для моей большой работы надо будетъ еще 300—400 рублей*! — безъ этого ничего нельзя сдѣлать“. И тутъ же слѣдующая

приписка карандашемъ: „до скораго свиданія. Въ среду мой отъѣздъ будетъ рѣшенъ“.

Впослѣдствіи мы узнали, что въ письмахъ къ одному своему другу итальянцу, посланныхъ приблизительно въ тѣ же дни, В. В. извѣщалъ также о предстоящемъ на-дняхъ своемъ отъѣздѣ за-границу. 26-го января 1908 г. (ст. ст.) В. В. ему пишетъ:

„Я чувствую себя плохо, я не нахожу никакой поддержки для моего предпріятія. Я не знаю, какъ все это окончится, но я найду выходъ и найду его скоро“. „Кажется, что завтра я ѣду въ Парижъ“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ тому же другу, В. В., между прочимъ, говоритъ:

„Невозможно работать съ этими людьми. Я уѣду“... а въ письмѣ отъ 15-го февраля 1908 (н. ст.) читаемъ: „Теперь это долгое ожиданіе мнѣ надоѣло. *Я больше не веселюсь. Я долженъ уѣхать, чтобы спасти то, что можно спасти. Я не нахожу здѣсь поддержки и я буду искать ее въ другомъ мѣстѣ.* Единственная прекрасная вещь — это молодые люди, которые здѣсь... Я ихъ очень, очень люблю. Я завидую ихъ вѣрѣ, которой мнѣ окончательно не хватаетъ и которой не хватало мнѣ всегда. Я, быть можетъ, этимъ горжусь, такъ какъ вѣра — это вещь, которая унижаетъ. Изъ Берлина тебѣ напишу. Въ Петербургъ болѣе мнѣ не пиши“. Въ одномъ письмѣ безъ даты (можно думать, отъ 5-го февраля ст. ст.), В. В. говоритъ своему другу: „Я выѣду въ пятницу“. Наконецъ, послѣднее письмо В. В. къ тому же другу было имъ написано въ среду 6-го февраля (ст. ст.) 1908 г. Вотъ что онъ говоритъ въ этомъ письмѣ:

„Мой отъѣздъ все оттягивается. Я думалъ, что сегодня утромъ я смогу окончательно назначить день. Теперь оказывается, что мнѣ нужно ждать до завтра. Это завтра будетъ ли оно послѣднимъ? Кто знаетъ? Быть можетъ, еще будетъ много такихъ завтра. Наконецъ, я больше не могу! Право, это не слабость съ моей стороны, но мнѣ необходимо хоть немножечко вздохнуть“... „О, какъ я ненавижу эту расу нормальныхъ людей!“

Въ это же время мы получили письмо отъ В. В., въ которомъ онъ окончательно назначаетъ день своего отъѣзда: „Мнѣ, писалъ онъ, удалось заработать рублей сто на маленькой литературной работѣ (онъ еще съ однимъ лицомъ перевелъ итальянскую книжку). Изъ этихъ денегъ мнѣ остается еще немного — это мнѣ еле-еле дастъ возможность добраться до Парижа. Несмотря на это, я думаю туда поѣхать въ надеждѣ, что Вы поможете мнѣ вернуться обратно черезъ недѣлю. Мнѣ очень трудно и тяжело рѣшиться на этотъ отъѣздъ, но я это дѣлаю, такъ какъ *это единственное средство спасти* то, что *должно* быть спасено. Если я выѣду въ среду — мы увидимся

дней черезъ десять“. Письмо это помѣчено 2 февраля 1908 г. (ст. ст.).

Наконецъ мы вздохнули свободно. Мы его скоро увидимъ! Намъ удалось, думалось, уговорить его пріѣхать, мы убѣдимъ его остаться на время за-границей. Наконецъ, онъ будетъ спасенъ!...

И въ то время, какъ мы его ждали съ такимъ нетерпѣніемъ и увѣренностью, телеграфъ принесъ роковое извѣстіе объ арестѣ въ Петербургѣ Маріо Кальвино съ бомбой въ рукахъ... Азефъ сдѣлалъ свое дѣло!

Что толкнуло В. В. на эшафотъ, когда онъ долженъ былъ уѣхать? — это остается роковой тайной до сихъ поръ.

* * *

Послѣднее письмо, написанное В. В. изъ тюрьмы въ Римъ близкому ему итальянскому семейству, заключаетъ въ себѣ только нѣсколько слѣдующихъ словъ: „Saluti del altrove. Lodo“.

М. Семенова.

Амурская колесная дорога.

Въ составъ русской каторги въ Сибири входятъ слѣдующія отдѣльныя тюрьмы: Александровскій централъ (въ Иркутской губ.), Тобольская каторжная тюрьма № 1 и каторжная тюрьма № 2 (въ Тобольскѣ)

Помимо этого существуетъ каторжный округъ — Нерчинскій (въ Забайк. обл.) съ слѣдующими тюрьмами: Акатуй, Горный-Зерентуй, Алгачи, Катая, Кутомара, Александровскій заводъ, Мальцевская женская тюрьма и множество золотыхъ пріисковъ, гдѣ исключительно работаютъ уголовные. Мальцевская — спеціально женская тюрьма для каторжанокъ уголовныхъ и политическихъ. Въ этой тюрьмѣ въ данное время 38 политическихъ каторжанокъ, между ними М. Спиридонова, Измайловичъ, Езерская, Биценко и т. д.

Выше названныя тюрьмы служатъ лишь мѣстомъ заключенія для каторжанъ, въ то время какъ на Амурской колесной дорогѣ существуютъ тяжелыя принудительныя работы.

Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ условія жизни прямо невозможныя. Страшная тѣснота. Камеры биткомъ набиты. Гдѣ должно быть 30 — помѣщается 60—65 человѣкъ. Отвратительная пища. Вѣчное недоѣданіе и, какъ слѣдствія всего этого — поголовное малокровіе, цынга, чахотка. Постоянныя издѣвательства, частыя избіенія и ко всему еще угрозы тѣлеснаго наказанія и часто приведеніе угрозъ въ исполненіе (въ Тобольской каторжной тюрьмѣ въ 1908 г. подвергнуто тѣлесному наказанію 12 человѣкъ).

Но колесная дорога превосходитъ все, — тамъ люди окончательно узнаютъ, что такое русская каторга.

* * *

На амурскую колесную дорогу отправляютъ только изъ александровскаго централа, обыкновенно съ апрѣля до сентября.

Партія составляется въ количествѣ 100—120 человѣкъ. Путь слѣдующій: сперва до Иркутска 75 верстъ пѣшкомъ, потомъ по желѣзной дорогѣ до Срѣтенска, а оттуда по Амуру до мѣста назначенія.

Такъ кажется, что пройти 75 верстъ пѣшкомъ не особенно трудно, но, если принять во вниманіе, что эти 75 верстъ надо прошагать въ тѣсныхъ и тяжелыхъ кандалахъ, и что люди совершенно измучены долгимъ пребываніемъ въ душныхъ и тѣсныхъ камерахъ и полуголодной жизнью, — станетъ вполнѣ понятнымъ, что этотъ 75-ти верстный переходъ является для партіи тяжелымъ испытаніемъ. Да еще къ тому приходится шагать въ жару, когда люди буквально задыхаются отъ пыли и измучены жаждой.

Конвойные — звѣри. Приказываютъ итти рядами, а малѣйшее нарушеніе рядовъ влечетъ за собой избіеніе прикладами. Конвой нерѣдко грозитъ разстрѣломъ, когда партія заступается за кого-либо изъ избиваемыхъ. Дѣлаютъ въ часъ 4—4½ вер., но часто конвой заставляетъ итти быстрѣе. Напираетъ на заднихъ, задніе на переднихъ — и люди летятъ во всю. На 18-ой верстѣ получасовой отдыхъ — привалъ. Потомъ снова въ путь. Падаетъ кто-либо отъ усталости — ударъ прикладомъ. На ночь отдыхъ въ этапкѣ. Небольшое зданіе на краю деревни. Размѣщаются кое-какъ. Въ 7 часовъ повѣрка — и спать. Будятъ въ 4 часа утра. У всѣхъ нестерпимо ноютъ ноги. Отъ неуклюжей казенной обуви пузыри на подошвахъ. Ноги болятъ, разбитъ цѣликомъ отъ усталости, но надо вставать.

Снова обматываешь ноги портянками, одѣваешь подкандальники. Повѣрка. Опять команда: „стройся!“ и по прежнему веретовые столбы, поля, лѣсъ и непрерывный лязгъ кандаловъ. Такъ до Иркутска. Отъ Иркутска по желѣзной дорогѣ до Стрѣтенска. Въ Стрѣтенскѣ каждую партію встрѣчаетъ мѣстный начальникъ конвоя — знаменитый Лебедевъ.

Имя Лебедева для каторжанъ — синонимъ жестокости, звѣрства и наглости. Для этого человѣка сущій пустякъ наказать розгами 3—4 человѣкъ. Каждая партія встрѣчается окрикомъ:

— Шапки долой! Смирно!

Лебедевъ обходитъ ряды и горе тому, кто не такъ быстро снялъ шапку. Послѣ этого Лебедевъ обращается къ партіи съ рѣчью. Любитъ поговорить. Первымъ долгомъ совѣтуетъ сознаться, у кого распилены кандалы.

Каторжане молчатъ. Лебедевъ выкрикиваетъ:

— Тотъ конвоиръ, который найдетъ распиленные кандалы, получитъ 25 коп., а у кого найдутъ — 25 съ того конца! И у Лебедева слово и дѣло идутъ рука объ руку.

Послѣ обыска ведутъ къ пристани. Начинается посадка въ трюмъ баржи. Баржа небольшая, палуба огорожена сплошной рѣшеткой и похожа на огромную клѣтку. Люкъ открытъ. И одинъ за другимъ спускаются въ трюмъ арестанты. Трюмъ не великъ и страшно тѣсенъ. Потолокъ низкій. Маленькія, крошечныя окна. Трюмъ биткомъ набитъ. Лежатъ на нарахъ, лежатъ подъ нарами, въ проходахъ. Духота невыносимая, вонь. Крошечный пароходикъ медленно тянетъ на буксирѣ тяжелую баржу.

Лежа на нарахъ, слышишь плескъ воды. Заглянешь въ окно — бѣгутъ берега. Три раза въ день повѣрка. Утромъ и подъ-вечеръ выпускаютъ на палубу. Клѣтка заполняется людьми. Тепло, ярко. Огромный, широкій Амуръ. Съ одной стороны русскій берегъ — низкій, покрытый кустарникомъ, съ другой стороны китайскій — гористый.

— Кончай прогулку!

Опять трюмъ, духота, шумъ, ругань. Лежишь полуголодный. До большой пристани еще далеко, а хлѣба уже нѣтъ.

Давитъ низкій потолокъ, тѣсно.

А день тянется долго, мучительно долго.

Вотъ проѣхали Благовѣщенскъ. Еще два дня — и кончено „морское“ путешествіе.

Наконецъ, показывается Пашковская казачья станица.

Тутъ партія слѣзаетъ.

Выходятъ изъ трюма на палубу съ мѣшками на плечахъ. У всѣхъ блѣдныя, измученныя лица. Сходятъ съ палубы на берегъ. Опять пріемка, обыскъ.

Темнѣетъ. Партія остается ночевать на берегу подъ открытымъ небомъ. Разставлены часовые.

Предупреждаютъ:

— Не подниматься, лежать смирно, не раговаривать!

И лежатъ 120 человѣкъ, укрывшись халатами, неподвижные, стараясь тихо говорить другъ съ другомъ.

Упала одна капля, другая. Дождь. И струйки воды забираются подъ халатъ, подъ изголовье.

Плещется Амуръ. Небо покрыто звѣздами.

Ночь. Партія спитъ.

Часовые стоятъ по сторонамъ. Около нихъ разложены костры.

Изрѣдка кто-либо изъ каторжанъ приподнимаетъ голову. Раздается:

— Господинъ часовой! Позвольте выйти.

— Иди! — грубо несется въ отвѣтъ.

Вышелъ, пришелъ.

— Попало? — спрашиваетъ сосѣдъ.

— Нѣтъ! — радостно звучитъ въ отвѣтъ.

Съ первой же минуты партія чувствуетъ, что значитъ Амурская колесная дорога, когда на ней такой конвой.

Партія недоумѣваетъ: звѣри это или люди?

20 верстъ до мѣста работъ. Кандалы снимаютъ. Велятъ шагать. Партія стоитъ въ недоумѣніи.

У каждаго арестанта мѣшокъ на плечахъ, вѣсомъ до пуда: тутъ и казенное бѣлье, и полушубокъ, и халатъ, и запасная обувь, и свое бѣлье (обыкновенно по всѣмъ пѣшимъ трактамъ для этихъ мѣшковъ полагаются подводы). А подводъ нѣтъ. Партія возмущается.

— Нѣтъ подводъ. Мы не пойдемъ!

Конвойные хохочутъ.

— Пойдете. И до васъ шли безъ подводъ.

Никто не трогается. Мигъ — и конвой налетаетъ.

Бьютъ. Крики, стоны. Падаетъ одинъ, за нимъ другой.

Вотъ падаетъ политическій Р—ръ. Вотъ другого, С—каго, конвойный валитъ на землю ударомъ приклада.

Часть конвойныхъ демонстративно взводитъ курки.

Мелькаютъ приклады. Разъ, другой. Задніе дрогнули. Напираютъ на переднихъ. Конвой захлебывается отъ радости.

И партія обращается въ стадо. Бѣгутъ изо всѣхъ силъ.

Сзади конвойные. И они бѣгутъ, на ходу толкая прикладами.

Падаетъ кто-либо — его поднимаютъ прикладами.

Охваченные страхомъ, люди забываютъ о тѣхъ, кто упалъ на ихъ глазахъ — и все бѣгутъ и бѣгутъ, задыхаясь, падая и снова поднимаясь, съ тяжелыми мѣшками на плечахъ, выбрасывая на ходу все то, что не казенное: подушку, свое бѣлье, сапоги и т. д.

Бѣгутъ вплоть до палатокъ.

Палатки!

Партія останавливается, тяжело дыша, обливаясь потомъ.

И это повторяется *съ каждой партіей.*

* * *

Амурская колесная дорога строится уже болѣе 15-ти лѣтъ. Это прокладываютъ шоссе отъ Благовѣщенска до Хабаровска. Отъ Благовѣщенска до Хабаровска 960—980 верстъ. Работаютъ на ней *исключительно* каторжане.

Съ 1905 г. стали посылать и политическихъ.

Существуютъ три команды: Пашковская, Суггарская и Рачихинская. Въ каждой командѣ около 400 каторжанъ, 80—85 конвойныхъ, съ десятокъ надзирателей, начальникъ конвоя, начальникъ — смотритель команды.

Каторжане и конвой помѣщаются въ палаткахъ.

Мѣсто, занимаемое каждой командой, называютъ лагеремъ. Въ этихъ палаткахъ живутъ съ марта до ноября мѣсяца. Въ ноябрѣ перебираются въ землянки.

Тутъ я буду говорить о Пашковской командѣ, но долженъ замѣтить, что въ остальныхъ двухъ командахъ тѣ же условія жизни и работы, развѣ съ небольшими измѣненіями.

Дорога проходитъ большей частью тайгой, порой черезъ болота, а иногда по совершенно ровной мѣстности, далеко отъ населенныхъ мѣстъ.

На окружности 200—150 верстъ ни одной деревушки. Люди отрѣзаны отъ живого міра. Тайга, болота, сопки и только 80 озвѣрѣвшихъ конвойныхъ.

Лагерь.

Рядъ палатокъ для каторжанъ. Вокругъ часовые.

Напротивъ тоже палатки. Тамъ конвойные, надзирателя. Палатки дырявыя. Въ дождь такъ и хлещетъ во внутрь. Наръ нѣтъ. Устроено подобіе наръ изъ тоненькихъ, круглыхъ березъ. Нѣтъ подстилокъ, только тонкое одѣяло и халатъ. О подушкахъ нѣтъ и рѣчи. Въ концѣ августа въ этихъ палаткахъ мерзнешь. Въ октябрѣ ставятъ желѣзныя печки. Но могутъ ли онѣ помочь, когда палатки дырявыя?

Климатъ скверный — постоянные дожди, частые туманы. Закрываешься халатомъ, но не помогаетъ; просыпаешься весь мокрый. Въ палаткахъ водятся змѣи. Часто пробираютя подъ рубаху и грѣются. Былъ одинъ случай укушенія, но не опасный, и публика привыкла.

Общій видъ каторжанъ воистину ужасенъ.

Всѣ оборваны, грязны, измучены. Нѣтъ человѣческаго облика.

Почти всѣ ходятъ босикомъ. Бани нѣтъ. Бѣлье выдается 1 разъ въ 4 мѣсяца, а вѣдь каждый день работаешь въ грязи и не мудрено, что по цѣлымъ недѣлямъ ходишь въ одной и той же рубахѣ. Насѣкомыхъ — бездна.

Выдача обуви полагается 4 раза въ году, но выдаютъ 2 раза. Обувь скверная и вдобавокъ такъ быстро рвется и портится отъ воды. Ну, и щегляешь босикомъ.

У многихъ ноги покрыты ранами, обвязаны грязными тряпками, приходится голой ногой сажать лопату въ землю; пробираясь по кочкамъ — обдираешь кожу, калѣчишь пальцы.

У всѣхъ ноги больныя. И не мудрено. Постоянно приходится работать по колѣно въ водѣ. Послѣ трехъ-четырехъ недѣль такой работы ревматизмъ готовъ.

Приведу одну характерную сценку, которая часто повторяется на колесной дорогѣ.

Палатка фельдшера. Пріемъ больныхъ. Идетъ арестантъ, хромая. Нога обвязана, виднѣется кровь.

Фельдшеръ осматривавтъ ногу и оретъ:

— Я тебѣ двадцатый разъ говорю: не ходи босикомъ!

Перемываетъ рану, кладетъ повязку.

Глядишь — и этотъ арестантъ утромъ шагаетъ на работу... босикомъ.

И такъ постоянно. Доктора нѣтъ — два фельдшера. Одинъ изъ нихъ довольно порядочный человѣкъ, но вѣчно пьянъ. Другой — бывшій казакъ. За дезертирство его присудили къ 4-хъ годичному заключенію въ крѣпости. Подалъ прошеніе на высочайшее имя, и 4 года крѣпости отмѣнили съ обязательствомъ прослужить фельдшеромъ 5 лѣтъ на колесной дорогѣ. Негодяй, какихъ мало!

Съ арестантами обращается грубо. Дошло до того, что многіе больные перестали ходить на пріемку.

Въ пріемной у него всего одна бутылка съ іодомъ, и одной и той же кисточкой онъ смазываетъ сифилитическія язвы и простые нарывы. Однажды, во время работы, отъ солнечнаго удара умеръ одинъ уголовный каторжникъ. Казакъ-фельдшеръ рѣшилъ, что арестантъ притворяется. И только тогда, когда онъ его всего искололъ иголками, онъ убѣдился, что арестантъ дѣйствительно умеръ.

Помимо пріемной палатки существуетъ еще такъ называемая больничка. Въ ней всего 12 мѣстъ. Берутъ туда только тѣхъ, кто наканунѣ смерти, и огромное количество больныхъ остается въ палаткахъ.

Пищи по количеству довольно много: фунтъ мяса въ день, четыре съ половиною фунта хлѣба и каша (вечеромъ). Но мясо не свѣжее: забайкальская солонина, хлѣбъ изъ скверной, мокроватой муки.

Деньги отъ родныхъ, знакомыхъ выдаются частями, а иногда совершенно не доходятъ до того, кому онѣ посланы. Такъ же и письма и посылки.

Денегъ нѣтъ ни у кого. Не на что купить сахару, пьютъ кирпичный чай съ солью. Нѣтъ махорки. Высушиваютъ листья — и курятъ.

Заработная плата слѣдующая: за рабочій день полагается 12 к., между тѣмъ за май, іюнь, іюль, августъ мѣсяцы 1907 г. арестанты получили по... 48 коп. на человѣка. Когда обратились къ начальнику Кнохту, жалуясь, что такъ мало выдаютъ денегъ, что нѣтъ сахару, онъ отвѣтилъ:

— Къ чему онъ вамъ? Я самъ пью безъ сахару.

Этотъ Кнохтъ былъ когда-то начальникомъ тюрьмы на Сахалинѣ, потомъ одно время начальникомъ Тобольской каторжной тюрьмы. И тамъ онъ проводилъ свою тактику: „дави во всю".

Не удается переписываться. Люди лишены этого единственнаго удовольствія, которое хоть немного скрашиваетъ жизнь на каторгѣ.

Нѣтъ бумаги, марокъ, да и времени нѣтъ. Съ утра до вечера на работѣ и приходишь съ работы съ однимъ только желаніемъ: скорѣе бы заснуть.

Теперь я перехожу къ работѣ.

Будятъ въ 4 ч. утра. Выходятъ на раскомандировку. Работаютъ по десяткамъ. Десять каторжанъ и одинъ конвоиръ. Десятки рабо-

таютъ другъ около друга. Въ первый день отъ новаго лагеря идутъ до мѣста работъ три версты, потомъ съ каждымъ днемъ все больше и больше, пока не доходятъ до 15-ти верстъ. Это значитъ: 15 верстъ туда, работа, и 15 верстъ обратно. Съ работы возвращаются, когда уже солнце зашло.

Урокъ невыносимо тяжелый. Рѣдко удается десятку докончить его, но администрація довольствуется и этимъ, понимая, что, задавая такой огромный урокъ, она всегда останется въ выигрышѣ. Тѣмъ болѣе, что десятокъ часто наказываютъ.

Качество почвы не принимается въ разсчетъ.

Вотъ одинъ урокъ на десятокъ: вырыть канаву въ 120 аршинъ длины, въ полтора аршина ширины и три четверти глубины, и свезти землю. Другой урокъ: накопать и свезти 18 вагонетокъ земли на разстояніи трехъ четвертей версты.

Другой: на протяженіи 120 арш. длины и 2 арш. ширины вырѣзать правильные четырехугольные куски дерна (каждый кусокъ глубиною въ двѣ пятыхъ арш.) и обложить ими дорогу. Существуетъ еще родъ работы,— корчевка: вырубить десять деревьевъ, распилить и землю совершенно очистить отъ корней. Самые сильные падаютъ отъ усталости. Работаешь всегда по колѣно въ водѣ, вдобавокъ еще водится мошкара. Въ 2-3 дня лицо покрывается волдырями. Сѣтокъ не выдаютъ.

Дождь-ли, жара-ли, — все равно: работа продолжается. На одномъ участкѣ работали въ 40 градусовъ жары. Воды по близости не было. Съ пятью случился солнечный ударъ. Одинъ изъ нихъ умеръ. Это тотъ, котораго фельдшеръ исколол иголками.

Однажды нѣсколько дней подъ рядъ шелъ сильный дождь. Размыло небольшую рѣчку. И дорогу на двѣ версты совершенно залило водой. И этотъ, залитый водою, участокъ земли приходилось въ теченіе двухъ недѣль переходить въ бродъ.

Раздавалась команда: „Раздѣвайся!"

Скидывали рубахи, штаны, лопаты перебрасывали на плечи и переходили.

— Одѣвайся!

Одѣвались и становились на работу, промокшіе, продрогшіе. И такъ въ теченіе двухъ недѣль!

Въ наказаніе нѣкоторые работаютъ въ кандалахъ, но такъ возможно только поработать 2-3 дня.

Тачки сломанныя. Когда обратились къ старшему надзирателю Гвоздеву — онъ отвѣтилъ:

— На то и каторга, чтобы тачки были сломанныя, — съ цѣлыми не мудрено!

Работаютъ и по воскресеньямъ, хотя по уставу не полагается. Но, что значитъ слово „полагается" для г. Кнохта? И гонятъ въ воскресенье. За то на повѣркѣ приказываютъ пѣть „Спаси, Господи!".

Послѣ повѣрки загоняютъ въ палатки. Говорить запрещено, — поднимается разговоръ — залетаетъ надзиратель съ 2-мя конвойными — и порядокъ возстановленъ.

Больнымъ замѣняютъ земляныя работыболѣе легкими. Такъ, напр., въ теченіе одного дня, пять разъ сходить въ лѣсъ (370-400 саж.) и каждый разъ притащить по дереву. Размѣръ дерева по усмотрѣнію конвойнаго. Конвойный выбираетъ такія деревья, что по дорогѣ разъ шесть падаешь отъ усталости.

Потомъ распилить и нарубить дрова. Это до обѣда. Послѣ обѣда

каждый обязанъ наполнить 40 ведерную бочку водой. Дается 2 ведра, коромысла нѣтъ. Проволочная ручка рѣжетъ руку. Вода далеко; идя, приходится скакать съ кочки на кочку. Вотъ наполнилъ, идешь. Не попалъ на кочку — ведра опрокинулись, иди обратно. Бочка, наконецъ, наполнена. Дается мѣшокъ и лопата. Обязанъ накопать 2 мѣшка песку и принести въ надзирательскія палатки. И такъ каждый день. Это работа „болѣе легкая" для больныхъ, страдающихъ порокомъ сердца, чахоткой и т. д. И такъ съ утра до вечера. Ложишься разбитымъ, встаешь разбитымъ. И такъ безъ конца. Раскомандировка, работа, повѣрка, пѣніе молитвъ — и спать. Въ 4 часа утра встаешь — и снова за прежнее. Ни отдыха, ни сна.

Это Амурская колесная дорога.

Не даромъ старшій надзиратель Гвоздевъ однажды заявилъ:

— Намъ не дороги нужны, а ваша кровь.

Арестанты это давно знаютъ. Дорога совершенно не нужна, проходитъ по мѣстамъ не населеннымъ, но къ ней, какъ ко всякому казенному дѣлу присосалась тьма паразитовъ — разные строители, подстроители, техники и т. д., благо трудъ дешевый — каторжный, да и красть можно сколько душѣ угодно. И строится эта дорога уже 15 лѣтъ и еще пусть 15 лѣтъ строится, а не кончатъ. Третья Госуд. Дума ассигновала 500.000 рублей на дальнѣйшую постройку Амурской колесной дороги, узнавъ отъ депутата Амурской области Чиликина, что „дорога намъ не нужна".

Какъ я говорилъ уже, лагерь перемѣщается каждыя 20 верстъ. Это бываетъ, приблизительно, раза два въ три мѣсяца. Складываются палатки на повозки — и партія трогается. Пока приходятъ, устраиваются на новомъ мѣстѣ — проходитъ 3 дня, — и арестантамъ на эти 3 дня выдается на руки вся провизія. Такимъ образомъ каждому десятку приходится тащить на себѣ лишнихъ 4 пуда (кромѣ лопатъ, топоровъ, одежды и пр.). Но это не особенно пріятно и всю провизію — мясо, хлѣбъ, крупу выбрасываютъ, оставляя только по куску хлѣба. И вплоть до устройства на новомъ мѣстѣ вся команда голодаетъ.

Жизнь на колесной — сплошное мученіе.

Но все это ничто въ сравненіи съ избіеніями. Бьютъ на пропалую. Во всю царствуетъ прикладъ. Прикладъ — это ужасъ колесной дороги. Прикладъ — это постоянная тема для разговоровъ въ палаткахъ. Тотъ сегодня получилъ 5 ударовъ, или, какъ выражаются тамъ, „съѣлъ 5 прикладовъ", тотъ „съѣлъ" 7—и такъ безъ конца. Нѣтъ политическихъ и нѣтъ уголовныхъ. И тѣхъ и другихъ избиваютъ одинаково, и тѣ и другіе ходятъ босикомъ, въ разорванныхъ, грязныхъ рубахахъ, искусанные мошкарой, измученные, искалѣченные.

И надъ тѣми и другими царствуетъ прикладъ.

Я приведу тутъ нѣсколько случаевъ избіенія, которые мнѣ памятны. Много позабыто, а ихъ было безконечное количество. И я беру только изъ одной команды и въ продолженіе всего двухъ мѣсяцевъ.

Хихадзе (полит.). Заболѣлъ и не вышелъ на раскомандировку. Послѣ раскомандировки одинъ изъ надзирателей вытащилъ его за ноги изъ палатки. Велѣлъ ему встать. Когда Хихадзе всталъ — надзиратель ударомъ ноги въ животъ повалилъ его, избилъ, а потомъ позвалъ конвойнаго и велѣлъ погнать Хихадзе на работу. Больного Хихадзе заставили пройти 12 верстъ подъ прикладомъ.

Абдышевъ (уголовн.). 45 лѣтъ. Попросился у часового выйти. Часовой пустилъ. Когда Абдышевъ вернулся — часовой Кравченко на-

летѣлъ на него, прикладомъ повалилъ на землю и сломалъ ему два ребра. Начальникъ конвоя, когда ему донесли объ этомъ, изволилъ замѣтить: „Плохо, что сломалъ ребра, но молодецъ, что вѣренъ присягѣ“. При чемъ тутъ присяга — осталось тайной.

Коссовскій, 20 лѣтъ. Не докончилъ урока. По приказанію старшаго надзирателя Гвоздева его избили. Отбили печень и легкія. У Коссовскаго чахотка. До этого былъ вполнѣ здоровымъ человѣкомъ.

Гуткинъ (полит.). За отказъ продать свою подушку за 20 копеекъ конвоиръ поймалъ его около палатки и избилъ. Когда Гуткинъ пошелъ къ фельдшеру — оказалось, что у него сломано нѣсколько реберъ. Администрація, желая замять это дѣло, отправила его въ другую команду.

Масалковъ (полит.) Бѣжалъ, былъ пойманъ. Получилъ 25 розогъ. Работаетъ въ кандалахъ. Ежедневно его бьютъ. Все тѣло его покрыто ранами и кровоподтеками.

Бабичъ (полит.). За то, что онъ еврей, Бабичъ въ теченіе одного дня получилъ 12 ударовъ прикладомъ.

Б-нъ. Не вышелъ на раскомандировку. Надзиратель вытащилъ его изъ палатки и избилъ дуломъ револьвера.

У Б-на въ теченіе многихъ дней не сходили кровоподтеки. Избивъ его, надзиратель крикнулъ конвойнымъ:

— А ну-ка, пощупайте его!

Къ счастью, никто изъ конвойныхъ не подошелъ. Одинъ только крикнулъ:

— Не стоитъ. Больно щупленькій.

С. — (полит.). Конвойный во время работы сшибъ его прикладомъ въ канаву и, пригибая голову къ водѣ, избилъ его.

Парахинъ и Гришинъ. За попытку бѣжать звѣрски были избиты. Гришинъ умеръ, Парахинъ при смерти.

Дрож. (полит.). За попытку бѣжать страшно избитъ. Отправленъ въ тюрьму.

Изъ одного десятка бѣжалъ одинъ — Грузинскій. Остальные избиты. Въ 1905 году изъ одного десятка бѣжалъ одинъ. Остальныхъ девять конвойный застрѣлилъ. Конвойный былъ отданъ подъ судъ и получилъ 4 года каторги.

И всегда, когда кто-либо бѣжитъ изъ одного десятка — остальныхъ избиваютъ до полусмерти.

Бьютъ!

И ужасъ, сплошной ужасъ царитъ на колесной дорогѣ.

Бьютъ за то, что ты еврей. Бьютъ, если носишь пенснэ, длинные волосы. (А, забастовщикъ!)

Бьютъ, когда одѣваешь чистую рубаху, бьютъ просто такъ, изъ любви къ искусству. Бьютъ ночью, когда просишься „до вѣтру“. Ночь. Передъ палатками параша. Выходишь, кричишь:

— Г-нъ часовой! Позвольте „до вѣтру“!

— Иди! — раздается изъ темноты.

Не успѣлъ подойти — летишь со всѣхъ ногъ, получилъ прикладъ. Оказывается, что конвой забавляется: „иди“ кричитъ не передній конвойный, а боковой — и передній бьетъ. Доходило до того: выходитъ арестантъ изъ палатки, просится „до вѣтру“.

Конвойный заявляетъ:

— Попляши, а то не пущу. Приходится плясать.

Бьютъ когда идешь на работу, бьютъ, идя съ работы, во время работъ. Бьютъ и ночью, когда громко заговоришь въ палаткѣ.

Далеко отъ Россіи, въ тайгѣ люди отданы во власть 80-ти озвѣрѣвшихъ конвойныхъ.

Нѣтъ выхода, теряешь надежды — и люди рубятъ пальцы, пьютъ махорку, калѣчатъ ноги, чтобы быть отправленными въ тюрьму. Продѣваютъ иголки съ шерстяными нитками сквозь кожу.

Малыгинъ. Отрубилъ топоромъ два пальца: указательный и средній.

Крыловъ. Топоромъ отрубилъ большой палецъ руки.

Макаровъ. Положилъ палецъ подъ вагонетку. Палецъ обратился въ кашу.

Бьютъ на пропалую. Когда солдатъ конвоируетъ — къ нему надо обращаться такъ: „господинъ конвойный". Когда онъ на часахъ — то „господинъ часовой".

Спуталъ — и крышка: изобьютъ!

Прикладъ царитъ во всю. Бьютъ и надзирателя, порой не прочь ударить и самъ Кнохтъ, и техникъ Янцъ (бывшій офицеръ, отбывшій каторгу за какое-то убійство). — И такъ день за днемъ!

Смотришь на конвой и не вѣришь себѣ: люди ли это, или звѣри?!

Для забавы они однажды поймали собаку, переломали ей лапы. Когда собака стала визжать — они выкопали яму и зарыли ее, подплясывая, играя на гармоніи.

Бьютъ! И ужасъ, сплошной ужасъ царитъ на „колесухѣ".

Отрубленные пальцы, сломанныя ребра, тяжелая, невыносимая работа, издѣвательства, розги, ни сна, ни отдыха — это Амурская колесная дорога.

И что ни часъ, что ни день все хуже и хуже, все ужаснѣе и ужаснѣе.

Андрей.

Парижъ, 25 апрѣля, 1909 г.

Отъ Исполнительнаго Комитета.

18 марта въ Одессѣ, на Приморскомъ бульварѣ, на глазахъ у гуляющей публики, совершена была казнь прокурора Кіевскаго Военно-Окружного Суда, генералъ-маіора Стрѣльникова. Ни для кого не можетъ быть тайной, что казнь Стрѣльникова состоялась по постановленію Исполнительнаго Комитета. Это ужъ не первый случай революціоннаго суда надъ царскими опричниками. Мы имѣемъ основаніе думать, что этотъ случай и не послѣдній.

Съ тѣхъ поръ, какъ И. К. сосредоточилъ силы партіи на императорѣ, всѣ слуги послѣдняго вздохнули свободнѣе, они совершенно неосновательно сочли себя внѣ всякой отвѣтственности за свои гнусныя дѣянія, относя ихъ всецѣло къ Александру III. Годъ затишья еще болѣе укрѣпилъ царскихъ слугъ вь этомъ убѣжденіи.

Событіе 18 марта, купленное цѣною дорогой крови нашихъ товарищей, будетъ предостереженіемъ тѣмъ царскимъ опричникамъ, которые не останавливаются ни передъ какими средствами въ борьбѣ съ революціонной партіей. Стрѣльниковъ въ ряду этихъ опричниковъ занималъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ и его вины передъ Россіей мы излагаемъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Въ должности прокурора К. В. О. С., какъ обвинитель по политическимъ процессамъ, Стрѣльниковъ нравственно отвѣтствененъ за всѣ кіевскія казни.

2) Съ апрѣля 1881 г. Стрѣльниковъ, оставивъ прокурорскую трибуну, сталъ во главѣ, такъ называемой, „Южной Охраны."

Въ его вѣдѣніе перешло руководство дознаніями по всѣмъ политическимъ дѣламъ, возникающимъ на югѣ Россіи. Заручившись въ бытность свою въ Гатчинѣ неограниченными полномочіями, Стрѣльниковъ въ этой новой роли проявилъ неслыханную жестокость и возмутительную несправедливость. Онъ ввелъ систему повальныхъ арестовъ въ Кіевскомъ и Одесскомъ судебныхъ округахъ. Благодаря его рвенію, не знавшему границъ между правымъ и виноватымъ, всѣ тюрьмы оказались переполненными политическими заключенными. Малѣйшее проявленіе интеллектуальной жизни влекло за собой печальныя послѣдствія. Родственныя узы съ политически неблагонадеж-

ными вмѣнялись въ государственное преступленіе. Обращеніе съ узниками самого Стрѣльникова доходило до неслыханныхъ предѣловъ наглости и безчеловѣчія. Ввергая въ тюрьму по преимуществу юношество, Стрѣльниковъ испытывалъ на нихъ силу своихъ полномочій. „Вы не выйдете изъ тюрьмы, пока не разскажете все, что видѣли и слышали“, говорилъ онъ.

Для родителей, хлопотавшихъ о своихъ дѣтяхъ, у Стрѣльникова былъ одинъ отвѣтъ: „Не хлопочите, — его повѣсятъ!“ Ни просьбы отцовъ, ни слезы матерей не смягчали Стрѣльникова — даже свиданія разрѣшались, какъ исключенія. Въ слезахъ, пролитыхъ родителями и родственниками, можно было бы утопить не одного Стрѣльникова.

Событіе 18 марта имѣетъ, кромѣ карательнаго, еще иной глубокій смыслъ. Многочисленныя изъявленія сочувствія И. К. по случаю устраненія Стрѣльникова, со стороны общества Одессы и Кіева, служатъ залогомъ того, что политическія убійства пріобрѣли себѣ популярность и на нихъ стали смотрѣть, какъ на одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ императорскимъ правительствомъ, пользующимся неограниченными правами, но не знающимъ никакихъ обязанностей.

А вы, мужественные послы революціоннаго правосудія, вашъ подвигъ воспламенитъ не одно чуткое сердце, ваши свѣтлые образы будутъ неотлучно сопутствовать намъ во всѣхъ трудахъ, направленныхъ къ счастію русскаго народа.

Исп. Ком. 19 марта 1882 г.

Типографія «Народной Воли» СПБ. 3 апрѣля 1882 г.

Отъ ред. Печатаемъ эту очень рѣдкую прокламацію партіи «Народной Воли», до сихъ поръ не воспроизведенную въ появившихся сборникахъ литературы «Народной Воли».

ДѢЛО ГАПОНА*).

ЧАСТЬ I.

Гапонъ.

(*Январь—ноябрь 1905 г.*)

I.

Съ перваго дня петербургской забастовки передъ 9-мъ января 1905 г. видно было, что дѣло не ограничится однимъ принятіемъ назадъ на работу разсчитанныхъ съ Путиловскаго завода четырехъ рабочихъ.

Я внимательно сталъ слѣдить за стачкой и руководителемъ ея Гапономъ.

Незадолго до 9-го января 1905 г. я ушелъ съ N-скаго завода, гдѣ завѣдывалъ одной изъ мастерскихъ. Отношенія мои съ рабочими были хорошія, и во время стачки они предложили мнѣ посѣщать ихъ собранія.

5-го января они познакомили меня съ Гапономъ.

---

*) Опубликовываемыя записки состоятъ изъ 3-хъ частей, писавшихся разновременно: 1) замѣтки о Гапонѣ за январь-ноябрь 1905 года писались въ концѣ 1907 года; 2) мои отчеты Ц. К-ту П. С.-Р. о предательствѣ и смерти Гапона — писались по распоряженію Ц. К. послѣ каждаго изъ моихъ свиданій съ Гапономъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, въ самый день свиданія или черезъ нѣсколько дней. Отчеты тогда же пересылались Ц. К-ту. Въ настоящее время эта часть пополнена необходимыми поясненіями; 3) глава о моихъ сношеніяхъ съ Ц. К. П. С.-Р. по дѣлу Гапона послѣ его смерти написана сейчасъ.

По причинамъ личнаго характера я до сихъ поръ не могъ заняться составленіемъ своихъ записокъ о Гапонѣ. Если въ моей работѣ встрѣчаются какія либо неясности, то это объясняется спѣшностью, съ какой мнѣ приходилось писать.

За всѣми разъясненіями, которыя могутъ оказаться нужными по поводу моихъ записокъ о Гапонѣ, прошу обращаться къ В. Л. Бурцеву, согласившемуся взять на себя всѣ сношенія по поводу ихъ опубликованія.

Рутенбергъ.

25 іюня 1909 года.

Это было въ тотъ вечеръ, когда, послѣ безплодныхъ хожденій и хлопотъ по разнымъ власть имущимъ лицамъ, Гапонъ произнесъ свою знаменитую рѣчь въ Нарвскомъ отдѣлѣ „Союза русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“.

— Товарищи! мы ходили къ Смирнову*), ничего не добились. Ходили въ Правленіе, ничего не добились. Къ градоначальнику — тоже ничего. Къ министрамъ — тоже ничего. Такъ пойдемте, товарищи, къ самому царю! — говорилъ Гапонъ рабочимъ.

— Пойдемъ! — отвѣчала многотысячная толпа, увлеченная простотой логики своего „заступника“ „батюшки“.

— И если надо будетъ, головы сложимъ, но своего добьемся!... — продолжалъ Гапонъ.

— Сложимъ! Добьемся!

* * *

Въ городѣ къ этому времени всѣ говорили о Гапонѣ, кто, что и какъ могъ. Въ интеллигентной средѣ отношеніе къ его личности могло быть только скептически-отрицательное. Но разворачивавшіяся съ каждымъ днемъ событія превращали его хулителей въ хвалителей. Мелочи забывались. Все величіе надвигавшейся грозы переносилось на Гапона, связывалось съ его именемъ.

На рабочихъ собраніяхъ стали читать *петицію къ царю*, собирать подъ нею подписи. Число рабочихъ, являвшихся услышать петицію было такъ велико, что ихъ приходилось пускать въ залъ собранія на смѣну по нѣскольку тысячъ, а за Невской заставой Гапонъ долженъ былъ выйти подъ открытое небо, взобраться на бочку съ водой и читать петицію при свѣтѣ фонаря.

Въ таинственно неясныхъ очертаніяхъ развѣвавшейся надъ толпой рясы, въ каждомъ звукѣ доносившагося хриплаго голоса, въ каждомъ словѣ прочитанныхъ изъ петиціи требованій, окружавшему очарованному людскому морю казалось, что наступаетъ конецъ, приближается избавленіе отъ чудовищныхъ вѣковыхъ мученій.

А Гапонъ, увлеченный стихіей, заговорилъ ея языкомъ, сталъ выражать ея желанія, свѣтить ея красотой.

Все тянулось къ нему. По первому его слову готово было итти на муки, смерть, на все.

Когда, послѣ каждаго прочитаннаго пункта петиціи, онъ спрашивалъ:

— Нужно ли это вамъ, товарищи? — въ отвѣтъ ему вырывалось далекимъ стономъ:

— Нужно! Необходимо!

---

*) Директоръ забастовавшаго тогда Путиловскаго завода.

Такъ же его слушали, такъ же къ нему стали относиться во всѣхъ другихъ частяхъ города.

* * *

Я видѣлъ всю стихійность разворачивавшихся передо мной событій, все безсиліе революціонныхъ партій и интеллигенціи оказать какое-бы то ни было вліяніе на нихъ. Не могъ понять позиціи правительства, допускавшаго все это на свою же, какъ мнѣ казалось, гибель.

Одно было ясно. Подъ предводительствомъ священника самъ изголодавшійся, изстрадавшійся рабочій народъ, съ торжественно-мрачной рѣшимостью, что „дальше такъ жить невозможно", съ наивной вѣрой въ успѣхъ „послѣдняго" средства, идетъ къ царю просить хлѣба и свободы, просить то, что царь всегда отнималъ, но не *можетъ* дать ему.

Богъ и *царь*, — двѣ идеи, такъ долго омрачавшія сознаніе и парализовавшія волю народа, были поставлены на карту.

И каковъ бы ни былъ исходъ затѣяннаго свиданія, оно должно было быть роковымъ для одной изъ сторонъ.

Либо народъ будетъ одураченъ и, опьяненный словомъ и видомъ царя, потянетъ ярмо дальше, до полнаго истощенія.

Либо миражъ царскаго всемогущества и доброжелательства къ народу разсѣется навсегда.

* * *

Подъ явно организованнымъ вліяніемъ, рабочіе съ первыхъ дней стачки не подпускали къ себѣ „студентовъ" и „интеллигентовъ", отказывались отъ какихъ бы то ни было „бумажекъ" ихъ и рѣчей. Въ нѣкоторыхъ „отдѣлахъ" заподозрѣнные въ качествѣ интеллигентовъ или распространителей прокламацій, немедленно изгонялись и часто избивались. Зачинщиками являлись сыщики, бывшіе въ большомъ количествѣ на собраніяхъ. Они увлекали за собою сѣрую толпу рабочихъ, насторожившуюся, нервно-приподнятую, опасавшуюся неожиданнаго подвоха, удара изъ-за спины, крушенія послѣднихъ ея надеждъ.

Только вмѣшательство сознательной, развитой части рабочихъ предупреждало безсмысленное пролитіе крови, отвлеченіе неожиданно скопившейся революціонной силы въ наиболѣе желательную для правительства сторону — погрома интеллигенціи.

Мое положеніе, какъ интеллигента, было исключительнымъ. На рабочихъ собраніяхъ за Нарвской заставой многіе меня знали и лично ко мнѣ хорошо относились. Мое присутствіе на собраніяхъ не вызывало враждебнаго недовѣрія.

Разсчитывая на свою выдержку и авторитетъ, которымъ я пользовался среди значительной группы рабочихъ, я думалъ, что смогу оказаться полезнымъ и долженъ поэтому итти вмѣстѣ съ рабочими къ Зимнему Дворцу.

II.

Восьмого января войскамъ роздали боевые патроны. Они заняли всѣ опасные для правительства пункты Петербурга. Отрѣзали окраины отъ центра города.

Гапона я смогъ увидѣть только 9-го утромъ.

Я засталъ его среди нѣсколькихъ рабочихъ, блѣднаго, растеряннаго.

— Есть у васъ, батюшка, какой-нибудь практическій планъ? — спросилъ я.

Ничего не оказалось.

— Войска, вѣдь, будутъ стрѣлять.

— Нѣтъ, не думаю! — отвѣтилъ Гапонъ надтреснутымъ, растеряннымъ голосомъ.

Я вынулъ бывшій у меня въ карманѣ планъ Петербурга съ приготовленными заранѣе отмѣтками. Предложилъ наиболѣе подходящій, по моему, путь для процессіи. Если бы войска стрѣляли, забаррикадировать улицы, взять изъ ближайшихъ оружейныхъ магазиновъ оружіе и прорваться во что бы то ни стало къ Зимнему Дворцу.

Это было принято.

Пошли въ ближайшую часовню и принесли хоругви и кресты.

Гапонъ немного успокоился и оправился.

* * *

Во дворѣ „собранія“ собралось уже много народу. Ко мнѣ стали обращаться за распоряженіями. Группа рабочихъ спросила, что хоругви, де, имѣются, такъ не взять ли и царскіе портреты.

Я осторожно отсовѣтовалъ.

Предстоявшая бойня казалась настолько безсмысленной, не соотвѣтствовавшей интересамъ правительства, что я опасался возможной патріотической манифестаціи. Не мнѣ же ей содѣйствовать.

* * *

Прежде чѣмъ двинуться въ путь, надо было предупредить собравшихся, на что идутъ. Предупредить разбродъ съ случаѣ какихъ-нибудь неожиданностей.

Гапонъ такъ ослабѣлъ и охрипъ, что сказать ничего не могъ. Отъ его имени я предупредилъ рабочихъ, что солдаты въ нихъ, можетъ быть, будутъ стрѣлять и ко дворцу не пропустятъ. Хотятъ ли все-таки итти?

Отвѣтили, что пойдутъ и во что бы то ни стало прорвутся на площадь Зимняго Дворца.

Я объяснилъ, какими улицами итти, что дѣлать въ случаѣ стрѣльбы. Сообщилъ адреса ближайшихъ оружейныхъ лавокъ.

Когда раздалось послѣднее „Съ Богомъ“! люди стали усердно креститься. Дрогнули хоругви. Дрогнула толпа. Суетливо сжалась у мостика. Еще разъ сжалась, стиснутая у воротъ. И вылила на широкое шоссе.

Мои предупрежденія о возможности стрѣльбы, объ оружіи обратили вниманіе толпы, но не пристали къ ней, не проникли въ душевную глубь ея.

— Развѣ къ Богу можно итти съ оружіемъ? Развѣ къ Царю можно итти съ дурными мыслями?...

— Спа-си, Го-ос-по-ди, лю-у-ди тво-я и бла-го-слови до-сто-я-ніе тво-е... — разрѣзало звонкій морозный воздухъ крикомъ послѣдней надежды и вѣры десятковъ тысячъ изстрадавшихся грудей.

— По-бѣ-е-ды бла-а-го-вѣр-но-му импе-ра-то-ру на-ше-му Ни-ко-ла-ю Алек-санд-ро-ви-чу... — звенѣло фанатической увѣренностью заклинанія, которое должно было отвести всякое зло, открыть дорогу къ лучшему, такъ необходимому будущему.

Когда за поворотомъ улицы увидѣли выстроившуюся у Нарвскихъ воротъ пѣхоту, запѣли еще громче, пошли впередъ еще тверже, еще увѣреннѣе. Шедшіе впереди хоругвеносцы смутились было, хотѣли свернуть въ боковую улицу. Но настроеніе и приказаніе толпы ихъ успокоило. Они и за ними вся процессія пошли прямо.

Неожиданно изъ-за Нарвскихъ воротъ появился мчавшійся во весь опоръ кавалерійскій отрядъ съ шашками наголо, разрѣзалъ толпу, пронесся во всю его длину.

Толпа дрогнула.

— Впередъ, товарищи! свобода или смерть! — прохрипѣлъ Гапонъ остаткомъ силъ и голоса.

Толпа сомкнулась, двинулась впередъ.

Кавалерія опять врѣзалась въ нее сзади напередъ и промчалася обратно въ Нарвскія ворота.

Народъ, вооруженный хоругвями и царскими портретами, очутился лицомъ къ лицу съ царскими солдатами, державшими скорострѣльныя винтовки на перевѣсъ.

Со стороны солдатъ раздался сухой, перекатывавшійся по линіи изъ края въ край, рѣзкій трескъ.

Со стороны народа раздались предсмертные стоны и проклятья.

Передніе ряды падали, задніе убѣгали.

Три раза стрѣляли солдаты. Три раза начинали и долго стрѣляли. Три раза переставали.

И каждый разъ, когда начинали стрѣлять, всѣ, кто не успѣлъ убѣжать, бросались на землю, чтобъ какъ-нибудь укрыться отъ пуль.

И каждый разъ, когда переставали стрѣлять, тѣ, кто могъ

бѣжать, поднимались и убѣгали. Но солдатскія пули ихъ догоняли и скашивали.

Послѣ третьяго раза никто не подымался, никто не бѣжалъ. Солдаты больше не стрѣляли.

* * *

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ третьяго залпа я поднялъ уткнутую въ землю голову.

Впереди меня, по обѣимъ сторонамъ Нарвскихъ воротъ, стояли двѣ сѣрыя застывшія шеренги солдатъ; по лѣвую сторону отъ нихъ — офицеръ. По сю сторону Карповскаго моста валялись въ окровавленномъ снѣгу хоругви, кресты, царскіе портреты и трупы тѣхъ, кто ихъ несъ.

Трупы были направо и налѣво отъ меня. Около нихъ большія и малыя алыя пятна на бѣломъ снѣгу.

Рядомъ со мной, свернувшись, лежалъ Гапонъ. Я его толкнулъ. Изъ-подъ большой священнической шубы высунулась голова съ остановившимися глазами.

— Живъ, отецъ?

— Живъ!

— Идемъ?

— Идемъ!

Мы поползли черезъ дорогу къ ближайшимъ воротамъ.

* * *

Дворъ, въ который мы вошли, былъ полонъ корчащимися и мечущимися тѣлами раненыхъ и стонами. Бывшіе здѣсь здоровые также стонали, также метались, съ помутившимися глазами, стараясь что-то сообразить.

— Нѣтъ больше Бога! нѣту больше царя! — прохрипѣлъ Гапонъ, сбрасывая съ себя шубу и рясу.

— Нѣтъ Бога! нѣту больше царя! — подтвердили окружавшіе грознымъ эхомъ.

То, что такъ мучило, что такъ трудно было понять, сразу стало ясно.

Въ нѣсколькихъ словахъ подвели итогъ всѣмъ причинамъ мучительнаго, вѣкового прошлаго, установили програму неумолимаго, кроваго будущаго...

На этотъ разъ „программа“ уже была не кучки интеллигенціи, не „преступнаго революціоннаго сообщества“.

* * *

Гапонъ одѣлъ шапку и пальто одного изъ рабочихъ.

Черезъ заборы, канаву, задворки, мы небольшой группой добрались въ домъ, населенный рабочими. По дорогѣ встрѣчались группы растерянныхъ людей, женщинъ и мужчинъ.

Въ квартиры насъ не пускали.

О баррикадахъ нечего было и думать.

Надо было спасти Гапона.

Я сказалъ ему, чтобы онъ отдалъ мнѣ все, что у него было компрометирующаго. Онъ сунулъ мнѣ довѣренность отъ рабочихъ и петицію, которыя несъ царю.

Я предложилъ остричь его и пойти со мной въ городъ.

Онъ не возражалъ.

Какъ на великомъ постригѣ, при великомъ таинствѣ стояли окружавшіе насъ рабочіе, пережившіе весь ужасъ только что происшедшего, и, получая въ протянутыя ко мнѣ руки клочки гапоновскихъ волосъ, съ обнаженными головами, съ благоговѣніемъ, какъ на молитвѣ, повторяли:

— Свято!

Волосы Гапона разошлись потомъ между рабочими и хранились, какъ реликвіи.

* * *

Когда мы оставили за собой кровь, трупы и стоны раненыхъ и пробирались въ городъ, наталкиваясь на перекресткахъ и переѣздахъ на солдатъ и жандармовъ, Гапона охватила нервная лихорадка. Онъ весь трясся. Боялся быть арестованнымъ. Каждый разъ мнѣ съ трудомъ удавалось успокоить его. Покуда не выбрались черезъ Варшавскій вокзалъ изъ окружавшей пригородъ цѣпи войскъ.

Я повелъ его къ моимъ знакомымъ; сначала къ однимъ, потомъ, чтобы замести слѣдъ, къ другимъ.

Если люди эти найдутъ нужнымъ, они когда нибудь разскажутъ, какъ велъ себя Гапонъ въ этотъ день. Вѣдь это былъ день 9-го января.

Меня его поведеніе коробило.

Раньше я зналъ и видѣлъ Гапона только говорившимъ въ рясѣ передъ молившейся на него толпой, видѣлъ его звавшимъ у Нарвскихъ воротъ къ свободѣ или смерти.

Этого Гапона не стало, какъ только мы ушли отъ Нарвскихъ воротъ.

Остриженный, переодѣтый въ чужое, предо мной оказался предоставлявшій себя въ полное мое распоряженіе человѣкъ безпокойный и растерянный, покуда находился въ опасности, тщеславный и легкомысленный, когда ему казалось, что опасность миновала.

Онъ не могъ удержаться, чтобы не назвать себя въ мое отсутствіе совершенно постороннимъ ему людямъ; не могъ удержаться, чтобы не разсказывать свои планы, несмотря на предупрежденіе не дѣлать этого. А вечеромъ произнесъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ передъ разношерстнымъ собраніемъ интеллигентовъ „отъ имени отца Георгія Гапона“ рѣчь, никому не нужную, ничего не значившую, - ...и это

въ то время, когда на Невскомъ продолжался еще разстрѣлъ...

Послѣ пережитаго утромъ 9-го января такая нервность была естественна, но не для Гапона.

Меня это и удивляло, и обязывало. Обязывало использовать свое вліяніе на этого человѣка, имя котораго стало такой революціонной силой.

* * *

Вечеромъ 9-го января онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у Максима Горькаго и спрашивалъ:

— Что теперь дѣлать, Алексѣй Максимовичъ?

Горькій подошелъ, глубоко поглядѣлъ на Гапона. Подумалъ. Что-то радостно дрогнуло въ немъ, на глаза навернулись слезы. И стараясь ободрить сидѣвшаго передъ нимъ совсѣмъ разбитаго человѣка, онъ какъ то особенно ласково и въ то же время по товарищески сурово отвѣтилъ:

— Чтожъ, надо итти до конца! Все равно. Даже если придется умирать.

Но что именно *дѣлать* Горькій сказать не могъ. А рабочіе спрашивали распоряженій.

Гапонъ хотѣлъ было поѣхать къ нимъ, но я былъ противъ этого. Онъ отправилъ въ Нарвскій отдѣлъ записку, что „занятъ ихъ дѣломъ".

По предложенію Горькаго мы поѣхали въ Вольно-экономическое общество на частное совѣщаніе собравшихся тамъ представителей интеллигенціи разныхъ направленій. Но и это совѣщаніе ничего сказать не смогло.

* * *

Изъ состава „совѣщанія" выдѣлилась группа, принявшая нѣсколько рѣшеній, казавшихся тогда единственно доступными и практически осуществимыми. Нашли желательнымъ, чтобы Гапонъ написалъ къ рабочимъ прокламацію по поводу происшедшаго. Я взялъ на себя повлiять на него въ нужномъ смыслѣ.

Изъ Вольно-экономическаго общества Гапона уводили ночевать на квартиру Б. Мы условились относительно прокламаціи. Но явившись къ Гапону на слѣдующее утро, я нашелъ написанное имъ неподходящимъ и самъ написалъ другую. Въ ней остались слѣдующія, принадлежащія Гапону выраженія, напечатанныя курсивомъ:

Родные! *Братья товарищи-рабочіе*!

Мы мирно шли 9-го января къ царю за правдой, мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ идти къ царю. *Самому царю я послалъ 8 января письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой*

Цѣною собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все таки пролилась!

Звѣрь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русскаго народа, сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскій портретъ, прострѣлили этотъ портретъ и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отмстимъ же, братья, проклятому народомъ царю и всему его змѣиному отродью, министрамъ, всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всѣмъ! Вредите всѣмъ, кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь русскому народу свободно жить и дышать — на помощь! Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціальдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ) — всѣхъ. Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія! Не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными! Лучше оставить девять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады, громите царскіе дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицію!

Солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа — мое пастырское проклятіе! Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — мое благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои! Не падайте духомъ! Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды: неповинно пролитая кровь тому порукой! Перепечатывайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собой и по всей Россіи это мое посланіе и завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, обездоленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ или разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. *Помните всегда данную мнѣ вами — сотнями тысячъ — клятву.* Боритесь пока не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избраны вами самими защитники вашихъ правъ и интересовъ, *выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю.*

Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

Священникъ Георгій Гапонъ.

12 час. ночи 9-го января 1905 г.

Гапону понравился текстъ и онъ предложилъ мнѣ писать отъ его имени какъ, что и когда найду нужнымъ. И для этого подписалъ мнѣ десятка полтора чистыхъ листовъ бумаги*.

* * *

Стачка падала. Оставаясь въ Петербургѣ, Гапонъ рисковалъ быть арестованнымъ. Его переправили въ имѣніе одного изъ петербуржцевъ, мѣсто совершенно безопасное, далекое отъ Петербурга. Передъ его отъѣздомъ мы условились, что если настроеніе рабочихъ поднимется, ему дано будетъ знать, и онъ вернется въ Петербургъ. Если все успокоится, онъ уѣдетъ за границу. Цѣлью поѣздки за границу будетъ: объединить подъ вліяніемъ его авторитета организаціонныя и боевыя силы соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Для этого онъ долженъ оставаться внѣ партій, не объявлять себя членомъ которой бы то ни было изъ нихъ и не возбуждать существующей между ними розни публичнымъ одобреніемъ или неодобреніемъ одной изъ нихъ. Въ деревнѣ онъ долженъ дожидаться отъ меня указаній и двигаться съ мѣста сможетъ только въ случаѣ опасности быть арестованнымъ или когда узнаетъ, что я арестованъ. На всякій случай я далъ ему адреса и пароли для перехода черезъ границу и для явки за границей. Его снабдили деньгами.

* * *

„Подняться“ настроенію петербургскихъ рабочихъ не пришлось. Въ первые дни требовали оружія, бомбъ, планомѣрнаго руководства, т. е. организаціи. Ничего не было. Гапоновская прокламація дошла до рабочихъ поздно, когда нужда успѣла уже оказать свое вліяніе, когда многіе стали уже на работу, а накопившаяся злоба притупилась и пошла внутрь.

Я рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ Гапономъ за границу. Переслалъ ему паспорта, указанія, гдѣ и какъ со мной встрѣтиться (въ Россіи). Но его уже въ деревнѣ не было. Не дожидаясь отъ меня извѣстій, онъ уѣхалъ оттуда самъ и перешелъ границу близъ Таурогена, раньше меня на день.

IV.

Пережитыя Гапономъ въ Россіи и при переходѣ черезъ границу тревоги, переѣздъ черезъ всю Европу безъ языка и съ боязнью быть узнаннымъ и арестованнымъ закончились тѣмъ, что въ Женевѣ онъ не нашелъ лицо, къ которому я его направилъ. Не нашелъ, значитъ, и меня.

---

*) Оригиналъ этой прокламаціи и другой, маленькой, «Къ солдатамъ», написанныя моей рукой и подписанныя Гапономъ, должны быть у Г. У него же долженъ находиться тотъ экземпляръ петиціи, который несли 9 января къ царю. Чистые же листы съ подписями Гапона взялся сохранить Б., у котораго Гапонъ ночевалъ, но когда въ мартѣ 1905 г. я потребовалъ ихъ, листы оказались уничтоженными.

Два дня, какъ разсказывалъ онъ мнѣ потомъ, онъ ходилъ по городу безпомощный и измученный. Отправился, накӧнецъ, къ Плеханову.

Ему, конечно, обрадовались, приласкали его. А онъ, очутившись въ теплѣ и уютѣ, захотѣлъ, должно быть, сказать окружавшимъ что нибудь пріятное. Онъ разсказывалъ о 9-омъ января, о томъ, что сознательно заранѣе все подготовлялъ и что... онъ — соціальдемократъ, соціальдемократомъ всегда былъ и соціальдемократъ его спасъ.

Не экзаменовать же его было присутствовавшимъ. Говорилъ, вѣдь, *Гапонъ*! А кто въ тѣ дни не считался съ его словами?

Его спросили, можно ли объ этомъ написать Каутскому и въ „Vorwärts". Гапонъ отвѣтилъ, что можно не только написать, но даже телеграфировать.

Такъ и сдѣлали.

Черезъ день онъ встрѣтился со мной. Начались переговоры съ представителями разныхъ партій. И неожиданно для себя, я узналъ, что Гапонъ успѣлъ уже не только самъ попасть, но и другихъ поставить въ неловкое положеніе.

* *
*

Оказавшись первой фигурой русской революціи, Гапонъ въ то же время не разбирался въ смыслѣ и значеніи партій, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло, въ ихъ программахъ, спорахъ. Онъ не понималъ даже всей важности сыгранной имъ 9-го января роли. Мнѣ не разъ приходилось разъяснять ему это. Разъясняли ему и другіе и сама жизнь. Каждый по своему! И каждое изъ этихъ разъясненій различно на него дѣйствовало, разно имъ воспринималось.

Первыя двѣ-три недѣли ему приходилось выслушивать и читать о себѣ самыя фантастическія комбинаціи. Но останавливаться на нихъ, „угорать" отъ нихъ, некогда было. Кровавый ужасъ 9-го января слишкомъ свѣжъ былъ въ памяти. Динамитъ и оружіе, терроръ и вооруженное возстаніе, о которыхъ судили и говорили на „свиданіяхъ" и „совѣщаніяхъ" слишкомъ захватывали и удовлетворяли безсознательно накопившееся чувство.

Встрѣчавшіеся представители разныхъ партій подходили къ нему, какъ къ революціонному вождю, такъ съ нимъ разговаривали, такія къ нему требованія, конечно, предъявляли. А онъ въ отвѣтъ могъ связно и съ одушевленіемъ разсказать о 9-омъ января, о намѣченной программѣ. Когда ставились непредвидѣнные вопросы, онъ „соглашался" со мной, а когда меня не было, „соглашался" и съ другими, т. е. часто съ мнѣніями діаметрально противоположными. И изъ одного неловкаго положенія попадалъ въ другое, изъ которыхъ мнѣ же приходилось его выпутывать.

Такъ или иначе, онъ былъ искрененъ въ это время. Умѣло или неумѣло — заботился только объ успѣхѣ дѣла, съ которымъ оказался связаннымъ. О своемъ „величіи" не думалъ. Во всякомъ случаѣ ничѣмъ этого не проявлялъ.

Но продолжалось такъ не долго.

* * *

Мы переѣхали въ Парижъ.

Гапонъ былъ свободенъ теперь отъ дѣловыхъ свиданій, сталъ вести жизнь болѣе спокойную и нормальную, чѣмъ въ Женевѣ. Сталъ читать немного, работать. Онъ долженъ былъ написать нѣсколько брошюръ и прокламацій.*) Одному изъ товарищей пришла мысль пойти съ Гапономъ къ Жоресу, Вальяну, Клемансо... Гапонъ охотно согласился. Я былъ противъ этого. Зналъ уже его и опасался, что хожденіе по знаменитостямъ скверно на него повліяетъ, во всякомъ случаѣ отвлечетъ отъ дѣла. Но скоро я долженъ былъ уѣхать изъ Парижа на нѣсколько дней. Гапонъ остался одинъ. И выводъ его въ „свѣтъ" состоялся.

За время моего отсутствія онъ успѣлъ побывать у Жореса и Вальяна и условиться о свиданіи съ Клемансо.

— Знаешь, кто такой Вальянъ? — спросилъ Гапонъ, разсказывая мнѣ объ этихъ свиданіяхъ, съ глубоко ушедшими, задумавшимися глазами.

— Конечно, знаю.

— У васъ большой умъ и великое сердце, — сказалъ онъ мнѣ на прощаніе. Такъ и сказалъ: большой умъ и великое сердце. И трясетъ руку... Оба, и Жоресъ и Вальянъ, были страшно рады повидаться и поговорить со мной. Они сказали, что это для нихъ большая честь.

Гапонъ засмѣялся мелкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

---

*) Подробность въ настоящее время не безынтересная. Прокламаціи свои онъ раньше всего читалъ и исправлялъ со мной, а потомъ читалъ другимъ товарищамъ. Между прочими прокламаціями Гапонъ написалъ письмо Николаю Романову. Я былъ противъ его печатанія. Онъ прочелъ его тогда въ присутствіи Азефа и Р. Я настаивалъ, что этой прокламаціи печатать не слѣдуетъ. Р. молчалъ, Азефъ поддержалъ Гапона. Прокламація была напечатана.

Не безынтересна и слѣдующая подробность. Приблизительно въ февралѣ 1905 года къ парижскому представителю партіи, Рубановичу, явился молодой человѣкъ, заявившій, что онъ состоитъ на службѣ у русской полиціи, что раскаивается въ этомъ и хотѣлъ бы быть полезнымъ партіи. Молодой человѣкъ предоставлялъ себя въ полное распоряженіе партіи, соглашаясь чѣмъ угодно доказать свою искренность.

Гапонъ въ это время жилъ въ семьѣ Азефа и однажды изъ своей комнаты услышалъ, какъ Азефъ разсказывалъ объ этомъ своей женѣ. Онъ завозился, позвалъ къ себѣ Азефа, заставилъ пересказать себѣ все и точныя примѣты молодого человѣка, такъ какъ ему казалось, что онъ знаетъ его по Россіи, видѣлъ его тамъ въ полицейскихъ кругахъ.

Разговорившись съ Азефомъ, Гапонъ разсказалъ ему подробно о своемъ знакомствѣ и сношеніяхъ съ Зубатовымъ и другими полицейскими.

Азефъ передалъ мнѣ этотъ разговоръ. Но я совершенно не могу возстановить его. Азефъ отплевывался, какъ отъ чего то мерзкаго. «Прошлое попа» ему претило.

Азефъ, конечно, говорилъ объ этомъ не мнѣ одному. И кто нибудь изъ товарищей возстановитъ его разсказъ.

Всегда, когда онъ разсказывалъ о чемъ нибудь пріятно льстившемъ ему, стараясь сдержать и скрыть переполнявшую его радость, рѣчь его непроизвольно прерывалась этимъ мелкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

— Я спросилъ Жореса, могутъ ли меня арестовать въ Парижѣ. Онъ поднялъ кулаки, раскричался. Сказалъ, что *все разобьетъ*, если меня арестуютъ.

А утромъ, въ день свиданія съ Клемансо, Гапонъ пережилъ самъ и устроилъ другимъ непристойную драму: ему купили рубашку съ гладкой, а не съ гофрированной грудью. У него къ этому времени вкусъ къ одеждѣ сталъ уже утонченнымъ...

V.

Продолжительные переговоры съ разными партіями окончились рѣшеніемъ созвать конференцію изъ уполномоченныхъ этихъ партій, которая обсудитъ и рѣшитъ поставленное Гапономъ предложеніе: объединить и сорганизовать революціонныя боевыя силы въ Россіи.

Для меня переговоры эти выяснили, что никакое „объединеніе“ немыслимо и если состоится, то никакихъ практическихъ результатовъ не дастъ. С.-д. „меньшевики“, въ лицѣ Плеханова, совсѣмъ отказались отъ участія въ конференціи, считая Гапона лицомъ недостаточно авторитетнымъ и компетентнымъ для подобной инициативы. Не дожидаясь конференціи, я сталъ собираться въ Россію.

Желаніе объединить вокругъ Гапона всѣ партіи я оставилъ, какъ неосуществимое. Оставаться ему для осуществленія этого плана внѣ партій не зачѣмъ было.

Наоборотъ. Присматриваясь къ нему, слѣдя за развивавшимся у него самолюбованіемъ, мнѣ казалось, что партійная дисциплина, какое бы то ни было практическое дѣло для него необходимы. Бабушка (Е. А. Брешковская), которая должна была вскорѣ вернуться изъ Америки, старики, такъ или иначе относившіеся лично къ нему хорошо, своимъ авторитетомъ и руководствомъ могли оказать на него только хорошее вліяніе.

Я сказалъ объ этомъ Гапону, объяснилъ ему мое отношеніе къ нему. Предложилъ, если хочетъ, поставить вопросъ о принятіи его въ члены партіи.

Онъ сильно морщился отъ моихъ объясненій, но согласился со мной.

* * *

Мнѣ надо было вернуться въ Женеву. Гапонъ отправился вмѣстѣ со мной.

Мы пріѣхали съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ, молча шли по пустымъ еще улицамъ. На rue Corraterie Гапонъ отсталъ отъ меня. Я обернулся. Онъ стоялъ, застывши у витрины писчебумажнаго магазина, очарованный, не въ состояніи отор-

ваться отъ... своего портрета на почтовой открыткѣ. Я не мѣшалъ ему. Не могъ мѣшать, — такъ поразилъ меня его видъ. Это онъ впервые наткнулся на конкретное доказательство своей популярности, „даже за границей". Нѣсколько минутъ мы простояли такъ; онъ, глядя на свой портретъ, я — на него.

Потомъ пошли, молча, дальше, каждый со своими мыслями.

Я хотѣлъ до своего отъѣзда въ Россію устроить Гапона, предупредить возможныя недоразумѣнія. Чтобъ онъ не нуждался въ деньгахъ, ему дали 1000 фр. Партія согласилась принять его въ члены — на извѣстныхъ условіяхъ, конечно.

Въ присутствіи товарищей*) я объяснилъ ему обязанности, которыя онъ беретъ на себя, вступая въ партію. Ни о какихъ самостоятельныхъ планахъ, дѣловыхъ переговорахъ безъ предварительнаго совѣта и разрѣшенія центральнаго комитета не могло быть больше рѣчи. Ни о какихъ двусмысленностяхъ, недоговоренностяхъ — тѣмъ больше. Ему предлагалось почитать, подучиться и въ то же время писать свои записки, для которыхъ былъ найденъ издатель. Тѣмъ временемъ выяснится положеніе дѣлъ въ Россіи, пріѣдутъ нѣкоторые изъ товарищей; тогда опредѣлится его практическая роль въ революціонной работѣ. Относительно „правъ" можно будетъ говорить въ зависимости отъ результатовъ его работы. Претендовать на откровенность онъ можетъ въ предѣлахъ той области, въ которой будетъ работать.

Все это не было для него ново, потому что и раньше съ глазу на глазъ я говорилъ ему то же самое. Выборъ у него былъ свободный. Онъ могъ и не согласиться.

Онъ принялъ всѣ условія.

Это было въ вечеръ моего отъѣзда изъ Женевы въ Россію, приблизительно въ первыхъ числахъ марта 1905 года**).

Послѣ моего отъѣзда исторія гапоновской жизни свелась къ слѣдующему.

Слава была у него. Деньги скоро появились. Какъ только появились деньги, появились всякія „возможности". Для достиженія ихъ понадобилась „свобода", оказалось не по себѣ въ тѣсномъ кругу товарищей-революціонеровъ, среди которыхъ онъ жилъ до тѣхъ поръ. Вынырнуло тщеславіе, нашедшее достаточно пищи во всемъ, его окружавшемъ.

Неслыханные, совершенно непереваримые для него гонорары за его рукописи, фантастическія сказки о немъ въ печати,

---

*) Красновъ, Субботинъ и Азефъ.

**) Характерна и эта подробность. Послѣ разговора съ Гапономъ, мнѣ надо было пойти съ Азефомъ въ городъ. По дорогѣ мы заговорили о... довѣріи къ Гапону. Я сказалъ, что, по моему, съ нимъ слѣдуетъ быть осмотрительнымъ. Предать — не предастъ, но при арестѣ, припугнутый можетъ разсказать все, что знаетъ. Азефъ съ своей стороны сказалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ вообще къ нему не питаетъ довѣрія. Чѣмъ вызвана была самая возможность этого разговора сейчасъ не помню. Но было, очевидно, достаточно данныхъ, хотя бы и неуловимыхъ, давшихъ поводъ къ такому къ нему отношенію черезъ мѣсяцъ послѣ его пріѣзда за границу.

разныя иностранныя „знаменитости“ (вплоть до англійской принцессы), добивавшіяся посмотрѣть на него, проинтервьюировать его, поклоненія въ „колоніяхъ“; даже расклеенные на улицахъ плакаты о театральныхъ и балаганныхъ представленіяхъ съ громадными надписями „Gapon“, сами эти представленія, на которыхъ Гапонъ присутствовалъ... все кружило ему голову, все говорило ему, что онъ можетъ быть только „вождемъ“ революціи и ни въ какомъ случаѣ простымъ членомъ революціонной партіи.

Естественно, что учиться чему бы то ни было онъ оказался нерасположеннымъ. Ѣхать въ Россію, заняться по выработанному совмѣстно съ нимъ плану крестьянской агитаціей, не захотѣлъ. Ѣхать туда соглашался только тогда, когда „все будетъ готово“. Онъ предпринялъ рядъ шаговъ, ставившихъ партію въ двусмысленное положеніе, благодаря тому, что его считали членомъ партіи.

Ему предложили выйти изъ партіи.

Большое вліяніе на него оказало еще слѣдующее обстоятельство. Посланная въ Петербургъ по личному его дѣлу госпожа N. вернулась и сообщила ему, что встрѣтила пасху въ обществѣ „его“ рабочихъ, гапоновцевъ, что рабочіе его помнятъ, никогда не забудутъ и хотятъ устроить подписку, чтобъ поставить ему памятникъ.

— „При жизни“, — добавилъ Гапонъ, разсказывая мнѣ позже въ Лондонѣ про это. „Какъ никому!“

Узнавъ объ этомъ, онъ немедленно отправилъ въ Петербургъ къ рабочимъ другого „комиссара“ съ требованіемъ прислать ему формальныя полномочія быть ихъ представителемъ и устраивать всѣ ихъ дѣла. Выписалъ себѣ за границу рабочаго Петрова, на котораго могъ, какъ разсчитывалъ, во всемъ положиться.

* * *

Будучи членомъ партіи, живя среди партійныхъ товарищей, Гапонъ зналъ о нѣкоторыхъ партійныхъ предпріятіяхъ, зналъ и объ организовавшемся тогда для Россіи большомъ транспортѣ оружія и динамита. Познакомился съ Соковымъ (не членомъ партіи), доставившимъ большія средства для этого дѣла.

Соковъ увлекся разсказами Гапона о 9-мъ Января, о его вліяніи на рабочихъ, о слѣпомъ довѣріи ихъ къ нему. Гапонъ разсказывалъ о спорахъ между революціонными партіями и объ ихъ безсиліи сдѣлать что нибудь. Просилъ дать ему средства для самостоятельной работы среди своихъ гапоновскихъ рабочихъ. Свидѣтелемъ солидности его плановъ и организаціи онъ представлялъ „раненаго 9 января“ своего помощника, „предсѣдателя Невскаго отдѣла“, „рабочаго“ Петрова,

пріѣхавшаго къ нему „съ полномочіями отъ петербургскихъ рабочихъ.“

Петровъ былъ ослѣпленъ блескомъ, въ которомъ засталъ Гапона за границей, его разсказами и планами, его критикой революціонныхъ партій. Онъ поддался вліянію Гапона и разсказалъ Сокову все, что заранѣе велѣлъ ему сказать Гапонъ.

На основаніи „свидѣтельства“ Петрова Гапонъ получилъ 50,000 франковъ.

* * *

Около 20 мая 1905 г. я вернулся изъ Россіи за границу (въ Парижъ). Мнѣ разсказали о Гапонѣ, о сдѣланномъ ему предложеніи выйти изъ партіи и причинахъ этого. Мнѣ поручили поѣхать въ Лондонъ повидаться по дѣлу съ *Соковымъ*. Тамъ я встрѣтился съ Гапономъ.

Среди товарищей я былъ самый близкій Гапону человѣкъ за границей.

Онъ обрадовался моему пріѣзду; радовался тому, что я ускользнулъ отъ ареста на границѣ. Разсказывалъ мнѣ о причинахъ ухода изъ партіи. По своему, конечно. О планахъ, сводившихся къ восклицанію: „ты увидишь, что я сдѣлаю!“ Но дольше и подробнѣй всего разсказывалъ о памятникѣ, который рабочіе собираются поставить ему „при жизни“ — „какъ никому“; о его бюстѣ, „поставленномъ въ здѣшнемъ лондонскомъ музеѣ“ и „въ Парижѣ тоже“. (Это надъ нимъ подшутилъ, должно быть, кто то). Разказывалъ о томъ, что за каждое написанное имъ „слово“, по его „расчету“, выходитъ „по двадцати копеекъ“. Разсказывалъ о деньгахъ и оружіи, которыя у него имѣются и будутъ. Приглашалъ меня „оставить с.-р-овъ“ и работать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ убѣдился, что всѣ революціонеры талмудисты и не знаютъ практической жизни. Если С.-Р. и С.-Д. захотятъ, они пойдутъ за нимъ, а не захотятъ — онъ ихъ заставитъ итти за собой.

Все это было для меня ново въ немъ. Я попробовалъ было поговорить съ нимъ по старому, по товарищески. Но скоро прекратилъ, увидѣвши, насколько это безплодно.

Передъ вторичнымъ моимъ отъѣздомъ въ Россію Гапонъ пріѣхалъ повидаться со мной въ Женеву. Но и изъ этого свиданія никакого проку не вышло. Мы совершенно разно смотрѣли на вещи, шли разными дорогами.*)

* * *

Ц. К. поручилъ мнѣ поѣхать въ Россію поставить пріемку оружія съ отправлявшагося тогда парохода „Джонъ Крафтонъ.“ Заняться этимъ дѣломъ мнѣ не пришлось. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Петербургъ я былъ аресто-

*) По имѣющимся у В. Л. Бурцева даннымъ, Гапонъ къ этому времени уже возобновилъ свои сношенія съ департаментомъ полиціи черезъ пріѣхавшаго къ нему за границу Мѣдникова.

ванъ на улицѣ послѣ несостоявшагося, условленнаго съ бывшимъ членомъ партіи... Татаровымъ, свиданія. До выхода изъ тюрьмы о Гапонѣ не зналъ ничего. Какъ онъ жилъ это время, о его поѣздкѣ въ Финляндію, о томъ, какъ онъ впуталъ въ дѣло пріемки оружія совершенно постороннихъ дѣлу лицъ, о его жизни за границей послѣ возвращенія изъ Финляндіи, знаю по разсказамъ.

— „Былъ у васъ въ Россіи Гапонъ, теперь вамъ нуженъ Наполеонъ!" — сказалъ однажды Гапону наивный, восторженный капитанъ Кокъ (извѣстный капитанъ финляндской красной гвардіи.)

— „А почемъ вы знаете, можетъ, я буду и Наполеономъ!" — срѣзалъ его совершенно серьезно Гапонъ.

Это было въ Финляндіи осенью 1905 г., когда ждали прибытія парохода съ оружіемъ. Для меня до сихъ поръ не ясна роль, которая предназначалась при этомъ Гапону. Рѣчь, вѣдь, шла тогда о томъ только, чтобы принять и спрятать оружіе, а не о какомъ бы то ни было вооруженномъ возстаніи.

Финны прятали Гапона, ухаживали за нимъ. Но, по ихъ словамъ, онъ въ это время совсѣмъ не походилъ на Наполеона. Онъ очень волновался, боялся быть арестованнымъ, а главное „повѣшеннымъ".

Разное мнѣ разсказывали о его жизни за этотъ періодъ, хорошаго мало. Но для меня изъ разсказаннаго видно было, что если онъ и развлекался, мутилъ, то переживалъ и тяжелыя минуты. Вернувшись изъ Финляндіи, послѣ крушенія „Джона Крафтона," онъ часто и горько тосковалъ. Вѣдь, дѣлать что-нибудь, работать онъ не умѣлъ. Интересы эмигрантской колоніи? Мелкія дрязги ея повседневной жизни? Многихъ они засасывали, но кого же не отталкивали отъ себя?

Вотъ картина, разсказанная очевидцемъ.

Парижскій кабакъ. За столомъ охмѣлѣвшій, загрустившій Гапонъ. Кругомъ содомъ. Гапонъ подымаетъ голову, съ помутившимися глазами зоветъ гарсона.

— Гарсонъ! „Реве тай стогне."

Французскій гарсонъ, конечно, не понимаетъ.

Гапонъ сердится, бьетъ кулакомъ по столу, настаиваетъ на своемъ.

Его стараются понять и удовлетворить. Въ оркестрѣ отыскивается интернаціональный скрипачъ, понявшій, чего отъ него требуютъ.

Плачетъ скрипка... Плачетъ Гапонъ. Мысли его далеки отъ окружающаго его кабацкаго, обратившаго на него вниманіе, хаоса. Гапонъ плачетъ и подтягиваетъ:

Реве тай стогне Днiпръ широкый,
Сердытый вiтеръ завыва,
До долу вербы гне высокi,
Горамы хвылю пiдiйма...

Скрипачъ кончилъ, расшаркался съ изысканной любезной улыбкой.

Гапонъ брезгливо запускаетъ пальцы въ жилетный карманъ и швыряетъ скрипачу золотой...

VI.

Три раза я видѣлся съ Гапономъ въ ноябрѣ 1905 г., т. е. послѣ октябрьскаго манифеста и амнистіи.

Первый разъ мы встрѣтились въ Вольно-экономическомъ обществѣ во время засѣданія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Это было въ началѣ ноября, послѣ второй всеобщей забастовки, когда петербургскіе рабочіе потребовали, и получили, жизни для кронштадтскихъ матросовъ и снятія военнаго положенія для Польши.

По словамъ Гапона, онъ только что пріѣхалъ тогда въ Петербургъ.

Въ боковой, примыкавшей къ общему залу комнатѣ, въ темнотѣ, умѣстившись на книжныхъ тюкахъ, мы вспоминали 9-е января и все прошедшее послѣ него, говорили о текущемъ движеніи и руководителяхъ его, говорили о личныхъ нашихъ дѣлахъ.

Къ моему удивленію, Гапонъ попросилъ использовать мои связи, чтобы исхлопотать ему амнистію.

Я возражалъ, что ему, съ его прошлымъ, не прилично *ходатайствовать* передъ правительствомъ о своей амнистіи. Я предлагалъ ему стать, какъ революціонеру, подъ защиту революціи, бывшей въ то время еще побѣдительницей, а не побѣжденной.

— Пойди, попроси сейчасъ же у предсѣдателя слова, скажи собранію: „Я — Георгій Гапонъ и становлюсь, товарищи, подъ вашу защиту.“ И никто тебя не посмѣетъ тронуть.

Онъ не соглашался. Вялый, задумавшійся, не договаривающій чего то, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— „Ты ничего не понимаешь!“

* * *

Второй и третій разъ Гапонъ пріѣзжалъ ко мнѣ на квартиру.

Сначала нѣсколько подробностей.

1) Въ первый изъ этихъ пріѣздовъ онъ просилъ дать ему денегъ, такъ какъ нуждается. Я могъ предложить ему только 25 рублей. Онъ ихъ взялъ. И позже, въ январѣ 1906 г. возвратилъ ихъ моей женѣ.

2) Въ то время по улицамъ Петербурга не безопасно было ходить даже среди бѣла дня. „Развлекалась“ только что народившаяся сотрудница правительства — черная сотня. Гапонъ просилъ дать ему два браунинга. Я обѣщалъ и далъ ихъ ему при слѣдующемъ свиданіи.

3) Въ серединѣ ноября 1905 г. я былъ въ канцеляріи прокурора судебной палаты, чтобы взять свои документы. Мнѣ сказали, что всѣ привлекавшіеся вмѣстѣ со мной по дѣлу 9-го января, и *Гапонъ въ томъ числѣ*, амнистированы. Во время второго свиданія у меня на квартирѣ (т. е. послѣдняго нашего свиданія въ ноябрѣ) я ему сказалъ объ этомъ, очень довольный, что Гапонъ прекратитъ подпольный образъ жизни. Но онъ только принялъ это къ свѣдѣнію.

* * *

Оба раза на моей квартирѣ мы много говорили объ его „отдѣлахъ". Онъ спрашивалъ, что и какъ ему слѣдуетъ, по моему, дѣлать.

Я отвѣчалъ: если онъ имѣетъ въ виду свои личные интересы, то используетъ интересъ и довѣріе рабочей массы къ его имени, какъ демагогъ. Но цѣли, навѣрное, не достигнетъ, такъ какъ соціалистическія партіи достаточно сильны и организаціонно и идейно, чтобы уничтожить его при первой же подобной попыткѣ. Если же для него важны интересы рабочихъ, а не свои собственные, — а интересы рабочихъ онъ обязанъ защищать раньше всего, — то роль его должна свестись къ слѣдующему.

Онъ долженъ возстановить свои „отдѣлы", какъ внѣпартійныя рабочія организаціи. Своимъ вліяніемъ на сѣрую массу рабочихъ, уходящую къ черной сотнѣ, онъ долженъ собрать и сорганизовать ее въ своихъ „отдѣлахъ". Верхи рабочихъ, сорганизованные въ соціалистическихъ партіяхъ, по моему, тоже примутъ въ нихъ участіе. При каждомъ изъ „отдѣловъ" каждая изъ партій должна имѣть свое бюро со своимъ книжнымъ складомъ, читальней и т. д. Если среди рабочихъ окажется значительная группа даже черносотенцевъ, которые пожелаютъ имѣть свое бюро, они дожны его получить. Ни въ какомъ случаѣ не допускать для какой бы то ни было партіи „захвата" вліянія надъ всей организаціей. Каждая изъ нихъ должна использовать по очереди свое право устройства лекцій, рефератовъ, на которыхъ должна соблюдаться для всѣхъ безъ исключенія свобода слова. Рабочіе такимъ образомъ научатся самостоятельно разбираться въ окружающихъ ихъ теченіяхъ, сознательно и спокойно рѣшать интересующіе ихъ вопросы, а не будутъ ограничиваться принятіемъ митинговыхъ резолюцій подъ вліяніемъ того или другого агитатора. Собранные въ отдѣлы рабочіе сорганизуются въ профессіональные и кооперативные союзы. А сами „отдѣлы" станутъ союзомъ профессіональныхъ и кооперативныхъ союзовъ. Рабочее движеніе сдѣлается силой, которая сумѣетъ вести серьезную экономическую борьбу.

Гапонъ соглашался со мною. И для успѣха дѣла просилъ написать въ „Сынѣ Отечества" статью, призывающую рабочихъ

относиться съ довѣріемъ къ нему и его "отдѣламъ." Я обѣщалъ, если товарищи согласятся со мной.

Отдѣльныя слова, выраженія Гапона, тонъ, которымъ онъ говорилъ, оставили у меня отвратительный осадокъ на душѣ. Непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня и „товарищъ" его, съ которымъ онъ пріѣхалъ; маленькій, невзрачный рабочій, остававшійся почему то (такъ распорядился Гапонъ) въ теченіе всего нашего разговора въ другой комнатѣ. Судя по описаніямъ, это былъ Кузинъ.

Раньше чѣмъ я собрался написать обѣщанную статью, въ газетахъ появились извѣстныя интервью съ Гапономъ. Я вызвалъ его черезъ рабочихъ къ себѣ, чтобы объясниться, но онъ не явился. Говорили, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Чѣмъ больше росли гапоновскія организаціи въ Петербургѣ, тѣмъ чаще появлялись гапоновскія интервью, все болѣе опредѣленныя по своему содержанію, нападающія на соціалистическія партіи, примиряющія съ правительствомъ. Мнѣ казалось, что изъ двухъ путей, о которыхъ я говорилъ съ нимъ, онъ выбралъ первый, т. е. путь демагога.

Между тѣмъ, рабочая среда, даже партійная, заколебалась. Захотѣли итти въ „отдѣлы". Привлекали широта организаціи и имя Гапона. Въ партіяхъ и въ „Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ" стали обсуждать вопросъ объ отношеніи къ гапоновцамъ и ихъ организаціямъ. Въ Исполнительномъ Комитетѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, гдѣ я былъ представителемъ отъ партіи, я высказался за борьбу съ гапоновщиной, какъ съ демагогіей. Но вопросъ этотъ тогда не былъ рѣшенъ. А скоро пересталъ существовать самый Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

* * *

Въ концѣ декабря 1905 г. я вынужденъ былъ перейти опять на нелегальное положеніе. Гапономъ больше не занимался. Ничего о немъ, кромѣ того, что было въ газетныхъ замѣткахъ, я не зналъ.

Въ концѣ января 1906 г. Ц. К. поручилъ мнѣ поѣхать въ Москву. Передъ отъѣздомъ я видѣлся съ женой, которая сообщила мнѣ, что Гапонъ меня разыскиваетъ, хочетъ поговорить со мной о чемъ то.

Я заѣхалъ къ Гапону на дачу въ Теріоки, но не засталъ его и уѣхалъ въ Москву, не повидавшись съ нимъ.

ЧАСТЬ II.

Отчеты Центральному Комитету Партіи С-Р. о предательствѣ и смерти Гапона.

Отчетъ I*).

6 февраля 1906 г. въ Москвѣ, гдѣ я жилъ нелегально, ко мнѣ явился Гапонъ. Моя жена, вполнѣ ему довѣрявшая и знавшая, какъ меня разыскать въ эти дни, указала ему, куда обратиться. Гапонъ пріѣхалъ 5-го утромъ изъ Петербурга, явился по данному адресу. Ему сказали, что я туда долженъ прійти только 6-го въ 3 часа дня. Когда я пришелъ, Гапонъ уже ждалъ меня.

Онъ сказалъ, что пріѣхалъ спеціально повидаться со мной и сообщить мнѣ что то очень важное.

— Дѣло, большое дѣло. Вѣрно! Не надо только смотрѣть узко на вещи. Ты даже догадаться не можешь, въ чемъ дѣло. Вечеромъ поѣдемъ въ Яръ**), тамъ поговоримъ.

Я указалъ, что въ Яръ ѣздить неудобно въ полицейскомъ отношеніи. Да и не къ чему. Можно тутъ сейчасъ поговорить.

— Пустяки все это! вспыхнулъ онъ чего то, но сейчасъ добавилъ упавшимъ голосомъ, странно на меня поглядывая:

— Ты не бойся. Ты мнѣ, главное, вѣрь. Поѣдемъ Говорю тебѣ, не арестуютъ. Потомъ, я пригласилъ *Александру Михайловну****) и стараго ученика моего по семинаріи съ женой. Онъ хорошій человѣкъ. Поѣдемъ. Проведемъ вечеръ. Тамъ поговоримъ.

Я наотрѣзъ отказался ѣхать въ Яръ разговаривать о конспиративныхъ дѣлахъ. Любой сыщикъ могъ его тамъ узнать въ лицо, и я провалюсь. Да и приглашенные имъ посторонніе люди будутъ мѣшать. Предложилъ ему, если хочетъ, говорить сейчасъ.

Онъ отказался, сославшись на отсутствіе настроенія для разговора по такому важному дѣлу. Мы условились встрѣтиться на той же квартирѣ въ 9 часовъ вечера.

Видъ и настроеніе Гапона, котораго я не встрѣчалъ съ ноября 1905 г., меня поразили.

Во 1-хъ, онъ слишкомъ хорошо былъ одѣтъ. Для Гапона, бывавшаго ежедневно въ голодныхъ рабочихъ кварталахъ, это

---

*) Разсказы Гапона и его разговоры со мной записаны, по скольку было возможно, съ буквальной точностью. Слова и выраженія въ моемъ изложеніи тѣ, которыя употреблялъ самъ Гапонъ. Примѣчанія отъ моего имени помѣчены тамъ, гдѣ это мнѣ казалось нужнымъ для ясности.

При редактированіи этихъ отчетовъ исправлено и сокращено только то что говорится отъ моего имени. Сказанное самимъ Гапономъ и записанное въ свое время не измѣнено.

Послѣдніе два отчета подтверждаются, конечно, присутствовавшими.

Добавленное позже тоже помѣчено.

**) Яръ - загородный ресторанъ въ Москвѣ

***) Имена, набранныя курсивомъ, измѣнены. А. М. - хозяйка квартиры, гдѣ мы встрѣтились.

было не кстати, рѣзало глазъ. Во 2-хъ, онъ весь какъ то облинялъ. Былъ пришибленный, безпокойный. Взгляда моего не выдерживалъ. Щупалъ меня глазами, но со стороны, такъ, чтобы я не замѣтилъ.

— Потомъ мы все таки поѣдемъ въ Яръ. Настроеніе у меня плохое. Хочется немного развлечься.

— Зачѣмъ же обязательно въ Яръ? Можно здѣсь посидѣть.

— Я этого кабака еще не знаю. Хочу посмотрѣть. И чего ты упираешься? Хочу съ тобой вечеръ провести. Ты, вѣдь, понимаешь, что не ловко, разъ я пригласилъ уже людей.

— Ладно, тамъ видно будетъ.

Гапонъ сидѣлъ въ креслѣ, облокотивши голову на руку, совсѣмъ разслабленный.

Разставаясь съ нимъ, я сказалъ между прочимъ, что пойду куплю себѣ пальто.

— Дорогое купишь пальто?

— Рублей въ 35.

— Такое дешевое? Хочешь, я куплю тебѣ хорошее пальто, спросилъ онъ.

— То есть, какъ это ты купишь мнѣ пальто?

— Ну, подарокъ. Ну, хочу купить тебѣ *хорошее* пальто (онъ подчеркнулъ слово „хорошее“). Понимаешь? Ну, подарокъ, что ли.

Я отклонилъ неумѣстный подарокъ.

* * *

Вечеромъ, въ 9 часовъ, послѣ длиннаго предисловія объ узости взглядовъ нѣкоторыхъ товарищей (революціонеровъ), о томъ, что надо дѣлать, что изъ всѣхъ товарищей онъ цѣнитъ только меня одного, что когда лѣсъ рубятъ, щепки летятъ, и т. д., онъ спросилъ съ меня слово, что все, что сообщитъ мнѣ, останется между нами, такъ какъ это большая тайна.

Не подозрѣвая ничего особеннаго, я обѣщалъ.

Разсказалъ Гапонъ слѣдующее:

Онъ пріѣзжалъ въ Россію три раза. *Первый* разъ въ августѣ 1905 г. (Тогда онъ до Россіи не доѣхалъ. Былъ только въ Финляндіи. Заявленія въ печати, что онъ провелъ тогда три мѣсяца среди крестьянъ и рабочихъ — неправда. П. Р.)

Второй разъ онъ пріѣхалъ не надолго послѣ манифеста 17 октября 1905 г. и *третій* разъ — въ концѣ декабря 1905 г.

Во второй его пріѣздъ, т. е. послѣ 17 октября, нѣкоторые либералы: Струве, Матюшинскій и другіе, стали хлопотать у Витте объ его (Гапона) легализаціи и объ открытіи 11-и отдѣловъ. Особенно хлопоталъ о немъ Матюшинскій, бывшій много лѣтъ с-д. и с-р. и имѣвшій большія связи. Витте не соглашался.

Разъ Матюшинскій познакомилъ его съ чиновникомъ особыхъ порученій при Витте, Мануйловымъ, который сообщилъ, что Витте очень безпокоится о судьбѣ Гапона. Онъ цѣнитъ ге-

ніальныя способности Гапона и ему будетъ крайне тяжело, если Гапона арестуютъ. Дурново настаиваетъ на его арестѣ. Пребываніе Гапона въ Петербургѣ очень опасно. Этотъ арестъ принесетъ большой вредъ рабочему дѣлу. Графъ Витте проситъ его, для его же пользы и для пользы рабочихъ, уѣхать изъ Петербурга.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ Мануйловымъ, „бывшимъ агентомъ Плеве въ Парижѣ", пояснилъ Гапонъ, пришли къ слѣдующему соглашенію: правительство черезъ Мануйлова выдаетъ ему паспортъ. За это Витте обѣщаетъ: 1) открыть отдѣлы, 2) возмѣстить причиненные въ январѣ отдѣламъ убытки въ суммѣ 30.000 рублей и 3) недѣль черезъ шесть легализировать Гапона.

Около 24-го ноября (точно числа не помню) Гапонъ уѣхалъ за границу. Уполномоченнымъ по всѣмъ дѣламъ оставилъ Матюшинскаго.

Рѣшеніе это было принято Гапономъ не единолично, а по совѣщанію съ своей „организаціонной комиссіей".*)

Отдѣлы были открыты. Были затрачены большія деньги на ихъ отдѣлку. Но во время московскаго возстанія ихъ опять закрыли.

Не дождавшись шестинедѣльнаго срока, Гапонъ вернулся въ Россію, около 25 декабря 1905 г. Причиной этого преждевременнаго пріѣзда Гапонъ выставляетъ усиленную за нимъ слѣжку въ Парижѣ и нѣкоторыя другія соображенія, которыхъ мнѣ не сказалъ.

Вернувшись, онъ узналъ, что Витте обѣщаній своихъ не сдержалъ. Отдѣлы хотя были открыты, но немедленно закрыты. Вмѣсто 30.000 рублей выдано только 7.000.

По порученію Витте дѣломъ о гапоновскихъ организаціяхъ завѣдывалъ министръ торговли Тимирязевъ. Къ нему была отправлена депутація отъ рабочихъ за объясненіями. Тимирязевъ сообщилъ, что деньги выдалъ полностью и показалъ расписку Матюшинскаго въ полученіи всѣхъ 30.000 рублей. Относительно отдѣловъ сказалъ, что Дурново не разрѣшаетъ ихъ открывать.

Оказалось, что Матюшинскій скрылся съ 23.000 рублей. За нимъ въ погоню послали рабочихъ Кузина и Черемухина.

* * *

При слѣдующемъ свиданіи Гапона съ Мануйловымъ, тотъ объяснилъ, что Витте ведетъ борьбу съ Дурново за отдѣлы, что отдѣлы теперь кабинетскій вопросъ. Дурново сказалъ, что подастъ въ отставку, если откроютъ отдѣлы. Мануйловъ еще прибавилъ, что теперь этимъ дѣломъ вѣдаетъ Дурново и что съ Гапономъ хочетъ повидаться правая рука Дурново — Рачковскій, вице-директоръ департамента полиціи.

---

*) Возобновившейся гапоновской рабочей организаціи.

Гапонъ на свиданіе согласился.

Оно было назначено въ отдѣльномъ кабинетѣ въ ресторанѣ. (Всѣхъ свиданій у Гапона съ Рачковскимъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ до 6-го февраля было четыре: одно у Контана, два у Кюба, одно у Донона. Въ какомъ ресторанѣ какое изъ свиданій — не знаю)

Рачковскій выразилъ большую радость представившемуся случаю встрѣтиться съ такимъ талантливымъ человѣкомъ, какъ Гапонъ. Гапонъ прибавилъ: „Рачковскій сразу поддался моему обаянію. Ты вѣдь знаешь, я людей знаю хорошо и видѣлъ это ясно.“

Рачковскій сказалъ, что говоритъ отъ имени Дурново и что все, что говоритъ онъ, есть въ то же время мнѣніе Дурново. По вопросу объ открытіи отдѣловъ дѣло обстоитъ очень туго. Дурново считаетъ отдѣлы очень опасными и присутствіе Гапона въ Петербургѣ совершенно нежелательнымъ при настоящемъ положеніи вещей. (Это свиданіе происходило въ концѣ декабря или въ началѣ января 1906 г.)

Всѣ, и Дурново и Треповъ, считаютъ его человѣкомъ талантливымъ и, въ то же время, опаснымъ· Они говорятъ, что Гапонъ 9-го января устроилъ революцію на глазахъ у правительства и боятся, что теперь онъ выкинетъ что нибудь подобное.

Гапонъ успокаивалъ Рачковскаго. Онъ говорилъ, что имѣетъ въ виду только профессіональное движеніе. Взгляды его на рабочее движеніе измѣнились. Оно должно развиваться мирно. Относительно вооруженнаго возстанія и прочихъ кровавыхъ мѣръ онъ, Гапонъ, теперь мнѣнія свои измѣнилъ. Отъ крайнихъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ прокламаціяхъ (напечатанныхъ Гапономъ послѣ 9-го января), онъ отказывается и жалѣетъ о нихъ.

Рачковскій указалъ на то, что правительство никакихъ гарантій въ этомъ не имѣетъ. Онъ просилъ написать Дурново письмо и изложить въ немъ все сказанное.

Рачковскій совершенно согласенъ съ Гапономъ относительно постановки рабочаго дѣла и теперяшнаго положенія Россіи.

Гапонъ письмо писать отказался (такъ онъ говорилъ). Тогда Рачковскій сказалъ, что безъ такого письма нечего и говорить о новомъ открытіи отдѣловъ. На государя прошлогоднія гапоновскія прокламаціи навели мистическій ужасъ и во всемъ, происходящемъ теперь въ Россіи, онъ видитъ Гапона. Дурново необходимо явиться съ какимъ нибудь оправдательнымъ документомъ къ государю при докладѣ по этому дѣлу.

Гапонъ написалъ Дурново.

Это было около 15-го января 1906 г.

(Я просилъ Гапона прочесть мнѣ черновикъ, если у него есть. Онъ отвѣтилъ, что оставилъ въ гостинницѣ, а на слѣдующій день принесетъ и прочтетъ.)

Рачковскій взялся передать письмо Дурново и просилъ у Гапона разрѣшенія придти на слѣдующее свиданіе съ крайне интереснымъ и талантливымъ человѣкомъ, Герасимовымъ, начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія. Треповъ о немъ необыкновенно высокаго мнѣнія, считаетъ его самымъ талантливымъ человѣкомъ въ департаментѣ полиціи. А Герасимовъ очень желаетъ повидать Гапона.

Гапонъ разрѣшилъ.

* * *

На этомъ разсказъ Гапона долженъ былъ оборваться.

Было уже поздно. Гости, которыхъ Гапонъ пригласилъ ѣхать въ Яръ, были въ сборѣ и давно уже нетерпѣливо стучались въ дверь, предлагая кончать „серьезные разговоры".

Я опять отказался ѣхать. Но Гапонъ настаивалъ. Даже обидѣлся.

Я видѣлъ, что онъ разсказываетъ мнѣ не все. Многаго я не понималъ. Многаго я не зналъ еще. А узнать и понять надо было все, во что бы то ни стало. Интересно было посмотрѣть его въ кабакѣ. Можетъ быть, даже пьянымъ. Почему онъ такъ настаиваетъ? Я согласился.

Поѣхали въ Яръ на тройкѣ.

Ѣхать пришлось Прѣсней среди пепелищъ. По обѣимъ сторонамъ стояли основы домовъ, безъ крышъ, безъ оконъ, домовъ, отъ которыхъ остались обломки стѣнъ, продырявленныхъ пушечными ядрами. Улицы пусты. Только городовые на постахъ съ винтовками. Попутчики — москвичи указывали, откуда стрѣляли изъ пушекъ, гдѣ больше всего было убитыхъ. Разсказывали отдѣльные эпизоды, происходившіе на томъ или другомъ мѣстѣ, гдѣ мы проѣзжали. Нервы напрягались. Но я съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за Гапономъ. Въ дорогѣ онъ много курилъ, почти ничего не говорилъ. Дамы его постоянно тормошили, чтобы вывести изъ апатіи. За городомъ онъ ударился изъ одной крайности въ другую: сталъ свистать, гикать, но скоро опять умолкъ.

Пріѣхавши въ Яръ, онъ предложилъ пойти въ общій залъ. Я запротестовалъ. Взяли кабинетъ. Просидѣли нѣсколько минутъ. Гапонъ былъ недоволенъ. Наконецъ, онъ рѣшительно заявилъ, что надо итти въ общій залъ.

— Тамъ музыка, тамъ женщины, тамъ тѣломъ пахнетъ.

Такое заявленіе меня заинтересовало. Я махнулъ рукой на конспирацію.

Въ общемъ залѣ сѣли въ переднемъ углу, направо отъ двери, около оркестра.

Пилъ Гапонъ мало. Былъ совершенно разбитъ. Часто укладывалъ руки на столъ и голову на руки. По долгу оставался въ такомъ положеніи. Потомъ поднималъ голову, надѣвалъ пенснэ и разсматривалъ залъ. Я думалъ тогда, что онъ изуча-

етъ „женщинъ“. Позже убѣдился, что кромѣ „женщинъ“ онъ *въ залѣ видѣлъ и еще кого то.* Онъ снималъ пенснэ, опять укладывалъ голову съ какимъ то безсильнымъ отчаяніемъ на руки, опять поднималъ ее и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ:

— Ничего, Мартынъ, все хорошо будетъ!

Нѣсколько разъ обращался къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ:

— Александра Михайловна, пожалѣйте меня!

Я всѣми силами старался скрыть овладѣвшіе мною все болѣе и болѣе отвращеніе и ужасъ.

* * *

На слѣдующій день, 7-го февраля, Гапонъ прочелъ мнѣ черновикъ письма къ Дурново, о которомъ онъ говорилъ наканунѣ.

Кромѣ взгляда на настоящее положеніе Россіи, на необходимость профессіональной рабочей организаціи и открытія 11-ти отдѣловъ, тамъ говорилось о необходимости вернуться къ началамъ манифеста 17 октября, давалось объясненіе событіямъ 9-го января 1905 г. Въ этомъ письмѣ говорилось также о святости для Гапона особы государя.

Предательства въ письмѣ я не замѣтилъ. Но соотвѣтствуетъ ли этотъ черновикъ оригиналу—не знаю. Во всякомъ случѣ, думаю, что въ гостинницѣ онъ черновика не оставлялъ.

Гапонъ продолжалъ прерванный наканунѣ разсказъ.

Слѣдующее свиданіе съ Рачковскимъ происходило уже въ присутствіи жандармскаго полковника Герасимова, опять въ отдѣльномъ кабинетѣ. Герасимовъ былъ въ штатскомъ платьѣ.

Свиданіе началось съ того, что Герасимовъ также высказалъ Гапону свое удивленіе и восхищеніе. Закусывали стоя. Герасимовъ уловчился и подъ видомъ выраженія своихъ пріятельскихъ чувствъ ощупалъ карманы пиджака Гапона и даже похлопалъ его по задней части тѣла, чтобы убѣдиться, что у Гапона нѣтъ револьвера. Все это Гапонъ мнѣ продемонстрировалъ. Гапонъ разсказалъ это въ доказательство того, какъ они „осторожны“.

За обѣдомъ Рачковскій передалъ впечатлѣніе, которое произвело письмо на Витте и Дурново.

Витте сказалъ: „Гапонъ хочетъ меня вы...ать, но это ему не удастся.“

Дурново, дойдя до фразы, гдѣ Гапонъ, излагая событія 9-го января, говоритъ, что особа государя для него священна, но интересы народа также, разсвирипѣлъ и швырнулъ отъ себя бумагу.

Вообще, отношеніе и Витте, и Дурново, и Трепова къ Гапону недовѣрчивое. Они боятся его, — опять что нибудь устроитъ.

— Вѣдь, вотъ, вы говорите, что теперь у васъ никакихъ ре-

волюцiонныхъ замысловъ нѣтъ; вы бы намъ доказали это какъ нибудь.

Рачковскiй говорилъ, что правительство находится въ крайне затруднительномъ положенiи: нѣтъ талантливыхъ людей. А о такихъ, какъ Гапонъ, и думать нечего. Рачковскiй ломалъ руки и дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Вотъ я старъ. Никуда уже не гожусь. А замѣнить меня некѣмъ. Россiи нужны такiе люди, какъ вы. Возьмите мое мѣсто. Мы будемъ счастливы.

Говорилось о большихъ окладахъ, о гражданскихъ чинахъ, полнѣйшей легализацiи Гапона и объ „отдѣлахъ".

— Но вы бы намъ помогли. Вы бы намъ разсказали, что нибудь. Освѣтите намъ положенiе дѣлъ. Помогите намъ!

Рачковскiй сослался на историческiй примѣръ искренняго раскаянiя бывшаго народовольца Льва Тихомирова. Гапонъ долженъ доказать правительству, что оно можетъ ему довѣрять.

Гапонъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ.

Ему возразили, что это не мыслимо для такой личности, какъ Гапонъ. Онъ сталкивался съ массой людей за границей и въ Россiи.

— Разскажите намъ, что вы дѣлали за границей, съ кѣмъ встрѣчались. Докажите вашу искренность.

Тутъ Гапонъ уклонился въ сторону.

— Ты понимаешь, — обращался онъ ко мнѣ — надо смотрѣть шире, надо дѣло дѣлать. И при Народной Волѣ тамъ служили и все выдавали товарищамъ. Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ. Дѣло важнѣе всего. Если тамъ пострадаетъ кто нибудь, это пустяки. Положенiе такое, что надо его использовать. Раньше я былъ противъ единичнаго террора, теперь за единичный терроръ. Надо имъ отомстить. Витте и Дурново — это одно и то же. Они только политику ведутъ такую, что во всемъ виноватъ Дурново, а Витте добрый. Знаю. Что тамъ провокацiя или что бы про насъ не сказали? Пустяки. Надо смотрѣть широко. Вѣрно я тебѣ говорю.

— Ладно. О комъ они тебя спрашивали.

— Спрашивали о Бабушкѣ, о Черновѣ. Я сказалъ, что знаю ихъ. Но больше ничего не сказалъ.

— Еще о комъ спрашивали.

— О тебѣ спрашивали, бросилъ онъ небрежно и замолчалъ.

Я сидѣлъ въ это время за столомъ, онъ ходилъ по комнатѣ, поглядывалъ на меня и ухмылялся.

Я молчалъ, ждалъ, что будетъ дальше.

— Ей-Богу, спрашивали.

— Что же спрашивали?

— Да, ты должно быть неосторожно держалъ себя съ рабочими. Тебя за Нарвской почти всѣ въ лицо знаютъ. Кто ни-

будь изъ рабочихъ и выдалъ. Между ними вѣдь много провокаторовъ. Съ рабочими надо быть осторожнѣе.

И опять замолчалъ. Ходитъ и молчитъ. Время отъ времени на меня поглядываетъ.

— Такъ о чемъ же они спрашивали?

— Да, ты боевыми дружинами, что ли, занимался. Мы, говорятъ, знаемъ, да изловить не можемъ. Хорошо, говорятъ, прячешься. Два раза арестовывали тебя, да уликъ никакихъ не было. Пришлось освободить.

Помолчавъ нѣкоторое время онъ опять началъ.

— Они говорятъ, что ты очень серьезный революціонеръ. Что черезъ твои руки большія деньги должно быть проходятъ. Они знаютъ, что ты на рысакахъ разъѣзжаешь, кутишь. (Короткое молчаніе). Главное, понимаешь, не надо бояться. Грязно тамъ и пр. По мнѣ хоть съ чертомъ имѣть дѣло, не то что съ Рачковскимъ. Отъ нихъ узнать сколько можно.

— Еще что спрашивали?

— Спрашивали про наши отношенія. Я сказалъ, что ты мой первый другъ. Про 9-ое января спрашивали. Какъ все тогда произошло. Они все знаютъ. Вообще къ тебѣ съ уваженіемъ относятся. Серьезный человѣкъ, говорятъ.

— А ты что же?

— Я подтвердилъ. Очень серьезный человѣкъ, сказалъ.

— А когда про боевыя дружины спрашивали, что ты отвѣтилъ?

— Сказалъ, что боевыя дружины для него пустяки, но что человѣкъ серьезный. А про Павла Ивановича и Ивана Николаевича*) ничего не спрашивали, вдругъ спохватился Гапонъ. Я ничего и не сказалъ, конечно.

Въ томъ, что спрашивали, я не сомнѣвался, не сомнѣвался и въ томъ, что онъ сказалъ и про нихъ все, что могъ. А сказать Рачковскому онъ могъ и про партіи и про отдѣльныхъ лицъ, потому что за границей къ нему, особенно въ первое время, относились съ довѣріемъ! Такъ какъ онъ постоянно бывалъ среди товарищей, то узнавалъ и многое конспиративное.

— Когда я имъ сказалъ, что въ очень близкихъ съ тобой отношеніяхъ, они вдругъ откололи: „Вы бы намъ вотъ этого соблазнили". Ей-Богу, такъ, сукины дѣти, и сказали. (Ухмыляется) Про Боевую Организацію разспрашивли. Я сказалъ, что ничего не знаю. Они не вѣрятъ. Но я такъ сказалъ, какъ будто знаю. Они ее очень боятся. Я сказалъ, что для этого большія деньги нужны. Не меньше ста тысячъ. „Хорошо", говорятъ. Я тогда сказалъ, что они должны дѣлать все, что я имъ скажу. Обѣщали. Рутенбергъ не долженъ быть арестованъ, говорю. Обѣщали. Тебѣ нечего теперь бояться. Тебя не арестуютъ. Ты мнѣ вѣрь. Прямо поѣзжай въ Перербургъ. Главное, нечего

*) Иванъ Николаевичъ, какъ извѣстно, кличка Азефа.

бояться. Повидаться тамъ, поговорить. Вѣдь, это пустяки. Для меня дѣло важнѣе всего.

Гапонъ еще долго говорилъ, доказывалъ, разсказывалъ. А я его слушалъ и изрѣдка вставлялъ тотъ или другой вопросъ.

Все свелось къ тому, что онъ взялъ на себя порученіе узнать и выдать „заговоръ противъ царя, Витте и Дурново". Для этого „соблазнить" меня въ провокаторы.

Гапонъ разсказывалъ все это подъ видомъ „плана": использовать свое положеніе съ революціонной цѣлью. Но онъ путалъ. Вначалѣ онъ говорилъ о террорѣ и о необходимости поскорѣе повидаться съ Павломъ Ивановичемъ и Иваномъ Николаевичемъ (Онъ считалъ ихъ, какъ и меня, членами Боевой Организаціи). Гапонъ долженъ войти въ составъ Б. О. на равныхъ съ нами правахъ и все знать, „не такъ, какъ въ Женевѣ". А тамъ можно будетъ использовать его положеніе: узнать про Витте и Дурново.

Дѣло въ томъ, что Витте и его приближенные, какъ Мануйловъ, хотѣли бы, чтобы убили Дурново. А Рачковскій и Дурново были бы не прочь, чтобы убрали Витте. (Гапонъ забылъ, что говорилъ мнѣ, что Витте и Дурново — одно и то же). На этой стрункѣ онъ уже игралъ и узналъ у Мануйлова, что Дурново ѣздитъ къ своей любовницѣ М... и на Моховую улицу. д. №... (Фамилія и адресъ у него записаны въ памятной книжкѣ.) Дальше можно будетъ узнать еще больше. Главное не надо терять времени, поскорѣе повидаться съ П. И. и И. Н. и вмѣстѣ все обсудить. Я съ своей стороны долженъ на нихъ повлiять, что бы они ему, Гапону, довѣряли.

А потомъ все предпріятіе сводилось на деньги, и къ концу разговора — исключительно на деньги. Безъ денегъ ничего сдѣлать нельзя. Деньги — рычагъ всего. Для этого необходимо повидаться съ Рачковскимъ и Герасимовымъ, иначе „они увидятъ", что онъ „ничего не знаетъ" и „перестанутъ довѣрять" ему.

Когда онъ выражалъ желаніе видѣться съ П. И. и И. Н., онъ забылъ, что бралъ съ меня слово, что никто не узнаетъ про нашъ разговоръ. Теперь онъ забылъ, что хотѣлъ видѣться съ ними и опять говорилъ: свиданіе съ Рачковскимъ останется въ абсолютной тайнѣ и *никто* о немъ не узнаетъ. Мнѣ нечего опасаться, да и свиданіе ни къ чему не обязываетъ. Можно только поговорить, пообѣдать вмѣстѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ, и разойтись.

— А ѣдятъ они какъ хорошо, если бы ты зналъ!—вставилъ онъ неожиданно и махнулъ рукой.

Помолчавъ:

— Конечно, сейчасъ ходить не слѣдуетъ. Надо обождать немного, недѣли двѣ. Больше дадутъ. А то подумаютъ, что ты сразу поддался.

* *
*

— Ты имъ сказалъ, что меня зовутъ Мартыномъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, Боже сохрани!

— А они знаютъ это имя?

— Не знаютъ. Да ты не безпокойся. Вѣрь мнѣ!

Горячо и гладко Гапонъ говорилъ только объ общихъ планахъ, а факты излагалъ осторожно, непослѣдовательно, часто противорѣча себѣ. Мнѣ приходилось вытягивать изъ него каждое слово. Онъ раздражался, жаловался, что я ему не довѣряю. Я возражалъ и успокаивалъ его тѣмъ, что дѣло очень серьезное, а въ серьезныхъ дѣлахъ надо все ясно понимать. Поэтому я и спрашиваю, когда чего нибудь не понимаю. Я ставилъ прямые вопросы, онъ вынужденъ былъ отвѣчать.

Изъ разговора удалось выяснить, что Мануйловъ устроилъ Гапону свиданіе съ бывшимъ директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ. Тотъ его уговаривалъ „освѣтить" положеніе.

— Вы только разскажите мнѣ, не нужно писать ничего, только разскажите, что знаете. Я вамъ даю слово никому не сообщать разсказаннаго вами, покуда вы не будете удовлетворены.

Такъ говорилъ Гапону Лопухинъ. Свиданіе у нихъ происходило въ отдѣльномъ кабинетѣ за обѣдомъ. Гапонъ объ этомъ свиданіи не распространялся. Одну характерную фразу, сказанную имъ Лопухину, онъ привелъ:

— Если я вамъ скажу, я вамъ душу живую, все, чѣмъ силенъ былъ до сихъ поръ, отдамъ. Я останусь, какъ Самсонъ, безъ волосъ.

Что онъ еще сказалъ Лопухину во время продолжительнаго и вкуснаго обѣда, какъ Лопухинъ все таки оставилъ его безъ волосъ и сыгралъ роль Далилы, я не знаю.

* * *

Когда Гапонъ взялъ на себя порученіе „соблазнить" меня, онъ отправился къ моей женѣ, узналъ у нея, какъ меня найти въ Москвѣ и сообщилъ объ этомъ по телефону Рачковскому. Сказалъ, что ѣдетъ ко мнѣ въ Москву. И въ Яру, когда я сидѣлъ съ Гапономъ въ общемъ залѣ, очевидно, былъ агентъ Рачковскаго, засвидѣтельствовавшій лично, что свиданіе состоялось.

* * *

Гапону показывали фотографическіе снимки съ собственноручныхъ писемъ *Сокова* къ японскому посланнику въ Парижѣ. Письма были выкрадены изъ стола посланника и сфотографированы. Въ нихъ дается точный отчетъ израсходованныхъ суммъ.

— Показываютъ и говорятъ. — „Вотъ вы какіе, революціонеры! На японскія деньги революцію въ Россіи разводите."

Какъ увидалъ, весь затрясся. Слава тебѣ Господи, думаю, (широко крестится), что не касался этихъ денегъ. А тамъ написано: „С.-Р. 100,000.“ Слава тебѣ Господи! (Опять крестится).

— На какомъ языкѣ написано письмо?

— На французскомъ.

— Ты, вѣдь, ничего не понимаешь по французски?

— Тамъ было написано: „С.-Р. 100,000.“ Самъ видѣлъ.

— Но ты, вѣдь, получилъ отъ *Сокова* 50,000? Какъ же ты говоришь, что не касался этихъ денегъ?

Гапонъ смутился. Онъ думалъ, что я не знаю этого. Деньги онъ получилъ лѣтомъ, когда меня за границей не было.

— Нѣтъ, я ихъ получилъ не отъ *Сокова*, а отъ американки изъ рукъ въ руки. Соковъ къ этимъ деньгамъ никакого касательства не имѣетъ.

(50,000 франковъ Гапонъ получилъ, по словамъ Сокова, въ три пріема; и первую часть лично отъ *Сокова*, для рабочихъ и революціи, конечно).

* * *

— Хочешь, я освобожу твоего брата? (братъ мой сидѣлъ тогда въ Крестахъ) — предложилъ Гапонъ.

Онъ и о братѣ зналъ. Всѣ средства для моего „соблазна“ предвидѣны. Я отказался.

— Онъ молодой еще. Ему полезно посидѣть въ тюрьмѣ.

— Да, вѣдь, это пустяки, — убѣждалъ онъ меня. — Сдѣлаю, какъ только пріѣду въ Петербургъ.

Я все таки отказался отъ этого доказательства дружбы.

* * *

— Знаешь, хорошо бы потомъ взорвать департаментъ полиціи со всѣми документами, — сказалъ онъ, задумавшись.

— Зачѣмъ?

— Ну, какъ же; тамъ вѣдь много разныхъ документовъ про разныхъ лицъ. Данныя тамъ разныя для суда и прочее, продолжалъ онъ уже упавшимъ голосомъ, поглядывая на меня исподлобья, стараясь придать дѣловой революціонный смыслъ неосторожно произнесенной вслухъ мысли.

— Я знаю, что всѣ дѣла имѣются въ копіяхъ въ жандармскомъ управленіи, у прокуратуры.

— Правда?

* * *

— Ты никому не говори про то, что я тебѣ разсказывалъ. Давай вдоемъ дѣло дѣлать.

Я отвѣтилъ, что не могу не разсказать товарищамъ. Надо посовѣтоваться, какъ использовать создавшееся положеніе.

Тогда онъ сталъ меня убѣждать не говорить, а въ крайнемъ случаѣ затронуть вопросъ только принципіально, но не упо-

миная его имени. А то начнутъ говорить, что онъ провокаторъ.

Съ Гапона струился потъ. Онъ сильно волновался, нервно шагалъ по комнатѣ. Я сидѣлъ и думалъ, какъ быть.

— Отчего ты на меня не смотришь? Посмотри мнѣ въ глаза, останавливался онъ нѣсколько разъ.

Я подымалъ глаза, смотрѣлъ на него и видѣлъ, къ ужасу моему, что передо мной, дѣйствительно, Гапонъ, видѣлъ, что это не кошмаръ, а дѣйствительность. Онъ испытующе всасывался въ меня глазами, поворачивался, опять ходилъ, опять останавливался, вглядывался въ меня и спрашивалъ:

— Отчего ты на меня такъ смотришь?

— А какъ же мнѣ на тебя смотрѣть?

— Смотри, я тебѣ все разсказываю, я тебѣ довѣряю. Смотри, — загадочно угрожающе говорилъ онъ и опять шагалъ по комнатѣ, опять говорилъ.

Онъ настаивалъ, чтобы я сейчасъ же сказалъ, пойду ли къ Рачковскому. Ему это „надо знать."

Я отвѣтилъ, что подумаю. Ѣду въ Петербургъ, тамъ съ нимъ повидаюсь. Дамъ отвѣтъ.

* * *

Мы оба были совершенно измучены. Я не въ состояніи былъ дольше ни слушать, ни говорить и сказалъ, что долженъ выйти по дѣлу. Гапонъ настаивалъ, чтобы я съ нимъ остался до поѣзда, что ему очень тоскливо. Я отказался: занятъ. Онъ продолжалъ настаивать. Я сказалъ, что если освобожусь рано, приду къ нему. Но не разсчитываю.

Мы разстались.

Ночевать я долженъ былъ на той квартирѣ, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались. За этимъ домомъ и за мной началась слѣжка. Я рѣшилъ оставаться тамъ ночевать, чтобы не подводить другой квартиры или мой паспортъ. Я скоро вернулся туда и свалился на диванъ.

Часовъ въ 8 вечера Гапонъ спросилъ по телефону: дома ли я. Ему отвѣтили, что дома. Я долженъ былъ итти къ телефону.

— Отчего ты не пріѣзжаешь ко мнѣ?

— Я боленъ, не могу.

— Пустяки, пріѣзжай сейчасъ.

— Не могу.

— Тогда я къ тебѣ пріѣду.

— Пріѣзжай.

Молчаніе. Потомъ:

— Смотри. Какъ бы ты не пожалѣлъ, что я къ тебѣ пріѣду. Сейчасъ буду. Жди меня.

Что означала эта фраза, — не знаю

Гапонъ пріѣхалъ. Я лежалъ на диванѣ больной. Хозяйка за мной ухаживала.

Гапонъ началъ съ упрековъ, что я не во время раскисъ. Я объяснилъ, что простудился наканунѣ.

— Ты смотри! Что то съ тобой не ладно.

Онъ сталъ опять говорить о дѣлѣ. Разсказывать товарищамъ я ни въ коемъ случаѣ не долженъ ничего.

Я отвѣтилъ, что ничего не соображаю; боленъ.

Онъ опять увѣрялъ, что могу совершенно свободно ѣхать въ Петербургъ. Не арестуютъ.

— А гдѣ теперь П. И. и И. Н.? — спросилъ онъ неожиданно.

— Не знаю.

— Ты меня не ....и, — произнесъ онъ, разозлившись.

Лексиконъ его обогатился выраженіемъ, которое, очевидно, часто употребляется въ высшихъ сферахъ департамента полиціи. Гапонъ часто имъ пользовался для краткости и выразительности изложенія своихъ мыслей.

Зашла хозяйка, сказала, что пора ѣхать къ поѣзду.

Онъ спросилъ, какъ меня найти въ Петербургѣ. Я сказалъ, что покуда не знаю.

Свой адресъ: Успенскій переулокъ д. № 7, кв. 13, Петръ Николаевичъ Гребницкій, — онъ далъ мнѣ еще раньше.

Мы попрощались. Видъ мой ничего хорошаго ему должно быть не предвѣщалъ. Послѣднія его слова были съ раздумьемъ:

— Пожалуй, лучше было бы, еслибы я тебѣ ничего не разсказывалъ.

* * *

Я принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы выѣхать изъ Москвы, а главное, пріѣхать въ Петербургъ безъ сыщиковъ, не смотря на высокую протекцію. По дорогѣ въ Петербургъ я прочелъ въ газетахъ письмо Н. П. Петрова „Долой маску“! о Гапонѣ и тридцати тысячахъ рублей.

О деньгахъ, т. е. о 30,000, Гапонъ мнѣ сказалъ, что знаютъ только два человѣка. А о томъ, что онъ встрѣчается съ Рачковскимъ, знаетъ только одинъ изъ нихъ — рабочій. „И то не знаетъ, въ чемъ дѣло.“ Именъ Гапонъ не назвалъ. А когда разсказывалъ о соглашеніи съ Витте, говорилъ, что оно состоялось съ одобренія всего комитета.

(февраль 1906 г.)

* * *

Въ Петербургѣ я никого не засталъ.*) Узнавъ, что „Иванъ Николаевичъ“ (Азефъ) въ Сѣверскѣ, я поѣхалъ туда. Пріѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, кажется въ 7 часовъ утра, 11-12 февраля.

*) Писано въ іюнѣ 1909 г. Текстъ этого добавленія въ такой же приблизительно редакціи находился у Ц. К-та съ лѣта 1906 г.

Разсказалъ все Азефу. Заявилъ ему, какъ члену Ц. К., что такъ какъ дѣло это касается партіи, такъ какъ я членъ партіи, я не считаю себя въ правѣ распорядиться самостоятельно и жду распоряженій Ц. К-та.

Азефъ былъ удивленъ и возмущенъ разсказаннымъ. Онъ думалъ, что съ Гапономъ надо было покончить, *какъ съ гадиной*. Для этого я долженъ вызвать его на свиданіе, поѣхать съ нимъ вечеромъ на своемъ извощикѣ (рысакѣ петербургской Б. О.) въ Крестовскій садъ, остаться тамъ ужинать поздно ночью, покуда всѣ разъѣдутся, потомъ поѣхать на томъ же извощикѣ въ лѣсъ, ткнуть Гапона въ спину ножемъ и выбросить изъ саней.

Въ то же утро со вторымъ петербургскимъ поѣздомъ (въ 10 часовъ утра) пріѣхалъ Субботинъ. Онъ присоединился, по существу, къ мнѣнію Азефа о необходимости убить Гапона, но окончательное рѣшеніе принято не было.

По словамъ члена Ц. К. Краснова, бывшаго въ то время въ Сѣверскѣ, Азефъ зашелъ къ нему въ тотъ же день послѣ обѣда, сообщилъ ему о моемъ пріѣздѣ и разсказанномъ мною и спросилъ его мнѣніе. Красновъ отвѣтилъ Азефу, что при слѣпой вѣрѣ въ Гапона значительной части рабочихъ можетъ создаться легенда, что Гапонъ убитъ изъ зависти революціонерами, которымъ онъ мѣшалъ и которые выдумали, что Гапонъ предатель. Ц. К. не сможетъ предъявить доказательствъ его сношеній съ полиціей, кромѣ моихъ показаній о разговорѣ съ Гапономъ, происходившемъ съ глазу на глазъ. Самымъ подходящимъ рѣшеніемъ вопроса Красновъ считалъ убійство Гапона на мѣстѣ преступленія, т. е. во время его свиданія съ Рачковскимъ.

На слѣдующій день (или вечеръ того же дня) собрались всѣ четверо: *Красновъ*, Азефъ, *Субботинъ* и я. На этомъ собраніи *Красновъ* поддерживалъ только что изложенную точку зрѣнія, что одного Гапона убить нельзя, но что это надо сдѣлать съ обоими вмѣстѣ: Рачковскимъ и Гапономъ, т. е., что я долженъ принять предложеніе Гапона, пойти вмѣстѣ съ нимъ на свиданіе съ Рачковскимъ и тамъ, въ отдѣльномъ кабинетѣ убить ихъ обоихъ.

Азефъ кончилъ тѣмъ, что присоединился къ мнѣнію Краснова, добавивъ, что его особенно удовлетворяетъ двойной ударъ: Гапонъ и Рачковскій, такъ какъ онъ давно уже думалъ о покушеніи на Рачковскаго, но никакъ не могъ найти средства подобраться къ нему. Субботинъ и я считали, что убійство Гапона вмѣстѣ съ Рачковскимъ желательно, но комбинація это сложная и трудно достижимая, такъ какъ опытный полицейскій Рачковскій, считая меня террористомъ, не допуститъ къ себѣ на основаніи одной только рекомендаціи Гапона. Субботинъ считалъ, что партія обладаетъ достаточнымъ авторите-

томъ, чтобы заставить повѣрить себѣ, что Гапонъ дѣйствительно предатель.

Обсужденіе вопроса тянулось нѣсколько дней. Субботинъ остался при своемъ мнѣніи. Не будучи членомъ Ц. К. и не имѣя, слѣдовательно, права голоса, онъ подчинился высказанному мнѣнію двухъ присутствовавшихъ членовъ Ц. К.: Краснова и Азефа.

Предлагавшійся планъ былъ разсчитанъ на 2-3 свиданія, такъ какъ въ первое свиданіе меня могли бы обыскать раньше, чѣмъ подпустить къ Рачковскому. И въ это первое свиданіе я долженъ былъ вести съ Рачковскимъ „предварительные переговоры."

Я съ своей стороны заявилъ, что не разсчитываю на себя въ предлагаемой мнѣ роли. Субботинъ съ Красновымъ изобразили мнѣ въ лицахъ возможный разговоръ съ Рачковскимъ. Азефъ въ этой сценѣ не участвовалъ, а только время отъ времени ихъ одобрялъ.

Я колебался, но въ концѣ концовъ согласился. При болѣе детальномъ обсужденіи дѣла я обратилъ вниманіе на то, что, въ случѣ неудачи, департаментъ полиціи можетъ воспользоваться разыгранной мною ролью для инсинуацій противъ меня. Всѣ присутствовавшіе возразили, что само собой разумѣется. что партія всѣмъ своимъ авторитетомъ защититъ мою честь отъ чьего бы то ни было посягательства при первой же къ тому попыткѣ.

Азефъ предполагалъ, что совершеніе самаго террористическаго акта должно быть сдѣлано не мной лично. Но обсужденіе дѣла привело къ тому, что это необходимо.

Мнѣ было поручено принять предложеніе Гапона и согласиться пойти съ нимъ на свиданіе съ Рачковскимъ. Въ мое распоряженіе былъ предоставленъ членъ Б. О. *Ивановъ*. По плану Азефа я долженъ былъ при помощи *Иванова* въ роли извозчика и ряда частныхъ извозчиковъ симулировать организацію покушенія на тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Дурново. Цѣль этой симуляціи — заставить Рачковскаго, убѣдившагося при помощи установленнаго за мною полицейскаго наблюденія въ томъ, что я руковожу террористическимъ предпріятіемъ въ Петербургѣ, охотнѣе искать свиданія со мной. Всякія мои сношенія съ Ц. К-омъ и другими партійными организаціями я долженъ былъ прекратить, чтобы не навести на ихъ слѣды полицію, которая будетъ за мной наблюдать. Мнѣ было поручено записывать и присылать Ц. К-ту подробное изложеніе хода дѣла.

Въ случаѣ удачи покушенія, и Ц. К., и я должны были заявить, что „Ц. К. постановилъ, а Боевая Организація мнѣ поручила смыть кровью Гапона и Рачковскаго грязь, которой они покрыли 9-е января."

Красновъ и Субботинъ уѣхали. А Азефъ занялся технической разработкой плана покушенія, давая мнѣ детальныя инструкціи: гдѣ, на какихъ улицахъ, въ какіе часы ставить извозчиковъ, въ какихъ ресторанахъ бывать, какъ сноситься съ нимъ (Азефомъ), какъ получить разрывной снарядъ и пр. Весь планъ „симуляціи" былъ настолько легковѣсенъ, что, при практическомъ обсужденіи его, возможность неудачи вырисовалась еще яснѣе.

Не могу сейчасъ возстановить въ памяти моихъ разговоровъ съ Азефомъ по этому поводу. Но фактъ тотъ, что онъ призналъ возможность неудачи и необходимость въ этомъ случаѣ убить одного Гапона. Такъ какъ всякія сношенія мои съ Ц. К. прекращались съ моимъ отъѣздомъ изъ *Сѣверска*, то необходимо было все заранѣе предвидѣть и заготовить также и для этого второго случая. Что Азефъ и сдѣлалъ. Онъ обратился къ *N-амъ* (революціонная партія), изложилъ имъ положеніе дѣла, заявивъ, что въ случаѣ, если придется убить одного Гапона, это будетъ сдѣлано въ Финляндіи, между Петербургомъ и Выборгомъ, гдѣ понадобится помѣщеніе, лошади и люди. Онъ спрашивалъ эту организацію, чѣмъ они могутъ намъ помочь.

Я жилъ тогда въ одной комнатѣ съ Азефомъ. Въ вечеръ, наканунѣ моего отъѣзда въ Петербургъ, къ намъ пришелъ *Фроловъ* и отъ имени Ц. К. *N-овъ* заявилъ, что они рѣшили предоставить въ наше распоряженіе, когда намъ это понадобится, лошадь и двухъ человѣкъ. Помѣщеніе же достать намъ не нашли возможнымъ. Подробно я долженъ былъ условиться обо всемъ съ ихъ представителемъ въ Х-ѣ, куда они уже послали человѣка предупредить тамошнихъ товарищей о своемъ рѣшеніи и о моемъ пріѣздѣ.

Такъ какъ я не помнилъ въ лицо указанныхъ *Фроловымъ* двухъ человѣкъ и такъ какъ съ моимъ отъѣздомъ всякія сношенія и съ ними у меня обрывались, мы условились, что одинъ изъ этихъ людей, будущій извозчикъ, въ красномъ галстухѣ и съ книжкой, завернутой въ желтую бумагу придетъ на вокзалъ провожать поѣздъ, съ которымъ я уѣду въ Петербургъ. Такъ и было сдѣлано.

Въ Петербургъ я уѣхалъ 21 или 22 февраля. Въ Х-ѣ видѣлся съ бывшимъ въ этомъ городѣ представителемъ *N-овъ*. Но тотъ мнѣ заявилъ, что его мѣстные товарищи обсудили постановленіе ихъ Ц. К. и рѣшили, вопреки этому постановленію, что никакого участія въ этомъ дѣлѣ принять не могутъ. Это сообщеніе меня не остановило отъ поѣздки въ Петербургъ, такъ какъ я считалъ, что организація убійства одного Гапона могла и не понадобиться.

Отчетъ II.

Свиданіе въ Теріокахъ на дачѣ Питкиненъ 24-го февраля 1906 года, пятница, 12 часовъ дня.

Гапонъ началъ съ упрековъ за то, что я такъ долго не являлся. Я объяснилъ важными дѣлами, не дававшими мнѣ возможности видѣться съ нимъ.

Я спросилъ о письмѣ Петрова. Гапонъ сталъ кипятиться. Я вставлялъ время отъ времени вопросы. Онъ разсказывалъ отчасти уже извѣстное мнѣ изъ предыдущаго свиданія въ Москвѣ, отчасти новое.

Пріѣхалъ онъ въ *третій* разъ въ Петербургъ въ сочельникъ, 24 декабря 1905 г. Ему стали разсказывать, что Матюшинскій ведетъ себя странно. Онъ поѣхалъ къ нему съ Варнашевымъ и спросилъ, сколько купецъ далъ денегъ. Гапонъ и Матюшинскій условились говорить рабочимъ, что 30.000 рублей даетъ „бакинскій купецъ". Матюшинскій отвѣтилъ: 7.000 рублей.

— Но вѣдь вы говорили, что онъ далъ 10.000?

— Да, но деньги далъ рентой, рента пала.

Гапонъ ничего не возразилъ, но послалъ Мануйлова (чиновника особыхъ порученій при Витте) съ Варнашевымъ къ Тимирязеву. Тимирязевъ показалъ расписки Матюшинскаго въ полученіи всѣхъ 30.000. Мануйловъ съ Варнашевымъ пріѣхали отъ Тимирязева прямо на Владимирскую (д. № 3, правленіе гапоновскаго общества) и сообщили отвѣтъ его. Гапонъ тотчасъ же собралъ бывшихъ тамъ членовъ комитета (Варнашевъ, Кузинъ, Карелинъ, Усановъ, Иноземцевъ, остальныхъ перечисленныхъ фамилій не помню. П. Р.) и разсказалъ о случившемся. Его дергали за полы: нельзя всѣмъ о такихъ вещахъ говорить. Но онъ отвѣтилъ, что деньги бралъ для рабочихъ, деньги эти народныя и онъ не боится. Къ свое время самъ все опубликуетъ.

Петровъ первый тогда призвалъ товарищей поклясться, что объ этомъ никто не узнаетъ. Послали за Матюшинскимъ. Его уже не оказалось дома. Въ тотъ же вечеръ онъ неизвѣстно куда выѣхалъ со своею, какъ выразился Гапонъ, любовницею.

Спустя нѣкоторое время, Старцевъ, сотрудникъ „Новостей", сообщилъ Гапону, что его жена получила отъ любовницы Матюшинскаго письмо изъ Саратова. Отправили туда Черемухина и Кузина. Для легализаціи ихъ дѣйствій Гапонъ поѣхалъ къ Лопухину просить содѣйствія сыскной и явной полиціи въ Саратовѣ. Лопухинъ тотчасъ же телеграфировалъ туда своему ставленнику, какому то полицейскому чину.

Арестъ Матюшинскаго, по словамъ Черемухина, произошелъ такъ. Въ 11 часовъ вечера къ нему нагрянула полиція. Матюшинскій смутился и спросилъ, есть ли у нея какія нибудь полномочія. Открыли двери и ввели живыя полномочія: Кузина и

Черемухина. Матюшинскій упирался. Пришлось его даже въ участокъ взять. Но черезъ два дня покончили дѣло миромъ. Матюшинскій истратилъ свыше двухъ тысячъ. Остальныя онъ перевелъ на имя Кузина.

Матюшинскій поѣхалъ съ Черемухинымъ въ Петербургъ, а Кузинъ въ Пронскій уѣздъ повидаться съ матерью. Его тамъ арестовали за пропаганду среди крестьянъ, отобрали чекъ на 21.000 рублей и наличными 500 съ чѣмъ то.

Гапонъ ходилъ къ Лопухину просить, чтобы его освободили. (Ходилъ до смерти Черемухина). Тотъ обѣщалъ.

— Этакая холява! У него (Кузина) тамъ много знакомыхъ крестьянъ. Поѣхалъ агитаціей заниматься и сѣлъ съ чекомъ.

— Почему ты обратился къ Лопухину, а не къ Рачковскому? — спросилъ я. Лопухинъ вѣдь теперь никакого отношенія къ полиціи не имѣетъ.

Гапонъ сбивчиво объяснилъ, что боялся, что Рачковскій арестуетъ эти деньги.

По мнѣнію Гапона, Петровъ устроилъ скандалъ — опубликовалъ о сношеніяхъ съ Витте и о 30.000 — потому, что нуждался въ деньгахъ, а ему не давали. Товарищи иногда гуляли, а его не приглашали. Человѣкъ онъ завистливый. Петрова задѣло, что Гапонъ охладѣлъ къ нему. „Вообще Петровъ подлецъ и клятвопреступникъ". Находится подъ вліяніемъ жидовской клики соціаль-демократовъ: Мар....а, жены Дм...ева — еврейки и другихъ.

(Все, что здѣсь говорится — слова Гапона. Я этихъ людей не знаю. А о Петровѣ въ частности, слышалъ одно лишь хорошее. П. Р.)

Рабочіе Гапону безусловно довѣряютъ, не обращаютъ вниманія на газеты. Вчера вечеромъ писатель Симбирскій читалъ докладъ о немъ въ клубѣ (Демидовъ переулокъ). Многіе выступали противъ Гапона, но всѣ рабочіе и самъ Симбирскій его защищали.

Симбирскій — сотрудникъ „Слова".

Григорьевъ, товарищъ Петрова, — шпіонъ. Все узнавалъ, когда Петрова не бывало на собраніяхъ и сообщалъ ему.

— Я даже думаю, что онъ въ полиціи служитъ. Оба подлецы. А то, что Петровъ вчера написалъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" — ложь.

Въ субботу 16 февраля было собраніе подъ предсѣдательствомъ Гапона.

— Я произнесъ страстную рѣчь. Напомнилъ кровь товарищей, убитыхъ 9-го января. Атмосфера сгустилась. Я чувствовалъ, что что то сейчасъ должно случиться. Молнія заблеститъ, громъ грянетъ. А какъ разъ послѣ меня пришлось говорить Черемухину. Я же ему револьверъ далъ. Онъ парень честный, хорошій. Онъ рѣшилъ убить Петрова. Въ тотъ же вечеръ онъ мнѣ сказалъ: „рѣшено", т. е., что убьетъ его, какъ измѣнника.

Сидѣлъ онъ противъ меня на другомъ концѣ стола. Поднимается и вдругъ заявляетъ: „нѣтъ правды на землѣ!“ и трахъ разъ, два, три. Послѣднюю пулю прямо въ лобъ себѣ поставилъ и спустилъ. Здоровые парни около него сидѣли, но отъ неожиданности не успѣли помѣшать. Я бросился къ нему. Рабочіе меня обступили, схватили за руки и часа полтора упрашивали, чтобы я не убивалъ себя.

Гапонъ разсказывалъ съ большимъ жаромъ и жестикуляціей.

Походивъ немного по комнатѣ, добавилъ спокойно и смѣясь:

— Съ чего они взяли, что я хотѣлъ себя убить?

Опять ходитъ и, ставъ уже серьезнымъ, продолжаетъ:

— Полтора часа убѣждали. Я заставилъ ихъ поклясться (нахмурилъ брови) надъ тѣломъ товарища, что они всю жизнь будутъ служить рабочему дѣлу. И только тогда сказалъ, что не наложу на себя руки. Да, трагическая была картина, Мартынъ!

* * *

Вотъ новыя подробности.

Первое свиданіе Мануйловъ устроилъ Гапону (въ ноябрѣ) съ Лопухинымъ, а потомъ уже съ Рачковскимъ.

Подъ новый годъ (1906) въ Теріокахъ у Гапона было собраніе рабочихъ въ 110 человѣкъ, которые подтвердили всѣ его права и полномочія, которыми онъ пользовался до 9 января. Это было уже послѣ свиданія съ Мануйловымъ.

Лѣтомъ, когда Гапонъ былъ въ Финляндіи, онъ поручилъ рабочему П. слѣдить за Григорьевымъ и взялъ съ него клятву, что, если бы Григорьевъ оказался человѣкомъ вреднымъ для гапоновской организаціи, убить его. П. эту клятву далъ.

* * *

— Теперь я рѣшилъ требовать общественнаго суда. Я написалъ профессору Грибовскому объ этомъ. Образовалось уже посредническое бюро. Туда вошли кажется, Милюковъ, Іорданскій и еще кто то. Они будутъ организовывать судъ. Я просилъ, чтобы туда вошли представители всѣхъ прогрессивныхъ партій: и союзъ 17 октября, и с-д., и с-р., всѣ, кромѣ реакціонныхъ. Пусть судятъ. Пусть докажутъ съ документами въ рукахъ, что я провокаторъ, что я предатель. Моя совѣсть чиста. Кого я предалъ, пусть скажутъ. Деньги бралъ? Деньги эти народныя, и я считаю, что можно всѣми средствами пользоваться для святого дѣла. Провелъ правительство до 9 января и теперь хотѣлъ. Сорвалось! Что про меня могутъ сказать? Ну ты бы разсказалъ все, что я тебѣ разсказывалъ. Ну что же? — Находился въ сношеніяхъ съ правительственными лицами, имѣя въ виду пользу народа.

Меня интересовало, находится ли онъ и теперь, особенно послѣ смерти Черемухина, въ сношеніяхъ съ Рачковскимъ.

— Ты видѣлся съ Рачковскимъ послѣ Москвы? — прервалъ я его.

Возбужденіе, съ какимъ онъ только что говорилъ, сразу упало.

— Да.

— Сколько разъ?

— Одинъ только разъ.

— Когда?

— Дней шесть тому назадъ. Когда пріѣхалъ изъ Москвы, эта исторія съ Петровымъ на меня навалилась. Не могъ пойти къ нему.

До сихъ поръ Гапонъ ходилъ по комнатѣ. Теперь онъ легъ вялый, разбитый на постель.

— До или послѣ смерти Черемухина?

— Не помню.

Я его заставилъ подсчитать точно. Оказалось *послѣ*. Еще точнѣе. Оказалось — *на слѣдующій* день. Черемухинъ застрѣлился въ субботу 18 февраля вечеромъ, а Гапонъ въ воскресенье утромъ въ 10 часовъ телефонировалъ Рачковскому: можно ли имъ повидаться. Тотъ отвѣтилъ „да“ и назначилъ свиданіе за завтракомъ въ отдѣльномъ кабинетѣ у Кюба въ 12½ часовъ. Гапонъ пришелъ. Татаринъ его ввелъ въ кабинетъ, гдѣ уже стояла приготовленная для двоихъ закуска.

— О чемъ вы говорили?

— Да вотъ сказалъ, что видѣлъ тебя, что, можетъ быть, вступлю въ с.-ровскую организацію. Но, что покуда отвѣта не имѣю. Если да, — хорошо, а нѣтъ — намъ съ нимъ придется разойтись.

— Говорили о Петровѣ?

— Говорили.

— Что же онъ сказалъ?

Гапонъ говорилъ неохотно.

— Сказалъ, что подлецы у меня товарищи. И въ самомъ дѣлѣ, разочаровался я въ рабочихъ. Я не ожидалъ, что между ними были такіе предатели, какъ Петровъ.

— А о Черемухинѣ говорили?

— Да.

— Что говорили?

— Да такъ, ничего особеннаго.

— Какъ ты вызвалъ Рачковскаго?

— По телефону.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Не знаю.

— А какой нумеръ его телефона?

— 1474. Это должно быть его квартира.

— Какъ онъ узнаетъ, что ты говоришь, а не кто нибудь другой?

— Я называю себя Апостоловымъ.

— А онъ?

— Просто, Иванъ Ивановичъ.

— Онъ тебя такъ же хорошо принялъ, какъ и раньше?

— Конечно. Но онъ думаетъ, что партіи теперь меня не примутъ къ себѣ.

— Значитъ, онъ тебя больше не приметъ?

-- Отчего?

— Оттого, что ты ему ничего больше сообщить не можешь.

— Да, я съ нимъ такъ и разошелся. Не зналъ твоего отвѣта.

— Но Рачковскій убѣжденъ вѣдь, что отъ тебя ему теперь никакой пользы нѣтъ. Зачѣмъ же онъ станетъ ходить къ тебѣ на свиданіе?

— Онъ интересуется теперь свѣдѣніями. Все уговариваетъ меня поступить къ нему чиновникомъ особыхъ порученій.

Молчаніе.

— А зачѣмъ ты спрашивалъ нумеръ его телефона? — вдругъ вскочилъ онъ съ постели и сталъ горячиться. — Только ты мнѣ правду говори. Ты меня все допрашиваешь.

— Спросилъ потому, что интересно.

— Зачѣмъ тебѣ?

— А хотя бы для того, чтобы убить его.

Молчаніе.

— Не безпокойся; не стану пачкаться съ нимъ. Съ Рачковскимъ, если и имѣть дѣло, то только для того, чтобы деньги получить съ него.

— Это вѣрно, — опять оживился онъ, и со странной улыбкой продолжалъ: — Онъ недавно получилъ отъ государя 75.000 рублей.

— Сколько онъ дастъ, если я приду къ нему обѣдать? рублей пятьсотъ?

— 3.000 дастъ, — увѣренно возразилъ Гапонъ.

— Чтобъ я къ нему за три тысячи пошелъ?..

— Ну, пять тысячъ дастъ.

— Онъ сыщикъ и...

— Что ты, братъ, сыщикъ, — проговорилъ Гапонъ пониженнымъ голосомъ и съ подобострастіемъ, изобразивъ какъ то своей фигурой, головой, туловищемъ, особенно глазами, что то отвратительное. — Онъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Знаю. Директоръ департамента полиціи.

— Старше. Директоръ, завѣдывающій политическими дѣлами всей Россіи.

— За одно то, что я съ нимъ пообѣдаю, онъ долженъ дать 25.000; меньше не пойду.

— 10.000 дастъ, пожалуй. Ты вотъ что. Въ воскресенье иди прямо къ Кюба. Я его предупрежу.

— Но, вѣдь, онъ меня не приметъ, если тебѣ больше не довѣряетъ.

Разговоръ принимаетъ дѣловой характеръ.

— Онъ мнѣ довѣряетъ.

— Развѣ онъ не боится меня?

— Онъ мнѣ повѣритъ.

— Но онъ, вѣдь, не можетъ допустить, чтобы революціонеры съ тобой теперь дѣло имѣли?

— Если ты придешь, онъ повѣритъ. Потомъ надо ему дать что нибудь...

— Что дать?

— Ну тамъ бомбы, планы какіе нибудь, шифрованныя письма.

— А люди?

— Людей можно предупредить. Вотъ, ты говоришь, у тебя дѣло на рукахъ сейчасъ. Если ему разсказать, много денегъ дастъ.

— Пусть впередъ дастъ. А то разскажу, а онъ меня и деньги арестуетъ, какъ твоего Кузина.

— Что ты, что ты! Онъ этого никогда не сдѣлаетъ.

* * *

Я не могъ принять свиданіе съ Рачковскимъ немедленно. Надо было закончить предварительныя приготовленія. Поэтому, условился съ Гапономъ встрѣтиться тутъ же въ воскресенье утромъ, 26-го февраля, чтобы окончательно сговориться. А до тѣхъ поръ мнѣ надо подумать.

— Только смотри не опаздывай. Вообще, если хочешь дѣло дѣлать, не затягивай. А то одна ерунда выйдетъ, — сказалъ онъ.

— Не опоздаю!

Въ воскресенье все еще не могъ принять свиданія. *Ивановъ* не успѣлъ еще обзавестись извозчичьей справой и стать на условленное мѣсто. Поэтому послалъ сказать Гапону, что не приду къ нему и вызову въ другой день.

Отчетъ III.

Свиданіе въ среду 1-го марта 12 часовъ дня, на дачѣ Питкиненъ, въ Теріокахъ.

У Гапона въ комнатѣ была его жена. Поэтому мы пошли въ избу хозяйки. Началъ Гапонъ съ того, что онъ теперь окрѣпъ духомъ, что хотя судъ товарищескій или общественный очень опасенъ, но онъ все-таки рѣшается. Присяжный повѣренный Марголинъ взялся защищать его дѣло и увѣренъ, что Гапона оправдаютъ. Два суда будутъ: коронный противъ „Новаго Времени“ за клевету и общественный, которому онъ все разскажетъ.

— Марголинъ у меня спрашивалъ сказать ему по совѣсти, взялъ ли я себѣ хоть часть денегъ. Я ему далъ слово, что не

бралъ, ну ни полушки. Я ему все разсказалъ, рѣшительно все.

— Все?

— За исключеніемъ послѣдняго, конечно.

Гапона съежило отъ моего вопроса. Онъ старался вернуться къ прежнему разговору и тону и понемногу оживился.

— Марголинъ говоритъ, что навѣрное оправдаютъ. Вся соціалъ-демократическая жидовская клика рада, потому что съ моимъ паденіемъ они выиграютъ. С.-р. тоже нападаютъ на меня. Рабочему дѣлу это приноситъ страшный вредъ. Надняхъ на Балтійскомъ заводѣ наши рабочіе поранили шестерыхъ соціалъ-демократовъ. Я хотѣлъ устроить новое 9 января, еще большее. Сорвалось!

Я свелъ разговоръ на сношенія съ Рачковскимъ. Оказалось, что первыя два свиданія съ нимъ Гапонъ имѣлъ у Мануйлова на квартирѣ. Рѣчь шла исключительно объ отдѣлахъ. Во время второго свиданія, когда Мануйловъ вышелъ изъ комнаты, Рачковскій сказалъ Гапону: „Этотъ Мануйловъ — балда! Съ нимъ не слѣдуетъ имѣть никакихъ дѣлъ". Онъ далъ Гапону нумеръ своего телефона и предложилъ воспользоваться имъ въ любое время.

— На слѣдующій день я его спросилъ по телефону: „какъ отдѣлы?" Онъ отвѣтилъ: „для этого намъ съ вами надо повидаться лично". Назначили свиданіе въ ресторанѣ. Тутъ онъ ко мнѣ и сталъ подъѣзжать. А я тутъ же подумалъ, сію же минуту: „ты такъ, а я тогда вотъ какъ". Ну, и сказалъ, что ничего не знаю, но такъ сказалъ, какъ будто много знаю. Но я ничего не сказалъ, ни *единаго слова*. Я всегда говорилъ и теперь думаю, что если бы кого-нибудь предать, такъ самому себѣ долженъ пустить пулю въ лобъ. Развѣ я предатель? Дурново даже сказалъ Рачковскому, что „ты, говоритъ, дуракъ. Развѣ ты не видишь, что Гапонъ тебя за носъ водитъ? Видѣлся съ Рутенбергомъ въ Москвѣ и не сказалъ тебѣ даже его адреса". *Ни единаго* слова не сказалъ ему. Я ихъ надуть хотѣлъ, устроить новое еще большее 9-е января. Это вѣрно. Что же здѣсь предосудительнаго? У меня были широкіе планы. Черезъ Мануйлова пробраться къ Витте, черезъ Рачковскаго — къ Дурново. Онъ, вѣдь, мнѣ предлагалъ, не хочу ли я представиться Дурново. И я бы сдѣлалъ дѣло. Забрался бы въ берлогу и однимъ взмахомъ уничтожилъ бы ихъ всѣхъ. Самъ бы убилъ Дурново. Ей Богу... самъ. Конечно, во время, въ извѣстный моментъ. А тутъ, значитъ, отдѣлы, опирался бы на массы. Я широко смотрѣлъ. Сорвалось! А жидовская клика ругаетъ меня предателемъ, провокаторомъ, воромъ. Пусть докажутъ съ документами въ рукахъ, кого я предалъ, что укралъ. Комиссія Грибовскаго должна изображать прокуратуру. Они должны составить обвинительный актъ. Значитъ, взять на себя нравственную отвѣтственность за выставляемыя обвиненія. А матеріалу нѣтъ. Нѣту! (смѣется). А съ правительственными чи-

повниками сношенія имѣлъ: для пользы народнаго дѣла. А сказать имъ, ничего не сказалъ, ни единаго слова. Я же тебѣ сказалъ, что Дурново обругалъ Рачковскаго дуракомъ. Даже адреса твоего имъ не сказалъ.

— А послѣ того, какъ я у тебя былъ, видѣлся съ Рачковскимъ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, послѣ Москвы ты видѣлъ его одинъ только разъ?

— Да, только одинъ.

Гапонъ сказалъ неправду. Вотъ почему. Онъ видѣлся съ Рачковскимъ 19-го февраля, на другой день послѣ смерти Черемухина, разсказалъ ему результатъ свиданія со мной въ Москвѣ. Рачковскій объ этомъ и доложилъ Дурново, а тотъ обругалъ его дуракомъ. Чтобы Гапонъ могъ это узнать, онъ долженъ былъ видѣть Рачковскаго еще разъ.

Исторія съ адресомъ придумана неудачно. Адресъ мой, т. е. мѣсто, гдѣ мы встрѣтились съ Гапономъ въ Москвѣ, стало извѣстно полиціи тотчасъ же. За мной тогда же начали слѣдить.

* * *

Ни Лопухинъ, ни Мануйловъ не знаютъ будто бы о томъ, что Гапонъ встрѣчается съ Рачковскимъ. Когда они спрашивали Гапона объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что больше съ Рачковскимъ не видался.

* * *

Перешли къ дѣлу.

Я высказалъ принципіальное согласіе повидаться съ Рачковскимъ.

Это категорическое заявленіе было для Гапона неожиданнымъ. Онъ какъ то завозился, что-то пробормоталъ.

— Никто не знаетъ объ этомъ. Если кто-нибудь изъ товарищей узнаетъ, я рискую головой. Не станутъ даже въ объясненія со мной вступать, а просто пустятъ пулю въ лобъ за сношенія съ Рачковскимъ.

— Этого никто не узнаетъ.

— Свиданіе должно быть въ отдѣльномъ кабинетѣ. Кромѣ него никто не долженъ знать про мои съ нимъ сношенія.

— Конечно. Будь спокоенъ. До сихъ поръ полиція никого изъ своихъ не выдавала. Революціонеры выдавали. Тихомировъ, напримѣръ, даже С—новъ, говорятъ, выдавалъ.

— Ладно.

— Только ты не безпокойся. Полиція не выдастъ.

— Конечно, не выдастъ. Ей не выгодно. Никто въ провокаторы не пойдетъ.

— Ну да. А насчетъ денегъ какъ?

— 25.000, какъ я уже тебѣ говорилъ. Наличными въ пакетѣ

или ассигновкой. За то только, что пообѣдаю съ нимъ, узнаю, чего онъ хочетъ.

— Это хорошо. Надо все знать точно.

— Никакой слѣжки за мной чтобы не было.

— Само собой разумѣется. Вотъ ты говоришь 25.000. Еслибы ты разсказалъ про дѣло, которое у тебя на рукахъ, можно было бы получить не 25.000, а 50.000 руб.

— 25.000 только за то, что съ нимъ пообѣдаю. Узнаю, что ему нужно. Сказать ему въ первый разъ ничего не скажу. Надо будетъ подумать.

— Это вѣрно. А то 25.000 мало.

— Дешево себя не продамъ. Такъ и скажи ему. За все дѣло не меньше 150:000—200.000 рублей.

— Это вѣрно. Но, вѣдь, я сказалъ 100.000.

— То ты, а то я говорю.

— Но вотъ что. Онъ, вѣдь, можетъ сказать: дать тебѣ 25.000 рублей, а ты его надуешь, ничего потомъ не разскажешь?

— Ты ему объясни: однимъ тѣмъ, что я приду обѣдать, я уже въ вашихъ рукахъ. Если товарищи хоть что-нибудь узнаютъ — мнѣ крышка. Гарантія достаточная. А съ его стороны никакой гарантіи. Я разскажу, а онъ денегъ не дастъ.

— Это вѣрно.

— А ты что получаешь за то, что приведешь меня, — спросилъ я Гапона.

— Не знаю еще. Завтра поговорю.

Любопытный былъ видъ у него. Растерянный, приниженный. Совсѣмъ не такой, какъ когда онъ говорилъ о судѣ и широкихъ планахъ. Нѣкоторое время мы оба молчали. Онъ ходилъ по комнатѣ и думалъ.

— Видишь ли. Деньги большія. Могу я ему сказать опредѣленно, что рѣчь идетъ о Дурново? — спросилъ Гапонъ.

— Я тебѣ довѣряю. Но ты понимаешь, что сказать этого не могу.

— Конечно, самъ видишь, что я ничего не спрашиваю. Ни фамилій, ничего. Самъ понимаю, что въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя.

* * *

Рѣшили: въ пятницу 3-го марта — свиданіе съ Рачковскимъ. Гапонъ предупредитъ его и переговоритъ предварительно. Я пришлю завтра въ 5 часовъ къ Гапону. Онъ передастъ для меня записку, въ которой будутъ день, часъ, мѣсто свиданія съ Рачковскимъ и пароль, какъ пройти. Больше ничего. Я въ указанное мѣсто и время обязательно приду.

* * *

Характерное это было свиданіе. Когда Гапонъ разсказываетъ о судѣ, приводитъ оправданія противъ газетныхъ обвине-

ній, онъ сознательно играетъ, играя, увлекается и забываетъ, должно быть, про данныя имъ Рачковскому „разъясненія“, про взятыя имъ на себя „порученія“. Онъ повторяетъ, очевидно, передо мной тѣ же „благородные“ жесты, что и передъ Марголинымъ, Симбирскимъ и другими. А когда я неожиданно напоминаю о Рачковскомъ, съ него весь пылъ соскакиваетъ. Онъ весь съеживается, горбится, смотритъ изъ подлобья, съ опаской. Покуда не втянется въ „дѣловой“ разговоръ.

* * *

Прежде, чѣмъ разстаться, онъ не забылъ все таки прикрыться „на всякій случай“ фиговымъ листомъ:

— Главное, надо смотрѣть на вещи широко, не односторонне. Если, скажемъ, дѣло какое-нибудь на мази, понимаешь? на мази, какъ у тебя, напримѣръ, то лучше имъ пожертвовать, чтобы получить большія средства и потомъ поставить его еще больше и шире.

— Конечно.

* * *

Мы перешли въ комнату его жены. Я уѣзжалъ въ городъ позже ихъ. Пришлось, поэтому, просидѣть съ ними съ четверть часа. Я себя чувствовалъ отвратительно въ присутствіи этой простой, довѣряющей Гапону женщины, очевидно, любящей его. Она не вѣритъ газетнымъ разоблаченіямъ. И къ суду онъ обратился подъ ея вліяніемъ. Такъ я понялъ изъ ея словъ.

* * *

2-го я послалъ къ нему, какъ условились, съ запиской:

„Напиши результатъ твоего свиданія. М. 2-III 1906“.

Въ 5 часовъ его не застали дома. Сказали, что Гребницкій (Гапонъ) будетъ дома только на слѣдуюшее утро въ 10 часовъ.

3-го марта онъ передалъ мнѣ нѣсколько словъ, написанныхъ на моей же запискѣ; „завтра (суббота) ресторанъ Контанъ 9 часовъ вечера. Спросить г. *Иванова*“.

4-ое марта.

Въ ресторанъ Контана я пріѣхалъ въ субботу въ четверть десятаго.

Въ этотъ вечеръ у Дурново былъ балъ.

Не раздѣваясь, спросилъ лакея, гдѣ кабинетъ Иванова. Тотъ бросился, сломя голову, какъ и полагается въ подобномъ учрежденіи, спрашивать.

Дверь въ корридоръ была открыта. Я видѣлъ, какъ за дверью засуетились. Раздѣвальный лакей вернулся на свое мѣсто и сказалъ: „сейчасъ узнаютъ“.

Вслѣдъ за нимъ подошелъ къ дверямъ оберъ-кельнеръ, оглядѣлъ меня, спросилъ, большая ли должна быть компанія. Я отвѣтилъ: „два человѣка“.

— Сейчасъ спрошу.

Черезъ минуту вышелъ высокій выхоленный молодой человѣкъ, спросилъ одѣться. Очень внимательно меня оглядѣлъ. Потоптался больше, чѣмъ это ему нужно было, чтобы одѣться, взбрасывая на меня глаза при каждомъ удобномъ случаѣ, осматривая меня черезъ зеркало, одѣлъ свою дорогую шубу и вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ изъ того же корридора вышелъ обыкновенный сыщикъ (такъ хорошо знакомая фигура), всосался въ меня глазами на ходу, такъ что они у него чуть не вылѣзли, прошелъ въ раздѣвальную, одѣлся и, выходя на улицу, опять такъ скосилъ глаза на меня, что мнѣ его жаль стало.

Я обозлился, что заставляютъ ждать. Прикрикнулъ на лакея. Тотъ подошелъ къ дверямъ корридора, не торопясь оттуда вышелъ сейчасъ же и сказалъ: „должно быть такого кабинета нѣтъ“.

Я ушелъ.

Рачковскій не рискнулъ встрѣтиться со мною. Но на всякій случай поставилъ агентовъ „посмотрѣть“ и „обставить“.

Ни арестовать меня, ни особенно грубо слѣдить за мною въ этотъ вечеръ, по моимъ соображеніямъ, не должны были. Для Рачковскаго, съ его точки зрѣнія, это было бы не выгодно.

По заранѣе составленному плану я принялъ мѣры къ тому, чтобы остаться безъ „попутчиковъ“.

Отчетъ IV.

Свиданіе 5-го марта вечеромъ.

Въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ я видѣлъ Гапона въ предыдущіе разы, онъ оправился и былъ совершенно спокоенъ.

Вчерашнюю исторію онъ объяснилъ недоразумѣніемъ. Онъ „думалъ“, что я сообщу: приду или нѣтъ; ждалъ, безпокоился очень.

Такъ какъ до 8 часовъ я его не извѣстилъ, то онъ по телефону сказалъ Рачковскому, что я, вѣроятно, не приду.

— Почему ты самъ не пришелъ на всякій случай? Вѣдь, мы съ тобой условились совершенно опредѣленно; что я приду обязательно, когда получу твою записку. Вѣдь, я головой рисковалъ.

— Я очень безпокоился. Послѣ 8-ми поѣхалъ съ женой къ Симбирскому. Вернулся и легъ совсѣмъ рано, часовъ въ 11 спать. Все время думалъ о тебѣ.

— А Рачковскій въ это время поставилъ сыщиковъ, чтобы меня „обставить“.

— Онъ мнѣ далъ честное слово, что ничего не будетъ. Если бы тебя арестовали, я бы пулю себѣ въ лобъ пустилъ.

О чемъ вы говорили?

— Такъ, рѣшили, видишь, если свиданіе состоится, поговорить раньше съ тобою, а потомъ, въ зависимости отъ твоего отвѣта, онъ пріѣдетъ или нѣтъ. Онъ божится и клянется, что дѣло Леонтьевой и другихъ арестованныхъ весной 12-ти человѣкъ обошлось имъ всего въ 5000 рублей. Сто тысячъ даже за Дурново дать никакъ невозможно. Въ особенности при теперешнемъ положеніи финансовъ. 25000 рублей это хорошая цѣна. За все. И то ты долженъ ему сначала все разсказать. Твое соображеніе, что если ты къ нему придешь, то ты уже у него въ рукахъ, не вѣрно. Много есть людей, съ которыми онъ видался, не сходился и ничего. Никто ничего до сихъ поръ не знаетъ. А они благоденствуютъ. Теперь почтенные члены общества. Такъ онъ говоритъ (смѣется). 25000 — это хорошая цѣна. За одно дѣло. А за цѣлый годъ можно заработать и сто тысячъ, за четыре дѣла. Такъ онъ, сукинъ сынъ, говоритъ (смѣется). Понимаешь (продолжаетъ смѣяться, собственно, хихикать и совершенно мѣняетъ почему-то тонъ разговора). Такъ меня подмывало пристрѣлить его. Чего же? Вѣдь, насъ только двое. Вѣдь, я тебѣ разсказывалъ мои планы. Организовать массы въ отдѣлы. Всѣ пошли бы. И теперь рабочіе постановили платить самимъ за помѣщенія, хотя собираться и не позволяютъ. Влеченіе большое питаютъ къ отдѣламъ. Одновременно съ этимъ пробраться къ Витте и Дурново и въ подходящій моментъ скосить ихъ. Это имѣло бы громадное значеніе. Сорвалось! Но я теперь дѣло сдѣлаю. Вотъ только напрасно с.-р. противъ меня выступаютъ. Вѣдь, я лѣтомъ это говорилъ еще за границей. А меня заподозрили, что я хотѣлъ всей партіей распоряжаться. И теперь еще не все потеряно.

* * *

Относительно „дѣла“ Гапонъ говорилъ болѣе прозаично и опредѣленно. „Отъ имени Рачковскаго“ онъ „категорически“ заявилъ, что въ Петербургѣ меня никто не тронетъ. Не арестуютъ. Если мы „столкуемся“, полиціи будетъ дано знать, чтобы меня оставили въ покоѣ.

— Но будетъ такъ дано знать, что никто ни о чемъ не сможетъ догадаться. Просто выяснилось, что ты ни при чемъ въ взводимыхъ на тебя обвиненіяхъ.

Брата безусловно освободятъ.

Гапонъ узналъ отъ рабочаго Т., что жена моя привлекается за изданіе какой-то книжки къ суду. Онъ заявилъ, что и это дѣло похерятъ.

Рачковскій *все* можетъ сдѣлать, если только я ему что-нибудь разскажу.

— А разсказать надо. Не выдавая, конечно. Безусловно никого не предавая, иначе это будетъ предательство.

Что касается опасеній за мою жизнь, на случай, если товарищи узнаютъ о моемъ предательствѣ, то Рачковскій говоритъ, что все можно будетъ устроить такъ, что меня никто ни въ чемъ не заподозритъ. Я „не долженъ погибнуть ни въ какомъ случаѣ“. Я смогу перейти потомъ къ с.-д. и работать у нихъ. Но самое лучшее, чтобы я остался въ Боевой Организаціи, какъ и былъ.

* * *

Тонъ у Гапона былъ теперь новый, гораздо самоувѣреннѣе, чѣмъ раньше. Говорилъ онъ совсѣмъ о другомъ, чѣмъ раньше. Планы у него съ Рачковскимъ измѣнились послѣ того, какъ убѣдились, что я клюю: пришелъ въ Контанъ.

Рачковскій соглашался на свиданіе только послѣ того, какъ я что-нибудь разскажу. Свиданіе, слѣдовательно, стало немыслимымъ. Они даже торговаться нашли возможнымъ.

Съ своей стороны Гапонъ все чаще останавливался на судѣ, который для него теперь является гарантіей личной неприкосновенности. Надъ судомъ онъ въ то же время издѣвается, не боится его, такъ какъ никакихъ документовъ нѣтъ, а я, какъ свидѣтель, въ счетъ не иду. „Этотъ не выдастъ“.

Положеніе мое стало безвыходнымъ. До Рачковскаго не добраться. А Гапонъ находится подъ защитой суда.

Я рѣшилъ рискнуть, принять всѣ мѣры предосторожности и повидаться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, чтобы посовѣтоваться.

Гапону сказалъ, что подумаю еще и дамъ отвѣтъ.

* * *

Я принялъ всѣ бывшія въ моемъ распоряженіи мѣры предосторожности*) и, убѣдившись, что за мной нѣтъ полицейской слѣжки, поѣхалъ въ Сѣверскъ. Раньше, чѣмъ пойти къ Азефу, я спросилъ его по телефону, находитъ ли онъ возможнымъ со мной встрѣтиться, предупредивъ его, что я съ своей стороны убѣжденъ, что никого съ собой не привезъ.

Азефъ свиданіе со мной принялъ. Я разсказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и какъ велъ за это время дѣло. Изъ указанныхъ имъ первоклассныхъ ресторановъ я былъ только въ одномъ изъ нихъ и одинъ разъ, въ первый день пріѣзда въ Петербургъ, но чувствовалъ себя тамъ очень тяжело, и, не видя въ этомъ никакого смысла, больше туда не являлся и извозчиковъ тамъ не ставилъ.

Азефъ обозлился, сталъ грубо обвинять меня, что я не исполняю его инструкцій, что своей неумѣлостью я проваливаю все и всѣхъ (въ это время въ Петербургѣ произошли аресты Б. О.). Онъ торопился куда то по дѣлу и уходя назначилъ мнѣ вечеромъ свиданіе, чтобы подумать, не оставить ли Рачковскаго и покончить съ однимъ Гапономъ.

*) Добавлено въ іюнѣ 1909 г. П. Р.

Я ничего не отвѣтилъ тогда Азефу. Всѣ его обвиненія были до того несправедливы и онъ мнѣ *сталъ до того отвратителенъ, что я буквально не могъ заставить себя встрѣтиться съ нимъ*. Я оставилъ ему записку, что не могу и не хочу ни видѣть его, ни слышать, что возвращаюсь въ Петербургъ продолжать дѣло, какъ сумѣю, на основаніи имѣющихся у меня прежнихъ распоряженій.

Я вернулся обратно.

Записка, въ которой я оскорбилъ „Ивана Николаевича", сыграла значительную роль въ дальнѣйшемъ. *Субботинъ* заявилъ мнѣ по поводу нея: — „ты оскорбилъ въ его лицѣ честь партіи и всей исторіи партіи".

Отчетъ V.

Свиданіе 10 марта, въ пятницу утромъ, дача Питкиненъ, Теріоки.

Я былъ боленъ и совершенно разбитъ послѣ поѣздки моей къ Азефу. Съ трудомъ могъ слѣдить за собой и за Гапономъ.

По обыкновенію, онъ началъ разсказывать про свои дѣла, про свое положеніе.

Я спросилъ, какъ, по его мнѣнію, быть съ Рачковскимъ.

— Самое правильное сказать, что ты ему не довѣряешь. Пусть передастъ 25.000 авансомъ черезъ меня. Раньше ты къ нему не пойдешь. А тамъ три выхода:

1) Получить деньги и скрыться;

2) Если дѣло у тебя не совсѣмъ вѣрное, ну, если ты не увѣренъ, что дѣйствительно успѣшно окончится, то разсказать ему. А люди чтобы спаслись. Это вполнѣ возможно. Потому что они арестовываютъ тогда, когда все созрѣетъ, какъ бутонъ. Понимаешь? Ну мы можемъ сказать, что и не виноваты, а шпіоны слишкомъ грубо слѣдили. Ни одинъ человѣкъ, конечно, не долженъ пострадать. Но если дѣло у тебя вѣрное, если твоя организація ведетъ къ тому, что Дурново или другой кто несомнѣнно скоро будетъ убитъ, тогда лучше съ нимъ дѣло прекратить.

3) Деньги получить и убить ихъ обоихъ, Рачковскаго и Герасимова. Это я взялъ бы на себя. Только надо такъ сдѣлать, чтобы уйти. Я всегда говорилъ, что Боевая Организація поступаетъ неправильно, что не спасаетъ своихъ людей. Каляевъ, напримѣръ, могъ быть свободно спасенъ, еслибы были лошади. Это мнѣ вчера еще говорилъ очевидецъ.

— Кто говорилъ?

— Рабочій одинъ. Если я буду убѣжденъ, что на мнѣ не лежитъ болѣе важная идея, я возьму на себя это дѣло. Только надо такъ устроить, чтобы уйти. Лошадей, одежду, квартиры. А для этого все таки нужны деньги.

Я отвѣтилъ, что о первомъ его предложеніи нечего гово-

рить, не стоитъ пачкаться. О третьемъ, чтобы убить Рачковскаго и Герасимова тоже не стоитъ говорить.

— Почему?

— Фантазія.

— Почему фантазія?

— Ты ихъ не убьешь.

Гапонъ обидѣлся; сталъ увѣрять, что говоритъ объ этомъ серьезно. Надо хоть этихъ подлецовъ убить. Его (Гапона) общественное положеніе теперь таково, что только такимъ актомъ онъ можетъ вернуть себѣ довѣріе.

Гапонъ говорилъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, такъ хорошо симулировалъ, а я былъ въ такомъ разбитомъ настроеніи, что поддался его игрѣ и сталъ серьезно говорить съ нимъ объ этомъ.

Гапонъ опять повторилъ, что это его давнишняя идея. Что очень бы хорошо убить ихъ до Думы. И Дурново тоже.

Онъ спросилъ, сколько надо времени, чтобы сорганизовать побѣгъ.

— Дней десять. Не больше двухъ недѣль.

Но когда я поставилъ ему опредѣленные вопросы (то-то тогда-то надо сдѣлать), онъ смутился и сталъ вилять.

— Могу я послать вмѣсто себя кого нибудь другого? У меня такіе рабочіе найдутся.

Дальше слѣдовалъ планъ, какъ осуществить. А когда запутался, сталъ говорить, что этотъ планъ, вообще, ему не подходитъ. Что онъ теперь день и ночь работаетъ надъ своими организаціями. Устроено уже 15 пунктовъ. „Отдѣлы“ сами по себѣ. Тамъ хотятъ проводить выборное начало. А онъ считаетъ необходимой желѣзную дисциплину. Пусть отдѣлы сами устраиваются. Онъ будетъ работать только съ тѣми рабочими, которые остались ему вѣрны. Онъ устраиваетъ мастерскія: портняжескую, слесарную и т. д. Деньги есть и будутъ. Говорилъ о какомъ то „предпріятіи“, отъ котораго можно получить 18.000 рублей. Дѣло маленькое, но вѣрное. Сами служащіе принимаютъ участіе.

Я видѣлъ, что сдѣлалъ большую оплошность и старался затушевать разговоръ о покушеніи на Рачковскаго и Герасимова. Сталъ жаловаться, что „дѣло“ у меня не клеится, что меня преслѣдуютъ неудачи.

Онъ началъ уговаривать меня „разсказать“ Рачковскому. Можно будетъ получить большія деньги.

Я высказалъ удивленіе, что Рачковскій торгуется. Но, чтобы прійти къ какому нибудь результату, надо съ нимъ повидаться и все выяснить. Интересы у меня съ Гапономъ общіе въ этомъ дѣлѣ. Поэтому я предоставляю ему рѣшить, надо ли требовать авансъ или нѣтъ.

* * *

Я разсчитывалъ, что Рачковскій, не рискуя деньгами и зная, что я уже поддался искушенію, приходилъ въ Контанъ, явится на свиданіе со мной.

Если же онъ опять предложитъ Гапону переговорить со мной раньше, т. е. получить предварительныя доказательства моей „искренности", дѣло надо бросить.

Гапонъ полагалъ, что свиданіе состоится; такъ какъ я сказалъ, что вся будущая недѣля у меня занята, кромѣ понедѣльника, то свиданіе было рѣшено на понедѣльникъ 13-го вечеромъ. Въ субботу или въ воскресенье они повидаются, назначатъ часъ и мѣсто. Гапонъ сообщитъ мнѣ это запиской черезъ моего посланнаго.

* * *

13-го марта Гапонъ передалъ мнѣ, что вызываетъ меня на свиданіе въ Теріоки въ среду утромъ (безъ Рачковскаго).

Въ понедѣльникъ появилось въ газетахъ его наглое письмо къ обществу. Находится въ сношеніяхъ съ полиціей, а въ печати говоритъ, что хочетъ обмануть полицію.

Свиданія съ Рачковскимъ не получить безъ „аванса" съ моей стороны. Гапона одного трогать нельзя. На свою отвѣтственность рѣшилъ дѣло оставить и уѣхать*).

Я пріѣхалъ**) въ Сѣверскъ. Переслалъ Центральному Комитету (черезъ Азефа) отчетъ послѣдняго свиданія съ Гапономъ. Написалъ, что хочу уѣхать за границу.

Находясь все время подъ систематическимъ наблюденіемъ полиціи, я не могъ пойти переговорить лично съ кѣмъ нибудь изъ товарищей.

Я узналъ, что вмѣстѣ съ Азефомъ тамъ былъ и Субботинъ. Если Азефъ имѣлъ основаніе считать себя оскорбленнымъ мною, то Субботинъ или кто нибудь другой такъ или иначе должны были отнестись къ принятому мною рѣшенію оставить порученное мнѣ дѣло и уѣхать, что нибудь отвѣтить на мою записку должны были.

Я ждалъ этого отвѣта, но безрезультатно.

Тогда я поручилъ протелефонировать объ этомъ Азефу. Онъ отвѣтилъ (какъ членъ Ц. К., конечно, а не какъ частное лицо), что никакого отвѣта не будетъ.

---

*) Во время одного свиданія у Гапона высунулась какъ то изъ жилетнаго кармана визитная карточка съ надписью: Петръ Ивановичъ Рачковскій. Карточка эта, наконецъ, выпала на полъ. На оборотѣ ея что то было написано чернилами.

— Что это у тебя? спросилъ я.

— Ничего.

Гапонъ поднялъ и положилъ ее обратно въ тотъ же карманъ. Въ свое время я забылъ написать объ этомъ въ отчетѣ Центральному Комитету. Изъ газетъ узналъ, что, когда въ Озеркахъ открыли тѣло Гапона, судебныя власти пришли въ большое смущеніе, найдя при немъ визитную карточку. Карточку эту никому не показали и въ протоколѣ о ней не упомянули.

Не та ли это карточка, которую я видѣлъ? Рабочіе, очевидно, хуже умѣютъ обыскивать, чѣмъ полиція.

**) Текстъ этой вставки измѣненъ въ іюнѣ 1909 года.

Отъ Субботина, бывшаго въ это время съ нимъ, тоже ни звука.

Я принялъ это молчаніе какъ упрекъ, точнѣе, какъ оскорбленіе за то, что въ томъ или другомъ видѣ не привелъ въ исполненіе данное мнѣ Ц. К-томъ порученіе.

Всталъ вопросъ: могу ли я, связанный съ Гапономъ всѣмъ ужасомъ и кровью 9-го января, бросить таки это дѣло, уѣхать, ограничившись одной отпиской по начальству. Соображенія общественныя, политическія, моральныя, меня пугали. И все вмѣстѣ страшно угнетало. Къ концу нѣсколькихъ дней для меня выяснилось одно: съ Гапономъ я увижусь.

Сначала я думалъ, что при создавшемся положеніи я долженъ, по крайней мѣрѣ, сказать ему въ присутствіи рабочихъ, что считаю его предателемъ, провокаторомъ, что всѣ наши разговоры во время свиданій запротоколированы и находятся въ распоряженіи партіи.

Но, когда я вернулся въ Петербургъ, всѣ соображенія отпали передъ чудовищностью того, что Гапонъ *продалъ 9-ое января, что онъ — полицейскій провокаторъ.*

Рѣшилъ привести въ исполненіе приговоръ Ц. К., данное мнѣ порученіе относительно его одного.

Разсчитывать въ этомъ случаѣ на помощь N-овъ, согласно первоначальнымъ плану и инструкціи Азефа, послѣ ихъ отказа, не приходилось.

Отчетъ VI.

Я рѣшилъ замѣнить не достигнутую мною „улику“ Рачковскаго — свидѣтельскими показаніями. Я обратился къ группѣ рабочихъ, членамъ партіи, разсказалъ имъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ нихъ Гапона хорошо зналъ; такъ же, какъ Гапонъ его.

Видя во мнѣ представителя партіи, вполнѣ мнѣ довѣряя, рабочіе все таки не могли примириться съ мыслью, что Гапонъ — полицейскій провокаторъ. Было рѣшено, что я предъявлю въ ихъ присутствіи Гапону обвиненія. Чтобы онъ не могъ отречься отъ всего, долженъ былъ быть, кромѣ меня, еще свидѣтель. Гапонъ долженъ быть выслушанъ. Получался вторичный судъ. Объ обращеніи моемъ къ рабочимъ Центральный Комитетъ не зналъ.

* * *

22-го марта (въ среду) мы встрѣтились съ Гапономъ и поѣхали на извозчикѣ. На козлахъ за кучера сидѣлъ одинъ изъ рабочихъ, слышавшій весь нашъ разговоръ.

Я предлагалъ Гапону вопросы. Несмотря на ихъ непослѣдовательность, онъ долго ничего не замѣчалъ и говорилъ все то же, уже извѣстное.

Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ Рачковскаго въ понедѣльникъ. Рачковскій даетъ 25.000 рублей за выдачу покушенія на Дурново. Надо торопиться. 25.000 деньги хорошія. Никто ничего не узнаетъ. Нечего опасаться. О людяхъ нечего безпокоиться. Мы ихъ заранѣе предупредимъ, они скроются и т. д. Когда Рачковскій узналъ, что я не пріѣхалъ въ прошлую среду къ Гапону на свиданіе, онъ сталъ безпокоиться. Боится покушенія. Надо торопиться, повторялъ Гапонъ.

Этотъ разъ онъ былъ гораздо наглѣе, чѣмъ раньше.

Я спросилъ о судѣ Грибовскаго. Гапонъ отвѣтилъ, что судъ пустяки. Хотятъ, чтобы однѣ лѣвыя партія судили. Онъ не пойдетъ на этотъ судъ. И вообще наплевать ему. Онъ знаетъ цѣну общественному мнѣнію. Грошъ! Было время, когда его превозносили. Теперь его топчутъ. Газеты либо жидовскія, либо подкупленныя.

Я говорилъ о нуждѣ рабочихъ. Онъ подтвердилъ, что нужда очень большая. Я спросилъ, куда онъ дѣвалъ 50.000 франковъ, которыя Соковъ ему далъ лѣтомъ для рабочихъ.

Онъ насторожился. Долго испытующе поглядѣлъ на меня.

Потомъ безпокойный, спросилъ, какъ это я, конспираторъ, разговариваю на извозчикѣ о такихъ вещахъ, какъ убійство Дурново, свиданіе съ Рачковскимъ, о деньгахъ, называю всѣ имена. Онъ предложилъ пройтись пѣшкомъ. Слѣзши съ саней, онъ внимательно заглянулъ въ лицо извозчика, но ничего подозрительнаго на немъ не увидѣлъ.

Явно опасаясь чего то, онъ сталъ увѣрять меня, что революціонеры къ нему несправедливо относятся, что онъ самъ за вооруженное возстаніе, но считаетъ преступленіемъ вызывать теперь рабочихъ на улицу. Октябрьскія увлеченія — ошибка. Надо было заставить царя сначала присягнуть конституціи. А потомъ уже пусть отбираетъ. Весь народъ сказалъ бы — клятвопреступникъ — и возсталъ бы...

Я не возражалъ. Наконецъ, сказалъ, что мнѣ надо ѣхать. Мы вернулись къ дѣлу.

По словамъ Гапона, Рачковскій раньше не довѣрялъ мнѣ, но онъ поручился за меня, что я „честный и искренній человѣкъ“. Свиданіе теперь, навѣрное, состоится. Надо торопиться, а то Рачковскій безпокоится.

Принять свиданіе съ Рачковскимъ и выполнить первый планъ я не могъ уже. Предоставленныя въ мое распоряженіе партіей средства были уже ликвидированы. Правильныя сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ, точнѣе съ Азефомъ, разстроились. Оставалось держаться начатаго суда рабочихъ.

Я сказалъ Гапону, что согласенъ. Пусть онъ окончательно узнаетъ у Рачковскаго, когда и гдѣ мы встрѣтимся. Въ поне-

дѣльникъ я вызову Гапона и онъ мнѣ лично передастъ свой разговоръ съ Рачковскимъ.

На этомъ мы разстались.

* *
*

Разсказъ „извозчика“ поразилъ поджидавшихъ его товарищей.

Было рѣшено арестовать Гапона, обезоружить его (онъ всегда носилъ при себѣ револьверъ) и, предъявивъ ему обвиненія и свидѣтельское показаніе, потребовать отъ него объясненія. Потомъ рѣшить его участь.

Сначала, согласно иструкціи Азефа*), все было мною съорганизовано въ Финляндіи. Но во время я увидѣлъ неумѣстность этого акта на финляндской территоріи, и все отмѣнилъ.

Была нанята дача Звѣржицкой, въ Озеркахъ, на имя И. И. Путилина, явившагося туда въ сопровожденіи своего „слуги“. Изъ конспиративныхъ соображеній пришлось потребовать, чтобы дачу убрали; уборка ея затянулась, изъ за праздниковъ.

Въ пятницу 24-го марта я сообщилъ лицу, черезъ которое сносился съ Центральнымъ Комитетомъ (Азефомъ), что все готово. Но ни дня, ни мѣста не сообщилъ. Въ субботу или воскресенье (25 или 26 марта) это лицо передало это лично Азефу. Азефъ при этомъ имѣлъ возможность снестись со мной лично или черезъ посредника по телефону.

Къ понедѣльнику — день, когда я условился встрѣтиться съ Гапономъ, дача еще не была готова. Чтобы не возбуждать подозрѣній, уже появившихся у него, я написалъ ему въ воскресенье записку:

„Получи завтра опредѣленный отвѣтъ. Не меньше 50.000. 15.000 авансомъ черезъ тебя. Въ крайнемъ случаѣ 10.000. Тогда и дѣловое свиданіе назначимъ. За отвѣтомъ пришлю во вторникъ утромъ“.

Для „конспираціи“ просилъ черезъ посланнаго вернуть мнѣ записку. Гапонъ ее возвратилъ, но, какъ потомъ оказалось, оставилъ у себя копію.

Мнѣ онъ отвѣтилъ.

„Ты самъ вертишь и виноватъ въ канители. Сегодня непремѣнно надо видѣться или завтра для дѣла, и тогда будетъ все хорошо. Вѣдь, мы предположили съ тобой такъ, не выгодно мѣнять. Мѣсто — ресторанъ Кюба. Время или сегодня (понед.) 10 час. вечера, если завтра, то въ 7 час. вечера. Повторяю, ты долженъ видѣться со мной и съ тѣмъ господиномъ здѣсь въ городѣ“.

Записку я получилъ 27-го марта вечеромъ. На словахъ онъ мнѣ передалъ, что изъ города никуда не поѣдетъ, а въ городѣ придетъ на свиданіе, куда угодно. Несмотря на это предупрежденіе, я вызвалъ его пріѣхать во вторникъ въ Озерки съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Петербурга въ 4 часа дня.

* *
*

---

*) Въ этомъ мѣстѣ разсказа я, при просмотрѣ для печати, вставилъ имя Азефа и все касающееся сношеній съ нимъ.

Во вторникъ 28-го марта, когда всѣ собрались на дачѣ и мнѣ надо было скоро итти встрѣчать Гапона, дворнику вздумалось прійти счищать снѣгъ около дачи. Чтобы избавиться отъ него, его послали вмѣстѣ со „слугой“ купить пива. Они взяли три бутылки. Одну получилъ дворникъ и, удовлетворенный, ушелъ къ себѣ, и больше не появлялся.

Гапона я засталъ на условленномъ мѣстѣ, на главной улицѣ Озерковъ, идущей параллельно желѣзнодорожному полотну.

Встрѣтилъ онъ меня, подсмѣиваясь надъ моей нерѣшительностью: хочу, да духу не хватаетъ итти къ Рачковскому.

Я сказалъ, что главная причина моихъ колебаній то, что люди погибнутъ. Всѣхъ повѣсятъ.

Гапонъ возражалъ и успокаивалъ меня. Можно будетъ ихъ предупредить, они скроются. Наконецъ, съорганизовать побѣгъ. Онъ спрашивалъ, сколько это можетъ стоить, предлагалъ деньги для этого.

Мы повернули обратно. Я замѣтилъ двухъ человѣкъ, слѣдящихъ за нами. Какъ только мы пошли имъ навстрѣчу, они перешли дорогу и свернули въ переулокъ, ведущій мимо каланчи черезъ мостикъ къ Озерковскому театру.

Я сказалъ Гапону, что онъ пріѣхалъ съ сыщиками. Онъ отрекался. Мы пошли за ними. Застали ихъ стоящими противъ каланчи, выжидающими. Какъ только мы свернули въ переулокъ, т. е. къ нимъ, они быстро пошли отъ насъ дальше, перешли мостъ и провалились куда то.

Всю дорогу, чтобы успокоить мою совѣсть, Гапонъ развивалъ разные планы, какъ избавить людей, которыхъ я выдамъ, отъ висѣлицы.

— Зайти бы куда нибудь посидѣть, выпить чего нибудь, сказалъ онъ.

Я сказалъ, что у меня тамъ одна изъ моихъ конспиративныхъ квартиръ.

Когда я убѣдился, что никого за нами нѣтъ, мы пошли въ дачу. Подымаясь по дорожкѣ, Гапонъ остановился и спросилъ:

— Тамъ никого нѣтъ?

— Нѣтъ!

Рабочіе находились въ верхнемъ этажѣ, въ боковой маленькой комнатѣ, за дверью съ висячимъ замкомъ. Предполагалось, что я открою эту дверь, чтобы войти вмѣстѣ съ Гапономъ; рабочіе его обезоружатъ. Если надо будетъ, связать его, а потомъ судить.

Но вышло такъ, что Гапонъ первый поднялся наверхъ. Войдя въ первую большую комнату, сбросилъ съ себя шубу и усѣлся на диванѣ, стоявшемъ въ противоположномъ отъ дверей углу. Открыть дверь и выпустить оттуда людей я не могъ. Началась бы стрѣльба, и я все и всѣхъ провалилъ бы. Я ходилъ по комнатѣ, думая, какъ быть. А Гапонъ говорилъ. И

неожиданно для меня, заговорилъ такъ цинично, какимъ я его ни разу не слыхалъ. Онъ былъ увѣренъ, что мы одни, что теперь ему слѣдуетъ говорить со мной на чистую.

Онъ былъ совершенно откровененъ. Рабочіе все слышали. Мнѣ оставалось только поддерживать разговоръ.

— Надо кончать. И чего ты ломаешься? 25000 большія деньги.

— Ты вѣдь говорилъ мнѣ въ Москвѣ, что Рачковскій даетъ 100000?

— Я тебѣ этого не говорилъ. Это недоразумѣніе. Они предлагаютъ хорошія деньги. Ты напрасно не рѣшаешься. И это за одно дѣло, за одно. Но можешь свободно заработать и сто тысячъ за четыре дѣла.

Гапонъ повторилъ, что Рачковскій божится, клянется, что дѣло Леонтьевой обошлось имъ въ 5.000 рублей всего.

— Они въ очень затруднительномъ положеніи. Рачковскій говоритъ, что у с.-р-овъ у нихъ сейчасъ никого нѣтъ. Были да провалились.

— Онъ назвалъ кого нибудь?

— Нѣтъ. Сказалъ только, что два человѣка, очень серьезныхъ, совсѣмъ было добрались до центра. Да провалились. Товарищи узнали. А имъ надо, — понимаешь? А что въ Москвѣ у васъ есть что нибудь? — спросилъ онъ, вспомнивъ что то.

— Есть.

— Съ Дубасовымъ?

— Да.

— А какъ тамъ дѣла?

— Хорошо. Какъ всюду.

Онъ больше не разспрашивалъ, предоставивъ, очевидно, дальнѣйшее Рачковскому.

Гапонъ говорилъ, что Рачковскій безпокоится, боится покушенія на Дурново. Убійство Слѣпцова его очень смутило.

— Что онъ говоритъ о Слѣпцовѣ? — спросилъ я.

— Напрасная жестокость, — говоритъ.

* *
*

Я высказалъ опасеніе, что Рачковскій меня обманетъ. Все разскажу, а онъ денегъ не дастъ.

Гапонъ увѣрялъ, что этого не случится.

— Завтра въ 10 часовъ вечера у Кюба. Ты можешь свободно ему все говорить. Онъ *безусловно* порядочный человѣкъ и не надуетъ. Заплатитъ даже съ благодарностью, какъ только убѣдится, что дѣло серьезное. Ты въ этомъ не сомнѣвайся. Я тебѣ говорю. На всякій случай можно сразу всѣхъ картъ не открывать. А если надуетъ, мы его убьемъ.

Я опять сказалъ, что главное препятствіе для меня въ томъ, что люди погибнутъ.

— Да ты не смущайся. Вѣдь, я тебѣ разсказывалъ, что они арестовываютъ только тогда, когда все созрѣетъ, какъ бутонъ. Значитъ ты сможешь предупредить товарищей. Скажешь, что узналъ изъ вѣрнаго источника, что не ладно и что надо немедленно скрыться. И все. А мы тутъ не при чемъ. Мы скажемъ Рачковскому, что люди замѣтили слѣжку и разбѣжались.

— Какъ же они скроются? Рачковскій на слѣдующій день послѣ нашего свиданія приставитъ къ каждому изъ нихъ по десяти сыщиковъ. Вѣдь ихъ всѣхъ повѣсятъ?

— Какъ нибудь устроимъ имъ побѣгъ.

— Ну, убѣжитъ часть, а остальныхъ повѣсятъ все-таки.

— Жаль!

Молчаніе. Черезъ нѣкоторое время продолжаетъ:

— Ничего не подѣлаешь! Посылаешь же ты, наконецъ, Каляева на висѣлицу?

— Да! Ну, ладно.

* * *

Я заговорилъ о рискѣ съ моей стороны.

— Если X. узнаетъ о моихъ сношеніяхъ съ Рачковскимъ, онъ безъ разговоровъ пуститъ мнѣ пулю въ лобъ.

— Неужели пуститъ?

— И глазомъ не моргнетъ.

Нѣкоторое время молчаніе. Гапонъ ходитъ въ раздумьи по комнатѣ.

— Нѣтъ, не сможетъ онъ этого сдѣлать. А главное — доказательствъ нѣтъ. Не пойманъ за руку — не воръ. Пусть докажутъ. Документовъ, вѣдь, никакихъ нѣтъ. А обставить дѣло практически такъ, чтобы товарищи тебя не заподозрили, объ этомъ позаботится Рачковскій. Онъ человѣкъ опытный. Въ его практикѣ много уже такихъ случаевъ было. Тѣ теперь благоденствуютъ. Почтенные члены общества. И никто ничего не знаетъ.

Однимъ изъ „практическихъ" способовъ отвести отъ меня подозрѣніе товарищей, Гапонъ считалъ арестъ. Арестовать меня, на время, конечно, вмѣстѣ съ другими.

— Но тогда вѣдь меня вмѣстѣ съ другими будутъ судить военнымъ судомъ и повѣсятъ?

— Развѣ повѣсятъ? Тогда это не годится. Но ты не безпокойся. Повидаешься съ Рачковскимъ, увидишь, что все это можно устроить очень просто.

Я спросилъ, сколько онъ получаетъ отъ Рачковскаго за это дѣло. Гапонъ отвѣтилъ, что покуда ничего, а сколько получитъ — не знаетъ.

— Ты богачъ теперь. У тебя много денегъ должно быть.

— Почему?

— За книгу получилъ тысячу фунтовъ.

— Десять тысячъ рублей я получилъ за нее.

— Да 50,000 отъ Сокова.

— Все израсходовано. (Гапонъ говорилъ объ этомъ неохотно). Рабочимъ много денегъ отдалъ. У меня теперь рублей тысяча всего осталось. Но мнѣ и не надо много.. Ты видѣлъ, какъ я скромно живу.

— Куда же ты дѣвалъ деньги? Вѣдь отдѣлы ты устраивалъ на Виттевскія?

— Петровъ за границу пріѣзжалъ. Пришлось на дорогу дать. Другимъ еще. Есть семьи рабочихъ, которыя я поддерживаю каждый мѣсяцъ.

* * *

Я спросилъ о судѣ.

— Пустяки. Судьи теперь не тѣмъ заняты. Выборы идутъ. А с.-д. и с.-р. въ лужу сѣли со своимъ бойкотомъ Думы. Кадеты всюду побѣждаютъ. Но если у кадетовъ не хватитъ политической зрѣлости, чтобы не зарваться въ своей оппозиціи, Думу разгонятъ штыками. Рачковскій то же самое говоритъ. То, что въ газетахъ пишутъ, что Дурново и Витте уходятъ — ерунда. Они и не думаютъ уходить и не уйдутъ.

* * *

— Въ какомъ положеніи у тебя дѣло съ Петровымъ?

— Онъ пишетъ книгу „Правда о Гапонѣ“. Правду о Гапонѣ теперь многіе пишутъ. И Симбирскій, и Строевъ, кажется, пишетъ, и Феликсъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и еще кто то. Ну, что Петровъ можетъ написать про меня?

— А если онъ напишетъ, что ты взялъ съ П. клятву убить Григорьева?

Откуда ты это знаешь? — опѣшилъ Гапонъ.

— Ты самъ мнѣ это говорилъ.

Онъ успокоился и отвѣтилъ:

— Ну что жъ? Мало ли въ организаціи у тебя, напримѣръ, бываетъ важныхъ секретовъ? Если кто нибудь откроетъ, его слѣдуетъ убить.

— А Черемухина ты все-таки напрасно погубилъ.

— Почему же я его погубилъ?

— Ты же мнѣ разсказывалъ. Взялъ съ него клятву убить Петрова за его письмо въ газетахъ про 30,000 и далъ ему револьверъ для этого. А онъ самъ себя изъ этого револьвера прикончилъ.

— Да, непріятная исторія!

Гапонъ задумался.

— Петровъ распишетъ, должно быть, твою парижскую жизнь.

— Что онъ напишетъ? Что я ему кабаки показывалъ въ Парижѣ? Разсказывалъ, сколько что стоитъ? Пустяки все это. Что здѣсь страшнаго? Пишутъ въ газетахъ, что я

въ Монте-Карло въ рулетку игралъ. Ну, и игралъ, и выигралъ. И плюю я на всѣхъ. И на общество, и на печать, и на революціонныя партіи, и на всѣхъ. Мнѣ важно мнѣніе моихъ рабочихъ. А они мнѣ довѣряютъ. Тѣ, которые колебались, сомнѣвались, тѣ мнѣ не нужны. Съ ними дѣла не сдѣлаешь. Ты увидишь, что будетъ. Я теперь живу легально. Я былъ у Камышанскаго, прокурора петербургской палаты. Онъ сказалъ, что я амнистированъ еще 21-го октября.

— Вѣдь я тебѣ это говорилъ еще въ ноябрѣ. Зачѣмъ же ты комедію разыгрывалъ?

— Да.

Задумался. Потомъ съ возрастающимъ оживленіемъ началъ.

— Я теперь буду устраивать мастерскія. Кузница у насъ есть уже маленькая. Слесарная. Булочную устроимъ и т. д. Вотъ, что нужно теперь. Со временемъ и фабрику устроимъ. Ты директоромъ будешь. Вѣрно! Ты плюнь на всякія глупости. А общество, печать — ерунда! Ихъ и купить, и продать можно. Вѣрно говорю тебѣ. Я въ этомъ убѣдился.

— А если бы рабочіе, хотя бы твои, узнали про твои сношенія съ Рачковскимъ?

— Ничего они не знаютъ. А если бы и узнали, я скажу, что сносился для ихъ же пользы.

— А если бы они узнали все, что я про тебя знаю? Что ты меня назвалъ Рачковскому членомъ Боевой Организаціи, другими словами, выдалъ меня, что ты взялся соблазнить меня въ провокаторы, взялся узнать черезъ меня и выдать Боевую Организацію, написалъ покаянное письмо Дурново?

— Никто этого не знаетъ и узнать не можетъ.

— А если бы я опубликовалъ все это?

— Ты, конечно, этого не сдѣлаешь, и говорить не стоитъ. (Подумалъ немного). А если бы сдѣлалъ, я напечаталъ бы въ газетахъ, что ты сумасшедшій, что я знать ничего не знаю. Ни доказательствъ, ни свидѣтелей у тебя нѣтъ. И мнѣ, конечно, повѣрили бы.

Я невольно направился къ дверямъ, чтобы показать ему „свидѣтелей“, но сдержался. Слѣдя за разговоромъ, я не успѣлъ оріентироваться, принять опредѣленное рѣшеніе.

Говорить мнѣ съ нимъ больше незачѣмъ было. Но чтобы выиграть время, сообразить и рѣшить, какъ быть, я возвращался къ прежнимъ вопросамъ и опасеніямъ.

Изъ его отвѣтовъ я узналъ еще, что Рачковскій хвалился ему, что меня „знаютъ въ лицо, а не по карточкамъ, не меньше двадцати сыщиковъ“, и о томъ, что о „нашемъ дѣлѣ“ знаютъ только Рачковскій, Дурново и царь“.

— Ты знаешь, что на дняхъ царю представлялся Тихомировъ? — спросилъ я.

— Развѣ?

— Да. И серебрянную чернильницу получилъ съ какой то надписью. За полезную службу. И ты, пожалуй, серебрянную чернильницу получишь.

Его передернуло. Онъ дѣланно засмѣялся и сказалъ:

— Чтожъ! Можно будетъ въ ломбардъ заложить.

Тутъ произошло слѣдующее.

Гапонъ спросилъ, гдѣ клозетъ. Я спустился съ нимъ внизъ, показалъ, а самъ хотѣлъ вернуться на верхъ.

Дверь клозета находится рядомъ съ дверью черной лѣстницы, ведущей на верхъ дачи. „Слуга" находился не вмѣстѣ съ другими, въ маленькой комнатѣ, а рядомъ, за дверью, на площадкѣ черной лѣстницы, на случай, еслибы пришелъ дворникъ. Онъ долженъ былъ его занять и увести отъ дачи.

Когда „слуга" услышалъ, что мы спускаемся внизъ, ему вздумалось тоже сойти внизъ по своей лѣстницѣ. А когда Гапонъ подошелъ къ клозету, они столкнулись лицомъ къ лицу. „Слуга" опѣшилъ, очевидно, отъ неожиданности и бросился назадъ вверхъ по черной лѣстницѣ, а Гапонъ, въ свою очередь, назадъ ко мнѣ. Онъ засталъ меня внизу на стеклянной террасѣ (выходящей на озеро). Я еще не успѣлъ подняться на верхъ.

— Какой ужасъ! Насъ слушали!

— Кто слушалъ?

Онъ сталъ описывать одежду и лицо человѣка, котораго видѣлъ.

— У теб,а револьверъ есть? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ у тебя есть?

— Тоженѣтъ. Всегда ношу, а сегодня, какъ нарочно, не взялъ. Пойдемъ, посмотримъ!

— Пойдемъ!

Мы подошли къ черной лѣстницѣ. Она узкая. Я предложилъ ему пройти впередъ. Онъ инстинктивно отскочилъ за мою спину

— Нѣтъ, ты иди впередъ.

Я поднялся на нѣсколько ступеней, вернулся и сказалъ, что тамъ никого нѣтъ.

— Надо дворника позвать, — сказалъ Гапонъ.

Я отказался связываться съ полиціей.

„Слуга" думалъ, что мы поднимемся наверхъ по черной лѣстницѣ и пройдемъ мимо него. Поэтому онъ открылъ дверь, за которой стоялъ раньше и спрятался между нею и стѣной.

Гапонъ думалъ и искалъ, куда могъ скрыться человѣкъ.

Мы прошли низомъ дачи (черезъ большую комнату и веранду) и поднялись наверхъ. Гапонъ шелъ впереди. Замѣтивъ открытую дверь на черную лѣстницу, онъ прошелъ туда, заглянулъ за дверь и увидѣлъ того, кого искалъ.

Онъ отскочилъ, какъ ужаленный. Молча, съ остановившимися зрачками, сталъ меня толкать туда. Потомъ шепотомъ сказалъ:

— Онъ тамъ!

Я пошелъ. Вывелъ за руку оттуда „слугу“ и не успѣлъ слова сказать, какъ Гапонъ однимъ прыжкомъ бросился на него, умудрился въ одинъ мигъ обшарить его, уцѣпился за руку и карманъ, гдѣ у того былъ револьверъ и прижалъ его къ стѣнѣ.

— У него револьверъ! Его надо убить! — сказалъ Гапонъ.

Я подошелъ, засунулъ руку въ карманъ „слуги“, забралъ револьверъ, опустилъ его молча въ свой карманъ.

Я дернулъ замокъ, открылъ дверь и позвалъ рабочихъ.

— Вотъ мои свидѣтели! — сказалъ я Гапону.

* * *

То, что рабочіе услышали, стоя за дверью, превзошло всѣ ихъ ожиданія. Они давно ждали, чтобы я ихъ выпустилъ. Теперь они не вышли, а выскочили, прыжками, бросились на него со стономъ: „А-а а-а!“ и вцѣпились въ него.

Гапонъ крикнулъ было въ первую минуту: „Мартынъ!“, но увидѣлъ передъ собой знакомое лицо рабочаго и понялъ все.

Они его поволокли въ маленькую комнату. А онъ просилъ:

— Товарищи! дорогіе товарищи! не надо!

— Мы тебѣ не товарищи! Молчи!

Рабочіе его связывали. Онъ отчаянно боролся.

— Товарищи! все, что вы слышали — неправда! — говорилъ онъ, пытаясь кричать.

— Знаемъ! Молчи!

Я вышелъ, спустился внизъ. Оставался все время на крытой стеклянной террасѣ.

— Я сдѣлалъ все это ради бывшей у меня идеи, — сказалъ Гапонъ.

— Знаемъ твои идеи!

* * *

Все было ясно.

Гапонъ — предатель, провокаторъ, растратилъ деньги рабочихъ. Онъ осквернилъ честь и память товарищей, павшихъ 9 января. Гапона казнить...

Гапону дали предсмертное слово.

Онъ просилъ пощадить его во имя его прошлаго.

— Нѣтъ у тебя прошлаго! Ты его бросилъ къ ногамъ грязныхъ сыщиковъ! — отвѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

* * *

Гапонъ былъ повѣшенъ въ 7 часовъ вечера во вторникъ 28-го марта 1906 года.

Я не присутствовалъ при казни. Поднялся наверхъ только, когда мнѣ сказали, что Гапонъ скончался. Я видѣлъ его висящимъ на крюкѣ вѣшалки въ петлѣ. На этомъ крюкѣ онъ остался висѣть. Его только развязали и укрыли шубой.

* * *

При Гапонѣ оказалось:

1) кожаный бумажникъ и въ немъ:

а) тысяча триста рублей,

б) десять разныхъ записокъ и расписокъ,

в) двѣ визитныхъ карточки г. Х.

г) ключъ и квитанція несгораемаго ящика банка Ліонскаго кредита за № 414 на имя Ф. Рыбницкаго. Лежали они въ конвертѣ съ надписью: „деньги“.

д) копія съ моей записки и на ней же набросокъ отвѣта: „Ты самъ виноватъ въ канители. Сегодня надо видѣться въ ресторанѣ Кюба въ 9 часовъ вечера. Свиданіе непремѣнно надо устроить дѣловое.“ (Вмѣсто этого текста онъ послалъ мнѣ приведенный выше.)

2) двѣ записныхъ книжки.

* * *

Всѣ ушли. Дачу заперли.

Мартъ, 1906 г.

ЧАСТЬ III.

Мои сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ Партіи С.-Р. по дѣлу Гапона послѣ его смерти.

29-го марта 1906 г. утромъ я пріѣхалъ въ *Сѣверскъ*, передалъ Центральному Комитету черезъ пришедшаго ко мнѣ на свиданіе члена партіи *Зиновьева* о происшедшемъ наканунѣ въ Озеркахъ и набросокъ заявленія для газетъ по поводу случившагося. Бывшій тогда въ *Сѣверскѣ* членъ Ц. К. *Марковъ* мнѣ отвѣтилъ черезъ того же *Зиновьева* просьбой предоставить товарищамъ самимъ проредактировать заявленіе для печати и немедленно уѣхать за границу.

Я отдалъ *Зиновьеву* все бывшее при мнѣ, взятое у Гапона, согласился на первое предложеніе *Маркова*, но за границу уѣхать отказался.

Сѣверцы взялись меня скрыть. Я предоставилъ себя въ ихъ распоряженіе и уѣхалъ въ деревню.

Черезъ *шесть* дней ко мнѣ пріѣхалъ членъ Б. О. *Борисенко*, выложилъ взятыя у Гапона вещи и заявилъ, по порученію Азефа, что Центральный Комитетъ отказывается заявлять что бы то ни было о смерти Гапона, считая это дѣло моимъ частнымъ, и что я самъ долженъ поступить, какъ знаю.

Борисенко разсказалъ, между прочимъ, что „*Иванъ Николаевичъ*“ очень удрученъ продолжающимися неудачами и особенно тѣмъ, что по полученной телеграммѣ *Субботинъ* арестованъ въ Москвѣ; что на слѣдъ полиціи удалось напасть, по мнѣнію Ивана Николаевича, благодаря моимъ сношеніямъ съ

Гапономъ, съ одной стороны, и неконспиративности въ сношеніяхъ съ товарищами съ другой.

Я вызвалъ изъ *Сѣверска* по телефону Азефа, потребовалъ немедленнаго свиданія съ нимъ. Онъ отвѣтилъ, что считаетъ наше личное свиданіе лишнимъ и что говорить со мной обо всемъ имъ уполномоченъ *Борисенко*.

Пріѣздъ *Борисенко* и отвѣтъ Азефа меня ошеломилъ.

Какъ я могъ заявить, что убійство Гапона мое частное дѣло, когда это не правда? А если бы заявилъ, какъ мнѣ объяснить мои сношенія съ Рачковскимъ?

Я вернулся въ *Сѣверскъ*. Пріѣхалъ туда поздно ночью и видѣться ни съ кѣмъ не могъ.

Извѣстіе объ арестѣ *Субботина* на меня тоже очень повліяло.

Упреки Азефа въ неконспиративности представились мнѣ справедливыми. Я себя обвинялъ въ висѣлицѣ, на которой черезъ нѣсколько дней повиснетъ *Субботинъ*.

Это послѣ вѣшалки, на которой продолжалъ висѣть по моей „частной иниціативѣ" Гапонъ...

Не легкая то была ночь для меня!

Утра дождался, какъ избавленія.

Меня вызвали къ телефону. Я услышалъ... голосъ *Субботина*. Въ первый моментъ мнѣ показалось это кошмаромъ. За ночь я сжился съ мыслью, что онъ арестованъ. Но *Субботинъ* говорилъ мнѣ, что сейчасъ только пріѣхалъ изъ Москвы, что немедленно придетъ съ Иваномъ Николаевичемъ.

Приходъ ихъ былъ для меня невыразимой радостью. Оба обнимали, цѣловали меня. *Субботинъ* — искренне и просто, Азефъ — снисходительно, прощающе. Но я былъ радъ ему. Чувствовалъ себя виновнымъ передъ нимъ, и обязаннымъ ему, какъ будто онъ самъ вынулъ *Субботина* изъ петли и привелъ его ко мнѣ.

Субботинъ полагалъ, что партія должна объявить смерть Гапона партійнымъ дѣломъ. Азефъ заявилъ категорически, что Ц. К. этого не сдѣлаетъ и что *въ заявленіи о смерти Гапона не должно быть ни слова о причастности къ ней партіи или Боевой Организаціи*.

Я отвѣтилъ, что такое заявленіе не соотвѣтствуетъ правдѣ и что, при сложившихся обстоятельствахъ, даже при моемъ согласіи, составить его немыслимо, что если кто нибудь *сумѣетъ* это сдѣлать — я его подпишу.

Это было поручено *Субботину*.

Оба ушли.

Черезъ нѣкоторое время *Субботинъ* вернулся, долго писалъ, но то, чего отъ него требовали, написать не сумѣлъ.

Предложилъ пойти къ *Маркову*. Туда же вызвали Азефа.

Субботинъ заявилъ имъ, что всѣ его попытки выполнить поставленную ему задачу оказались тщетными, что онъ не

членъ Ц. К. и права голоса не имѣетъ, но мнѣніе его таково, что *Центральному Комитету рано или поздно придется взять на себя дѣло Гапона, а потому лучше это сдѣлать сейчасъ же, чѣмъ быть вынужденнымъ сдѣлать то же самое позже.*

Марковъ, очень возбужденный, ударилъ кулакомъ по столу и заявилъ:

„Ни за что! Покуда я живъ, я на это не соглашусь!"

Марковъ предлагалъ ничего не опубликовывать о дѣлѣ. Оставить его тайной. Мало ли въ революціи бываетъ тайнъ. А черезъ годъ, два, или раньше, или позже, смотря по обстоятельствамъ, Ц. К. заявитъ о немъ.

Азефъ не соглашался съ Марковымъ, говоря, что партія, либо сейчасъ должна взять на себя дѣло, либо никогда.

Я не понималъ создавшагося положенія. Спросилъ Маркова, не считаетъ ли онъ, что Гапонъ погибъ невинно?

— „Нѣтъ, не считаю! Но если кто нибуть имѣлъ на это моральное право — это одинъ Мартынъ".

Я еще меньше понималъ: а приговоръ Ц. К.?

Но тутъ оказалось, что Ц. К. ничего не подозрѣвалъ о происшедшемъ въ Озеркахъ, что, получивъ извѣстіе о томъ, что я ликвидирую дѣло и уѣзжаю за границу, Ц. К. выразилъ публичное согласіе на участіе въ организовавшемся надъ Гапономъ судѣ, что Ц. К. уже назвалъ своего представителя въ этотъ судъ, разсчитывая предъявить черезъ него мои показанія о предательствѣ Гапона. Центральный Комитетъ не можетъ одновеменно судить и убивать, и поэтому, принимая участіе въ публичномъ судѣ надъ Гапономъ, не можетъ заявить, что убилъ его.

Я предложилъ опубликовать отъ моего имени подробное изложеніе дѣла такъ, какъ оно было.

Азефъ отвѣтилъ, что мнѣ предоставляется писать, что угодно, но чтобы ни о Центральномъ Комитетѣ, ни о Боевой Организаціи ни слова.

Марковъ его одобрилъ. Субботинъ не возражалъ.

Такъ ни къ чему и не пришли.

Такъ я сталъ запутываться въ начатой путаницѣ.

Время шло. Какой нибудь выходъ найти надо было. Я составилъ заявленіе отъ имени суда рабочихъ и подписалъ его для засвидѣтельствованія своей подписью. Но Азефъ заявилъ, что посылать его въ Петербургъ по почтѣ нельзя, чтобы не скомпрометировать городъ, въ которомъ мы находимся, а послать съ кѣмъ нибудь лично — опасно.

Я долженъ былъ сдѣлать это изъ за границы.

По распоряженію Азефа были посланы въ Берлинъ вещи Гапона для пересылки ихъ по почтѣ его адвокату Марголину. Оригиналы записокъ Гапона и его записныя книжки остались въ распоряженіи Ц. К-та.

Въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ заговорили о пропажѣ Гапона.

Ц. К. настаивалъ, чтобы я уѣхалъ за границу. Но я долго не соглашался, такъ какъ создавшееся двусмысленное положеніе съ моимъ отѣздомъ только еще болѣе осложнилось бы. Разъ я поѣхалъ было, но вернулся съ дороги, ничего не добившись, конечно. Въ концѣ концовъ долженъ былъ все таки уѣхать. За границей я далъ проредактировать покойному М. Р. Гоцу написанное мною заявленіе. Гоцъ высказался за то, что имени моего не слѣдуетъ выставлять на заявленіи, что анонимность заявленія дѣлу повредить не можетъ.

Ѣхавшая въ Россію *Ринина* взяла съ собой пакеты и отправила ихъ въ петербургскія газеты.

* * *

Между тѣмъ въ „Новомъ Времени" (16 апр. 1906 г.) появились статьи „Маски", въ которыхъ, на фонѣ пикантныхъ инсинуацій по адресу Боевой Организаціи и моему, разсказывалось о моихъ сношеніяхъ съ Гапономъ, о моемъ согласіи предать департаменту полиціи Б. О., о торгѣ съ Гапономъ и о томъ, что я вызвалъ Гапона въ Озерки для окончательныхъ переговоровъ, но убилъ его, какъ своего „демона-искусителя."

Появился отвѣтъ Ц. К., въ которомъ опровергались инсинуаціи „Маски" по адресу Б. О., говорилось, что я не состоялъ членомъ Б. О. и что партія никакихъ сношеній съ Гапономъ не имѣла, исключая короткій періодъ послѣ 9-го января.

Ц. К. не только не возразилъ ни слова относительно опредѣленныхъ обвиненій меня въ сношеніяхъ съ департаментомъ полиціи, не только двусмысленно умолчалъ даже о томъ, что я членъ партіи, но совсѣмъ не двусмысленно утверждалъ не соотвѣтствовавшее дѣйствительности, ибо Ц. К. *зналъ*, что сношенія съ Гапономъ передъ его смертью я имѣлъ *по порученію и инструкціямъ Ц. К.* Составителемъ заявленія отъ имени Ц. К. я считаю одного изъ принимавшихъ непосредственное участіе въ рѣшеніи участи Гапона...

* * *

Меня угнетало мое положеніе, угнетало положеніе тѣхъ, кого я, по порученію Ц. К., послалъ на убійство Гапона.

Одинъ изъ нихъ при встрѣчѣ со мной предложилъ вопросъ:

— „Въ какомъ дѣлѣ мы принимали участіе? Въ партійномъ или вашемъ частномъ предпріятіи? Какъ держать себя въ случаѣ ареста?"

Я объяснилъ ему положеніе и сказалъ, что въ случаѣ ареста они должны сказать правду, т. е. что они, на основаніи моихъ словъ, исполняли приговоръ Ц. К.

* * *

Въ концѣ апрѣля или въ маѣ 1906 г. въ Женеву пріѣхалъ Марковъ. При встрѣчѣ онъ сразу обезоружилъ меня, признавъ, что Ц. К. небрежно поступилъ по отношенію ко мнѣ, но что это объясняется массой работы и недостаткомъ силъ, благодаря чему Ц. К., къ несчастью, дѣлаетъ и много другихъ не менѣе важныхъ упущеній.

Онъ категорически обѣщалъ немедленно по своемъ возвращеніи въ Петербургъ (черезъ недѣлю) сдѣлать все нужное.

Долго еще Ц. К. не могъ собраться заявить что нибудь о смерти Гапона, разсѣять росшее въ рабочей средѣ недоразумѣніе, что *народный защитникъ* — Гапонъ — убитъ мною — *правительственнымъ агентомъ*. На личныя приставанія хроникеровъ прогрессивной печати члены Ц. К. *въ частной бесѣдѣ* отвѣчали, что моя честь „внѣ сомнѣній." И хроникеры заявляли объ этомъ въ хроникѣ „изъ достовѣрныхъ источниковъ."

Любопытно, что *Красновъ*, принимавшій участіе въ обсужденіи и рѣшеніи участи Гапона, до того одушевился въ *анонимномъ* обзорѣ печати партійной газеты (кажется, „Дѣло Народа"), что заявилъ смерть Гапона результатомъ „великаго гнѣва тѣхъ, кто шелъ рядомъ съ нимъ 9-го января на смерть" и пр.

Но анонимнымъ авторамъ никто, конечно, не повѣрилъ.

Въ самой партіи, *со словъ* Ц. К., ходили разсказы о какомъ то моемъ дисциплинарномъ проступкѣ, фантастичность котораго росла вмѣстѣ съ разстояіемъ отъ первоисточника.

Ц. К. ничего не говорилъ про меня дурного, но не говорилъ и ничего хорошаго, и не возражалъ другимъ, высказывавшимъ публично догадки или утвержденія, что я — полицейскій агентъ.

Благодаря этому поведенію Ц. К-та, отношеніе ко мнѣ стало двусмысленнымъ и внѣ и въ самой партіи.

Азефъ разсчиталъ хорошо. Ц. К. ему помогалъ своимъ авторитетомъ.

Всѣ мои письма, заявленія, протесты ничему помочь не могли. Я заявилъ категорически, что Азефъ поручилъ мнѣ отъ имени Ц. К. убійство и одного Гапона; на это не обращали вниманія. Я ссылался на свидѣтелей; опять таки никакого вниманія.

Для Ц. К. вопросъ свелся къ тому, что либо я, либо Азефъ говорилъ неправду. Онъ вѣрилъ Азефу, а со мной совершенно не считался.

Заявить публично обо всемъ я не могъ. Во 1-хъ, по условіямъ и обязанностямъ конспираціи — къ дѣлу, вѣдь, причастно много лицъ. Во 2-хъ, по условіямъ дисциплины партіи и, слѣдовательно, ея интересовъ: я долженъ былъ, вѣдь, сказать, что Ц. К. говоритъ неправду, т. е. дискредитировать партію на радость и пользу оправившейся уже реакціи и во вредъ покачнувшейся уже революціи.

Взять на себя одного все дѣло не могъ, ибо не могъ объяснить, какъ частное лицо, моихъ сношеній съ Рачковскимъ. Замолчать мое отношеніе къ дѣлу тоже не могъ.

Я рѣшилъ требовать отъ Ц. К. слѣдствія и суда по дѣлу.

Мнѣ передали телеграмму отъ Азефа, назначавшаго мнѣ свиданіе въ Гейдельбергѣ.

Я поѣхалъ, мы встрѣтились вечеромъ 5/18 іюля 1906 г. Пошли на набережную.

Я спросилъ, почему Ц. К. до сихъ поръ ничего не заявилъ о дѣлѣ въ печати. Азефъ отвѣтилъ, что это объясняется массой очень важныхъ дѣлъ, но что такое заявленіе будетъ сдѣлано.

— Впрочемъ, что Ц. К. долженъ и можетъ заявить?

— Раньше всего, что моя честь стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній.

— Странный вы человѣкъ, Мартынъ Ивановичъ! Ну, можно, конечно, заявить, что честь Гершуни стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Но развѣ можно еще сказать, что честь Павла Ивановича *), или ваша, или моя внѣ всякихъ сомнѣній?

Я не нашелся ничего отвѣтить.

Азефъ упрекалъ меня въ томъ, что я разсказываю о дѣлѣ и о его участіи въ немъ не такъ, какъ было въ дѣйствительности. Я возражалъ, что все, что говорю, очень даже соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

— Хорошо, вы мнѣ скажите одно, поручалъ я вамъ убійство Гапона или нѣтъ?

— Конечно.

— Вы лжете, Мартынъ Ивановичъ!

Судорожно сжались кулаки. Только сознаніе объ „оскорбленной“ мною уже разъ „чести партіи“ парализовало руку, поднявшуюся ударить наглеца.

— Мнѣ съ вами не о чемъ говорить больше! Впрочемъ, заявляю вамъ, какъ члену Ц. К., для передачи Ц. К-ту, что я требую слѣдствія и суда по дѣлу Гапона!

Азефъ подумалъ.

— Ц. К-ту я передамъ ваше заявленіе. Но вамъ говорю, что, какъ членъ Ц. К., подамъ голосъ противъ суда. Если бы судъ былъ назначенъ, это былъ бы судъ между мной и вами. Такъ вотъ я вамъ говорю, что я этому суду просто отвѣчать ничего не сталъ бы. А потомъ, вѣдь, все это мелочи, которыя вамъ тутъ съ издерганными нервами кажутся гораздо важнѣе того, что они собой представляютъ на самомъ дѣлѣ. По моему, вамъ надо поѣхать въ Россію работать и не тратить напрасно силъ и времени.

— Я въ Россію не поѣду! —

---

*) Савинковъ. Въ это время онъ сидѣлъ въ Севастопольской крѣпости, въ ожиданіи смертнаго приговора

— Какъ знаете! Только, по моему, ваше положеніе нисколько не опаснѣе моего или Павла Ивановича.

Его предложеніе поѣхать въ Россію я принялъ какъ совершенно опредѣленное намѣреніе помочь мнѣ повиснуть на ближайшей висѣлицѣ: — и я угомонюсь, и ему спокойнѣе будетъ работать! Душевно онъ сталъ мнѣ еще болѣе отвратителенъ, чѣмъ раньше.

При прощаніи (на улицѣ) онъ потянулся ко мнѣ и поцѣловалъ. Всю ночь, всю дорогу, меня жегъ этотъ поцѣлуй.

Я не удовлетворился переданнымъ мною черезъ Азефа на словахъ Ц. К-ту требованіемъ суда. Вернувшись изъ Гейдельберга, я написалъ ему слѣдующее письмо и заявленіе для печати:

1) Письмо Ц. К-ту.

Дорогіе товарищи!

Такъ какъ принципіально я не считаю допустимымъ, чтобы членъ партіи, какъ частное лицо, предпринималъ и рѣшалъ такія дѣла, какъ мое, такъ какъ только благодаря этому соображенію, я воздержался въ свое время (въ самомъ началѣ) отъ самосуда и обратился къ партіи, такъ какъ я считаю, что партія мнѣ полномочія дала и только на этомъ основаніи я пригласилъ партійныхъ людей для участія въ партійномъ дѣлѣ, т. е. одобренномъ партіей, на основаніи всѣхъ этихъ причинъ я не могу считать и заявить, что сдѣлалъ происшедшее по собственному разумѣнію.

Судъ товарищей долженъ выяснить, имѣлъ ли я полномочія отъ партіи или сознательно злоупотребилъ довѣріемъ партійныхъ работниковъ ко мнѣ, какъ къ представителю партіи.

Этотъ судъ я требую оффиціально отъ Ц. К. при первомъ удобномъ случаѣ.

Прилагаемое заявленіе считаю нужнымъ сдѣлать. Послѣ свиданія съ Иваномъ Николаевичемъ я убѣдился, что выясненіе дѣла затянется.

Посылаю это заявленіе Ц. К. потому, что такъ или иначе партія окажется прикосновенной къ дѣлу; а какъ членъ партіи, принимая во вниманіе интересы партіи, я не могу и не вправѣ судить, насколько удобна и своевременна эта публикація.

Если же Ц. К. заявитъ, что ни въ какія разсужденія по этому дѣлу вступать не желаетъ, прошу товарищей передать прилагаемое заявленіе моей женѣ, которая сдастъ его въ печать. Ц. К. я все таки прошу при первомъ удобномъ случаѣ назначить судъ.

П. Рутенбергъ.

2) Заявленіе для печати.

Милостивый Государь, господинъ Редакторъ!

Не откажите помѣстить въ вашей газетѣ слѣдующее:

Въ виду того, что въ настоящее время не могутъ быть опубликованы ни подробности по дѣлу объ убійствѣ предателя Георгія Гапона, ни причины, по которымъ постановленіе суда рабочихъ надъ нимъ

оставалось до сихъ поръ анонимнымъ; въ виду того, что дѣло это не можетъ продолжать оставаться анонимнымъ, чтобы не вводить никого въ заблужденіе, заявляю:

1) Я — то лицо, которому Гапонъ предложилъ пойти въ провокаторы и выдать за 100.000 руб. правительству Боевую Организацію П. С. Р., членомъ которой онъ меня считалъ и назвалъ вице-директору департамента полиціи Рачковскому.

2) Я — то лицо, которое привело его къ суду рабочихъ.

3) Подлинность распубликованнаго постановленія суда рабочихъ подтверждаю своей подписью.

4) Матеріалы по этому дѣлу находятся въ распоряженіи Центральнаго Комитета партіи С. Р.

Членъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ *П. Рутенбергъ*

Имѣющіяся у меня копіи съ приведенныхъ письма и заявленія не помѣчены датой. Но помню, что мы жили въ это время съ женой въ Лондонѣ и она отвезла ихъ Ц. К-ту въ Петербургъ, во время Свеаборгскаго возстанія, т. е. въ августѣ 1906 года.

Она же отвезла Ц. К-ту экземпляръ моихъ докладовъ, которые я старался проредактировать такъ, чтобы избѣжать полемики съ нимъ, въ случаѣ ихъ опубликованія.

* * *

Съ большимъ трудомъ жена добилась свиданія съ кѣмъ нибудь изъ представителей Ц. К.

И представителемъ этимъ оказался... Азефъ.

Суть его отвѣта женѣ: „такъ нужно для партіи, а для интересовъ партіи можно пожертвовать и честью, и жизнью не только одного, но и двухъ, и десяти членовъ партіи.“

Онъ удивлялся, какъ я этого не понимаю.

Жена не знала раньше Азефа и видѣла его впервые. Онъ произвелъ на нее такое отталкивающее впечатлѣніе, что, не долго думая, она написала мнѣ, что увѣрена, что говорила съ провокаторомъ.

Я обидѣлся и принялъ это за „оскорбленіе чести партіи и всей исторіи партіи“.

Отвѣта Ц. К. на мое письмо она дождалась не скоро.

Онъ состоялъ изъ: 1) постановленія Ц. К., и 2) письма ко мнѣ члена Ц. К. *Краснова.*

Вотъ они:

1) Постановленіе Ц. К-та.

Дорогой товарищъ!

Въ отвѣтъ на заявленіе ваше Ц. К. отвѣчаетъ:

1) Въ виду того, что ему не поступало ни съ чьей стороны обвиненія противъ Васъ, Ц. К. не считаетъ возможнымъ назначить надъ Вами партійнаго суда.

2) Вы имѣете право требовать передачи инцидента съ Вами на разсмотрѣніе Совѣта партіи или будущаго партійнаго съѣзда.

3) Ц. К. единогласно считаетъ устраненіе личности Г. вашимъ частнымъ предпріятіемъ, въ которомъ Вы дѣйствовали самостоятельно и независимо отъ рѣшенія Ц. К.

4) Вполнѣ понимая тягость и неопредѣленность Вашего современнаго положенія, Ц. К. въ первомъ же N своего „Листка" сдѣлаетъ соотвѣтственное заявленіе объ отношеніи къ Вамъ партіи.

5) Если Вы рѣшите и при этихъ условіяхъ публиковать въ газетахъ письмо приблизительно того характера, какъ сообщенное Ц. К-ту, то имѣйте въ виду, что п. 4 этого письма Ц. К. считаетъ неподходящимъ и вынуждающимъ его на опредѣленныя публичныя заявленія.

2) Письмо Краснова.

Дорогой Мартынъ!

Я прочелъ Ваше письмо, въ которомъ Вы требуете отъ Ц. К. суда надъ собою. По этому вопросу мнѣ придется подать и свой голосъ. Я пользуюсь случаемъ, чтобы сообщить и непосредственно Вамъ свое мнѣніе по этому вопросу.

„Я считаю, что имѣлъ полномочіе отъ партіи" — пишете Вы. И мнѣ прежде всего хочется протестовать противъ подобнаго заявленія. Вы, конечно, помните, что именно я первый особенно рѣзко и рѣшительно высказался *противъ* Вашего предложенія — просто устранить одно извѣстное лицо. Я высказался *абсолютно противъ* этого предложенія тогда, когда еще И. Н. былъ въ колебаніи и рѣшительно не говорилъ ни да, ни нѣтъ. Я тогда же утверждалъ, что, хотя репутація извѣстнаго лица сильно подорвана, но все таки еще есть широкіе слои, которые въ него вѣрятъ, что разъ пріобрѣтенную имъ славу не такъ легко вычеркнуть изъ жизни, что въ преступленіяхъ, имъ совершенныхъ, у насъ не можетъ быть для всѣхъ безспорныхъ и очевидныхъ уликъ — настолько очевидныхъ, насколько очевидны они для насъ; а потому всегда останется для широкихъ слоевъ рабочихъ нѣчто неразъясненное, нѣчто такое, на чемъ можетъ играть правительственная демагогія. Я говорилъ, что легко можетъ создаться легенда о другѣ рабочихъ, убитомъ революціонерами частью изъ зависти, частью изъ боязни вліянія, пользуясь которымъ онъ ведетъ ихъ по другому пути; а потомъ здѣсь нужно нѣчто болѣе вѣское — надо застать en flagrant delit.

Такова была, какъ Вы, конечно, помните, позиція, которую я занялъ съ самаго начала и которой я не покидалъ все время нашихъ разсужденій по этому вопросу. И эту точку зрѣнія приняли оба другихъ товарища П. и И., которые принимали участіе въ обсужденіи и которые еще раньше самостоятельно высказались за предпочтительность второй комбинаціи (той, которую Вы не исполнили). Въ концѣ концовъ мы всѣ трое единогласно высказались за вторую комбинацію, какъ единственно соотвѣтствующую обстоятельствамъ, и противъ первой, какъ совершенно неудовлетворительной. И, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Вы согласились взяться за выполненіе именно этой второй комбинаціи.

Для меня на этомъ дѣло кончилось. Я вскорѣ уѣхалъ въ СПБ, и для меня было полной неожиданностью извѣстіе о событіи. Что происходило въ промежутокъ между нашимъ разговоромъ и событіемъ, какія обстоятельства заставили Васъ перемѣнить свое рѣшеніе — я не знаю. Хорошо помню, что тотчасъ же послѣ событія одинъ очень

крупный литературный дѣятель спросилъ меня о его подкладкѣ, и я съ полной увѣренностью тотчасъ же сказалъ, что это — дѣло не партійное, но что партіи извѣстно, по крайней мѣрѣ, одно лицо изъ совершившихъ его и что совершившіе имѣли въ своихъ рукахъ данныя о несомнѣнной преступности извѣстной личности.

Вамъ кстати я могу сообщить, что по пріѣздѣ въ П. я немедленно сообщилъ тремъ (четыремъ) членамъ Ц. К., бывшимъ тамъ, что мы отъ имени послѣдняго дали согласіе на вторую комбинацію. Но даже и эта вторая комбинація среди нихъ встрѣтила сначала довольно сильную оппозицію, но съ нею, въ концѣ концовъ, примирились. Нечего и говорить, что о принятіи ими первой комбинаціи — отвергнутой нами — не могло быть и рѣчи. Таково фактическое положеніе дѣла.

Теперь Вы ставите вопросъ такъ: либо Вы сознательно злоупотребили чужимъ довѣріемъ, либо Вы были уполномочены Ц. К., либо вышло недоразумѣніе, въ которомъ одинаково виноваты и Вы и партія.

Несомнѣнно, вышло недоразумѣніе; я отрицаю лишь, чтобы партія въ немъ хоть чѣмъ нибудь могла быть повинна.

О сознательномъ злоупотребленіи съ Вашей стороны не можетъ быть и рѣчи; въ немъ Васъ никто не обвиняетъ, а потому я и не знаю, какой же можетъ быть здѣсь судъ? Судъ можетъ быть лишь по обвиненію Васъ кѣмъ либо: лицами изъ Ц. К. или лицами, принимавшими непосредственное участіе вмѣстѣ съ Вами въ самомъ дѣлѣ. Но обвиненій никто не выставляетъ.

Я вполнѣ понимаю — да и другіе товарищи тоже, — что моральное потрясеніе, произведенное въ Васъ паденіемъ лица, въ которое Вы вѣрили и которое олицетворяло собою славные историческіе дни, представляетъ собою вмѣстѣ съ волненіемъ, безъ котораго не могло обойтись рѣшеніе вычеркнуть это лицо изъ исторіи, — были совершенно достаточнымъ основаніемъ для происшедшаго недоразумѣнія. И потому то мы не считаемъ возможнымъ ни судить, ни карать Васъ. Но тѣмъ менѣе права имѣете Вы теперь заблуждаться относительно характера совершившагося дѣла. И лично мнѣ во всемъ этомъ странно только одно: какъ Вы теперь можете еще думать и утверждать, что Вы имѣли полномочія на то, что произошло.

Для суда, повторяю, по моему, нѣтъ мѣста. Но, конечно, разсмотрѣніе всего инцидента можетъ быть передано ближайшему съѣзду Совѣта Партіи. Но пока мы еще не имѣемъ тѣхъ документовъ, о которыхъ Вы сообщаете. По этой причинѣ, а также потому, что въ этихъ документахъ нѣтъ ничего, имѣющаго формальную юридическую силу для публики (Вы — участникъ дѣла и суда и Вы же — авторъ документовъ), я считалъ бы неудобнымъ и невозможнымъ п. 4 Вашего письма въ редакціи газетъ, если только Вы рѣшите публиковать это письмо. Кромѣ того, имѣйте въ виду, что редакція п. 4 предполагаетъ неминуемо соотвѣтственное заявленіе или разъясненіе Ц. К-та, а таковое не можетъ быть безъ упоминанія о томъ, что это дѣло не партійное.

Таково мое отношеніе къ дѣлу. А пока — желаю Вамъ и пр.

Я отвѣтилъ *Краснову* на это письмо, но копіи не сохранилъ. Для него „на этомъ дѣло кончилось“. Но не для меня. Я напоминалъ ему о приглашенныхъ самимъ Азефомъ лицахъ во всѣхъ подробностяхъ. Имѣлъ ли *Красновъ* и весь Ц. К. въ

цѣломъ право отказывать мнѣ въ слѣдствіи и судѣ, имѣя мое категорическое заявленіе, что дѣло сдѣлано партійными людьми, считавшими, что приводили въ исполненіе приговоръ Ц. К. судить не мнѣ.

Я поручилъ женѣ опубликовать безъ разрѣшенія Ц. К., имѣвшуюся у нея рукопись. Но помимо моей воли ее убѣдили этого не дѣлать въ виду наступившей реакціи... А жили мы слишкомъ далеко другъ отъ друга и сношенія были слишкомъ затруднены, чтобы я во время могъ дать нужныя указанія.

* * *

Ссылка Ц. К. на право обратиться въ Совѣтъ партіи или къ съѣзду, при моемъ положеніи, была простой отпиской.

Когда въ октябрѣ 1906 г. я пріѣхалъ на Иматру, я, неожиданно для себя и не зная объ этомъ, очутился наканунѣ открытія засѣданій Совѣта партіи. Я долженъ былъ уѣхать, „чтобы не скомпрометировать никого". Никто не предложилъ мнѣ тогда воспользоваться моимъ „правомъ". Что это былъ Совѣтъ, я узналъ позже отъ Н. В. Ч., а потомъ и отъ самого *Краснова*, съ которымъ видѣлся тамъ же на Иматрѣ.

Неожиданностью моего пріѣзда и опасеніемъ осложненій съ моей стороны на Совѣтѣ объясняю себѣ торопливость, съ которою Ц. К. помѣстилъ въ выходившемъ въ этотъ день изъ печати номерѣ „Партійныхъ Извѣстій" (отъ 22 окт. 1906 года) слѣдующее заявленіе:

„Въ виду того, что, въ связи со смертью Гапона, нѣкоторыя газеты пытались набросить тѣнь на моральную и политическую репутацію члена партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ П. Рутенберга, Центральный Комитетъ П. С.-Р. заявляетъ, что личная и политическая честность П. Рутенберга стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній."

* * *

Что вышло у Азефа съ Центральнымъ Комитетомъ по поводу дѣла Гапона, почему Ц. К. такъ старался уклониться отъ этого дѣла, которое морально одобрялъ, я не зналъ и разно себѣ объяснялъ. Но борьба для меня стала неравной. Особенно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось жить. Къ большому моральному гнету прибавилась большая матеріальная нужда, совсѣмъ скрутившая меня.

Самой ужасной для меня была мысль, что меня могутъ арестовать раньше, чѣмъ выяснится дѣло. Ни говорить, ни молчать я вѣдь не могъ.

Только глубокое убѣжденіе въ неправотѣ Ц. К., невозможность признать свое безсиліе въ борьбѣ съ нимъ; опасеніе набросить тѣнь, дать поводъ усумниться въ виновности Гапона, удерживали меня отъ не разъ соблазнявшаго меня легкаго разрѣшенія моего безвыходнаго положенія — самоубійства.

Не разъ за это время я убѣждался, что бываетъ труднѣе жить, чѣмъ умереть.

* * *

19-го февраля 1908 г. я писалъ Субботину, между прочимъ:
„Если Ц. К. не хотѣлъ этого дѣла, онъ имѣлъ, вѣдь, возможность вернуть меня, остановить. А, если онъ „въ концѣ концовъ примирился", то взялъ, слѣдовательно, на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія. И за успѣхъ, и за неудачу, и за Озерки"... „Но придраться къ тому, что я ступилъ правой ногой, а не лѣвой, зная, что лѣвой ступить не могъ, зная, что доказательства виновности Г. я досталъ, и замолчать, когда заговорили „маски", — отказаться отъ меня, — вѣдь это предательство. Предательство со стороны Ц. К., какъ коллегіи, предательство со стороны отдѣльныхъ лицъ и съ твоей въ частности.

Это то, отчего я такъ обалдѣлъ съ перваго момента, съ того вечера, когда Борисенко привезъ мнѣ постановленіе Ц. К.

Одно время въ теченіе моихъ скитаній я себя чувствовалъ очень скверно. Часто останавливался на Гапонѣ и спрашивалъ себя: не ошибся ли и тому? Каждый разъ я приходилъ къ одному же отвѣту: нѣтъ не ошибся! Гапонъ предалъ не меня, не тебя, третьяго, десятаго, а то, что предавать немыслимо. Гибель его была необходима и неизбѣжна". . . . .
. . . .
. . . .

* * *

Время, о которомъ я говорю въ письмѣ — нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ весной 1907 г. на Капри.

Много своихъ „цѣнностей" я здѣсь переоцѣнилъ. Не радостные итоги своей революціонной дѣятельности подвелъ. Въ безукоризненности итоговъ блестящей дѣятельности другихъ усумнился... И очутился надъ пропастью душевнаго банкротства...

Только ясныя тоскливо ищущія души обитателей Vill'ы Blesus, ихъ душевная поддержка, чистая, искренняя ласка помогали мнѣ въ тяжелой борьбѣ съ самимъ собой. Окружавшая безграничная даль неба и моря, то грозно бунтующая, то грустно ласкающая, спугивали, иногда разгоняли сгущавшуюся вокругъ меня, засасывавшую меня безпросвѣтно-мрачную пучину.

Капри! Такъ съ этимъ сказочно-красивымъ клочкомъ земли остался связаннымъ для меня безысходный ужасъ, прорѣзанный рѣдкими, неизмѣнно дорогими для меня, свѣтлыми пробесками.

Самымъ серьезнымъ образомъ передо мной сталъ здѣсь вопросъ о томъ, что Иванъ Николаевичъ *долженъ* повиснуть на такой же вѣшалкѣ, какъ Гапонъ. Самымъ серьезнымъ образомъ я обдумывалъ планъ, какъ привести это въ исполненіе. И находилъ средства. Публикація моихъ докладовъ Ц. К. представляла въ то время такую сенсацію, что за нее можно было получить большія деньги. Опубликованіемъ ихъ разсѣивалась создавшаяся вокругъ имени Гапона легенда, разъяснялось мое собственное двусмысленное положеніе, являлась возможность поѣхать въ Россію, подвести счеты съ Иваномъ

Николаевичемъ, а потомъ и самому дорваться на какомъ-нибудь дѣлѣ до петли.

Я серьезно этимъ занялся. Но обстоятельства, на которыхъ останавливаться здѣсь не мѣсто, отрезвили меня, заставили и помогли взять себя въ руки.

Я оставилъ свои „планы". Поѣхалъ искать работу и жизнь.*)

* * *

Природное физическое здоровье, глубокая вѣра въ правду большой жизни и въ правоту своего маленькаго дѣла меня вывезли. Производительный трудъ меня выпрямилъ и вернулъ уваженіе къ самому себѣ.

Великіе памятники человѣческаго генія, генія труда, генія борьбы и стремленія къ лучшему и большему, великіе памятники, мимо которыхъ я каждый день проходилъ на работу, смотрѣли на меня вѣками большой прошлой человѣческой жизни.

Величаво-суровая сѣдина камней успокаивала и учила; я набирался здѣсь силъ, разума и мужества и шелъ жить въ маленькую мелочную жизнь, умѣя находить и въ ней большую красоту и радость.

* * *

Упомянутое письмо Субботину было написано по слѣдующему поводу:

Я добивался малѣйшей матеріальной возможности опубликовать дѣло Гапона. Такая возможность представилась мнѣ въ декабрѣ 1907 года, когда жена поѣхала въ Женеву.

Я поручилъ ей напечатать тамъ рукопись. Съ Ц. К. счелъ безполезнымъ сноситься, но когда узнали объ этомъ, Субботинъ написалъ мнѣ (23 января 1908 года):

„Подумай, нужно ли это, подумай также, какую отвѣтственность берешь на себя... Если все таки рѣшишь печатать, — прошу, перешли раньше мнѣ. Ты, вѣдь, самъ знаешь, непріятно и мнѣ и тебѣ, если въ печати начнется полемика, если наши взгляды на вещи не сойдутся и придется намъ опровергать другъ друга..."

Я отвѣтилъ, что „ложащаяся на меня отвѣтственность, очевидно, ясна мнѣ", рукопись все таки опубликую. Списаться радъ. И послалъ экземпляръ рукописи. Просилъ, чтобы Ц. К. прислалъ редакцію тѣхъ измѣненій, какія считаетъ нужнымъ сдѣлать, что измѣненія я считаю допустимыми только въ формѣ, но не въ сущности изложеннаго мною.

Въ письмѣ отъ 11 февраля 1908 года *Субботинъ* сообщалъ, что отказывается быть посредникомъ между мною и Ц. К. На-

*) Относительно публикованія рукописи просилъ Г-каго взять на себя сношенія съ издателемъ а вырученныя деньги, за покрытіемъ расходовъ, прислать Ц. К. Рукопись не была тогда опубликована, такъ какъ издатель потребовалъ отъ меня дополнить ее. А меня бралъ ужасъ не только писать, но даже думать объ этомъ дѣлѣ. На этой почвѣ у меня вышло недоразумѣніе съ Г-мъ, который, очевидно, не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ мое тогдашнее душевное состояніе.

стойчиво совѣтуя обратиться непосредственно къ Ц. К-ту, онъ перечислилъ рядъ допущенныхъ мною умолчаній, искажающихъ, по его мнѣнію, смыслъ дѣла. Онъ писалъ мнѣ: „приговора одному Г. *не было*. А читатель можетъ подумать, что именно такъ и было“. Я долженъ заявить, что такъ какъ „Ц. К. не поручалъ мнѣ этого дѣла, а поручилъ *совсѣмъ другое* (Г. и Р.), ни политически, ни технически не связанное съ первымъ, то и отвѣтственность за совершенное мною Ц. К. на себя взять не могъ...“

Сильно отличалось это мнѣніе отъ того, которое онъ высказалъ въ апрѣлѣ 1906 года у *Маркова* на квартирѣ въ *Сѣверскѣ*, *что „Ц. К. рано или поздно придется взять на себя дѣло Гапона, а потому лучше это сдѣлать сейчасъ, чѣмъ быть вынужденнымъ сдѣлать то же самое позже“*.

Сильно было для него, какъ и для другихъ, вліяніе Азефа.

Я напомнилъ ему (въ отвѣтѣ 19 февраля 1908 г.) подробно всю исторію дѣла, доказалъ ему письмомъ *Краснова*, что Ц. К. въ приговорѣ своемъ имѣлъ въ виду именно Г., а не Р. Мое мнѣніе о томъ, что поведеніе Ивана Николаевича — предательское по отношенію къ дѣлу и ко мнѣ было принято, очевидно, какъ мнѣніе очень возбужденннаго человѣка.

Развѣ Иванъ Николаевичъ можетъ быть предателемъ?

Между прочимъ, я тогда же писалъ Субботину:

„Если ты вдумаешься въ суть дѣла, во все то, что я тебѣ напомнилъ, я, вѣдь, многаго не привелъ, ты убѣдишься, что двѣ главныя причины лежатъ въ основѣ той грязи, въ которую вы впутали меня и самихъ себя:

1) Оппозиція (по моему здоровая) Ц. К., какъ партійной высшей коллегіи, самоуправству отдѣльныхъ своихъ членовъ. Это доказывается документально письмомъ В. и многимъ другимъ, тебѣ подробнѣе и лучше извѣстнымъ, чѣмъ мнѣ.

2) Я оскорбилъ генерала. Ты прекрасно знаешь, что, захоти И. Н., онъ сумѣлъ бы настоять, чтобы все было тогда же ликвидировано. Утверждаю, что сознательно или безсознательно, по моему, сознательно, онъ воспользовался создавшимся положеніемъ, во всякомъ случаѣ сознательно не препятствовалъ ему развиваться въ данномъ направленіи, чтобы компенсировать мою „записку“. Теперь ты предлагаешь мнѣ написать „всю правду“. Зачѣмъ же бросать зря такія слова? Вѣдь ты прекрасно знаешь, что я этого сдѣлать не могу, не могу плевать въ своего собственнаго духа святого. Ты знаешь, что для меня революція конкретизировалась въ партіи, Ц. К. представляетъ партію. Моей „правдой“ авторитетъ Ц. К. можетъ быть только униженъ, слѣдовательно, униженъ и авторитетъ партіи, слѣдовательно, нанесенъ вредъ революціи. Не могу же доставлять Рачковскому, Трусевичу, Суворину, Столыпину такого благодарнаго матеріала. Въ этомъ смыслѣ я безоруженъ. И отмалчиваясь, вы пользовались моей безоружностью. Вплоть до того, что позволили себѣ черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ того, какъ мое имя вытрепали во всѣхъ помойныхъ ямахъ, выдать мнѣ аттестатъ „моральной и политической честности“. И тебѣ не стыдно?

По тѣмъ или другимъ соображеніямъ, вы хотите свалить это дѣло на меня, какъ на частное лицо. И я бы взялъ его на себя, какъ на частное лицо (ты это знаешь), если бы не было сношеній съ Рачковскимъ, тѣхъ, что вы мнѣ поручили, тѣхъ, которыхъ я, какъ частное лицо, объяснить ничѣмъ не могу. Ясно, конечно, что, соглашаясь взять дѣло на одного себя я иду противъ правды. Ибо на самомъ дѣлѣ, еслибы считалъ возможнымъ частнымъ образомъ, лично, на свой страхъ, раздѣлаться съ нимъ, я могъ бы это сдѣлать въ Москвѣ. Но я сдержался, явился къ вамъ. И заявилъ вамъ: слушайте и судите! И вы выслушали, и осудили. Вѣдь ты знаешь, что это такъ. Ты согласишься, что когда писалъ мнѣ „...въ словахъ твоихъ нѣтъ искаженій, я, по крайней мѣрѣ, не нашелъ. Есть въ многочисленныхъ умолчаніяхъ“ — ты нанесъ оскорбленіе не по адресу. Не касаюсь „искаженій“, которыхъ ты „по крайней мѣрѣ не нашелъ“ „въ словахъ“. Напрасно искалъ. Искажаю не я. А „умолчанія“ — единственная для меня доступная форма ликвидаціи дѣла. Гапоніада въ той части, въ которой я оказался къ ней причастнымъ, состоитъ изъ двухъ переплетшихся между собою дѣлъ: предательство Г. и отношенія мои съ Ц. К. Хочу и *обязанъ* ликвидировать первое. Но считаю невозможнымъ опубликовать всю „правду“ второго. Если Ц. К. найдетъ нужнымъ, пусть это дѣлаетъ самъ. Но если онъ, Ц. К., а не „маска“, затронетъ мою честь, я буду ее защищать. Даже „всей правдой“, если придется“.

* * *

Благодаря перепискѣ съ Субботинымъ, я поѣхалъ все таки въ Женеву, чтобы снестись лично съ Ц. К. объ измѣненіяхъ въ опубликовываемой мною рукописи.

Матеріально поѣздка эта была для меня не по силамъ; заработокъ мой былъ слишкомъ скроменъ и сверхъ того, поденный. Не говоря уже о расходахъ по поѣздкѣ, у меня въ нерабочіе дни не было доходовъ. При такихъ условіяхъ долго вести переговоры трудно было.

Товарищи, которыхъ засталъ въ Женевѣ, увѣряли меня, что отношеніе ихъ ко мнѣ всегда было и оставалось хорошимъ. Уполномоченный Ц. К-томъ для переговоровъ со мной Л. заявилъ мнѣ отъ имени Ц. К., что я не имѣю права выступать публично въ дѣлѣ Гапона безъ согласія Ц. К-та, такъ какъ Ц. К. считаетъ себя связаннымъ со мною въ этомъ дѣлѣ и если молчитъ, то по условіямъ политическимъ. Я отнесся скептически къ его заявленіямъ и предпочелъ письменныя документальныя сношенія съ Ц. К.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, въ Цюрихѣ умеръ Г. А. Гершуни. Всѣ оказались заняты. Всѣ, кто могъ, уѣзжали въ Парижъ на похороны, которые затянулись на 2 недѣли.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ ждать.

Я передалъ черезъ Л. для Ц. К. заявленіе, для разсмотрѣнія котораго была назначена въ Парижѣ комиссія. Вотъ оно:

Дорогой ....!

Передайте пожалуйста Центральному Комитету:

1) Если Ц. К. находитъ нужнымъ, чтобы опубликованіе дѣла Г. произошло при его контролѣ и считаетъ возможнымъ, чтобы были опубликованы и мои сношенія съ Ц. К. по данному дѣлу, онъ не откажетъ:

а) назначить лицо, которое было бы вправѣ вмѣстѣ со мной окончательно редактировать рукопись;

в) указать тѣхъ лицъ, которыя были-бы вправѣ разобрать и редактировать спорные между мною и представителями Ц. К. вопросы.

2) Вопросъ о несвоевременности опубликованія дѣла Г. считаю себя вправѣ снять съ обсужденія.

3) (не подлежитъ опубликованію).

4) Матеріальныя и моральныя условія, въ которыхъ я нахожусь, заставляютъ меня категорически просить Ц. К., чтобы ликвидація дѣла Г. и совмѣстное обсужденіе окончательной редакціи рукописи началось не позже середины слѣдующей недѣли.

Увѣренъ, что Ц. К. не упуститъ изъ виду этотъ пунктъ и удѣлитъ ему все нужное вниманіе.

Сердечный привѣтъ всѣмъ товарищамъ.

Низко кланяюсь праху Григорія Андреевича.

Петръ.

25 марта 1908 г.

Отвѣтъ назначенной Ц. К-томъ комиссіи на мое заявленіе (получилъ 7 апрѣля 1908 г.):

Комиссія большинствомъ голосовъ находитъ, что печатаніе рукописи Мартына (2-ой ея части) является несвоевременнымъ въ виду того, что:

а) дѣло Гапона въ настоящее время забыто и возбуждать его вновь, вслѣдствіе невозможности открытой защиты партійныхъ интересовъ, нецѣлесообразно;

б) ни для партіи, ни для автора пользы отъ напечатанія рукописи быть не можетъ.

2) Комиссія находитъ печатаніе рукописи несвоевременнымъ еще и потому, что... (не подлежитъ опубликованію).

Подробности 2-го мотива будутъ переданы на словахъ.

3) Въ случаѣ наступленія момента возможности напечатанія, комиссія полагаетъ необходимымъ измѣненіе рукописи согласно прилагаемому списку.

(Слѣдуетъ списокъ измѣненій, указанныхъ мнѣ раньше Субботинымъ).

* * *

Постановленіе это Л. мнѣ передалъ въ присутствіи пріѣхавшаго въ Женеву члена Ц. К. Юрьева, знавшаго о дѣлѣ Гапона по разсказамъ (съ конца 1905 г. онъ былъ въ тюрьмѣ, а потомъ въ ссылкѣ). Въ первый разъ послѣ марта 1906 года я говорилъ съ членомъ Ц. К., умѣвшимъ слушать меня безъ предубѣжденія. Приведенные мною факты его смутили. Но рѣчь вѣдь шла объ Иванѣ Николаевичѣ, которому мы оба довѣряли... Поэтому мы стали искать выхода удовлетворитель-

наго для меня, достойнаго для Ц. К-та, т. е. для партіи. Сговориться намъ было сравнительно не трудно, ибо интересы партіи для обоихъ насъ были одинаково дороги.

Въ результатѣ этихъ переговоровъ я написалъ Ц. К-ту въ Парижъ (10 апрѣля 1908 года):

Центральному Комитету.

Дорогіе товарищи!

На полученное мною постановленіе комиссіи Ц. К-та по дѣлу Гапона отвѣчаю:

Мнѣ представляется, что соглашеніе между Ц. К. и мной по этому дѣлу возможно только на почвѣ общности цѣли, т. е.

1) Чтобы по поводу убійства Гапона между Ц. К. и мной не возникало публичныхъ споровъ, которые сами по себѣ вызовутъ сомнѣніе въ виновности Гапона, въ дѣйствительности никакому сомнѣнію не подлежащей, и дискредитируютъ въ глазахъ широкихъ массъ партію, а, слѣдовательно, революцію.

2) чтобы опубликованіе дѣла Гапона не дало повода усумниться въ позиціи, занятой Ц. К., какъ учрежденіемъ и представителемъ партіи (не говорю объ отдѣльныхъ его членахъ).

По существу позиція Ц. К-та (повторяю, какъ учрежденія), съ одной стороны, и моя — съ другой, въ данномъ дѣлѣ діаметрально противоположны. Каждая изъ нихъ основана на конкретныхъ положеніяхъ. Достигнуть поэтому поставленной цѣли мнѣ представляется возможнымъ:

а) умолчаніемъ о тѣхъ промежуточныхъ обстоятельствахъ, благодаря которымъ оказалось возможнымъ такое существованіе двухъ другъ друга исключающихъ положеній;

б) тѣмъ, что дѣло второй его стадіи беру на себя одного.

Въ принятой мною редакціи говорю только *объ одномъ* данномъ мнѣ Ц. К-томъ порученіи: Р. и Г. Но подчеркивать, какъ этого хочетъ Ц. К., въ моемъ изложеніи дѣла, что другого порученія Ц. К. мнѣ не давалъ и даже запрещалъ, не буду; ибо это не соотвѣтствуетъ тому, что на самомъ дѣлѣ происходило между мной и представителемъ Ц. К.

Если Ц. К. не удовлетворится такимъ рѣшеніемъ вопроса и разрѣшитъ мнѣ, я изложу дѣло во всѣхъ деталяхъ такъ, какъ оно было, т. е. изложу то, что было мнѣ поручено представителемъ Ц. К., и то, что, *какъ мнѣ стало извѣстно позже,* Ц. К., какъ учрежденіе, на самомъ дѣлѣ поручалъ.

Если Ц. К. не приметъ ни одного изъ этихъ двухъ рѣшеній, дѣло мною будетъ опубликовано по той рукописи, которую присылалъ въ Парижъ. Не мнѣ предрѣшать поведеніе Ц. К. въ этомъ случаѣ.

Что касается времени опубликованія дѣла, то только при теперешней, переданной мнѣ на словахъ формулировкѣ отношенія Ц. К. къ дѣлу, *отличающейся отъ той, которую я зналъ до сихъ поръ,* я считаю возможнымъ и необходимымъ подчиниться, какъ членъ партіи, требованію Ц. К. партіи.

Но *непремѣннымъ условіемъ* этого мнѣ представляется, чтобы Ц. К. теперь же прислалъ мнѣ письменный документъ такого приблизительно содержанія:

„П. М. Рутенбергу. Ц. К. П. С.-Р. своей дискреціонной властью запрещаетъ Вамъ, какъ члену партіи, опубликовывать дѣло Гапона впредь до тѣхъ поръ, когда по политическимъ условіямъ и по общему съ Вами согласію такое опубликованіе будетъ найдено своевременнымъ".

Эту записку и рукопись Ц. К. не откажетъ прислать сейчасъ же черезъ Л. Э., такъ какъ я не могу уѣхать отсюда, не давши опредѣленныхъ распоряженій по дѣлу. А жить здѣсь у меня нѣтъ никакихъ средствъ. Считаю нужнымъ еще разъ напомнить Ц. К-ту, что отъ его имени и по его полномочію я занялъ въ свое время для расходовъ по дѣлу Гапона 700 рублей...

Всѣмъ товарищамъ привѣтъ. *П. Рутенбергъ.*

Отвѣтъ комиссіи на это письмо остался у Л. Э. Ш. Комиссія, среди которой виталъ, очевидно, духъ Азефа, мало считаясь съ моимъ письмомъ, настаивала на внесеніи мной измѣненій нѣкоторыхъ выраженій въ угодномъ для нея смыслѣ. Я отказался. Нѣкоторыя редакціонныя поправки, не мѣнявшія по существу смысла дѣла — принялъ. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ комиссіи пришло и написанное мнѣ (черезъ Ш.) *Марковымъ* письмо, хорошее, товарищеское письмо. Онъ просилъ меня выждать еще двѣ недѣли, покуда получится отъ Ц. К. изъ Россіи отвѣтъ. Съ своей стороны находилъ справедливымъ выставленное мною требованіе записки и обѣщалъ свое содѣйствіе.

Я уѣхалъ.

Вмѣсто двухъ недѣль, на которыя получилъ отпускъ, пробылъ въ Женевѣ шесть недѣль. Работу, конечно, потерялъ. И долго не могъ найти другую. Еще разъ пришлось пережить всю гнусность и унизительность безработности. Много скверной людской тупости, мелкой жадности прошло передо мной за это время поисковъ работы. Не мало личныхъ отвратительныхъ переживаній. Но не мѣсто и не время на нихъ останавливаться.

* * *

Важно то, что Ц. К. остался вѣренъ своему отношенію ко мнѣ въ прошломъ. Онъ не только не прислалъ мнѣ записки, но вообще ничего не отвѣтилъ. Вѣдь среди членовъ находившагося въ Россіи Ц. К. находился и Азефъ.

Я опять сталъ собираться съ силами, искать матеріальную возможность опубликовать дѣло.

* * *

О томъ, что Ц. К. объявилъ Азефа провокаторомъ я узналъ изъ мѣстныхъ газетъ, какъ объ „огромномъ полицейскомъ скандалѣ въ Россіи."

Еще бы!

Я не вѣрилъ. Написалъ Субботину. Тотъ отвѣтилъ убѣдительнымъ письмомъ. Газеты приносили все новыя убѣдительныя подробности.

Поведенiе Азефа въ дѣлѣ Гапона выяснилось. Молчать дольше было нельзя. Я написалъ заявленiе для печати и послалъ его Субботину просмотрѣть. Онъ возвратилъ его со слѣдующимъ письмомъ:

3-го Февраля, 1909 г.

Дорогой Петръ!

Вчера получилъ твое письмо.

1) Ц. К. хотя и скомпрометированъ, но существуетъ, а пока онъ существуетъ, мнѣ кажется, безъ его разрѣшенiя печатать по дѣлу Г. ничего нельзя, опираясь на уже состоявшееся между Ц. К. и тобою по этому поводу соглашенiе. Поэтому, по моему, рукопись нужно отослать для прочтенiя оффицiально въ Ц. К.

2) Въ такой тяжкiй для партiи моментъ, какъ теперь, мнѣ думается, твое сообщенiе, содержащее упреки по адресу Ц. К. даже если бы эти упреки были справедливы, напечатано быть не должно. Оно внесетъ въ уже существующее междоусобiе еще одинъ поводъ.

3) Упреки твои, по моему, не совсѣмъ справедливы. Если Азевъ обманулъ въ этомъ дѣлѣ и тебя и насъ (а теперь ясно, почему это было въ его интересахъ), то изъ этого не слѣдуетъ, что Ц. К., какъ цѣлое, давалъ санкцiю устраненiя одного Г. безъ Р. Наоборотъ, я утверждаю и могу свидѣтельствовать, гдѣ и когда угодно, что *такой* санкцiи Ц. К. не давалъ, что для него убiйство *одного* Г. было неожиданностью, *не одобренною*, что ты о таковомъ мнѣнiи Ц. К. зналъ. Это не исключаетъ возможности обмана тебя Азевымъ, заявленiя, напр., Азева, что Ц. К. перемѣнилъ мнѣнiе, или попустительство Азева, что равнялось разрѣшенiю и т. п. Но тогда виноватъ *Азевъ*, а не Ц. К. Изъ твоего же сообщенiя можно легко вывести другое — неправильное заключенiе, что Ц. К. игралъ съ тобою недостойную игру въ прятки.

Вотъ, что я думаю о твоемъ сообщенiи и хочу вѣрить, что ты посчитаешься съ этимъ мнѣнiемъ..."

Мой отвѣтъ Субботину.

„... 1) Ц. К. существуетъ, но соглашенiя между имъ и мной не существуетъ, потому что Ц. К. не только не принялъ выставленное мною условiе соглашенiя, но просто ничего мнѣ не отвѣтилъ.

При такомъ отношенiи Ц. К. и къ дѣлу, и ко мнѣ отвѣтственность за это дѣло опять легла на меня одного. И вопросъ объ его опубликованiи для меня давно былъ рѣшенъ въ окончательномъ утвердительномъ смыслѣ. Со времени переговоровъ прошелъ, вѣдь, годъ. Я выжидалъ только матерiальной для себя возможности.

Въ этотъ смыслѣ ничего не измѣнилось. Измѣнилось одно: „Иванъ Николаевичъ" сталъ „Азевымъ", къ общему нашему ужасу. Едва ли это можетъ побудить меня къ дальнѣйшему молчанiю.

Измѣнилось еще одно; данное мной согласiе взять на себя лично дѣло не имѣетъ больше смысла.

2) *Упрековъ Ц. К. не хочу дѣлать.* Въ такое время, да и во всякое время, это было бы мелочно съ моей стороны. Констатирую только фактическое положенiе дѣла, снимая съ себя ту долю моральной отвѣтственноcти, которую Ц. К. до сихъ поръ сознательно и несправедливо заставлялъ меня нести. Продолжать нести это очень тяжелое бремя для меня больше нѣтъ никакого смысла.

3) Существующее междоусобіе не уляжется, если не опубликую мое заявленіе. А если бы и улеглось, все равно опубликовалъ бы, какъ поступилъ бы и ты на моемъ мѣстѣ.

Надо и эту гангрену срѣзать.

4) На четвертый твой пунктъ отвѣчаю: Совершенно съ тобой согласенъ. И впечатлѣніе твое зависитъ отчасти отъ самаго историческаго факта, позиціи, которой Ц. К. держался въ этомъ дѣлѣ..."

"...Посылаю текстъ О... для передачи его Бурцеву. Для печати, конечно.

Не посылаю его Ц. К. потому, что не считаю возможнымъ обращаться къ нему больше по этому дѣлу. Ты, конечно, понимаешь, что съ моей стороны нѣтъ желанія доставить этимъ Ц. К-ту въ тяжелое для него время непріятность.

Если ты, съ своей стороны, найдешь нужнымъ, можешь предложить Ц. К. опубликовать мое заявленіе, но буквально, конечно. Если ты явишься къ О. съ этимъ письмомъ до вечера воскресенья 7-го, ты получишь въ свое распоряженіе три дня, послѣ которыхъ либо доставишь ей печатный текстъ заявленія, либо, не дожидаясь отъ тебя больше отвѣта, она отнесетъ его къ Бурцеву. Возможно еще наше свиданіе съ тобой для ссовмѣстной выработки текста, но при условіи твоего немедленнаго сюда пріѣзда. Разумѣется, предупредишь О. объ этомъ..."

Въ назначенный мною срокъ жена не могла передать Бурцеву мое заявленіе, такъ какъ онъ уѣхалъ изъ Парижа.

Какъ только я узналъ изъ газетъ, что Бурцевъ вернулся, я поѣхалъ, чтобы повидаться съ нимъ лично, передать ему весь матеріалъ и просить взять на себя веденіе дѣла и сношеній, а если понадобится, и полемику съ Ц. К. Самъ я для этого не имѣлъ ни матеріальной, ни моральной возможности.

Бурцева не засталъ. Онъ опять выѣхалъ изъ Парижа. Хотѣлъ спросить о томъ же Г. А. Лопатина, но и его не было въ эти дни въ Парижѣ.

Субботинъ съ своей стороны убѣждалъ меня не обходить Ц. К. въ такое тяжелое для него время. Я пришелъ на собраніе Ц. К. 12 февраля (30 января) и заявилъ, что въ виду отношенія ко мнѣ Ц. К-тавъ прошломъ, не считаю себя обязаннымъ передъ нимъ ни морально, ни дисциплинарно, и только изъ уваженія къ переживаемому партіей, а не Ц. К-томъ, несчастію и къ партійной дисциплинѣ довожу до свѣдѣнія Ц. К. объ опубликовываемомъ мною заявленіи и прошу дать отвѣтъ въ тотъ же день.

Ц. К. постановилъ пойти мнѣ на встрѣчу въ опубликованіи дѣла и уполномочилъ *Краснова и Субботина* для совмѣстнаго со мной пересмотра текста моего заявленія.

Уполномоченные Ц. К. нашли нужнымъ внести въ редакцію моего текста рядъ измѣненій, большая часть которыхъ была мною принята. Они не измѣнили смысла моего заявленія, но затуманили его. Текстъ долженъ былъ быть немедленно переведенъ и напечатанъ Ц. К-томъ со своимъ *добавленіемъ* въ французскихъ газетахъ. Какъ оказалось, Ц. К. не уполномо-

чилъ своихъ представителей на принятіе текста добавленія къ моему заявленію. Я со своей стороны оставаться дольше въ Парижѣ не могъ, Красновъ предложилъ текстъ „добавленія", который брался защищать передъ Ц. К-омъ, текстъ признанный мною удовлетворительнымъ, точной копіи котораго у меня нѣтъ. Приблизительное содержаніе его таково:

„Ц. К. П. С. Р. подтверждаетъ существо изложеннаго въ заявленіи члена партіи П. Рутенберга; Ц. К. считаетъ, что въ партійномъ отношеніи П. Рутенбергъ поступалъ въ дѣлѣ Гапона вполнѣ правильно, такъ какъ въ то время не могъ не считать Азефа вѣрнымъ выразителемъ рѣшеній Ц. К."

Я уѣхалъ. Прошла недѣля. Въ Государственной Думѣ назначены были пренія по запросу объ Азефѣ. Заявленіе мое въ печати не появилось. Я написалъ Ц. К-ту, что если во вторникъ 10-23 февраля въ утреннихъ газетахъ не появится мое заявленіе, я во вторникъ вечеромъ сдамъ его самъ въ печать.

Во вторникъ вечеромъ получилъ телеграмму:

„Votre lettre avec supplement est dans redaction Humanité. Attendez lettre."

А затѣмъ слѣдующія письма (получены 25 апрѣля 1909 г.):

Многоуважаемый Товарищъ!

Изъ телеграммы Вы уже должны знать, что Ваше письмо и дополнительное къ нему сообщеніе Ц. К. отправлено въ редакцію „L'Humanité." По порученію Ц. К. высылаю Вамъ для свѣдѣнія текстъ принятаго Ц. К. дополнительнаго сообщенія къ Вашему письму, такъ какъ набросанное при Васъ В. М. короткое подтвержденіе признано Ц. К-томъ рѣшительно непріемлемымъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ. (Подпись).

„Ц. К. П. С. Р., подтверждая существо изложеннаго въ этомъ письмѣ, можетъ сообщить слѣдующее:

1) Членъ партіи П. Рутенбергъ дѣйствительно докладывалъ Ц. К. о разговорахъ съ нимъ Г. Гапона, изъ которыхъ совершенно выяснился характеръ связей послѣдняго съ Рачковскимъ и др. агентами политическаго сыска.

2) Вѣрность сообщенныхъ П. Рутенбергомъ данныхъ подтверждается и послѣдующими свѣдѣніями о сношеніяхъ Гапона съ полиціей, до и послѣ 9 января, полученными изъ тѣхъ же источниковъ, что и свѣдѣнія о провокаторской дѣятельности Азефа.

3) Первый докладъ П. Рутенберга о провокаторскихъ попыткахъ Гапона былъ сдѣланъ, въ присутствіи представителя Б. О., двумъ членамъ Ц. К., причемъ П. Рутенбергъ, настойчиво поддержанный представителемъ Б. О. предлагалъ ему убійство Гапона; члены же Ц. К. (и въ томъ числѣ Азефъ) стали на ту точку зрѣнія, что при невыясненности личности Гапона для общества и при слѣпой вѣрѣ въ него значительной части рабочихъ такой актъ могъ бы вызвать множество совершенно нежелательныхъ послѣдствій, кривотолковъ и разговоровъ между рабочими с.-р-ами и рабочими гапоновцами. Въ итогѣ продолжительныхъ споровъ, именемъ Ц. К. оба наличныхъ его члена

въ присутствіи П. Рутенберга взяли на свою отвѣтственность слѣдующее разрѣшеніе вопроса: отклонить убійство одного Г., разрѣшить террористическій актъ только противъ Рачковскаго и Гапона вмѣстѣ, во время одного изъ ихъ конспиративныхъ свиданій; исполненіе акта долженъ былъ взять на себя П. Рутенбергъ, который для этого долженъ былъ притворно согласиться на провокаторскія предложенія Гапона.

4) Одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ Ц. К. (не Азефъ) взялъ на себя немедленно сообщить это постановленіе остальнымъ членамъ Ц. К., которыми оно было также санкціонировано.

5) Всѣ технически дѣловыя сношенія по выполненію даннаго постановленія П. Рутенбергъ велъ съ Азефомъ и, конечно, не имѣлъ тогда основаній усумниться въ томъ, что Азефъ является вѣрнымъ выразителемъ рѣшеній Ц. К.

6) Въ виду обнаружившейся нынѣ общей роли Азефа, Ц. К. не имѣетъ никакихъ основаній сомнѣваться въ вѣрности заявленія П. Рутенберга, что въ своихъ переговорахъ съ нимъ о практическомъ выполненіи намѣченнаго плана Азефъ допускалъ, вопреки постановленію Ц. К., въ которомъ самъ принималъ участіе, и убійство одного Гапона. По указанію П. Рутенберга на лицъ, съ которыми Азефъ велъ переговоры объ участіи въ убійствѣ одного Гапона, Ц. К-томъ въ настоящее время производится необходимое разслѣдованіе, результаты котораго будутъ своевременно опубликованы. То же относится и къ указанію П. Рутенберга на лицъ, черезъ которыхъ Азефъ былъ извѣщенъ за 2 или 3 дня о подготовленіи убійства Гапона въ Озеркахъ.

7) При наличности такого рода роли Азефа, формальная безукоризненность поведенія П. Рутенберга, въ смыслѣ соблюденія имъ партійной дисциплины, не подлежитъ сомнѣнію и несогласный съ партійнымъ рѣшеніемъ результатъ предпріятія ложится на отвѣтственность Азефа.

8) Вплоть до смерти Гапона послѣднимъ извѣстіемъ, которое Ц. К. имѣлъ объ этомъ дѣлѣ, было сообщеніе, что П. Рутенбергъ отказывается отъ продолженія дѣла и уѣзжаетъ за границу, что развязывало руки Ц. К. и дало ему возможность придать всему дѣлу иное направленіе, принявъ участіе въ организаціи общественнаго суда надъ Гапономъ, суда, въ распоряженіе котораго Ц. К. полагалъ передать и показанія П. Рутенберга."

Почему Ц. К-томъ было признано „рѣшительно непріемлемымъ" „короткое подтвержденіе" не знаю. Не знаю смысла и цѣли принятаго Ц. К-томъ „длиннаго подтвержденія". Неточности его видны изъ изложеннаго выше. О некорректности Ц. К-та въ этомъ заявленіи судить не мнѣ.

Понимаю, почему Ц. К., находившійся подъ вліяніемъ Азефа, такъ долго и упорно отмалчивался и уклонялся отъ дѣла Гапона. Понимаю: именно потому, что находился подъ вліяніемъ Азефа. Но спрашиваю: почему, когда Азефъ оказался всего лишь „цѣннымъ для правительства агентомъ розыскной полиціи", Ц. К. не разъяснилъ дѣло прямо и просто, а опять старается затуманить его? Зачѣмъ онъ „оправдывается" раньше, чѣмъ кто бы то ни было его обвинилъ въ чемъ бы то ни было? Зачѣмъ сваливать на Азефа, на провокатора Азефа, всю отвѣт-

ственность? Вѣдь, отвѣтственность здѣсь возможна только одна: за смерть Гапона. Развѣ Ц. К. не отвѣтственен за нее? Развѣ онъ не призналъ Гапона провокаторомъ? Не приговаривалъ его къ смерти? Спрашиваю, достойно ли такое поведеніе Ц. К. П. С. Р.? Достойно ли это „чести партіи и всей исторіи партіи“?

* * *

До сихъ поръ говорилъ объ отношеніи Ц. К-та ко мнѣ. Теперь спрашиваю. Думалъ ли Ц. К-тъ о смутѣ и мукахъ, пережитыхъ за эти годы тѣми, кто привелъ въ исполненіе состоявшійся надъ Гапономъ приговоръ Ц. К-та? Смутѣ и мукахъ изъ-за необъяснимаго замалчиванія Ц. К-томъ дѣла Гапона?

* * *

Заканчивая, формулирую мое отношеніе ко всему изложенному выше:

1) Считаю, что Гапонъ былъ человѣкъ талантливый, но невѣжественный, человѣкъ честолюбивый и властолюбивый, хитрый, но легко возбудимый, легко поддающійся всякому вліянію. Закулисная сторона 9-го января и роль въ ней Гапона мнѣ не ясны до сихъ поръ.

2) Думаю, что въ началѣ 1905 г. за границей Гапонъ былъ искренне преданъ интересамъ народа, но революціонное подполье, по необходимости узкое въ своей дѣятельности, не могло дать удовлетворенія ему, пережившему 9-е января, которое во всякомъ случаѣ было организовано при его участіи и руководствѣ и подъ его именемъ.

За границей интеллигенція *не сумѣла* оказать на него то моральное давленіе, дать ему то моральное воспитаніе, выдержку и знанія, которыхъ ему такъ не доставало, не сумѣла достичь этого, по моему, въ виду демагогической натуры Гапона, въ виду развившагося у него подъ вліяніемъ славы, денегъ и лести самомнѣнія, убѣжденія въ предстоящей ему исключительной исторической роли, рисовавшейся ему даже въ *снахъ*, о которыхъ онъ такъ часто говорилъ. Уязвленное (отношеніемъ революціонныхъ партій) самолюбіе разнуздало его; вѣра въ свою избранность стерла грани между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Объ остальномъ позаботился Рачковскій.

3) Гапоніада въ той части, въ которой я къ ней оказался причастнымъ, состоитъ изъ двухъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга дѣлъ: а) предательства и смерти Гапона и б) роли Ц. К. П. С. Р. въ этомъ дѣлѣ.

Вопросъ о предательствѣ Гапона въ настоящее время установленъ помимо меня и въ моихъ доказательствахъ не нуждается. Роль Азефа въ партіи запутала Ц. К. и меня, но не измѣнила факта: предательства и провокаціи Гапона и неизбѣж-

ности его смерти. Въ военное время отношеніе къ предательству одно...

4) Мои переговоры съ завѣдомо обреченнымъ человѣкомъ имѣли моральное оправданіе, поскольку необходимо было подробно выяснить дѣло и поскольку, идя на свиданіе съ Рачковскимъ, я шелъ самъ на смерть. Но думаю, что подражанія эта роль не заслуживаетъ.

5) Думаю, что до смерти Гапона Азефъ не сказалъ Рачковскому о данномъ мнѣ партіей порученіи. Можетъ быть, не успѣлъ предупредить (втеченіе 1 1/2 мѣсяцевъ?) Можетъ быть, хотѣлъ „передать“ меня Рачковскому со снарядами? Можетъ быть, хотѣлъ, чтобы Рачковскій былъ убитъ вмѣстѣ съ Гапономъ?

Азефъ воспользовался Гапоніадой, чтобы оправдаться передъ Ц. К. въ происходящихъ въ Боевой Организаціи неудачахъ. Думаю, что впервые ему пришло въ голову воспользоваться мною въ этомъ смыслѣ въ срединѣ марта 1906 г., когда я пріѣхалъ къ нему совѣтоваться о дальнѣйшемъ моемъ поведеніи съ Гапономъ. Со свойственной ему наглостью онъ такъ грубо сталъ тогда обрабатывать меня въ нужномъ для него направленіи, что вызвалъ во мнѣ непреодолимое къ нему отвращеніе. Такое отвращеніе, что я не могъ заставить себя пойти къ нему на свиданіе и написалъ ему объ этомъ. Записка, послужившая поводомъ къ обвиненію меня со стороны Субботина въ оскорбленіи „чести партіи и всей исторіи партіи“.

6) Никто, кромѣ меня и „слуги“, до смерти Гапона не зналъ о дачѣ въ Озеркахъ, которая была нанята мной неожиданно, вопреки инструкціямъ Азефа, поручившаго все сдѣлать на финляндской территоріи. (Можетъ быть, онъ этимъ имѣлъ въ виду скомпрометировать Финляндію). Не зналъ мѣста и Азефъ, но онъ былъ предупрежденъ о времени, когда приговоръ Ц.К. надъ Гапономъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

Для понятныхъ и нужныхъ для Азефа соображеній онъ *сумѣлъ* получить отъ Ц. К. публичное заявленіе о непричастности партіи къ смерти Гапона, заявленіе, не соотвѣтствующее дѣйствительности.

7) Обвиняю себя въ томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ *не сумѣлъ* ликвидировать это дѣло. Оправдывающія меня обстоятельства вопроса по существу не мѣняютъ. При большей съ моей стороны настойчивости, которая при сложившихся обстоятельствахъ была для меня безусловно обязательной, фигура Азефа выяснилась бы, можетъ быть, раньше.

8) Говоря о „Центральномъ Комитетѣ“, имѣю въ виду тотъ Ц. К., составъ котораго почти не мѣнялся въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, и который въ настоящее время отставленъ отъ дѣлъ. Всѣ его члены, съ которыми мнѣ пришлось сноситься по дѣлу Гапона существуютъ. Исключая Азефа, который пока тоже живъ.

Обвиняю этотъ Ц. К.:

а) Въ замалчиваніи смерти Гапона, совершенной членами партіи на основаніи фактически состоявшагося приговора партіи.

в) Во введеніи въ заблужденіе публичнаго мнѣнія, сдѣланнымъ Ц. К. заявленіемъ въ печати въ маѣ 1906 года, гдѣ говорилось, что партія никакихъ сношеній съ Гапономъ не имѣла.

с) Въ томъ, что своимъ поведеніемъ Ц. К. поставилъ меня въ морально двусмысленное положеніе по поводу сношеній съ Рачковскимъ, иниціатива которыхъ исходила изъ Ц. К. и фактически была одобрена всѣмъ его составомъ (исключая одного голоса).

Знаю всю глубину несчастья, постигшаго членовъ этого Ц.К. въ дѣлѣ Азефа и выражаю имъ мое глубокое искреннее товарищеское сожалѣніе. Выражаю имъ мое сожалѣніе за все продѣланное ими надо мной, ибо знаю, что и въ этомъ дѣлѣ они достойны были лучшей роли. На ихъ примѣрѣ пришедшіе имъ на смѣну научатся, какъ во многихъ случаяхъ не долженъ поступать Ц. К. партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

П. Рутенбергъ.

Послѣднія минуты Гапона.

(Воспоминанія очевидца.)

... Судъ надъ Гапономъ долженъ былъ состояться въ Теріокахъ. Члены суда уже были собраны на одной дачѣ и ожидали только пріѣзда самого Гапона, чтобы предъявить ему выставленные противъ него Рутенбергомъ обвиненія.

— Если это все правда, что вы говорите, — сказалъ одинъ изъ рабочихъ Рутенбергу — то мы его убьемъ, не дожидаясь рѣшенія партіи. Онъ насъ велъ — мы за нимъ шли и ему вѣрили. Мы и вамъ тоже сейчасъ вѣримъ, потому что знаемъ васъ давно, но вы партійный человѣкъ и интеллигентъ. Я боюсь, чтобы темная рабочая масса не обвинила впослѣдствіи насъ въ томъ, что мы дѣйствовали подъ давленіемъ враговъ Гапона. Онъ — герой въ ихъ глазахъ, и они только тогда не будутъ имѣть сомнѣній въ его предательствѣ, когда мы, рабочіе, лично въ этомъ убѣдимся.

Рѣшено было устроить такъ, чтобы рабочіе могли сперва какимъ-нибудь образомъ присутствовать при разговорѣ Гапона съ Рутенбергомъ, изъ котораго для нихъ выяснилась бы справедливость сдѣланнаго Рутенбергомъ рабочимъ заявленія о предательствѣ Гапона.

Для этой цѣли воспользовались пріѣздомъ Гапона въ Теріоки, тѣмъ болѣе, что Рутенбергъ нашелъ неудобнымъ убивать его на Финляндской территоріи, во избѣжаніе могущихъ послѣдовать вслѣдъ за тѣмъ непріятностей для дававшихъ въ то время пріютъ русскимъ революціонерамъ финляндцевъ.

Когда пріѣхалъ Гапонъ, то они оба съ Рутенбергомъ отправились въ лѣсъ кататься на извозчикѣ, которымъ былъ одинъ изъ принимавшихъ участіе въ судѣ переодѣтый рабочій.

Гапонъ во время прогулки былъ откровененъ съ Рутенбергомъ, такъ какъ принятыя заранѣе конспиративныя мѣры дали возможность усыпить его подозрѣнія.

Онъ говорилъ о томъ, что Рачковскій видѣлся съ нимъ на-дняхъ и обѣщалъ устроить дѣло такъ, что никто изъ товарищей Рутенберга по партіи ни о чемъ не сможетъ догадаться. Затѣмъ онъ заводилъ рѣчь о деньгахъ, причемъ упомянулъ различныя цифры обѣщаннаго Рачковскимъ Рутенбергу вознагражденія.

Разговоръ съ перерывами длился около часу. Въ это время остальные члены суда дожидались на дачѣ. Наконецъ, пришелъ рабочій, бывшій свидѣтелемъ разговора. Онъ былъ крайне взволнованъ и, какъ вошелъ, сейчасъ же заявилъ:

— Проклятая собака! Онъ насъ продалъ. Я все слышалъ. Его надо убить!

Затѣмъ онъ передалъ подробно все слышанное имъ во время прогулки.

Рабочіе стали обсуждать способъ приведенія въ исполненіе единогласно вынесеннаго ими смертнаго приговора Гапону. Они рѣшили было пойти къ нему на квартиру въ Петербургѣ и тамъ его убить. Но здѣсь представлялась масса затрудненій — Гапонъ жилъ не одинъ, у него постоянно бывали его приверженцы — рабочіе. Дѣло могло представить много риску.

— Все равно! — предложилъ одинъ изъ рабочихъ. — Давайте, первымъ пойду я. Если мнѣ не удастся и меня возьмутъ, то пойдетъ слѣдующій по очереди. Только жить онъ послѣ всего этого не можетъ!

И рабочіе тутъ же дали обѣщаніе, что если первые товарищи будутъ случайно убиты, или попадутся въ руки полиціи, то оставшіеся въ живыхъ докончатъ за нихъ это дѣло. Но такъ, или иначе, а Гапонъ послѣ его предательства долженъ быть убитъ.

До сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ Рутенбергъ предложилъ слѣдующее:

— Если вы теперь убѣдились уже въ справедливости моихъ обвиненій, то, я думаю, что не стоитъ изъ-за одного предателя губить столько людей. Лучше найти какой-нибудь способъ, гдѣ было бы меньше для васъ всѣхъ риску.

Послѣ долгихъ разговоровъ рѣшили нанять какую-нибудь дачу на русской территоріи и, устроивъ тамъ засаду, заманить въ нее Гапона, подъ предлогомъ дѣлового свиданья.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дача была найдена въ Озеркахъ, причемъ предварительно такая же дача была осмотрѣна въ Шуваловѣ, но не подошла изъ-за слишкомъ близкаго сосѣдства становога.

Въ 2 часа дня члены суда были спрятаны въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ должно было происходить свиданіе. А около 4-хъ часовъ явились Гапонъ и Рутенбергъ.

Гапонъ, какъ вошелъ, такъ сейчасъ же принялся расхваливать Рутенберга за его конспирацію и осторожность.

— Вотъ это я понимаю! — заявилъ онъ, — ты всегда такое мѣсто найдешь, что ни одна собака ни о чемъ не догадается!

Между тѣмъ, спрятанные въ сосѣдней комнатѣ рабочіе могли слышать каждое произнесенное ими обоими слово, такъ какъ перегородки между комнатами были очень тоненькія и дверь состояла изъ двухъ, даже не совсѣмъ вплотную закры-

вавшихся половинокъ. Но для отвлеченія могущихъ возникнуть у Гапона подозрѣній, на ней нарочно былъ повѣшенъ снаружи замокъ.

Теперь я могу описывать только то, что слышалъ и видѣлъ самъ лично. Товарищи, бывшіе въ сосѣдней комнатѣ, слышали весь разговоръ Гапона съ Рутенбергомъ дословно, — до меня же доносились одни лишь отрывки, такъ какъ я былъ оттуда довольно далеко и не могъ слышать всего.

Вотъ тѣ отрывки, которые случайно удалось разобрать.

— 25 тысячъ хорошія деньги, — донесся до меня голосъ Гапона, — и потомъ Рачковскій прибавитъ еще. Нужно сперва выдать только четырехъ человѣкъ изъ Боевой Организаціи.

— А если мои товарищи узнаютъ? — спросилъ Рутенбергъ.

— Они ничего не узнаютъ. Повѣрь мнѣ, — Рачковскій такой умный человѣкъ, что онъ сумѣетъ все это устроить. Ужъ на него можно положиться.

Потомъ нѣкоторая часть разговора снова ускользнула отъ моего вниманія.

Когда я смогъ слушать дальше, то они говорили уже о недавно застрѣлившемся рабочемъ Черемухинѣ, который не вынесъ разочарованія въ Гапонѣ по поводу разоблаченій бывшаго гапоновца Петрова и покончилъ съ собою.

— Черемухинъ — дуракъ, — рѣзко и озлобленно говорилъ Гапонъ, — туда ему, дураку, и дорога!

— Но, вѣдь, онъ же вѣрилъ въ тебя, — возразилъ Рутенбергъ.

Здѣсь опять дальнѣйшее не было мнѣ слышно и потомъ снова:

— А если я, напримѣръ, выдамъ тебя? — говорилъ Рутенбергъ, — если я открою всѣмъ глаза на тебя, что ты спутался съ Рачковскимъ и служишь въ охранномъ отдѣленіи?

— Пустяки! — возразилъ Гапонъ. — Кто тебѣ въ этомъ повѣритъ? Гдѣ твои свидѣтели, что это такъ? А потомъ я всегда смогу тебя самого объявить въ газетахъ провокаторомъ, или сумасшедшимъ. Ну-да бросимъ объ этомъ! Перейдемъ лучше къ дѣлу.

Когда я смогъ опять начать слушать, они уже разговаривали о предполагаемой выдачѣ Рутенбергомъ покушенія на царя и на Дурново.

— Но вѣдь этихъ товарищей всѣхъ повѣсятъ? — сказалъ Рутенбергъ.

— Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ! — возразилъ Гапонъ, — и притомъ же, посылалъ, вѣдь, ты Каляева на смерть, отчего же ты не можешь послать на ту же смерть и этихъ?

Далѣе я слышалъ, какъ Гапонъ говорилъ о революціонныхъ партіяхъ и своемъ въ нихъ разочарованіи. Потомъ онъ снова хвалилъ Рачковскаго и его умѣніе устроивать дѣла „шито-крыто".

Вскорѣ разыгралась сцена со „слугой", т. е. тѣмъ товарищемъ, котораго оставили сторожить.

—

Гапонъ нашелъ этого товарища, стоявшаго, спрятавшись на лѣстницѣ, за дверью.

Онъ схватилъ его одной рукой за горло и голосомъ полнымъ безумнаго ужаса закричалъ Рутенбергу:

— Мартынъ! Онъ все слышалъ! Его надо убить!

Потомъ, обращаясь къ неподвижно стоявшему товарищу, заговорилъ ласково и торопливо:

— Ты, милый, не бойся... Ничего не бойся. Мы тебя отпустимъ. Только скажи: кто тебя сюда подослалъ?

Товарищъ, желая выиграть время, отвѣтилъ:

— Я вамъ все разскажу, только пощадите мнѣ жизнь.

— Не бойся, не бойся, голубчикъ, — началъ успокаивать его Гапонъ. — Ты только скажи, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ.

И, обращаясь къ Рутенбергу:

— Его надо убить сейчасъ!...

Но въ этотъ моментъ Рутенбергъ распахнулъ двери и рабочіе бросились на Гапона.

При видѣ ихъ, онъ упалъ на колѣни и закричалъ:

— Мартынъ! Мартынъ!

— Нѣтъ тебѣ здѣсь никакого Мартына!

Его потащили въ сосѣднюю комнуту.

Рутенбергъ закрылъ лицо руками и вышелъ.

— Я не могу! Побудьте вы тутъ, — прошепталъ онъ.

Я вошелъ въ ту комнату, гдѣ рабочіе уже вязали Гапона. По первоначальному плану его должны были разстрѣлять. Онъ вырывался изъ ихъ рукъ и умолялъ о пощадѣ.

— Братцы... Братцы... — лепеталъ онъ.

— Мы тебѣ не братцы, — Рачковскій тебѣ братецъ!

— Братцы! Клянусь вамъ, что это я ради идеи...

— — Слышали мы твои идеи! Знаемъ.

— Товарищи... во имя прошлаго, — простите меня... во имя прошлаго...

Рабочіе продолжали вязать его, не говоря ни слова.

— Товарищи! Пощадите, вспомните, вѣдь, сколько у васъ связано со мной?

— Вотъ потому то ты и достоинъ казни, — возразилъ ему одинъ изъ рабочихъ. — Ты нашу рабочую кровь продалъ охранкѣ — за то и смерть тебѣ!

И по какому-то безмолвному уговору ему накинули на шею петлю и потащили къ вбитому надъ вѣшалкой желѣзному крюку.

Гапонъ, уже хрипя и задыхаясь, закричалъ:

— Братцы... миленькіе!... Постойте!... Дайте послѣднее слово...

— Тяни его! — скомандовалъ одинъ рабочій, ходившій 9-го вмѣстѣ съ нимъ.

Одинъ товарищъ не выдержалъ и вмѣшался.

— Дайте же ему послѣднее слово сказать, разъ онъ проситъ! Можетъ важное что...

— Братцы, — заговорилъ Гапонъ, какъ только немного освободили стягивавшую его шею веревку, — братцы!... Пощадите!... родные мои... Простите меня... Во имя прошлаго.

Рабочіе разомъ дернули веревку и Гапонъ безсильно повисъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ умеръ.

Рабочіе угрюмо и сумрачно вышли одинъ за другимъ на террасу, гдѣ стоялъ Рутенбергъ.

У него была нервная лихорадка и онъ только спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Кончено?

Всѣ промолчали.

— Его надо обыскать, — сказалъ, наконецъ, Рутенбергъ.

Всѣ снова вернулись въ комнату, гдѣ висѣлъ трупъ Гапона. Рабочіе обыскали его. Результатъ обыска извѣстенъ.

— Теперь прощайте, товарищи! Помните на судѣ, — вы все слышали?

— Все слышали! — подтвердили рабочіе, и разошлись, предварительно пожавъ руку Рутенбергу.

Рутенбергъ долго смотрѣлъ на висящій трупъ Гапона.

— Такъ висѣлъ Каляевъ, — неожиданно произнесъ онъ. — И онъ хотѣлъ, чтобы и другіе такъ же висѣли...

Потомъ онъ замолчалъ и снова, послѣ долгой паузы, добавилъ:

— А это все же хорошо, что его не разстрѣляли. Онъ приготовлялъ другимъ висѣлицу — и самъ ее заслужилъ. Разстрѣлъ былъ бы для него слишкомъ почетенъ.

Но тутъ лицо его исказилось, и, весь дрожа, онъ неожиданно произнесъ:

— Вѣдь, другъ онъ мнѣ когда-то былъ!... Боже мой... Боже мой! Какой ужасъ... Но такъ надо было...

Рутенбергъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— Скажи, онъ узналъ N? Онъ понялъ, что это рабочіе его казнятъ, а не какіе-нибудь политическіе враги?

— Я думаю, что да, — отвѣтилъ я.

— Это хорошо. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ...

Рутенбергъ не договорилъ и, махнувъ рукой, снова принялся шагать взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ.

Потомъ онъ остановился.

— Ему надо прикрыть лицо. Обрѣжь веревку и прикрой.

Онъ протянулъ мнѣ перочинный ножикъ, въ которомъ были небольшія, складныя ножницы.

— Этими самыми ножницами я ему обрѣзалъ волосы тогда, 9-го января... А теперь ими же...

Рутенбергъ снова не докончилъ фразы и отошелъ. Плечи его судорожно вздрагивали, лицо было мертвенно блѣдно.

Я просилъ его успокоиться.

— Онъ получилъ то, что заслужилъ, — сказалъ ему я про Гапона.

— Да... но всетаки... какой ужасъ... какой ужасъ! Вѣдь, сколько связано у меня было съ этимъ человѣкомъ! Сколько крови...

Товарищъ заперъ дачу и мы всѣ разошлись, каждый въ свою сторону.

Вотъ то, что мнѣ пришлось лично видѣть и слышать во всей этой драмѣ.

N. N.

Пора поднять вопросъ о Гапонѣ во всей его полнотѣ. Жаль безконечно, что это не было сдѣлано гораздо раньше. П. Рутенбергъ несомнѣнно правъ, говоря, что быть можетъ, и роль Азева выяснилась бы гораздо раньше, если бы въ свое время постарались детально и безпристрастно разобраться въ дѣлѣ Гапона.

Въ настоящей книгѣ «Былого» мы даемъ весьма важный матеріалъ для характеристики и оцѣнки этого дѣла — записки П. Рутенберга и отрывки изъ воспоминаній другого лица, знавшаго близко Гапона въ послѣднее время его жизни и бывшаго свидѣтелемъ его трагической смерти. Въ нашемъ распоряженіи имѣются подробныя записки второго лица, написанныя имъ еще въ 1906 году. Къ нимъ, а также къ ряду другихъ документовъ по дѣлу Гапона, мы надѣемся еще вернуться на страницахъ «Былого».

Мы не дѣлаемъ никакихъ оговорокъ относительно послѣднихъ страницъ воспоминаній П. Рутенберга, гдѣ въ немъ говоритъ давно наболѣвшее и, наконецъ, вырвавшееся наружу чувство обиды за незаслуженныя обвиненія. Читатель долженъ выяснить себѣ все положеніе, созданное этимъ дѣломъ, а также все, что пережилъ П. Рутенбергъ въ такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ дѣло Гапона.

Что Гапонъ былъ провокаторомъ — ясно. Записки П. Рутенберга и подтверждающія ихъ воспоминанія очевидца не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія.

Возникаетъ другой вопросъ болѣе общаго значенія, вопросъ о роли въ этомъ дѣлѣ «правительственнаго агента» Азефа и его начальника Рачковскаго, бывшаго въ то время фактическимъ директоромъ департамента полиціи и руководителемъ всего политическаго сыска въ Россіи.

Азефъ зналъ о подготовлявшемся убійствѣ Гапона. Одно его слово достаточно было, чтобы предупредить это убійство. Онъ былъ, слѣдовательно, его участникомъ, участникомъ, правда, издалека, но отдаленность отъ мѣста убійства являлась, какъ извѣстно, постояннымъ элементомъ его провокаторской системы. Сущности дѣла это не измѣняетъ. Доложилъ ли онъ о готовящейся участи провокатора своему непосредственному начальнику и покровителю Рачковскому? Зналъ ли послѣдній о той драмѣ, которая должна была разыграться въ Озеркахъ? Все заставляетъ предполагать, что да.

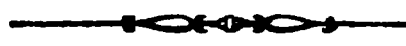
Дѣйствительно, Рачковскій зналъ о предстоящемъ свиданіи въ Озеркахъ. Статья «Маски» въ «Новомъ Времени» свидѣтельствуетъ объ этомъ. Тотчасъ же послѣ этого свиданія Гапонъ долженъ былъ бы представить о немъ отчетъ Рачковскому. Но Гапонъ изъ Озерковъ больше не возвращался. Между тѣмъ, трупъ его открыли только по прошествіи многихъ недѣль. Почему, при циркулировавшихъ уже слухахъ объ убійствѣ Гапона, полиція не направила тотчасъ же свои поиски на Озерки? Несомнѣнно потому, что Рачковскій былъ заинтересованъ въ возможно болѣе позднемъ раскрытіи убійства.

Но для чего Рачковскому нужна была смерть Гапона? Больше того. Если правительству, вообще говоря, могло быть желательно погубить революціонную репутацію Гапона, втоптать въ грязь его ореолъ 9-го января, дискредитировать тѣмъ само 9-ое января, то оно достигло этого въ достаточной степени тѣмъ, что довело Гапона до покаяннаго письма его министру Дурново. Этого Рачковскому было не достаточно. Онъ толкалъ Гапона дальше и ниже. Онъ старался устроить его своимъ «сотрудникомъ» при Боевой Организаціи с.-р., поручилъ ему «соблазнить» Рутенберга. Но, вѣдь, Рачковскій имѣлъ Азефа, которому не надо было, какъ Гапону, завязывать сношенія, проникать, добираться. Азефъ былъ въ центрѣ, Азефъ былъ главаремъ боевого дѣла, онъ все зналъ. И Рачковскій могъ все знать отъ него и несомнѣнно зналъ. Что особенное могъ бы ему сообщить Гапонъ, котораго революціонеры уже сторонились и котораго ни одна организація не стала бы близко подпускать къ себѣ? Вѣдь, практически Гапонъ ничего не могъ ему выдать, и у Рачковскаго не могло быть сомнѣнія относительно истиннаго характера переговоровъ, которые Рутенбергъ велъ со своимъ бывшимъ другомъ. Самъ то онъ, вѣдь, ни разу на свиданіе съ Рутенбергомъ не пошелъ. Не пошелъ потому, что зналъ, что въ тѣни всѣхъ этихъ переговоровъ и торговъ скрывается кровавая развязка. Онъ толкалъ Гапона на смерть, и только убійство послѣдняго могло быть его ясной, опредѣленной цѣлью въ этомъ темномъ дѣлѣ. Да, въ свѣтѣ азефщины смерть Гапона вырисовывается, какъ единственно логически допустимая цѣль правительственной «обработки» бывшаго героя 9-го января. Потому что, повторяемъ: при наличности Азефа Гапонъ былъ не только излишенъ, но и опасенъ въ роли «сотрудника» при Боевой Организаціи. Дальше, находясь уже въ подозрѣніи, при крайне компрометирующихъ слухахъ, скоплявшихся вокругъ его имени, послѣ его столь подозрительныхъ газетныхъ выступленій, Гапонъ вообще становился безцѣннымъ, какъ правительственный агентъ. Онъ самъ то могъ и не отдавать себѣ въ этомъ отчета. Но Рачковскому, создавшему карьеру Азефа, слишкомъ хорошо знавшему, какъ нужно оберегать революціонную репутацію гг. провокаторовъ, ему то это должно было быть ясно. Онъ былъ слишкомъ опытенъ во всѣхъ тонкостяхъ провокаціоннаго дѣла, чтобы допустить въ данномъ случаѣ грубую съ его стороны ошибку. Потому то, загрязнивъ уже Гапона съ ногъ до головы, онъ поручилъ ему маклерское дѣло, которое неминуемо должно было довести Гапона до «вѣшалки».

Революціонеры выяснили свою роль въ дѣлѣ Гапона. Какъ въ дѣлѣ Азефа, продолженіемъ котораго оно является, они сказали всю правду.

Правительство замалчивало до сихъ поръ роль своихъ агентовъ въ убійствѣ Гапона, — наша обязанность сдѣлать это теперь.

Ред.



Попытка возстанія въ Севастополѣ въ ночь съ 14 на 15 сентября 1907 года.

(Воспоминанія офицера).

Дѣло относится ко времени выборовъ въ 3-ю Государственную Думу, когда, при торжествовавшей повсюду реакціи, оставшіяся кое-гдѣ революціонныя организаціи въ арміи дѣлали послѣднія отчаянныя усилія задержать ея ростъ, выдвигая на сцену уцѣлѣвшія еще отъ безконечныхъ проваловъ силы.

Въ Севастополѣ въ то время революціонная организація среди солдатъ и матросовъ, созданная и руководимая с.-р-ами, была очень сильна.

Схема этой организація, входившей въ составъ „Всероссійскаго союза солдатъ и матросовъ", была такова. Сознательный элементъ каждой роты объединялся въ кружокъ и имѣлъ выборныхъ представителей. Собраніе ротныхъ представителей полка и соотвѣтственной части другихъ родовъ оружія составляло „Комитетъ отдѣльной части". Этотъ комитетъ собирался обыкновенно въ казармахъ. На засѣданіяхъ присутствовалъ иногда, и, къ слову сказать, очень рѣдко, партійный организаторъ. „Комитетъ отдѣльной части" выдѣлялъ представителей въ „Гарнизонное собраніе", которое было высшей организаціонной инстанціей въ городѣ. На ней я остановлюсь подробнѣе.

Каждая часть, имѣвшая революціонную организацію, посылала въ „Гарнизонное собраніе", въ зависимости отъ числа организованныхъ въ ней членовъ, отъ одного до пяти представителей. Кромѣ того, имѣлись „замѣстители", которымъ приходилось иногда присутствовать на засѣданіяхъ „Гарнизоннаго собранія", замѣняя отсутствовавшихъ почему либо членовъ.

Засѣданія эти организовывались партійными работниками. Приходится удивляться, какъ въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Севастополь, и къ тому же объявленномъ на военномъ положеніи, удавалось собирать до сорока человѣкъ самой разношерстной военной публики, и не разъ и не два, а на протяженіи многихъ мѣсяцевъ, почти регулярно по разу въ недѣлю.

О существованіи „Гарнизоннаго собранія" властямъ было извѣстно. Его искали. Искали всюду и не находили.

Чтобы затруднить сходки солдатъ, создавались всевозможныя препятствія при отпускахъ ихъ изъ предѣловъ казармъ. Одно время нижнихъ чиновъ отпускали въ городъ не иначе, какъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и подъ командой „надежнаго" старшаго. Все было напрасно! „Гарнизонное собраніе" функціонировало по прежнему.

Это общеніе моряковъ, пѣхотинцевъ, артиллеристовъ, саперовъ и т. д., ихъ свободныя рѣчи на засѣданіяхъ „собранія", гдѣ они могли отвести свою душу, сознаніе того, что за спиной каждаго изъ нихъ —

десятки и, даже, сотни ему подобныхъ — все это не могло не способствовать развитію въ нихъ увѣренности въ своихъ силахъ, не могло не имѣть революціонизирующаго значенія. Слухи о таинственныхъ засѣданіяхъ „Собранія" проникали въ самые низы солдатской среды. О нихъ говорили въ казармахъ и говорили много, и, несомнѣнно, впечатлѣнія, вынесенныя изъ засѣданій членами Собранія, передавались отъ одного другому. Авторитетъ „Гарнизоннаго собранія" въ солдатскихъ слояхъ росъ съ каждымъ днемъ. Дѣло доходило иногда до курьезовъ. Такъ, въ головахъ нѣкоторыхъ солдатъ представленіе о „Гарнизонномъ собраніи" сложилось, какъ о какой-то таинственной и могучей „власти", вродѣ „начальства". И они обращались туда со своими жалобами и прошеніями.

Съ виду казалось все хорошо. Но это лишь казалось. На дѣлѣ же пропаганда шла не вездѣ одинаковымъ темпомъ. Естественно, что солдаты и матросы, участвовавшіе въ „Гарнизонномъ собраніи", гдѣ они лично набирались впечатлѣній, находясь, при томъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ интеллигентныхъ партійныхъ работниковъ, поддавались процессу революціонизированія гораздо быстрѣе тѣхъ, на кого вліяніе могло быть оказано лишь черезъ посредство вторыхъ, третьихъ лицъ.

При такомъ положеніи вещей можно было опасаться взрыва чрезмѣрно накопившейся революціонной энергіи въ передовой части солдатской среды, взрыва преждевременнаго, безъ шансовъ на возможность увлеченья за нимъ остальныхъ, на много отставшихъ солдатскихъ слоевъ.

Нѣкоторыми изъ офицеровъ, состоявшихъ въ мѣстномъ революціонномъ безпартійномъ кружкѣ, было указано на это. Указывалось также на большую цѣлесообразность и, даже, безопасность для интеллигентныхъ революціонеровъ, вмѣсто траты энергіи на „Гарнизонное собраніе", работать въ „комитетахъ отдѣльныхъ частей" и не упускать изъ подъ своего непосредственнаго вліянія наибольшаго количества солдатъ и матросовъ, тѣмъ болѣе, что объединительная инстанція всѣхъ сорганизованныхъ солдатскихъ силъ въ гарнизонѣ, при наличіи партійной интеллигенціи и офицерскаго кружка, являлась не только не необходимой, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредной.

Основательность вышеизложенныхъ опасеній нѣкоторыхъ офицеровъ была доказана впослѣдствіи дальнѣйшимъ ходомъ событій.

Уже задолго до попытки возстанія въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября часть солдатъ и матросовъ была такъ революціонно настроена, что значительная доля труда партійныхъ работниковъ отдавалась на то, чтобы сдерживать ихъ пылъ и предотвращать тѣмъ преждевременное выступленіе.

Однако достичь этого такъ и не удалось.

Я не хочу вдаваться въ подробное изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ возстанію и послужившихъ причиной его возникновенія. Это отчасти потому, что не могу поручиться за вѣрность представленій, сложившихся у меня на основаніи отрывочныхъ данныхъ, а отчасти вслѣдствіе невозможности огласить нѣкоторые факты безъ риска подвести людей, участіе коихъ въ этомъ дѣлѣ еще не обнаружено.

Скажу только, что извѣстная доля вины за происшедшее, безусловно, ложится на людей, предполагавшихъ путемъ частичнаго удачнаго возстанія поднять упавшій въ народныхъ массахъ революціон-

ный духъ. Такіе люди составляли въ партіи с.-р. большинство. Они то и начали подготовку къ возстанію, хотя мѣстный офицерскій кружокъ, входившій въ составъ безпартійнаго „Всероссійскаго Офицерскаго Союза“, и протестовалъ. Правда, при разработкѣ плана возстанія, собирая свѣдѣнія о своихъ силахъ и силахъ правительства, и с.-р. приходили къ убѣжденію, что на побѣду разсчитывать не было основаній, и большинство изъ нихъ высказывалось уже противъ возстанія; но самой подготовкой къ возстанію уже былъ данъ толчекъ солдатскимъ массамъ, сдерживать которыя было трудно и до того времени. Страсти разгорѣлись. Удержать ихъ уже не было силъ.

Не соглашаясь съ постановленіемъ своихъ интеллигентныхъ руководителей — не подымать возстанія, солдаты и матросы на одномъ изъ засѣданій „Гарнизоннаго Собранія“, которое было устроено ими безъ посторонней помощи, рѣшили выступить безъ интеллигенціи, обвиняя ее даже въ трусости. Выработали планъ, насколько мнѣ извѣстно, невыполнимый и даже нелѣпый, и назначили день возстанія.

Партійными работниками вслѣдъ за тѣмъ было созвано „Гарнизонное Собраніе“, на которомъ было указано на невозможность, при существовавшемъ соотношеніи силъ, разсчитывать на побѣду.

Солдаты не поддавались. Они заявили, что и не думаютъ о побѣдѣ, но выступаютъ лишь потому, что чаша терпѣнія ихъ переполнилась.

— Всюду уныніе... Идутъ выборы въ третью Государственную Думу. Мы ея не признаемъ. Мы должны протестовать противъ ея созыва и мы дѣлаемъ это съ оружіемъ въ рукахъ... Мы умремъ, мы знаемъ это. Мы идемъ на гибель сознательно...

Таковы были тамъ рѣчи.

Въ своемъ рѣшеніи выступить, солдаты были непоколебимы. Удалось только уговорить отложить возстаніе на нѣсколько дней съ обѣщаніемъ, что тогда примутъ участіе въ немъ партійные работники и офицеры.

Положеніе было серьезное. Оставить солдатъ на произволъ судьбы значило — ничего не сдѣлать съ своей стороны для предотвращенія могущихъ произойти эксцессовъ.

Скрѣпя сердце, согласился участвовать въ возстаніи и я.

Времени въ нашемъ распоряженіи было не много. Матросы предъявили свое требованіе, чтобы возстаніе было до 20 сентября, такъ какъ въ это время они, старые матросы, наилучше сорганизованная часть во флотѣ, будутъ распущены по домамъ.

— Теперь мы представляемъ изъ себя силу, — говорили они, — а распустятъ насъ по деревнямъ, мы ею не будемъ. Мы не уйдемъ, ничего не сдѣлавши.

Пришлось и здѣсь уступить.

Началась спѣшная подготовка. Былъ сформированъ „Повстанческій Комитетъ“, въ составъ котораго вошли представители отъ с.-р. партіи, отъ безпартійнаго „Офицерскаго Союза“ и отъ солдатъ. Собирались свѣдѣнія. Разрабатывался планъ. Велась агитаціонная работа среди солдатъ и матросовъ. Устраивались массовки. Для провѣрки дѣйствительности желанія возстанія въ глубокихъ слояхъ солдатской массы, а не только въ ея верхушкахъ, была произведена анкета. За возстаніе было подано нѣсколько тысячъ голосовъ. Къ сожалѣнію, точныхъ цифровыхъ данныхъ не помню.

Однако, какъ ни хороши были, по духу и количеству членовъ, организаціи среди солдатъ и матросовъ, было ясно, что всякая попытка къ возстанію будетъ подавлена въ корнѣ.

Благодаря широко развитой провокаціи и шпіонству, властямъ было извѣстно о степени революціонности каждой части. Для обезвреженія наиболѣе опасныхъ изъ нихъ были приняты соотвѣтствующія мѣры.

Снаряды съ судовъ свезены на берегъ (за исключеніемъ двухъ учебныхъ суденъ, команды коихъ были вполнѣ „надежны"). Ружья — тоже. Оставлено было только небольшое количество ихъ для обслуживанія карауловъ, но и тѣ были подъ замками. Баталіоны крѣпостной артиллеріи были безъ полагающихся имъ ружей. Охрана же крѣпостныхъ орудій была поручена пѣхотнымъ частямъ. Въ полевой артиллеріи не было снарядовъ. „Ненадежные" саперы, хотя и были вооружены ружьями, но патроновъ у нихъ не было. Но, такъ какъ разоружить поголовно всѣ затронутыя революціонной пропагандой части не предоставлялось возможнымъ, ибо тогда не хватило бы войска для несенія караульной службы, то въ силу необходимости наилучше распропагандированная часть въ гарнизонѣ, „Брестскій" полкъ, представлявшій большую опасность для „спокойствія" властей, все же оставался въ полномъ вооруженіи. Нѣкоторую долю безпокойства причинялъ властямъ и другой полкъ, стоявшій постоянно въ Севастополѣ, это — „Бѣлостокскій".

Для парализованія этой опасности отъ ненадежнаго гарнизона, въ Севастополѣ были временно расквартированы части, вызванныя изъ другихъ городовъ. Изъ Одессы былъ присланъ баталіонъ стрѣлковаго полка, изъ Ѳеодосіи пять ротъ Виленскаго полка, изъ Павлограда баталіонъ Керчь-Эникольскаго полка и изъ Симферополя нѣсколько ротъ Литовскаго полка, число коихъ постоянно мѣнялось.

Нѣкоторые изъ этихъ частей были присланы въ Севастополь для усиленія гарнизона, такъ какъ мѣстныхъ войскъ не хватало для несенія караульной службы, а нѣкоторые баталіоны имѣли спеціальное назначеніе: „содѣйствіе гражданскимъ властямъ", т. е., по-просту говоря, назначались для несенія полицейской службы. За состояніемъ духа въ этихъ баталіонахъ власти слѣдили особенно зорко. Чтобы изолировать солдатъ отъ внѣшняго міра и для предотвращенія такимъ образомъ „заразы", тамъ введенъ былъ положительно монастырскій режимъ. Отлучки въ городъ дозволялись лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ казармы посторонніе не допускались безъ осмотра ихъ дежурнымъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ практиковалось „присматриваніе" за „постороннимъ" все время его пребыванія въ казармахъ. Часто производились обыски въ сундукахъ солдатъ въ надеждѣ отыскать „крамольные листки". Часть офицеровъ обязана была жить въ казармахъ, въ отведенныхъ для этого помѣщеніяхъ. И не смотря на, въ полномъ смыслѣ тюремное заключеніе этихъ баталіоновъ, не только возмущенія, но, даже, недовольства въ средѣ солдатъ не было. Далеки они были также отъ всякихъ крамольныхъ поползновеній. На то были, конечно, свои причины.

Дѣло въ томъ, что солдаты этихъ частей получали усиленные оклады. Вмѣсто полагающихся нижнему чину 50 копеекъ въ мѣсяцъ, каждый рядовой этихъ баталіоновъ получалъ около пяти рублей (по

15 коп. въ день суточныхъ)*) Привилегіи были слишкомъ велики, чтобы не дорожить ими.

Одинъ изъ командировъ такого баталіона, которому выпало „счастіе“ быть назначеннымъ „для содѣйствія гражданскимъ властямъ“, обратился разъ къ солдатамъ съ такой рѣчью:

— Помните, ребята, что какъ только среди васъ заведется крамола, баталіонъ вышлютъ изъ Севастополя и прощай ваши суточныя. Такъ вы сами смотрите другъ за другомъ, чтобы этого не было.

Дружное: „постараемся“ — было отвѣтомъ. Баталіоны эти были постоянно „на чеку“, — днемъ и ночью готовые выступить по тревогѣ. Для практики зачастую устраивались ложныя тревоги.

Врагъ революціи былъ слишкомъ уменъ, чтобы не оцѣнить превосходства „быстроты и натиска“, въ особенности по отношенію къ деморализованному врагу, на положеніи коего неминуемо должна очутиться всякая возставшая воинская часть до тѣхъ поръ, пока не выбраны новые начальники и не возстановлена нарушенная организація.

Чтобы парализовать могшее произойти въ гарнизонѣ возстаніе, былъ выработанъ радъ цѣлесообразныхъ пріемовъ борьбы. О нихъ распространяться не буду. Изъ дальнѣйшаго изложенія происшедшихъ событій они станутъ ясны.

Врагъ нашъ былъ силенъ. Уроками прежнихъ возстаній пользовался и онъ.

Въ станѣ же революціи дѣла были плохи. Шли, по обыкновенію, раздоры. И это явленіе, характерное для русскихъ революціонеровъ, я не могу обойти здѣсь молчаніемъ.

С.-д. принимать участіе въ выступленіи не собирались. Въ Бѣлостокскомъ полку у нихъ имѣлась своя организація среди солдатъ. Въ Бѣлостокскомъ же полку была и безпартійная организація, входившая въ составъ „Всероссійскаго Союза солдатъ и матросовъ“, руководимаго, какъ уже было сказано, с.-р.-ми. Послѣ того, какъ вопросъ о возстаніи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, с.-р. начали вести въ Бѣлостокскомъ полку агитацію за возстаніе, а с.-д. — противъ возстанія.

Въ этотъ же періодъ подготовки къ возстанію произошелъ провалъ. Нѣсколько человѣкъ было арестовано. Многія связи порваны. Были основанія опасаться дальнѣйшихъ проваловъ. Нервное напряженіе у уцѣлѣвшихъ достигло высшаго напряженія. Дальнѣйшая работа приняла характеръ нервозной, лихорадочной дѣятельности. Шансовъ на успѣхъ положительно не было. Участіе въ подобномъ возстаніи казалось мнѣ равносильнымъ сознательному содѣйствію разгромленію организацій, на созданіе коихъ было положено такъ много труда. Я отказался.

Прощаясь съ друзьями, сказалъ, что, когда они умрутъ, мы (говорилъ — мы, такъ какъ не одинъ только я отказался) станемъ на ихъ мѣсто и будемъ работать надъ созданіемъ новой организаціи.

Впрочемъ, придя домой, я рѣшилъ, что избѣгнуть предстоящаго водоворота мнѣ не удастся. Неминуемо я долженъ былъ быть въ него вовлеченъ. Я служилъ въ баталіонѣ 52-го пѣхотнаго Виленскаго полка, присланномъ въ Севастополь „для содѣйствія гражданскимъ

---

*) Офицеры въ низшихъ чинахъ получали въ мѣсяцъ на 45 руб. болѣе обычнаго жалованія. Кромѣ того, единовременное пособіе въ размѣрѣ двухмѣсячнаго оклада и по прибытіи въ Севастополь первые два мѣсяца двойныя квартирные, а семейные получали ихъ на протяженіи всего времени стоянки въ Севастополѣ.

властямъ", и въ случаѣ возстанія насъ двинули бы для усмиренія въ первую голову. Поступать же противъ своихъ убѣжденій я не собирался, а потому и гибель моя была очевидна.

Вскорѣ послѣ моего отказа пришелъ ко мнѣ поручикъ N. и сообщилъ, что въ Бѣлостокскомъ полку состоялось собраніе представителей ротъ и они вынесли резолюцію, что солдаты ихъ полка примутъ участіе въ возстаніи, а съ тѣми, кто будетъ вести агитацію противъ возстанія (намекая на с.-д.) расправятся немилосердно, и что послѣ этого представитель с.-д. военной организаціи заявилъ о согласіи с.-д. участвовать въ возстаніи. N. предлагалъ и мнѣ сдѣлать то-же.

Отчасти подъ вліяніемъ его сообщеній и полученнаго мною извѣстія о переходѣ войскъ изъ лагеря въ городъ, нѣсколько видоизмѣнившихъ печальный характеръ существовавшей обстановки, а отчасти вслѣдстіе вышеупомянутой невозможности сохранить себя для будущей дѣятельности, я согласился.

Переходя къ описанію получившагося соотношенія силъ правительства и революціи и ихъ распредѣленія въ городѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о Севастополѣ.

Городъ этотъ расположенъ на западномъ берегу Крыма. Съ моря онъ защищенъ цѣпью береговыхъ батарей. Широкимъ и длиннымъ заливомъ, носящимъ названіе „Сѣверной бухты" и тянущимся съ запада на востокъ, городъ дѣлится на двѣ части. Сѣверная — такъ и называется „Сѣверной стороной." Южная же въ, свою очередь, дѣлится „Южной бухой", отходящей отъ „Сѣверной" подъ угломъ въ 90 градусовъ, на двѣ части: „Корабельную сторону", къ востоку отъ бухты, и на западную часть, гдѣ собственно и находится городъ.

Лучшія силы революціонеровъ расположены были слѣдующимъ образомъ:

На „Сѣверной сторонѣ" полевая артиллерія (бригада). Организаціи среди солдатъ тамъ были очень сильны. На „Корабельной сторонѣ" былъ расположенъ Брестскій полкъ. И по количеству организованныхъ въ революціонные кружки солдатъ и по боевому духу, царившему въ немъ, онъ безусловно занималъ первое мѣсто среди всѣхъ распропагандированныхъ частей гарнизона. Минимальное количество солдатъ въ ротѣ, входившихъ въ революціонную организацію, было 20; максимальное — 30.

Въ „Сѣверной бухтѣ" стоялъ флотъ. Революціонныя организаціи тамъ были настолько сильны, что въ возможности захвата флота революціонерами мы не сомѣвались. (Числовыхъ данныхъ, къ сожалѣнію, не помню).

Всѣ вышеупомянутыя части должны были по плану возстанія подняться въ одно время. Полевая артиллерія снарядовъ не имѣла, а потому въ моментъ возстанія могла бы сдѣлаться жертвой 6 ротъ пѣхоты, находившихся на „Сѣверной сторонѣ" (въ которыхъ не было даже и связей у революціонеровъ) и ,кромѣтого, могла обстрѣливаться съ бухты двумя учебными суднами, а потому рѣшено было, что въ моментъ возстанія она должна сняться съ мѣста и, объѣхавши вокругъ „Сѣверной бухты", присоединиться къ Брестскому полку.

На сѣверной же сторонѣ была расположена рота саперъ, симпатіи оихъ склончлись на сторону революціи, но значенія они не имѣли, акъ какъ были, какъ уже упоминалось выше, разоружены.

Послѣ возстанія полевой артиллеріи, флота, Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, должны были возстать остальныя подготовленныя революціонерами части, какъ-то: нѣсколько ротъ пѣхоты, расположенной неподалеку отъ главной части города, у „артиллерійской бухты"; стоявшая въ той же части города рота минеровъ; телеграфная рота, казармы коей находились въ промежуткѣ между Брестскимъ и Бѣлостокскимъ полками, и часть флотскаго экипажа, находившаяся на берегу, въ казармахъ Морского Вѣдомства. Кромѣ того, частью въ городѣ, а частью въ лагерныхъ баракахъ стояли крѣпостные артиллеристы, хотя и настроенные революціонно, но не игравшіе никакой роли, такъ какъ у нихъ не было ни пушекъ, ни ружей, а, по сосѣдству съ баталіономъ, бывшимъ въ лагерѣ*), къ тому же, стояли вполнѣ преданные правительству казаки и эскадронъ Крымскаго коннаго полка. Остается упомянуть про центръ правительственной силы, про тотъ „кулакъ", на который власти не безъ основаній разсчитывали и которымъ они могли подавить всякія начинанія со стороны революціонеровъ. Это были три баталіона пѣхоты, расквартированные въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ сѣвернѣе Брестскаго полка, въ казармахъ Морского Вѣдомства.

Революціонныхъ организацій въ этихъ баталіонахъ не было. Были раньше кое-какія связи съ отдѣльными солдатами, но и тѣ были порваны при выше упоминавшемся провалѣ.

Въ первый періодъ подготовки къ вооруженному возстанію, когда войска были въ лагеряхъ, а этотъ „кулакъ" въ тѣхъ же казармахъ Морского Вѣдомства, т. е. на большомъ разстояніи отъ частей, которыя должны были возстать, онъ представлялъ, несомнѣнно, большую опасность для насъ, ибо не было тогда никакихъ надеждъ парализовать его грозную для насъ боеспособность противъ „внутренняго врага". Приходилось считаться съ тѣмъ фактомъ, что возставшіе Брестскій и Бѣлостокскій полки, безъ наличія, почти, офицеровъ, принуждены будутъ вступить въ бой, плачевный исходъ коего былъ для насъ очевиденъ.

Теперь же, когда по близости казармъ Морского Вѣдомства стоялъ Брестскій полкъ, явилась возможность обезвредить расположенныя въ нихъ правительственныя войска. Сдѣлать это поручено было мнѣ.

Въ моментъ возстанія я долженъ былъ быть въ Брестскомъ полку, принять командованіе надъ дежурной ротой, т. е. ротой, всегда готовой къ боевымъ дѣйствіямъ, и вести ее въ баталіонъ Виленскаго полка, ближе всѣхъ расположеннаго отъ Брестскаго.

Съ этой ротой я разсчитывалъ овладѣть всѣмъ баталіономъ Виленскаго полка, полагая его застать врасплохъ. Кромѣ того, я надѣялся на свой авторитетъ. Я былъ офицеромъ въ этомъ баталіонѣ, и мнѣ въ голову даже не приходила мысль, чтобы солдаты, въ особенности той роты, гдѣ я служилъ, осмѣлились бы препятствовать моимъ распоряженіямъ. Надо знать психологію забитаго дисциплиной солдата и гипнотизирующее на него дѣйствіе офицерскихъ погонъ, чтобы понять, что расчеты мои не были безъ основаній.

Къ тому же я, зачастую разговаривая на политическія темы наединѣ то съ однимъ, то съ другимъ изъ солдатъ, зналъ, что и среди нихъ были сторонники революціи. Они были не организованы, но, при случаѣ, къ возставшимъ примкнули бы.

---

*) Лагерь находится къ югу отъ казармъ Бѣлостокскаго полка на разстояніи полуверсты.

Обезвредивши баталіонъ Виленскаго полка и передавши оружіе матросамъ, расположеннымъ въ сосѣднихъ казармахъ, я могъ бы, смотря по обстоятельствамъ, двинуться дальше по направленію казармъ двухъ другихъ баталіоновъ, или забаррикадироваться въ одномъ изъ зданій казармъ Морского Вѣдомства и отрѣзать такимъ образомъ эти два баталіона отъ Брестскаго полка.

Все это должно было происходить въ темнотѣ.

Возстаніе было назначено въ 4 часа, въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября.

Но, прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ событій, я долженъ вернуться немного назадъ, дабы вывести на сцену одну, являющуюся типичнымъ представителемъ, личность, игравшую видную роль въ этомъ дѣлѣ и не лишенную интереса въ психологическомъ отношеніи, которую я зналъ подъ кличкой „Александръ."

„Александръ" былъ рядовымъ Брестскаго полка. Человѣкъ развитой. Познакомился съ нимъ я на одномъ изъ собраній „Повстанческаго Комитета". Не скажу, чтобы онъ произвелъ на меня особенно хорошее впечатлѣніе. Въ немъ сквозила чрезмѣрная самоувѣренность и честолюбіе. Онъ былъ грузинъ и человѣкъ, повидимому, рѣшительный. Говорили, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ полку и особенно среди своихъ земляковъ. Дѣйствительно, большая доля труда по организаціи Брестскаго полка лежала на немъ. И если принять во вниманіе, что это была наилучше распропагандированная часть въ гарнизонѣ, служившая краеугольнымъ камнемъ при выработкѣ революціонерами плана возстанія, то становится понятна та видная роль, въ которой оказался „Александръ."

Авторитета офицеровъ онъ не признавалъ.

— Намъ, грузинамъ, — говорилъ онъ, — офицеровъ не надо. Они нужны для русскихъ. Я только „крыкну" и всѣ двѣсти грузинъ полка пойдутъ за мной.

Отмѣчаю этотъ фактъ потому, что дальнѣйшія событія покажутъ, насколько осторожно надо было отнестись къ подобнаго рода заявленію, къ тому же не единичному, такъ какъ нѣчто въ этомъ же родѣ заявлялось и во флотѣ. Эти же событія покажутъ, какой самообманъ скрывается иногда за подобными красивыми и выразительными словами...

Въ ночь съ 14 на 15 мы въ послѣдній разъ собрались вблизи казармъ Брестскаго полка. Отсюда всѣ разошлись по назначеннымъ мѣстамъ. Остались только тѣ, кому предстояло итти въ Брестскій полкъ. Въ числѣ ихъ былъ и я. Роль „Повстанческаго Комитета" кончилась. Гегемонія перешла къ Брестскому полку.

До возстанія оставалось еще нѣсколько часовъ. Никогда не забуду ихъ. Мы были на свѣжемъ воздухѣ. Чудный, мягкій, какъ бархатъ, лунный свѣтъ проникалъ, казалось, въ самую глубь, въ самые тайники человѣческой души и, внося какое-то доселѣ невѣдомое щемящее чувство, какъ будто шепталъ: „Какъ хорошо жить! Какое чудное небо, звѣзды! Какъ хорошо все вокругъ!"

Да, умирать не хотѣлось. Никогда жизнь не казалась такимъ дорогимъ, близкимъ существомъ, какъ тогда, передъ казавшейся неизбѣжной разлукой...

Кругомъ была мертвая тишина — развѣ изрѣдка только нарушавшаяся отдаленнымъ топотомъ конскихъ копытъ или сдержаннымъ голосомъ кого либо изъ насъ, звучавшимъ въ прозрачномъ холодномъ

воздухѣ какъ-то отчетливо, громко... Говорить не хотѣлось... Мысли неслись вереницей...

Вдругъ, со стороны Сѣверной бухты раздался сигнальный рожокъ... За нимъ другой... третій...: еще и еще — безъ конца.

Порывистые мотивы сигнала, сливаясь въ общій, преисполненный какой-то тревоги, гулъ, неслись надъ омертвѣвшимъ Севастополемъ, прорѣзая свѣжій воздухъ холодной сентябрьской южной ночи, находя на каждый звукъ болѣзненный откликъ въ нашихъ сердцахъ.

Мы стояли въ оцѣпенѣніи. Что это значило? До возстанія оставалось еще около часа. Неужели во флотѣ поднялись раньше времени? Если да, то и намъ нужно было итти не медля. Вотъ — вотъ, казалось, раздастся выстрѣлъ, быть можетъ, пальба, крики... Но нѣтъ... Все смолкло. Лишь въ умѣ продолжали звучать запечатлѣвшіеся торопливые звуки запоздалаго рожка... Тишина... Все по-старому. Только сердце билось сильнѣе. Душевный покой былъ нарушенъ. Мучительно медленно проходило время. Наконецъ часъ пришелъ.

Намъ, троимъ офицерамъ, нужно было итти въ чужой для насъ Брестскій полкъ и поднять его, такъ какъ своихъ офицеровъ тамъ не было. Мы знали, что властямъ было извѣстно о готовившемся возстаніи при участіи офицеровъ, а потому, во избѣжаніе задержки насъ у казарменныхъ воротъ, не надѣясь только на свой офицерскій мундиръ, придумали предлогъ, подъ которымъ насъ пропустили бы во внутрь двора. Предлогъ этотъ заключался въ томъ, что мы, гуляя за городомъ, будто-бы обнаружили сходку солдатъ и шли сообщить объ этомъ въ ближе всѣхъ расположенный Брестскій полкъ, дабы администрація его приняла соотвѣтствующія мѣры.

При приближеніи къ казармамъ чувствовалось, что дѣло обстоитъ не ладно: властямъ было извѣстно болѣе, чѣмъ мы предполагали, такъ какъ мѣры предосторожности съ ихъ стороны были приняты сверхъ обычныя. Вокругъ казармъ Брестскаго полка ходили усиленные патрули отъ Виленскаго полка. Около входныхъ воротъ, помимо наряда отъ Брестскаго полка, стояла рота Бѣлостокскаго полка.

— Вы что тутъ дѣлаете? — обратился одинъ изъ насъ къ солдатамъ этой роты.

— Брестцы, что ли, бунтовать хотятъ, Ваше Благородіе, такъ вотъ насъ и пригнали сюда.

— А гдѣ же ваши офицера?

— Пошли въ собраніе.

Скверно... Мы вошли во дворъ и направились къ полковой церкви, гдѣ, какъ было условлено раньше, представители дежурной роты должны были насъ встрѣтить и провести въ свою роту, которую предполагалось поднять первой. Въ ночь съ 14 на 15 сентября дежурной ротой была 5-я. Это была одна изъ наилучше подготовленныхъ по возстанію ротъ. Солдатъ, не входившихъ въ революціонную организацію, въ ней было не болѣе десятка. За дежурной ротой долженъ былъ подняться весь полкъ.

Подошли къ церкви. Тамъ — ни души. Недоумѣвая, мы пошли дальше, въ глубь двора и наткнулись на другую роту, стоявшую въ полномъ вооруженіи и при офицерахъ... Повернули обратно. Удивляюсь, какъ насъ тутъ же не арестовали. Подошли опять къ церкви. Ни души. Отсутствіе представителей роты ставило насъ положительно въ недоумѣніе. Что было дѣлать? Вѣдь они могли быть арестованы! Нервное напряженіе, получившее уже толчекъ для болѣзненнаго своего

развитія съ момента тревоги во флотѣ — все росло. Я хотѣлъ было броситься въ казармы, но товарищи отговорили, вполнѣ резонно заявивши, что разъ не пришли представители, стало-быть, въ ротѣ что нибудь да неладно, и соваться туда нельзя. Рѣшили покинуть казармы.

Прошло четверть часа, а въ полку — тишина. Между тѣмъ было условлено, что если бы къ 4 часамъ мы почему либо не пришли, то четверть пятаго солдаты дожны поднять возстаніе самостоятельно. Сигналомъ къ возстанію долженъ былъ быть въ такомъ случаѣ взрывъ бомбы, которою ихъ снабдили с.-р.

Положеніе было серьезное. Безъ участія Брестскаго полка, возставшія въ другихъ мѣстахъ части обрекались на гибель. Надо было во что бы то ни стало вызвать представителей Брестскаго полка. Оказалось, что поручикъ N., бывшій съ нами, зналъ человѣка, у котораго устраивались сходки солдатъ Брестскаго полка. Пошли отыскивать его.

— Здѣсь, сказалъ N., указывая на маленькій домикъ. Постучали. Никто не отзывался. Начали колотить въ дверь изо всей мочи. Было уже свѣтло. Неподалеку стоялъ патруль человѣкъ изъ десяти солдатъ, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ на насъ, да какой-то штатскій, Богъ вѣсть чего проходившій мимо въ такую пору. „Шпикъ“, невольно мелькнуло въ больномъ воображеніи, но тѣмъ не менѣе колотить въ дверь продолжали. О конспираціи не было и помину. Не до нея было... Оказалось, что тотъ, кого мы разыскивали, жилъ въ другомъ домѣ. Пошли туда. Обитатели дома спали крѣпчайшимъ сномъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока отперли дверь. Попросили вызвать изъ Брестскихъ казармъ полковыхъ представителей. Вскорѣ они явились.

Осунувшіяся блѣдныя лица съ отпечаткомъ страданія отъ переживаемыхъ нервныхъ напряженій и какая то подавленность съ проблескомъ отчаянія во взглядѣ — не предвѣщали намъ ничего хорошаго.

— Въ чемъ дѣло?

— Все пропало! упавшимъ голосомъ сказалъ Александръ. Невозможно ничего сдѣлать: всѣ офицеры въ полку и сидятъ въ своихъ ротахъ. Никто не рѣшается при нихъ начать.

— А бомба?

— Бросали, да не взрывается.

Настали тяжелыя минуты тревоги за своихъ товарищей въ другихъ частяхъ. Имъ грозила вѣрная гибель. Между тѣмъ рѣшительное заявленіе делегатовъ, что съ появленіемъ офицеровъ духъ въ полку палъ и что иниціатива отдѣльныхъ личностей солдатъ за собой не увлечетъ, было достаточнымъ основаніемъ, чтобы опустились руки и у насъ... Гибель всего дѣла, гибель товарищей была очевидна. Потрясеніе было слишкомъ велико. Товарищъ N., обхвативши руками голову и уткнувшись въ стѣну, чуть не рыдая, воскликнулъ:

— За что, за что они погибли! Неужели ничего нельзя сдѣлать?...

Но вотъ прибѣжалъ солдатъ и сказалъ, что офицеры ушли изъ ротъ въ „Офицерское Собраніе“. Послали провѣрить.

Было уже 5 часовъ. Посланные вернулись и сообщили, что намъ можно итти, такъ какъ ни въ одной изъ ротъ офицеровъ не было. Всѣ въ „Собраніи“, а нѣкоторые, даже, собирались уѣзжать въ городъ. Дѣйствительно, въ то время изъ казармъ выѣхало нѣсколько извозчиковъ, на которыхъ сидѣло по 3-4 человѣка офицеровъ. Ушли и солдаты Бѣлостокскаго полка. Очевидно, властямъ было извѣстно,

что возстаніе назначено въ 4 часа. Роковой часъ прошелъ благополучно, и они успокоились.

Насъ взяло раздумье: итти или нѣтъ? Вѣдь могло случиться, что и въ другихъ мѣстахъ возстанія поднять не удалось. Тогда и намъ итти было не къ чему. Въ Бѣлостокскомъ полку было тихо. Въ сомнѣніе приводили только сигналы во флотѣ, да не знали что дѣлается по ту сторону бухты, на сѣверной сторонѣ, гдѣ находилась полевая артиллерія. Я предлагалъ послать туда человѣка, справиться, но предложеніе было отклонено, въ виду дальности разстоянія.

Между тѣмъ, собравшіеся около насъ солдаты увѣряли, что съ уходомъ офицеровъ въ ротахъ воспрянули духомъ и требовали нашего прихода, находя, что нельзя же день возстанія безъ конца все откладывать и откладывать. Кое гдѣ выражали, даже, недовольство, что насъ до тѣхъ поръ не было.

Неизвѣстность положенія и отчасти настаиванія солдатъ заставили насъ снова тронуться въ путь. Дежурная рота была увѣдомлена о нашемъ приближеніи. Мы шли съ провожатыми по направленію не къ воротамъ, а къ провалу въ стѣнѣ казарменной ограды. Итти пришлось нѣсколько минутъ.

Не въ веселомъ настроеніи мы шли. Въ предшествовавшія минуты мы пережили и перестрадали не мало. Во мнѣ, да, какъ замѣтилъ и въ другихъ, совершился какой то надломъ. Не было уже той увѣренности, съ которой мы шли въ первый разъ, не было ни капли надежды на успѣхъ. Мы шли, не отдавая себѣ отчета, шли потому, что такъ рѣшено было раньше. Я не скажу, чтобы мое внутреннее эгоистическое существо, мое „я“ тогда умерло. Оно давало себя чувствовать; оно трепетало всѣми фибрами своей подлой трусливой души; оно говорило: „жить хочу“; но сбросить тяжелыхъ цѣпей дисциплины, дисциплины сознательной, развитой годами, ему было не въ мочь...

Мы во дворѣ. Часовые, стоявшіе у пролома стѣны, намъ не помѣшали. Рубиконъ былъ перейденъ. Возврата назадъ уже не было. Впереди — все. Стало и на душѣ какъ то легче.

Мы вошли въ помѣщеніе 5-й роты. По нашей командѣ: „въ ружье“, бросились къ пирамидамъ*) лишь нѣсколько человѣкъ и начали ихъ ломать, такъ какъ ружья были на замкахъ, но это оказалось излишнимъ, ибо ключи отъ пирамидъ тотчасъ же оказались у насъ. Между тѣмъ, остальные солдаты стояли въ нерѣшительности. Въ это время подошелъ ко мнѣ фельдфебелъ и, приложивши руку къ козырьку, спросилъ:

— Прикажете построить роту?

Говорю: „да“.

Раздался голосъ фельдфебеля: „Построиться!“

Я прерву нить повѣствованія и скажу нѣсколько словъ о фельдфебелѣ.

Онъ былъ ярымъ реакціонеромъ, быть можетъ, и не по убѣжденію, а по карманнымъ соображеніямъ, объ этомъ судить не берусь. Своей слѣжкой и безконечными доносами онъ такъ вредилъ организаціи солдатъ въ его ротѣ, что ненависть ихъ простиралась до непреоборимаго желанія убить его во чтобы то ни стало. Какъ я узналъ уже впослѣдствіи, исполнить это въ моментъ возстанія было поручено одному изъ солдатъ той же роты. Безъ сомнѣнія, фельдфебель зналъ о существованіи очень сильной революціонной организаціи въ полку

*) Стойки для ружей.

и, быть можетъ, вѣрилъ въ возможность ея побѣды. Чувство ли самосохраненія или низкій расчетъ, не знаю, заставилъ его играть намъ въ руку. Быть можетъ, въ случаѣ нашей неудачи, онъ разсчитывалъ отвертѣться передъ своимъ начальствомъ, ссылаясь на приказаніе офицера. Сомнѣнія же въ томъ, что я, дѣйствительно, былъ офицеромъ, у него не могло быть, такъ какъ одно время я былъ прикомандированъ къ Брестскому полку и фельдфебель зналъ меня лично.

Какъ бы то ни было, но онъ помогъ намъ не мало. Приказаніе своего начальника, въ подлинности коего не могло быть никакихъ сомнѣній, имѣло должное воздѣйствіе, и люди построились. Впрочемъ, и тогда не всѣ. Нѣкоторые пытались ускользнуть куда-нибудь; нѣкоторые прятались въ кровати, подъ одѣяла, притворяясь спящими. Лишь послѣ нѣсколькихъ окриковъ фельдфебеля, который, къ слову сказать, товарищемъ Z. былъ на всякій случай обезоруженъ, и благодаря энергичной дѣятельности N., построились всѣ. Въ то время, когда строилась рота, вбѣжалъ въ помѣщеніе командиръ 5-й роты и спросилъ, кто приказалъ ее строить, но тотчасъ же, замѣтивши насъ, офицеровъ, закричалъ солдатомъ: — не слушайтесь, это переодѣтые заговорщики, и бросился вонъ, скомандовавши: „рота за мной.“ Ни одинъ не тронулся.

Рота была выстроена. По привычкѣ провѣрять, все ли въ исправности, подошелъ я къ одному изъ солдатъ и открылъ поясную сумку. Патроновъ тамъ не было. Оказалось, что и у остальныхъ также. Приказано было раздать патроны... А время текло и текло, каждой минутой своей, казавшейся вѣчностью, задѣвая за нервныя струнки.

Наконецъ, все было улажено. Товарищъ N. обратился къ ротѣ съ рѣчью, гдѣ указывалось на цѣль нашего прихода. Рѣчь его кончилась словами: „пойдете за нами?“ Гробовое молчаніе было отвѣтомъ.

— Ну что же вы? — съ ироніей въ голосѣ обратился N. къ ротѣ. Въ этой ротѣ за возстаніе было подано около 70 голосовъ.

— Пойд... — раздалось два три голоса и, какъ бы испугавшись своего одиночества, замерли. Возмущенный этимъ N. обратился къ ротѣ:

— Кто не хочетъ итти съ нами, можетъ выйти изъ строя. Намъ трусовъ не надо! — Никто не шевельнулся. Передъ нами стояли люди скованные страхомъ, на лицахъ которыхъ сквозила какая то виновность. Многіе тряслись. Тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Впрочемъ, я не беру на себя смѣлости наложить пятно осужденія на всю роту. Я стоялъ въ тотъ моментъ противъ середины ея, и что дѣлалось на правомъ флангѣ, гдѣ находились наиболѣе рѣшительные, построившіеся первыми солдаты, я не видѣлъ. Впослѣдствіи уже товарищъ N. указывалъ, что мы сдѣлали ошибку, не покинувши казармы въ тотъ моментъ. Я съ нимъ согласился. Дѣйствительно, какова иронія судьбы! Не мы хотѣли возстанія. Въ свое время нами было сдѣлано все для предотвращенія его. Темная еще въ своемъ цѣломъ солдатская масса, морально убогая въ моментъ идейныхъ возстаній, когда въ наличности нѣтъ подымающихъ духъ стимуловъ, въродѣ „червей въ борщѣ“ или „гнилыхъ сапогъ“ и когда ежовая рукавица врага можетъ лѣпить изъ нея что угодно, эта масса была главной виновницей возстанія. Теперь она спасовала, и мы, какъ бы помѣнявшись съ ней ролями, толкали ее на то, что на нашъ взглядъ было глупо, безцѣльно... Но ошибка была сдѣлана. Мы вывели роту на дворъ. Собой она отрѣзывала офицерское собраніе отъ остального полка.

Одновременно съ нашимъ выходомъ выбѣжали изъ собранія офицеры полка. Оказалось, что разъѣхались по домамъ очень немногіе. Остальные были въ собраніи. Они съ револьверами въ рукахъ бросились на насъ. Медлить было нельзя. Офицеры были въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ. Въ это время выбѣжалъ впередъ одинъ изъ солдатъ, бывшій не въ строю, и съ такимъ остервенѣніемъ бросилъ все ту же, не взорвавшуюся продолговатой формы бомбу, что половина ея осталась у него въ рукѣ, а половина полетѣла въ офицеровъ. Вслѣдъ за тѣмъ я произнесъ команду, по которой рота взяла „на изготовку", т. е. приготовилась къ стрѣльбѣ. Офицеры остановились и, махая руками, кричали солдатамъ: „не стрѣлять, не стрѣлять!" Я думалъ, что достаточно будетъ ограничиться только угрозой, а потому открывать стрѣльбу не намѣревался. Но офицеры, увидѣвши, что по нимъ не стрѣляютъ, ободрились и бросились снова на насъ. Надо было дѣйствовать, а во мнѣ происходила борьба. Отвращеніе къ убійству и сознаніе тяжести моральной отвѣтственности были такъ велики, что я чувствовалъ себя не въ силахъ произнести роковыя слова. Отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что я перечувствовалъ въ тѣ секунды, теперь трудно. Мысли неслись такой густой и пестрой вереницей, что возстановить ихъ я не берусь. Скомандовалъ ли бы я роковое: „рота пли", не знаю. Эти слова, произнесенныя другимъ офицеромъ, замѣтившимъ мою нерѣшительность, прозвучали въ моихъ ушахъ въ тотъ моментъ, когда я не могъ дать себѣ отчета, что я долженъ дѣлать.

Раздался залпъ. Стрѣляли не всѣ солдаты. Большая часть офицеровъ бросилась назадъ. Остальные замялись на мѣстѣ. Убитыхъ и раненыхъ не было. Оставшіеся офицеры что то кричали. Нѣкоторые изъ солдатъ безъ всякой команды открыли по нимъ безпорядочную стрѣльбу. Тогда всѣ офицеры бросились бѣжать. Двое упали. Ихъ корчащіяся тѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ произвели тяжелое, неизгладимое впечатлѣніе. Солдаты какъ бы испугавшись того, что они стрѣляли, стояли въ оцѣпенѣніи.

Между тѣмъ одинъ изъ упавшихъ, командиръ 5-й роты, капитанъ Новиковъ поднялся и приказалъ барабанщику бить тревогу. Мы не препятствовали, такъ какъ и въ нашихъ интересахъ было поднять тревогу, дабы заставить остальныя роты присоединиться къ намъ, чего, не смотря на наши крики, до тѣхъ поръ ни одинъ солдатъ во всемъ полку дѣлать не собирался. Солдаты, высыпавши во дворъ и столпившись у ротныхъ крылечекъ, оставались безмолвными зрителями. Даже тогда, когда стали бить тревогу, никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста. Положеніе наше было отчаянное. Ряды нашей роты рѣдѣли: многіе, покидая строй, скрывались въ казарму. Остальные стояли какъ бы прикованные страхомъ, блѣдные, осунувшіеся.

Изъ офицерскаго собранія въ это время вышелъ подпоручикъ Гребенюкъ. Въ рукѣ у него былъ револьверъ. Ровнымъ, неспѣшнымъ шагомъ онъ шелъ въ нашу сторону.

— Смотрите, онъ къ намъ идетъ! Это нашъ! крикнулъ одинъ изъ товарищей.

Но напрасна была эта радость. Гребенюка я зналъ. Онъ былъ нашимъ врагомъ и, несомнѣно, шелъ намъ вредить. Когда я это сказалъ, N выхватилъ у одного изъ солдатъ винтовку и хотѣлъ съ нимъ покончить. Я отговорилъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ были нужны новыя жертвы? Все равно дѣло было проиграно. Солдатъ въ нашей

ротѣ осталось немного. Помощи ждать было не откуда. И, даже, отчаянный актъ на который мы могли бы рѣшиться, если бы въ рукахъ у насъ были солдаты съ инымъ духомъ и настроеніемъ, пользы намъ не принесъ бы. О возстаніи въ Брестскомъ полку, внѣ сомнѣнія, уже было извѣстно высшей администраціи войскъ гарнизона (такъ какъ телеграфъ испортить мы не успѣли, въ виду спѣшности подготовки къ возстанію, хотя объ этомъ и были разговоры раньше) и черезъ нѣсколько минутъ могли показаться враждебныя намъ части.

Между тѣмъ Гребенюкъ, идя одинъ противъ всѣхъ, и какъ бы чувствуя безполезность бывшаго у него въ рукѣ револьвера, вложилъ его въ кобуръ.

Товарищъ N. не могъ сдержать порыва своей благородной души и воскликнулъ:

— Какой молодчина! Посмотрите, какъ лихо идетъ!

Я не знаю, получилъ ли Гребенюкъ приказаніе отъ камандира полка или поступалъ по собственной инціативѣ, но цѣль его мнѣ была ясна. Онъ вошелъ въ свою роту, пройдя мимо насъ въ шагахъ десяти. Съ минуту на минуту надо было ждать нападенія его роты на нашъ флангъ. Изъ собранія же въ это время уже вышелъ караулъ, подталкиваемый сзади снова высыпавшими офицерами. У насъ осталось 5-6 солдатъ. Остальные скрылись въ помѣщеніи роты. Товарищъ N, стоявшій недалеко отъ дверей, пробовалъ было имъ преградить путь, но тщетно. Впослѣдствіи я узналъ, что нѣкоторые изъ солдатъ проявляли даже намѣреніе приколоть его.

Все было кончено! И какъ позорно! Была пролита кровь и должны были быть еще казни! А что было достичнуто? Оставалось покончить съ собой. Въ эту минуту я былъ почти въ объятіяхъ смерти, и никогда она не казалась мнѣ такой привлекательной. Хотѣлось уйти изъ этого міра. Забыться. Забыться на всегда... Въ рукѣ у меня револьверъ...

— Пойдемте, тутъ намъ больше нечего дѣлать! — услышалъ я голосъ товарища.

Встрепенувшись, какъ будто проснувшись отъ тяжелаго сна, я оглянулся. Товарищи уходили. Машинально пошелъ за ними.

Тутъ я увидѣлъ Александра. Съ шинелью въ накидку стоялъ онъ поодаль, сзади, безучастымъ зрителемъ. Даже онъ не сдѣлалъ попытки пойти въ свою роту, гдѣ его носили чуть не на рукахъ, и поднять ее. N. не выдержалъ и воскликнулъ:

— И ты Александръ! Гдѣ же твои двѣсти грузинъ?

Мучительно было видѣть, какъ исказилось его лицо отъ стыда и страданія. Онъ отвернулся.

— А какъ быть съ солдатами? слышу голосъ.

Остановились. Оставшіеся 5-6 солдатъ стояли въ оцѣпенѣніи, не зная, что дѣлать. Предложили итти съ нами. Трое пошли. Остальные скрылись въ ротное помѣщеніе.

Мы шли по двору, гдѣ все еще толпились солдаты, смотря на насъ, смотря и сочувствуя и, быть можетъ, страдая за трусость свою. Черезъ проломъ въ стѣнѣ, гдѣ часовые отдали намъ воинскую честь, мы вышли изъ казармы.

. . . .

Погоня снаряжена была не скоро. Нужно было арестовать сначала крамольную роту... Мы, трое, спаслись. Солдаты же были впослѣдствіи пойманы въ Кіевѣ и казнены.

Договорить остается не много. Властямъ были извѣстны подробности плана возстанія. Были приняты съ ихъ стороны контръ мѣры. Товарищамъ нашимъ въ другихъ мѣстахъ не удалось сдѣлать, даже, и попытки къ возстанію. Флотъ въ три часа ночи былъ поднятъ по приказу главнаго командира. У ружей, находившихся на судахъ въ незначительномъ количествѣ и къ тому же запертыхъ на цѣпяхъ, были поставлены съ револьверами офицеры и кондуктора и въ такомъ видѣ флотъ былъ выведенъ въ море. Около казармы полевой артиллеріи, были арестованы поручикъ запаса Глинскій и партійный работникъ Никитинъ. Они должны были въ 4 часа поднять артиллерію. Арестовали ихъ послѣ пяти часовъ утра. Попытки къ возстанію ими не было сдѣлано, очевидно, нельзя было. За жизнь ихъ мы были спокойны.

Казалось, все было къ лучшему; организаціи среди солдатъ и матросовъ цѣлы. Но, начался судъ. Безумный страхъ передъ смертью и надежда раскаяніемъ спасти жизнь давали пищу для оговоровъ. Начались аресты. Организаціи были разгромлены.

Глинскій и Никитинъ были казнены. Ихъ казнили спустя много мѣсяцевъ послѣ ареста. За что?

Вѣроятно, надо было выместить злобу за происшедшее въ Брестскомъ полку. Шестерыхъ солдатъ казнили такъ себѣ, для острастки, чтобы другимъ не повадно было, ну, такъ какъ мы „зачинщики и подстрекатели“, виновные въ происшедшемъ, скрылись, то разсчитались съ друзьями нашими. Правосудіе торжествовало!

Максимовъ.

Доносы царю о русской эмиграціи.

Въ предыдущихъ книгахъ „Былого“ мы уже обратили вниманіе читателей на крайне любопытный документъ, который представляетъ собою такъ называемый „Царскій листокъ“. Этому единственному въ своемъ родѣ документу суждено, несомнѣнно, сыграть не малую роль въ цѣпи другихъ разоблаченій, которыя мы въ послѣднее время опубликовываемъ о русскомъ самодержавіи.

Мы уже дали характеристику Листка. Извѣстно, что онъ состоитъ изъ ряда докладовъ царю, подписанныхъ директоромъ департамента полиціи и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Доклады эти, въ большинствѣ случаевъ, помѣсячные и состоятъ изъ ряда отдѣльныхъ сообщеній, рѣдко связанныхъ между собою и переводящихъ постоянно вниманіе царя изъ одной губерніи въ другую, отъ рабочихъ къ крестьянамъ, отъ перехваченныхъ писемъ къ новымъ нелегальнымъ изданіямъ. Но въ общемъ, за крайне рѣдкими исключеніями, вродѣ извѣстія о томъ, что какіе то грузинскіе князья наскандалили въ женской банѣ, всѣ сообщенія относятся къ области всероссійскаго политическаго сыска или политической неблагонадежности россіянъ.

Нѣкоторые отрывки изъ этихъ докладовъ были уже приведены въ „Быломъ“. Въ настоящемъ очеркѣ мы даемъ всѣ тѣ сообщенія, или точнѣе, доносы, которые касаются русской эмиграціи. Мы приводимъ ихъ полностью и въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они фигурируютъ въ „Листкѣ“, исключивъ лишь одинъ докладъ о толстовцахъ, появившійся уже въ 7 № „Былого“.

Включенные въ настоящій очеркъ доносы царю объ эмиграціи охватываютъ трехлѣтній періодъ, съ января 1897 г. по декабрь 1899 г.

Само собою разумѣется, что въ этихъ доносахъ, источникомъ которыхъ являются „царскіе корреспонденты“ à la Бейтнеръ, Гуровичъ и Азефъ, многое переврано, перепутано. Мы сочли излишнимъ отмѣчать эти неточности, рѣшивъ вообще не сопровождать эти документы никакими комментаріями, которые только нарушили бы полицейскую чистоту ихъ.

Въ концѣ каждаго сообщенія мы лишь указываемъ, изъ какого свода „заслуживающихъ вниманія“ его величества свѣдѣній оно нами заимствовано.

Редакція.

———

Между эмигрантами революціонерами народовольческаго направленія стало замѣчаться за послѣднее время усиленное стремленіе къ созданію своей особой организаціи, а затѣмъ и спеціальнаго журнала, которому будетъ присвоено названіе „Народоволецъ“. Во главѣ предполагаемаго органа будетъ стоять эмигрантъ Владиміръ Бурцевъ, высланный въ 1886 г. по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію за участіе въ

государственномъ преступленіи на жительство въ Восточную Сибирь, откуда онъ черезъ два года скрылся и, проживая затѣмъ въ Швейцаріи, Болгаріи и Лондонѣ, выдавался изъ числа другихъ эмигрантовъ своей активной дѣятельностью, направленною главнымъ образомъ къ сплоченію разрозненныхъ представителей старой и новой народовольческихъ эмигрантскихъ партій. Журналъ „Народоволецъ" будетъ придерживаться программы бывшей „Народной Воли" и проводить идею о необходимости вернуться къ системѣ террора. Съ цѣлью заручиться сотрудниками и обсудить программу, Бурцевъ въ началѣ декабря минувшаго года посѣтилъ Парижъ, гдѣ тотчасъ же вошелъ въ переговоры съ мѣстными народовольцами. Изъявили уже согласіе принять непосредственное участіе въ журналѣ эмигранты Аркадскій, Шульмейстеръ и Шишко; будетъ принимать, по всей вѣроятности, участіе и Русановъ. Послѣдній не высказался, однако, окончательно, такъ какъ считаетъ себя связаннымъ обѣщаніемъ во вновь предполагаемомъ заграничномъ органѣ либеральнаго оттѣнка подъ названіемъ „Земскій Соборъ". Журналъ этотъ намѣренъ издавать бывшій предводитель дворянства одного изъ уѣздовъ Тверской губерніи, отставной поручикъ Петръ Дементьевъ, покинувшій Россію въ началѣ 80-хъ годовъ по причинамъ политическаго характера и въ настоящее время задавшійся мыслью объединить путемъ заграничнаго печатнаго органа представителей либерально-конституціоннаго движенія въ имперіи. (Подробныя свѣдѣнія о Дементьевѣ и дѣятельности его единомышленниковъ будутъ представлены въ одной изъ ближайшихъ записокъ).

Изъ Парижа Бурцевъ проѣхалъ въ Бернъ, гдѣ также заручился обѣщаніемъ содѣйствія мѣстныхъ революціонеровъ, въ томъ числѣ автора нѣсколькихъ народовольческихъ сочиненій, обращенныхъ къ русскимъ евреямъ, Хаима Житловскаго. Здѣсь же онъ вошелъ въ сношенія съ сыномъ Надворнаго Совѣтника Бончъ-Бруевичемъ, давно уже обращающимъ на себя вниманіе, какъ своей политической неблагонадежностью, такъ и въ особенности дѣятельностью въ сферѣ изданія тенденціозныхъ литературныхъ и научно-популярныхъ сочиненій для народа.

Независимо отъ швейцарскихъ эмигрантовъ, извѣстный революціонеръ Кашинцевъ, проживающій въ Болгаріи, также обѣщалъ Бурцеву принять участіе въ предполагаемомъ журналѣ.

За всѣмъ этимъ предпріятіемъ ведется тщательное наблюденіе.
(Сводъ свѣдѣній за время съ 10 по 20 января 1897 г.)

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было упомянуто, что эмигрантъ Владиміръ Бурцевъ, прибывъ въ концѣ минувшаго года въ Швейцарію для переговоровъ съ мѣстными революціонными дѣятелями по поводу изданія предполагаемаго журнала „Народоволецъ", вступилъ, между прочимъ, въ сношенія съ проживающимъ въ Цюрихѣ землемѣрнымъ помощникомъ Владимиромъ Дмитріевымъ Бончъ-Бруевичемъ, извѣстнымъ своей тенденціозною дѣятельностью по изданію литературныхъ и научно популярныхъ сочиненій для народа.

Упомянутый Бончъ-Бруевичъ сталъ обращать на себя вниманіе въ началѣ 1894 г., когда онъ поступилъ на службу въ Москвѣ въ книжный магазинъ извѣстнаго богача Прянишникова, собственника издательской фирмы „Народная Библіотека". Успѣвъ въ скорости же

овладѣть довѣріемъ Прянишникова, Бруевичъ сталъ фактически во главѣ фирмы и направилъ дѣятельность послѣдней на изданіе произведеній печати исключительно тенденціознаго характера. Такъ, былъ изданъ, составленный самимъ Бончъ-Бруевичемъ, сборникъ „Родныя Пѣсни", избранныя произведенія русской поэзіи, въ которомъ, между стихотвореніями извѣстныхъ писателей, помѣщены излюбленныя радикальной молодежью произведенія, какъ напримѣръ „Утесъ" (Навроцкаго) и т. п.; переводились и часто подготовлялись къ изданію сочиненія Маркса, Родбертуса, Лафарга, „Революціонный Парижъ" и др. Независимо сего, Бруевичъ занимался торговлею народными книгами, преимущественно тенденціознаго направленія; съ этой цѣлью онъ снималъ помѣщенія во время вербныхъ базаровъ, изъ которыхъ упомянуыя книги и продавались студентами, принадлежащими къ земляческимъ организаціямъ.

Черезъ нѣсколько времени Бруевичъ вынужденъ былъ, однако, разойтись съ Прянишниковымъ, но, чтобы не покидать издательскаго дѣла, вступилъ въ число членовъ издательской комиссіи Московскаго Комитета Грамотности; пользуясь своими связями, онъ намѣревался склонить нѣсколькихъ членовъ этого комитета, располагающихъ средствами, на выдачи ему субсидіи для изданія народныхъ книгъ и стремился организовать въ Москвѣ общественную народную библіотеку.

Проживая въ Москвѣ, Бончъ-Бруевичъ находился въ сношеніяхъ съ многими политически неблагонадежными лицами, въ томъ числѣ съ семействомъ Величкиныхъ, Владиміромъ Сыцянко, Сергѣемъ Горюшинымъ, извѣстною Цебриковою и другими. По показаніямъ привлеченныхъ къ дознанію о „Московскомъ рабочемъ союзѣ", Бруевичъ принималъ участіе въ преступной дѣятельности этого сообщества вмѣстѣ съ обвиняемыми по сему дѣлу Дмитріемъ Солодовниковымъ и Павломъ Колокольниковымъ, а также черезъ его посредство Вѣра Величкина, по порученію послѣдователя Графа Толстого, Владиміра Черткова, собирала свѣдѣнія объ отношеніи различныхъ революціонныхъ группъ къ толстовскому лжеученію.

Въ апрѣлѣ 1896 г. Бончъ-Бруевичъ отправился въ Швейцарію, гдѣ поступилъ въ Цюрихѣ въ мѣстный Университетъ. За границей онъ тотчасъ же завязалъ сношенія съ представителями мѣстныхъ революціонныхъ теченій и даже собирался осенью минувшаго года на всемірный соціалистическій конгрессъ въ Лондонѣ. За послѣднее время онъ явился въ Цюрихѣ однимъ изъ организаторовъ „Общества свободныхъ студентовъ", состоящаго въ большинствѣ изъ русской учащейся молодежи. Названное общество, преслѣдующее, между прочимъ, абсолютное равенство мужчинъ и женщинъ, приступило нынѣ къ учрежденію „агитаціоннаго комитета" для проповѣди своего ученія. Бончъ-Бруевичъ играетъ въ новомъ обществѣ одну изъ выдающихся ролей и уже нѣсколько разъ выступалъ на собраніяхъ въ качествѣ оратора. (Сводъ съ 7 по 19 февраля 1897 г.)

———

Проживающіе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ представители революціонной, преимущественно еврейской, эмиграціи отпраздновали наступленіе новаго года многолюднымъ баломъ, даннымъ мѣстнымъ „русскимъ соціалъ-демократическимъ обществомъ." Чистый доходъ отъ этого бала равнялся 370 долларамъ и изъ вырученной суммы 1750 франковъ, по опредѣленію названнаго общества, будутъ отправ-

лены въ Швейцарію въ распоряженіе извѣстнаго эмигранта Плеханова, главы заграничной соціаль-демократической организаціи, присвоившей себѣ названіе „Группы освобожденія труда".

Вообще нью-іоркскіе эмигранты начинаютъ проявлять болѣе энергичную дѣятельность, значительно было ослабѣвшую въ виду партійныхъ интригъ и раздоровъ между вожаками. Поводомъ къ раздору главарей мѣстныхъ группъ служитъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ эмигранты должны относиться къ недавно прибывшимъ въ Сѣверную Америку тремъ русскимъ: прапорщику запаса Петру Стрѣльцову, сыну Коллежскаго Регистратора Николаю Мелентьеву и дворянину Евстафію Константиновичу. Лица эти пріѣхали въ Нью-Іоркъ съ острова Кубы, гдѣ принимали участіе въ возстаніи противъ Испаніи, но затѣмъ добровольно явились къ испанскимъ властямъ и получили амнистію. Одни изъ числа американскихъ соціалистовъ хотятъ видѣть въ названныхъ русскихъ дѣятельныхъ революціонеровъ, другіе же относятся къ нимъ, какъ къ искателямъ приключеній. Послѣдній взглядъ представляется, повидимому, болѣе правильнымъ, такъ какъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ департаментомъ полиціи, Стрѣльцовъ, Мелентьевъ и Константиновичъ, окончившіе одновременно курсъ въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ и не замѣченные затѣмъ въ чемъ либо предосудительномъ, выѣхали изъ Петербурга въ Америку съ цѣлью искать счастія въ Новомъ Свѣтѣ. (Сводъ съ 7 по 19 февраля 1897 г.)

———

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было уже упомянуто объ образованіи осенью минувшаго года нѣсколькихъ кружковъ соціально-демократическаго характера среди проживающей въ Вѣнѣ русской учащейся молодежи. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, по иниціативѣ предсѣдателя одного изъ этихъ кружковъ, бывшаго студента Ново-Александрійскаго Института Павла Тѣплова, въ Вѣнѣ, въ общественной залѣ Ринахера устроена была 31 декабря вечеринка для встрѣчи Новаго года съ платою за входъ по одному гульдену; на вечеринкѣ, кромѣ членовъ кружковъ, принимали участіе до 400 человѣкъ разныхъ національностей. Оставшаяся отъ устройства вечера сумма, въ количествѣ 340 гульденовъ, распредѣлена была затѣмъ слѣдующимъ образомъ: 50 гул. для пособія нуждающимся студентамъ; 25 гул. на усиленіе фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ, а остальные въ пользу кассы кружка. (Изъ свода 7 — 19 февр. 1897 г.)

———

Въ Департаментѣ Полиціи получено агентурнымъ путемъ письмо отъ извѣстнаго члена фонда Лондонской вольной русской прессы Феликса Волховскаго къ проживающему въ Болгаріи въ г. Софіи эмигранту Гавріилу Баламезу.

Сообщая послѣднему о настоящемъ положеніи дѣлъ фонда, Волховскій указываетъ, что фондъ, ослабленный отъѣздомъ на континентъ Европы такихъ дѣятельныхъ членовъ какъ Лазаревъ и Шишко, нуждается въ значительной мѣрѣ въ матеріальныхъ средствахъ, въ особенности для изданія „Летучихъ листковъ", имѣющихъ, по его словамъ, возрастающій успѣхъ въ Россіи. Незначительность собственныхъ средствъ и неприсылка денегъ отъ единомышленниковъ изъ Имперіи ставятъ фондъ въ такое положеніе, что, какъ указываетъ

Волховскій, „подчасъ находитъ такое настроеніе, что все бы бросилъ“, да къ тому и идетъ дѣло — говоритъ онъ — „что надо будетъ бросить“. Далѣе Волховскій сообщаетъ, что ведетъ переговоры „съ однимъ россіяниномъ (бывшій предводитель дворянства одного изъ уѣздовъ Тверской губерніи Петръ Дементьевъ) объ изданіи газеты „Земскій Соборъ“, хотя и „извѣрился за послѣднее время въ этомъ человѣкѣ“; въ заключеніе онъ проситъ Баламеза составить для „Летучихъ листковъ“ статью о русско-болгарскихъ отношеніяхъ и армянскомъ вопросѣ. (Съ 19 февр. по 17 марта 1897 г.)

Въ предыдущихъ запискахъ было уже упомянуто о намѣреніи русскихъ эмигрантовъ-революціонеровъ народовольческаго направленія приступить къ изданію особаго періодическаго органа подъ названіемъ „Народоволецъ“.

Изъ полученнаго нынѣ агентурнымъ путемъ письма, стоящаго во главѣ этого предпріятія, извѣстнаго Владиміра Бурцева къ эмигранту Ивану Кашинцеву въ Болгарію, усматривается, что къ набору перваго номера „Народовольца“ приступлено въ 20-хъ числахъ сего Апрѣля (по нов. ст.), причемъ редакція встрѣчаетъ затрудненія въ печатаніи, такъ какъ располагаетъ всего 8-ю страницами шрифта, который предполагаетъ къ выходу второго номера довести до 13, при размѣрѣ журнала въ нѣсколько десятковъ страницъ.

Кашинцевъ изъявилъ согласіе принимать участіе въ литературной сторонѣ „Народовольца“ и въ первомъ номерѣ будетъ помѣщена его статья о террорѣ. (Сводъ съ 29 марта по 25 апр. 1897 г.)

---

24 Мая сего года (по нов. ст.) въ г. Вѣнѣ, подъ предсѣдательствомъ депутатовъ австрійскаго парламента Дашинскаго и Козакевича, состоялось собраніе мѣстныхъ соціальдемократовъ, на коемъ присутствовало около 5000 человѣкъ, въ томъ числѣ многіе изъ числа русской учащейся молодежи. Собраніе было созвано съ цѣлью выраженія протеста противъ русскаго самодержавія и вообще правительства. Передъ его открытіемъ русская подданная еврейка Перель, невѣста бывшаго студента Новороссійскаго Университета, высланнаго безвозвратно за границу, Капелюша (нынѣ занимается спеціально тайнымъ водвореніемъ въ Россію запрещенной литературы), передала Дашинскому письмо отъ эмигранта Плеханова, въ коемъ заключалась просьба указать въ рѣчи на то, что русскіе революціонеры ведутъ борьбу не только за уничтоженіе существующаго соціальнаго, но и политическаго строя. Въ этомъ смыслѣ и была произнесена затѣмъ Дашинскимъ рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, высказалъ, что, несмотря на всѣ репрессивныя мѣры, въ г. Варшавѣ, будто бы, уже третій годъ издается русскими революціонерами газета „Работникъ“ нѣмецкимъ же соціалистамъ удается водворять въ ИМПЕРІЮ до 40000 экземпляровъ разныхъ революціонныхъ изданій ежегодно.

Послѣ Дашинскаго говорилъ въ томъ же духѣ и депутатъ Козакевичъ, и затѣмъ производился денежный сборъ въ пользу революціонныхъ кружковъ въ Россіи.

Отчетъ собранія помѣщенъ во многихъ австрійскихъ газетахъ, въ томъ числѣ въ „Arbeiter Zeitung“, вырѣзка изъ коей представляется. (Приложена въ отдѣльномъ конвертѣ). (Сводъ съ 24 мая по 16 Іюня 1897 г.)

Въ концѣ минувшаго года среди эмигрантовъ революціонеровъ народовольческаго направленія, по иниціативѣ эмигранта Владимира Бурцева, возникла мысль о неотложной необходимости правильной организаціи народовольческаго кружка за границей и въ изданіи спеціальнаго печатнаго органа этой группы, которому рѣшено было присвоить названіе „Народоволецъ". Поступая такъ, эмигранты утверждали, что въ данномъ случаѣ они, будто бы, идутъ навстрѣчу своимъ единомышленникамъ, пребывающимъ въ Россіи, которые, не усмотрѣвъ въ дѣятельности соціаль-демократовъ какихъ либо ощутительныхъ результатовъ, потеряли всякое довѣріе къ проповѣдываемымъ ими теоріямъ, и, сплотившись вновь въ самостоятельную группу, будто бы, стремятся перейти отъ слова къ дѣлу. Въ виду такого положенія дѣла, эмигранты пришли къ заключенію, что издаваемый ими органъ долженъ быть безусловно народовольческимъ, т. е. обязанъ принять во всѣхъ существенныхъ чертахъ программу „Народной Воли" и расписаться подъ всѣмъ его прошлымъ и быть прежде всего боевымъ. Съ цѣлью заручиться сотрудниками и обсудить программу, Бурцевъ въ началѣ декабря прошлаго года посѣтилъ Парижъ, гдѣ тотчасъ же вошелъ въ переговоры съ мѣстными народовольцами, изъ коихъ изъявили согласіе принять непосредственное участіе въ журналѣ: Аркадскій, Шульмейстеръ и Шишко, Русановъ же на приглашеніе далъ уклончивый отвѣтъ, сославшись на данныя имъ ранѣе обѣщанія сотрудничества въ другихъ органахъ. Изъ Парижа Бурцевъ поѣхалъ въ Бернъ, гдѣ также заручился обѣщаніемъ содѣйствія со стороны мѣстныхъ революціонеровъ, въ томъ числѣ автора нѣсколькихъ народовольческихъ сочиненій, обращенныхъ къ русскимъ евреямъ, Хаима Житловскаго. Здѣсь же онъ вошелъ въ сношенія съ сыномъ Надворнаго Совѣтника Владиміромъ Дмитріевымъ Бончъ-Бруевичемъ, давно уже обращающимъ вниманіе своею дѣятельностью въ сферѣ изданія тенденціозныхъ литературныхъ и научно-популярныхъ сочиненій для народа. Независимо швейцарскихъ эмигрантовъ, въ предполагаемомъ журналѣ обѣщалъ принять участіе проживающій въ Болгаріи извѣстный революціонеръ Иванъ Кашинцевъ, пріятель и старинный товарищъ по революціонной дѣятельности Владиміра Бурцева. Кромѣ того, къ новому органу выразили намѣреніе примкнуть Алексѣй Тепловъ, Егоръ Лазаревъ, Феликсъ Волховскій, Николай Чайковскій, Георгій Бекъ, Антонъ Гнатовскій, Хононъ Раппопортъ и Евгеній Степановъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ составъ сотрудниковъ будущаго органа, а также средства, на которыя онъ будетъ издаваться, большая часть которыхъ, будто бы, получается изъ Россіи, вновь образовавшійся кружокъ приступилъ къ обсужденію состава редакціи, причемъ во главѣ ея былъ поставленъ иниціаторъ предпріятія — Бурцевъ, но въ виду всѣмъ извѣстнаго легкомысленнаго и взбалмошнаго его характера, было признано необходимымъ назначить ему соредакторомъ эмигранта Алексѣя Теплова, — человѣка, по мнѣнію революціонеровъ, тактичнаго, практическаго и здравомыслящаго. Обстоятельство это послужило началомъ къ возникновенію раздоровъ, и между участниками предпріятія, еще до появленія перваго нумера журнала произошли пререканія: Бурцевъ, не признавая Теплова способнымъ для исполненія возложенныхъ на него обязанностей, самовольно устранилъ его отъ соредакторства, Тепловъ же, обиженный поведеніемъ Бурцева, отказался отъ участія въ организаціи, заявивъ, что не признаетъ за Бурцевымъ права единоличнаго редактированія „Наро-

довольца“ и въ письмѣ къ Кашинцеву просилъ установить коллективную редакцію. Въ отвѣтъ на письмо Теплова о Бурцевѣ, Кашинцевъ, упрекая послѣдняго въ небрежности въ товарищескихъ отношеніяхъ, высказалъ сожалѣніе, что онъ такъ легкомысленно и бестактно оттолкнулъ отъ общаго дѣла полезнаго человѣка.

Не смотря однако на возникшія затрудненія и разногласія, Бурцевъ въ Апрѣлѣ текущаго года выпустилъ первый нумеръ „Народовольца“ за своею скрѣпою, въ качествѣ единственнаго редактора.

Означенный нумеръ заключаетъ въ себѣ двѣ статьи: одну руководящую, за подписью: „Редакція“, принадлежащую перу Кашинцева, другую же, озаглавленную: „По вопросу — что дѣлать“, писанную самимъ Бурцевымъ. Обѣ статьи заключаютъ въ себѣ прославленіе прошлой дѣятельности партіи „Народной Воли“, и въ общемъ сводятся къ мысли, что терроръ, приложенный въ нужное время и употребленный противъ извѣстныхъ лицъ, могучее средство въ рукахъ революціонеровъ, для осуществленія ихъ ближайшихъ задачъ: уничтоженіе самодержавія, передача всѣхъ общегосударственныхъ дѣлъ въ руки правильно избранныхъ народныхъ представителей, федеративное устройство государства, обезпеченіе за всѣми личныхъ правъ: права слова, печати, свободы личности и т. д.

Во время предварительныхъ переговоровъ между Бурцевымъ и вышеупомянутыми эмигрантами, старые народовольцы, въ лицѣ Лаврова, Маріи Ашониной и нѣкоторыхъ другихъ, были обойдены, вслѣдствіе чего Лавровъ, крайне раздраженный такимъ отношеніемъ къ себѣ и не зная, что руководящая статья принадлежитъ Кашинцеву, помѣстилъ въ № 39 „Летучихъ листковъ“ заявленіе отъ группы своихъ товарищей, что никто изъ лицъ, находящихся за границею и принимавшихъ активное участіе въ дѣятельности партіи „Народной Воли“ въ періодъ 1879-1883 г.г., никоимъ образомъ не принадлежитъ къ редакціи новаго органа.

Не взирая на постигшія, такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ новый органъ неудачи, редакція готовитъ къ выпуску второй нумеръ, въ составъ котораго входятъ опять двѣ статьи Кашинцева и Бурцева. Въ руководящей статьѣ Кашинцевъ, доказывая полную невозможность устройства организаціи, какъ въ Россіи, такъ и за границей, которая охватывала бы всѣ революціонныя и оппозиціонныя партіи, въ виду разнообразія во взглядахъ на средства борьбы и въ оцѣнкѣ различными партіями ближайшихъ и конечныхъ цѣлей, призываетъ къ союзнической дѣятельности, исключающей соперничество, взаимное дискредитированіе и разногласія, которыя мѣшали и мѣшаютъ искренней и союзной борьбѣ противъ общаго врага всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ — правительства.

Въ другой статьѣ, озаглавленной „Правда-ли, что терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ“, Бурцевъ силится доказать, что возобновленіе террористической борьбы въ Россіи является теперь не только наиболѣе настоятельною потребностью революціоннаго движенія, но и его неизбѣжнымъ условіемъ. Статья эта представляетъ собою, по мнѣнію Бурцева, резюме взглядовъ, собранныхъ авторомъ при объѣздѣ своихъ единомышленниковъ въ Парижѣ и Швейцаріи.

Судить о степени сочувствія большинства эмигрантовъ къ вновь появившемуся журналу пока довольно трудно, такъ какъ до сихъ поръ, кромѣ Кашинцева и Бурцева, никто изъ нихъ не принялъ въ

„Народовольцѣ“ активнаго участія, но слѣдуетъ замѣтить, что первый нумеръ журнала произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе преимущественно въ кружкахъ русской учащейся за границей молодежи, не довольной мало дѣятельностью мирной революціонной пропаганды въ Россіи. Кромѣ того, Бурцевъ, въ перепискѣ своей съ Кашинцевымъ, старается дать понять, что если эмиграція окончательно отъ него отшатнется, то онъ имѣетъ въ виду продолжать работать съ какимъ то кружкомъ въ Россіи, съ которымъ ему, будто бы, удалось завязать сношенія.

„Народоволецъ“ печатается въ Лондонѣ, въ типографіи „Летучихъ Листковъ“, въ количествѣ 1500 экз., причемъ печатаніе каждаго нумера обходится до 500 франковъ. Въ виду помѣщенной въ № 39 вышеупомянутой замѣтки Лаврова, направленной противъ редакціи „Народовольца“, Бурцевъ намѣревается окончательно порвать отношенія съ фондомъ и проситъ Кашинцева устроить сборъ на пріобрѣтеніе шрифта, котораго потребуется фунтовъ 10-12. (Сводъ съ 16 іюня по 11 іюля 1897 г.)

———

Наряду съ „Народовольцемъ“, въ томъ же апрѣлѣ появился за границею другой журналъ, носящій названіе „Современникъ“, ежемѣсячное политическое изданіе, посвященное текущимъ русскимъ дѣламъ. Означенный журналъ печатается въ Лондонѣ, въ типографіи Фонда Вольной Русской Прессы, редакція же его помѣщается въ швейцарскомъ городѣ Веве и во главѣ ея стоитъ эмигрантъ Александръ Христофоровъ, побочный сынъ казанскаго помѣщика Акчурина, бывшій студентъ Казанскаго Университета и бывшій сотрудникъ прекратившаго свое существованіе революціоннаго журнала „Общее Дѣло“.

Исторія возникновенія „Современника“, въ общихъ чертахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Тревожныя извѣстія о ходѣ болѣзни нынѣ въ Бозѣ почивающаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го въ сентябрѣ 1894 г. вызвали не только общее ликованіе среди конспиративныхъ революціонныхъ органовъ, но и пробудили къ активной дѣятельности внутри Россіи ихъ многочисленные элементы, которые, подъ именемъ „русскихъ либераловъ“, издавна мечтаютъ объ ограниченіи МОНАРШЕЙ власти, но до сихъ поръ не осмѣливались открыто выступить на революціонное поприще.

Первымъ признакомъ оживленія оказался „Проектъ русской конституціи“, составленный въ С.-Петербургѣ однимъ опытнымъ юристомъ и литераторомъ либеральнаго лагеря, который, будто бы, опирается на группу интеллигентныхъ лицъ, рѣшившихся добиться измѣненія государственнаго строя не посредствомъ террора, а путемъ широкой общественной агитаціи. Означенный проектъ былъ посланъ для напечатанія въ лондонскую типографію „Фонда“ съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи въ количествѣ болѣе трехъ тысячъ экземпляровъ, онъ былъ разосланъ по адресамъ земскихъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ школъ, университетовъ, а также должностныхъ лицъ. Благодаря, однако, заблаговременно принятымъ мѣрамъ, большая часть конвертовъ съ „Проектомъ конституціи“ была задержана на почтѣ, достигшіе же экземпляры особой сенсаціи въ русскомъ обществѣ не вызвали.

Не довольствуясь первой попыткой, указанная группа лицъ нашла, что легальныя средства въ борьбѣ съ Правительствомъ недостаточны

и что за границей необходимъ свой собственный органъ въ родѣ „Колокола“. Въ виду сего первоначально остановились на мысли пріобрѣсти съ этою цѣлью въ собственность издаваемые „Фондомъ“ „Летучіе листки“, но затѣмъ измѣнили это намѣреніе и, по соглашенію съ членами „Фонда“, рѣшили издавать самостоятельный журналъ подъ заглавіемъ „Земскій Соборъ“, открывъ его страницы для представителей всѣхъ революціонныхъ партій и поставивъ во главѣ редакціи эмигранта Сергѣя Кравчинскаго. Внезапная смерть Кравчинскаго разстроила эти планы, въ виду чего либералы, послѣ нѣкотораго колебанія, весной прошлаго года, остановили свой выборъ на должность редактора задуманнаго журнала на бывшемъ Весьегонскомъ Уѣздномъ Предводителѣ Дворянства Петрѣ Алексѣевѣ Дементьевѣ, проживающемъ съ 1881 г. въ Америкѣ и извѣстномъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ „Тверской“.

Желая упрочить за возникающимъ изданіемъ возможно большую авторитетность, Дементьевъ, ссылаясь на денежную и литературную поддержку со стороны крупныхъ либераловъ, обратился къ наиболѣе серьезнымъ эмигрантамъ, въ томъ числѣ къ Лаврову, съ предложеніемъ сотрудничества. Лавровъ, однако, поздравивъ Дементьева съ выступленіемъ на поприще активной борьбы, отказался отъ сотрудничества подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ до конца жизни намѣренъ остаться вѣренъ народовольческому движенію, которое за послѣднее время, будто бы, вновь разростается въ Россіи.

Въ іюнѣ прошлаго года Дементьевъ былъ въ Петербургѣ и затѣмъ въ серединѣ іюля уѣхалъ за границу, гдѣ видѣлся съ эмигрантомъ Егоромъ Лазаревымъ, съ которымъ обсуждалъ составленную „Фондомъ“ программу „Земскаго Собора“. По окончаніи переговоровъ Дементьевъ отправился домой въ Америку, чтобы ликвидировать тамъ свои имущественныя дѣла и, переѣхавъ въ Европу, всецѣло посвятить себя издательской дѣятельности, на которую, будто бы, его уполномочили многочисленные единомышленники, которыхъ онъ, будто бы, нашелъ въ Россіи, а въ особенности либеральные земцы Тверской губерніи, — Федоръ Родичевъ и другіе.

Дѣло переселенія Дементьева въ Европу, однако, затянулось, вслѣдствіе затрудненій въ ликвидаціи его дѣлъ въ Америкѣ, а въ особенности по неполученіи имъ достаточныхъ гарантій въ томъ, что для изданія журнала будетъ достаточно обезпечено правильное поступленіе обѣщанныхъ здѣшними либерами денежныхъ средствъ. Въ ожиданіи же, пока представится возможность осуществить широко задуманное предпріятіе, Дементьевъ, по соглашенію съ Христофоровымъ, приступилъ къ изданію на свои собственныя средства вышеупомянутаго журнала „Современникъ“. Въ настоящее время уже появились три нумера этого журнала, заключающіе въ себѣ, главнымъ образомъ, статьи самого Дементьева, подъ заглавіемъ „Открытыя письма къ современникамъ“, въ которыхъ онъ, выставляя на видъ современное вполнѣ, будто бы, безотрадное положеніе Россіи, какъ на единственный изъ него выходъ указываетъ на переходъ къ парламентскому режиму.

Въ концѣ прошлаго мая въ Лондонъ пріѣзжалъ изъ Россіи какой то крупный „либералъ“ для переговоровъ съ эмигрантомъ Феликсомъ Волховскимъ относительно расширенія программы „Современника“. „Либералъ“, однако, не только не пожелалъ присоединиться къ Де-

ментьеву, чтобы сообща съ нимъ превратить „Современникъ“ въ большой журналъ, но даже отказалъ „Фонду“ въ денежной помощи для увеличенія средствъ „Летучихъ листковъ“. Разногласіе произошло, главнымъ образомъ, изъ-за того, что Дементьевъ не желаетъ придавать своему органу болѣе рѣзкій оттѣнокъ и твердо слѣдуетъ программѣ, которую онъ настойчиво проводитъ въ вышедшихъ 3-хъ нумерахъ „Современника“. Отзываясь критически о редакторѣ этого изданія, „либералъ“ нашелъ, что положенія, высказываемыя Дементьевымъ, слишкомъ туманны и наивны и что такой органъ не можетъ имѣть успѣха въ Россіи, такъ какъ времена измѣнились и необходимо ставить вопросъ ребромъ. Отказываясь отъ участія въ расширеніи „Летучихъ листковъ“, „либералъ“ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „Листки“ слишкомъ много отводятъ мѣста рабочему движенію, тогда какъ въ Россіи преобладаетъ, якобы, стремленіе къ конституціи, и во всѣхъ либеральныхъ кружкахъ Петербургга и Москвы замѣчается, будто бы, сильное политическое движеніе.

Въ виду сего, впредь до окончательнаго выясненія положенія дѣлъ въ Россіи, рѣшено пріостановить изданіе „Современника“ до октября мѣсяца. Дементьевъ же, по словамъ Волховскаго, „горящій желаніемъ писать и дѣйствовать“ и приславшій недавно денегъ на увеличеніе средствъ „Фонда“, предполагаетъ въ концѣ лѣта отправиться въ Россію для окончательныхъ переговоровъ съ „русскими либералами“, такъ какъ ликвидація его имущества въ Америкѣ, задержанная смертью его дочери, въ настоящее время близится къ концу, и онъ разсчитываетъ въ ближайшемъ будущемъ совершенно переселиться въ Европу. (Сводъ съ 16 іюня по 11 іюля 1897 г.)

———

Слухи объ усиливающемся въ Россіи народовольческомъ теченіи, угрожающемъ успѣхамъ движенія соціальдемократическаго, обезпокоили стоящаго во главѣ партіи „Освобожденія труда“ эмигранта Георгія Плеханова, который поспѣшилъ издать брошюру, озаглавленную „Новый походъ противъ русской соціальдемократіи“, въ которой, доказывая несостоятельность туманныхъ и сбивчивыхъ народовольческихъ программъ, авторъ выступаетъ энергичнымъ противникомъ политическаго террора. Появленіе этой брошюры вызвало не только обостреніе отношеній между существующими за границей политическими фракціями, но и посѣлило крупные раздоры среди самихъ соціальдемократовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ рѣшили выйти изъ „Союза русскихъ соціальдемократовъ“ и отобрать у Плеханова принадлежащую имъ типографію, передавши ее въ вѣдѣніе Антона Ляхоцкаго, который отнынѣ будетъ печатать въ ней произведенія „Союза“, безъ участія Плеханова. Желая успокоить своихъ единомышленниковъ, послѣдній заявилъ, что, печатая свою брошюру, онъ имѣлъ въ виду не только нанести ударъ зловредному народовольческому теченію, но и уступить требованіямъ русскихъ соціальдемократовъ, опасающихся вторженія народовольцевъ въ политическую жизнь Россіи.

Въ подтвержденіе изложенныхъ свѣдѣній имѣется указаніе, что въ Московскихъ кружкахъ циркулируютъ слухи, будто бы, соціальдемократы, основываясь на томъ, что Марксъ былъ не только ученый, но и коммунаръ, выдѣлили особую фракцію, допускающую помимо пропаганды и терроръ.

Среди членовъ редакціи „Летучихъ листковъ“ Фонда также за послѣднее время произошли разногласія, результатомъ которыхъ явился выходъ изъ редакціи Гольденбергъ-Гефрейдена, Волховскаго и Чайковскаго, и во главѣ изданія въ настоящее время остался эмигрантъ Исаакъ Шкловскій, а такъ какъ сей послѣдній, играя въ дѣлахъ эмиграціи второстепенную роль, не пользуется достаточной извѣстностью въ кружкахъ, то и дальнѣйшая судьба „Летучихъ листковъ“ представляется проблематичною. (Сводъ съ 16 іюня по 16 іюля 1897 г.)

4-го минувшаго іюня, въ Женевѣ, умеръ эмигрантъ Гавріилъ Баламезъ.

Привлеченный въ 1878 г. къ дознанію по обвиненію въ принадлежности къ противоправительственнымъ кружкамъ, и признанный виновнымъ приговоромъ Одесскаго Военно-Окружнаго Суда, Баламезъ былъ сосланъ въ 1880 году въ Забайкальскую Область. Отбывъ срокъ ссылки, уменьшенной по манифесту, Баламезъ получилъ разрѣшеніе выѣхать въ г. Томскъ на одинъ годъ и оттуда въ 1888 г. скрылся за границу. Въ Болгаріи, гдѣ Баламезъ поселился, онъ служилъ по учебному вѣдомству и послѣднее время былъ инспекторомъ училищъ въ Софіи. Здѣсь онъ устроилъ складъ революціонной литературы и вообще поддерживалъ связи со всѣми русскими революціонными дѣятелями, проживающими за границей. Разъѣзжая по дѣламъ службы въ Болгаріи, Баламезъ пользовался этимъ для сбора пожертвованій въ пользу Фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ. (Сводъ съ 16 іюня по 11 іюля 1897 г.)

Изъ поступающихъ въ Департаментъ Полиціи указаній усматривается, что съ конца минувшаго года стали замѣчаться признаки раскола между соціалистами изъ русскихъ выходцевъ евреевъ, проживающихъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Лица эти, число коихъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, первоначально объединились въ одну, такъ называемую, „старо-рабочую“ партію, имѣвшую своимъ органомъ газету „Arbeiter Zeitung“; партія, хотя и примыкала въ общемъ къ мѣстнымъ американскимъ соціалистамъ, но не исключала изъ своей программы и поддержку русскаго революціоннаго движенія соціально-демократическаго характера, оказывая послѣднему, въ лицѣ его вожаковъ — Плеханова, Аксельрода и др., денежную помощь. Съ теченіемъ времени нѣкоторые члены партіи, преимущественно изъ состава еврейской интеллигенціи (профессоръ де-Ліонъ, докторъ Гальперинъ, Кранцъ и др.) стали, однако, проводить ту мысль, что евреи, выходцы изъ Россіи, должны прервать съ ней всѣ, даже и революціонныя, связи и, сдѣлавшись чисто американцами, совершенно примкнуть къ мѣстной соціалистической партіи и обратить свои усилія къ устройству соціальной революціи именно въ Америкѣ. Высказывая подобныя мысли, лица эти, повидимому, руководствовались какъ тѣмъ соображеніемъ, что соціальный переворотъ, гдѣ бы таковой не произошелъ, по мнѣнію ихъ, неминуемо, отразится на всемъ мірѣ, такъ и отчасти личными своими счетами съ представителями другого направленія еврейской американской эмиграціи, такъ называемыми „русскими патріотами“. Эти послѣдніе, дѣйствительно, пользовались еврейскими рабочими въ своихъ личныхъ цѣляхъ, какъ для того, чтобы въ качествѣ вожаковъ

играть значительную роль, такъ и для употребленія въ свою личную пользу части поступающихъ въ кассу партіи денежныхъ средствъ. Пререканія между представителями двухъ направленій повели къ тому, что наиболѣе выдающіеся „русскіе патріоты“ — Каганъ, Миллеръ, Винчевскій, Замѣткинъ и проч. — не выходя оффиціально изъ состава партіи, составили, однако, особую фракцію съ новымъ органомъ, газетою „Впередъ“, въ которой и проводятъ мысль о необходимости оказанія американскими евреями дѣятельной помощи русскому революціонному дѣлу. Въ началѣ газета эта имѣла сравнительный успѣхъ, въ особенности между рабочими, но затѣмъ, благодаря агитаціи интеллигенціи, значеніе „Впередъ“ стало ослабѣвать и въ концѣ концовъ Гальперинъ, де-Ліонъ и ихъ единомышленники успѣли окончательно ее дискредитировать и добились даже исключенія Кагана, Миллера и пр. изъ еврейской соціалистической партіи. Послѣднимъ не осталось ничего иного, какъ примкнуть къ образовавшейся минувшимъ лѣтомъ среди американскихъ соціалистовъ партіи, такъ называемаго „Deb's Movement'а или Чикагской, придерживающейся болѣе активной программы дѣйствія, чѣмъ старые соціалисты. Изъ числа ихъ послѣдователей рабочихъ Миллеръ и Каганъ успѣли увлечь за собою лишь не болѣе 200 человѣкъ. (Сводъ съ 11 сентября по 6-ое октября 1897 г.)

———

Въ Департаментѣ Полиціи получена агентурнымъ путемъ копія письма эмигранта Алексѣя Теплова изъ Лондона въ Софію къ проживающему тамъ Ивану Кашинцеву. Послѣдній, какъ извѣстно, принимаетъ участіе въ изданіи заграничнаго революціоннаго органа „Народоволецъ“. Тепловъ же, первоначально входившій въ составъ редакціи этого органа, въ скорости разошелся во взглядахъ съ главнымъ редакторомъ „Народовольца“ Владиміромъ Бурцевымъ. Кашинцевъ составилъ въ настоящее время статью подъ заглавіемъ „Къ вопросу о причинахъ паденія „Народной Воли“, которая должна быть помѣщена въ слѣдующемъ, третьемъ по счету, номерѣ. Ознакомившись съ содержаніемъ этой статьи, Тепловъ въ означенномъ выше своемъ письмѣ сообщаетъ, что независимо перемѣны взглядовъ на роль террора въ политической борьбѣ, по его личному мнѣнію, въ паденіи значенія старой „Народной Воли“ играли еще значительную роль какъ успѣшныя мѣропріятія Правительства, такъ и излишняя централизація партіи, отнявшая всякую инициативу у отдѣльныхъ революціонныхъ кружковъ. Тепловъ высказываетъ далѣе надежду, что „Народоволецъ“, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, поможетъ установить „твердое революціонное понятіе“ о террорѣ, основанное какъ на исторіи русскаго революціоннаго прошлаго, такъ и на правильномъ взглядѣ на современное положеніе революціонныхъ силъ. Свой выходъ изъ редакціи „Народовольца“ Тепловъ объясняетъ тѣмъ, что хотя лично противъ Бурцева онъ ничего не имѣетъ и даже находится съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но признаетъ его за человѣка, съ которымъ нельзя вмѣстѣ работать или вести какое-либо дѣло. Въ подтвержденіе этого вывода онъ приводитъ фактъ, что Бурцевъ окончательно перессорился съ кружкомъ „Фонда Вольной Русской Прессы“, въ особенности Гольденбергомъ, а равно и другими выдающимися эмигрантами, напримѣръ, извѣстнымъ эмигрантомъ Эсперомъ Серебряковымъ, который изъ ненависти къ Бурцеву настоялъ на помѣщеніи

въ „Летучихъ листкахъ“ объявленія отъ старыхъ народовольцевъ, за подписью Лаврова, въ коемъ категорически высказывается, что никто изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ „Народной Волѣ“, не входитъ въ составъ кружка, редактирующаго и издающаго „Народоволецъ“.

Изъ прочихъ, приводимыхъ въ письмѣ Теплова, указаній заслуживаетъ вниманія сообщаемый имъ составъ редакціи „Летучихъ листковъ“, въ который, по его словамъ, входятъ въ настоящее время эмигранты Гольденбергъ, Волховской и Чайковскій. (Сводъ съ 6-го октября по 6 ноября 1897 г.)

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ сообщалось о существованіи въ Вѣнѣ русскаго кружка соціаль-демократическаго направленія, подъ руководствомъ бывшаго студента Ново-Александійскаго Института Павла Теплова.

Съ прошлаго года кружокъ этотъ сталъ получать субсидію отъ Вѣнскаго еврейскаго общества въ размѣрѣ 600 гульденовъ въ годъ для пособія недостаточнымъ русскимъ евреямъ изъ числа учащихся въ Австріи.

Между тѣмъ, когда въ Ноябрѣ сего года одинъ нуждающійся студентъ-еврей обратился за пособіемъ къ Теплову, какъ распорядителю кассы, то получилъ отказъ, мотивированный неимѣніемъ денегъ. Назначенная вслѣдствіе этого ревизія обнаружила растрату въ 800 гульденовъ, причемъ руководители кружка Тепловъ, Вайнштейнъ и Капелюшъ объяснили, что эта сумма потрачена на пріобрѣтеніе и водвореніе въ Варшаву нелегальной литературы, при помощи и непосредственномъ участіи соціалиста, депутата Австрійскаго парламента Дашинскаго. (Сводъ съ 6 ноября по 17 декабря 1897 г.)

Между русскими эмигрантами-революціонерами, преимущественно евреями, проживающими въ Сѣверной Америкѣ, съ конца минувшаго года распространяются особые, присланные изъ Европы, купонные листки для сбора пожертвованій въ пользу находящихся въ Сибири политическихъ ссыльныхъ. Распряженіе по сбору денегъ принялъ на себя эмигрантъ докторъ Ингерманъ, черезъ посредство коего и ранѣе сего неоднократно пересылались изъ Америки пожертвованія, предназначавшіяся для поддержки русскихъ эмигрантовъ, въ особенности соціально-демократической группы Плеханова и его ближайшихъ сотрудниковъ. Экземпляръ купона при семъ прилагается. (Сводъ съ 6 февраля по 19 марта 1898 г.)

Въ февралѣ сего года, въ Женевѣ, изданы двѣ русскія брошюры подъ заглавіемъ: „Матеріалы для характеристики русской печати.“ Первая брошюра содержитъ въ себѣ историческій очеркъ русской цензуры, вторая — предисловіе и записку члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати Тайнаго Совѣтника Еленева; матеріалы для третьей брошюры, долженствующей содержать въ себѣ описаніе современнаго положенія печати, ожидаются изъ ИМПЕРІИ. Брошюры отпечатаны въ количествѣ 1000 экземпляровъ каждая и изданы Союзомъ русскихъ соціаль-демократовъ по заказу и на деньги либеральнаго кружка писателей и адвокатовъ, доставшихъ письменный матеріалъ и средства для водворенія изданія въ Россію.

По тѣмъ же указаніямъ, проживающій въ Женевѣ эмигрантъ Петръ Дашкевичъ въ разговорахъ со своими знакомыми передавалъ о полученіи эмигрантами соціаль-демократами письма изъ С. Петербурга о дѣятельности Начальника С. Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія Полковника Пирамидова (письмо это впослѣдствіи напечатано въ листкѣ „Работникъ“); по словамъ Дашкевича, соціаль-демократы въ значительной мѣрѣ озлоблены противъ названнаго штабъ-офицера, мечтаютъ отдѣлаться отъ него какимъ бы то ни было путемъ и даже поговариваютъ о покушеніи на его жизнь. (Сводъ съ 10 апрѣля по 15 мая 1898 г.)

Въ Министерствѣ внутреннихъ Дѣлъ получены были указанія, что извѣстный эмигрантъ Варлаамъ Аслановъ Черкезовъ*) въ серединѣ Августа минувшаго года, заручившись въ Лондонѣ швейцарскимъ паспортомъ, отправился въ Россію, причемъ проѣздомъ черезъ Голландію и Гамбургъ, будто бы, видѣлся съ выдающимися революціонерами съ цѣлью выработать планъ совмѣстныхъ дѣйствій, а по пути на Кавказъ намѣревался заѣхать для свиданія съ единомышленниками въ С. Петербургъ и Москву.

Изложенныя свѣдѣнія вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ Черкезова были сообщены на предметъ его розыска циркулярно по ИМПЕРІИ, причемъ Начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій Кавказскаго края преподаны были по сему поводу специальныя указанія. Не смотря, однако, на принятыя мѣры, обнаружить мѣсто пребыванія Черкезова не представилось возможнымъ.

Въ настоящее время получены свѣдѣнія, что названный эмигрантъ вернулся за границу 21 ноября минувшаго года и, посѣтивъ Женеву, отправился въ Лондонъ. Изъ бесѣдъ и разсказовъ Черкезова о его поѣздкѣ въ Россію слѣдуетъ заключить, что изъ Голландіи онъ отправился въ Берлинъ, а оттуда въ Варшаву, гдѣ узналъ, что его петербургскій пріятель выѣхалъ изъ столицы, почему, не заѣзжая въ въ Петербургъ, онъ посѣтилъ нѣкоторые губернскіе города, а затѣмъ направился на Кавказъ. Въ Тифлисѣ онъ прожилъ около двухъ недѣль и, вѣроятно, остался бы здѣсь и долѣе, еслибы „какой то чиновникъ“ не предупредилъ его, что въ Тифлисѣ разыскиваютъ нелегальнаго революціонера. Узнавъ о грозившей опасности, Черкезовъ немедленно выѣхалъ къ своимъ роднымъ въ Грузію, гдѣ оставался около мѣсяца, послѣ чего черезъ Одессу, Константинополь и Вѣну проѣхалъ въ Швейцарію.

По словамъ Черкезова, поѣздка его въ Россію не только не имѣла существенныхъ результатовъ, но напротивъ того, дала ему возможность наглядно убѣдиться, что для осуществленія анархическихъ теорій въ ИМПЕРІИ пока еще не имѣется серьезно подготовленной почвы. Относительно же настроенія умовъ на Кавказѣ, Черкезовъ замѣтилъ, что въ Грузіи, будто бы, начинаетъ проявляться противоправительственное движеніе, вызываемое, по его словамъ, нарушеніемъ условій договора, по коему означенная страна была присоединена

---

*) Князь Варлаамъ Аслановъ Черкезовъ, уроженецъ Тифлисской губерніи, привлекался къ Нечаевскому дѣлу и по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сосланъ былъ на житье въ Томскую губернію, откуда весною 1876 г. бѣжалъ за границу; проживая затѣмъ въ Швейцаріи, Румыніи и Лондонѣ, Черкезовъ принимаетъ выдающееся участіе въ дѣятельности заграничной эмиграціи.

къ ИМПЕРІИ. Послѣдними своими реформами въ краѣ Русское Правительство, по мнѣнію нѣкоторыхъ грузинъ, нарушило ихъ вѣковые обычаи и выразило намѣреніе окончательно присоединить ихъ къ русской культурѣ. Въ виду сего грузины-націоналисты снабдили Черкезова матеріалами для брошюры и прокламацій, въ коихъ должно быть изображено современное положеніе Грузіи, и необходмыми денежными средствами для напечатанія этихъ изданій и распространенія ихъ на Кавказѣ. Черкезовъ не замедлилъ исполненіемъ возложеннаго на него порученія и въ № 42 издаваемыхъ Лондонскимъ Фондомъ Вольной Русской Прессы Летучихъ Листковъ появилась уже нынѣ его статья, озаглавленная „Письма о Грузіи". (Сводъ съ 15 мая по 9 іюня 1898 г.)

Получены свѣдѣнія, что часть русскихъ эмигрантовъ евреевъ, проживающихъ въ Сѣверной Америкѣ, преимущественно въ штатѣ Нью-Іоркъ, намѣревается организоваться въ особый кружокъ, которому присвоено будетъ наименованіе „Вспомогательный союзъ для еврейскаго движенія въ Россіи." Кружокъ будетъ издавать особый революціонный органъ, журналъ „Новое Время", 500 экземпляровъ коего ежемѣсячно отправлять для распространенія въ ИМПЕРІЮ. Заправилы кружка (Кранцъ, Фейгенбаумъ и Стонъ) вошли въ сношенія съ представителями польскихъ соціалистическихъ американскихъ организацій, приглашая ихъ къ совмѣстной дѣятельности по водворенію въ Россію революціонной литературы.

Независимо сего новаго кружка, въ посылкѣ подпольныхъ изданій русскимъ евреямъ принимаютъ участіе и другія еврейскія организаціи въ Нью-Іоркѣ. Такъ, кружокъ изъ Виленскихъ уроженцевъ, руководимый извѣстнымъ Миллеромъ, по полученнымъ указаніямъ, успѣлъ, будто бы, въ теченіе послѣдняго года переправить въ Сѣверо-Западныя губерніи до 4000 различныхъ еврейскихъ брошюръ и болѣе 3000 рублей для поддержки мѣстнаго соціаль-демократическаго движенія. (Сводъ съ 15 мая по 9 іюня 1898 г.)

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было уже упомянуто, что проживающіе въ окрестностяхъ Лондона (мѣстечко Purleigh, близъ города Мальдона), извѣстные послѣдователи лжеученій Льва Толстого, приступили къ подготовленію изданія особаго изобличительнаго органа, спеціально предназначеннаго для распространенія толстовскаго ученія, причемъ въ основу этого изданія долженъ быть положенъ принципъ о невозможности свободы совѣсти безъ свободы политической. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, первый номеръ упомянутаго органа долженъ выйти въ непродолжительномъ времени и нынѣ уже набирается въ устроенной, повидимому, на средства Черткова, типографіи; по желанію недавно прибывшаго въ Англію извѣстнаго князя Хилкова, журналъ будетъ носить названіе не „Жизнь", какъ это предполагалось ранѣе, а „Совѣсть", такъ какъ органъ этотъ посвящается обсужденію вопросовъ „свободной совѣсти и мирной жизни на началахъ разума и любви". (Сводъ съ 6 по 24 іюля 1898 г.).

Изъ полученныхъ за послѣднее время агентурныхъ свѣдѣній усматривается, что настоящее положеніе различныхъ группъ заграничной

революціонной эмиграціи представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Народовольцы. Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ третьяго номера „Народовольца“, отпечатаннаго въ первыхъ числахъ ноября минувшаго года, извѣстный редакторъ-издатель этого органа Владиміръ Бурцевъ отправился въ Парижъ и Швейцарію съ цѣлью привлеченія къ дѣлу группировавшихся въ этихъ пунктахъ народовольческихъ элементовъ и объединенія ихъ въ одну партію. Пребывающіе въ Парижѣ народовольцы, руководимые Гнатовскимъ, Софіею Шейнцисъ и Бекомъ, не отрицая своей солидарности съ программой и принципами названнаго террористическаго журнала, воздержались, однако, отъ оффиціальнаго присоединенія къ проектировавшейся Бурцевымъ партіи и участія въ „Народовольцѣ“, — главнымъ образомъ, вслѣдствіе нежеланія Бурцева придать этому органу коллективный характеръ. Та же причина, повидимому, воспрепятствовала полному соединенію съ Бурцевымъ и его группою, представителей народовольцевъ стараго типа (Лавровъ, Ашанина, Русановъ), а равно и женевскихъ эмигрантовъ (Добровольскій, Дашкевичъ, Бохановскій), хотя послѣдніе и признаютъ, съ своей стороны, данную Бурцевымъ „Народовольцу“ постановку вполнѣ правильной и соотвѣтствующей настоящему моменту. Изъ Женевы Бурцевъ отправился въ Бернъ, видѣлся здѣсь съ представителями группы соціалистовъ-революціонеровъ (Житловскій, Левентисъ, Хононъ Раппопортъ), а затѣмъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и былъ вскорѣ арестованъ и привлеченъ къ отвѣтственности за воззваніе къ цареубійству, на страницахъ „Народовольца“. Арестъ этотъ, а затѣмъ и послѣдовавшее осужденіе Бурцева англійскими присяжными произвели удручающее впечатлѣніе во всѣхъ эмигрантскихъ сферахъ; въ первое время эмигранты, Лазаревъ и Тепловъ, предполагали было продолжать изданіе „Народовольца“, при содѣйствіи проживающаго въ Болгаріи Кашинцева; впослѣдствіи мысль эта была, однако, оставлена и Кашинцевъ занялся составленіемъ новой программы, которая, по его мнѣнію, могла бы объединить въ одну партію разрозненные въ настоящее время народовольческіе элементы.

Соціалисты-Революціонеры. Заграничными представителями недавно выступившей на поле политической борьбы партіи соціалистовъ-революціонеровъ являются въ настоящее время эмигранты Хаимъ Житловскій (въ Бернѣ), Хононъ Раппопортъ, Мееръ-Давидъ Соскисъ, Антонъ Гнатовскій (въ Парижѣ), Егоръ Лазаревъ и Сруль Левентисъ (въ Швейцаріи). Лица эти составляютъ изъ себя комитетъ, вѣдающій заграничными дѣлами партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ состоятъ фактическими редакторами нынѣшняго ея органа, газеты „Русскій рабочій“. Зимой нынѣшняго года группѣ Житловскаго удалось переправить въ Россію нѣсколько транспортовъ подпольной литературы и завязать письменныя сношенія съ нѣкоторыми своими единомышленниками въ ИМПЕРІИ; въ мартѣ мѣсяцѣ отъ имени, будто бы, послѣднихъ посѣтилъ Житловскаго особый делегатъ, привозившій выработанную программу партіи, подробное изложеніе принциповъ коей сдѣлано Житловскимъ въ особой брошюрѣ „Соціализмъ и борьба за политическую свободу“, выпущенной подъ псевдонимомъ Григоровича. Партія намѣревается издавать за границей особый періодическій журналъ „Соціалистъ-Революціонеръ“, предназначенный спеціально для интеллигенціи и переработать свой настоящій органъ „Русскій Рабочій“ въ газету исключительно для рабочихъ съ изданіемъ ея на понятномъ для послѣднихъ языкѣ.

Соціальдемократы. Запрещеніе журнала „Новое Слово“ вызвало большое оживленіе въ эмигрантскихъ сферахъ. Раздосадованные этимъ распоряженіемъ главари соціальдемократической эмиграціи, Плехановъ и Аксельродъ, предполагали, взамѣнъ запрещеннаго органа, основать заграничный нелегальный журналъ подъ названіемъ „Соціальдемократъ“, но мысль эта не нашла себѣ поддержки между дѣйствующими въ ИМПЕРІИ представителями соціальдемократическаго направленія, ограничившимися присылкою эмигрантамъ довольно значительной суммы для изданія революціонныхъ брошюръ по рабочему вопросу и расширенія существующей въ Женевѣ типографіи соціальдемократическаго союза. На эти средства дѣйствительно отпечатаны были въ количествѣ болѣе 1000 экземпляровъ каждой брошюры: „Рабочій день“, „Законъ 2 іюня“, „Объ агитаціи“, „Листокъ работника“, „Кто чѣмъ живетъ“, „Эрфуртская программа“ и т. п., которыя и направлялись потомъ особыми транспортами для водворенія въ Россію, черезъ Берлинъ, при посредствѣ книжной торговли при редакціи мѣстной соціалистической газеты „Vorwærts“.

Польскіе Соціалисты-Революціонеры. Заграничные представители „Союза Польскихъ Соціалистовъ-Революціонеровъ“ (Дембскій и Плоцкій), проживающіе въ Лондонѣ, заняты, главнымъ образомъ, печатаніемъ въ принадлежащей имъ типографіи поступающихъ изъ ИМПЕРІИ заказовъ на польскія революціонныя изданія, къ числу коихъ долженъ вскорѣ присоединиться новый трехмѣсячный журналъ „Swiatlo“, издавамый независимо отъ существующихъ уже „Przedswit'a“ „Robotnik'a“ и „Gornik'a“; предполагается также издать на польскомъ языкѣ „краткую исторію Великой Французской Революціи“ и „Дневникъ Вѣтровой съ ея біографіей“. Въ Лондонѣ же образована въ недавнее время особая еврейская типографія, въ коей будутъ печататься изданія дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ „Союза еврейскихъ рабочихъ“, а равно устраивается въ еврейскомъ кварталѣ „Whitechapel“ особая русско-польско-еврейская библіотека подъ завѣдываніемъ эмигрантовъ Теплова, Плохоцкаго и Кагана.

Представителями польской группы соціалистовъ-революцінеровъ въ Швейцаріи состоятъ по прежнему Цихоцкій и Миклашевскій, проживающіе въ Цюрихѣ.

Англійское общество друзей русской свободы. Не взирая на необычайную энергію эмигранта Волховскаго, сдѣлавшаго „политическую ошибку“ въ процессѣ Бурцева, выразившуюся въ защитѣ послѣдняго на страницахъ „Free Russia“ и старанія его поддержать свой прежній авторитетъ въ „Обществѣ друзей русской свободы“, многіе изъ членовъ этого общества рѣшили выступить изъ его состава; пріостановлено также на три мѣсяца и изданіе самого журнала, хотя нѣкоторые изъ выдающихся англійскихъ членовъ названной организаціи (Ватсонъ, Томсонъ, Гринъ), признающіе безусловно необходимость террора для Россіи, а потому оправдывающіе и Волховскаго, прилагаютъ всѣ старанія, чтобы не допустить окончательнаго распаденія Общества.

Иначе обстоитъ дѣло другого русско-англійскаго журнала съ конституціоннымъ оттѣнкомъ „The Anglo-Russian“, издаваемаго евреемъ Яковомъ Прилукеромъ. Названное лицо, основавъ въ минувшемъ году небольшой русско-англійскій кружокъ, задалось цѣлью ознакомить англійское общество съ государственнымъ строемъ Россіи и ея экономическими и бытовыми условіями. Придавъ своему органу либерально-конституціонное направленіе, Прилукеръ всталъ въ оппозицію къ

„Летучимъ листкамъ“ и группѣ эмигрантовъ Лондонскаго Фонда вольной русской прессы. До сихъ поръ онъ уже выпустилъ двѣнадцать номеровъ своего журнала, направленіе коего, повидимому, понравилось англичанамъ, и въ настоящее время, благодаря приливу денежныхъ средствъ. Прилукеръ намѣревается издавать газету также на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Изданіе „Летучихъ листковъ“ встрѣчаетъ значительное затрудненіе въ виду отсутствія регулярныхъ денежныхъ пособій, редакоры листковъ, Волховскій и Чайковскій, вынуждены жертвовать на изданіе листковъ свои средства и обращаться съ постоянными просьбами къ своимъ единомышленникамъ въ Россіи объ оказаніи имъ матеріальной поддержки.

Анархисты. По иниціативѣ извѣстныхъ князя Кропоткина и Черкезова въ Лондонѣ образовалась „Интернаціональная антиполицейская лига“, имѣющая назначеніемъ бороться съ произволомъ, выражающимся въ превышеніи власти, вторженіи полиціи въ частныя помѣщенія и нарушенія полицейскихъ законодательствъ въ свободныхъ странахъ въ угоду „Царскому правительству“; ближайшими руководителями „Лиги“ являются нынѣ Томъ Маннъ, Киръ Гарди, Чайковскій, Волховскій и многіе англійскіе соціалисты, а президентство въ обществѣ предполагается возложить на кого либо изъ выдающихся политическихъ дѣятелей Англіи. Лига имѣетъ тайный отдѣлъ, руководимый Кропоткинымъ, Черкезовымъ, Реклю и другими иностранными анархистами, поставившій своей задачей активную борьбу съ секретными агентами и начальниками секретной полиціи.

Усиленіе анархизма замѣчается и между швейцарскими эмигрантами, гдѣ въ Женевѣ образовалась новая группа, руководимая студентами Жолковскимъ и Маевскимъ, дѣятельно пропагандирующими среди учащейся молодежи; группа намѣревается обзавестись собственной типографіей и органомъ, который будетъ носить названіе „Народъ“ или „Федералистъ“; при матеріальной поддержкѣ Кропоткина и Черкезова, швейцарскіе анархисты заняты изданіемъ нѣсколькихъ брошюръ и сочиненій, какъ то „Будущее Общество“ Грава, „Распаденіе современнаго общества“ Кропоткина и т. п.

Въ Женевѣ, по иниціативѣ эмигрантовъ Баха и Дашкевича, проектируется революціонный журналъ „Молодая Россія“, имѣющій цѣлью объединить всѣ политическія фракціи для совмѣстной борьбы съ русскимъ правительствомъ. Впослѣдствіи „Молодая Россія“ должна распасться на отдѣльныя, дѣйствующія самостоятельно, фракціи; мысль изданія этого журнала крайне сочувственно встрѣчена учащеюся молодежью и названный выше Бахъ вошелъ уже въ сношенія съ Волховскимъ и Чайковскимъ на предметъ обращенія „Летучихъ листковъ“ въ дополнительную къ „Молодой Россіи“ публикацію. (Сводъ съ 24 іюля по 25 августа 1898 г.).

Въ текущемъ январѣ получены по почтѣ изъ за границы экземпляры новаго революціоннаго изданія, появившагося въ Лондонѣ подъ заглавіемъ „Наканунѣ“ (On the eve).

Газета эта называется „Соціально-революціоннымъ обозрѣніемъ“, издается подъ редакціей извѣстнаго эмигранта, бывшаго лейтенанта, Эспера Серебрякова и печатается въ типографіи „Вольной русской прессы“; по заявленію редакціи, газета эта не связана, будто бы, ни

съ одной изъ эмигрантскихъ заграничныхъ организацій, а представляетъ изъ себя самостоятельное изданіе, предпринятое по желанію „одной изъ революціонныхъ группъ въ Россіи".

Особенное вниманіе обращаетъ на себя передовая статья, подписанная редакторомъ Серебряковымъ, въ коей проводится мысль, что въ настоящее время Россія находится наканунѣ возобновленія интенсивной революціонной борьбы, которая должна будто бы встрѣтить на этотъ разъ общее сочувствіе. Для приступа къ дѣйствію революціонные элементы нуждаются лишь въ иниціативѣ, такъ какъ дѣйствующіе въ ИМПЕРІИ революціонеры разбиты пока на отдѣльные кружки, одинъ изъ коихъ, и притомъ несомнѣнно соціально-революціоннаго направленія, долженъ же будетъ наконецъ образовать изъ себя „боевую партію", главная сила которой будетъ направлена на борьбу съ самымъ сильнымъ и организованнымъ врагомъ — русскимъ самодержавіемъ. Эта „боевая партія", не устраняя существующихъ фракцій, а только объединяя ихъ, должна будетъ нападать на самодержавіе, завоевать все возможное и затѣмъ сойти со сцены, предоставивъ дальнѣйшую работу прочимъ группамъ, фракціямъ и союзамъ.

Одинъ экземпляръ изданія „Наканунѣ" при семъ представляется.
(Сводъ съ 22 декабря 1898 г. по 29 января 1899 г.).

———

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ упоминалось о выходѣ въ свѣтъ подъ редакціей эмигранта Серебрякова въ январѣ текущаго года новой ежемѣсячной газеты соціально-революціоннаго направленія „Наканунѣ".

Нынѣ получены агентурныя указанія, что главными сотрудниками Серебрякова являются эмигранты Соскисъ и Степановъ, недавно прибывшій изъ Болгаріи въ Лондонъ, и что средства на это предпріятіе получены, будто бы, изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго лица.

Кромѣ того, изъ полученной секретнымъ путемъ переписки нашихъ эмигрантовъ усматривается, что появленіе газеты „Наканунѣ" произвело въ эмигрантскихъ кругахъ крайне невыгодное впечатлѣніе и безсодержательность перваго нумера признается даже однимъ изъ издателей, Степановымъ, который, въ письмѣ къ болгарскому военному врачу Іоакиму Тронину, извиняясь за первый нумеръ, обѣщаетъ, что послѣдующіе будутъ болѣе удачными.

Извѣстный эмигрантъ изъ старыхъ революціонеровъ Владиміръ Дебагоріо-Мокріевичъ, проживающій въ Болгаріи, по поводу настоящей газеты высказываетъ слѣдующее мнѣніе:

„О „Наканунѣ" я могу лишь сказать, что большіе оптимисты живутъ въ Лондонѣ. И откуда это вѣсти у нихъ, что мы (Россія) переживаемъ теперь такой моментъ: прямо наканунѣ борьбы, да еще революціонной. По моему, это фантазія и ничего больше; правда, что движеніе сильно разрослось, количество роста огромное, но ровно настолько, насколько оно увеличилось, такъ сказать, въ ширину, оно потеряло въ глубину. То, что совершается теперь въ Россіи, я не могу даже назвать революціоннымъ и къ никакой активной борьбѣ это не приведетъ, а все время такъ и будетъ: итти шаткими шагами не стоитъ. Свѣженькая перспектива видится лишь. Революціонной, т. е. активной борьбы я не жду въ близкомъ будущемъ".

По послѣднимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время выпущены уже второй и третій нумера „Наканунѣ", не получившіе

еще, однако, широкаго распространенія. (Сводъ съ 29 января по 12 апрѣля 1899 г.).

———

Путемъ наблюденія за дѣятельностью нашихъ эмигрантовъ добыта копія письма Алексѣя Теплова изъ Лондона, къ проживающему въ Софіи Ивану Кашинцеву, въ коемъ авторъ, сообщая, что устроенная имъ въ Лондонѣ русская библіотека начинаетъ постепенно развиваться, пріобрѣтая усердныхъ посѣтителей и расширяясь, благодаря поступающимъ пожертвованіямъ книгами, проситъ Кашинцева достать у проживающаго нынѣ въ Болгаріи, бывшаго профессора московскаго университета, Милюкова сочиненія послѣдняго для библіотеки. Далѣе, авторъ совѣтуетъ Кашинцеву, въ случаѣ удаленія его Болгарскимъ правительствомъ изъ предѣловъ княжества, прибыть въ Лондонъ, гдѣ рекомендуетъ заняться торговлей впредь до пріисканія литературныхъ занятій, причемъ онъ высказываетъ надежду, что въ послѣднемъ дѣлѣ ему окажетъ поддержку находящійся въ Англіи послѣдователь лжеученія гр. Толстого — Павелъ Буланже, обладающій солидными связями съ русскимъ литературнымъ міромъ; къ тому же, и эмигрантъ Евгеній Степановъ приглашаетъ его, Кашинцева, сотрудничать въ революціонной газетѣ „Наканунѣ". Въ концѣ письма Тепловъ добавляетъ, что отбывающій наказаніе въ лондонской тюрьмѣ Владиміръ Бурцевъ, въ случаѣ примѣненія къ нему новаго закона о сокращеніи тюремнаго заключенія на одну треть, можетъ получить свободу 6-го мая (новаго стиля) сего года, въ противномъ же случаѣ ему придется сидѣть до 6-го августа текущаго года. „Онъ по прежнему бодръ, энергиченъ и, конечно, сейчасъ же по выходѣ своемъ примется за работу".

О названныхъ эмигрантахъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

1) Тепловъ, Алексѣй Львовъ, сынъ священника, родился въ 1852 г., воспитывался въ С. Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ, но курса не кончилъ. По обвиненію въ распространеніи преступной пропаганды преданъ былъ суду особаго присутствія правительствующаго Сената и 29 апрѣля 1878 г. присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 4 года, но, въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ, особое присутствіе ходатайствовало передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ опредѣленнаго Теплову по закону наказанія ссылкою его на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Въ 8 день декабря 1882 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе на освобожденіе Теплова отъ дальнѣйшаго пребыванія въ ссылкѣ, но съ подчиненіемъ его гласному надзору полиціи на 4 года, внѣ мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны. Въ апрѣлѣ 1883 г. Тепловъ, пользуясь Монаршею милостью, выбылъ изъ мѣста водворенія, гор. Верхоленска, Иркутской губерніи въ г. Пензу, а затѣмъ переселился въ г. Севастополь, откуда въ маѣ 1889 г. выѣхалъ въ Парижъ, гдѣ 17 мая 1890 г. арестованъ подъ именемъ Львова и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ слѣдствію по дѣлу объ изготовленіи разрывныхъ снарядовъ. Приговоромъ мѣстнаго суда исправительной полиціи 23 іюня (5 іюля), присужденъ къ тюремному заключенію на три года. Отбывъ наказаніе, Тепловъ въ 1893 г., въ виду послѣдовавшаго воспрещенія проживать въ предѣлахъ Франціи, поселился въ Лондонѣ, гдѣ вступилъ въ составъ членовъ „Фонда вольной русской прессы", принимая также

участіе въ издаваемой эмигрантами Житловскимъ и Раппопортомъ газетѣ „Русскій Рабочій".

2) Кашинцевъ, Иванъ Николаевъ, изъ дворянъ, родился въ 1860 г., обучался въ Харьковскомъ Университетѣ, по медицинскому факультету, но курса наукъ не окончилъ. За принадлежность къ образовавшемуся въ Имперіи тайному революціонному сообществу, распространеніе возмутительныхъ прокламацій, печатанныхъ въ имѣвшейся у него съ другими лицами тайной типографіи, поддѣлку фальшивыхъ свидѣтельствъ, проживательство по онымъ и снабженіе ими другихъ лицъ сообщества, былъ преданъ суду Кіевскаго военно-окружного суда и приговоромъ, вступившимъ въ законную силу 1-го іюня 1881 года, осужденъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ въ крѣпостяхъ. По Всемилостивѣйшему манифесту 15 мая 1883 г. срокъ каторжныхъ работъ сокращенъ до 6 л. 8 мѣсяцевъ, а по отбытіи наказанія поселенъ въ Якутской области, откуда 1 апрѣля 1888 г. бѣжалъ и поселился затѣмъ, подъ именемъ Ананьева, въ Парижѣ, гдѣ въ маѣ 1890 г. привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ слѣдствію по дѣлу объ изготовленіи разрывныхъ снарядовъ и по приговору мѣстнаго суда исправительной полиціи отъ 23 іюня (5 іюля) 1890 г. присужденъ, такъ же какъ и Тепловъ, къ тюремному заключенію на три года. Отбывъ наказаніе, Кашинцевъ, въ виду послѣдовавшаго воспрещенія проживать въ предѣлахъ Франціи, отправился въ Лондонъ, гдѣ принялъ активное участіе въ дѣятельности „фонда вольной русской прессы", а съ сентября 1894 г. поселился, подъ именемъ Калина, въ Софіи, получивши тамъ мѣсто переводчика на телеграфѣ; въ октябрѣ же 1895 г. назначенъ помощникомъ директора народной библіотеки въ Софіи. Кашинцевъ немедленно вступилъ въ тѣсныя сношенія съ проживающими въ Болгаріи русскими эмигрантами и принялъ участіе въ ихъ революціонныхъ происках.(Сводъ съ 19 мая по 14 іюня 1899 г.)

Въ „Leipziger Tageblatt" отъ 29 мая помѣщена нижеслѣдующая статья:

„*Международная конференція соціалистовъ*".

Брюссель 27 мая. Собравшаяся здѣсь международная конференція соціалистовъ для подготовленія конгресса соціалистовъ, имѣющаго быть въ Парижѣ въ 1900 г., приняла сегодня резолюцію, въ которой конференція о разоруженіи въ Гаагѣ называется «гипократической (лицемѣрной) комедіей». Только уничтоженіе господства отдѣльныхъ классовъ и въ особенности паденіе русскаго абсолютизма разрѣшатъ вопросъ о всеобщемъ мирѣ. Сегодня вечеромъ въ большомъ залѣ новаго „Maison du peuple" состоялось международное соціаль-демократическое собраніе нѣсколькихъ тысячъ соціалистовъ. Предсѣдательствовалъ Ванъ деръ-Вельде. Говорили рѣчи депутаты голландскаго парламента Троэльстра и Ванколь, французы Аллеманъ и Вальянъ, нѣмцы Зингеръ и Либкнехтъ, англичане Бреклъгерстъ и Гейдманъ, датчанинъ Кнудзенъ, италіанецъ Рондани, русскій Механовъ, и австріецъ Викторъ Адлеръ. Зингеръ между прочимъ сказалъ, что соціальдемократія единственная демократическая партія въ Германіи и что такъ называемые гражданскіе демократы также принадлежатъ къ реакціонной партіи. Онъ и Либкнехтъ поздравили французскихъ соціалистовъ съ только что послѣдовавшимъ объединеніемъ всѣхъ различныхъ группъ въ одинъ комитетъ. Либкнехтъ, между прочимъ, заявилъ,

что германскій соціализмъ съ успѣхомъ побѣдилъ главнаго руководителя европейской реакціи Бисмарка и поэтому не боится теперешняго руководителя этой партіи. Вальянъ былъ встрѣченъ криками „Vive la commune“, голандскій депутатъ говорилъ съ восторгомъ противъ анархистовъ. Механовъ сказалъ: „если-бы европейская буржуазія не была испорчена, она на манифестъ царя дожна была-бы отвѣтить криками: „Vive la Pologne, sire! vive la constitution finlandaise! Vive la constitution en Russie“. Въ концѣ засѣданія запѣли марсельезу рабочихъ. Сегодня на засѣданіи было несогласіе между англичанами, французами и русскими, съ одной стороны, и нѣмцами, голландцами, бельгійцами и австрійцами, съ другой стороны, по поводу приглашенія на парижскій конгрессъ ремесленныхъ обществъ, не стоящихъ на соціаль-демократической почвѣ. Первая группа была за приглашеніе, а вторая противъ приглашенія. Для достиженія согласія была назначена особая комиссія.

Свѣдѣній о какомъ либо Механовѣ въ дѣлахъ Департамента не имѣется и очень вѣроятно, что это не настоящая его фамилія. (Сводъ съ 19 мая по 14 іюня 1899 г.)

———

По полученнымъ за послѣднее время свѣдѣніямъ, въ издающейся въ г. Нью-Іоркѣ „Вечерней газетѣ“ появилось воззваніе отъ имени мѣстнаго революціоннаго ферейна ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ соціалистическому движенію, съ призывомъ оказывать помощь Швейцарскому еврейскому рабочему союзу по изданію нелегальныхъ брошюръ и водворенію ихъ въ Россію, такъ какъ, благодаря массѣ арестовъ, подпольная типографская дѣятельность въ Имперіи представляетъ весьма серьезную опасность и не можетъ правильно развиваться. По словамъ воззванія, союзомъ издано много новыхъ брошюръ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ Россію. (Сводъ съ 27 сент. по 10 ноября 1899 г.)

———

Въ теченіе октября мѣсяца стали разсылаться по почтѣ изъ Лондона въ редакціи нѣкоторыхъ С. Петербургскихъ газетъ вновь вышедшіе номера 9 и 10 издаваемаго въ Лондонѣ соціально-революціоннаго журнала „Наканунѣ“. Въ означенныхъ номерахъ обращаетъ на себя особое вниманіе, написанная редакторомъ журнала, извѣстнымъ эмигрантомъ Серебряковымъ, передовая статья, подъ заглавіемъ „Царская національная политика и реакція“, въ которой указывается, что въ настоящее время даже органы консервативной русской печати, какъ напримѣръ газета „Свѣтъ“, признаютъ, будто бы, за несомнѣнный фактъ полное обнищаніе и вырожденіе русскаго народа. Главной причиной столь прискорбнаго явленія Серебряковъ признаетъ дѣйствующую въ Россіи систему государственнаго управленія, такъ какъ, при самодержавномъ режимѣ, Верховная Власть заботится исключительно объ усиленіи собственнаго могущества и оставляетъ, будто-бы, совершенно въ сторонѣ народные интересы, поддерживая только дворянъ и крупныхъ промышленниковъ. Такъ называемая національная политика, которую ведетъ за послѣднее время русское Правительство, имѣетъ цѣлью отвлечь общественное вниманіе отъ внутреннихъ неурядицъ Имперіи и увеличить силы самодержавія присоединеніемъ новыхъ милліоновъ подданныхъ на восточныхъ окраинахъ, гдѣ

люди находятся на низшей степени развитія и потому готовы стать рабами деспотизма за самыя малыя уступки. Въ заключеніе своей статьи Серебряковъ призываетъ читателей къ упорной борьбѣ съ существующимъ режимомъ для ниспроверженія его и обѣщаетъ въ слѣдующихъ статьяхъ указать наиболѣе удобные способы этой борьбы.

Кромѣ того, въ тѣхъ-же номерахъ помѣщена перепечатка появившагося въ сентября мѣсяцѣ въ ангійской газетѣ „Times" письма сенатора Закревскаго по дѣлу Дрейфуса. Комментируя это письмо. Серебряковъ указываетъ, что не русскому сенатору, разбирающему по русской государственной системѣ крестьянскія дѣла, «читать лекціи о морали правосудія и справедливости во Франціи", такъ какъ во Франціи, хотя и бываютъ неурядицы во внутреннемъ порядкѣ управленія, но за то онѣ и подвергаются гласному обсужденію, въ Россіи же масса беззаконій остаются совершенно безнаказанными подъ прикрытіемъ канцелярской тайны.

Экземпляръ указанныхъ номеровъ журнала „Наканунѣ" при семъ представляется. (Сводъ съ 27 сент. по 10 ноября 1899 г.)

———

По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Америки, проживающіе тамъ русскіе евреи-соціалисты объединились въ одинъ центальный революціонный союзъ, приступившій нынѣ къ изданію на еврейскомъ языкѣ еженедѣльной газеты „Рабочій Другъ" и ежемѣсячнаго журнала „Свободное общество". Такое усиленіе соціаль-демократической партіи вызвало конкуренцію со стороны евреевъ-анархистовъ, которые образовали два отдѣла — одинъ по изданію газетъ и журналовъ, другой для практической революціонной работы. Изготовляемая литература предназначается къ водворенію въ предѣлы Имперіи, главнымъ образомъ, въ Минскъ, Бѣлостокъ и Вильну. (Сводъ съ 10 ноября по 28 декабря 1899 г.)

———

Въ первыхъ числахъ декабря 1899 г. въ г. Вѣнѣ состоялось собраніе русскихъ соціалистовъ подъ оффиціальнымъ предсѣдательствомъ врача Лейбы Соколовскаго и при участіи многихъ студентовъ галичанъ изъ членовъ той же партіи. Всѣмъ посѣтителямъ былъ розданъ послѣдній номеръ „Рабочей Мысли", а затѣмъ одинъ изъ главныхъ распорядителей, Мендель Рудинъ, произнесъ рѣчь о современномъ движеніи соціалистовъ въ Россіи, отмѣтивъ, что успѣшнѣе всего движеніе развивается въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, но что вездѣ замѣтенъ недостатокъ литературы. Вслѣдствіе сего среди присутствовавшихъ былъ произведенъ сборъ пожертвованій и собранныя деньги, въ числѣ 130 гульденовъ, отправлены въ Бернъ извѣстному эмигранту Теплову для высылки въ Имперію нелегальныхъ изданій. Въ рѣчи своей Рудинъ коснулся, между прочимъ, и издающейся въ Петербургѣ газеты „Сѣверный Курьеръ", объясняя, что она оказываетъ значительныя услуги дѣлу русской революціи, благодаря радикальнымъ статьямъ Струве, Тугана-Барановскаго и др. (Сводъ съ 10 ноября по 28 декабря 1889 г.)

———

Извѣстный эмигрантъ-революціонеръ Владимиръ Бурцевъ, окончивъ въ августѣ сего года срокъ принудительныхъ работъ, къ коимъ

онъ былъ присужденъ за призывъ, въ издаваемомъ имъ журналѣ „Народолецъ“, къ террору, предполагаетъ возобновить, на болѣе широкихъ началахъ, прерванное изданіе того же журнала, о чемъ и собирается на-дняхъ оповѣстить циркулярнымъ письмомъ своихъ единомышленниковъ; предварительно разсылки такового, онъ отправилъ проэктъ письма въ Софію на заключеніе къ своему бывшему сотруднику эмигранту Кашинцеву. Въ проэктѣ воззванія Бурцевъ заявляетъ, что редакція „Народовольца“ и впредь будетъ придерживаться прежняго своего направленія, достаточно охарактеризованнаго въ первыхъ трехъ номерахъ журнала, въ коихъ нѣтъ ни одной фразы, отъ которыхъ издателямъ нужно было бы теперь отказываться. Къ сему авторъ письма добавляетъ, что послѣдующіе номера „Народовольца“ будутъ посвящены разбору тѣхъ народовольческихъ вопросовъ, которые еще не были затронуты или недостаточно разработаны; вмѣстѣ съ симъ Бурцевъ выражаетъ надежду, что журналъ его пріобрѣтетъ широкое распространеніе въ самой Россіи, а равно, что благодаря органу этому, установится болѣе близкая связь между заграничными революціонными дѣятелями съ дѣйствующими въ предѣлахъ Имперіи.

Кромѣ того, Бурцевъ препроводилъ Кашинцеву записку о предполагаемомъ выпускѣ „Приложенія“ къ изданному въ концѣ 1897 г. въ Лондонѣ сборнику „За сто лѣтъ“, а также новаго историческаго журнала „Былое“. Составители означеннаго сборника, представляющаго лишь отрывочный матеріалъ по исторіи революціонныхъ и общественныхъ движеній въ Россіи за XIX столѣтіе, хотя и собрали къ настоящему времени достаточно новыхъ источниковъ, чтобы приступить къ изданію „Приложенія“, но тѣмъ не менѣе намѣрены предварительно обратиться къ сочувствующимъ этому предпріятію лицамъ, преимущественно проживающимъ въ Россіи, съ просьбой о доставленіи важныхъ для ихъ работы документовъ. Приводя свои соображенія, авторъ объясняетъ мотивомъ изданія журнала „Былое“ то, что изученіе исторіи политическихъ движеній, раскрывая причины успѣховъ и неудачъ, какъ со стороны правительства, такъ равно и революціонеровъ, научаетъ лучшимъ пріемамъ современной борьбы съ господствующей нынѣ въ Россіи реакціей. (Сводъ съ 10 ноября по 28 декабря 1899 г.)

Изъ воспоминаній М. Е. Бакая.

Еще о провокаціи и провокаторахъ.

Въ своихъ статьяхъ въ «Быломъ», а также въ «Matin» и «Le Progrès» я уже охарактеризовалъ въ общихъ чертахъ провокаціонные пріемы русскаго правительства въ борьбѣ съ революціей.

Чѣмъ детальнѣе революціонеры ознакомятся съ провокаторскимъ вопросомъ, тѣмъ легче они сумѣютъ распознавать въ своей средѣ гнуснѣйшихъ сподвижниковъ русскаго царизма — своихъ злѣйшихъ враговъ провокаторовъ. Я уже не разъ подчеркивалъ, что никакой наружный розыскъ не приноситъ столько вреда революціоннымъ организаціямъ, сколько внутреннее предательство, освѣщеніе этихъ организацій провокаторами или, по оффиціальной терминологіи, «секретными" сотрудниками.»

Всѣ провокаторы или «секретная агентура» дѣлится на три категоріи — на департаментскую агентуру, заграничную и мѣстную. Департаментскую агентуру составляютъ такіе провокаторы, которые могутъ давать общее освѣщеніе почти всей дѣятельности опредѣленной революціонной организаціи на болѣе или менѣе обширной территоріи. Благодаря этому, особый отдѣлъ департамента полиціи, зная характеръ намѣченной тактики и общей линіи поведенія той или иной революціонной организаціи, заранѣе освѣдомляетъ объ этомъ циркулярно всѣ учрежденія политическаго сыска.

Если свѣдѣнія провокатора касаются только опредѣленныхъ городовъ, въ такомъ случаѣ только мѣстныя власти предупреждаются о готовящихся выступленіяхъ революціонеровъ. Къ той же категоріи департаментской агентуры принадежатъ и тѣ провокаторы, которые по своему положенію могутъ сообщать свѣдѣнія о характерѣ либерально-оппозиціоннаго движенія и о его идейныхъ вдохновителяхъ. Всѣ эти провокаторы находятся въ распоряженіи чиновниковъ особаго отдѣла, которые собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія и уже по своему усмотрѣнію ихъ утилизируютъ.

Департаментскую агентуру составляютъ провокаторы, занимающіе довольно видное положеніе въ революціонной средѣ и потому они играютъ громадную роль въ направленіи розыска, — съ ихъ свѣдѣніями считаются всѣ полицейскіе круги до М. В. Д. включительно. Какъ на примѣръ, можно указать, что въ свое время Гуровичъ, Азефъ принадлежали къ такимъ департаментскимъ секретнымъ сотрудникамъ.

Къ заграничной агентурѣ принадлежатъ тѣ провокаторы, которые освѣщаютъ заграничныя русскія революціонныя колоніи. Они находятся въ завѣдываніи чиновниковъ Департамента Полиціи, ведущихъ розыскъ за границей. Такіе провокаторы могутъ быть названы и департаментскими, такъ какъ, отправляясь въ Россію, они поступаютъ въ распоряженіе Департамента. Этотъ провокаторскій элементъ чрезвычайно вреденъ, ибо, получивъ явки изъ за границы въ какой либо городъ, они выясняютъ тамъ наличный составъ революціонныхъ силъ и технику, потомъ заявляютъ товарищамъ, что замѣтили за собой наблюденіе или вообще «что то неладное», и переѣзжаютъ въ другой городъ, гдѣ продѣлываютъ то же самое. Обыски и аресты обыкновенно производятъ только спустя нѣкоторое время послѣ отъѣзда провокатора, арестовываютъ не все и, такимъ образомъ, предоставляютъ революціонерамъ искать виновниковъ провала по какимъ-нибудь ложнымъ и не имѣющимъ значенія слѣдамъ.

Къ числу мѣстной агентуры принадлежатъ провокаторы, которые освѣщаютъ дѣятельность мѣстныхъ организацій и находятся на службѣ у на-

чальниковъ охранныхъ отдѣленій, жандармскихъ управленій и розыскныхъ пунктовъ. Въ составъ этой агентуры входятъ представители всѣхъ общественныхъ слоевъ, начиная отъ хулигановъ, проститутокъ и кончая такими лицами, которыя, по мнѣнію революціонеровъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть провокаторами.

Помимо этого общаго подраздѣленія провокаторовъ, можно установить и дальнѣйшую, болѣе детальную группировку секретныхъ агентовъ въ зависимости отъ того, въ какой средѣ они исполняютъ свою предательскую роль.

Такъ, въ розыскныхъ учрежденіяхъ секретная агентура разбивается еще на три разряда — на «рабочую агентуру» «интеллигентскую» и «главную»; при чемъ первые два разряда дѣлятся въ свою очередь по партіямъ. Благодаря такой дифференціаціи секретной агентуры, оказывается возможной спеціализація жандармовъ по дѣламъ той или иной партіи. Одинъ офицеръ завѣдываетъ с.-р., другой — с.-д., третій — максималистами, четвертый — анархистами, и т. д.

Получая свѣдѣнія отъ многихъ провокаторовъ, каждый изъ этихъ охранниковъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ довольно обширный и разносторонній матеріалъ о дѣятельности партіи, легко можетъ его систематизировать и извлечь для себя максимумъ пользы, чего было бы труднѣе достичь, если бы провокатура не дѣлилась по спеціальностямъ. Для того, чтобы охранникъ легче могъ усваивать поступающій къ нему добытый черезъ провокаторовъ матеріалъ, онъ долженъ читать соотвѣтствующую партійную литературу и внушать то же провокаторамъ, но, по лѣности, охранники рѣдко этимъ занимаются.

«Главной» агентурой всегда почти завѣдываютъ начальники, ибо она въ общемъ освѣщаетъ все то, о чемъ даютъ лишь нѣкоторое представленіе — «рабочая» и «интеллигентская» агентуры.

Всѣ провокаторы имѣютъ клички. Считается за правило никогда не производить кличекъ провокаторовъ отъ ихъ именъ, или именъ отцовъ, отъ названія професій или мѣстожительства, а также по внѣшнимъ признакамъ, — псевдонимъ всегда долженъ быть произвольный.

Клички провокаторовъ играютъ огромную роль въ сохраненіи ихъ отъ проваловъ, такъ какъ приходитъ ли провокаторъ въ учрежденіе, на конспиративную ли квартиру — вездѣ его знаютъ подъ кличкой. Въ сношеніяхъ мѣстныхъ учрежденій сыска съ департаментомъ полиціи провокаторъ тоже упоминается подъ кличкой, такъ какъ тамъ имѣется алфавитный списокъ провокаторовъ и потому настоящую фамилію любого изъ нихъ всегда можно найти. Если кличка слишкомъ популяризировалась, хотя бы среди служащихъ, то ее сейчасъ же перемѣняютъ. Кромѣ того, каждый новый начальникъ, принявъ провокаторовъ отъ предыдущаго, считаетъ своей обязанностью у всѣхъ ихъ перемѣнить клички.

Какъ я уже сказалъ, на оффиціальномъ правительственномъ жаргонѣ провокаторы называются «секретными сотрудниками», а ихъ доносы — агентурными свѣдѣніями. Эти свѣдѣнія принимаются на вѣру, какъ не подлежащія сомнѣнію, и отвѣтственность за ихъ точность обыкновенно беретъ на себя непосредственный начальникъ провокатора. Въ настоящее время агентурнымъ свѣдѣніямъ въ Россіи придаютъ настолько серьезное значеніе даже въ судахъ, что они часто играютъ рѣшающую роль въ исходѣ многихъ политическихъ процессовъ, особенно по террористическимъ дѣламъ.

Раньше, до начала реакціи, агентурныя свѣдѣнія служили лишь мотивировкой для произведеннаго розыска и ареста по извѣстному дѣлу, при чемъ такого рода заявленіе въ обвинительномъ актѣ, не имѣя никакого юридическаго значенія, оставалось незамѣченнымъ, на немъ никто не останавливалъ своего вниманія, и на судѣ агентурныя свѣдѣнія, безъ конкретныхъ уликъ, не имѣли даже значенія свидѣтельскаго показанія. Но когда началась реакція, когда правительство стало душить все живое въ Россіи, боязнь беззаконности провокаціи исчезла и агентурныя свѣдѣнія стали фигурировать на судѣ въ качествѣ неопровержимыхъ аргументовъ. Въ началѣ 1906 г. въ секретномъ циркулярѣ военнымъ судамъ было предписано придать рѣшающее значеніе агентурнымъ свѣдѣніямъ, а для подтвержденія ихъ подлин-

ности ограничиваться лишь допросомъ того начальника, который является отвѣтственнымъ за нихъ: при попыткѣ же со стороны обвиняемыхъ, или ихъ защитниковъ узнать источникъ агентурныхъ свѣдѣній, таковое, желаніе не удовлетворять.

Этотъ циркуляръ, составленный въ духѣ воцарившейся тогда скорострѣльной юстиціи, имѣлъ ужасно тяжелое послѣдствіе для революціонеровъ, какъ это видно изъ двухъ нижеприводимыхъ примѣровъ.

1. За участіе въ убійствѣ петербургскаго градоначальника Лауница были казнены Гронскій (Сулятицкій) и Штифтарь (Зильбербергъ). Доказать причастность этихъ лицъ къ указанному акту на основаніи однихъ показаній филеровъ и лакея гостинницы не было возможности, слѣдовательно, и судъ, вынося свой приговоръ, руководствовался главнымъ образомъ утвержденіемъ начальника охраннаго отдѣленія, что эти лица — террористы, во-первыхъ, и принимали участіе въ совершенномъ актѣ, во-вторыхъ, а объ этомъ охранное отдѣленіе знало отъ провокатора (конечно, Азефа).

2. Для созданія громадiаго процесса по дѣлу о загововорѣ на Николая тоже не было достаточныхъ формальныхъ данныхъ, зато агентурныя свѣдѣнія были такъ основательны, что судъ счелъ для себя неунизительнымъ, въ полномъ составѣ съѣздить въ охранное отдѣленіе, чтобы допросить Герасимова и получить отъ него подтвержденіе обвинительнаго акта, гласившаго о существованіи заговора отъ имени партіи соціалистовъ-революціонеровъ, а не по иниціативѣ нѣсколькихъ лицъ.

Заявленіе Герасимова на судѣ, что его агентъ присутствовалъ на конференціи партіи с.-р. въ Теріокахъ, гдѣ, якобы, обсуждался вопросъ о цареубійствѣ, сыграло рѣшающую роль. Подобное заявленіе противорѣчило заявленіямъ Никитенко, Синявскаго и другихъ, но правительству нужно было приписать это намѣреніе партіи, и, благодаря провокаціи, оно этого достигло. Захотѣлось повѣсить подъ сурдинку — повѣсили. Необходимо было создать процессъ — монстръ и потомъ повѣсить, — создали процессъ и повѣсили, и все на основаніи провокаторскихъ показаній, въ данныхъ случаяхъ — все того же Азефа.

Но было бы ошибочно думать, что провокаторовъ, кромѣ ихъ ближайшаго начальства, никто не знаетъ.

Прежде всего, о пріобрѣтеніи новаго провокатора и съ указаніемъ его имени, отчества и фамиліи и приложеніемъ краткаго curriculum vitae, немедленно сообщается въ Департаментъ Полиціи, тамъ его регистрируютъ и, такъ сказать, запечатлѣваютъ на вѣчныя времена.

Затѣмъ, провокаторы извѣстны всѣмъ чинамъ охраннаго отдѣленія или жандармскаго управленія и большинству филеровъ.

Кромѣ охранниковъ, о провокаторахъ знаютъ градоначальники, оберъполицеймейстеры и даже нѣкоторые чины прокурорскаго надзора. При каждомъ розыскномъ учрежденіи имѣется алфавитный списокъ провокаторовъ и на каждаго — «дѣло» агентурныхъ свѣдѣній.

Понятно, что охранники и жандармы всегда стараются внушить провокаторамъ, что ихъ имена — абсолютный секретъ, даже отъ высшаго начальства, но все это говорится только ради успокоенія. Въ самомъ дѣлѣ, если по даннымъ провокатуры фабрикуется такая масса политическихъ процессовъ, гибнетъ столько революціонеровъ, то нельзя же серьезно допустить, чтобы Столыпины, Трусевичи и служащіе департамента полиціи довольствовались только голословными агентурными заявленіями и не интересовались бы, кто доставляетъ эти свѣдѣнія. И если все-таки провокаторы иногда долго не проваливаются, то, главнымъ образомъ, лишь потому, что до сихъ поръ революціонеры не занимались серьезно раскрытіемъ въ своихъ рядахъ провокаціи.

Всякій, попавшій къ жандармамъ въ качествѣ провокатора, не можетъ надѣяться когда-нибудь выйти оттуда. Онъ долженъ или провалиться, и тогда жандармы съ радостью разстаются съ нимъ, или же тянуть лямку провокатора до безконечности. При всякой попыткѣ провокатора порвать связь съ розыскомъ онъ наталкивается на неопредолимыя препятствія со стороны своего начальства: ему прямо заявляютъ, что онъ долженъ продол-

жать службу, въ противномъ случаѣ ему грозятъ проваломъ. Если прежній начальникъ уходитъ, провокаторовъ всегда передаютъ новому. Если провокаторъ почему-либо переѣзжаетъ въ другой городъ, туда сообщаютъ о немъ и предлагаютъ пригласить для сотрудничества.

Благодаря такой тактикѣ, — провокаторы попадаетъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго есть два выхода: или продолжать предательство, или рисковать, что эта предательская роль станетъ извѣстной революціонерамъ.

* * *

Часто приходится слышать, будто провокаторы получаютъ большіе оклады. Такое представленіе, конечно, невѣрно.

До половины 1906 г. на политическій розыскъ, включая сюда расходы на секретную агентуру, филеровъ, служащихъ по вольному найму, на добавочное содержаніе штатнымъ чиновникамъ, канцелярскіе расходы и пр. отпускалась весьма незначительная сумма денегъ.

Вотъ точныя цифры ассигновокъ на розыскъ въ указанное время. Петербургское охранное отдѣленіе получало 150 т. руб. въ годъ, московское — 95 тыс. рублей, одесское — 25 тыс., кіевское — 35 тысячъ. Для розыска во всемъ Царствѣ Польскомъ отпускалось всего 120 тыс. рублей въ годъ. Эта сумма была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: варшавскому охранному отдѣленію было выдано 45 тыс. рублей, для города Лодзи — 6 тыс. р., для Радомской губ. — 3 тыс. рублей и для Ново-Александріи, гдѣ имѣется сельско-хозяйственный институтъ, всего 1720 р. Вся остальная часть денегъ была предназначена для остальныхъ губерній и городовъ, но, какъ извѣстно, она поступала въ личное распоряженіе помощника варшавскаго генералъ-губернатора по полицейской части.

Важно отмѣтить, кромѣ того, что въ израсходованіи агентурныхъ суммъ не требуютъ оправдательныхъ документовъ и потому немалое количество этихъ денегъ поступаетъ въ собственность жандармовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ вычетовъ для секретной агентуры и то только при охранныхъ отдѣленіяхъ оставались весьма незначительныя суммы.

Слѣдовательно, говорить о десятитысячныхъ провокаторскихъ окладахъ при охранныхъ и жандармскихъ управленіяхъ не приходится. Несомнѣнно, что департаментскіе провокаторы получаютъ больше прочихъ, но такіе крупные предатели, какъ Азефъ, Татаровъ, Гуровичъ, считаются единицами и потому ими дорожатъ, считая, что затраты на подобныхъ провокаторовъ окупаются съ лихвой. Наконецъ, въ департаментѣ полиціи и кредитъ для провокатуры не ограничивается десятками тысячъ рублей.

Расплата съ провокаторами обыкновенно происходитъ помѣсячно. Среднюю величину провокаторскаго жалованья вывести положительно невозможно. Провокаторы по партіямъ, признающимъ терроръ, получаютъ больше, с.-д. и культурники меньше. Для примѣра приведу нѣсколько точныхъ цифръ:

Абрамовичъ, членъ П. П. С., бывалъ на съѣздахъ и конференціяхъ этой партіи, членъ виленскаго комитета; состоялъ провокаторомъ при виленск. охр. отд. и получалъ 50 рублей въ мѣсяцъ.

Янкельсонъ выдалъ въ 1903 году весь комитетъ с.-д. въ Ревелѣ, получалъ 50 рублей, послѣ сдѣлался членомъ мѣстной боевой организаціи с.-р. и получалъ 100 рублей.

Мирзоевъ, Герасимъ, студентъ, сотрудничалъ по военно-революціонной организаціи, выдалъ весь составъ ея, много людей пошло на каторгу, — получалъ 50 рублей.

Кафталь Ицекъ, членъ Бунда, лучшій сотрудникъ по этой организаціи въ Варшавѣ; благодаря ему «Бундъ» въ Варшавѣ терпѣлъ постоянныя пораженія. Началъ съ 25 рублей и окончилъ 50 руб. въ мѣс.

Порембскій, соціаль-демократъ Кор. Польск. и Литвы, бывшій ссыльный въ Якутской области, единственный провокаторъ по Варшавѣ въ названной партіи: благодаря ему, дѣятельность мѣстнаго комитета сводилась къ нулю; выдалъ Каспржака, — получалъ 50 руб.

Эйнфельдъ, Шія, выдавалъ членовъ еврейской фракціи П. П. С., получалъ 15—25 руб. въ мѣс.

Валигурчакъ, ученикъ изъ фабрики, выдавалъ рабочихъ, получалъ 9 р. въ мѣсяцъ.

Айзенлистъ и Шварцъ, члены боевой организаціи П. П. С., предупредили много террористическихъ актовъ, въ томъ числѣ покушеніе на ген.-губернатора, много лицъ благодаря имъ пошло на каторгу. Сначала получали по 25 руб., потомъ по 35 и, наконецъ, по 50 руб. въ мѣсяцъ.

Зайдъ, Борисъ, участвовалъ какъ провокаторъ въ Свеаборгскомъ возстаніи, послѣ переѣхалъ въ Варшаву и работалъ среди с.-д., получалъ 50 руб. въ мѣсяцъ.

Послушный, Абрамъ, выдавалъ анархистовъ, получалъ 30 р. въ мѣсяцъ.

*Фроманъ, Шнайдерманъ, Водоціонгъ, Гринштайнъ обслуживали**) бундистовъ и отчасти еврейскую фракцію П. П. С., получали отъ 8 до 20 руб. въ мѣсяцъ.

Бржозовскій, Станиславъ, литераторъ, идейный вождь цѣлаго молодого поколѣнія, освѣщалъ верхи революціонныхъ организацій, получалъ 150 руб. въ мѣсяцъ.

Плебинскій, студентъ, главный провокаторъ по П. П. С., давалъ самыя цѣнныя свѣдѣнія, предѣльнымъ жалованьемъ было — 125 руб. и только нѣкоторое время 200 руб.

Не стану перечислять всѣхъ провокаторовъ, а только скажу, что изъ общаго числа (до 100 чел.) извѣстныхъ мнѣ провокаторовъ большая часть получали отъ 15 до 30 руб.

Такимъ образомъ, на этихъ оффиціальныхъ цифровыхъ данныхъ, мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ провокаторское жалованье, дѣйствительно, не переходитъ за предѣлы историческихъ 30 сребренниковъ.

Во второй половинѣ 1906 г. агентурный бюджетъ увеличили, но въ то же самое время розыскъ усилился и число провокаторовъ увеличилось; поэтому прибавки могли сдѣлать только болѣе цѣннымъ и то, конечно, на нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ.

Но помимо обычнаго жалованья, провокаторы иногда получаютъ награды за какія-нибудь видныя дѣла; чаще всего такія награды выдаются по представленіямъ въ департаментъ полиціи; но когда «выдающееся дѣло» было состряпано провокаторомъ въ интересахъ начальника, въ такомъ случаѣ послѣдній выдаетъ награду изъ своихъ агнетурныхъ суммъ, а себѣ хлопочетъ о наградѣ черезъ департаментъ полиціи.

Подобныя поощренія, особенно для старыхъ и видныхъ провокаторовъ, съ точки зрѣнія охранниковъ, необходимы. Почему, — это само собой понятно.

Кромѣ провокаторовъ съ постояннымъ жалованьемъ, есть провокаторы, работающіе «сдѣльно». Въ большинствѣ случаевъ эти провокаторы не изъ революціонной среды, а вертятся только «возлѣ» нея. Постояннаго матеріала у нихъ нѣтъ, и они являются къ жандармамъ лишь со случайными данными, обмѣнивая ихъ на деньги; свѣдѣнія такихъ провокаторовъ оцѣниваются въ 1—3—5 р., но не больше 10 руб.

Въ большинствѣ случаевъ, это — провокаторы-комбинаторы, являющіеся бичемъ для обывателей, но не для революціонеровъ.

Имѣются еще типы провокаторовъ, такъ наз., экспертовъ. Они не состоятъ на постояной службѣ, но когда охранное отдѣленіе или жандармское управленіе желаетъ навести какую-нибудь справку о вполнѣ легальномъ лицѣ или о какомъ-нибудь выступленіи либерально-оппозиціоннаго характера, эти учрежденія обращаются къ «эксперту». Послѣдній, обыкновенно, по своему общественному положенію легко можетъ исполнить порученіе и за трудъ получаетъ 50—75—100 р.

Въ полученіи денегъ провокаторы обязаны расписываться, но могутъ давать подпись той клички, подъ которой ихъ знаетъ начальство. Это право

---

*) Охранники употребляютъ въ аналогичныхъ случаяхъ еще терминъ «обсасывать». Ред.

служитъ въ глазахъ провокаторовъ подтвержденіемъ завѣреній жандармовъ, что настоящихъ ихъ именъ никто не знаетъ и т. д. Но долженъ сказать, что это право дается провокаторамъ только для отвода глазъ. Въ канцеляріяхъ имѣются подробные списки наличнаго состава провокаторовъ, гдѣ и выставляются цифры жалованья. Когда архивы розыскныхъ учрежденій станутъ общимъ достояніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ появятся на свѣтъ и эти списки, изъ которыхъ провокаторы увидятъ, какъ жестоко ихъ обкрадывало начальство. Тамъ они увидятъ, что ихъ обсчитывали ежемѣсячно на цѣлые десятки рублей.

Мнѣ остается сказать еще лишь нѣсколько словъ относительно особой прибавочной платы провокаторамъ, въ видѣ кутежей, которые всегда слѣдуютъ за удачными ликвидаціями. Въ Москвѣ и Петербургѣ этого рода поощреніе вошло въ обычай, и какъ только выясняются результаты ликвидаціи, руководящій розыскомъ по данному дѣлу, еще кто-нибудь изъ начальства и виновникъ торжества — провокаторъ, — отправляются въ извѣстный ресторанъ, занимаютъ отдѣльный кабинетъ, приглашаютъ женщинъ и... торжествуютъ!...

Въ Петербургѣ такіе кутежи происходили обыкновенно на квартирѣ Мѣдникова (Преображенская, 40), а въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ» всегда имѣлся для этой цѣли отдѣльный кабинетъ, подъ названіемъ «кабинетъ доктора Михайлова». Замѣчу, что въ такихъ случаяхъ жандармы всегда бываютъ въ штатскомъ платьѣ, и служащіе ресторановъ смотрятъ на нихъ, какъ на обычныхъ, но хорошихъ кутилъ.

Часто бывало, что въ то время, какъ жертвы ликвидаціи на утренней зарѣ прощались съ жизнью, виновники ихъ гибели — провокаторы въ это самое время предавались дикой оргіи. Такого рода прибавочный гонораръ, повидимому, получалъ особенно часто Азефъ, — молва о кутежахъ *Раскина* далеко выходила за предѣлы полицейскаго Петербурга.

От ред. Другія статьи М. Е. Бакая на ту же тему были нами помѣщены въ 7, 8 и 9—10 №№ «Былого».

Къ дѣлу З. Коноплянниковой.

Прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты при секретномъ отношеніи отъ 13-го августа 1906 г. за № 9613 предложилъ судебному слѣдователю С.-Петербургскаго Окружнаго Суда по важнѣйшимъ дѣламъ Зайцеву, на основаніи 288 ст. уст. угол. суд., немедленно приступить къ производству предварительнаго слѣдствія объ убійствѣ командира л.-гв. Семеновскаго полка Свиты Его Императорскаго Величества генерала маіора Георгія Александровича Мина.

Слѣдователь тотчасъ-же приступилъ къ слѣдствію, и первый протоколъ о принятіи дѣла былъ составленъ въ «ночь на августа 14 дня». Первый допросъ обвиняемой былъ составленъ въ 2 ½ часа утра 14 августа; изъ него видно, что «обвиняемая заявила, что, въ виду крайней усталости и необходимости отдыха, она не желаетъ давать никакихъ объясненій и называть своего имени, присовокупляя, что она желаетъ дать свои показанія по дѣлу на слѣдующій день, т. е. во вторникъ 15 августа.»

15 августа обвиняемая дала слѣдующее показаніе:

«Имени своего и званія открыть я не желаю. Я принадлежу къ летучему отряду сѣверной области партіи соц.-революціонеровъ; въ убійствѣ ген. Мина я признаюсь и объясняю, что при исполненіи сего дѣла никакихъ сообщниковъ у меня не было. Найденный у меня паспортъ на имя крестьянки Ларіоновой — подложный, текстъ этого паспорта исполненъ мною собственноручно, но измѣненнымъ моимъ почеркомъ, паспортный бланкъ мною былъ пріобрѣтенъ; относительно печати на паспортѣ и прописки его я ничего не скажу. О причинѣ убійства генерала Мина я ничего не скажу и полагаю, что очередь быть убитымъ дойдетъ до всѣхъ, стоящихъ за самодержавіе. Отъ всѣхъ дальнѣйшихъ показаній на вопросы ваши отказываюсь и отвѣчать не желаю. На вопросъ о томъ, было-ли совершенное мною убійство генерала Мина результатомъ моей личной къ нему мести, или я дѣйствовала по распоряженію названной выше революціонной организаціи, отвѣчать отказываюсь.

Протоколъ мнѣ прочитанъ и съ моихъ словъ подписанъ вѣрно. Отъ подписи сего протокола я отказываюсь.»

Въ качествѣ свидѣтелей, непосредственныхъ очевидцевъ убійства генерала Мина и подачи ему первой помощи, были допрошены: артистъ придворнаго оркестра А. А. Петровъ, жандармскій унтеръ-офицеръ Т. П. Свиридовъ, корнеты: Н. Н. Мешетичъ, Н. Д. Скалонъ, Г. Н. Крупенскій, фармацевтъ Г. Ф. Гюммель, врачъ В. А. Лебедевъ, дворникъ Д. С. Рябовъ и сторожъ К. Е. Дубковъ.

Далѣе были опрошены лица, разъяснившія мѣсто проживанія З. В. Коноплянниковой до убійства и образъ ея жизни.

Матвѣй Андреевъ Мозолайненъ показалъ: «У меня имѣется небольшой домикъ, стоящій близъ Ново-Петергофскаго вокзала, противъ зданія казармы Каспійскаго полка, расположенной противъ вокзала. Въ домикѣ у насъ была одна свободная комнатка, за стѣною которой живемъ мы сами. 31 іюля къ намъ явилась молодая дама и наняла у насъ комнату за 7 руб. въ мѣсяцъ, которыя и уплатила сразу впередъ. Она предъявила мнѣ паспортъ на имя Софьи Ивановны Ларіоновой, называлась крестьянкой Пензенской губ., ска-

зала, что она учительница, что ей выходитъ мѣсто въ Петергофскомъ начальномъ училищѣ, и она хлопочетъ о скорѣйшемъ опредѣленіи; привезла она съ собою только саквояжъ съ бѣльемъ, и больше вещей у нея не было. Столовалась она у моего сына Петра, который отъ меня отдѣлился и живетъ въ собственномъ домѣ, въ д. Луизино, на Луизинской улицѣ, наискось дачи Асмуса, гдѣ жилъ генералъ Минъ. Какимъ образомъ Софья Ивановна попала къ моему сыну и кто рекомендовалъ ей столоваться у него, — я не знаю, но мы ее къ сыну не посылали. Жила Софья Ив. очень уединенно, никуда не уѣзжала, до самаго дня ареста, всѣ ночи ночевала дома, никуда на долго не уходила, кромѣ двухъ разъ, объяснивъ намъ, что она ходила къ инспектору народныхъ училищъ; разъ или два почталіонъ принесъ ей письма; никакихъ посѣщеній ея знакомыми лицами я не замѣчалъ, я не видѣлъ, чтобы кто-либо къ ней приходилъ. Кромѣ бывшаго на ней чернаго верхняго платья никакого другого платья я не видалъ; у нея была маленькая подушечка, а одѣяло и матрацъ, по ея просьбѣ, мы ей дали свои. Дома она постоянно читала газеты, которыя покупала на вокзалѣ, и книги; откуда брала послѣднія, — я не знаю. Паспортъ ея я далъ уряднику, для прописки, на второй или третій день, какъ она у насъ поселилась, и урядникъ, на мой вопросъ, сказалъ, что ничего подозрительнаго въ этомъ паспортѣ нѣтъ. Насколько я припоминаю, прическу С. И. носила все время одинаковую, и цвѣтъ волосъ ея, кажется, не измѣнялся».

Екатерина Михайловна Мозолайненъ показала: «Мы имѣемъ свой домикъ на Луизинской ул., наискось дачи Асмуса, гдѣ жилъ генералъ Минъ, и одну комнату мы отдавали внаймы; къ концу іюня сего лѣта комнатка у насъ освободилась, а 1 іюля къ намъ пришелъ какой-то пожилой господинъ съ просьбой сдать ему эту комнату; я было сначала не хотѣла сдавать комнаты, предполагая оставить ее для своихъ дѣтей, но когда этотъ господинъ сказалъ, что проживетъ только мѣсяцъ, то я согласилась, и онъ въ этотъ же день переѣхалъ на извозчикѣ, привезя одинъ холщевый сакъ-мѣшокъ, одинъ сакъ-вояжъ съ твердымъ дномъ-ящикомъ, этажерочку и стулъ. За комнату онъ уплатилъ мнѣ впередъ 7 рублей за мѣсяцъ и просилъ меня, чтобы я давала ему обѣды, за что уплатилъ мнѣ тоже 10 руб. Онъ назвался Страховымъ, позолотчикомъ изъ Петербурга и передалъ мнѣ для прописки свою паспортную книжку, въ которой онъ значился Петровскимъ, Саратовской губ., мѣщаниномъ. Книжку эту я въ тотъ же день дала для прописки нашему уряднику и затѣмъ возвратила ее Страхову. Страховъ былъ старикъ, съ сильной просѣдью, лѣтъ 55, худощавый, средняго роста, одѣвался просто, но прилично; онъ говорилъ, что по ремеслу онъ позолотчикъ, живетъ и работаетъ въ Петербургѣ отъ хозяина, который далъ ему мѣсячный отпускъ для поправки, такъ какъ онъ чувствуетъ себя нездоровымъ и хочетъ провести этотъ мѣсяцъ въ Петергофѣ, на чистомъ воздухѣ, полѣчиться. Жизнь онъ велъ правильную и довольно уединенную, никто къ нему не ходилъ и онъ ни къ кому не ходилъ, старался быть больше на воздухѣ, около дома, развѣ когда уходилъ въ ближайшій лѣсокъ. Два раза въ недѣлю онъ ѣздилъ въ Петербргъ, говоря, что бываетъ тамъ у доктора и въ банѣ, и по его возвращеніи оттуда видно было, что дѣйствительно, онъ бывалъ банѣ. Обыкновенно утромъ онъ читалъ газеты, которыя покупалъ на вокзалѣ, «Двадцатый Вѣкъ», потомъ «Око», затѣмъ читалъ книги. Откуда онъ ихъ доставалъ, — не знаю. Когда онъ ѣздилъ въ Петербургъ, по его словамъ — къ доктору, то одѣвался лучше, бралъ котелокъ, а дома ходилъ проще, въ соломенной шляпѣ. По истеченіи іюля, Страховъ сказалъ, что онъ хочетъ пожить еще нѣсколько дней. Въ воскресеніе 6 августа, около полудня, ко мнѣ пришла какая-то молодая дама, брюнетка, въ одномъ платьѣ, т. е.

безъ шляпы и пальто, и обратилась съ просьбою, такъ какъ она слышала, что у меня жильцы со столомъ, то не соглашусь-ли я давать и ей обѣдъ, прибавивъ, что она живетъ въ нашей деревнѣ, въ домѣ № 25, т. е. въ домѣ отца моего мужа. Я сначала отказала ей въ этой просьбѣ, такъ какъ имѣть двоихъ обѣдающихъ мнѣ было обременительно, но бывшій при этомъ Страховъ вмѣшался въ нашъ разговоръ и сказалъ, что я могу принять ее къ себѣ на столъ, такъ какъ онъ скоро уѣзжаетъ и, такимъ образомъ, послѣдуетъ только замѣна, и я согласилась.

Дама эта назвалась Софьей Ивановной Ларіоновой, въ послѣдующіе дни говорила мнѣ, что она учительница изъ Пензенской губ., что ей обѣщано мѣсто въ Петергофскомъ начальномъ училищѣ, она теперь живетъ здѣсь и хлопочетъ о скорѣйшемъ опредѣленіи, что она очень любитъ дѣтей и говорила, что съ ними нужно только умѣть обращаться, и тогда они дѣлаются ласковыми и послушными, и дѣйствительно, за ту одну недѣлю, что она у меня столовалась, она съумѣла очень расположить къ себѣ моихъ дѣтей и подолгу съ ними возилась. Я не могу утверждать, была ли она раньше знакома со Страховымъ или познакомилась съ нимъ только у меня. Страховъ тогда вмѣшался на дворѣ въ нашъ разговоръ, когда С. И. пришла первый разъ, и затѣмъ они разговаривали другъ съ другомъ и были, конечно, знакомы уже потому, что я соглашалась принять С. И. къ себѣ на столъ съ условіемъ, чтобы она обѣдала за однимъ столомъ и вмѣстѣ со Страховымъ, въ его комнатѣ, такъ какъ у меня другого помѣщенія не было. Софья Ивановна приходила ко мнѣ ежедневно обѣдать не только къ часу обѣда, но иногда значительно раньше и оставалась у меня подолгу послѣ обѣда, занимаясь какимъ-то вязаньемъ и разговоромъ со Страховымъ, такъ что въ сущности она проводила у меня на дачѣ большую часть дня, да она и сама мнѣ говорила, что ей больше нравится у меня на дачѣ, чѣмъ у нея, такъ какъ у меня и свѣтлѣе, и дѣти есть, съ которыми она любитъ возиться. Въ воскресенье, 6 августа, Страховъ получилъ открытое письмо и сказалъ мнѣ, что это письмо отъ его хозяина, который разрѣшилъ ему остаться въ Петергофѣ еще подъ-мѣсяца, почему онъ у меня пробудетъ до половины августа и уплатилъ мнѣ за столъ еще пять рублей, оставшись должнымъ за комнату 3 р. 50 к., а Софья Ивановна еще тогда же, 6 августа, уплатила мнѣ сразу впередъ за мѣсяцъ 10 р. за столъ. Въ воскресенье, 13 августа, я уѣхала утромъ на похороны и сказала Софьѣ Ивановнѣ, что уѣзжаю на цѣлый день и распорядилась, чтобы ей и Страхову дали обѣдать. Вернулась я къ 7 час. вечера и застала Софью Ивановну еще у меня. Вскорѣ пришелъ Страховъ изъ рощи, принесъ грибовъ и маленькаго кролика, съ которымъ начали они играть и смѣялись своимъ шуткамъ, а затѣмъ, по моему совѣту, отдали его кошкѣ. Затѣмъ я пошла въ хлѣвъ доить коровъ и не замѣтила, какъ со двора ушли Софья Ив. и Страховъ, но только послѣ ихъ ухода оба они болѣе ко мнѣ не возвращались, а около 9 часовъ вечера ко мнѣ явилась полиція съ жандармами и обыскали комнату Страхова; потомъ я узнала, что Софья Ив. убила въ 8 час. вечера того же дня ген. Мина, и догадалась я объ участіи въ этомъ злодѣяніи и Страхова потому, что и онъ въ тотъ вечеръ скрылся изъ моего дома. Страховъ ѣздилъ въ Петербургъ по вторникамъ и пятницамъ, уѣзжая послѣ обѣда, часа въ 2, а возвращался къ 9 ч. вечера. Съ дворней ген. Мина у насъ не было ничего общаго и никакого знакомства съ этою дворнею мы не водили; я не слыхала, о чемъ больше разговаривали между собою Страховъ и Соф. Ив., и о Минѣ они меня никогда не спрашивали. Прическу С. И. носила гладкую, закрывавшую до половины уши, а на темени лежала коса кружкомъ; волосы были изсиня черные, да и сама она смуглая; постоянно носила пенснэ».

Петръ Матвѣевъ Мозолайненъ показалъ: «Въ моемъ домикѣ, который на-

ходится наискосокъ дачи Асмуса, гдѣ жилъ ген. Минъ, есть маленькая комнатка, которую мы на лѣто отдаемъ внаймы. Къ концу іюня она освободилась, и 1 іюля эту комнатку снялъ за 7 руб. въ мѣсяцъ какой-то Василій Ивановичъ, по ремеслу, по его словамъ, позолотчикъ; фамилію его я забылъ; онъ снялъ у насъ комнату со столомъ, за который особо платилъ моей женѣ 10 рублей. Онъ говорилъ, что живетъ здѣсь на дачѣ для излѣченія, что онъ нездоровъ, и онъ ѣздилъ два раза въ Петербургъ, говоря, что ѣздитъ туда къ доктору и за лѣкарствомъ; комнатка, въ которой онъ жилъ, небольшая, отдѣляется отъ кухни тонкой переборкой, а вмѣсто двери виситъ занавѣска. Съ воскресенья, 6 августа, у насъ стала столоваться называвшая себя учительницей Софьей Ивановной, но по чьей рекомендаціи она обратилась къ женѣ моей за обѣдами, — я не знаю; у отца моего, въ домикѣ котораго она жила, я давно уже не бываю. Я могу удостовѣрить, что въ вечеръ, 13 августа, убійства ген. Мина жилецъ нашъ Василій Ивановичъ внезапно скрылся, оставивъ у насъ свое небольшое имущество, и больше къ намъ не появлялся».

Марія Адамовна Мозолайненъ показала: «Въ домикѣ моего свекра Матвѣя Мозолайнена, что близъ Ново-Петергофскаго вокзала, противъ Каспійскаго полка, сдавалась внаймы маленькая комнатка, и 30 или 31 іюля къ намъ пришла какая-то молодая дама въ сѣро-желтомъ пальто, съ небольшимъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ, осмотрѣла и сняла эту комнату за 7 руб., сказавъ, что она проживетъ только мѣсяцъ. Она отдала моему свекру свой паспортъ для прописки и въ немъ значилось, что она — учительница, крестьянка Пензенской губ., Софья Ивановна Ларіонова. Поселившись у насъ, она намъ говорила, что она уже девять лѣтъ служитъ учительницей, что Пензенская губернія — очень бѣдная, и тамъ учительницѣ платятъ только 25 рублей, а здѣсь, въ Петергофѣ, платятъ учительницамъ 40 рублей въ мѣсяцъ, что ей обѣщали здѣсь мѣсто въ начальномъ училищѣ и что съ 30 августа она перейдетъ жить уже въ школу. Она просила насъ давать ей обѣды, но старуха-свекровь отказалась и Софья Ивановна обходилась чаемъ съ булками и молокомъ, но потомъ, въ воскресенье 6 августа, сказала намъ, что она будетъ обѣдать у Катерины, жены моего зятя Петра, который имѣетъ свой домикъ наискосокъ дачи Асмуса. На вопросъ нашъ, откуда она узнала объ этихъ обѣдахъ, Софья Ивановна сказала, что она встрѣтилась въ мелочной лавкѣ со старикомъ, жившимъ у Петра Мозолайненъ, и тотъ ей рекомендовалъ эти обѣды. Была ли она знакома съ этимъ старикомъ ранѣе или случайно встрѣтилась съ нимъ тогда въ лавкѣ и разговорилась, — я не знаю. Относительно образа жизни Софьи Ивановны я могу сказать, что она мало сидѣла дома, а все куда-то уходила, вѣрнѣе, она приходила домой только вечеромъ и разъ не ночевала дома, сказавъ, что ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ тамъ въ банѣ. Дома она читала газеты, которыя покупала на вокзалѣ, и книги. Откуда брала книги, — я не знаю. Платьевъ другихъ, кромѣ одного чернаго, что было надѣто на ней, я у нея не видала, бѣлья тоже много не было, словомъ, всѣ ея вещи были въ небольшомъ саквояжѣ. Къ ней рѣшительно никто не приходилъ, письмо по почтѣ она получила только одинъ разъ. Въ Петербургъ она ѣздила и тамъ ночевала, кажется, до 6 августа; остальныя всѣ ночи она была дома. Прическу она носила все время у насъ гладкую, закрывающую половину ушей, а сзади или на темени складывала небольшой свертокъ косы; волосы у нея чернаго цвѣта, но съ какимъ-то страннымъ отливомъ, мѣстами желтоватаго цвѣта, такъ что я хотѣла ее объ этомъ спросить, да стѣснялась».

Елена Александровна Передольская показала: «Лѣтомъ этого года мы жили въ Нов. Петергофѣ на дачѣ на Луизинской улицѣ, N 39, принадлежащей Петру Мозолайнену: я видѣла, что во дворѣ нашей дачи, въ крошеч-

номъ флигелькѣ жилъ у хозяина дачи какой-то старикъ, по имени Василій Ивановичъ, и я видѣла неоднократно, что онъ садился на скамейку нашей дачи, находящейся на улицѣ, или выносилъ изъ комнаты стулъ или табуретку и садился у стѣны дачи или нашего балкона, обращеннаго на Луизинскую улицу, противъ самаго поворота ея къ вокзалу и пристально смотрѣлъ въ сторону дачи Асмуса, которая приходится отъ насъ наискосокъ второй дачей. Затѣмъ я замѣтила въ послѣднее время, что къ этому старику приходила какая-то молодая смуглая дама, сильная брюнетка, съ очень строгимъ выраженіемъ лица, постоянно съ газетой или книгой въ рукахъ. Я видѣла, что она сидѣла на скамейкѣ нашей дачи съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ, сидѣла довольно часто и тоже, какъ будто, наблюдала за дачей Асмуса, гдѣ жилъ ген. Минъ; мать генарала Мина жила на дачѣ на той же Луизинской ул., на поворотѣ ея отъ насъ къ вокзалу, и я часто видѣла, какъ ген. Минъ съ семьей проходилъ по улицѣ мимо нашей дачи къ своей матушкѣ и обратно, такъ что этотъ старикъ-жилецъ, Василій Ивановичъ, видѣлъ, какъ ген. Минъ проходилъ мимо, могла это видѣть и эта дама».

Въ протоколѣ отъ 14 августа значится, что «слѣдователь съ подлежащими властями прибылъ на дачу Асмуса, гдѣ проживалъ генералъ Минъ для производства судебно-медицинскаго вскрытія тѣла послѣдняго»; по прибытіи, слѣдователя встрѣтилъ л.-гв. Семеновскаго полка штабсъ-капитанъ баронъ А. Н. Гревеницъ, который заявилъ, что дежурный флигель-адъютантъ штабсъ-капитанъ Зеленый сообщилъ отъ имени Его Императорскаго Величества вдовѣ покойнаго генерала Мина, что Его Величеству благоудно было повелѣть судебно-медицинскій осмотръ и вскрытіе тѣла покойнаго ген. Мина не производить. На основаніи изложеннаго, въ силу объявленнаго Высочайшаго повелѣнія, судебно-медицинскій осмотръ тѣла покойнаго произведенъ не былъ.»

Въ отношеніи же пристава I участка Петергофской полиціи отъ 17-го августа за N 3412 къ судебному слѣдователю указано, что тотъ-же штабсъ-капитанъ Гревеницъ, передавая приставу вещи покойнаго генерала и осколки пуль, просилъ ихъ возвратить обратно, «такъ какъ они будутъ помѣщены въ полковой музей лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, какъ историческія реликвіи».

При осмотрѣ вещей обвиняемой, оказались нижеслѣдующіе предметы: револьверъ Браунингъ N 160262; круглая металлическая коробочка съ тремя боевыми патронами и тремя разстрѣлянными капсюлями; паспортъ на имя Ларіоновой; желѣзнодорожный указатель на 1906 г.; клочекъ почтовой бумаги съ записью карандашемъ: «*Усталый звѣрь, на жертву обреченный, остановись! Ну, да я не хочу подробно разсказывать, что происходитъ теперь въ моей душѣ, я не хочу заранѣе предугадывать, что будетъ.* Vanitas vanitatum et omnia vanitas!» Другой клочекъ бумажки съ записью забора продуктовъ: «суб. I б. м., воскр. 1 б., понед. 2 дес. огурц., вторн. I б. мол., суб. 5 огурц., воскр. I б. мол.»; листъ почтовой бумаги съ записью: «нельзя учить танцовать младенца, еше не умѣющаго ходить»: афиша на спектакль въ Ст. Петергофѣ на 13 августа 1906 г.; черные дамскіе чулки съ мѣткой «R» «S. R.»; полотенце и салфетка съ вырѣзанными мѣтками; пятый томъ романа Дюма «Графиня Шарни»; плоскозубцы; четырехугольная коробка съ ватой; шелковый ручной мѣшокъ.

Отъ В. И. Страхова были отобраны и пріобщены къ дѣлу: ручная корзина, пять томовъ романа Дюма «Графиня Шарни» (1, 2, 3, 4, и 5); три обоймы съ 5 патронами каждая, отъ винтовокъ, 8 боевыхъ ружейныхъ патроновъ, коробка съ желтымъ порохомъ и коробка съ чернымъ порохомъ.

Историческая записка о ходѣ тайнаго печатанія въ Россіи.

1861-1881 г. г.

(Изъ секретныхъ документовъ Департамента Полиціи.)

„Великоруссъ".

Первая тайная типографія заведена была въ С.-Петербургѣ лѣтомъ 1861 г. Въ ней отпечатаны три листка „Великорусса", появившіеся первый — въ іюлѣ, второй — въ сентябрѣ, третій — въ концѣ октября. Она никогда не была обнаружена. По обвиненію въ изданіи и распространеніи „Великорусса" были преданы суду Правительствующаго Сената болѣе десяти лицъ. Изъ нихъ одинъ, *Обручевъ*, приговоренный къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы, могъ принимать прямое участіе собственно въ печатаніи этого листка. И при слѣдствіи, и на судѣ, равно какъ и въ ссылкѣ, онъ постоянно упорно отказывался назвать своихъ сообщниковъ.

Четвертый выпускъ „Великорусса", и по внѣшнему виду, и по внутреннему содержанію своему, совершенно отличенъ отъ предыдущихъ. Онъ составляетъ, очевидно, поддѣлку подъ это изданіе, другой, болѣе умѣренной, революціонной группы, какъ о томъ и было заявлено въ № 2 журнала „Свобода", въ 1863 г.

„Къ молодому поколѣнію" и „Молодая Россія".

Воззванія „Къ молодому поколѣнію" и „Молодая Россія", появившіяся первое — въ сентябрѣ 1861 г., а второе — въ маѣ 1862 г., печатаны не въ Россіи. О воззваніи „Къ молодому поколѣнію" положительно извѣстно, что оно написано Михайловымъ въ Лондонѣ и издано типографіею „Колокола". Тѣмъ же лондонскимъ шрифтомъ напечатано и воззваніе „Молодая Россія".

Тайная типографія московскихъ студентовъ.

Въ концѣ 1862 г. заведена въ Москвѣ тайная типографія, въ которой кружокъ молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, перепечатывалъ разныя запрещенныя сочиненія, изданныя за границей. Они успѣли довести до конца перепечатку книги Огарева: „14 декабря 1825 г." По обнаруженіи типографіи, работавшіе въ ней были арестованы, преданы суду и осуждены Правительствующимъ Сенатомъ.

Воззванія, появившіяся въ С.-Петербургѣ въ 1862 г.

Съ начала 1862 г. стали появляться въ С.-Петербургѣ, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, разныя воззванія. Листокъ съ протестомъ противъ высылки профессора Павлова въ Ветлугу (февраль 1862 г.), судя по шрифту, набранъ и напечатанъ въ одной изъ гласныхъ типографій, равно какъ и вышедшее въ апрѣлѣ объявленіе объ изданіи съ осени революціонной газеты „Мысль и Слово".

Въ томъ же апрѣлѣ вышло воззваніе подъ заглавіемъ „Земская Дума" съ помѣткою „Типографія земской думы". Тѣмъ не менѣе по шрифту его можно заключить, что оно печатано въ одной типографіи съ „Великоруссомъ".

Карманная типографія въ С.-Петербургѣ.

Весною 1862 г. открыла свою дѣятельность такъ называемая карманная С-Петербургская типографія. Изъ подъ станка ея вышли воззванія: „Къ офицерамъ" *), разбросанныя въ Зимнемъ Дворцѣ во время пасхальной службы; „Подвигъ капитана Александрова"; наконецъ „Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-феротти". Типографія эта была вскорѣ обнаружена и главный дѣятель ея, студентъ Баллодъ, преданъ суду Правительствующаго Сената.

Два воззванія: одно — „по поводу офицеровъ, казненныхъ въ Варшавѣ", а другое — подъ заглавіемъ „Къ образованнымъ классамъ" и помѣченныя первое — 18-го, а второе — 30 августа, появились безъ обозначенія мѣста печатанія. По внѣшнему виду они подходятъ къ листкамъ „Великорусса". Предположеніе, что они набраны въ типографіи журнала „Русское слово" — не подтвердилось.

Воззваніе отъ 5 ноября „Къ офицерамъ русскихъ войскъ отъ Комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ", по всей вѣроятности, лондонскаго происхожденія, замѣчательно тѣмъ, что на немъ впервые появилась печать съ изображеніемъ пожатія двухъ рукъ и съ надписью „Земля и Воля".

Общество „Земля и Воля" 1863 г.

Подъ этимъ названіемъ образовалось въ С.-Петербургѣ тайное сообщество, весьма ревностно принявшееся за распространеніе печатныхъ воззваній. Большая часть его изданій снабжена печатью съ надписью „Земля и Воля", „Русскій Центральный Народный Комитетъ". Четыре воззванія, напечатанныя имъ: 1, по поводу возстанія въ Польшѣ, 2, „офицерамъ русскихъ войскъ", 3, „Братьямъ солдатамъ" и 4, „Всему народу русскому, крестьянскому". Кромѣ того, имъ же выпущено два номера журнала „Свобода" и одинъ номеръ „Земля и Воля". Послѣдній былъ набранъ въ м. Маріенгаузенѣ, Витебской губ., гдѣ, рядомъ съ приготовленіемъ къ вооруженному возстанію, нѣсколько лицъ занимались тайнымъ печатаніемъ. Четверо изъ нихъ были задержаны и преданы военному суду.

Тѣмъ же сообществомъ „Земля и Воля", вѣроятно, издано воззваніе, начинающееся словами: „Долго давили васъ, братцы" и весною 1863 г. распространенное въ Приволжскихъ губерніяхъ вмѣстѣ съ подложнымъ высочайшимъ Манифестомъ объ общемъ земельномъ передѣлѣ и введеніи въ Россіи представительнаго образа правленія**). Самый же Манифестъ этотъ печатанъ въ Вильнѣ на средства Польскаго революціоннаго Комитета. Онъ по внѣшнему виду своему и оборотамъ редакціи ничѣмъ не отличается отъ подлинныхъ документовъ этого рода.

Польскимъ Комитетомъ изданы еще два воззванія, призывавшія къ возстанію крестьянское населеніе Юго-западнаго края. Оба писаны на

---

*) Это воззваніе, начинающееся обращеніемъ: «Офицеры», въ нашемъ распоряженіи имѣется. — Ивановъ.

**) «Манифестъ», данный въ Москвѣ «въ тридцать первый день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третье» будетъ воспроизведенъ въ ближайшемъ будущемъ. — Ивановъ.

малороссійскомъ языкѣ старо-славянскимъ шрифтомъ. Первое снабжено печатью съ соединеннымъ гербомъ Польши, Литвы и Украйны, другое — такъ называемая „Золотая грамота“, съ польскимъ переводомъ, весьма роскошно въ типографскомъ отношеніи, съ золотыми украшеніями и изображеніемъ Архангела Михаила.

Изданія нечаевскаго кружка 1869-1870 г.

Съ половины 1863 г. прекращается въ Россіи тайное печатаніе. Первая попытка возобновить его относится къ 1869 г. 20 марта этого года бывшій студентъ университета Петръ Ткачевъ, по поводу волненія между воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, написалъ воззваніе „Отъ студентовъ къ обществу“ *) и отпечаталъ его въ Петербургѣ въ типографіи Дементьевой.

Изданія общества „Народной расправы“.

Появившіеся около того времени листки нечаевскаго общества „Народной расправы“, хотя и носятъ помѣтку: № 1 Москва, лѣто 1869 г., а № 2 — С.-Петербургъ, зима 1870 г., тѣмъ не менѣе по внѣшнему виду своему заставляютъ предполагать, что печатаны они за границей.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ періодъ хожденія въ народъ, появляются многочисленныя и разнообразныя изданія, предназначенныя для ознакомленія народа съ революціоннымъ ученіемъ. Они печатались частью въ Россіи, хотя и съ нарушеніемъ постановленій о печати, но въ легальныхъ типографіяхъ, частью же за границей и потому не входятъ въ рамки настоящей записки.

Лишь въ концѣ 1877 и въ началѣ 1878 г. заведено въ Петербургѣ нѣсколько тайныхъ типографій.

Три тайныя типографіи въ Петербургѣ 1878-79 г. газеты „Начало“, „Летучій листокъ“ и Вольная русская типографія.

Первая изъ нихъ, устроенная кружкомъ соціалистовъ, издавала газету „Начало“. Ея вышло 4 номера: 1-й — въ мартѣ, 2-й и 3-й — въ апрѣлѣ и 4-й, съ прибавленіемъ, въ маѣ 1878 г.

Другая типографія, принадлежавшая болѣе умѣренной группѣ „конституціоналистовъ“, предприняла изданіе „Летучаго Листка“, котораго, впрочемъ, вышелъ всего одинъ номеръ, въ апрѣлѣ 1878 г.

Наконецъ третья, называвшаяся „вольною русскою типографіею“, съ конца 1877 г. издала цѣлый рядъ листковъ и брошюръ революціоннаго содержанія. Изъ подъ станка ея вышли:

А) Листки.

1. Циркуляръ исправникамъ, отъ 14 іюля 1877 г., о воспрещеніи земствамъ заботиться о политическомъ развитіи народа.
2. Русская учащаяся молодежь Министру юстиціи графу Палену.
3. Отъ московской учащейся молодежи.
4. Убійство шпіона (Никонова).
5. По поводу покушенія на жизнь Кіевскаго товарища прокурора Котляревскаго.
6. Приказъ по С.-Петербургскому градоначальству, отъ 1-го апрѣля 1878 г., о розыскѣ Вѣры Засуличъ.

Б) Брошюры.

1. Русскіе отцы и матери къ русскому обществу.
2. Отчетъ о засѣданіяхъ Особаго присутствія Правительствую-

*) Подлинникъ воззванія «Къ обществу» тоже имѣется. — Ивановъ.

щаго Сената о революціонной пропагандѣ въ Россіи.

3. Приказъ по войскамъ Одесскаго военнаго округа.
4. Покушеніе на жизнь Трепова.
5. 13 іюля и 24 января.
6. Два засѣданія Комитета Министровъ.
7. Рѣчь И. Н. Мышкина, произнесенная имъ передъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената 15 ноября 1877 г.
8. Записка Министра Юстиціи Палена по поводу измѣненія подсудности противъ должностныхъ лицъ, и
9. По поводу новаго приговора (Войнаральскаго, Ковалика, Рогачева и др.)

Въ маѣ 1878 г. газета „Начало", въ прибавленіи къ 4-му послѣднему своему номеру, объявила о пріостановкѣ этого изданія на нѣсколько мѣсяцевъ. Вслѣдъ затѣмъ въ послѣдней брошюрѣ, вышедшей изъ подъ станка Вольной Русской типографіи, появилось объявленіе отъ редакціи газеты „Община", издававшейся въ Женевѣ, слѣдующаго содержанія:

„Въ виду изобилія событій въ современной жизни русской соціально-революціонной партіи, въ виду необходимости отвѣчать печатнымъ словомъ на факты жизни и въ виду совершенной невозможности удовлетворять послѣднему требованію, издавая органъ за границей, мы, члены редакціи „Общины" рѣшили перенести центръ своей дѣятельности въ центръ нашихъ враговъ. Съ іюля или августа нынѣшняго года мы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми кружками, занимающимися печатной агитаціей въ Россіи, начнемъ изданіе новаго революціоннаго органа „Земля и Воля."

Петербургская вольная типографія.

Дѣйствительно, въ августѣ „Вольная русская типографія" перемѣнила свое названіе на „Петербургскую вольную типографію" и объявила подписку на соціально-революціонное обозрѣніе „Земля и Воля." Подписная цѣна была назначена 6 рублей въ годъ. Отдѣльный номеръ долженъ былъ продаваться по 25 коп.

„Земля и Воля."

Первый выпускъ „Земли и Воли" по внѣшнему виду, формату и расположенію статей совершенно сходный съ „Общиною", появился 25 окрября 1878 г. За нимъ слѣдовали: 2-ой номеръ — 15 декабря; 3-ій — 15 января 1879 г.; 4-й — 4 февраля, съ прибавленіемъ 3 марта и 5-й — 8 апрѣля. Въ промежутокъ между четвертымъ и пятымъ номеромъ этого изданія вышло 4 выпуска революціонной хроники „Листка Земли и Воли", а послѣ 5 номера обозрѣнія — 5 и 6 выпуски листка.

Независимо отъ изданія „Земли и Воли" петербургская вольная типографія продолжала печатать революціонныя брошюры и отдѣльные листки и воззванія. Съ августа 1878 г. и по конецъ 1879 г. изданы ею:

А) Листки.

1. Рѣчь рабочаго Петра Алексѣева.
2. Студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній.
3. Ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ.
4. Къ обществу.
5. Программа сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ.
6. Отъ ткачей новой бумагопрядильни.
7. Отъ рабочихъ фабрики Шау.

8. Отъ Центральнаго Комитета сѣвернаго союза рабочихъ.
9. Голосъ рабочаго народа.
10. Казнь Крапоткина.
11. Къ обществу, письмо соціалиста-революціонера, взявшаго на себя казнь Крапоткина.
12. Казнь агента тайной полиціи Рейнштейна.
13. Покушеніе на жизнь Дрентельна.
14. Программа общества для содѣйствія соціально-революціонному движенію въ Россіи, и
15. Отъ реалистовъ къ обществу.*)

Б) Брошюры.

1. Убійство шефа жандармовъ генерала-адъютанта Мезенцева.
2. Правительственная комедія или призывъ къ обществу.
3. Рѣчь Петра Алексѣева, одного изъ осужденныхъ по процессу 50-ти соціалистовъ, произнесенная на судѣ 10 марта 1877 г.
4. За-живо погребенные, къ русскому обществу отъ политическихъ каторжниковъ.
5. Выигрыши послѣдней войны. М. Драгоманова.
6. Докладъ комиссіи совѣта С. Петербургскаго университета по поводу записки орд. профессора А. С. Фаминицына.
7. Собраніе стихотвореній, и
8. Процессъ соціалистовъ: Осинскаго, Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и Волошенко.

Воззванія исполнительнаго комитета старо-народнической организаціи.

„Земля и Воля" служила, какъ извѣстно, соціально-революціоннымъ органомъ партіи и въ ней печатались объявленія исполнительнаго комитета старо-народнической организаціи; но иногда объявленія эти появлялись и въ видѣ отдѣльныхъ листковъ. Таковы были объявленія: по поводу убійства барона Гейкинга; по случаю установленія бланковъ и печатей комитета*) и предостереженіе относительно мнимаго преданія пыткѣ государственнаго преступника Соловьева. Приведенное выше объявленіе объ убійствѣ Рейнштейна носитъ также помѣтку: сообщеніе исполнительнаго комитета.

„Народная Воля".

По рѣшенномъ на Липецкомъ съѣздѣ распаденіи соціально-революціонной партіи на группы террористовъ и народниковъ, первая группа присвоила себѣ названіе „Народной Воли" и сохранила за собою распоряженіе петербургскою вольною типографіею. Въ ней 1 октября 1879 г. отпечатанъ первый выпускъ „Народной Воли", оффиціальный органъ партіи того же имени, замѣнившій собою прежній „Земля и Воля". Второй № этого соціально-революціоннаго обозрѣнія вышелъ 15-го ноября, а третій — 1 января 1880 г.

Изъ подъ того же станка осенью 1879 г. вышла программа Исполнительнаго Комитета „Народной Воли" и воззваніе его по поводу покушенія 19 ноября.

„Черный Передѣлъ".

Народники завели себѣ особую типографію и начали издавать въ ней свою газету „Черный Передѣлъ", первый № которой вышелъ 16 ноября 1880 г.

---

*) Подлинникъ имѣется. — Ивановъ.

Типографія сѣвернаго рабочаго союза „Рабочая Заря“.

Наконецъ, третья тайная типографія, устроенная сѣвернымъ союзомъ русскихъ рабочихъ, занялась изданіемъ листка „Рабочая Заря“; первый выпускъ этого листка помѣченъ 15 февраля 1880 г.

Но въ самомъ началѣ этого года полиція напала на слѣдъ всѣхъ трехъ тайныхъ типографій. Въ ночь съ 17 на 18 января обнаружена петербургская вольная типографія; 29 января — типографія „Чернаго Передѣла“, а въ концѣ февраля и только что устроенная типографія Сѣвернаго рабочаго союза.

Летучая типографія „Народной Воли..“

Террористы первые оправились отъ этого удара. У нихъ была въ запасѣ такъ называемая „летучая типографія Народной Воли“. Въ теченіе февраля мѣсяца отпечатаны въ ней четыре воззванія Исполнительнаго Комитета: по поводу покушенія 5 февраля, убійство Жаркова, требованіе русскаго правительства о выдачѣ французскимъ Гартмана и казни Млодецкаго. Лѣтомъ 1880 г. набраны въ ней же три листка соціально-революціонной хроники „Народной Воли“, осенью объявленіе исполнительнаго комитета по поводу казни Квятковскаго и Прѣснякова, программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли и воззваніе отъ ихъ имени. Наконецъ, въ той же типографіи началось печатаніе „Рабочей Газеты“, редакторомъ которой состоялъ Желябовъ; первый номеръ вышелъ 15 декабря, 1880 г., а второй — 27 января 1881 г.*)

Типографія „Народной Воли“.

Въ Декабрѣ 1880 г. террористы успѣли устроить болѣе совершенную типографію, извѣстную подъ названіемъ типографіи „Народной Воли“. Изъ нея вышли: 5 декабря 4-й № Народной Воли“, а 5 февраля 1881 г. — 5-й №. Тамъ же отпечатанъ рядъ воззваній, какъ Исполнительнаго Комитета, такъ и рабочихъ членовъ партіи, появившихся вслѣдъ за совершеніемъ злодѣянія 1 марта, а именно:

а) отъ Исполнительнаго Комитета:

1. Отъ 1 марта 1881 г.
2. Отъ 2 марта 1881 г. „Къ честнымъ мірянамъ, къ православнымъ крестьянамъ и ко всему народу русскому“.
3. Отъ 8 марта „Къ европейскому обществу“.
4. Отъ 10 марта „Императору Александру III-му“.**)
5. Отъ 4 апрѣля. По поводу казни цареубійцъ.

б) Отъ рабочихъ членовъ партіи:

Отъ 2 марта, по поводу совершеннаго цареубійства.

6 мая 1881 г. была обнаружена и эта типографія.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ партія „Народной Воли“ прекратила тайное печатаніе. Лишь 22 іюля появился, за № 1 „Листокъ Народной Воли“, а въ концѣ августа и въ началѣ сентября, — слѣдующія воззванія Исполнительнаго Комитета:

1. Къ русскому рабочему народу.
2. Къ офицерамъ русской арміи.

---

*) Къ этой газетѣ были отдѣльныя приложенія, Фельетоны: къ № 1-му — «Возьми глаза въ руки» и къ № 2-му «Крестьянинъ Баруновъ и его дѣло». Послѣдняго въ сборникѣ «Литература Партіи Народной Воли» (Москва, 1907 г.), не имѣется. — Ив.

**) Воззваніе «Отъ Исполнительнаго Комитета Александру III-му» было выпущено одновременно въ двухъ изданіяхъ — большого формата и листовкой. — Ивановъ.

3. Къ украинскому народу и
4. Къ казачеству.[1])

Вслѣдъ затѣмъ возобновлено изданіе обозрѣнія „Народной Воли". 6-й № ея вышелъ 23 октября, а 7 — 23 декабря 1881 г. возобновлена также „Рабочая Газета", третій номеръ которой появился 8 декабря.

Кромѣ, того въ типографіи „Народной Воли" отпечатаны въ ноябрѣ 1881 г. объявленія Исполнительнаго Комитета по поводу покушенія Санковскаго и кражи 300000 рублей изъ Московскаго Воспитательнаго Дома и воззваніе къ студентамъ отъ центральнаго кружка Соціально-Революціонной Партіи.

Типографія Общества „Земля и Воля".

Народники также успѣли устроить собственную типографію въ Петербургѣ: 2-й № „Чернаго Передѣла", помѣченный сентябремъ 1880 г., изданъ ими въ Лондонѣ, равно какъ и манифестъ тайнаго братства того же имени. Но уже 3-й № „Чернаго Передѣла" вышелъ въ С.-Петербургѣ въ мартѣ 1881 г. Въ этомъ же мартѣ въ этой типографіи, назвавшейся типографіей Общества „Земля и Воля" отпечатано воззваніе по поводу злодѣянія 1 марта,[2]) „Программа Народной Партіи" и „Протестъ мирныхъ обывателей"[3]). Съ іюля предпринято изданіе новаго рабочаго листка подъ названіемъ „Зерно". Первые два номера были лишь гектографированы, но съ 3-го номера „Зерно" начало печататься и выходить ежемѣсячно. 6 № „Зерна" появился въ Ноябрѣ 1881 г.

15 іюня того же года Общество „Земля и Воля" издало воззваніе по поводу происходившихъ на югѣ Россіи еврейскихъ безпорядковъ.

Типографія Южно-Русскаго Рабочаго Союза въ Кіевѣ.

Южно-Русскій Рабочій Союзъ, образовавшійся на народническихъ началахъ въ Кіевѣ въ 1880 г., завелъ также свой тайный станокъ. Изъ подъ него вышли пять воззваній; одно — въ декабрѣ 1880 г., два — въ январѣ и два — въ мартѣ 1881 г.[4])

Кіевская революціонная типографія была обнаружена въ апрѣлѣ минувшаго года и главные дѣятели ея были задержаны и преданы суду.

Христіанское братство.

Наконецъ, въ Ноябрѣ 1881 г. появились, безъ обозначенія мѣста печатанія, Соборное Посланіе и Уложеніе христіанскаго Братства въ соціально-революціонномъ духѣ.[5])

(*Сообщилъ Ивановъ.*)

---

1) Пропущено воззваніе «Къ Европейскому Обществу»; отъ 8 марта 1881 г. и №№ 4 и 5 Чернаго Передѣла отъ 19 сентября и 24-го декабря 1881 г. — Ивановъ.

2) Воззваніе «Царь убитъ»: отпечатанное въ летучей типографіи Общества «Земля и Воля»; отъ 14 марта 1881 г.; имѣется. — Ивановъ.

3) Воззваніе «Судъ и пытка», за подписью «Мирные обыватели», отпечатанное типографіей Общества Земля и Воля, съ датой 22-го мая 1881 г.; имѣется. — Ивановъ.

4) Одно воззваніе «Ко всѣмъ рабочимъ» : изданное южно-русской вольной типографіей, отъ 14 марта 1881 г. ; имѣется.

5) «Соборное Посланіе» отъ 8 ноября 1831 г.; имѣется; оно отпечатано въ типографіи Народной Воли. — Ивановъ.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Царь убитъ! Убитъ мѣщаниномъ РЫСАКОВЫМЪ съ товарищами.

Не въ первый разъ поднимаютъ руку на царя. Хотѣли убить его крестьяне **ТИХОНОВЪ, ШИРЯЕВЪ**, рабочіе **ХАЛТУРИНЪ** и **ПРѢСНЯКОВЪ**, бывшій народный учитель **СОЛОВЬЕВЪ** и другіе.

За что же убили царя? Вѣдь онъ освободилъ крестьянъ отъ помѣщиковъ?

Да. Далъ царь мужику землю, да такъ урѣзалъ, что пришлось на душу безъ малаго что по одной ступнѣ, а болѣе половины кровной мужицкой земли отдалъ барамъ. Далъ онъ мужику и волю самую настоящую: волю съ голоду помирать, волю идти въ кабалу къ барамъ, купцамъ, своему брату кулаку; волю — урядникамъ да чиновникамъ костылять шею мужичью!

Подивился мужикъ волѣ, которую далъ ему царь-батюшка; подивился, пораскинулъ умомъ, да и порѣшилъ: баре де съ чиновниками волю подмѣнили, не настоящую, не царскую волю объявили... Гдѣ же это видано, чтобъ мужичью землю, его потомъ-кровью политую, въ руки барамъ отдали!

И посылалъ мужикъ ходоковъ къ царю разузнать волю доподлинно.. Точно, разузнали: кто въ Сибирь пошелъ, кого по этапу домой прислали!

Вотъ и узнали они волю настоящую!...

Неужли-жъ чиновники ходоковъ мужичьихъ безъ вѣдома царскаго въ Сибирь посылали?! Неужли жъ у царя случая не было мужика повидать?! Коли баре къ мужику его не пускали, такъ видалъ-же онъ солдатъ; а солдатъ — тотъ-же мужикъ!

Нѣтъ! Самъ царь въ 1879 году велѣлъ объявить мужикамъ, что земли имъ не будетъ!

Самъ-то царь — надъ барами баринъ, купецъ надъ купцами, міроѣдъ надъ міроѣдами, чиновникъ надъ чиновниками.

Нашлись на Руси люди, что говорили народу, какъ раздобыться ему настоящей мужицкой волюшки.. Да видно, правда-то царю съ барами не по нутру пришлась: стали они тѣхъ людей по тюрьмамъ морить, ссылать безъ счету въ Сибирь на каторгу, вѣшать да разстрѣливать. Вотъ за эти-то жестокости да за то, что царь народъ обманулъ и убили они царя.

Отъ новаго царя тоже не дождаться тебѣ ничего хорошаго! Не отберетъ онъ у баръ земли и не дастъ мужику, настоящей воли не дастъ! Не обидитъ себя да свою панскую братью! Барина, чиновника подарить — это онъ можетъ. Вотъ старый-то царь своимъ братьямъ, великимъ князьямъ, да чиновникамъ, да господамъ разнымъ и барынямъ разнымъ изъ твоей земли два милліона десятинъ раздарилъ; а у мужика нѣтъ какъ нѣтъ земли!...

Коли хочешь **ЗЕМЛИ** да **ВОЛИ** такъ силой бери!..

Только за дѣло это нужно всѣмъ сразу взяться: послать ходоковъ по всей землѣ русской, отъ села къ селу, отъ деревни къ деревнѣ и въ города къ рабочимъ. Чтобы волю добыть, надо всѣмъ сговориться. Народъ — сила: что захочетъ, то и будетъ!

Первое дѣло — забрать свою землю, податей царю не платить и рекрутовъ не давать!

Пусть сидетъ онъ, какъ ракъ на мели! Тогда съ барами своими вмѣстѣ противъ мужиковъ ничего не подѣлаетъ!

Стой крѣпко другъ за дружку, жизни не жалѣючи!... Не придется тогда никому лебеду да кору жевать да по міру ходить! Добивайся, мужикъ, правды мужичьей, земли своей, воли настоящей!

Станемъ-же всѣ, какъ одинъ человѣкъ за правду, за

Землю и Волю!!

14-го марта 1881 г. Лет. тип. Общ. «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ.» С.-Петербургъ.

По поводу статьи С. Р. „Мои отношенія къ Азефу“.

Письма въ редакцію «Былого».

I.

Въ № 9-10 «Былого» появилась статья С.-Р. «Мои отношенія къ Азефу». Авторъ не ограничивается описаніемъ своихъ личныхъ отношеній къ Азефу и вытекавшихъ, какъ слѣдствіе изъ этихъ отношеній, поступковъ. Онъ, кромѣ того — въ связи съ Азефомъ, — дѣлаетъ оцѣнку дѣятельности нѣкоторыхъ партійныхъ учрежденій и всей дѣятельности партіи въ прошломъ. Эту часть статьи, содержащую цѣлый рядъ неточныхъ указаній на факты, очевидно, мало извѣстные автору, и совершенно ложныхъ обобщеній,— мы, какъ члены партіи и какъ партійные работники, не считаемъ возможнымъ оставить безъ разбора.

Прежде всего, авторъ даетъ совершенно невѣрное представленіе о роли Азефа въ партіи. Снова и снова повторяется выдумка газетъ о «всемогуществѣ» Азефа въ партіи, выдумка, которая такъ мучительно отзывалась въ сердцѣ каждаго преданнаго партіи человѣка*).

«Произошли еврейскіе погромы», пишетъ авторъ. «Правительство разогнало 1-ую Думу, ввело полевые суды и казнило направо и налѣво. Наконецъ, законъ 9 ноября довершилъ все. *А партія С.-Р. молчала, какъ мертвая. По поводу закона 9 ноября не появилось ни одного воззванія къ народу.* Въ чемъ нибудь крылась же летаргія партіи?!» (курсивъ всюду нашъ). Причина этой «летаргіи» — въ Азефѣ. Авторъ говоритъ здѣсь не о дѣятельности какой-нибудь отдѣльной части партіи, не о ея боевыхъ функціяхъ (это было-бы понятно и справедливо), — здѣсь совершенно ясно говорится о *всей партіи*, о томъ, что стоило захотѣть Азефу и партія, несмотря на цѣлый рядъ необычайно важныхъ событій, впадаетъ въ летаргическій сонъ, обезсиливаетъ настолько, что не въ состояніи даже выпустить бумажки.

Съ отъѣздомъ за границу Азефа «прошелъ временный параличъ партіи. *Она опять проявляла энергію, опять ходъ историческихъ событій начиналъ зависѣть отъ нея*». И далѣе. Азефъ снова въ Россіи во главѣ Б. О. «Давно уже военно-полевые суды были замѣнены военно-окружными; висѣлицы работали во всю... Партія оставалась въ полнѣйшемъ оцѣпенѣніи». Изъ этого ясно, что отъ Азефа зависитъ жизнедѣятельность, самая судьба партіи. Партія — вся въ рукахъ Азефа...

Внутри партіи вліяніе его огромно. Все дѣлается сообразно его хотѣніямъ. Временно оставивъ Б. О., онъ всталъ во главѣ организаціонной работы и «по собственному усмотрѣнію» занялся перекраиваніемъ Центр. Бюро. По его желанію и въ его интересахъ «новая машина заработала на всю Россію». Стоило ему захотѣть, и «всякій с.-р., откуда бы онъ ни ѣхалъ за совѣтомъ, за деньгами, или просто за свѣдѣніями, долженъ былъ являться въ Петербургъ и предстать передъ Азефомъ». Но этого мало. «Вскорѣ самъ онъ переѣхалъ въ Финляндію, и всѣ пріѣзжіе должны были слѣдовать за нимъ. Въ Петербургѣ имъ давали адресъ, по которому они являлись въ Выборгѣ, или другомъ мѣстѣ жительства Азефа» и т. д.

---

*) Ту же ошибку, впрочемъ, повторили и нѣкоторые нелегальные органы. «Рев. Мысль» и «Труд. Респ.» пытались, напримѣръ, доказывать, что даже московское возстаніе было дѣломъ рукъ Азефа и Ко.

Словомъ, всемогуществу его нѣтъ предѣловъ. Существуетъ Азефъ и какъ нѣкій придатокъ къ нему — партія. Жизнью преданныхъ и самоотверженныхъ людей онъ распоряжался по своему произволу и усмотрѣнію. И во всякомъ случаѣ обрекалъ ихъ на муки голодной смерти и нравственныя пытки, а партія равнодушно взирала на это. Да и вообще «у партіи С.-Р. никто не заботился объ обезпеченіи больныхъ».

Несомнѣнно, зло, причиненное Азефомъ партіи — огромно, но для каждаго, кто дѣйствительно работалъ въ партіи, ясно, что ни воля Азефа, ни воля кого другого не могла опредѣлять собой жизни партійнаго коллектива, выражающаго собой цѣлое направленіе общественной мысли, крѣпко связаннаго съ народными массами, что громадный и сложный механизмъ партіи, съ цѣлымъ рядомъ развѣтвляющихся организацій не могъ въ *такой мѣрѣ* зависѣть отъ воли одного человѣка, хотя бы и поставленнаго въ исключительно благопріятныя условія.

Когда въ *такомъ видѣ* въ связи съ Азефской исторіей освѣщалась партія въ легальной прессѣ, въ газетахъ, подхватывавшихъ на лету всякіе слухи, — это было понятно и объяснимо. Вѣдь, газета не историческій документъ. Но когда то же появляется на страницахъ такого историческаго журнала, какъ «Былое», — молчать нельзя. Историческіе документы, точныя свѣдѣнія, собранныя отъ непосредственныхъ участниковъ въ партійной работѣ въ будущемъ — и надѣемся въ недалекомъ будущемъ, — конечно, освѣтятъ этотъ вопросъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Мы ограничиваемся лишь нѣсколькими поправками, касающимися фактовъ непосредственно намъ извѣстныхъ.

1. Совершенно невѣрно утвержденіе автора, что партія послѣ разгона 1-ой Думы и въ послѣдующій затѣмъ періодъ молчала, «какъ мертвая». Авторъ, очевидно, забылъ, что послѣ разгона 1-ой Думы, при ближайшемъ и непосредственномъ участіи партіи, произошло возстаніе въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ и на крейсерѣ «Память Азова». Въ Кронштадтѣ именно с.-р. были руководителями возстанія и шли впереди солдатъ, надъ предварительной организаціей которыхъ они много поработали. Чтобы убѣдиться въ участіи партіи въ этихъ военныхъ выступленіяхъ, стоитъ только ознакомиться съ процессами, бывшими финаломъ возстанія. Часть товарищей была разстрѣляна тутъ же, какъ напримѣръ, захваченные на такъ называемомъ «золотомъ блюдѣ». Конст. Ивановъ (членъ с.-р. раб. организаціи), часть (главнымъ образомъ члены С.-Р. военной орган.) была осуждена состоявшимся вскорѣ военнымъ судомъ, часть привлекалась позже (процессъ Онипко и др.)*). Тотчасъ, вслѣдъ за этимъ партія, увѣренная въ томъ, что массы отвѣтятъ на разгонъ Думы всеобщимъ выступленіемъ, занялась, по призыву Ц. К., подготовкой къ возстанію, съ каковой цѣлью рядъ партійныхъ организацій (напримѣръ, всѣ организаціи Поволжья) были преобразованы на военный ладъ (такъ называемая «мирная» работа была совершенно упразднена, шло усиленное обученіе военнымъ пріемамъ дружинниковъ, сообща съ крестьянами, въ которыхъ видѣли главную силу, долженствующую выступить, вырабатывались планы выступленія и т. д.). Правда, вмѣсто ожидаемаго всеобщаго возстанія дѣло ограничилось отдѣльными разрозненными выступленіями (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самарской губ.), но за это можно партію упрекать лишь въ ошибочной оцѣнкѣ настроенія массъ, но не въ бездѣйствіи.

Далѣе. Вскорѣ послѣ разгона 1-ой Думы въ августѣ 1906 г. по приговору П. С.-Р. былъ убитъ Минъ, нѣсколько позже — Самарскій губернаторъ Блокъ, пензенскіе полицмейстеръ и губернаторъ (Александровскій), начальникъ Самарскаго Жанд. Управл. Бобровъ. Не говоримъ уже о другихъ, болѣе мелкихъ террористическихъ актахъ. Развѣ эти акты, хотя бы и не центральнаго характера, свидѣтельствуютъ объ апатіи и оцѣпенѣніи Партіи?**)

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ есть въ партійной литературѣ («За Народъ», «Парт. Изв.», «Солд. Газ.» и др.).

**) Нельзя при этомъ не отмѣтить, какъ авторъ въ своемъ усердіи объяснить все Азефомъ, отнесъ по существу къ одному времени и параличъ партіи (ея якобы молчаніе по поводу закона 9 ноября), и оживленіе ея дѣятельности съ отъѣздомъ Азефа

Вообще всякій, кто тогда принималъ непосредственное участіе въ партійной работѣ, знаетъ, насколько интенсивной жизнью жила партія именно въ этотъ періодъ. Внутри ея происходила огромная работа строительства партіи, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ съѣздовъ (военный, крестьянскій, общепартійный). Продолжалась работа въ массахъ въ размѣрахъ, опредѣлившихся еще во времена свободъ. Шла усиленная работа въ военной средѣ, на которую послѣ подавленія возстанія обратили особенное вниманіе. За это же время партіей выпускался цѣлый рядъ органовъ легальныхъ и нелегальныхъ, такъ или иначе откликавшихся на современныя событія. Вмѣсто выходившихъ во время 1-ой Думы одна за другой 4-хъ газетъ («Нар. Дѣла», «Н. Вѣсти.», «Голосъ» и наконецъ «Мысль»), послѣ разгрома партійной редакціи въ «Мысли» сталъ выходить въ Петербургѣ сборникъ «Сознательная Россія», позже — «Нов. Мысль» — которые являлись центральнымъ легальнымъ органомъ партіи. Въ Москвѣ появились «Эхо», и «Коллективистъ». Во время 2-ой Думы вышло 7 названій газетъ («Дѣло» и др.). Въ частности, по поводу закона 9 ноября были статьи въ «Созн. Рос.» (дек. и янв. книжки), затѣмъ популярная брошюра «Мірская сила» и прокламаціи Ц. К. «Къ крестьянамъ». Въ теченіе всего этого времени выходили нелегально «Парт. Изв.», «Солд. Газ.», съ января 1907 г. — «Земля и Воля». Не упоминаемъ о всякаго рода мѣстныхъ изданіяхъ.

Наконецъ, къ концу этого же періода Партія приняла участіе въ выборахъ во вторую Думу. Можно критически относиться или осуждать ту линію поведенія, которой держалась Партія въ этотъ періодъ. Можно съ извѣстной точки зрѣнія, — напр. съ точки зрѣнія «иниціативнаго меньшинства» упрекать партію въ слишкомъ большой склонности считаться съ массами (какъ это дѣлаетъ, напр. «Рев. М.») — но можно-ли, зная всѣ эти факты, говорить о мертвомъ молчаніи партіи?

2. Авторъ неправильно обрисовываетъ роль и участіе Азефа въ организаціонной работѣ. По возвращеніи изъ-за границы весной 1907 г. Азефъ дѣйствительно принималъ нѣкоторое участіе въ этой работѣ. Ц. Орг. Бюро въ то время занималось разсылкой литературы и организаціонными задачами, и работало по опредѣленному плану. Азефъ, будучи вообще сторонникомъ централизма, стремился внести какъ можно большій централизмъ въ это учрежденіе и былъ однимъ изъ тѣхъ, которые настояли на уничтоженіи Москов. Орг. Бюро. Но къ пріему лицъ, пріѣзжавшихъ изъ провинціи, *Азефъ не имѣлъ никакого отношенія*, вообще мало интересуясь провинціей. Одно время этимъ дѣломъ завѣдывалъ П. П. Крафтъ, а послѣ его смерти другіе два товарища и очень немногіе изъ провинціальныхъ работниковъ, не соприкасавшихся съ боевыми дѣлами, знали Азефа. И вообще участіе Азефа въ этой отрасли работы было кратковременно (мартъ, апрѣль 1907 г.). Затѣмъ, въ теченіе того времени, когда онъ имѣлъ отношеніе къ этому дѣлу, Орг. Бюро работало исключительно въ Петербургѣ, переѣздъ же О. Б. въ Финляндію совершился позже, послѣ разгона 2-ой Думы, когда всѣ «организаціонники» были выслѣжены. Притомъ этотъ переѣздъ былъ совершенъ главнымъ образомъ на лѣтнее время, въ разсчетѣ на дачный сезонъ, когда по Финл. дорогѣ очень большое движеніе. Осенью же, въ октябрѣ, ноябрѣ функціи Ор. Бюро постепенно были перенесены въ Петербургъ. Азефъ же, насколько намъ извѣстно, въ 1907 г. не жилъ въ Финляндіи, а только пріѣзжалъ туда время отъ времени.

Слѣдовательно, невѣрнымъ является утвержденіе автора, что каждый пріѣхавшій въ Петербургъ долженъ былъ «предстать передъ Азефомъ» и что послѣ переѣзда Азефа въ Финляндію «всѣ пріѣзжіе должны были слѣдовать за нимъ» и т. д. Въ Финляндіи Азефъ если и видѣлся съ пріѣзжими, то исключительно по боевымъ дѣламъ.

Правда, въ исторіи партіи дѣйствительно былъ «финляндскій» періодъ: въ Финляндію былъ перенесенъ цѣлый рядъ предпріятій, тамъ же одно время

за границу, ибо тѣ террористическіе акты, которые имѣетъ въ виду авторъ (Игнатьевъ и др.) отдѣляются отъ 9 ноября едва однимъ мѣсяцемъ. И притомъ, и то и другое произошло одинаково въ отсутствіе Азефа.

пребывалъ и Ц. К., тамъ собирались всѣ партійные съѣзды, конференціи и Совѣты. И всѣ, кто былъ прикосновененъ къ этимъ предпріятіямъ, или къ съѣздамъ, или кому нужно было видѣть представителей Ц. К., Б. О., Воен. Орг., — должны были являться въ Финляндію. Но причемъ тутъ желанія Азефа? Не Азефъ заставилъ перенести центральныя партійныя учрежденія въ Финляндію, а обстоятельства русской дѣйствительности *вынудили* партію С.-Р. (какъ и С.-Д. и др.) къ такому перемѣщенію. И это понятно. Въ теченіе свободъ и послѣдующаго періода партійныя предпріятія велись на широкую ногу (издательство, типографское дѣло и пр.), расширились связи съ провинціей и пр. Трудно было сразу сократиться до размѣровъ «подполья» безъ попытки устроиться приблизительно на прежнихъ же основаніяхъ тутъ же по сосѣдству съ Петербургомъ.

3. Невѣрно въ общей своей формѣ утвержденіе, что «у П. С.-Р. никто не заботился объ обезпеченіи больныхъ», что лицъ, которыя почему либо въ данный моментъ не нужны были партіи, выбрасывали, какъ негодный матеріалъ и оставляли безъ всякихъ средствъ къ существованію. Правда, что въ партіи вообще была сильная нужда въ деньгахъ. Правда, что часто работники, на рукахъ которыхъ было опредѣленное дѣло, нуждались въ самомъ необходимомъ. Правда и то, что партія никогда не смотрѣла на себя, какъ на благотворительное учрежденіе, и что революціонная работа вообще развиваетъ въ значительной мѣрѣ равнодушіе къ вопросамъ личнаго блага. И тѣмъ не менѣе, жестокости и пренебреженія къ личности какъ общаго правила — въ партіи не было, въ партійномъ кругу каждый считалъ своимъ долгомъ помогать другъ другу. Партійные работники, или лица, оказавшіе партіи важныя услуги, во многихъ случаяхъ поддерживались партіей. Въ частности, намъ извѣстно, напр., что послѣ Кронштадтскаго и Свеаборгскаго возстанія партія укрывала уцѣлѣвшихъ солдатъ и матросовъ, содержала ихъ и препровождала, сообразно желаніямъ, въ Россію или за границу.

Но въ это время вообще былъ громадный наплывъ выбитыхъ изъ колеи эпохой «свободъ» и возстаній. И можно-ли упрекать партію въ томъ, что часто ей было не подъ силу, справляться съ тѣми расходами, которыхъ требовало дѣло помощи пострадавшимъ?

Мы совершенно не касаемся вопроса объ отношеніи къ людямъ Азефа. Можно а priori сказать, что оно было и жестоко и бездушно, особенно по отношенію къ тѣмъ, въ комъ онъ не видѣлъ вліятельныхъ въ партіи людей. Но *его* отношеніе не обусловливало отношеніе всей партіи, ибо, повторяемъ, между Азефомъ и партіей нельзя провести знака равенства.

4. Безъ сомнѣнія велики были нравственныя муки людей, обрекшихъ себя на смерть и ждавшихъ мѣсяцы и годы возможности совершить террористическіе акты. Азефъ, конечно, всѣми силами старался недопустить ихъ до совершенія актовъ. Но даже и эта отрасль партійной работы, боевое дѣло, гдѣ вліяніе было огромно, — не было до такой степени централизовано, чтобы губительное вліяніе Азефа могло обречь боевиковъ на полнѣйшее бездѣйствіе. Кромѣ центральной Б. О., бывшей въ рукахъ Азефа и куда доступъ былъ въ высшей степени труденъ, существовали боевыя организаціи такъ называемыя «Летучки» — при Областномъ Комитетѣ. Членомъ такой «Летучки» была напр. Ан. Биценко, которая не была принята Азефомъ въ Б. О., но которая, тѣмъ не менѣе, вступивъ въ «Летучку», совершила главное дѣло избавленія саратовскихъ крестьянъ отъ Сахарова.

Въ частности ссылка автора на самоубійство тов. Р. Лурье въ Парижѣ обличаетъ лишь полнѣйшее незнакомство, какъ съ личностью покойнаго товарища, такъ и ея жизнью и смертью. Во всякомъ случаѣ товарищи наиболѣе близкіе къ покойной Рашели Лурье никогда не высказывали даже намековъ на связь между ея самоубійствомъ и дѣятельностью Азефа.

Наконецъ, невѣрно утвержденіе автора, что послѣ исторіи въ Саратовѣ съ выдачей «Бабушки» (тѣмъ не менѣе благополучно ускользнувшей изъ полицейской ловушки), когда было произведено разслѣдованіе относительно того, кто бы могъ донести о ея пребываніи тамъ, будто-бы и нити этого разслѣдованія сошлись на Азефѣ». Въ то время ни у кого изъ Саратовцевъ

и тѣни подозрѣнія на Азефа не было.*) Разслѣдованіе же (черезъ охранку) установило что доносъ шелъ изъ-за границы, откуда незадолго до пріѣзда въ Саратовъ была (по словамъ охранки) получена телеграмма о томъ, гдѣ находится «Бабушка». Вскорѣ послѣ этой телеграммы появились въ Саратовѣ около той дачи, гдѣ жила «Бабушка», шпики не мѣстнаго происхожденія. Да и вообще шайка Азефа была такъ велика, что врядъ-ли бы въ нее посвятили мѣстныхъ охранниковъ. Во всякомъ случаѣ все, что было добыто, ограничивалось однимъ указаніемъ на заграницу. А сама «Бабушка» впослѣдствіи при обсужденіи этого вопроса высказывалась за возможность того, что кто-нибудь за-границей проболтался о ней и слухи дошли до ушей тѣхъ, кому объ этомъ знать не слѣдуетъ. И никому это тогда не казалось страннымъ и невѣроятнымъ послѣ нѣсколькихъ случаевъ заграничной провокаціи, послѣ исторіи съ Машемъ и др.

Теперь-то для насъ ясно, *кто* выдалъ тогда «Бабушку», но обставлена эта выдача была такъ ловко, что въ то время ни у кого и тѣни сомнѣнія не могло зародиться.

Іюнь 1909 г.

И. Ритина.
Михаилъ Ивановичъ.
Л. А-ва.
П-скій.

II.

Вполнѣ присоединяясь къ возраженіямъ товарищей по поводу статьи тов. С. Р. въ № 9—10 «Былого», я хотѣлъ бы добавить къ нимъ нѣсколько замѣчаній съ своей стороны.

Товарищъ С. Р. разсказываетъ въ своей статьѣ, между прочимъ, о своихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ разными лицами. При этомъ онъ не всегда передаетъ эти разговоры вполнѣ точно.

Такъ, напримѣръ, я знаю лично одного товарища X., который имѣетъ всѣ основанія думать, что С. Р. цитируетъ его разсказы и слова. По его мнѣнію, эти слова и разсказы переданы совершенно невѣрно и неточно. Разсказывается, напримѣръ, о «размолвкѣ» X-а съ Азефомъ поздней осенью 1906 г. X-у приписывается мнѣніе, что «Б. О. вызываетъ всѣхъ молодыхъ людей, годныхъ для участія въ террористическихъ актахъ, въ Финляндію для сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ. Провинція остается безъ людей, говорилъ X., а при переѣздѣ черезъ финляндскую границу или въ Петербургъ эту молодежь арестуютъ». На эти слова Азефъ обидѣлся, сложилъ съ себя обязанности руководителя Б. О. и уѣхалъ за границу, что очень огорчило X. и дало поводъ тов. С. Р. утѣшать его тѣмъ, что, быть можетъ, безъ Азефа дѣла Б. О. пойдутъ успѣшнѣе.

Въ этой передачѣ вѣрно только то, что, дѣйствительно, въ сентябрѣ 1906 г. у X. было столкновеніе съ руководителями Б. О., въ томъ числѣ, конечно, и съ Азефомъ. Но причины этого столкновенія были совершенно не тѣ, какія указываетъ авторъ. Въ частности, ни о какихъ арестахъ молодыхъ людей при переѣздѣ финляндской границы или въ Петербургъ не могло быть и рѣчи, ибо въ то время такихъ фактовъ не было совсѣмъ. Далѣе: послѣ этой размолвки Азефъ не только не складывалъ съ себя обязанностей руководителя Б. О. и не уѣзжалъ за границу, но еще цѣлый мѣсяцъ продолжалъ стоять во главѣ Б. О. Стало быть, въ это время ни тов. X. не могъ огорчаться уходомъ Азефа, ни тов. С. Р. радоваться этому. Лишь къ ноябрю мѣсяцу Б. О. вся цѣликомъ «подала въ отставку», но уже мотивируя ее совершенно иначе. Но за это время, насколько X. помнитъ, у него не могло быть никакихъ разговоровъ съ тов. С. Р.

Вообще С. Р., несомнѣнно, смѣшиваетъ во едино разговоры разныхъ періодовъ и благодаря этому получаетъ несоотвѣтствующіе дѣйствительности выводы. Если X. не ошибается и тов. С. Р. дѣйствительно то лицо, которое удостоивало его своимъ довѣріемъ, то, несомнѣнно, X. «склоненъ былъ го-

*) Одному изъ подписавшихъ это заявленіе пришлось быть очевидцемъ этой исторіи съ «Бабушкой».

ворить о «Толстомъ» съ большимъ раздумьемъ, съ промежутками между фразами, съ многоточіями» (стр. 189)*), но самъ тов. С. Р. своихъ подозрѣній о возможной провокатурѣ Азефа ему не высказывалъ *вплоть до лѣта 1908 г.*; только тогда X., быть можетъ, и апелировалъ къ дѣлу Плеве и пр., какъ это сообщаетъ тов. С. Р. (стр. 179). Авторъ забылъ, что вплоть до этого времени X. полтора года провелъ въ тюрьмѣ и изгнаніи, и за эти полтора года физически не могъ разговаривать съ тов. С. Р. о такихъ щекотливыхъ предметахъ, какъ терроръ, провокація и т. д. Переписки же между ними не велось...

Тов. С. Р. подкрѣпляетъ свои мемуары ссылкой на документъ — на такъ называемое «петербургское письмо». Онъ излагаетъ интересующія его мѣста слѣдующимъ образомъ:

«Въ письмѣ говорилось, что въ партіи с.-р. есть два агента-провокатора. Одинъ — недавно вернувшійся изъ ссылки въ Сибирь Т.; другой — нелегальный, извѣстный подъ кличками «Толстый» и «Иванъ Николаевичъ». Перечислялось нѣсколько выдачъ каждаго изъ нихъ; приводились признаки, по которымъ можно было узнать обоихъ. Объ А., между прочимъ, сообщалось, что онъ недавно въ Москвѣ прожилъ двѣ недѣли, прописавшись подъ фамиліей Виленкина» (стр. 177).

Я имѣлъ недавно случай ознакомиться съ излагаемымъ документомъ и долженъ отмѣтить, что, во 1-хъ, въ немъ Азефъ не называется ни «Толстымъ», ни «Иваномъ Николаевичемъ», ни какою-либо другою кличкою; онъ указанъ тамъ просто, какъ «инженеръ Азіевъ» безъ упоминанія о его «нелегальности». Это обстоятельство, равно какъ своеобразное правописаніе имени Азефа, въ свое время дало поводъ къ цѣлому ряду умозаключеній, отчасти сбившихъ слѣдствіе съ истиннаго пути. Во 2-хъ, во всемъ документѣ нѣтъ ничего похожаго на эпизодъ съ Виленкинымъ и сама эта фамилія въ немъ ни разу не упоминается.*) (И вообще фамилія Виленкина ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ по Азефскому дѣлу не встрѣчается.)

А, между тѣмъ, тов. С. Р. придаетъ данному эпизоду такое крупное значеніе, что, по его мнѣнію, онъ могъ бы послужить ключемъ къ раскрытію истины. «Въ самомъ дѣлѣ, аргументируетъ тов. С. Р., какъ могла эта фамилія стать извѣстной охранному отдѣленію? фамилія нелегальнаго человѣка? Или его выдали, но тогда онъ былъ бы арестованъ, или онъ самъ сообщилъ ее охранному отдѣленію и, слѣдовательно, состоитъ его агентомъ» (стр. 179). Оригинальность этой аргументаціи заключается не только въ отсутствіи въ документѣ цитируемаго факта, но и въ ея внутренней логической несостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же документѣ было указано, что «Азіевъ» выдалъ «нелегальнаго Чередина». Это упоминаніе, дѣйствительно, дало поводъ ко многимъ выводамъ. Подъ этимъ именемъ нѣкоторое время проживалъ одинъ видный боевикъ, съ безупречной репутаціей, ко времени полученія письма находившійся на свободѣ. Примѣняя къ «Чередину» альтернативу тов. С. Р., пришлось бы вѣдь провокаторомъ признать мнимаго Чередина... Такова логика, такова и документальность тов. С. Р.*)

Я ограничиваюсь здѣсь этими фактическими поправками къ статьѣ товарища С. Р., надѣясь въ другомъ мѣстѣ подробнѣе остановиться на взглядахъ, выводахъ и оцѣнкахъ тов. С. Р. и противопоставить имъ свое освѣщеніе Азефскаго дѣла съ точки зрѣнія стараго партійнаго работника.

Іюнь 1909 г.

Ст. Нечетный.

Мы напечатали выше возраженія пяти членовъ партіи с.-р. на очень интересную и серьезную статью С. Р., помѣщенную въ предыдущемъ номерѣ

*) Одна ошибка влечетъ за собою другую. Къ сожалѣнію, эпизодъ съ Виленкинымъ изъ статьи въ № 9—10 «Былого» попалъ и въ книжку J. Longuet и G. Silber: «Les dessous de la police russe. Terroristes et policiers» (p. 149).

*) Кстати, эти «многоточія» не совсѣмъ вяжутся съ тѣмъ преклоненіемъ передъ Азефомъ, которымъ отличались, по словамъ т. С. Р., всѣ видные члены П. С. Р.

«Былого». Мы не можемъ, по недостатку мѣста, сказать всего того, что намъ хотѣлось бы, по поводу этихъ возраженій. Но въ общемъ можемъ замѣтить, что всѣ они являются плодомъ недоразумѣній или неправильнаго пониманія словъ С. Р.

Если мы предоставляемъ авторамъ писемъ страницы «Былого», то дѣлаемъ это только съ той цѣлью, чтобы ускорить возможно полное выясненіе азефскаго дѣла. Мы знаемъ, что для ликвидированія этого дѣла партія имѣла въ виду назначить спеціальную коммиссію, но мы до сихъ поръ ничего не знаемъ ни о дѣятельности этой коммиссіи, ни даже о ея существованіи.

Статья, вродѣ той, какой является статья С. Р., извѣстнаго революціоннаго дѣятеля, горячо преданнаго интересамъ своей партіи и обще-революціоннаго дѣла, заслуживаютъ самаго внимательнаго отношенія къ себѣ. Статья писана не за границей, а въ Россіи, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, дѣлавшихъ для автора недоступными какія-либо документальныя справки. Естественно поэтому, что онъ могъ сдѣлать въ своей статьѣ кой-какія неточности. Но не въ нихъ дѣло. На серьезно поставленные вопросы надо было дать серьезныя возраженія. Такихъ возраженій автору статьи въ печатаемыхъ письмахъ нѣтъ. Вмѣсто серьезнаго разбора общими усиліями ужасающаго дѣла, обнаруженнаго въ партіи с.-р. и глубоко затрагивающаго всѣ революціонныя и оппозиціонныя партіи, имѣются отдѣльныя поражающія своей мелочностью и неидущія къ дѣлу поправки или же, недоразумѣнія, вызванныя невнимательнымъ отношеніемъ авторовъ писемъ къ мысли С. Р.

Напримѣръ, въ письмѣ Нечетнаго утверждается, что ни въ извѣстномъ петербургскомъ письмѣ, ни въ какомъ-либо другомъ документѣ по дѣлу Азефа не встрѣчается упоминаемая С. Р.-омъ фамилія Виленкина. На этомъ Нечетный строитъ очень много и, сдѣлавъ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній по адресу С. Р., побѣдно заключаетъ: «Такова логика, такова документальность тов. С. Р.» Правда, въ петербургскомъ документѣ фамилія Виленкина не упоминается. Но тамъ сказано слѣдующее: «Другой шпіонъ недавно прибылъ изъ за границы, какой то инженеръ Азіевъ, называется и Валуйскій. Этотъ шпіонъ выдалъ съѣздъ, происходившій въ Нижнемъ, покушеніе на тамошняго губернатора, Коноплянникову въ Москвѣ (мастерская), Вилпяпина (привезъ динамитъ), Ломова въ Самарѣ (военный), нелегальнаго Чередина (въ Кіевѣ), бабушку (укрывается у Ракитниковъ въ Саратовѣ)».

Итакъ, С. Р., видѣвшій это письмо четыре года тому назадъ, сдѣлалъ ошибку и вмѣсто Валуйскаго назвалъ фамилію Виленкина. Но намъ непонятно, какъ Нечетный, имѣвшій этотъ документъ въ рукахъ тогда, когда онъ писалъ свои возраженія, могъ при ошибкѣ въ фамиліи, ошибкѣ не имѣющей никакого значенія, придать такую важность и построить на ней свою аргументанцію. Вѣдь самый фактъ того, что полиція знала нелегальное имя Азефа, знала его паспортъ, и все-таки не арестовала его, фактъ этотъ вѣренъ. И это фактъ знаменательный, на который и въ свое время, и въ 1908 г., при разбирательствѣ моего дѣла, обратили хотя и недостаточное, какъ оказывается въ настоящее время, но все же значительное вниманіе. А Нечетный и въ настоящее время не хочетъ понять его значенія.

Отношеніе же къ дѣлу четырехъ авторовъ перваго письма еще, пожалуй, болѣе поразительно. Они, напр., не приводятъ въ связь съ предательствомъ Азефа арестовъ и проваловъ, о которыхъ говоритъ С. Р., только потому, что Азефъ, молъ, не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ тому или иному изъ упоминаемыхъ дѣлъ. Но, вѣдь, это значитъ не знать и азбуки провокаторской политики охранниковъ, это значитъ ничему не научиться даже изъ дѣла Азефа. Кому теперь не понятно, что оставалось цѣлымъ все, что было вокругъ Азефа, и сохраненіе чего ему и его начальству нужно было для поддержанія революціоннаго авторитета Азефа и что гибло, наоборотъ, все то, что не было лично съ нимъ связано и провалъ чего не могъ бросить на него тѣни?

Авторы того же письма хотятъ упрекнуть С. Р. за то, что онъ отождествляетъ партію съ Азефымъ. Этого авторъ не дѣлаетъ. Онъ говоритъ не

объ общей жизни партіи, а, тѣмъ менѣе, о такой ея дѣятельности, какъ изданіе легальныхъ газетъ. Онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду боевую дѣятельность партіи, центральное руководство ею и ту роль, которую Азефъ и игралъ и въ томъ, и въ другомъ. Относительно этого же никакихъ споровъ, кажется, быть не можетъ: все, что въ послѣдніе годы зналъ Азефъ, все это знали Рачковскій и Герасимовъ, и, насколько это было въ ихъ интересахъ, они накладывали свою мертвую руку на всѣ начинанія партіи и на всѣхъ партійныхъ дѣятелей. Возражать же противъ этого ссылками на то, что, несмотря на Азефа, партія издавала такія то газеты и выпускала такія то прокламаціи, — значитъ бить мимо и не касаться существа дѣла.

Не будемъ останавливаться на другихъ, столь же неудачныхъ, возраженіяхъ авторовъ печатаемыхъ нами двухъ писемъ. Но мы не можемъ, въ заключеніе, не высказать своего пожеланія, чтобы с.-р. отнеслись, наконецъ, къ дѣлу Азефа съ должной серьезностью и необходимымъ безпристрастіемъ.

Партія с.-р. и большинство ея руководителей какъ будто не освободились еще отъ нѣкоторыхъ переживаній тѣхъ отношеній, которыя у нихъ были до разоблаченія дѣла Азефа ко всѣмъ боровшимся тогда противъ культа измѣнника. Развѣ не печально, напр., въ данномъ случаѣ, что не только авторы писемъ, но и никто изъ партіи до сихъ поръ не сказалъ ни одного добраго слова своему товарищу С. Р. и за его скептицизмъ на счетъ Азефа, когда, при общемъ довѣріи и уваженіи, Азефъ дѣлалъ свое кровавое іудино дѣло и за то, что, при первыхъ извѣстіяхъ о разоблаченіяхъ предателя, С. Р. изъ Россіи прислалъ свои воспоминанія, въ которыхъ, первый, безспорно вѣрно и ярко поставилъ вопросъ объ Азефѣ и его значеніи. Развѣ не печально, что въ отвѣтъ на статьи «Р. Мысли», заключающія тоже много вѣрнаго объ Азефѣ, авторы писемъ не только не вспомнятъ съ признательностью упорную борьбу участниковъ этого органа съ азефщиной и ихъ усилія разоблачить, вопреки большинству, предателя, но занимаются мелкими укорами по адресу «Рев. Мысли», да къ тому же по очень неудачнымъ поводамъ? Развѣ не печально, что Ц. К. партіи, не понимавшій во время всей борьбы съ Азефомъ истиннаго значенія свѣдѣній и документовъ, на которые ссылались противники Азефа, до сихъ поръ не считаетъ нужнымъ пересмотрѣть свои утвержденія и признать ихъ ошибочность? Напримѣръ, уже послѣ объявленія Азефа провокаторомъ, появилось заявленіе Ц. К. относительно туманности, сбивчивости и недостаточности данныхъ нами указаній на провокаторскую роль Азефа въ періодъ его разоблаченія. И это заявленіе остается въ силѣ до сихъ поръ, хотя теперь, надѣемся, мы имѣли бы право ожидать признанія того, что наши тогдашнія свѣдѣнія были недостаточными только для людей, совершенно не умѣвшихъ разбираться въ вопросахъ провокаціи. Или, напримѣръ, въ томъ же извѣщеніи Ц. К. говорится о противорѣчивости, сомнительности, сбивчивости свѣдѣній, данныхъ Бакаемъ объ Азефѣ. Если теперь для компетентныхъ и свѣдущихъ людей партіи уже внѣ сомнѣнія, что свѣдѣнія Бакая, оказавшаго огромныя услуги въ дѣлѣ разоблаченія Азефа и косвеннымъ образомъ въ разоблаченіи Гартинга, являлись не только важными, но и безусловно вѣрными и не заключали никакихъ сколько-нибудь значительныхъ неточностей, то не странно ли, что до сихъ поръ Ц. К. не отказался отъ своихъ утвержденій, высказанныхъ имъ въ упомянутомъ извѣщеніи, въ которомъ онъ въ послѣдній разъ говорилъ о Бакаѣ?

Скоро годъ уже, какъ разоблачили Азефа. Но до сихъ поръ партія не дала сколько-нибудь полнаго и безпристрастнаго отчета объ этомъ ужасномъ дѣлѣ.

Печатаемыя нами письма, думается намъ, не вносятъ никакого свѣта въ это темное дѣло. Повторяемъ, мы ихъ печатаемъ только для того, чтобы показать настоятельность изученія дѣла Азефа.

Ред.

Шифръ Департамента Полиціи.

Воспроизводимый рядомъ съ этими строками образецъ представляетъ собою точную копію ключа къ шифру, которымъ пользуется Мин. Вн. Дѣлъ для секретныхъ сношеній со всѣми подвѣдомственными ему учрежденіями, вѣдающими полицейско-политическими дѣлами.

Онъ имѣется у оберъ-полицеймейстеровъ, начальниковъ губернскихъ и уѣздныхъ жандармскихъ Управленій, начальниковъ охранныхъ отдѣленій, желѣзнодорожной жандармской полиціи и на пограничныхъ пунктахъ.

Способъ пользованія этимъ шрифтомъ крайне простъ, удобенъ и не требуетъ траты много времени. Главное удобство этого шифра заключается въ полной почти невозможности разобрать написанное безъ помощи этого ключа. Секретъ же его сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что верхній рядъ расположенныхъ надъ буквами цифръ составляетъ своего рода подвижную скалу, т. е. написанъ на отдѣльной полоскѣ, которую можно двигать справа налѣво и на оборотъ. При каждомъ передвиженіи на одну цифру, всѣ буквы получаютъ иное значеніе Каждая буква можетъ, слѣдовательно, имѣть столько значеній, сколько въ ключѣ есть цифръ, иначе говоря — каждая буква можетъ быть обозначена 58 различными цифрами. Та цифра, которая останавливается надъ находящейся посерединѣ нижняго ряда стрѣлкой, означаетъ начало ключа. Разъ указана эта цифра, то уже легко и просто разобрать шифръ, который, по этой системѣ, можетъ въ одномъ и томъ же письмѣ мѣняться много разъ. Надо только уславливаться относительно количества цифръ, допускаемыхъ послѣ стоящей надъ стрѣлкой цифрой, т. е. основы ключа, или, что то же, черезъ какое количество буквъ мѣняется ключъ.

По министерству внутреннихъ дѣлъ обыкновенно зашифровываютъ 15 буквъ, а 16-ая цифра означаетъ ключъ.

На приводимомъ образцѣ за основу ключа взята цифра, 21, и при этомъ ключѣ каждая буква алфавита пріобрѣтаетъ два значенія. Зашифровавъ 15 буквъ, ленту съ цифрами передвигаютъ и надъ стрѣлкой ставятъ, напримѣръ, цифру 44; всѣ буквы должны уже тогда обозначаться другими цифрами.

Жандармамъ нужно, допустимъ, зашифровать телеграмму слѣдующаго содержанія:

По *агентурнымъ* свѣдѣніямъ, проживающая *Тулѣ Дворянская сорокъ, учительница Иванова* имѣетъ *оружіе, обыщите*, результаты телеграфируйте. Генералъ-маіоръ Герасимовъ.

Шифруютъ только то, что подчеркнуто. За основу шифра берутъ цифру 21 и шифруютъ: По *21* 75 58 97 63 65 68 94 42 71 60 свѣдѣніямъ проживающая 49 68 77 28 52 *44* 42 94 49 66 74 72 53 55 56 68 94 49 54 53 51 *79* 71 42 29 59 25 73 41 65 52 42 95 52 73 49 95 *28* 95 имѣетъ 25 49 60 21 61 78 29 79 42 25 60 53 79 93 *66* 26 75 64 44, результатѣ телеграфируйте. Ген.-маіоръ Герасимовъ.

Получившій эту телеграмму, прежде всего, беретъ первую цифру, т. е. 21 и ставитъ ее надъ стрѣлкой, а послѣ подбираетъ значенія для пятнадцати слѣдующихъ цифръ; затѣмъ снова передвигаютъ ленту и надъ стрѣлкой ставятъ цифру 44 и т. д.

Шпіоны, предатели, провокаторы.

*(Продолженіе *)*

Жученко, Зинаида Федоровна (Зн. Тр. № 20).
Забрамскій, Левъ — О. 78 — 87.
Забрамскій, «Былое» 1908 г. № 7.
Завадовскій, — тоже.
Завьяловъ, — тоже.
Зайдъ, Б. А. (Ковно) «Р. М.» 1908 г. № 1.
Зайцевъ, Николай Дмитр. (С. П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Зайцевъ, Викторъ Дмитр. (С. П.-Б.) «Р. М» 1908 г. № 3.
Зайцевъ, Владим. — тоже.
Залѣсскій, (Румынія) «Лет. Лист.» 1894 г. № 12.
Замштейгманъ, Маркусъ «Л. Х. и В.» № 9.
Заусайловъ — «Былое» 1908 № 7.
Зафкинъ, — тоже.
Захаровъ, Семенъ — тоже.
Заяцъ, (Бердичевъ) «Прокл. Ком. Бунда», 1904 г. февр.
Заяцъ, — Тула. «П. И.» — 1906 г. № 186.
Звѣревъ, В. Н. (П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Зегеръ, — «Набатъ» 1876 г. Сентябрь.
Зеленовъ, — (Кіевъ) «Искра» № 68.
Зеленовъ, П. Н. (Москва) «Искра» № 9.
Зеленина — «Былое» 1908 г. № 7.
Зельменко, О. В. (Одесса) «П. И.» 1907 г. № 142.
Земіонко, Александръ «Р. М.» 1908 г. № 1.
Зимонинъ, М. (Лугански) «Искра» 1904 г. № 63.
Зинкевичъ, «П. И.» (Витебскъ) «Р. Р.» № 42.
Зисблатъ, Израиль. (Рига) «П. И.» 1902 г. № 93.
Златопольскій, — (Варшава) «П. И.» 1904 г. № 186.
Знамеровскій — «Былое» 1908 г. № 7.
Золотаревъ, В. Л. 7-8 Изд. «Т. С. П. С.-Р.)
Зубатовъ — «Раб. Дѣло» 1899 г. № 1.
Зубинъ, Пав. Ивановъ (П.-Б) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Зуевъ — «Гол. Соц.-Дем.» 1906 г. № 3.
Зыбинъ, Иванъ — (П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Ивановъ, Афанасій (С. П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Ивановъ, Кузьма — (С. П.-Б.) «Искра» №. 43.
Ивановъ, Иванъ Матвѣевъ (С.П-Б.) «Р. М» 1908 г. № 3.

*) См. «Былое» № 9-10.

Ивановъ, Михаилъ — (Луганскъ) «Р. Р.» № 63.
Ивановъ, — (Златоустъ) Р. Р. № 40.
Ивановъ, Андрей Ивановичъ — «Былое» 1908 г. № 7.
Ивановъ, Н. Ивановичъ (С.-П.-Б.)
Ивановъ, — «Набатъ» 1876 г., Іюль.
Изаксонъ, Н. «П. И.» 1904 г. № 182.
Извольскій, «Былое» 1908 г. № 7.
Изволенскій, «Набатъ» 1876 г. Іюнь — іюль.
Изергинъ, А. Е. — (Златоустъ) «Искра» 1903 г. № 40.
Изотовъ, «Наб.» 1876 г., Сентябрь.
Илевъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
Ильяшенко — тоже.
Иноземцевъ, Александръ — «Искра» № 23.
Истоминъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
Іесенъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
Іогансонъ, — «Набатъ» 1876 г. Ноябрь — Декабрь.
Іофе, — (Астрахань) «Искра» 1905 г. № 86.
Іофингъ, — «П. И.» 1904 г. № 186.
Іофинъ, Аврумъ (Аврумъ Паперникъ) (Бердич.) «Прок. Берд. Ком. Бунда.» 1904 г., Февраль.
Каблинъ, «Р. Р.» 1905 г. № 58.
Кавецкій, «Анар.» № 1.
Казарина, «Былое» 1908 г. № 7.
Калюнинъ, «Былое» 1908 г. № 7.
Каменецъ, «П. И.» № 182.
Капланъ, Абрамъ «П. И.» №№ 77 и 188.
Карачунскій, Евсей «Лет. Л.» № 38.
Кара-Дикжанъ «Былое» 1908 г. № 8.
Карамышевъ (С. П.-Б.) «Искра» № 64.
Каровинъ, Николай «Былое» 1908 г. № 8.
Карповичъ, тоже. № 7 и N 8.
Катарскій, тоже № 8.
Кафталъ, Ицекъ «Р. М.» 1908 г. № 1.
Кашинскій, — «Былое» № 8.
Квицинскій, (Тифлисъ) «Воля Народа» 1906 г. № 1.
Кейзеръ, Алина — «Былое» 1908 г. № 7.
Кельвинъ, Шмерля «П. И.» 1904 г. № 173.
Кенсицкій, Мечиславъ «Р. М.» 1908 г. № 1.
Керповскій, Нохимъ «П. И.» 1902 г. № 85.
Кершнеръ, Лазарь (Киршбергъ Андрей) (Курскъ) «Р. Р» 1905 г. № 69.
Кизенченко, (Климентовъ) (Харьковъ) «Искра» № 68.
Кильгастъ, Иванъ «Былое» 1908 г. № 8.
Кирилловъ, Іона «О.» 1878 — 87 г.г., стр 213.
Кирилловъ, Григорій «Былое» 1908 г. № 7.
Кирилловъ, — «Р.-Д.» 1900 г.
Киселевъ, Сергѣй «Былое» 1908 г. № 7.
Китовъ, (Златоустъ) «Искра» 1905 г. № 40.
Клевцовъ, «Былое» 1908 г. № 8.
Клейстъ, «Былое» 1908 г. № 8.
Клѣточниковъ, Ник. Вас. — тоже.
Ключниковъ, — тоже.
Коганъ, Нафанаилъ «П. И.» 1905 г. № 142.
Козичевъ, Александръ — «Былое» 1908 г. № 8.
Ковалевскій, мужъ и жена — тоже.
Коваликъ, Антонъ — (С. П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Козловскій, (Варшава) «Искра» № 3.
Козловъ, (Москва) «З. и В.» № 12.
Козлова, «Анархистъ» № 1.
Колоблевъ, Вас. Ив. «Былое» 1908 г. № 7.

«Коля» (Чинов. Луцкаго Окр. Суда) 1907 г. «Анарх » № 2.
Комиссаровъ,
Кондратьевъ, — «Искра» 1902 г№ 28.
Кони, Николай «Былое» — 1908 г. № 8.
Кононенко, — тоже.
Корда-Сысоевъ, — тоже.
Корвинъ-Кохановскій, — тоже № 7.
Короткій, Вас. «Р. Р.» N 76.
Корчажниковъ, «Былое» 1908 г. № 8.
Костылевъ, «Искра» N 87.
Коханъ, Вильямъ Арк. «Былое» 1908 г. N 7.
Коцари, Екат. «З. и В.» N 12.
Кочновъ, — «Р. Р.» N 73.
Кошихинъ, — «Былое» 1908 г. N 8.
Краевъ — тоже.
Крамеръ, «Былое» 1908 г. N 8.
Крамеръ, — тоже.
Красавинъ, Иванъ «Искра» N 59.
Красниковъ, Феодоръ (Севастополь) «В. Л.» 1906 г. N 7.
Кратюкъ, «За народъ» 1907 г. N 8, стр. 4.
Крашенинниковъ, (Томскъ) «Искра» № 68.
Крамній, «Р. Р.» N 36.
Краузе, Рудольфъ «Былое» 1908 г. N 8.
Краевскій, (Ивановъ) — тоже.
Крейтеръ, Серг. Петр. — тоже.
Крепскій, — тоже.
Кремеръ, Носелъ «П. И.» № 254.

Къ портретамъ.

Помѣщенный нами въ предыдущемъ № портретъ Кальвино-Лебединцева снятъ съ него осенью 1907 г., когда онъ жилъ нелегально въ Петербургѣ. Карточка эта была сдѣлана для полученія корреспондентскаго билета для входа въ Госуд. Думу. Новый, печатаемый нами портретъ Лебединцева, снятъ заграницей и относится къ послѣднему году его жизни.

Барановъ, товарищъ Лебединцева, казненъ по одному съ нимъ дѣлу въ 1908 г.

Карточка З. Коноплянниковой снята уже послѣ ареста ея, незадолго до казни.

Опечатки.

	Напечатано:	*Должно быть:*
Стр. 69, строка 3	Иванъ Ивановичъ	Петръ Ивановичъ
» 79 » 26		— У тебя револьверъ есть? — спросилъ онъ. — Нѣтъ, а у тебя есть? — Тоже нѣтъ. Всегда ношу...
» 81 » 9	пугали	путали

Le Gérant: M. Hambourg, 58, boul. Port-Royal.

LE PASSÉ

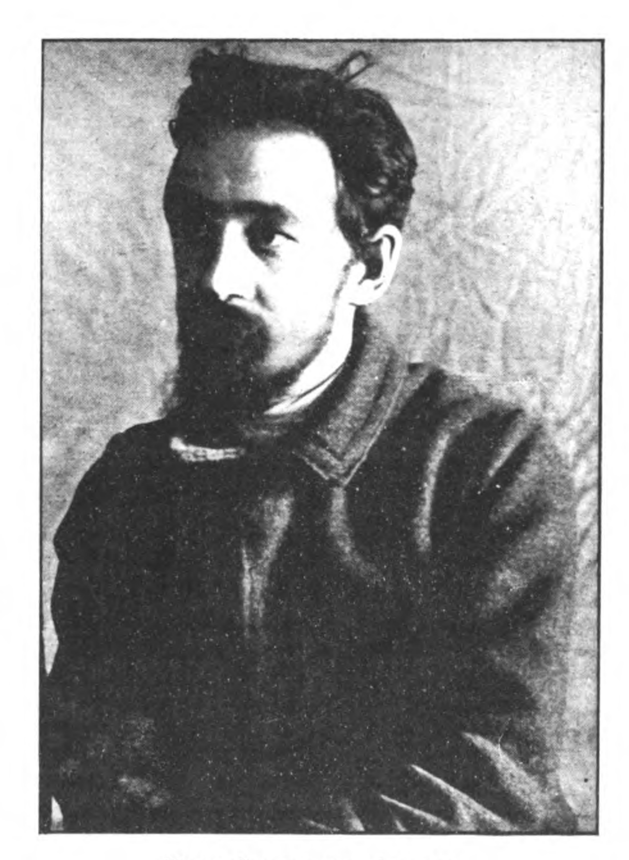
БЫЛОЕ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРІИ РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

№ 13

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
50, Bd SAINT-JACQUES, 50
—
1910



Егоръ Сергѣевичъ Сазоновъ.



Е. С. Сазоновъ въ больницѣ послѣ ареста.

Послѣдніе дни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко.

Мы всю ночь не могли уснуть. Всѣмъ хотѣлось, чтобы поскорѣе наступило девять часовъ утра, когда мы узнаемъ, наконецъ, нашъ приговоръ.

Три дня тому назадъ нашъ чистенькій, красивенькій прокуроръ, подполковникъ Ронжинъ, котораго мы прозвали женихомъ за его заигрываніе съ судьями и свидѣтелями-офицерами, требовалъ, чтобы убили девять человѣкъ. Онъ добивался еще и смерти рабочаго Григорія Ялинича, но такъ какъ Ялиничъ во время возстанія не достигъ совершеннолѣтія, то, на основаніи 57 ст. Уг. Ул., смертная казнь должна была быть замѣнена ему безсрочной каторгой.

Наступило холодное февральское утро. Крѣпостныя окна покрылись красивыми, причудливо переплетенными узорами, и длинныя, толстыя ледяныя, сосульки съ тоненькими кончиками спускались почти до самой земли. Солдаты и матросы, одѣтые въ походную военную форму, съ заряженными ружьями на плечѣ, острый, тонкій штыкъ которыхъ торчалъ высоко надъ солдатской шапкой, прогуливались взадъ и впередъ передъ нашими окнами съ толстой желѣзной рѣшеткой, весело похлопывая отъ утренняго холода въ свои желтыя, грубыя, солдатскія рукавицы...

Ровно въ восемь часовъ утра въ нашу камеру*) явился старшій жандармскій унтеръ-офицеръ и приказалъ намъ поскорѣе собрать наши пожитки, такъ какъ мы больше не воротимся въ нашу гостепріимную гауптвахту, гдѣ мы просидѣли пятнадцать дней, а насъ всѣхъ повезутъ прямо изъ зала суда на военный транспортъ „Прутъ", гдѣ мы должны будемъ сидѣть до конфирмаціи приговора.

— Значитъ, мы всѣ осуждены? — спросили мы, какъ то невольно, нашего всезнающаго жандарма.

Онъ что то странно взглянулъ на Частника, усмѣхнулся и, наклонившись къ уху Пятина, сказалъ: „среди васъ одного приговорили къ смертной казни".

---

*) На гауптвахтѣ въ одной комнатѣ сидѣли: Частникъ, Пятинъ, Ялиничъ и я, а лейтенантъ Шмидтъ сидѣлъ рядомъ съ нами. Матросы же находились въ другомъ помѣщеніи.

Для всѣхъ насъ было ясно, что этотъ одинъ и есть Сергѣй Частникъ.

Черезъ окно мы видимъ, какъ уводятъ въ судъ матросовъ-подсудимыхъ.

Видъ у нихъ скучный, унылый; всѣ они идутъ какъ то по стариковски тихо, и по ихъ грубымъ, мужицкимъ лицамъ видно, что всѣ они переживаютъ ужасную душевную драму... Одинъ только матросъ Гладковъ, какъ всегда, веселъ и безпеченъ; проходя мимо нашихъ оконъ, онъ крикнулъ: „смертный приговоръ идемъ выслушивать!“

Вслѣдъ за нимъ показался лейтенантъ Шмидтъ.

Видъ его бодрый, веселый; съ поднятой головой онъ медленно проходитъ... Стража вокругъ него увеличена; сегодня ему даже оказано особое вниманіе со стороны коменданта Очаковской крѣпости: ему сопутствуютъ донскіе казаки, красиво гарцуя на своихъ низенькихъ лошадкахъ и разгоняя нагайками любопытствующую публику, которая сегодня заполняетъ всѣ улицы и проходы, желая узнать поскорѣе участь лейтенанта Шмидта и матросовъ подсудимыхъ.

Наконецъ, двинулись въ путь-дорогу и мы. Частникъ былъ, какъ всегда, веселъ, остроуменъ и всю дорогу шутилъ, хотя былъ увѣренъ, что въ залѣ суда ему придется выслушать смертный приговоръ.

Зданіе, гдѣ происходилъ судъ, было оцѣплено войсками всѣхъ родовъ оружія, которыя стояли тѣснымъ кольцомъ и никого посторонняго не пропускали. Даже наши защитники, которыхъ всѣ солдаты и матросы знали въ лицо, должны были вызывать дежурнаго офицера, чтобы пройти въ залъ суда.

Узнаемъ, что ночью прибыло нѣсколько ротъ солдатъ изъ Николаева, чтобы конвоировать насъ изъ зала суда до берега моря, гдѣ насъ ожидалъ военный баркасъ, который долженъ доставить насъ на транспортъ „Прутъ“.

Адмиралъ Чухнинъ постарался и устроилъ намъ охрану, какая полагается только лицамъ царской семьи.

Въ залѣ суда шумъ, толкотня и крики. Стулья и скамьи убраны, и мы, подсудимые, находились въ тѣсномъ, живомъ кольцѣ нашихъ караульныхъ солдатъ и матросовъ.

Долженъ замѣтить, между прочимъ, что охраняли насъ въ высшей степени тщательно, бережливо и зорко. Самодуры маленькаго города Очакова, со своимъ комендантомъ во главѣ, все время почему то воображали, что мы должны обязательно удрать, и потому постарались стянуть для нашей охраны неимовѣрное количество войска.

Мы были, такимъ образомъ, окружены не однимъ, а въ сущности четырьмя живыми кольцами изъ солдатъ и матросовъ: городъ Очаковъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ войсками — это было первое кольцо; кварталъ, гдѣ находилось зданіе суда, былъ окруженъ вторымъ кольцомъ; зданіе суда

было окружено третьимъ кольцомъ и, наконецъ, всѣ мы въ залѣ суда были окружены четвертымъ кольцомъ. И все-таки, не смотря на такую необыкновенную охрану, лейтенантъ Шмидтъ, если-бы только онъ хотѣлъ, могъ убѣжать, такъ какъ многіе офицеры-армейцы ему предлагали устроить побѣгъ.

Въ залъ суда пришли наши защитники Балавинскій и Винбергъ.

Зарудный, Врублевскій и нашъ казенный защитникъ, фамилію котораго сейчасъ я не помню, вчера съ нами распрощались и уѣхали изъ города, а Александровъ (екатеринославскій) долженъ былъ насъ ожидать на берегу моря, около нашего военнаго баркаса.

Въ залѣ уже извѣстно, что приговорены къ смертной казни лейтенантъ Шмидтъ, Частникъ, Гладковъ и Антоненко и оправданы одиннадцать матросовъ.

Появился молоденькій секретарь Залевскій, сотрудникъ „Русской Рѣчи", со своимъ маленькимъ кортикомъ, который у него постоянно выпадалъ на полъ, когда онъ не могъ разобрать какую-нибудь бумагу, что служило предметомъ общаго смѣха. Сегодня у него кортикъ, какъ на зло, снова выпалъ, и Частникъ, подойдя къ намъ, сказалъ: „смотрите, у Мишки снова кортикъ выпалъ". Мы всѣ сорокъ человѣкъ разсмѣялись, а больше всѣхъ хохоталъ матросъ Антоненко, которому ужасно понравилось замѣчаніе Частника. Одинъ только лейтенантъ Шмидтъ все время молчалъ, былъ серьезенъ и нервно прохаживался взадъ и впередъ въ этомъ тѣсномъ кольцѣ.

Наконецъ, Мишка какъ то торжественно и громкимъ, точно не своимъ, голосомъ закричалъ: судъ идетъ! Вдругъ, какъ-бы по командѣ, всѣ замолкли, и наступила тишина, а Мишка, виновникъ этой тишины, стоялъ у своего кресла и принялъ позу имянинника. „Сейчасъ пойду поздравлять Мишку съ днемъ ангела", сказалъ тихо Частникъ.

Всѣ мы направили свои взоры на таинственную дверь, откуда должны выйти тѣ люди, которые отъ имени *царя и якобы народа* присудили къ смертной казни четырехъ народныхъ борцовъ.

Толстые, жирные, еле передвигая ноги, выползли эти шесть представителей Ѳемиды, походившіе на какихъ то провинціальныхъ мясниковъ, только случайно, на нѣкоторое время, разодѣтыхъ въ эти красивые, расшитые золотомъ и серебромъ мундиры. Медленно, вяло, какъ бы послѣ обильнаго ужина, они подошли къ судейскому столу и заняли свои кресла съ высокими спинками.

Появился, но только черезъ другую дверь, представитель обвиненія, красавецъ Ронжинъ. Весь онъ дышалъ довольствомъ, радостью, точно бы только что открылъ какую-то величайшую тайну, которая принесетъ всѣмъ людямъ счастье и миръ. Онъ кокетливо поклонился судьямъ, широко и красиво развелъ ру-

ками, видимо стараясь всѣмъ намъ внушить мысль, что онъ ни разу не видалъ господъ судей во время постановленія приговора.

Предсѣдатель суда, военно-морской судья подполковникъ Александровъ, вѣрный рабъ царя и адмирала Чухнина, уже специализировавшійся въ подобныхъ процессахъ, гдѣ приходится приговаривать къ смертной казни, — онъ былъ въ качествѣ прокурора въ дѣлѣ „прутовцевъ" и въ качествѣ предсѣдателя суда въ дѣлѣ „Трехъ святителей", — началъ медленно и тихо читать приговоръ. Чтеніе тянулось минутъ пятнадцать. По мѣрѣ того, какъ оно подходило къ концу, предсѣдатель Александровъ все возвышалъ голосъ и послѣдніе слова онъ почти выкрикивалъ, но кричалъ медленно, то и дѣло поглядывая на насъ и слѣдя за тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ его чтеніе на лейтенанта Шмидта и другихъ подсудимыхъ.

Мы выслушали приговоръ молча и только одинъ, матросъ Гладковъ, крикнулъ: „Отъ рабовъ адмирала Чухнина я ничего другого не ожидалъ!", да лейтенантъ Шмидтъ, смѣясь, замѣтилъ: „Адмиралъ Чухнинъ даже пули для меня пожалѣлъ".

* * *

Вотъ точный текстъ приговора. Временный Военно-Морской судъ приговорилъ: отставного лейтенанта Петра Шмидта лишить правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе. Старшаго баталера Сергѣя Частника, комендора Никиту Антоненко и машиниста Александра Гладкова исключить изъ службы, съ лишеніемъ воинскаго званія, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Крестьянина Григорія Ялинича, студентовъ Александра Пятина и Петра Моишеева, боцмантмата Исаака Уланскаго, старшаго квартирмейстера Александра Куприкова, Федора Симакова, Ивана Родіонова, артиллерійскаго квартирмейстера Григорія Абрамова, подшкипера Василія Карнаухова, хозяина трюмныхъ отсѣковъ Михаила Фоминова, машиниста Александра Докукина, Іоганеса Сабельдтфельда и матросовъ: Арменія Осадчаго, Павла Соловьева, Николая Баранова, Арсенія Жигулина, Алексѣя Бобликова и Бориса Туркевича лишить всѣхъ правъ состоянія, и воинскаго званія и воинскихъ чиновъ съ исключеніемъ изъ службы, и сослать въ каторжныя работы: Ялинича и Уланскаго безъ срока, Куприкова, Карнаухова, Соловьева и Осадчаго на двадцать лѣтъ каждаго; Абрамова и Докукина на пятнадцать лѣтъ каждаго; Баранова на двѣнадцать лѣтъ; Пятина, Моишеева, Симакова на десять лѣтъ каждаго; Родіонова и Жигулина на восемь лѣтъ каждаго; Сабельдтфельда и Бобликова на семь лѣтъ каждаго; Фоминова и Туркевича на четыре года каждаго, съ послѣдствіями ст. 22-28 Улож. о наказ. Уголовнаго и Исп. опредѣленными.

Сигнальщика Ефима Коржа, машиниста Федора Сидорова, гальванера Сергѣя Чербо, комендора Антона Коляду, минера Александра Преображенскаго, матросовъ Георгія Курочкина и Кузьму Сидорова (онъ же Соколовъ), кочегаровъ: Михайла Кудимова и Василія Плетнева лишить воинскаго званія съ исключеніемъ изъ службы, и всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства: Коржа, Кудимова, Курочкина и Плетнева на четыре года каждаго; Федора Сидорова, Кузьму Сидорова (онъ же Соколовъ) и Чембо на три года каждаго; Коляду и Преображенскаго на два года каждаго, съ послѣдствіями 43 ст. Улож. и Наказ. Угол. и Испр., указанными, а по освобожденію ихъ отъ работъ въ сихъ отдѣленіяхъ отдать ихъ подъ надзоръ мѣстной полиціи на четыре года, на основаніи 58 ст. того же Уложен. по продолженію 1902 года.

Старшаго квартирмейстера Ивана Сазонова, комендоровъ: Ивана Александрова, Даніила Богача, Андрея Ковалева, гальванера Федора Блинова, матросовъ Петра Опарина, Александра Рыбина, Герасима Федотова и кочегаровъ: Григорія Чебаненко и Ивана Юрченко на основаніи 1 пункта 825 ст. Военн. Морс. Устава считать по суду оправданными.

* * *

Итакъ, комедія военно-морского суда кончилась! Смѣшно и жалко было смотрѣть на этихъ почтенныхъ моряковъ, сѣдыхъ, уважаемыхъ всей морской семьей, какъ они разыгрывали всю эту комедію, называющуюся военнымъ судомъ. Приговоръ былъ продиктованъ заранѣе, и нашимъ почтеннымъ судьямъ, въ орденахъ и лентахъ, оставалось только скрѣпить его своими подписями.

Я никакъ не могу понять, для чего понадобилась вся эта жалкая комедія адмиралу Чухнину и морскому министерству.

Не лучше ли было бы взять, да и разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, которые были необходимы для удовлетворенія самодурства адмирала Чухнина, какъ это дѣлали его почтенные коллеги въ Варшавѣ, въ Москвѣ, Сибири, на Кавказѣ и т. д.?

Лейтенантъ Шмидтъ, въ своей послѣдней рѣчи на судѣ, сказалъ:

„Гг. судьи! я понимаю, что ваше положеніе очень тяжелое. Человѣку-христіанину легче самому умереть, чѣмъ другихъ приговаривать къ смертной казни“. И я долженъ замѣтить, что, дѣйствительно, положеніе нашихъ судей было въ высшей степени тяжелое и уродливое, и они должны были судить такъ, какъ этого хотѣлъ старый адмиралъ Чухнинъ и его приближенные.

Сейчасъ же послѣ чтенія приговора всѣхъ насъ вывели въ

стеклянный корридоръ, и мы свободно могли разговаривать съ матросами и караульными солдатами. Къ намъ подошелъ одинъ солдатикъ-армеецъ, который былъ служителемъ въ этомъ зданіи. Во время совѣщанія судей по нашему дѣлу, онъ, вмѣстѣ съ другими, подавалъ имъ чай и обѣдъ и, конечно, подслушалъ то, о чемъ тамъ говорили. Онъ намъ разсказалъ слѣдующее.

На судѣ, на вопросъ судіи, лейтенантъ Шмидтъ все время называлъ себя монархистомъ и даже причислялъ себя, по своимъ убѣжденіямъ, къ конституціонно-демократической партіи. Государь, по словамъ разсказчика, сейчасъ же послѣ севастопольскаго возстанія, черезъ предсѣдателя слѣдственной комиссіи, генерала-лейтенанта Колосова, предлагалъ Шмидту покаяться въ своихъ дѣйствіяхъ за что онъ, государь, даруетъ ему жизнь. На это предложеніе лейтенантъ Шмидтъ отвѣтилъ генералу Колосову: „Если бы я раскаялся въ своихъ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ, то мой государь-императоръ пересталъ бы меня уважать, и я бы сдѣлался его рабомъ, а не слугой-вѣрноподаннымъ. Рабомъ я быть не желаю, а вѣрноподаннымъ-слугой всегда былъ, есть и буду“. Принимая все это во вниманіе, судья Бѣляевъ, капитанъ перваго ранга, георгіевскій кавалеръ, сдѣлалъ заявленіе, что приговаривать лейтенанта Шмидта къ смертной казни невозможно въ виду его явныхъ монархическихъ убѣжденій, а, слѣдовательно, невозможно приговаривать и другихъ его товарищей, хотя они и соціалисты и республиканцы, такъ какъ глава всего этого процесса — лейтенантъ Шмидтъ. Къ мнѣнію Бѣляева присоединились судьи моряки: Васильевъ, Константиновъ и Морицшильдъ, а противъ были только предсѣдатель суда Александровъ и военно-морской судья Воеводскій. Большинство было на сторонѣ Бѣляева и жизнь лейтенанту Шмидту и его товарищамъ матросамъ была, такимъ образомъ, обезпечена.

Тогда предсѣдатель суда Александровъ объявилъ перерывъ для обѣда и послалъ адмиралу Чухнину телеграмму обо всемъ случившемся. Не успѣли судьи хорошенько пообѣдать, какъ получился отвѣтъ отъ Чухнина: „если вы всѣ желаете, чтобы негодяй Шмидтъ былъ въ маѣ*) мѣсяцѣ морскимъ министромъ, то даруйте ему жизнь. Мнѣ же кажется, что этого негодяя нужно какъ можно скорѣе повѣсить“.

Эта телеграмма рѣшила участь лейтенанта Шмидта и другихъ матросовъ. Сѣдой георгіевскій кавалеръ Бѣляевъ и его сторонники, капитаны перваго и второго ранга, должны были, вопреки своимъ убѣжденіямъ и своей совѣсти, только по приказу какого то изувѣра-самодура Чухнина, подписать своими дрожащими, стариковскими руками смертный приговоръ человѣку, котораго они считали монархистомъ, слугой русскаго

*) Въ это время уже было извѣстно, что первая государственная Дума собирается 27 апрѣля и что она будетъ кадетская.

царя, который всю свою жизнь прожилъ въ морской семьѣ и котораго они знали чуть ли не со школьной скамьи.

Выяснилась и еще одна маленькая ненормальность этого важнаго совѣщанія представителей Ѳемиды: прокуроръ Ронжинъ присутствовалъ при совѣщаніи судей и время отъ времени подавалъ свои совѣты, которые, конечно, сейчасъ же принимались во вниманіе его коллегой, предсѣдателемъ Александровымъ. Наши защитники на эту вторую ненормальность указывали въ своей кассаціонной жалобѣ, но, какъ извѣстно, кассаціонная жалоба дальше канцеляріи адмирала Чухнина не пошла.

* * *

Пока мы стояли въ этомъ стеклянномъ корридорѣ, — а это продолжалось около часа, — лейтенантъ Шмидтъ и нѣкоторые другіе подсудимые матросы имѣли свиданья со своими родственниками, которые пріѣхали изъ далекихъ, глухихъ деревушекъ, узнавъ изъ газетъ, что ихъ сыновей, братьевъ судятъ за то, что они хотѣли отнять землю у богачей-помѣщиковъ и отдать ее бѣднякамъ-крестьянамъ.

Въ это время я впервые послѣ моего ареста имѣлъ возможность побесѣдовать съ матросами, что называется, по душамъ. Матросъ Гладковъ намъ заявилъ: „если бы я только зналъ, что лейтенантъ Шмидтъ — монархистъ, то я его ни за что не приглашалъ бы на крейсеръ „Очаковъ", и если бы Шмидтъ захотѣлъ пріѣхать самовольно, то я его не пустилъ бы на судно. Монархисту съ соціалистами дѣлать нечего!" мрачно закончилъ свою мысль Гладковъ. И тутъ же я услышалъ отъ Гладкова, Антоненко, Частника и другихъ слѣдующее интересное сообщеніе: комитетъ матросскихъ депутатовъ поручилъ лейтенанту Шмидту въ ночь съ четырнадцатаго на пятнадцатое ноября арестовать адмиральское судно — броненосецъ „Ростиславъ"*).

Планъ былъ слѣдующій: Шмидтъ вмѣстѣ съ боевой ротой изъ очаковцевъ долженъ поѣхать на броненосецъ „Ростиславъ" и тамъ арестовать всѣхъ офицеровъ и завладѣть броненосцемъ, что было очень легко, въ виду того, что команда этого адмиральскаго судна была лучше всѣхъ распропагандирована и не оказала бы никакого сопротивленія боевой ротѣ. Сама же команда арестовывать своихъ офицеровъ считала не красивымъ и неудобнымъ, и матросы на этотъ счетъ имѣли свои глубокіе психологическіе мотивы.

Когда же адмиральское судно оказалось бы въ рукахъ революціонеровъ-матросовъ, то лейтенантъ Шмидтъ долженъ былъ дать сигналъ по всѣмъ остальнымъ судамъ, что адмиралъ требуетъ командировъ судовъ и старшихъ офицеровъ пріѣхать на броненосецъ „Ростиславъ", и какъ только всѣ они пріѣхали

---

*) До потемкинскихъ дней адмиральскимъ судномъ былъ броненосецъ «Потемкинъ»

бы на „Ростиславъ“ — они были бы арестованы, а затѣмъ легко уже было бы завладѣть всѣми судами, такъ какъ команда безъ командировъ не стала бы сопротивляться тѣмъ болѣе, что всѣ матросы сочувственно относились къ революціонному движенію и съ радостью примкнули бы къ возставшимъ матросамъ, если бы только видѣли на сторонѣ возставшихъ какую-нибудь физическую силу.

Завладѣвши всѣми судами, которыя стоятъ въ Севастопольской бухтѣ, легко было бы привлечь на свою сторону и весь севастопольскій гарнизонъ и черезъ нѣсколько часовъ возставшіе матросы были бы хозяевами города Севастополя.

Надо сказать, что крѣпость и полевая артилерія въ Севастополѣ пассивно примкнули бы къ революціонерамъ, а комендантъ крѣпости, генералъ Неплюевъ, былъ уже давно арестованъ и сидѣлъ въ плѣну въ Лазаревскихъ казармахъ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ матроскихъ депутатовъ во главѣ съ Ворониндымъ и Канторовичемъ. Саперы, телеграфисты, понтеры давнымъ давно присоединились къ революціонерамъ, взорвали часть желѣзной дороги и испортили военный телеграфъ и телефонъ.

У адмирала Чухнина остались только Бѣлостокскій и Брестскій полки, да нѣсколько сотъ пьяныхъ донскихъ козаковъ. Первые два полка, вѣроятно, присоединились бы къ возставшимъ, такъ какъ въ нихъ было много организованныхъ солдатъ, и всякій разъ, когда эти полки вызывали на усмиреніе, они обыкновенно стрѣляли вверхъ и никого не убивали и не ранили.

Когда весь севастопольскій гарнизонъ сталъ бы на сторону возставшихъ, предполагалось устроить временныя укрѣпленія на Перекопскомъ перешейкѣ и перевести туда полевую артилерію и часть крѣпостной. Тогда бы Севастополь былъ недоступенъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока хватило бы провіанта.

Укрѣпленія на Перекопскомъ перешейкѣ защищали бы Крымскій полуостровъ съ суши отъ правительственныхъ войскъ, а съ моря русское правительство не могло нападать, ибо въ то время весь балтійскій флотъ былъ на днѣ Японскаго моря, а кромѣ того входъ черезъ Босфоръ запрещенъ для русскихъ военныхъ судовъ.

Единственный выходъ, который оставался бы для русскаго правительства, это — обратиться къ Вильгельму II за помощью и просить, чтобы онъ послалъ свой нѣмецкій флотъ для завоеванія Крымскаго полуострова.

Сейчасъ же послѣ взятія Севастополя предполагалось послать часть судовъ для завоеванія Кавказа, а другую часть судовъ для завоеванія побережья Чернаго моря и города Одессы.

Завоевать Кавказъ, Одессу, побережье Чернаго моря казалось въ то время весьма возможнымъ, ибо это былъ періодъ вооружен-

ныхъ возстаній: баррикады въ Москвѣ, въ Екатеринославѣ, въ Ростовѣ-на-Дону и т. д., военныя возстанія въ Кіевѣ, въ Воронежѣ, военная демонстрація въ Харьковѣ; возстанія въ Сибири, на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ и т. д., и т. д. Севастополь служилъ бы только тѣмъ революціоннымъ очагомъ, вокругъ котораго сосредочивались бы революціонныя силы, чтобы произвести окончательную атаку на русское самодержавіе.

Таковъ былъ планъ возставшихъ матросовъ.

Но лейтенантъ Шмидтъ не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ захвату броненосеца „Ростислава", и когда ему объ этомъ напомнили, то онъ заявилъ: завтра утромъ, когда команда судовъ узнаетъ, что я нахожусь на крейсерѣ „Очаковѣ", то она сама ко мнѣ добровольно присоединится.

Въ ту же ночь становится извѣстнымъ, что на адмиральскомъ суднѣ „Ростиславъ" собрался военный совѣтъ, во главѣ съ адмираломъ Чухнинымъ и прибалтійскимъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ. Матросъ К., находящійся теперь въ Александровской каторжной тюрьмѣ, предложилъ лейтенанту Шмидту слѣдующее: онъ жертвуетъ своею жизнью ради родины и хочетъ пустить въ носовую часть „Ростислава" мину, которая взорвала бы на воздухъ весь военный совѣтъ и, конечно, часть матросовъ, которые находились въ носовой части судна или же вблизи нея.

На это предложеніе матроса лейтенантъ Шмидтъ отвѣтилъ: „кровопролитія я не желаю".

И военный совѣтъ благополучно окончилъ свое „историческое" засѣданіе, на которомъ рѣшилъ во что бы то ни стало поскорѣе разстрѣлять всѣхъ возставшихъ нижнихъ чиновъ, во главѣ съ лейтенантомъ Шмидтомъ. Это было приведено въ исполненіе въ три часа пятнадцатаго ноября.

* * *

Нашъ караульный начальникъ, толстый, низенькій армейскій офицеръ, который обыкновенно, во время рѣчей лейтенанта Шмидта, плакалъ горючими, искренними слезами, приказалъ намъ готовиться къ отправкѣ на транспортъ „Прутъ".

Солдаты и матросы, которые насъ охраняли въ теченіе двухъ недѣль, пока происходилъ судъ, подходили ко всѣмъ намъ и крѣпко жали руки на прощаніе.

Нашлось даже нѣсколько армейскихъ офицеровъ, которые храбро подошли къ лейтенанту Шмидту и Частнику и, на виду у всѣхъ, съ ними расцѣловались.

Офицеры же моряки стояли въ сторонѣ и только подсмѣивались надъ этимъ трогательнымъ прощаніемъ...

Мнѣ невольно въ эту минуту вспомнились жалкіе, несчастные, плачущіе морскіе офицеры, когда они находились въ плѣну на „Очаковѣ" 15-го ноября.

На своемъ короткомъ вѣку мнѣ пришлось видѣть много политическихъ арестованныхъ: мужчинъ, женщинъ, молодыхъ, старыхъ и совсѣмъ молоденькихъ дѣвицъ, сознательныхъ, безсознательныхъ и т. д., но у всѣхъ ихъ всегда было человѣческое достоинство и извѣстное чувство гордости передъ врагомъ. Всѣ же эти арестованные офицеры, исключая двухъ, трехъ человѣкъ, когда были въ плѣну на „Очаковѣ", производили впечатлѣніе какихъ-то жалкихъ, забитыхъ людей. Они совершенно забыли свою военную выправку и про свое „офицерское достоинство", о которомъ они любятъ такъ много говорить всегда и вездѣ.

Зато какими храбрецами держались всѣ эти молодцы, когда „Очаковъ" былъ разстрѣлянъ и ихъ перевезли на адмиральское судно, гдѣ уже сидѣлъ арестованный лейтенантъ Шмидтъ!

Лейтенантъ Шмидтъ обошелся съ ними на „Очаковѣ" по товарищески и очень любезно; здѣсь же, на „Ростиславѣ", они подходили къ каютѣ, гдѣ сидѣлъ Шмидтъ, и ругали его самыми послѣдними, отборными ругательствами, а докторъ Антоновъ, сотрудникъ „Новаго Времени", подошелъ къ лейтенанту Шмидту и показалъ ему свой красный, жирный языкъ...

* * *

Нашъ кортежъ, окруженный со всѣхъ сторонъ войсками всѣхъ родовъ оружія, а таже неизмѣнными въ такихъ случаяхъ казаками, кстати сказать, изрядно выпившими, медленно и тихо двигался впередъ вдоль большой, широкой улицы маленькаго морского городка.

Всѣ обитатели его высыпали на улицу, чтобы посмотрѣть на такое необыкновенное зрѣлище.

Огромная обывательская толпа мужчинъ и женщинъ, старыхъ, молодыхъ и даже ребятишекъ молча и какъ-то трусливо жалась вокругъ нашего кортежа. У многихъ на лицахъ неестественная, не то подобострастная, не то трусливая улыбка. Мы не знали къ кому, въ сущности, относилась эта улыбка: къ намъ ли, арестованнымъ, или же къ пьянымъ казакамъ, которыхъ обыватели желали, быть можетъ, задобрить, чтобы ихъ не отгоняли нагайками. Среди молодежи нашлись и такіе, которые, по наивности ли или изъ сочувствія, просили насъ спѣть какую-нибудь революціонную пѣсню. Но лейтенантъ Шмидтъ, обращаясь къ намъ, попросилъ насъ, чтобы мы молча прошли весь путь — это будетъ торжественнѣе и величественнѣе.

— На крестъ должно итти всегда молча! — прибавилъ онъ.

Насъ усадили на военный баркасъ, не давъ даже попрощаться съ нашими конвойными, — одинъ только молоденькій солдатикъ, во время караула ужасно грубо обращавшійся съ нами, теперь, когда мы уходили навсегда изъ гостепріимнаго, маленькаго городка, успѣлъ подбѣжать къ намъ и сталъ со

всѣми нами цѣловаться, а смертникамъ даже поцѣловалъ руки и громко тутъ же намъ заявилъ, что только сегодня понялъ, какіе мы враги народа.

* * *

Баркасъ причалилъ къ транспорту „Пруту“ и мы стали медленно и тихо подниматься на верхъ, такъ какъ всѣмъ намъ хотѣлось еще нѣсколько минутъ побыть вмѣстѣ...

Начался обычный, безцеремонный обыскъ, и у всѣхъ насъ почему-то отобрали кожаные ремни и книги, а ножи оставили.

Меня и Пятина посадили въ маленькую, чистенькую офицерскую каюту. Лейтенанта Шмидта посадили рядомъ съ нами въ той самой каютѣ, изъ которой онъ 15-го ноября освободилъ арестованныхъ офицеровъ-потемкинцевъ.

Частника, Гладкова и Антоненко посадили всѣхъ вмѣстѣ гдѣ-то внизу, а рядомъ съ ними помѣстили матросовъ-каторжанъ.

Черезъ два дня къ намъ на „Прутъ“ снова пріѣхалъ весь судъ и намъ снова читали приговоръ. Тутъ же предсѣдатель сообщилъ намъ, что мы имѣемъ право подать кассацію, хотя самъ предсѣдатель и всѣ судьи были заранѣе увѣрены, что адмиралъ Чухнинъ не дастъ ходу кассаціонной жалобѣ.

Жизнь на „Прутѣ“ была скучна и однообразна, и одинъ только А. П. Винбергъ немного разнообразилъ наше одиночество. Лейтенантъ же Шмидтъ, какъ истинный морякъ, который любитъ свое море выше всего, чувствовалъ себя очень хорошо и даже началъ заниматься живописью.

Мы каждый день читали газеты и, судя по нимъ, были увѣрены, что адмиралъ Чухнинъ и „конституціонное“ правительство Николая II не посмѣетъ убить этихъ четырехъ плѣнниковъ, ибо этого не хочетъ весь русскій народъ.

Прибыли изъ Петербурга извѣстія, что правительство Витте-Дурново ничего не имѣетъ противъ помилованія всѣхъ осужденныхъ на казнь. Адмиралъ Чухнинъ продлилъ срокъ подачи кассаціонной жалобы, хотя кассаціонная жалоба была давнымъ давно подана. Мы ждали.

Ночь передъ казнью.

Прошли двѣ недѣли томительнаго ожиданія.

Мы уже начали думать, что нашей кассаціонной жалобѣ данъ ходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ рождалась надежда на то, что нашимъ товарищамъ будетъ сохранена жизнь.

Былъ пасмурный, южный мартовскій вечеръ. Вся огромная морская гладь была покрыта легкой, прозрачной пеленой сѣ-

раго тумана, который почти касался гладкой, зеркальной поверхности моря.

— А знаете, — обратился къ намъ лейтенантъ Шмидтъ, — завтра будетъ прекрасное утро; я ужасно люблю мартовскія утра на югѣ, которыя придаютъ какую-то особую прелесть и величіе всей южной природѣ.

Не успѣлъ Шмидтъ окончить мечтаній о природѣ и ея красотѣ, какъ вдали, сквозь пелену сѣраго тумана, мы различили маленькое военное судно, державшее, казалось, свой путь прямо на насъ.

— Это миноносецъ „Терецъ"! — съ какимъ-то ужасомъ заявилъ Шмидтъ.

Мы сразу поняли и почувствовали, что этотъ маленькій миноносецъ везетъ смерть нашимъ дорогимъ товарищамъ и что на немъ находятся тѣ палачи, которые завтра, на разсвѣтѣ, именемъ закона и императора, убьютъ нашихъ друзей. Миноносецъ „Терецъ" былъ единственное судно, которое оставалось все время вѣрнымъ адмиралу Чухнину. Всюду, гдѣ появлялся этотъ адмиральскій миноносецъ, онъ приносилъ съ собой смерть и разстрѣлъ, и сейчасъ, увидя его издали приближающимся къ намъ, мы были увѣрены, что нашъ приговоръ утвержденъ и что завтра будутъ казни.

— Смерть намъ везетъ! — съ какимъ-то безразличіемъ и апатіей заявилъ намъ Шмидтъ, какъ будто бы эту смерть везутъ не ему, Шмидту, а кому-то другому, далекому, котораго Шмидтъ даже и не знаетъ. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Ну, что же, умремъ, если это такъ необходимо адмиралу Чухнину, а русскому народу нужна только моя жизнь. Мнѣ умирать не страшно, и смерти я не боюсь?... Но за что, за что хотятъ убить еще трехъ человѣкъ?... Они такіе молодые, сильные, хорошіе люди и жить имъ ужасно хочется и жить они должны, ибо они необходимы обновленной Россіи. А жить все-таки хочется... Не хочется умирать въ эту минуту, когда въ Россіи начинается новая, красивая, великая жизнь. Я всю жизнь стремился къ этой новой жизни, и когда она почти на порогѣ, когда назначенъ даже день, когда народная Россія должна собраться 27 апрѣля въ Таврическомъ дворцѣ, мнѣ приходится умирать... Я не услышу мощныхъ, сильныхъ словъ народныхъ представителей, когда они будутъ требовать для русскаго крестьянина землю и волю.

Миноносецъ „Терецъ" на всѣхъ парахъ подошелъ почти къ самому „Пруту". Тотчасъ же катеръ направился къ нашему кораблю; въ немъ было нѣсколько новыхъ морскихъ офицеровъ и два молоденькихъ офицерика въ судейской формѣ. Теперь было ясно, что убійства неизбѣжны... Эти два чистенькихъ, молоденькихъ офицерика въ судейской формѣ командированы,

несомнѣнно, для того, чтобы присутствовать на самомъ убійствѣ въ качествѣ представителей закона.

На палубѣ началась невообразимая бѣготня. Наши караулы сейчасъ же были увеличены. По всему судну начали ходить патрули.

Дверь нашей каюты быстро открылась, и въ нашу маленькую комнатку ворвалась цѣлая толпа вооруженныхъ людей.

Пожилой армейскій капитанъ началъ грубымъ голосомъ читать конфирмацію приговора. При чтеніи голосъ его все время дрожалъ. Казалось, что этотъ толстый, грубый солдатъ вотъ-вотъ разревется въ нашей маленькой каютѣ. Но все обошлось благополучно... И намъ не пришлось видѣть этого рыдающаго офицера, когда онъ плакалъ въ каютѣ у лейтенанта Шмидта.

Адмиралъ Чухнинъ утвердилъ все произведеніе прокурора Ронжина и предсѣдателя суда Александрова и только одному Шмидту оказалъ „свою адмиральскую милость“ и замѣнилъ казнь черезъ повѣшеніе казнью черезъ разстрѣлъ.

По этому поводу многіе матросы и офицеры намъ говорили, что адмиралъ Чухнинъ въ то время не могъ найти палача, а отложить на время убійство ему не хотѣлось, ибо онъ боялся, что обстоятельства могутъ измѣниться и Шмидтъ останется жить и, чего добраго, со временемъ будетъ еще морскимъ министромъ.

Шмидтъ выслушалъ приговоръ спокойно и просилъ только поблагодарить адмирала Чухнина за его „милость“.

Частникъ, Гладковъ и Антоненко сказали, что они ничего другого и не ожидали отъ этого кровопійцы.

Прибылъ нашъ защитникъ А. П. Винбергъ. Сколько ему пришлось перестрадать въ эту тяжелую минуту! Всѣ мы страшно нервничали, злились отъ сознанія своего безсилія помѣшать готовившемуся у насъ на глазахъ преступленію, и бѣдному Анатолію Петровичу пришлось переходить изъ одной каюты въ другую и утѣшать насъ, насколько только онъ могъ и хватало его силъ.

Послѣднимъ онъ посѣтилъ лейтенанта Шмидта и пробылъ въ его каютѣ около двухъ часовъ.

Наше положеніе было ужасное... Тяжело сидѣть рядомъ съ людьми, которымъ осталось жить на бѣломъ свѣтѣ не больше 12-ти часовъ. Мы считали ихъ уже покойниками, какъ будто случайно забредшими съ того свѣта на этотъ ужасный корабль, на которомъ находятся палачи и убійцы. Завтра, на разсвѣтѣ, когда пурпуровое, весеннее солнце обласкаетъ море своими золотистыми лучами, эти покойники уйдутъ, уйдутъ незамѣтно, тихо, одиноко, и никто не пойдетъ провожать этихъ бывшихъ борцовъ за народъ до ихъ сырыхъ, холодныхъ могилъ, гдѣ-то уже ожидающихъ ихъ... Не будетъ близко ни друга, ни товарища, ни одного родного человѣка, чтобы сказать имъ послѣд-

нее „прощай“ и бросить горсть земли на черную крышку гроба.

Всѣ они будутъ окружены въ послѣднюю минуту только врагами и безсознательной массой солдатъ и матросовъ, превращенныхъ въ убійцъ своихъ же товарищей...

* *
*

Картина на нашемъ суднѣ сразу измѣнилась.

Нѣтъ болѣе ни веселаго говора, ни удалыхъ матроскихъ пѣсенъ, не слышно русской гармоніи. Всѣ присмирѣли, все затихло, и только морскія волны нарушаютъ эту зловѣщую тишину, съ шумомъ ударяясь о желѣзный бортъ нашего корабля.

Всѣхъ мучитъ мысль о близкой казни... У всѣхъ передъ глазами стоятъ живыми четыре покойника...

Многіе изъ часовыхъ, стоя съ ружьями на плечѣ, утирали подоломъ грубой, сѣрой солдатской шинели горячія слезы, которыя текли по ихъ загорѣлымъ лицамъ.

Но были между ними и такіе, которые оставались, какъ будто, совершенно равнодушны къ предстоящему ужасу и, точно нарочно, насвистывали веселыя пѣсни.

Какъ потомъ выяснилось, это были переодѣтые шпики изъ охранки и одѣтые солдатами морскіе офицеры.

Чухнинъ никому не довѣрялъ лейтенанта Шмидта, и ему все время казалось, что Шмидтъ какъ-нибудь удеретъ съ „Прута“. Теперь же, когда до казни оставалось лишь нѣсколько часовъ, онъ приказалъ особенно тщательно слѣдить за Шмидтомъ и его товарищами-матросами. Съ этой цѣлью были увеличены караулы, которые были составлены изъ разныхъ частей арміи и флота, чтобы караульные нижніе чины не оказались знакомыми другъ съ другомъ и не сговорились какъ-нибудь освободить Шмидта и его товарищей.

Но всѣ эти мѣры показались Чухнину недостаточными, и онъ послалъ еще изъ Севастополя спеціальный отрядъ моряковъ, состоящій, какъ оказалось, изъ переодѣтыхъ шпиковъ одесской охранки и нѣсколькихъ преданныхъ ему морскихъ офицеровъ.

Долженъ замѣтить, между прочимъ, что всѣ эти мѣры предосторожности были совершенно излишни, такъ какъ лейтенантъ Шмидтъ не собирался удирать, хотя ему нѣсколько разъ представлялась возможность побѣга. Я разскажу здѣсь только объ одномъ случаѣ, когда Шмидтъ могъ свободно избѣжать своей участи быть убитымъ.

Матросы, приговоренные къ каторгѣ, быстро завели знакомство и дружбу съ армейскими солдатами, которые насъ охраняли. Солдатики оказались народомъ податливымъ и уже къ концу первой недѣли они соглашались устроить всѣмъ намъ

побѣгъ. Особенно же они хотѣли спасти Шмидта и его товарищей-матросовъ, вмѣстѣ съ нимъ приговоренныхъ къ смертной казни.

Планъ побѣга былъ слѣдующій: матросы-каторжане, во время вечерней повѣрки, нападаютъ на часовыхъ и патрульныхъ солдатъ, отнимаютъ у нихъ ружья, а самихъ связываютъ. Съ ружьями въ рукахъ они идутъ въ караульное помѣщеніе, тамъ арестовываютъ весь караулъ, забираютъ оружіе и становятся, такимъ образомъ, хозяевами положенія.

Когда транспортъ „Прутъ" оказался бы въ нашихъ рукахъ, мы должны были развести пары, дождаться полночи и затѣмъ направиться въ Румынію, гдѣ мы были бы рано утромъ слѣдующаго дня. Съ Очаковской крѣпости въ насъ не стрѣляли бы, такъ какъ велись переговоры съ крѣпостниками и тѣ обѣщали намъ спрятать на время ударники, безъ которыхъ пушка стрѣлять не можетъ.

Осуществить этотъ планъ намъ, слѣдовательно, казалось не труднымъ.

Но когда объ этомъ начали вести переговоры съ Шмидтомъ, онъ заявилъ, что желаетъ нести свой крестъ до конца и отказывается отъ всякой мысли о побѣгѣ.

* * *

Узнавъ о томъ, что завтра, на разсвѣтѣ, будетъ совершена казнь, лейтенантъ Шмидтъ послалъ телеграмму Чухнину, прося его разрѣшить ему свиданіе съ сестрой, которая завтра должна пріѣхать изъ Петербурга, куда она ѣздила хлопотать о помилованіи всѣхъ осужденныхъ на смертную казнь. Адмиралъ Чухнинъ отвѣтилъ командиру „Прута" капитану 1-го ранга Радецкому, что казнь должна быть исполнена немедленно и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и предсмертнаго свиданія Шмидту съ его сестрой не разрѣшилъ.

Къ 12-ти часамъ ночи почти всѣ офицеры напились. Пьяные, съ безумными глазами, съ блуждающими взглядами, бродили они одиноко по огромному военному кораблю, боясь и стыдясь встрѣчаться другъ съ другомъ.

Прибыли съ миноносца „Терецъ" еще какіе-то новые офицеры и они только и дѣлали, что пили, пили безъ конца.

Говорятъ, что трезвымъ трудно убивать и разстрѣливать, а пьяные не понимаютъ, что дѣлаютъ.

Лейтенантъ Шмидтъ попросилъ себѣ бумаги и весь вечеръ и всю ночь писалъ письма къ своимъ друзьямъ и знакомымъ и завѣщаніе своему маленькому сыну Женѣ, съ которымъ онъ провелъ нѣсколько недѣль въ очаковскомъ казематѣ, гдѣ онъ сидѣлъ послѣ 15-го ноября.

Не знаю, дошли ли эти письма до тѣхъ, кому онъ писалъ

ихъ, хотя командиръ „Прута“, капитанъ Радецкій, обѣщалъ всѣ ихъ передать по назначенію.

Частникъ и Гладковъ были спокойны, чувствовали себя бодро, хорошо и весь вечеръ вели бесѣду съ матросами-каторжанами и караульными солдатами. Одинъ лишь Антоненко былъ немного сумраченъ и печаленъ и все время ожидалъ, что къ нему сегодня изъ далекой деревни пріѣдетъ его молодая, красивая жена съ двумя маленькими ребятишками...

— Ужасно какъ хочется видѣть свою бабу передъ смертью и благословить своихъ малыхъ дѣтей, — твердилъ поминутно весь вечеръ Антоненко.

Но его молодая жена въ этотъ ужасный вечеръ сидѣла у себя въ бѣдной хатѣ, въ далекой Саратовской губерніи, и ничего не знала о казни своего мужа, Никиты Григорьевича.

Частникъ и Гладковъ не проявляли ни малѣйшаго волненія и просили только отомстить за ихъ смерть всѣмъ тѣмъ, кто въ ней повиненъ. Матросы, конечно, обѣщали это исполнить, и даже нѣкоторые часовые поклялись отомстить...

* * *

Ровно въ полночь пріѣхалъ изъ Очакова обязательный членъ всѣхъ организованныхъ убійствъ, служитель Христа и церкви.

Съ евангеліемъ и золотымъ крестомъ въ рукахъ онъ быстро прошелъ по всему огромному кораблю, благословляя на своемъ пути встрѣчныхъ матросовъ и пьяныхъ офицеровъ.

Онъ направился въ каюту, гдѣ сидѣли Частникъ, Гладковъ и Антоненко, и сталъ ихъ уговаривать принять передъ смертью святое причастіе и очиститься отъ всѣхъ грѣховъ земныхъ.

— Хорошо, батюшка! — заявилъ Частникъ, — мы примемъ святое причастіе изъ вашихъ святыхъ рукъ, если только вы намъ покажете хоть одно мѣсто въ этомъ евангеліи, что Христосъ училъ убивать людей.

Священнику пришлось только развести руками, и онъ что-то залепеталъ объ ученіи Христа, о долгѣ передъ царемъ и отечествомъ и т. д., но его никто не сталъ слушать и посовѣтовали, чтобы онъ лучше поскорѣе удалился изъ каюты.

Согнувшись въ три погибели, онъ направился къ четвертому осужденному, лейтенанту Шмидту. Лейтенантъ Шмидтъ исповѣдовался и причастился и бесѣдовалъ со священникомъ около двухъ часовъ.

* * *

Два часа ночи. Становится холодно: утренніе мартовскіе заморозки даютъ себя чувствовать. Мы сидимъ въ своей маленькой каютѣ и ждемъ той ужасной минуты, когда отъ насъ будутъ увозить на казнь нашихъ дорогихъ товарищей.

Офицеры всѣ пьяные и еле волочатъ ноги. Они испускаютъ какіе-то нечеловѣческіе возгласы и начинаютъ, видимо, готовиться къ этому ужасному убійству.

Прибыли еще какіе-то новые солдаты и матросы, одѣтые въ походную форму. Лица у нихъ были тревожныя, и походили они на солдатъ, которыхъ отправляютъ на войну.

Командованіе казнью адмиралъ Чухнинъ поручилъ командиру „Прута" Радецкому и какому-то молоденькому лейтенанту, бывшему другу Шмидта, который строилъ на этомъ убійствѣ своего друга свою военную карьеру.

Всѣ корридоры, входы и выходы были заняты вооруженными солдатами. У всѣхъ ружья на боевой прицѣлъ. Достаточно какого-нибудь невѣрнаго движенія, чтобы тебя сейчасъ же убили на мѣстѣ. Офицеры ходятъ съ браунингами въ рукахъ и все время обѣщаютъ кого-то убить. Какіе всѣ они были жалкіе и смѣшные въ эту минуту!

Наконецъ, все готово, и всѣ убійцы на лицо. Подходятъ еще два новыхъ катера съ матросами — это тѣ самые матросы, которые черезъ два, три часа должны разстрѣлять своихъ товарищей-матросовъ и того офицера, который всю жизнь боролся за улучшеніе ихъ матроской участи. Всѣ они пьяные и еле сидятъ на качающемся катерѣ.

— Потушить огни и вывести подсудимыхъ! — кричитъ капитанъ Радецкій.

Тотчасъ же наступила темнота, и гдѣ-то изъ глубины судна показались четыре фигуры, одѣтые во все черное. Они медленно, тихо проходятъ длинные, узкіе корридоры между сомкнутыми рядами селдатъ и матросовъ, и медленно, по лѣстницѣ, поднимаются на палубу, гдѣ ихъ ожидаютъ пьяные офицеры и шпики изъ охранки.

Впереди идетъ лейтенантъ Шмидтъ съ гордо поднятой головой.

Идетъ онъ смѣло, прямо и, глядя на его высокую, стройную фигуру, нельзя повѣрить, что этотъ человѣкъ идетъ на смерть. Мы ему что-то кричимъ изъ нашей каюты, но онъ идетъ прямо и ничего намъ не отвѣчаетъ.

Вслѣдъ за нимъ тихо проходятъ Частникъ, Гладковъ и Антоненко. Всѣ они одѣты въ матроскія черныя, новыя шинели, только безъ погонъ. Тихо они поднимаются вверхъ по лѣстницѣ и все время улыбаются солдатамъ и матросамъ какой-то особенной, сердечной улыбкой, какъ бы извиняясь передъ ними за эту тяжелую минуту и вмѣстѣ съ тѣмъ прощая имъ ихъ невольное участіе въ преступленіи.

— Прощайте, товарищи! — кричимъ мы имъ.

Они услышали, всѣ трое остановились и закричали намъ въ отвѣтъ:

— Прощайте, прощайте, товарищи! пусть наша кровь будетъ послѣдняя, и вамъ поскорѣе желаемъ достать землю для

крестьянъ и себѣ свободу, и тогда обязательно придите на наши могилы.

Въ ту же минуту, по приказанію капитана Радецкаго, забили въ барабаны и мы больше ничего не могли разслышать, хотя они долго стояли на желѣзной лѣстницѣ и что-то намъ еще громко кричали.

На палубѣ всѣхъ ихъ связали толстыми веревками и связанныхъ спускали на катеръ, гдѣ ихъ сейчасъ же окружили тѣснымъ кольцомъ переодѣтые шпики и морскіе офицеры, ибо только имъ однимъ адмиралъ Чухнинъ довѣрялъ Шмидта и его товарищей-матросовъ.

Лейтенантъ Шмидтъ не пожелалъ попрощаться съ нами, а, можетъ быть, ему это не позволилъ севастопольскій самодуръ.

Частнику, Гладкову и Антоненко разрѣшили попрощаться съ матросами-каторжанами.

Говорятъ, что это была потрясающая сцена. Живые люди, товарищи, прощаются съ тѣми, которые черезъ два часа будутъ лежать въ черныхъ гробахъ и будутъ зарыты въ сырой, хоходной землѣ...

Въ самомъ низу большого судна, въ кормовой его части, стоялъ истерическій плачъ: здоровые, сильные, молодые матросы падали въ истерику, въ обморокъ. Ихъ стальные нервы не могли вынести этой ужасной трагедіи.

Одни только приговоренные къ смертной казни стояли спокойно и не проронили ни одной слезы. Они со всѣми побратски расцѣловались. Матросъ Антоненко просилъ передать „своей бабѣ и ребятишкамъ“ привѣтъ и сказать имъ, что онъ умираетъ счастливымъ, ибо умираетъ за свою идею и за народъ.

Сергѣй Частникъ просилъ кого-нибудь съѣздить въ деревню къ его отцу и убѣдить старика, что его сынъ Сережа никакого преступленія передъ русскимъ народомъ не совершилъ.

Дѣло въ слѣдующемъ. Отецъ Частника, старый крестьянинъ лѣтъ шестидесяти, въ лаптяхъ и синемъ зипунѣ, пріѣхалъ на свиданіе къ своему сыну изъ далекой бѣдной деревушки.

Помощники адмирала Чухнина успѣли уже убѣдить стараго крестьянина, что ихъ сынъ совершилъ ужасное государственное преступленіе и нарушилъ клятву передъ русскимъ царемъ и передъ всѣмъ русскимъ народомъ, за что и приговоренъ къ смертной казни.

Во время свиданія Сергѣй Частникъ разсказалъ своему отцу о своемъ „преступленіи“, и когда этотъ старый, сѣдой крестьянинъ сталъ прощаться съ сыномъ, котораго онъ больше никогда не увидитъ, онъ поцѣловалъ его въ лобъ, благословилъ, снялъ съ себя мѣдный, большой крестъ, который онъ носилъ всю свою длинную жизнь, и надѣлъ его на шею своему единственному сыну, своему кормильцу и своей надеждѣ и громко сказалъ:

— Ты мой дорогой сынъ, Сережа, въ такую страшную минуту для тебя не хочешь сказать мнѣ, старику, своему отцу, какое ты совершилъ великое преступленіе и почему ты сталъ клятвопреступникомъ. Неужели ты думаешь, что я, старый человѣкъ, повѣрю тебѣ, что чиновники нашего русскаго царя-батюшки приговорили тебя къ смерти за то, что ты требовалъ землю и волю для русскаго народа?

У старика потекли слезы изъ морщинистыхъ глазъ, и онъ быстро вышелъ изъ каюты, гдѣ происходило свиданье, а Частникъ послѣ этого свиданія цѣлый день не могъ успокоиться и плакалъ, что старикъ-отецъ ему не повѣрилъ и считаетъ его какимъ-то преступникомъ передъ русскимъ народомъ.

Наконецъ, все уже готово. Осужденные находятся на катерѣ. Капитанъ Радецкій что-то командуетъ, и катеръ медленно отходитъ отъ транспорта „Прута", увозя съ собой четырехъ узниковъ, которыхъ должны сейчасъ убить на какомъ-то пустынномъ островѣ, вдали отъ людей и жизни. Одно только утреннее солнце и бушующее южное море будутъ свидѣтелями этого преступнаго дѣла...

Казнь.

Катеръ медленно и плавно причалилъ къ какому то пустынному скалистому острову.

Было очаровательное южное мартовское утро. Востокъ загорался яркимъ весеннимъ солнцемъ. Темныя морскія волны тихо и нѣжно ударялись о скалистые, крутые берега, оставляя на поверхности ихъ бѣлую, мыльную, тягучую пѣну.

Молодая, зеленая весенняя травка кокетливо выглядываетъ изъ подъ черной, глинистой земли. Дикія птицы, единственные обитатели этого пустыннаго, заброшеннаго острова, радостно встрѣчая это чудное утро, огромными стаями снуютъ взадъ и впередъ, шумно и весело напѣвая свои звучныя пѣсни.

Въ это то прекрасное мартовское утро, когда сама природа оживала для счастья и любви, тишину этого пустыннаго мѣста нарушила пьяная толпа людей, вооруженныхъ ружьями, револьверами и пулеметомъ. Эта черная, дикая орда ведетъ четырехъ плѣнниковъ, которыхъ она сейчасъ должна убить на этомъ дикомъ, необитаемомъ островѣ. За ними несутъ четыре черныхъ гроба. Кругомъ шумитъ море...

Тихо и медленно печальный кортежъ двигался впередъ, въ глубину невѣдомаго острова.

Вдругъ, по командѣ, все остановилось.

Засверкали желѣзные, блестящіе заступы въ рукахъ нѣсколькихъ матросовъ.

Кругомъ все смолкло; только беззаботныя птички весело порхали, напоминая людямъ о красотѣ и величіи природы... А черная яма становилась все глубже и глубже... Недавно еще пьяные солдаты и матросы вдругъ смутно, лѣниво начинаютъ понимать, что они сейчасъ станутъ убійцами. Имъ хочется кричать, бѣжать... бѣжать безъ оглядки отъ этой ужасной, черной могилы...

Могила вырыта...

Тихо... Судорожная дрожь электрической искрой пронизываетъ тѣло съ ногъ до головы...

— „Ахъ, скорѣе бы насъ убивали!" вырвалось изъ глубины сердца матроса Антоненко.

Но палачи, какъ кровожадные звѣри, любятъ и передъ смертью мучить свою жертву. Начинается канцелярская процедура. Выходитъ чистенькій, молоденькій офицерикъ, въ судейской формѣ, съ академическимъ значкомъ. Губы его дрожатъ, голосъ ему измѣняетъ, а изъ красныхъ, добрыхъ глазъ начинаютъ падать горячія слезы. Онъ читаетъ громко, почти кричитъ, но что онъ читаетъ, никто не можетъ и не хочетъ понять. Кончилъ. Положивъ всѣ свои бумаги въ новенькій кожаный портфель, онъ быстро юркнулъ въ густую толпу солдатъ и матросовъ*). Его смѣнилъ товарищъ прокурора, человѣкъ испытанный въ закулисной службѣ. Личное счастье и блестящая военная карьера для него стоятъ выше всего.

Онъ приблизился почти вплотную къ плѣнникамъ, что то громко и отчетливо прочиталъ, затѣмъ красиво по военному повернулся на высокихъ каблукахъ, и отошелъ въ сторону, не желая смѣшиваться съ остальной чернью солдатъ и матросовъ.

Боевая рота стоитъ на готовѣ, сверкаютъ на солнцѣ штыки. Эта первая боевая рота была составлена изъ матросовъ, переодѣтыхъ шпиковъ и переодѣтыхъ морскихъ офицеровъ, самимъ адмираломъ Чухнинымъ, который сказалъ ей свое напутственное слово, провожая на это страшное убійство. За нею, на разстояніи трехъ шаговъ, стояла вторая рота, составленная изъ моряковъ и армейцевъ. Эта боевая рота была поставлена на тотъ случай, если бы шпики и офицеры-дворяне первой боевой роты отказались убивать плѣнниковъ, вторая рота должна была разстрѣлять всю первую боевую роту.

Позади обѣихъ ротъ находился новенькій пулеметъ послѣдней системы. Этимъ пулеметомъ управлялъ морской офицеръ, который былъ обязанъ разстрѣлять первыя двѣ боевыя роты, если бы онѣ отказались разстрѣливать нашихъ друзей и това-

*) Адмиралъ Чухнинъ попросилъ выйти въ отставку этого молоденькаго офицерика.

рищей, которыхъ адмиралъ Чухнинъ обязательно хотѣлъ убить.

Появляется, наконецъ, и служитель церкви христіанской, послѣдователь ученія Христа. Частникъ, Гладковъ и Антоненко не приняли его іезуитскаго благословенія.

Лейтенантъ Шмидтъ долго крестился на востокъ, поцѣловалъ руку священника и принялъ отъ него благословеніе и напутствіе... Обряды кончены.

Плѣнники стоятъ на своемъ лобномъ мѣстѣ, одѣтые въ длинные, бѣлые саваны. Они смотрятъ бодро и смѣло въ глаза своихъ убійцъ. Ни одно движеніе не выдаетъ ихъ внутренняго волненія.

Раздается предварительная команда капитана Радецкаго и длинныя солдатскія ружья принимаютъ боевую готовность.

Но въ это время, по словамъ очевидцевъ, раздается громкій, могучій голосъ лейтенанта Шмидта.

„Товарищи матросы и офицеры! Я всю жизнь провелъ вмѣстѣ съ вами, въ вашей морской семьѣ, и всѣхъ я васъ крѣпко люблю.

„Я хотѣлъ всю свою жизнь прожить въ этой хорошо знакомой, любимой семьѣ, но сила рока меня заставляетъ сейчасъ лечь на всегда въ этотъ черный гробъ, который вы опустите въ могилу.

„Простите меня, если я кого-нибудь невольно обидѣлъ, или же оскорбилъ. А ты, Коля, обратился онъ къ своему близкому товарищу еще по кадетскому корпусу, прикажи стрѣлять быстрѣе, и пусть они цѣлятся прямо въ наши сердца, которыя желали одного только счастья и добра для народа, хотѣли достать для него землю, а нашли только смерть на этомъ пустынномъ островѣ!“

Заиграли барабаны, и дальнѣйшихъ предсмертныхъ словъ лейтенанта Шмидта не было слышно.

Офицеръ „Коля“ съ заряженнымъ револьверомъ въ рукахъ обошелъ всю свою боевую роту и приказалъ цѣлиться прямо во „враговъ царя и родины“.

Барабаны остановились. Все стихло. Только птички шумно рѣяли надъ головами приговоренныхъ къ смерти.

Раздалась команда, и страшный, сильный залпъ наполнилъ трескомъ маленькій островокъ... Совершилась расправа русскаго царизма надъ народными борцами.

Шмидтъ, Гладковъ и Частникъ были убиты сразу; ихъ головы свѣсились на пронзенныя пулями груди.

Только матросъ Антоненко еще не былъ убитъ и изъ его ранъ медленно сочилась алая кровь.

Офицеръ „Коля“ былъ уже около него и нѣсколькими выстрѣлами изъ своего новаго револьвера добилъ матроса Антоненко...

Солдаты и матросы тайкомъ вытирали полами грязныхъ, грубыхъ шинелей горячія слезы.

Тѣла казненныхъ положили въ черные гробы и быстро спустили ихъ на дно огромной, братской могилы. И торопливо, какъ бы боясь и стыдясь чего то ужаснаго, нехорошаго, стали засыпать могилу.

Нашлось нѣсколько солдатъ и матросовъ, которые бросили по горсти земли...

Все кончено...

Катера медленно отчалили отъ берега, увозя съ собой убійцъ-палачей...

Уныло ходятъ солдаты-часовые по пустынному острову вокругъ могильнаго кургана. Высокія волны бьются о скалистый берегъ, оставляя на поверхности моря бѣлую, мыльную пѣну...

Петръ Моишеевъ.

„Временное правительство“.

Это было въ Москвѣ, въ разгаръ всеобщей забастовки 1905 г. — если не ошибаюсь — 15' октября. Было странное, полное противорѣчій время, когда на улицахъ патрулировали революціонныя дружины и — буйствовали подъ руководствомъ полиціи шайки черносотенцевъ, когда происходили колоссальные митинги и — продолжалась случайная, мелкая, полицейская слѣжка.

Въ девятомъ часу утра меня позвали къ телефону и начался рядъ дѣловыхъ разговоровъ на обычномъ эзоповскомъ языкѣ. И вдругъ рѣзкій звонокъ и совсѣмъ не эзоповское сообщеніе: „Сейчасъ въ городской Думѣ собирается Временное Правительство. Отправляйтесь туда отъ имени союза X.“ Я не вѣрю своимъ ушамъ. И смѣшно, и досадно. „Какое, говорю я, тамъ Временное Правительство!? Кажется и старое еще недурно держится. Зря вы компрометируете мой номеръ.“ „Ну вотъ еще! Вы думаете, имъ до того, чтобы слушать наши разговоры? Они совсѣмъ голову потеряли.“ „Нѣтъ ужъ, оставимъ это! Жду устныхъ разъясненій.“

Ладно. Черезъ полъ-часа является другой товарищъ, болѣе толковый. Оказывается, идти дѣйствительно нужно. Правительство — не правительство, но собирается экстренное собраніе Городской Думы вмѣстѣ съ приглашенными ею представителями Союза Союзовъ.

Дѣло въ томъ, что думцы растерялись. Всеобщая забастовка ихъ и вообще то напугала, вышибла изъ колеи, а съ присоединеніемъ къ ней водопровода, усилившимъ тревогу населенія и черносотенный терроръ, отцовъ города и совсѣмъ оторопь взяла, такъ что они даже рѣшились прибѣгнуть къ совѣту общественныхъ элементовъ. А Центр. Бюро Союза Союзовъ рѣшило использовать до конца безпомощность Городской Думы и провести на собраніе еще и представителей соціалистическихъ партій, Стачечнаго Комитета, Организаціи городскихъ рабочихъ и служащихъ и Университетскаго Органа.

Пошли.

Улицы тревожныя, настороженныя. Разъѣзжаютъ драгуны. На перонѣ Думы насъ неувѣренно, сердито останавливаетъ

патруль городовыхъ, но послѣ нѣкотораго безтолковаго препирательства, они все таки пропускаютъ насъ внутрь. Тамъ опять начинаютъ „не пущать“ сторожа.

Не зная, удобно ли сослаться на засѣданіе, просимъ вызвать знакомаго члена Гор. Думы. Ждемъ въ сѣняхъ. Ждемъ... Никто не выходитъ. Сторожа косятся, шепчутся. Недурное положеніе для членовъ „Временнаго Правительства“! Наконецъ, убѣдившись, что отъ насъ не отдѣлаешься, а, можетъ быть, получивши негласно соотвѣтствующее приказаніе, они съ мрачнымъ видомъ пропускаютъ насъ въ муниципальное святилище.

Въ это время въ одной изъ боковыхъ комнатъ уже происходило предварительное совѣщаніе недумскихъ элементовъ. Старались столковаться, какую занять позицію по отношенію къ гласнымъ, чего отъ нихъ добиваться. Вопросъ быстро свелся къ организаціи народной милиціи, катораѧ бы защищала населеніе отъ черносотенныхъ погромовъ. Революціонные элементы возлагали на нее и большія надежды, какъ на организованную, матеріальную силу въ рукахъ революціи.

Но посредствомъ какого органа осуществить практически этотъ планъ? Въ этомъ была главная трудность, объ этомъ, собственно, и шелъ споръ. Представитель одного изъ союзовъ предложилъ слѣдующее: требовать отъ Гор. Думы согласія на Комиссію, которая бы состояла изъ трехъ, количественно равныхъ группъ: 1) гласныхъ Гор. Думы, 2) представителей союзовъ и соціалистическихъ партій, 3) представителей рабочихъ организацій и студенчества. Эту комиссію Гор. Дума должна была снабдить надлежащими полномочіями и матеріальными средствами для организаціи милиціи. При этомъ высказывалось соображеніе, что кадры милиціи естественно составятся изъ организованныхъ рабочихъ и студентовъ, такъ что фактически она окажется въ рукахъ революціонеровъ, не говоря уже объ обезпеченномъ, большинствѣ лѣвыхъ въ самой комиссіи.

Понемногу, къ этому проэкту примкнули почти всѣ присутствующіе. Только с.-р.-ы держались выжидательно, не получивши еще инструкцій отъ своего комитета, да с.-д.-кн выступили со своимъ особымъ предложеніемъ. Ихъ мнѣніе было, что нужно потребовать отъ гор. Думы полнаго самоупраздненія и передачи всѣхъ полномочій, функцій и денегъ въ руки смѣшанной комиссіи изъ выборныхъ соціалистическихъ партій и отъ союзовъ.

Это предложеніе произвело сенсацію и со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы — на какую силу собраніе можетъ опереться, требуя отъ Думы самоубійства. „На силу организованнаго пролетаріата“, — былъ отвѣтъ. Далѣе произошелъ приблизительно такой діалогъ: гдѣ признаки того, что эта сила готова перейти въ дѣйствіе? притомъ въ дѣйствіе, настолько

мощное, чтобъ *фактически* вырвать почву изъ подъ ногъ „отцовъ города“? „За признаками дѣло не станетъ. Черезъ нѣсколько часовъ вы увидите передъ этими окнами нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, которые придутъ подкрѣпить наши требованія, и войско не станетъ ихъ разгонять.“ Ропотъ удивленія и сомнѣнія прошелъ по собранію, а представитель, кажется, союза приказчиковъ замѣтилъ — „ну, если это случится, мы всѣ безъ колебанія присоединимся къ вашему требованію“.

На томъ, приблизительно, и покончили, и вскорѣ открылось пресловутое засѣданіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ московской Гор. Думы.

Посрединѣ торжественнаго, холоднаго зала, противъ каѳедры, рядами возсѣдали гласные. Вокругъ нихъ полукругомъ размѣстилась толпа членовъ союзовъ и лѣвѣе, такъ сказать, явочные участники засѣданія. Ими то и пришлось заняться прежде всего.

Отъ имени Центральнаго Бюро Союза Союзовъ вносится предложеніе воспользоваться случайнымъ (благодаря частному совѣщанію) присутствіемъ въ Думѣ представителей крайнихъ партій, Стачечнаго Комитета, Организаціи городскихъ рабочихъ и служащихъ, а также университетскаго Органа, и выслушать ихъ компетентное мнѣніе по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію.

Среди гласныхъ замѣчается сдержанное волненіе. Баллотируютъ предложеніе. Члены союзовъ всей массой поднимаютъ руки, съ ихъ стороны раздаются крики „просимъ! просимъ!“ и предложеніе принято par acclamation.

Тогда представители крайней лѣвой, по почину с.-д.-овъ, одинъ за другимъ выступаютъ съ заявленіемъ, что присутствіе въ собраніи съ совѣщательнымъ голосомъ они считаютъ унизительнымъ и безсмысленнымъ, а потому согласны принять въ немъ участіе только при условіи полнаго равноправія. Каждое изъ этихъ заявленій сопровождается одинаковой сценой: почти всѣ гласные сидятъ молча, неподвижно, какъ изваянія. Только лица ихъ отражаютъ угрюмую напряженность. Члены союзовъ голосуютъ, привѣтствуютъ; они составляютъ большинство. Среди нихъ есть люди популярные, всякихъ политическихъ оттѣнковъ. Но замѣтнѣе другихъ выдѣляются будущіе столпы кадетизма. Они создаютъ настроеніе, они гипнотизируютъ полу-каменныхъ думцевъ. Равноправіе лѣвыхъ принято.

Приступаютъ къ преніямъ по существу вопроса. Рѣчи горячія. Вновь прибывающіе описываютъ происходящія въ данный моментъ избіенія. Вотъ, около самой Думы изувѣчили какую то старуху. Съ перешибленной ногой, въ крови, она поползла на панель, но тутъ на нее набросились съ шашками городовые. Подобныя картины, одна за другой, проходятъ не-

редъ собраніемъ и доводятъ его до высшаго напряженія, нѣкоторыхъ — до слезъ.

Приходитъ извѣстіе, что университетъ — сборный пунктъ боевыхъ дружинъ и средоточіе всей революціонной общественности — оцѣпленъ войсками и что осажденные укрѣпляются, рѣшившись не сдаваться добровольно.

Раздаются голоса, настойчиво требующіе перехода къ обсужденію практическихъ мѣръ. Предлагаютъ высказаться по этому поводу представителямъ всѣхъ организацій.

Если не ошибаюсь, первое слово было предоставлено соц.-дем.-амъ. Представитель ихъ повелъ длинную рѣчь объ основныхъ положеніяхъ марксизма, о происхожденіи классовъ и принципѣ классовой борьбы. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, среди слушателей возрасталъ ропотъ нетерпѣнья и, наконецъ, одинъ изъ представителей крайней лѣвой попросилъ предсѣдателя замѣтить оратору, что присутствующіе считаютъ себя умственно совершеннолѣтними, агитаціонное воздѣйствіе на себя въ данный моментъ находятъ неумѣстнымъ и намѣрены вести обсужденіе на почвѣ чисто практической, дѣловой. Послѣ этого соц.-дем.-ты выставляютъ то требованіе, о которомъ говорили на предварительномъ совѣщаніи.

Къ нимъ не примкнулъ никто. Отъ имени Московскаго Комитета с.-р.-овъ, Стачечнаго Комитета, Исполнительнаго Бюро Стачечнаго Комитета, отъ Организаціи городскихъ рабочихъ и служащихъ, отъ Университетскаго Органа были сдѣланы заявленія съ требованіемъ вышеупомянутой смѣшанной комиссіи. Такое же требованіе выставили представители всѣхъ союзовъ, въ томъ числѣ с.-д.-аго типографскаго и Союза помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ представители двухъ послѣднихъ союзовъ оговорились, что они, оставаясь вѣрными членами соціальдемократической партіи, все же признаютъ за собой право и обязанность занять особую позицію въ данномъ вопросѣ.

Одинъ за другимъ всходили на трибуну представители лѣвой и рѣзко, смѣло бросали свои требованія въ лицо гласнымъ. Странно выдѣлялись среди тропическихъ растеній и благонамѣренныхъ бѣлыхъ бюстовъ ихъ демократическія фигуры. Странно звучали, гулко ударяясь о мрачныя стѣны, чуждыя здѣсь и потому особенно значительныя, какъ бы новыя слова — „Отъ имени Исполнительнаго Бюро Московскаго Стачечнаго Комитета"... „Отъ имени Московскаго Комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи"... „Отъ имени Московскаго Комитета Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ"...

И растерянно бѣгали по полу взгляды блѣдныхъ, обрюзглыхъ пожилыхъ людей, мѣшковато застывшихъ на своихъ креслахъ. Порою взглядывали они съ надеждой на корректныя „культурныя" фигуры представителей союзовъ, но и отъ нихъ слышались тѣ же требованія.

Но вотъ кончилось. Городской голова встаетъ и говоритъ приблизительно слѣдующее: „Городская Дума выслушала всѣ мнѣнія, приметъ ихъ во вниманіе, обсудитъ и въ свое время доведетъ до вашего свѣдѣнія свое рѣшеніе“. Эти слова вызвали волненіе, растерянность, негодованіе. Представитель соц.-рев. поднялся на трибуну и заявилъ, что собраніе ждетъ отвѣта не „въ свое время“, а сегодня же, на этомъ самомъ мѣстѣ и не разойдется, пока его не получитъ. Крайніе лѣвые энергично поддержали это заявленіе, либералы же — довольно вяло.

Гласные ушли. Публика стала собираться группами; споры разгорѣлись пуще прежняго. Стачечники занялись обсужденіемъ того, какъ взяться за дѣло, если Комиссія будетъ осуществлена. С.-д.-ты приняли участіе въ обсужденіи и, настойчиво возвращаясь къ обличеніямъ за „буржуазную“ позицію, наряду съ этимъ указывали, что ихъ представитель входитъ въ Стачечный Комитетъ и по стольку имѣетъ право и на участіе въ этой самой Комиссіи, не смотря на то, что партійный комитетъ, какъ таковой, отказывается послать въ нее своего делегата. Стачечники этого права не оспаривали, только подсмѣивались надъ двойственностью соціальдемократической политики.

Понемногу залы пустѣли. „Приличные“ союзовцы разъѣхались пока — пообѣдать. Представитель с.-д.-овъ отправился объѣзжать митинги, объявляя всюду, что с.-р.-ы предали пролетаріатъ, отвергли его революціонную диктатуру и заранѣе рѣшили отдать въ руки буржуазіи власть временнаго правительства. Эти „разоблаченія“ вызвали, конечно, бурю негодованія. С.-р.-овскіе ораторы, застигнутые врасплохъ, и совершенно неосвѣдомленные о сущности засѣданія въ Городской Думѣ, были потрясены обвиненіемъ въ предательствѣ и увѣряли, что это недоразумѣніе, что лицо, выступавшее въ Думѣ отъ имени партіи можетъ быть только самозванцемъ.

А въ Думѣ въ это время непрошенные гости располагались подомашнему. Соц.-дем.-овъ появилась значительная группа и устроилась за особымъ столомъ на продолжительное закрытое совѣщаніе. Демонстрація на площади не состоялась, и это ихъ, повидимому, нѣсколько безпокоило.

Между прочимъ, среди остальной публики циркулировалъ слухъ, что с.-д.-ты уже наканунѣ вечеромъ являлись въ Гор. Думу и требовали отъ нея самоупраздненія, но были принуждены удалиться, такъ какъ думцы пригрозили въ противномъ случаѣ позвать полицію.

Представитель с.-р.-овъ оставался оторваннымъ отъ своей организаціи, въ тревожномъ ожиданіи запоздавшихъ директивъ.

Стачечники угощали лѣвыхъ сотоварищей по голосованію, смѣялись, шутили. На длинныхъ столахъ появилась закуска — обычная колбаса на бумажкѣ, сыръ, арбузы. „Не надо, това-

рищи, угощать соціальдемократовъ. Они очень сердитые!"
— „Нѣтъ, все таки, пошлите имъ арбуза, авось подобрѣютъ!"

Тянулись часы за часами. Положеніе наше становилось страннымъ. Казалось, насъ хотятъ взять изморомъ. Нѣкоторыхъ охватывала тоска въ полумракѣ опустѣвшихъ холодныхъ залъ и корридоровъ. Кой кто укладывался спать на деревянныхъ скамейкахъ подъ негодующими взорами сторожей. Уходить не рѣшались: а вдругъ никого не останется, и, пользуясь этимъ, зданіе запрутъ, назадъ никого не пропустятъ (да еще всѣ ли захотятъ вернуться?), и весь инцидентъ кончится ничѣмъ — глупо и позорно.

Подъ вечеръ пришелъ, чрезвычайно взволнованный, представитель Организаціи городскихъ рабочихъ и служащихъ и сталъ совѣтоваться — какъ ему быть. По его словамъ, стачка у нихъ больше держаться не можетъ. Она прекращается сама собой. Онъ опасается, что гласные вотъ-вотъ узнаютъ объ этомъ помимо него и потеряютъ всякую вѣру въ силу ихъ организаціи, всякій страхъ передъ нею. Поэтому онъ предполагаетъ тотчасъ заявить имъ, что городскіе рабочіе и служащіе пріостанавливаютъ забастовку въ знакъ довѣрія къ рѣшенію Гор. Думы, оставляя за собой право возобновить ее въ случаѣ, если это рѣшеніе окажется неблагопріятнымъ.

Не знаю, былъ ли онъ правъ въ своихъ опасеніяхъ, но, къ сожалѣнію, его не сумѣли отговорить отъ злосчастнаго намѣренія. На рѣшеніе думцевъ его заявленіе оказало, вѣроятно, самое роковое вліяніе: у „отцовъ города" отлегло отъ сердца.

Наконецъ, начали съѣзжаться союзовцы. Появляется кое кто изъ бывшихъ въ осажденномъ университетѣ (по одиночкѣ оттуда охотно выпускали). Восторженно разсказываютъ, что работа по укрѣпленію идетъ быстро и планомѣрно, дисциплина соблюдается, обыватели подвозятъ припасы. Войска выжидаютъ.

Въ это время прибѣгаетъ крайне возбужденный, негодующій одинъ изъ с.-р.-овскихъ ораторовъ. Онъ мимоходомъ сообщаетъ знакомымъ, что происходило весь день на митингахъ и рвется сдѣлать публичное заявленіе отъ имени комитета, что послѣдній не согласенъ съ позиціей, занятой его представителемъ, что онъ примыкаетъ къ требованію с.-д.-овъ. Вокругъ него растетъ толпа, главнымъ образомъ, стачечниковъ, ему разъясняютъ положеніе, убѣждаютъ не портить дѣла. Оказывается, что пленарнаго засѣданія комитета созвать не удалось, что онъ посланъ совѣщаніемъ изъ нѣсколькихъ только комитетчиковъ. Тогда представитель с.-р.-овъ рѣшительно заявляетъ, что опроверженіе комитетъ при желаніи успѣетъ выпустить и завтра, сможетъ для подкрѣпленія онаго и его исключить изъ партіи, а пока надо остаться при прежней позиціи, а то не пришлось бы опровергать скороспѣлое опроверженіе. Нѣсколько с.-р.-овъ, представляющихъ профессіональныя организаціи, горячо доказываютъ, что остаться комитету за бортомъ комиссіи

ради непримиримой позы значитъ непростительно передвигать равнодѣйствующую движенія вправо. А вѣдь, можетъ быть, она еще и осуществится, комиссія то, — кто ее знаетъ!

Посланный не устоялъ таки противъ страстнаго натиска и примирился на заявленіи, которое представитель вызвался немедленно сдѣлать: „Моск. Комитетъ П. С.-Р. оставляетъ за собой право немедленно отозвать своихъ представителей изъ комиссіи, и порвать съ ней всякія сношенія, если найдетъ какое либо постановленіе ея несоотвѣтствующимъ интересамъ трудового народа“. Съ этой цѣлью всей гурьбой отправились на новое предварительное совѣщаніе. Оно собиралось съ цѣлью обсудить, какъ использовать желанную комиссію.

Не помню, удалось ли представителю с.-р.-овъ сдѣлать свое заявленіе. Но только не успѣли разговориться хорошенько о дѣлежѣ медвѣжьей шкуры, какъ явился самъ медвѣдь — живехонекъ, во всей своей красѣ.

Раздались голоса — „Идутъ, думцы идутъ!“ И въ залъ, гдѣ происходило совѣщаніе (не предназначенный для засѣданій) вошли гласные — безпорядочной толпой, съ видомъ испуганнаго, загнаннаго, но упрямаго стада и остановились, не садясь, за длиннымъ столомъ, который отдѣлялъ ихъ отъ враговъ. Городской голова передалъ свою цѣпь одному изъ гласныхъ, пользовавшемуся репутаціей относительнаго либерала, а самъ стушевался въ толпѣ. Это уже былъ плохой знакъ. Тотъ сталъ читать нетвердымъ голосомъ. Резолюція думскаго большинства гласила приблизительно слѣдующее:

„Городская Дума уже прежде имѣла сужденіе по вопросу объ городской милиціи, устройство которой и было ею признано въ принципѣ своевременнымъ. Тогда же, для этой цѣли была назначена комиссія, которую Дума считаетъ вполнѣ способной справиться съ возложенной на нее задачей. А потому она вынуждена отвергнуть предложенную ей помощь общественныхъ элементовъ, оставляя за собой право, въ случаѣ надобности, снова обратиться къ нимъ за совѣтомъ.“

Меньшинство (человѣкъ (10 — 15) осталось при особомъ мнѣніи. Оно предлагало компромиссъ — какой, не помню хорошенько.

Чтеніе закончилось среди возрастающаго гула возмущенья. Соціалдемократъ вскочилъ на стулъ и, повернувшись спиной къ думцамъ, кричалъ, покрывая шумъ: „Товарищи-пролетаріи! Мы предупреждали васъ. Вы насъ не послушали... Теперь вы видите сами: на пути соглашеній съ буржуазіей ничего нельзя добиться. Только слѣдуя непримиримой тактикѣ единой всероссійской соц.-демократической Рабочей Партіи, вы придете къ неизбѣжной побѣдѣ пролетаріата.“

Едва успѣлъ онъ кончить, уже съ другого стула соціалистъ-революціонеръ кричалъ въ лицо гласнымъ: „Въ послѣдній разъ вамъ былъ предоставленъ случай идти объ руку съ на-

родомъ. Вы не захотѣли имъ воспользоваться, такъ помните же: теперь трудовой народъ пойдетъ безъ васъ — и противъ васъ. И горе вамъ!"

— Горе вамъ! горе вамъ! — гремѣло со всѣхъ сторонъ. Съ горящими презрѣньемъ лицами всѣ кричали имъ; — каждый свое обвиненіе, свою угрозу. И никогда — ни до, ни послѣ того — мнѣ не пришлось видѣть такихъ жалкихъ, такихъ оплеванныхъ людей. Они буквально не знали, куда смотрѣть, куда себя дѣвать. Смѣшно, нерѣшительно толкаясь, всѣ старались очутиться въ заднихъ рядахъ. На лицахъ было написано подлинное, страстное желаніе, провалиться сквозь землю.

Наконецъ, задніе стали проскальзывать къ двери и, послѣ нѣкотораго замѣшательства, остальные, пятясь, наталкиваясь другъ на друга, послѣдовали за ними.

Тѣшась довольно горькимъ юморомъ, двинулись къ выходу и мы. Загадывали — арестуютъ или выпустятъ? А можетъ быть, изобьютъ... Все одинаково возможно.

Кто то весело совѣтуетъ: „Товарищи, держитесь среди купчинъ, — ихъ, небось, бить не станутъ. Хоть, какъ прикрытіе, пусть пригодятся."

Вотъ перронъ. Армія городовыхъ. За ними бездонная чернота неестественно пустой площади. Проходимъ, какъ сквозь строй. Ничего, благополучно. Уже идемъ по городу небольшой, тѣсной кучкой. Какой странный, новый городъ. Всюду войска, войска — въ невиданномъ количествѣ. Они разъѣзжаютъ по улицамъ; стоятъ вокругъ костровъ на перекресткахъ; цѣпью, съ ружьями на перевѣсъ, загораживаютъ входъ въ переулки. Ежеминутно — рѣзкіе окрики; что то поблескиваетъ. Это все окрестности университета. Наша группа ужъ растаяла. Вчетверомъ, крѣпко взявшись подъ руки, внезапно страшно дорогіе другъ другу, мы въ жутко-веселомъ возбужденіи шагаемъ среди этой призрачной ночи. Явь, или сонъ?

Въ концѣ концовъ, мы дальними обходами попадаемъ въ улицы, свободныя отъ войскъ и тонущія въ глубокомъ мракѣ — что говоритъ о продолжающейся забастовкѣ.

И вотъ, я дома. Меня встрѣчаютъ съ радостью и удивленіемъ, какъ послѣ чудеснаго спасенія. Однако, не всѣ налицо? — Ничего, одинъ изъ домашнихъ лежитъ въ постели, обложенный компрессами. Онъ, оказывается, ходилъ вечеромъ на думскую площадь, дожидаться нашего выхода. Подошелъ къ перрону, — городовые прогнали. Перешелъ на другую сторону, но тутъ изъ за угла ракетой выскочили 3 городовыхъ и... приняли въ немъ близкое участіе. Въ результатѣ, онъ пріѣхалъ домой безъ шапки, безъ зуба, со вздутымъ окровавленнымъ лицомъ и рукой, висящей плетью. „Демонстрація" была неукоснительно разогнана.

Такъ закончился для меня этотъ памятный день.

Про думскую комиссію по вопросу о милиціи мнѣ больше слышать не довелось. Союзъ союзовъ съ тѣхъ поръ не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ соглашенія съ Гор. Думой. Московскій комитетъ П. С.-Р. выпустилъ заявленіе о томъ, что онъ не согласенъ съ позиціей, которую заняло въ Гор. Думѣ лицо, выступавшее отъ его имени, но недостаточно освѣдомленное о его точкѣ зрѣнія, которая въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ точкой зрѣнія с.-д-овъ.

С.д-ты продолжали на митингахъ свою обличительную кампанію, пока болѣе крупныя событія не заслонили собой этихъ счетовъ. Представитель союза помощ. присяж. повѣренныхъ на одномъ изъ засѣданій стачечнаго комитета при случаѣ заявилъ, что свое голосованіе за смѣшанную комиссію онъ считаетъ ошибкой, а партійный с.-д-скій комитетъ былъ, разумѣется, правъ.

Вотъ все, что мнѣ удалось припомнить о засѣданіи въ московской Гор. Думѣ, казавшемся тогда историческимъ. Происходило это три года тому назадъ. Промелькнуло въ вихрѣ головокружительныхъ событій.

Не мудрено, что описаніе вышло, вѣроятно, неполнымъ и неравномѣрнымъ: одни моменты и эпизоды запомнились подробнѣе, другіе — совсѣмъ стерлись изъ памяти. Возможно, что въ кой-какія частности вкрались ошибки. За одно только могу ручаться: нѣтъ тутъ тенденціозныхъ умолчаній или искаженій.

Л. А—ва.

Ноябрь, 1908 г.

Воспоминаніе
о переговорахъ „Добровольной Охраны" и „Исполнительнаго Комитета Русской Соц.-Рев. Партіи" въ 1882 г.*)

Вы желаете получить отъ меня дополнительныя свѣдѣнія по дѣлу переговоровъ между т. наз. „Добровольною Охраною" и „Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи", происходившихъ въ 1882 г., въ каковомъ дѣлѣ и вы и я принимали нѣкоторое участіе. Я совершенно съ Вами согласенъ, что послѣ того, какъ уже въ публику проникли неточныя на этотъ счетъ свѣдѣнія, между прочимъ и при посредствѣ печати, въ „Polskiem Wolnem Slowie" то необходимо, чтобы люди, прямо принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ, исправили неточности. Но все таки я нахожу, что еще не наступило время, когда бы можно было опубликовать всѣ подробности этого дѣла, и потому ограничусь только самыми общими свѣдѣніями изъ того, что мнѣ извѣстно, избѣгая всякихъ личныхъ указаній, относительно которыхъ оговорюсь только, что тѣ изъ нихъ, которыя сдѣланы въ „Polskiem Wolnem Slowie", страдаютъ неточностью.

Въ іюлѣ 1882 г. я былъ въ Женевѣ и принималъ довольно дѣятельное участіе въ „Вольномъ Словѣ", основанномъ организаціей, которая

---

*) Так затитулована статейка самим небіжчиком автором. Написана вона, — за одним розмахом, мабудь в першій половині 1889 р., бо цітоване „Wolne Polskie Slowo" (такий його заголовок) почало виходити в осени 1888 р. і в нрах його з того року ми не найшли статі про теж діло, а з 1889 р. дуже богато нрів нема в екземплярі Бібліотеки Оссолінських у Львові (газету дуже часто конфіскували Ц. К. галицьки власти). Переписав я статейку з оригиналу, розуміеться, точно, лише, не узгледняючи перечеркень, звичайно, дуже частих розвязуючи вкороченя, зміняючи декуди інтертукцію, та вставляючи пропущені Драгомановим заголовки книжок і т. и. (вони доповнені редакціею „Былого" і зазначені в тексті курзівом). Особа, до котрое мов би то звернена статейка — певно Дебогорій-Мокріевич. Може до рѣчі буде додать і що статейку цю переслав я був ще перед кілька рокам — в один підцензурний російський журнал, але й доси не маю вістки, що сталося з моию рукописю, коштовавши мене праці, про яку догадаеся каждий, хто знае нечитко писвмо Драгоманова. Що до змісту статейки, то я, звісно, не можу вдаватися в суд, тим більше що справи не знаю (мине вже тоді не було в Женеві); позволю собі зазначити тілько, що на мою гадку Драгоманів і тут виходить таким же, як і в усіх инших своіх писанях і заходах, — чемним і правдивым противником, готовим на великі жертви, то і то : компромісси (звісно, скількістьні а не якістьні!) — в данім разі навіть на запоруку недоторканости особи самодержавного царя, аби тілько він попустив користь волі людности Россії.

Львів 30. XI. 1909. М. Павлик.

носила названіе „Земскій Союзъ“ и имѣла цѣлью политическую реформу Россіи, на началахъ самоуправленія земскихъ единицъ. Начало этой организаціи восходитъ къ южно-русскимъ попыткамъ 1878 года объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ въ Россіи элементовъ, съ устраненіемъ принципіальнаго совершенія политическихъ убійствъ.

Одна изъ этихъ попытокъ, — которая оставила по себѣ слѣдъ въ литературѣ въ видѣ изданія брошюръ: „Мартовскія волненія въ Кіевскомъ университетѣ въ 1878 г.“ (Львовъ, 1878, 1 изд. М. Ткаченко-М. Павлика) и „Всемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ“ (З. С. Женева 1883, сначала напечат. въ „Вольн. Словѣ“, 1883 г., № 53, 57, 59, 60), — получила въ своей же средѣ названіе „Лиги“, употреблявшееся нѣсколько въ ироническомъ духѣ. Названіе это перешло на сѣверъ Россіи и стало прикладываться къ разнымъ земско-либеральнымъ кружкамъ, съ тенденціями аналогичными съ тѣми, которыхъ держалась эта южно-русская „Лига“, и образовавшійся послѣ „Земскій Союзъ“. Но въ 1881 г. образовались въ Петербургѣ двѣ консервативныя организаціи: „Священная Дружина“ или просто „Дружина“, которая имѣла цѣлью всякого рода помощь правительству въ борьбѣ съ революціонерами, и „Добровольная Охрана“, имѣвшая цѣлью помогать охранѣ личности императора, но безъ преслѣдованія какихъ бы то (ни было) политическихъ мнѣній.*) Въ массѣ публики ходили смутныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ организаціяхъ, которыя назывались часто именемъ „Лига“, и смѣшивались между собой. Смѣшеніе понятій усиливали и нѣкоторые революціонные кружки, которымъ не нравилась оппозиція органа „Земскаго Союза“ возведенію политическихъ убійствъ въ систему политическихъ дѣйствій, а также централистическому (якобинскому) направленію, которое особенно воспреобладало въ „Исполнительномъ Комитетѣ Народной Воли“ послѣ 1 марта 1881 г., и гибели большей части прежнихъ ихъ участниковъ, державшихся менѣе исключительныхъ въ этомъ отношеніи идей. Смѣшеніе это было и въ интересахъ государственной полиціи, которая въ это время, въ рукахъ Судейкина, приняла провокаторскій и интригантскій характеръ. Судейкинъ, создавши себѣ уже опору въ народновольческихъ кружкахъ черезъ Дегаева, стремился образовать и собственное народничество, противное либерализму, и основалъ въ Женевѣ свой анархически-теоретическій журналъ „Правду“, который нападалъ на конституціоналистовъ и земцевъ, отождествляя ихъ стремленія съ цѣлями государственной полиціи.

Въ это время въ публику стали проникать извѣстія о заговорщицко-конституціонныхъ стремленіяхъ „Лиги-Охраны-Дружины“ и будто бы самого вел. кн. Владиміра Александровича. Слухи эти особенно находили себѣ мѣсто въ радикальныхъ и соціалистическихъ газетахъ якобинскаго или анархическаго направленія, въ родѣ L'Intransigeant или Le Révolté, которыя почему то считали нужнымъ обличать высокопоставленныхъ заговорщиковъ противъ власти законнаго самодержца Россіи. Съ другой стороны, нѣкоторые земскіе кружки тоже стали возлагать надежды на установленіе политической свободы въ Россіи, при посредствѣ дворцовой интриги. Противъ этихъ надеждъ было сказано нѣсколько словъ въ „Вольномъ Словѣ“ (1882, № 41 отъ 15 іюля „Дѣятельность Свящ. Дружины“ и Программа „Добров. Охраны“).

---

*) Такъ охарактеризованы, между прочимъ, цѣли „Добровольной Охраны“ и въ оффиціальной запискѣ, составленной въ государственной полиціи при гр. Игнатьевѣ.

Вотъ именно, вскорѣ послѣ появленія этой замѣтки, я увидѣлъ у себя пожилого человѣка, довольно представительной внѣшности, который сказалъ мнѣ, съ естественными остановками и перерывами отъ моихъ вопросовъ, приблизительно слѣдующее:

— Я являюсь къ вамъ отъ имени общества, на которое вы нападаете, но которое имѣетъ, въ сущности, ту же цѣль, что и вы, а именно,— свободу Россіи. Достиженію этой цѣли препятствуютъ революціонеры-цареубійцы, которые пошли по совершенно ошибочной дорогѣ. Если бы можно было убѣдить ихъ въ этомъ, тогда мы взяли бы на себя обязательство провести въ Россіи политическую реформу. Вотъ съ этою цѣлью я и обращаюсь къ вамъ, какъ члену комитета, который руководитъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, обращаюсь отъ имени общества „Добровольной Охраны". Вы не должны смѣшивать его съ „Дружиной", которая преслѣдуетъ совершенно полицейскія цѣли и даже имѣла въ виду, въ случаѣ новыхъ покушеній на царя, приступить къ контръ-убійствамъ противъ руководителей цареубійствъ въ Россіи, и даже тотчасъ-же убить Гартмана, но была остановлена именно „Охраною", которая прямо заявила, что откроетъ убійцъ англійскому правительству. Такъ вотъ я обращаюсь черезъ васъ къ комитету, который руководитъ революціонно-террористичеткими предпріятіями въ Россіи, съ извѣстными предложеніями. Пусть комитетъ заявитъ, что онъ не имѣетъ цѣлью цареубійство, — взамѣнъ „Охрана" обѣщаетъ созваніе Земскаго Собора, вслѣдъ за коронаціей царя, не дальше чѣмъ черезъ полтора года. При этомъ я считаю нужнымъ особенно подчеркнуть то, что мы требуемъ только прекращенія всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ государя лично и его семейства — а въ остальномъ предоставляемъ революціонерамъ полную свободу поступковъ. А въ доказательство того, что мы дѣйствительно имѣемъ искреннія намѣренія и силу, мы предлагаемъ вамъ извѣстные залоги, — напр., можемъ выхлопотать любому изъ васъ, кромѣ Гартмана, право возвращенія въ Россію, — можемъ выдать вамъ въ залогъ кого-нибудь изъ насъ, кромѣ лицъ, присутствіе которыхъ обязательно въ Россіи.

Я прежде всего спросилъ, кто такіе предполагаемые моимъ собесѣдникомъ члены комитета и кто ему далъ о нихъ справку?

— Это, — отвѣтилъ посѣтитель, — вы, Лавровъ, Ткачевъ, Гартманъ и Мокріевичъ. Еще у васъ вліятельный человѣкъ кн. Крапоткинъ, но съ нимъ я не могу вступать въ соглашенія; это, сказали мнѣ, маніакъ убійствъ, который ни на какія уступки не пойдетъ. Справку эту дала „Дружина"; она только на это и годится.

Посѣтитель вообще показался мнѣ человѣкомъ искреннимъ, а потому и я чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе сухо сталъ держаться съ нимъ. При послѣднихъ словахъ я невольно разсмѣялся и сказалъ:

— Ну, очевидно, что „Дружина" ни на что не годится. Прежде всего никакого подобнаго комитета за границей нѣтъ; потомъ, если бы онъ и былъ, то перечисленный вами составъ невозможенъ; все это люди очень разныхъ тенденцій. Начать съ меня. Я ни къ какимъ русскимъ организаціямъ не принадлежу, по разнымъ причинамъ, а съ т. наз. террористми не схожусь и въ политическихъ идеяхъ, и въ томъ, что смотрю на политическія убійства только какъ на симптомъ существующаго въ обществѣ раздраженія, вызваннаго правительствомъ, но не какъ на сколько-нибудь цѣлесообразный способъ политической борьбы; за это меня многіе изъ русскихъ революціоне-

ровъ считаютъ просто врагомъ и даже шпіономъ называютъ. Дальше. Лавровъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда былъ противникомъ „террора", недавно читалъ противъ него даже лекціи въ парижскомъ русскомъ кружкѣ и печатно, — въ „Jahrbuch für Sozialpolitik". — высказался даже противъ политическаго направленія „Исполнительнаго Комитета", какъ могущаго повести къ союзу съ буржуазными элементами, и поэтому вреднаго для соціалистическаго движенія въ Россіи. Этихъ примѣровъ Вамъ довольно. (О Ткачевѣ и его отношеніяхъ къ г. Лаврову, напр., я не хотѣлъ говорить). Что до Крапоткина, то я долженъ вамъ сказать, что это, во первыхъ, добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, который не только царя, но и мухи не убьетъ, а во вторыхъ, со времени ухода за границу, не имѣетъ никакого прикосновенія къ русскимъ революціоннымъ дѣламъ, какъ это свидѣтельствуетъ даже печатно очень компетентный по этой части Степнякъ (Russia Sotteranea)."

Гость мой былъ совсѣмъ озадаченъ моими словами.

— По вашему выходитъ, что я напрасно пріѣзжалъ? — сказалъ онъ.

— Почти такъ. Ищите вашего комитета въ Россіи.

— Пробовали искать, да это трудно. Революціонеры боятся ловушки.

— Того же самого будутъ бояться и здѣсь. Вы должны быть готовы, что васъ непремѣнно встрѣтятъ, какъ шпіона.

— Но здѣсь меньше смысла бояться. Здѣсь можно хоть поговорить на свободѣ. Я увѣренъ, что между революціонерами есть же люди не ослѣпленные и способные выслушать чужое мнѣніе и предположить въ немъ искренность. Я разсчитываю, во всякомъ случаѣ, хоть на то, что вы мнѣ поможете вступить въ сношенія, если не прямо съ членами комитета, который распоряжается дѣйствіями въ Россіи, то хоть съ вліятельными среди революціонеровъ лицами, черезъ которыхъ я могъ бы довести до комитета наши предложенія. Кромѣ того, я надѣюсь, что и вы лично употребите ваше вліяніе или сдѣлаете все возможное для убѣжденія революціонеровъ пойти на соглашеніе, которое я предлагаю. Я убѣдительно прошу васъ объ этомъ.

Слова эти заставляли меня говорить, что называется, по существу дѣла, и я отвѣтилъ моему гостю приблизительно слѣдующее.

— Прежде всего позвольте мнѣ напомнить вамъ, что я вовсе никакого вліянія на революціонеровъ русскихъ, а особенно на дѣйствующихъ теперь, не имѣю. Позвольте вамъ дать брошюры, объясняющія мои отношенія къ нимъ (и далъ ему „Le Tyrranicide en Russie", „Къ біографіи Желябова", „Народная Воля" о централизаціи). А во вторыхъ, я не вѣрю въ самую сущность вашей задачи. Я не вѣрю въ возможность добыть для Россіи политическую свободу при посредствѣ „Охраны". По моему, вы такъ же заблуждаетесь, какъ и русскіе террористы; эти думаютъ добиться перемѣны политическаго строя, такъ сказать, разбоемъ, а охранцы... интригою (я собственно хотѣлъ сказать воровствомъ), между тѣмъ, какъ по моему мнѣнію, высказанному въ „Вольномъ Словѣ", — она можетъ быть взята только широкимъ и открытымъ общественнымъ движеніемъ, которое и требуетъ соотвѣтственной агитаціи въ обществѣ. Затѣмъ я абсолютно не вѣрю въ способность обоихъ тѣхъ элементовъ, которыхъ вы хотите привлечь къ соглашенію, не только выдержать договоръ, если бъ онъ и состоялся, но даже понять другъ друга. Спеціально объ „Ис-

полнительномъ Комитетѣ“ я замѣтилъ, что ему будетъ очень затруднительно пойти на желаемое соглашеніе, такъ какъ онъ поставилъ себя въ положеніе безвыходное и, по моему, вообще ложное, своими заявленіями съ 1-го марта 1881 г., а именно, письмомъ къ Александру III, гдѣ „Исполнительный Комитетъ“ грозитъ царю смертью, если онъ не уступитъ его требованіямъ (чѣмъ поставилъ и самого царя въ невозможность уступить), и еще болѣе недавними заявленіями „Народной Воли“, въ которыхъ ставится цѣлью „партіи“ уже не созваніе „учредительнаго собранія“, но захватъ власти, послѣ чего „партія“ предполагаетъ сначала сама сдѣлать соціально-экономическую реформу Россіи, а потомъ уже дать ей свободу, въ томъ числѣ и созваніе Земскаго Собора.

Тутъ произошелъ между нами разговоръ, который я, для краткости, опускаю и который окончился словами моего гостя: “Можетъ быть, вы и правы, но надо, во всякомъ случаѣ, хоть пробовать и не пропустить случая, въ своемъ родѣ единственнаго.

Съ послѣднимъ я долженъ былъ согласиться, а потому и не счелъ себя въ правѣ совершенно уклониться отъ дѣла, а въ то же время боялся, что если я совершенно устранюсь, онъ станетъ искать другихъ путей и попадетъ совсѣмъ уже на фальшивую дорогу, отчего можетъ произойти совсѣмъ уже какая либо глупость или вредное дѣло. Подобные примѣры я зналъ за иностранцами и русскими, и нѣкоторыя, названныя самимъ гостемъ моимъ имена, внушали мнѣ серьезныя опасенія, особенно имя Ткачева, по причинѣ дурного подбора его сообщниковъ, да Лаврова, по причинѣ его туманноголовія и неискренности въ отношеніяхъ. Поэтому я сказалъ, наконецъ, моему гостю, что я берусь свести его съ лицомъ или даже съ нѣсколькими, которыя находятся въ сношеніяхъ съ главными революціонерами въ Россіи и которыя доведутъ до ихъ свѣдѣнія предложенія лицъ, пославшихъ моего собесѣдника. Но только я требую, чтобы онъ въ теченіе трехъ или пяти дней вовсе ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ дѣлѣ.

Гость мой согласился на это условіе, и на другой день даже уѣхалъ изъ Женевы въ Парижъ, гдѣ онъ разсчитывалъ видѣться съ польскимъ писателемъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще въ 60-е годы и адресъ котораго онъ взялъ у меня. Мнѣ гость мой оставилъ на расходы по дѣлу 500 фр., изъ которыхъ я возвратилъ ему 300 фр. съ небольшимъ.

Передъ отъѣздомъ гостя, мы еще разъ „прошли“ предлагаемыя имъ отъ имени „Охраны“ условія, которыя я долженъ былъ сообщить намѣченнымъ мною посредникамъ. Назначеніе точнаго срока для созыва Земскаго Собора (отъ 8 до 18 мѣсяцевъ), казалось мнѣ фантастическимъ, и поэтому рискованнымъ, но собесѣдникъ мой отвѣтилъ мнѣ: „Ну, если берутся люди, такъ это ихъ дѣло“. Предложеніе оставить намъ, эмигрантамъ, въ залогъ какое-нибудь крупное лицо изъ „Охарны“ показалось мнѣ просто комичнымъ. — Что мы, черкесы, чтобы держать его, и гдѣ?? — Делегатъ замѣтилъ, что можно это условіе замѣнить какимъ нибудь другимъ. Касательно амнистіи комунибудь изъ насъ и права возвратиться въ Россію, я замѣтилъ, что и это условіе врядъ-ли удобно, такъ какъ еслибъ кто изъ насъ принялъ такую амнистію, то только бы поставилъ себя въ фальшивое положеніе передъ обществомъ и особенно передъ революціонерами. Вмѣсто этого, я посовѣтовалъ предложить амнистію какого-нибудь одного или нѣсколькихъ лицъ, находящихся въ Сибири, изъ старшихъ,

напримѣръ, Чернышевскаго, или же младшихъ, которыхъ теперешніе революціонеры считаютъ наиболѣе уважаемыми своими товарищами. (Я назвалъ нѣсколько именъ). Пріѣзжій нашелъ это соображеніе резоннымъ, но просилъ меня все таки передать, кому слѣдуетъ, и его первое предложеніе вмѣстѣ съ моимъ соображеніемъ.

Лица, которымъ я рѣшилъ сообщить все это дѣло, были: Кравчинскій и Мокріевичъ. Первый былъ въ то время въ Миланѣ, а второй въ Парижѣ. На бѣду, Кравчинскій перемѣнилъ въ это время свой адресъ, такъ что моя депеша къ нему не дошла. Мокріевичъ, съ которымъ я былъ знакомъ меньше, отвѣтилъ сначала на мой вызовъ пріѣхать въ Женеву отказомъ (онъ передъ тѣмъ проѣхался попусту въ Италію, по приглашенію одного польскаго патріота, переданному черезъ меня же, писать же ему обстоятельно, я не рѣшился, такъ какъ зналъ, что за нимъ сильно надзираютъ шпіоны), — а потомъ извѣстилъ меня, что долженъ ѣхать на Востокъ и будетъ переѣзжать черезъ Ліонъ, гдѣ и можетъ со мною увидѣться. Я поѣхалъ въ Ліонъ, и, встрѣтивъ тамъ Мокріевича, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ нашелъ его важнымъ и согласился стать посредникомъ между пріѣзжимъ и нѣкоторыми лицами въ Парижѣ, которыя, по его словамъ, могли говорить отъ имени „Исполнительнаго Комитета Народной Воли". Именъ ихъ онъ мнѣ не назвалъ, да я ихъ и не спрашивалъ. Изъ Ліона Мокріевичъ отправилъ (кому слѣдуетъ) въ Парижъ приглашеніе пріѣхать въ Женеву и полученныя отъ меня деньги на дорогу, но получилъ отвѣтъ, что желаемое свиданіе можетъ состояться только въ Парижѣ. Мы съ Мокріевичемъ возвратились въ Женеву, гдѣ я считалъ свою задачу оконченною, сведши Мокріевича съ пріѣзжимъ, съ тѣмъ чтобы оба они поѣхали въ Парижъ. Пріѣзжій, впрочемъ, настаивалъ на томъ, чтобы и я принялъ участіе въ переговорахъ. Почему онъ этого желалъ, я не знаю; по какимъ-либо субъективнымъ резонамъ, или вслѣдствіе убѣжденія, которое, какъ я положительно знаю изъ словъ одного посланника, сказанныхъ одному моему знакомому, было сильно распространено въ оффиціальныхъ кругахъ въ Петербургѣ, что я занимаю вліятельное положеніе въ русской революціонной организаціи, и которое я не могъ поколебать моими словами, — не берусь рѣшать, но только онъ сильно убѣждалъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и Мокріевичемъ въ Парижъ. Я отказался по резонамъ, изложеннымъ выше, и которые кратко повторилъ и при Мокріевичѣ, — и усадилъ обоихъ путниковъ въ вагонъ вечерняго курьерскаго поѣзда въ Парижъ, при чемъ оба они обѣщали увѣдомить меня въ общихъ чертахъ о результатахъ предпріятія.

Въ Парижѣ, какъ я узналъ потомъ, пріѣзжій передалъ свое желаніе, чтобы я присутствовалъ при переговорахъ, но г. Лавровъ, къ которому тамъ обратились (сверхъ моего ожиданія и къ моему удивленію!) съ этимъ дѣломъ, отвѣтилъ: „Ни подъ какимъ видомъ!" Я остался даже безъ всякихъ свѣдѣній объ исходѣ переговоровъ, такъ какъ и г. Мокріевичъ, сведши пріѣзжаго съ г. Лавровымъ и нѣкоторыми другими лицами, уѣхалъ на востокъ, написавъ мнѣ съ дороги письмо, въ которомъ извѣщалъ о своемъ удаленіи отъ дальнѣйшаго хода дѣла. Недѣли черезъ двѣ я увидѣлся въ Италіи съ Кравчинскимъ, которому разсказалъ, что зналъ, и который оказался въ совершенномъ невѣдѣніи объ этомъ дѣлѣ.

Для меня стало очевиднымъ, что г. Лавровъ и его парижскіе сотоварищи допустили къ дѣлу только избранныхъ, которыхъ они опре-

дѣлили сами по своимъ соображеніямъ. Еще черезъ нѣсколько недѣль я, воротившись въ Женеву, встрѣтилъ на улицѣ одного молодого человѣка, съ которымъ былъ немного знакомъ, но котораго я зналъ, какъ хорошаго знакомаго г. Милковскаго. Не мало удивился я, когда этотъ молодой человѣкъ заговорилъ со мною самымъ развязнымъ образомъ объ этомъ секретнѣйшемъ дѣлѣ, какъ будто о предметѣ, о которомъ мы оба еще вчера толковали между собой наиинтимнѣйшимъ образомъ, и сообщилъ мнѣ, посмѣиваясь, какъ г. Лавровъ и товарищи его сначала боялись пріѣзжаго, какъ шпіона, потомъ приняли его, положившись на рекомендацію г. Милковскаго, какъ г. Лавровъ требовалъ, чтобы охрана обѣщала, — по словамъ разсказчика, — „провести чуть не соціальную революцію“ въ Россіи, такъ что пріѣзжій даже было потерялъ терпѣніе и сказалъ, что онъ можетъ говорить только о томъ, что ему поручено, а если не хотятъ объ этомъ говорить, то онъ и прекратитъ переговоры, какъ, наконецъ, предложенія делегата Охраны были приняты, при чемъ залогами условлено было: амнистія Чернышевскому и выдача революціонерамъ мильона (рублей или франковъ, я отъ непривычки къ такимъ суммамъ, каюсь, уже не помню, но кажется, что рублей).

Я сообщилъ объ этомъ разговорѣ г. Мокріевичу и получилъ отъ него отвѣтъ, что ему ничего неизвѣстно по этому дѣлу.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, является ко мнѣ прежній гость, бывшій делегатъ Охраны, но съ видомъ весьма смущеннымъ сообщаетъ, что переговоры, собственно, ни къ чему ни привели, такъ что онъ пріѣхалъ почти единственно за тѣмъ, чтобы объясниться съ тѣми, съ которыми онъ имѣлъ дѣло и доказать имъ, что онъ не шарлатанъ и что если дѣло провалилось, то не по его винѣ. Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ о парижскихъ переговорахъ согласно съ тѣмъ, что уже я зналъ. Съ условіями, предложенными въ Парижѣ, онъ явился въ Петербургъ и сообщилъ ихъ пославшимъ его, которые сначала приняли условія и обѣщали дать ему полномочіе, скрѣпленное печатью Охраны, для заключенія формальнаго договора. Но черезъ нѣсколько времени эти лица заявили, что условія надо еще пересмотрѣть въ общемъ (?) *) собраніи Охраны и что пунктъ о непремѣнномъ созывѣ Земскаго Собора въ извѣстный и короткій срокъ слишкомъ труденъ къ исполненію. Между тѣмъ, стали показываться признаки того, что переговоры, и, во всякомъ случаѣ, отношенія делегата къ Охранѣ перестали быть тайною. Хотя делегатъ и считался выѣхавшимъ изъ Петербуга и не являлся на свою квартиру, а проживалъ пока въ домѣ одного знакомаго охранца, однако жъ онъ получилъ по почтѣ на свое имя гектографированный листокъ, гдѣ были извѣстныя личныя изобличенія нѣсколькихъ охранцевъ. На листкѣ было надписано: „вотъ съ кѣмъ вы связались!“ Послѣ проволочки нѣсколькихъ дней, охранцы объявили бывшему делегату, что считаютъ невозможнымъ продолжать переговоры съ революціонерами, такъ какъ послѣдніе не держатъ слова, именно во время самихъ переговоровъ издаютъ въ Женевѣ террористическую газету „Правда“, о которой будто бы доподливно извѣстно, что это изданіе „Исполнительнаго комитета“ и въ которой даже есть намеки на переговоры и при томъ намеки отрицательнаго характера.

---

*) Вопросительный знакъ принадлежитъ Драгоманову.

При послѣднемъ сообщеніи меня, что называется, взорвало. Я вскричалъ:

— Непостижимо, что за народъ у васъ тамъ всѣ эти охранцы! Въ прошлый разъ я увидѣлъ изъ вашихъ словъ о заграничномъ комитетѣ революціонномъ, что они понятія не имѣютъ объ эмиграціи, а теперь вижу, что они не знаютъ того, что у нихъ подъ носомъ дѣлается. Я не охранецъ и маленькій человѣкъ, и то знаю, что „Правда" изданіе — Судейкина.

— Какого Судейкина?

— Да просто вашего же петербургскаго жандармскаго подполковника Судейкина. Во всякомъ случаѣ здѣшняя эмиграція открещивается отъ этой газеты и собирается напечатать свое отреченіе отъ нея въ женевскихъ французскихъ газетахъ.

Тутъ я долженъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе собственно отъ разсказа о моемъ разговорѣ съ пріѣзжимъ и разсказать коротко о „Правдѣ" и отношеніи къ ней русской эмиграціи.

„Правду" издавалъ съ половины августа 1882 г. бывшій чиновникъ уѣздной полиціи Климовъ. Эта была очень безграмотная газетка, которая хотѣла итти съ одной стороны за „Народной Волей" съ ея политическимъ терроризмомъ, а съ другой за Revolte кн. Крапоткина съ анархически-соціалистическимъ терроризмомъ, который впрочемъ, проповѣдывала не намеками, какъ Revolte, а откровенно и совсѣмъ нелѣпо дописавшись до того, что совѣтовала истреблять даже скотъ, а не однихъ помѣщиковъ, и при томъ не у злыхъ помѣщиковъ, а именно у добрыхъ, ради полной яркости протеста противъ собственности. Рядомъ съ этимъ газета эта нападала на конституціонализмъ, какъ дѣло дворянское и буржуазное, противное соціализму, и потому чуть не въ каждомъ номерѣ ругала „Вольное Слово" и въ частности меня, называя меня прямо шпіономъ, находящимся въ прямыхъ сношеніяхъ съ Лигами-Охранами. Нѣкоторымъ эмигрантамъ это было очень пріятно, и они (Черкезовъ и Эльпидинъ) устраивали конспираціи съ Климовымъ, чтобы поймать меня, такъ сказать, съ поличнымъ. Впрочемъ, другіе изъ эмигрантовъ косо смотрѣли на „Правду" и стали даже поговаривать о томъ, чтобы отречься отъ нея. Я зналъ тайну происхожденія „Правды", какъ зналъ и то, что Судейкинъ запускаетъ лапу въ революціонныя организаціи въ Россіи, но много разговаривать объ этомъ съ здѣшней русской эмиграціей стѣснялся, такъ какъ со времени напечатанія во французскихъ соціалистическихъ газетахъ протеста противъ меня отъ имени редакцій „Rownosci" и „Чернаго Передѣла" по поводу моей статьи въ „Revue Socialiste", въ которой я указывалъ на централистически-національныя тенденціи въ русскихъ и польскихъ соціалистическихъ кругахъ, я прекратилъ всякія отношенія къ русской и польской соціалистической эмиграціи, какъ къ коллективностямъ, и сохранялъ только личныя отношенія и то съ весьма немногими. Печатная попытка моя (въ „Вольномъ Словѣ" 1882 г., № 34, отъ 8 н. ст. апрѣля „Обаятельность энергіи") предостеречь русскіе революціонные кружки относительно той деморализаціи въ ихъ средѣ, которая завершилась такъ называемою дегаевщиною и которая уже тогда порождала такіе факты, какъ указаніе народовольцемъ Р.*) довѣрившихся ему земцевъ**), вызвала противъ меня прямое озлобленіе въ

*) Герасимомъ Романенко. (Тарновскимъ) Ред.

**) Объ этомъ разсказано и въ запискѣ, которая напечатана въ «Общемъ Дѣлѣ».

эмиграціи, и, между прочимъ, новый печатный протестъ, подписанный „чернопередѣльцами“, которые въ немъ признавали „главенство“ народовольцевъ*). Мнѣ оставалось только лично предостерегать отдѣльныхъ личностей изъ русской эмиграціи, которыя сохраняли со мною отношенія. Предостерегалъ я ихъ отъ г. Климова и „Правды“ и даже поддерживалъ мысль печатнаго заявленія о несолидарности эмиграціи съ „Правдой“ и ея идеями, но стѣснялся на этомъ настаивать именно потому, что „Правда“ нападала на направленіе, которое я проводилъ и даже на меня лично. Коллективное отреченіе отъ „Правды“ такъ и оттянулось до 21 ноября 1882 г.**), когда уже „Правда“ успѣла принести свой вредъ и, между прочимъ, стала одной изъ помѣхъ заключенія договора между „Исполнительнымъ Комитетомъ“ и „Охраною“, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ предлоговъ къ разрыву начатыхъ переговоровъ.

Когда я разсказалъ своему гостю, что зналъ о „Правдѣ“ и сообщилъ ему, что эмиграція даже собирается публично отречься отъ газеты г. Климова и что фразы, которыя въ Петербургѣ приняли за двуличное отношеніе къ самимъ переговорамъ, составляютъ скорѣе всего часть „обличенія“ моихъ сношеній съ полицейскими „Лигами“, — онъ повеселѣлъ и сказалъ, что, если такъ, то онъ надѣется на поправленіе дѣла.

— Я пріѣхалъ, — сказалъ онъ, — главнымъ образомъ потому, что я обѣщалъ, во всякомъ случаѣ, передать окончательный отвѣтъ Охраны въ извѣстный срокъ, не далѣе чѣмъ черезъ три недѣли, и хотѣлъ по крайней мѣрѣ, объясниться передъ вами и парижанами, а теперь я надѣюсь, что, можетъ быть, переговоривши снова съ парижанами и потомъ съ охранцами, я ихъ доведу до новаго соглашенія.

Я пожелалъ гостю успѣха, но, конечно, еще съ меньшею вѣрою въ него, чѣмъ прежде. Съ тѣхъ поръ я о немъ ничего не слыхалъ, равно какъ и о переговорахъ его въ Парижѣ. Только черезъ годъ, когда уже и „Охрана“ перестала существовать, а затѣмъ Александръ III благополучно короновался безъ всякихъ конституціонныхъ уступокъ, которыхъ отъ него ждали даже иные „земцы“, — встрѣтился я, совершенно неожиданно, съ однимъ лицомъ, которое было поставлено въ возможность знать нѣкоторыя вещи, недоступныя обыкновеннымъ смертнымъ, и отъ него услыхалъ, что послѣ неудачи миссіи моего гостя, состоялись новые переговоры другого лица съ г. Тихомировымъ, при чемъ послѣдній пообѣщалъ, что никакого покушенія во время коронаціи Александра III не будетъ, и взамѣнъ того получилъ обѣщаніе, что Чернышевскій будетъ амнистированъ, а новѣйшимъ политическимъ каторжникамъ на Карѣ будутъ сдѣланы облегченія. Но едва только состоялось это соглашеніе, какъ Охрана

Это была та записка, которою г.г. Климовъ, Черкезовъ и Эльпидинъ хотѣли уличить меня въ сношеніяхъ съ Охранкой.

*) «Дегаевщина» охарактеризована, хотя еще слабо, и въ «Вѣстникѣ Народной Воли» № 2 въ статьѣ Л. Тихомирова «Въ мірѣ мерзости и запустѣнія» (по поводу казни Судейкина) ст. 91 — 125, отд. III. Теперь не лишено интереса сравнить эту статью, появившуюся только въ 1884 г., съ моей статьей, напечатанной въ «Вольномъ Словѣ» («Обаят. энергія») и вызвавшей упомянутый протестъ, который перепечатанъ былъ, хотя и съ цензурными опущеніями, въ «Календарѣ Народной Воли» еще въ 1883 г.

**) См. «Вольное Слово», № 51, 25 дек. 1882 г. — «Русская эмиграція въ Женевѣ о газетѣ «Правда.» М. Н.

должна была прекратить свое существованіе.*) Амнистія Чернышевскому, и то послѣ коронаціи, достигнута была только посредствомъ личныхъ вліяній на В. Кн. Владиміра Александровича, который убѣжденъ былъ, что c'est une question de l'humanite et pas de la politique. Относительно же „карійцевъ" дѣло ограничилось ревизіей г. Галкина-Враскаго, о результатахъ которой ни я, ни мой случайный собесѣдникъ не могли сказать другъ другу ничего опредѣленнаго.

Я долженъ заключить свой разсказъ еще однимъ сообщеніемъ, которое имѣетъ, кажется, отношеніе къ предмету настоящаго воспоминанія. Незадолго передъ коронаціей, когда она уже была возвѣщена, одинъ мой личный пріятель изъ числа русскихъ политическихъ эмигрантовъ (Кравчинскій) обратился ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я передать въ какую-нибудь европейскую редакцію его статьи о современномъ положеніи „Русской Соціально-революціонной партіи" и въ частности о томъ, почему теперь нѣтъ и во время коронаціи не будетъ никакого покушенія на Александра III?" Я отвѣтилъ, что у меня есть нѣкоторое знакомство въ лондонской „Pall Mall Gasette" и что я надѣюсь, что посланная туда статья будетъ напечатана. Мой пріятель сталъ писать статью, но такъ долго не отдавалъ ее мнѣ, что я, наконецъ, сталъ бояться, что и коронація пройдетъ, а статья не появится. На мое замѣчаніе, я получилъ отвѣтъ, что статья должна быть просмотрѣна г. Тихомировымъ, который тогда жилъ по сосѣдству съ Женевой. Статья, наконецъ, была мнѣ принесена, но потомъ опять взята для окончательнаго редактированія совмѣстно съ г. Тихомировымъ нѣкоторыхъ фразъ. Наконецъ, статья была отослана въ Лондонъ, гдѣ она появилась чуть ли не наканунѣ коронаціи. Главный смыслъ статьи состоялъ въ томъ, что теперь „народовольцы" имѣютъ главной цѣлью военный заговоръ съ цѣлью *захвата власти* имперіи, а потому и не интересуются покушеніями на убійство императора лично.**) Подъ статьей стояло примѣчаніе редакціи о томъ, что эта статья доставлена въ газету при моемъ посредствѣ.

М. Драгомановъ.

От ъ редакціи. Печатаемъ статью М. П. Драгоманова, доставленную намъ извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ М. Павликомъ, безъ какихъ либо измѣненій и даже примѣчаній, хотя мы въ очень многомъ не согласны съ авторомъ, какъ во взглядахъ, такъ и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ личностей. Мы хотѣли, чтобы на страницахъ „Былого" безъ искаженій отразились и полемика, и борьба, и всѣ разногласія, которыя въ свое время волновали представителей разныхъ политическихъ партій.

Настоящая статья М. П. Драгоманова имѣетъ значеніе цѣннаго документа по исторіи одного изъ наименѣе извѣстныхъ эпизодовъ прошлаго русскаго освободительнаго движенія. Этому вопросу были въ 1906-07 годахъ въ „Быломъ" посвящены очень интересныя статьи Николадзе, Бороздича, Дебогорія-Мокріевича.

---

*) Замѣтимъ, между прочимъ,—вслѣдствіе интригъ Судейкина, мало впрочемъ еще выясненыхъ, хотя на нихъ былъ намекъ и въ печати, особенно въ «Новомъ Времени».

**) Въ такомъ родѣ опредѣлялъ цѣли народовольцевъ въ отличіе отъ собственно террористовъ г. Тихомировъ въ своей книгѣ «La Russie sociale et politique» (1-е изданіе 1886 г.). По словамъ г. Тихомирова, терроръ даже мѣшалъ.

Безсудное заточеніе.

Печатаемые ниже документы касательно заточенія М. Лаговскаго въ Шлиссельбургскую каторжную тюрьму, взамѣнъ административной высылки въ В. Сибирь, срокомъ на 5 лѣтъ, а затѣмъ о продленіи этого заточенія еще на 5 лѣтъ, интересны не только какъ, оффиціальный разсказъ о возвращеніи къ пріемамъ николаевскаго времени, въ смыслѣ расправы съ неугодными правительству людьми путемъ именныхъ высочайшихъ повелѣній, безъ всякой судебной процедуры, но еще и какъ одно изъ краснорѣчивѣйшихъ опроверженій ходячаго мнѣнія, будто всѣ жестокости, совершаемыя отъ имени царя, совершаются безъ его вѣдома его слишкомъ усердными слугами.

Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что Оржевскій предлагаетъ просто сослать М. Лаговскаго въ В. Сибирь на 5 лѣтъ, причемъ онъ оказывается настолько „гуманнымъ“, что высказываетъ мнѣніе о необходимости освободить Лаговскаго по этому случаю отъ тюремнаго заключенія, къ которому можетъ приговорить его судъ за прежнія провинности. Но царь замѣняетъ эту мѣру заточеніемъ въ Шлиссельбургѣ на тотъ же срокъ. Такимъ образомъ, эта замѣна высылки безсудной каторгой представляетъ всецѣло *собственное изобрѣтеніе* „царя—миротворца“. Правда, понятливые слуги поспѣшно подхватили полученный урокъ, и вотъ, черезъ 5 лѣтъ, Дурново ходатайствуетъ о продленіи заточенія М. Лаговскаго еще на 5 лѣтъ по тому поводу, что онъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ раскаянія и исправленія. И милостивый царь охотно соглашается на эту новую безсудную жестокость.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ приложить упоминаемыхъ здѣсь писемъ М. Лаговскаго, такъ какъ въ данное время мы, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, пока не имѣемъ ихъ въ рукахъ. Въ свое время намъ удалось ихъ прочесть. Въ письмѣ, перехваченномъ на почтѣ, Лаговскій употребилъ нѣсколько ругательныхъ эпитетовъ по адресу Александра III. Это и послужило поводомъ для личной мести царя Лаговскому.

Разсмотрѣны ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ.
11-го марта. *Д. Толстой.*

Въ виду особой дерзости прилагаемаго при семъ письма, я счелъ всеподданнѣйшимъ долгомъ представить его на Высочайшее Вашего Имп. Велич. воззрѣніе.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, авторъ его — сосланный въ Сибирь подъ надзоръ полиціи на 5 лѣтъ отставной поручикъ 83-го резервнаго кадроваго баталіона Михаилъ Өедоровъ Лаговскій, бѣжавшій изъ Сибири въ минувшемъ сентябрѣ, который, очевидно, скрывается въ Петербургѣ.

Графъ Дмитрій Толстой.

9 марта 1884 г.

Справка.

Доложено г. Министру.

Его Высокопр ство изволилъ приказать *представить всепод. докладъ объ оставленіи Лаговскаго въ Шлиссельб. тюрьмѣ еще на 5 л.* При этомъ г. Министръ приказалъ и. д. Директора Департ. лично доложить г. Министру Юст-іи о предположеніи продолжить Лаговскому срокъ тюремнаго закл. еще на 5 л.

Исполнено: — Сенаторъ Д. Т. С. Манассинъ *словесно* выразилъ согласіе на приведеніе въ исполненіе этого предположенія. 2-го октября 1890 г.

И. д. Директора
П. Сабуровъ.

Въ исходѣ 1881 г. въ Ярославлѣ, у чертежника механическаго завода мѣщанина Василія Покровскаго, привлеченнаго къ дознанію по дѣлу объ образовавшемся въ Владимірѣ преступномъ кружкѣ Цвѣтаева, Аппельберга и др., былъ произведенъ обыскъ, причемъ найдена рукописная „программа великоруской партіи соціалистовъ федералистовъ“ и вырѣзанныя на графитѣ 4 подложныя печати разныхъ правительственныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе установленной дознаніемъ принадлежности этихъ предметовъ родственнику Покровскаго—поручику 83-го пѣхотнаго кадроваго баталіона Михаилу Өедорову Лаговскому, послѣдній былъ также подвергнутъ обыску, обнаружившему у него собственноручно имъ писанныя: „программу партіи Народной Воли“ и брошюру, доказывающую необходимость покушенія на Священную Особу нынѣ царствующаго Государя Императора, какъ виновника казни цареубійцъ, и нѣсколько писемъ, свидѣтельствовавшихъ о сношеніяхъ Лаговскаго съ привлеченными къ вышеупомянутому дознанію о Владимірскомъ кружкѣ дворяниномъ Александромъ Языковымъ, братомъ обвиняемого Александромъ Лаговскимъ, скрывшимся за границу государственнымъ преступникомъ Наумомъ Львовымъ и другими.

Въ разрѣшеніе произведеннаго по изложеннымъ обстоятельствамъ дознанія 30-го іюня 1882 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ Михаила Лаговскаго въ Западную Сибирь подъ гласный надзоръ полиціи

на 5 лѣтъ. 3-го сентября Лаговскій, вмѣстѣ съ другими лицами, нанесъ оскорбленіе словами и дѣйствіемъ конвойнымъ, сопровождавшимъ этапъ, и, будучи преданъ суду, скрылся изъ города Маріинска. Лаговскій былъ задержанъ лишь 4 апрѣля 1884 г. въ С. Петербургѣ, гдѣ проживалъ по виду Адама Гессельмейера, оказавшемуся похищеннымъ изъ Дирекціи Лодзинскихъ учебныхъ заведеній. При обыскѣ у Лаговского отобрано нѣсколько выписокъ и замѣтокъ изъ различныхъ сочиненій революціонной прессы, а также чертежи и описаніе способа приготовленія новаго взрывчатаго вещества, изобрѣтеннаго французскимъ химикомъ Тюрпеномъ и извѣстнаго подъ названіемъ „панклостита.“ Подобное же описаніе найдено у привлеченнаго къ дѣлу объ убійствѣ подполковника Судейкина — Николая Стародворскаго. Допрошенный по обстоятельствамъ даннаго дѣла обвиняемый Лаговскій, признавая принадлежность къ революціонной партіи, отрицалъ, однако, участіе свое въ дѣятельности послѣдней, утверждая, что имѣлъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, сношенія съ членами преступнаго сообщества исключительно во избѣжаніе законнаго преслѣдованія за совершенное имъ въ Сибири преступленіе. Относительно найденныхъ у него при обыскѣ вида на имя Гессельмейера, чертежа и замѣтокъ по изготовленію „панклостита“, Лаговскій объяснилъ, что получилъ ихъ отъ одного изъ членовъ раволюціоннаго сообщества—и притомъ, чертежи и замѣтки для передачи третьему лицу. Упорно отказываясь назвать тѣхъ членовъ противоправительственнаго сообщества съ которыми онъ имѣлъ сношенія во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Лаговскій подтвердилъ, однако, что знакомъ съ Николаемъ Стародворскимъ, но отказался объяснить при какихъ условіяхъ произошло означенное знакомство. Независимо сего изъ письма привлеченнаго къ дознанію по дѣлу о тайной типографіи, обнаруженной въ квартирѣ Сладковой — Петра Якубовича къ студенту Михаилу Шебалину въ Кіевъ отъ 28 февр., въ коемъ

имѣется фраза: „явился еще одинъ человѣкъ изъ Сибири“, можно заключить, что рѣчь шла именно о Лаговскомъ. При предъявленіи ему фотографической карточки Якубовича, онъ призналъ въ ней сходство съ лицомъ, извѣстнымъ ему подъ именемъ „Вячеслава“ (Якубовичъ, дѣйствительно, носилъ эту кличку), на свиданіе съ которымъ онъ, будто бы, шелъ, когда былъ арестованъ на улицѣ 4-го апр.; при этомъ обвиняемый не пожелалъ объяснить подробнѣе отношеній своихъ къ названному лицу. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній усматривается, что Лаговскій былъ приговоренъ Маріинскимъ судомъ за преступленіе, предусмотрѣнное 271, 285 и 286 ст. Улож. о Наказ., къ заключенію въ тюрьмѣ на два года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, но рѣшеніе это Томскимъ Губернскимъ Судомъ признано несвоевременнымъ, какъ состоявшееся по неоконченному слѣдствію и въ отсутствіи обвиняемаго, а посему отмѣнено впредь до новаго разсмотрѣнія дѣла.

Г. Министръ Юстиціи, согласно съ мнѣніемъ г. Тов. Мин. Внутр. дѣлъ, сенатора Ген. Лейтенанта Оржевскаго, полагалъ разрѣшить настоящее дознаніе административнымъ порядкомъ съ тѣмъ, чтобы выслать Лаговскаго подъ надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на 5 л., каковую мѣру привести въ исполненіе по разрѣшеніи производящагося въ Маріинскомъ, Томск. губ., Окружн. Судѣ дѣла по обвиненію Лаговскаго въ оскорбленіи военнаго караула съ тѣмъ однако, чтобы, въ виду совокупности съ предположеннымъ административнымъ взысканіемъ, обвиняемый не былъ подвергаемъ тюремному заключенію, къ которому онъ можетъ быть присужденъ по дѣлу о совершеніи имъ указаннаго общаго преступленія. По всеподданнѣйшему Ген. Лейтенанта Оржевскаго докладу, выписки изъ всеподданнѣйшаго доклада г. Мин. Юстиціи по сему предмету, Государь Императоръ, въ 10 день окт. 1885 г. въ г. Гатчинѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: политическаго ссыльнаго Михаила Федорова Лаговскаго заключить нынѣ же въ Шлиссельбрскую тюрь-

му срокомъ на 5 лѣтъ. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, приведенномъ въ исполненіе (19-го окт. 85 г.), было сообщено для свѣдѣнія Г. Мин. Юстиціи. Какъ усматривается изъ неоднократныхъ отзывовъ Начальника Шлиссельб. Жанд. Упр., Лаговскій характера дерзкаго и безпокойнаго. При семъ представляется всеподаннѣйшая записка съ приложеніемъ копій двухъ писемъ Лаговскаго предосудительнаго содержанія.

Всеподданѣйшій докладъ Министра Внутр. Дѣлъ.

О продленіи срока тюремнаго заключенія отставному поручику Михаилу Лаговскому.

Высочайшее соизволеніе послѣдовало въ Гатчинѣ 4 октября 1890 г.

Дурново.

Въ августѣ 1881 г. въ Ярославлѣ, у чертежника механическаго завода, мѣщанина Покровскаго былъ произведенъ обыскъ, по которому найдены: рукописная программа великорусской партіи соціалист.-федералистовъ и вырѣзанныя на графитѣ 4 подложныя печати разныхъ правительственныхъ мѣстъ и т. д.

(Далѣе идетъ слово въ слово изложенное выше въ «Справкѣ» на стр. 45-46 до словъ: «Независимо сего изъ письма привлеченнаго и т. д. Ред.)

По всеподаннѣйшему докладу Генералъ-Лейтенантомъ Оржевскимъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, въ 10 день октября 1885 г., Высочайше повелѣть: политическаго ссыльнаго Михаила Федорова Лаговскаго заключить въ Шлиссельбургскую тюрьму срокомъ на пять лѣтъ.

Въ теченіе оканчивающагося нынѣ пятилѣтняго срока тюремнаго заключенія арестантъ Лаговскій ничѣмъ не проявилъ своего раскаянія и, оставаясь по прежнему дерзкимъ террористомъ, представляется безусловно опаснымъ для государственнаго порядка. По сему, не признавая въ настоящее время возможнымъ не только полное освобожденіе Лаговскаго, но и высылку его подъ надзоръ полиціи въ отдаленнѣйшія мѣстности Имперіи, поставляю себѣ всеподданнѣйшимъ долгомъ испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества

соизволеніе на оставленіе отставного поручика Михаила Федорова Лаговскаго въ Шлиссельбургской тюрьмѣ еще на пять лѣтъ.

Статсъ-Секретарь Дурново.

4 окт. 1890 г.

Шлиссельб. Жанд. Упр.
9 окт. 1890 г.
Кр. Шлиссельбургъ.

Команд. Отд. Корп. Жанд. Товарищу Мин. Вн. Дѣлъ — Завѣдывающему Полиціей.

Рапортъ.

Доношу Вашему П-ству, что предложеніе отъ 6-го окт. за № 336 сего числа приведено мною въ исполненіе, что объявленное Высоч. повелѣніе, состоявшееся въ 4-й день текущаго мѣсяца, арестантъ Михаилъ Федоровъ Лаговскій выслушалъ повидимому спокойно, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно было для него вполнѣ неожиданнымъ, такъ какъ названный арестантъ ранѣе неоднократно обращался ко мнѣ съ просьбой о доведеніи до свѣдѣнія Вашего Прев—ства, что къ 10-му числу настоящаго мѣсяца оканчивается срокъ опредѣленнаго ему тюремнаго заключенія и твердо надѣялся на скорое освобожденіе.

Испр. должность Начальника Управленія
Подполковникъ *Кореневъ.*

Г. Министръ приказалъ принять къ свѣдѣнію.

Изъ Шлиссельбургскаго мартиролога.

Печатаемые ниже документы изъ архива департамента полиціи говорятъ сами за себя и не нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ. Мы ограничились лишь справками чисто фактическаго характера, наведенными нами у самихъ бывшихъ заключенныхъ Шлиссельбургской крѣпости.

Ред.

I.

Минаковъ.

27-го августа 1884 г. (извлеченіе изъ дознанія).

. . . „Старшій помощн. Нач. Шлиссельб. Жанд. Упр. пояснилъ: что такъ какъ содержащійся въ камерѣ № 1 Егоръ *Минаковъ* съ 17-го сего мѣсяца не принималъ пищи, то для медицинскаго осмотра 24-го числа этого мѣсяца въ 9 часовъ утра зашелъ къ нему въ камеру — въ присутствіи его, капитана Соколова и двухъ дежурныхъ унтеръ-офицеровъ — Конона Громова и Федора Блинова, — старшій врачъ Шлиссельбургской крѣпости Николай Заркевичъ, посѣщавшій его уже нѣсколько разъ прежде. Минаковъ на вопросы врача отвѣчалъ вполнѣ сознательно и разумно, лежа на койкѣ вслѣдствіе своей слабости, но когда врачъ наклонился къ нему, то Минаковъ нанесъ ему, Заркевичу, столь сильный ударъ по лицу, что у Заркевича упала съ головы фуражка и разбились очки, вслѣдствіе чего на арестанта Минакова надѣта была горячечная рубаха.

Капитанъ Соколовъ пояснилъ, что арестантъ Минаковъ со времени перевода его въ Шлиссельбургскую тюрьму велъ себя буйно, нарушая тишину крикомъ и пѣніемъ, причемъ призывалъ всѣхъ товарищей по заключенію въ свидѣтели, что если не исполнятъ его требованій, т. е. не будутъ давать книгъ не духовнаго содержанія, а также не разрѣшатъ куренія табаку, то онъ умретъ съ голоду. Капитанъ Соколовъ ранѣе этого предлагалъ арестанту книги религіознаго содержанія, но Минаковъ сказалъ, что онъ плевать хочетъ на такія книги. Того же 24-го числа, до совершенія имъ преступленія, арестантъ въ

7 часовъ утра просилъ дать ему чаю, что и было исполнено; чай онъ выпилъ съ хлѣбомъ и съ сего времени началъ принимать пищу. Когда арестантъ Минаковъ былъ спрошенъ Соколовымъ, за что онъ нанесъ врачу оскорбленіе, то арестантъ сказалъ, что желаетъ, чтобы его разстрѣляли, а ударилъ врача за то, что у него, Минакова, отъ его лекарствъ были судороги; а между тѣмъ капитану Соколову положительно извѣстно, что упомянутому арестанту не было назначаемо врачемъ лекарствъ за все время пребыванія его въ Шлиссельб. тюрьмѣ.“

(*Изъ показаній Заркевича*). ... „На вопросъ Заркевича, почему онъ не ѣстъ, арестантъ объяснилъ, что аппетитъ у него есть, но до тѣхъ поръ, пока не будетъ улучшено его положеніе, т. е. пока ему не дадутъ книгъ для чтенія сколько-нибудь интереснаго содержанія и кромѣ того табаку, отъ котораго онъ, будто бы, не можетъ отвыкнуть, онъ не будетъ принимать пищи.

„... На заявленіе Заркевича, что табаку онъ не получитъ, такъ какъ этого не дозволяютъ существующія правила, арестантъ отвѣтилъ, что это неправда, такъ какъ во всѣхъ тюрьмахъ и въ Сибири позволяли курить, а относительно книгъ выразился, что „читать о зачатіи Пресв. Богородицы“ или „о чемъ и какъ молиться“ и тому подобную ерунду „не можетъ“, что голодать ему приходится не въ первый разъ, а еще въ Сибири, на Карѣ, по приговору товарищей, онъ пробылъ безъ пищи 12 дней, а теперь или получитъ табакъ и книги или умретъ голодной смертью. Заркевичъ, не находя признаковъ цынги у арестанта и не считая куренія табаку мѣрою противоцынготной, не призналъ возможнымъ назначить ему табакъ. Вечеромъ того же дня (19-го августа), во время раздачи ужина Заркевичъ раздавалъ лекарства больнымъ и, проходя по тюремному коррилору, слышалъ, какъ арестантъ изъ камеры № 1 кричалъ, чтобы ему не давали пищи, такъ какъ этимъ напрасно мучаютъ его. 20-го августа утромъ Заркевичъ снова зашелъ къ арестанту камеры № 1, который заявилъ, что, подавая ему аккуратно пищу, напрасно думаютъ, что это его соблазнитъ: ѣсть онъ не будетъ и проситъ не подавать ему ничего съѣстного, подачу же пищи противъ его желанія онъ считаетъ варварствомъ“... „При посѣщеніяхъ этого арестанта 12-го, 22-го и 23-го чиселъ сего августа, Заркевичъ не находилъ перемѣны, но по прежнему арестантъ просилъ книгъ и табаку, говоря, что не ѣстъ и напрасно ему подаютъ пищу“.

Унтеръ-офицеръ Федоръ Блиновъ пояснилъ, что 24 августа онъ находился на дежурствѣ въ тюрьмѣ и вмѣстѣ съ капитаномъ Соколовымъ, врачемъ Заркевичемъ и унтеръ-офицеромъ Громовымъ вошелъ въ камеру № 1, около 9 часовъ утра. Арестантъ въ то время сидѣлъ на кровати, сложа руки. Унтеръ-офицеръ Блиновъ сталъ съ правой стороны арестанта и

совсѣмъ близко къ нему, а унтеръ-офицеръ Громовъ съ лѣвой стороны арестанта. Врачъ Заркевичъ сталъ противъ арестанта, сзади же и съ лѣвой стороны врача стоялъ капитанъ Соколовъ. Врачъ спросилъ арестанта о его здоровьѣ, на что тотъ отвѣтилъ, что чувствуетъ жаръ. Врачъ взялъ арестанта за лѣвую руку и, ощупавъ пульсъ, сказалъ, что онъ слабъ. Послѣ сего арестантъ, медленно поднимаясь съ кровати, спокойно разговаривалъ съ врачемъ о своей болѣзни, когда же арестантъ всталъ на ноги, то въ это время такъ быстро правой рукой ударилъ врача Заркевича по лицу, что защитить его отъ этого удара Блиновъ не имѣлъ возможности. Послѣ нанесенія удара, арестантъ, обращаясь къ врачу сказалъ: „ты меня до смерти довелъ, ну, а теперь меня хоть сейчасъ вѣшайте!"

Унтеръ-офицеръ Громовъ не прибавилъ ничего новаго къ вышеизложенному и слышалъ только слова арестанта: „ты меня отравилъ!"

29-го августа 1884 г. Показаніе *Минакова.*

Зовутъ меня Егоръ Минаковъ, имѣю отъ роду 30 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, ссыльно-каторжный государственный преступникъ.

Въ камеру мою 24-го числа сего августа приходилъ врачъ утромъ, но часа опредѣлить не могу. Врачъ спросилъ о моемъ здоровьѣ; такъ какъ въ продолженіе семи дней я не принималъ пищи, то чувствовалъ слабость, нервное подергиванье, лихорадочный ознобъ, общій упадокъ силъ; тогда врачъ, ощупавъ мой пульсъ, сказалъ, что пульсъ, дѣйствительно, очень слабъ. Я спросилъ врача о причинѣ бывшихъ у меня дня три передъ этимъ сильныхъ судорогъ, теперь прекратившихся, на что врачъ сказалъ, что мой организмъ нѣсколько привыкъ къ голодному состоянію и освоился. Болѣе разговора моего съ врачемъ не помню. Ударъ врачу нанесъ потому, что я былъ твердо убѣжденъ, что мои страшно мучительныя судороги произошли у меня три дня передъ этимъ по винѣ врача; вызваны онѣ были, по моему подозрѣнію, врачемъ помощью какого-нибудь ядовитаго вещества, которое могло быть имъ дано во время осмотра моихъ десенъ, языка и проч., причемъ каждый разъ послѣ его ухода мнѣ казалось, что (я) чувствовалъ нѣсколько сладковатый вкусъ, напившись воды. Входя ко мнѣ, врачъ всегда держалъ правую руку въ карманѣ пальто; осмотрѣвъ десны въ одинъ день, почему-то осматривалъ и на другой день, спрашивалъ уже не первый разъ, была ли у меня цынга. Послѣ его посѣщенія я замѣтилъ, что кровь въ кистяхъ моихъ рукъ особенно живо играетъ, — обстоятельство не мало меня удивившее, такъ какъ голоданіе было для меня вещь не новая (года два тому назадъ на Карѣ я 12 дней не принималъ пищи). Въ шестой день моего голоданія, послѣ ухода врача, я, напившись воды, почувствовалъ вкусъ трубоч-

наго нагара и нѣсколько сладковатый; спустя часа полтора послѣ этого со мной сдѣлался почти внезапно сильный припадокъ судорогъ, зубы мои задрожали, я чувствовалъ страшныя боли подъ ложечкой, сердце сильно щемило, голова похолодѣла, личные мускулы исказились, обѣ руки и лѣвая нога сильно скорчились, мнѣ казалось, что каждый палецъ мой раздваивается и что мускулы какъ бы отдѣляются отъ костей. На мои страшные крики, раздававшіеся болѣе четверти часа, прибѣжалъ докторъ, блѣдный, перепуганный, вмѣстѣ со смотрителемъ и на мои объясненія происшедшаго со мной, а также и на вопросъ, почему это со мной случилось, онъ проговорилъ что-то о нервныхъ центрахъ и сейчасъ же предложилъ ѣсть, объясняя, что иначе никакія лекарства здѣсь не помогутъ; когда я вслухъ удивлялся, почему ни у меня, ни у кого изъ около 60-ти товарищей, голодавшихъ со мною два года тому назадъ на Карѣ, ничего подобнаго не происходило за всѣ 12 дней нашего голоданія, онъ отвѣчалъ, что мой организмъ былъ заранѣе истощенъ предварительными желудочными болѣзнями, обстоятельство, не имѣвшее для меня убѣдительности, такъ какъ, въ числѣ вышеупомянутыхъ 60-ти товарищей, были организмы гораздо слабѣйшіе моего, которые на 5-ый день голоданья не могли уже вставать безъ посторонней помощи, между тѣмъ какъ я на 5-й день имѣлъ еще настолько силъ, что могъ вставать легко съ постели и открывать и закрывать отдушину, становясь при этомъ на ватерклозетъ. Послѣ этого сильнаго судорожнаго припадка, другого у меня не повторялось, хотя продолжало болѣть сердце, иногда подъ ложечкой и бывали легкія передергиванія мускуловъ и какъ бы иголочные уколы по всему тѣлу, о чемъ я и заявлялъ обыкновенно доктору. На 3-й или 2-й день послѣ этого докторъ съ помощью трубки изслѣдовалъ мое сердце и легкія, причемъ спрашивалъ, больно ли у меня подъ ложечкой, бываютъ ли у меня попрежнему легкія вздрагиванія мускуловъ и проч., на что я отвѣчалъ утвердительно. На 8-й день моего голоданья, послѣ того, какъ я нанесъ ударъ по лицу доктору и меня одѣли въ горячечную рубаху, у меня опять произошли легкія судороги въ кистяхъ рукъ. Все это вышеупомянутое и вмѣстѣ взятое привело меня къ несомнѣнному убѣжденію, что мой ужасный судорожный припадокъ былъ вызванъ докторомъ искусственно съ цѣлью побудить меня принимать пищу.

Всѣ эти подозрѣнія созрѣли у меня только въ послѣднюю ночь передъ нанесеніемъ удара.*) За все время моего пребыванія здѣсь докторъ лекарствъ мнѣ не прописывалъ, и я ихъ не

---

*) Для всякаго безпристрастнаго читателя очевидно, что вышеизложенныя подозрѣнія Минакова представляютъ несомнѣнныя «бредовыя идеи» на почвѣ нервнаго разстройства, вызваннаго строгимъ одиночествомъ и отсутствіемъ мало-мальски занимательнаго чтенія, противъ чего Минаковъ и протестовалъ своей голодовкою. Видно не легки были эти лишенія, когда они довели въ такое короткое время молодого, энергическаго человѣка до психическаго разстройства. Ред.

принималъ. Пищу отказался принимать вслѣдствіе того, что на мое желаніе имѣть табакъ и книги не духовнаго содержанія, мнѣ было отказано въ томъ и другомъ, несмотря на мое заявленіе, что табакъ можетъ быть мнѣ прописанъ, по примѣру другихъ каторжныхъ и государственныхъ тюремъ на Карѣ, врачемъ, такъ какъ я страдаю постояннымъ нытьемъ зубовъ и слабостью десенъ. Послѣ нанесенія удара сказалъ: „пусть меня теперь повѣсятъ". Пищу ко мнѣ приносили ежедневно и ставили на столъ, но я къ ней не прикасался, ѣсть же началъ 24-го числа послѣ нанесенія удара и того же числа утромъ въ 7 часовъ выпилъ кружку чая, чувствуя сильныйознобъ.

21-го сентября 1884 г.

... „Приговоръ военнаго суда о государственномъ преступникѣ Минаковѣ приведенъ въ исполненіе 21-го сентября въ 8 часовъ утра въ Шлиссельбургской крѣпости."

II.

Мышкинъ.

26-го декабря 1884 г.

25-го числа сего мѣсяца, въ 7 часовъ вечера, ввѣреннаго мнѣ управленія старшій помощникъ, ротмистръ Соколовъ, въ присутствіи дежурныхъ и старшаго унтеръ-офицера, отворилъ дверь камеры № 30, въ которой содержится Ипполитъ *Мышкинъ*, чтобы передать ему ужинъ, но упомянутый арестантъ, схвативъ съ своего стола мѣдную вѣскую тарелку, которая въ то время была порожняя, бросилъ ее въ ротмистра Соколова безъ всякихъ видимыхъ поводовъ; къ счастью, ротмистръ Соколовъ успѣлъ уклониться и тарелка, пролетѣвъ мимо него вершкахъ въ двухъ, ударилась о перила галлереи. Можно предположить, что тарелка, попавъ въ голову, могла бы убить (?!) ротмистра Соколова или причинить ему увѣчье. Послѣ того надѣта была на Мышкина горячечная рубашка, такъ какъ онъ кричалъ, чѣмъ и вызвалъ безпорядокъ со стороны другихъ заключенныхъ, выразившійся тоже криками, а именно начали кричать заключенные: въ камерѣ № 11 Василій *Ивановъ*, въ камерѣ № 7 Аполлонъ *Немоловскій*, въ камерѣ № 36 Людвигъ *Кобылянскій*, въ камерѣ № 17 Михаилъ *Поповъ* и въ камерѣ № 26 Вѣра *Фигнеръ* (Филиппова). Когда Мышкинъ нѣсколько успокоился, то, бывъ спрошенъ ротм. Соколовымъ, почему бросилъ въ него тарелку, отвѣтилъ, что сдѣлалъ это потому, что желаетъ смертной казни. Безпорядокъ со стороны 5 человѣкъ упомянутыхъ заключенныхъ продолжался недолго и прекратился въ то время, когда Мышкинъ пересталъ кричать послѣ того, какъ на него надѣта была горячечная рубаха.

О чемъ донося Вашему Превосходительству, покорнѣйше прошу разрѣшенія о наложеніи ручныхъ и ножныхъ кандаловъ на Мышкина, такъ какъ онъ самъ заявилъ о цѣли своихъ преступныхъ дѣйствій, которыя безъ строгихъ мѣръ могутъ повториться, присемъ докладываю, что къ подобнымъ азартнымъ выходкамъ способны, какъ оказывается по наблюденію, еще арестанты: Вас. Ивановъ, Людв. Кобылянскій и Михаилъ Поповъ, и что для прекращенія какихъ-либо буйственныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, полагалъ бы полезнымъ слѣдующую мѣру: — розги или кандалы. Впредь до приказанія Вашего Пр—ства — Мышкинъ лишенъ мною чтенія книгъ, прогулки и оставленъ въ своей камерѣ безъ перевода въ темный карцеръ исключительно въ видахъ того, что за заключенными въ свѣтлой камерѣ представляется болѣе возможности имѣть усиленный надзоръ.

Полковникъ Покрошинскій.

(Всеподданнѣйшая записка по этому дѣлу была представлена графомъ Д. Толстымъ 28-го декабря.)

Телеграмма Начальнику жанд. управленія. Шлиссельбургъ

О поступкѣ Мышкина прошу приступить немедленно къ производству дознанія. Прошу также сообщить какія мѣры взысканія приняты противъ остальныхъ шумѣвшихъ арестантовъ.

28 дек. 1884 г. И. д. директора П. Дурново.

19-го января 1885 г. С.-Петербургъ (отъ помощника главнокомандующаго войсками гвардіи Петерб. военнаго округа). Графу Д. А. Толстому.

М. Г., Графъ Дмитрій Андреевичъ! Временный военный судъ, открытый въ Шлиссельбургской крѣпости, признавъ содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости ссыльно-каторжнаго государственнаго преступника Ипполита Мышкина виновнымъ въ оскорбленіи въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ начальника, находившагося при исполненіи служебныхъ обязанностей, 15 сего января приговорилъ: подсудимаго Мышкина, за преступленіе его, на основаніи пункта б 2 ч. 98 ст., и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., и § 5-го Высочайше утвержденнаго 19-го іюля 1884 г. положенія о Шлиссельбургской тюрьмѣ, какъ лишеннаго уже всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни растрѣляніемъ.

Приговоръ этотъ, 18-го числа текущаго мѣсяца, я утвердилъ и передалъ къ исполненію. Имѣю честь увѣдомить объ

этомъ Ваше Сіятельство, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ почтеніи и совершенной преданности.

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

А. Костанда.

26-го января 1885 г. (телеграмма).

Приговоръ надъ ссыльно-каторжнымъ государственнымъ преступникомъ Ипполитомъ Мышкинымъ исполненъ сего числа въ восемь часовъ утра; трупъ будетъ погребенъ въ предѣлахъ крѣпости (согласно распоряженію тов. мин. вн. дѣлъ, который „призналъ необходимымъ", „предать тѣло Мышкина землѣ непремѣнно на Островѣ"). Мышкинъ пріобщался, велъ себя спокойно.

Полковникъ Покрошинскій.

Телеграмма изъ Шлиссельбурга Директору Департамента Полиціи.

15 января 1885 г.

Осужденный арестантъ Ипполитъ Мышкинъ подалъ заявленіе черезъ защитника, прося разрѣшенія написать матери прощальное письмо.

Полковникъ Покрошинскій.

16-го января.

Осужденному арестанту разрѣшается написать письмо матери. Письмо это представить въ Департаментъ.

Директоръ П. Дурново.

19-го января 1885 г.

Имѣю честь представить при семъ два письма осужденнаго ссыльно-каторжнаго госуд. преступн. Ипполита Мышкина: одно изъ нихъ адресовано на имя Евдокіи Терентьевой Соколовой, другое же — Григорію Никитичу Мышкину.

Полковникъ Покрошинскій.

Надписано рукою Дурново: Представить эти письма для прочтенія Его Пр—ству Г. Тов. Министра.

Рукою Оржевскаго: Отправить по назначенію по приведеніи приговора въ исполненіе. 25-го января (1884 г.).

29-го января Г. Товарищъ Министра изволилъ приказать: письмо Мышкина къ брату оставить при дѣлѣ; письмо же къ матери препроводить для врученія по принадлежности Началь-

нику Новгородскаго Губ. Жанд. Упр. съ указаніями, переданными лично Его П—ствомъ.

Секретарь Зволянскій.

Письмо Мышкина къ брату уничтожено.

29-го января. Зволянскій.

29-го января 1885 г.

Г. Начальнику Новгородскаго Жандармскаго Управленія.

Осужденный приговоромъ особаго присутствія Правит. Сената, 6-го января 1878 г., по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, къ каторгѣ на 10 лѣтъ, солдатскій сынъ Ипполитъ Мышкинъ, по приговору С.-Петербургскаго военно-окружного суда, за оскорбленіе дѣйствіемъ смотрителя Шлиссельбургской тюрьмы преданъ 26 го сего января смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Принимая во вниманіе, что въ *Новгородѣ, по Забавской ул., въ домѣ Смѣлковой* проживаетъ мать казненнаго Мышкина, Евдокія Соколова, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокородіе пригласить къ себѣ Соколову, объявить ей осторожно о послѣдовавшей смерти ея сына, и передать затѣмъ прилагаемое письмо отъ него. При передачѣ этой покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., передать Соколовой, что письмо отъ сына лично къ ней разрѣшено передать лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не предавала его гласности и оно отнюдь не могло бы служить для агитаціонныхъ цѣлей или быть напечатаннымъ въ какомъ-либо подпольномъ изданіи, предваривъ ее, что, въ противномъ случаѣ, отвѣтственность за это падетъ прямо на нее и она подвергнется строгому административному взысканію. О послѣдующемъ прошу увѣдомить.

Директоръ П. Дурново.

9-го февраля 1885 г.

Отъ Начальника Новгородскаго Жандармскаго Управленія.

Во исполненіе отзыва Вашего Пр—ства ко мнѣ отъ 29-го января за № 69, имѣю честь увѣдомить, что содержаніе упомянутаго отзыва, мною лично сего числа объявлено матери казненнаго преступника Ипполита Мышкина, вдовѣ фельдшера Евдокіи Терентьевой Соколовой, при чемъ передано ей и приложенное къ отзыву письмо, съ предвареніемъ и разъясненіемъ, что за передачу таковаго или сообщеніе его содержанія кому-либо она подвергнется строгому административному взысканію.

При этомъ, по поводу установленныхъ въ отзывѣ Вашего Пр—ства условій, считаю долгомъ высказать, что хотя Соколова, несмотря на крайне осторожную бесѣду съ нею, повиди-

мому, очень встревоженная извѣстіемъ о казни сына, и выражала впослѣдствіи твердое желаніе выполнить предъявленныя ей условія о непередачѣ письма въ другія руки и даже безъ всякихъ поводовъ, какъ простая женщина, по общепринятому въ средѣ ихъ обычаю, неоднократно порывалась подтвердить свои слова клятвой, но я, зная почти безумную любовь ея къ сыну, Григорію Мышкину, съ которымъ она живетъ, предающемуся пьянству и страдающему запоемъ, склоненъ предполагать, что сынъ этотъ, пользуясь любовью и полнымъ довѣріемъ матери, не преминетъ при случаѣ выманить у нея письмо брата для передачи онаго въ свое время въ извѣстныя руки, дѣйствуя въ семъ случаѣ и не по собственной инициативѣ, но несомнѣнно для агитаціонныхъ и при томъ больше изъ корыстныхъ своихъ цѣлей, на что также съ моей стороны было обращено вниманіе Соколовой при передачѣ ей сказаннаго письма.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что вышесказанный Григорій Мышкинъ, согласно предписанія Департамента отъ 13-го октября 1883 г., состоитъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи.

Полковникъ (подпись неразборчива).*)

III.

Клименко.

Шифрованная телеграмма изъ Шлиссельбурга отъ *5-го октября 1884 года.*

Сего числа, въ 7 часовъ утра арестантъ Михаилъ Клименко повѣсился на вентиляторѣ; медицинская помощь оказалась безуспѣшною. О чемъ подробно буду имѣть честь донести почтой.

Полковникъ Покрошинскій.

Доложено г. Директору и г. Товарищу Министра. Г. Министру послана всеподданнѣйшая Записка.

Зволянскій.

---

*) Любопытенъ этотъ страхъ сыскного приказа касательно проникновенія въ публику какихъ бы то ни было свѣдѣній о шлиссельбургскихъ узникахъ, — страхъ, такъ краснорѣчиво выразившійся въ этой сложной перепискѣ насчетъ передачи матери Мышкина прощальнаго письма ея сына! Письмо же его къ брату было уничтожено, точно какой то опасный разрывной снарядъ! — Курьезно также это увѣреніе, что брошенная въ Ирода оловянная тарелка могла убить его! Ясно, что жандармы умышленно говорили такую дичь, чтобы усугубить вину Мышкина и превратить его протестъ противъ ужасныхъ тюремныхъ репрессій въ покушеніе на убійство.

Ред.

Начальникъ Шл. Жанд. Упр. 5-го окт. 1884 г.

О повѣсившемся Государ. преступникѣ Мих. Клименко.

Сего числа, въ 7 час. утра, ссыльно-каторжный государственный преступникъ Михаилъ Клименко, содержавшійся въ Шлиссельбургской тюрьмѣ въ камерѣ № 26, лишилъ себя жизни, повѣсившись на вентиляторѣ, помѣщенномъ съ лѣвой стороны, при входѣ въ камеру надъ ватерклозетомъ, при чемъ вмѣсто веревки употребилъ подкладку отъ кушака халата, и, хотя ему немедленно была оказана медицинская помощь, но таковая оказалась безуспѣшною, т. к. арестантъ былъ уже мертвъ. Изъ рапорта старш. помощника капитана Соколова отъ сего же числа за № 44 видно, что онъ въ ночь съ 4-го на 5-ое обходилъ тюрьму въ 3 часа и въ $5^1/_2$ час., причемъ видѣлъ оба раза арестанта въ камерѣ подъ № 26 спокойно лежащимъ на кровати. Спустя около часа послѣ второго его обхода, онъ былъ вызванъ звонкомъ въ тюрьму, и когда пришелъ туда, то дежурный унтеръ-офицеръ доложилъ ему, что арестанта въ № 26 не видно, вслѣдствіе чего капитанъ Соколовъ немедленно отворилъ дверь камеры и увидѣлъ арестанта висящимъ на вентиляторѣ. При семъ имѣю честь присовокупить, что трупъ Клименко сего же числа въ 7 ч. вечера погребенъ на особо отведенномъ съ вѣдома полиціи мѣстѣ около кладбища близъ г. Шлиссельбурга.

Полковникъ Покрошинскій.

Указать полковнику Покрошинскому на недостатокъ надзора за арестантами и предложить ему принять мѣры для предупрежденія возможности повторенія подобнаго случая. О послѣдующемъ со стороны полк. Покрошинскаго доложить мнѣ.

П. Оржевскій.
6-го октября.

(*Рукою Дурново подъ замѣткою Оржевскаго:*)

Исполнить, прося полков. Покрошинскаго сообщить о мѣрахъ для предупрежденія подобныхъ случаевъ.*)

---

*) Этотъ запросъ Дурново повелъ только къ тому, что тюремное начальство отвинтило не только вентиляторы, но и оконныя задвижки — какъ выдающіяся части, за которыя можно зацѣпить петлю — и забила окна наглухо гвоздями, вслѣдствіе чего утратилась возможность отворять окна въ лѣтнее время, что въ теченіе многихъ лѣтъ причиняло много лишнихъ страданій заключеннымъ. Повидимому, эти практическіе мудрецы исходили изъ того предположенія, что люди вѣшаются потому, что есть на чемъ удавиться. Ред.

IV.

Тихановичъ.

28 декабря 1884 г.

Начальнику Шлиссельб. Жанд. Управленія.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія, что содержащійся въ Шлиссельб. тюрьмѣ въ камерѣ № 2, ссыльно-каторжный госуд. преступникъ *Александръ Тихановичъ*, въ ночь съ *28 на 29* число сего мѣсяца, умеръ отъ чахотки. Докладываю при этомъ, что трупъ умершаго будетъ погребенъ за чертой городского больничнаго кладбища.

Полковникъ Покрошинскій.

V.

Софья Гинсбургъ.

Заключена въ Шлиссельбургскую тюрьму 1 Декабря 1890 г. 18 Декабря 1890 г. ею подано прошеніе на имя Командира Отдѣльнаго Корпуса Жанд., въ которомъ она проситъ перевести ее куда бы то ни было, на какія угодно тяжкія работы, но избавить отъ одиночнаго заключенія въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, такъ какъ она чувствуетъ, что оно пагубно дѣйствуетъ на ея психику. Исполненіе этого прошенія найдено преждевременнымъ.*)

---

18 января 1891 г.

Въ тетради, оставшейся послѣ умершей государственной преступницы Софіи Гинсбургъ имѣется, между прочимъ, такая запись: „Обращаю вниманіе начальства тюрьмы на положеніе сумасшедшаго заключеннаго. Жандармы для времяпрепровожденія останавливаются у его дверей и начинаютъ всячески издѣваться надъ нимъ, доходя до невѣроятной животной гнусности... Я два раза останавливала жандармовъ, но такое обращеніе къ ихъ нравственному чувству было недостаточно и лишь угроза пожаловаться начальству заставила ихъ отказаться отъ этого дикаго развлеченія.“

По докладѣ сего г. Директору, Его Превосходительство изволилъ приказать сообщить копію этой записки полковнику Кореневу и просить его представить по ней объясненіе...

Дѣлопроизводитель Звонянскій.

---

*) А чрезъ нѣсколько дней послѣ этого мудраго и гуманнаго отвѣта, именно 7-го января 1891 г. въ три съ полов. часа дня, С. Гинсбургъ зарѣзалась ножницами, доказавъ этимъ, что она нѣсколько вѣрнѣе судила о своевременности измѣненія непосильнаго для ея души режима. Замѣтимъ, что она находилась въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные заключенные. Тѣ съ самаго начала упорно перестукивались между

22 января 1891 г,

Для разъясненія случая, упомянутаго въ выпискѣ, приложенной къ требованію Департамента Полиціи отъ 19-го числа сего мѣсяца за № 283, своевременно произведено было негласное разслѣдованіе, по которому оказалось, что 26-го числа минувшаго декабря мѣсяца унтеръ-офицеры: Мелентовичъ, Вичуненковъ и Голушко были дежурными въ старой тюрьмѣ, куда послѣ обѣда прибылъ нестроевой Марковъ, начавшій разносить дрова и топить камерныя печи, а унтеръ-офицеръ Вичуненковъ, помогая ему, подкладывалъ въ вытяжной каминъ, (находящійся въ корридорѣ, по сосѣдству съ камерою № 4, гдѣ содержалась арестантка № 33) коксъ и мѣшалъ его кочергою; въ это время, безъ всякой побудительной причины, арестантъ № 3-й, въ порывѣ буйнаго помѣшательства, подойдя къ двери своей камеры, началъ громогласно кричать, произнося самыя неприличныя слова и матерную брань противъ жандармовъ, какъ это бывало съ нимъ и ранѣе неоднократно, за что собственно, какъ нарушающій общее спокойствіе заключенныхъ, онъ и перемѣщенъ сюда изъ Новой тюрьмы; эти то крикъ и брань, совершенно неожиданно испугавшіе арестантку № 33, побудили ее, посредствомъ стука въ дверь изъ своей камеры, вызвать дежурнаго унтеръ-офицера Мелентовича, который немедленно явился и къ которому она обратилась съ вопросомъ: „Скажите, пожалуйста, отчего тотъ арестантъ такъ шумитъ?“ А когда Мелентовичъ объяснилъ ей, что на арестанта этого нашелъ кризисъ бывавшихъ съ нимъ болѣзненныхъ припадковъ, когда онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, то арестантка № 33, видимо не довѣряя такому объясненію, возразила: „вы его (т. е. арестанта) не трогайте, а то я буду жаловаться начальству“. Обо всемъ происшедшемъ, какъ значится выше, въ тотъ же день и 27 числа декабря, когда болѣзненный припадокъ у арестанта № 3 повторился, было вахмистромъ доложено начальнику тюрьмы, который, уже лично объяснивъ арестанткѣ № 33 въ чемъ дѣло, окончательно ее успокоилъ. Надо полагать, что это самое обстоятельство и записано было въ тетрадь умершею арестанткою. Къ вышеизложенному обязываюсь присовокупить, что при всѣхъ посѣщеніяхъ моихъ Старой тюрьмы, я всегда спрашивалъ означенную арестантку: не безпокоитъ ли ее больной своимъ пронзительнымъ крикомъ, и она всегда отвѣчала мнѣ, что пока не знала въ чемъ дѣло, то сильно волновалась, придавая ему превратное значеніе, теперь же къ этимъ случаямъ будетъ относиться совершенно покойно, такъ какъ сама непосредственно

собою, не смотря ни на какія строгости и взысканія. Она же сидѣла въ «сараѣ» совсѣмъ одна, прислушиваясь только къ крикамъ помѣшаннаго Щедрина*) въ отвѣтъ на поддразниванія жандармовъ. О ея пребываніи въ Шлиссельбургѣ и смерти остальные заключенные узнали лишь черезъ два или три года послѣ ея кончины.

*) Н. Н. Щедринъ.

успѣла уже убѣдиться, что съ заключенными здѣсь обращаются по-человѣчески и содержать ихъ хорошо.

Испр. должн. Нач. Упр. подполковникъ Кореневъ.

Отъ редакціи. Считаемъ не безполезнымъ указать на тотъ фактъ, что этотъ отвѣтъ жандармовъ на «загробное» обвиненіе ихъ Софьей Гинсбургъ поданъ полковникомъ Кореневымъ послѣ ея смерти, когда она не могла уже возразить ему, и представляетъ собою одинъ изъ образчиковъ извѣстнаго правила: „ври, какъ на мертваго". Если бы С. Гинсбургъ признала справедливость якобы даннаго ей объясненія, она не оставила бы обвинительной записи въ своей тетради, очевидно, предназначенной для властей. Кромѣ того, по свидѣтельству другихъ заключенныхъ, Щедринъ въ эти годы не буйствовалъ безъ повода, а поддразниванія его и Конашевича жандармами не разъ наблюдались и ранѣе, при чемъ жандармы всегда отвирались на протестъ остальныхъ заключенныхъ.

Изъ области правительственнаго ханжества.

Печатаемое ниже оффиціальное письмо по начальству бывшаго коменданта Шлиссельбургской крѣпости Яковлева относится къ пресловутымъ посѣщеніямъ Шлиссельбургской тюрьмы покойной княжной М. М. Дондуковой-Корсаковой, представляющимъ одинъ изъ образчиковъ того ханженства, которымъ такъ характерно «сдабривалась» бездушная жестокость правленія послѣднихъ Романовыхъ.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ!

Въ письмѣ Вашего Превосходительства отъ 28-го минувшаго іюня за № 9442 было изложено, что Его Высокопревосходительство покойный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ*) разрѣшилъ княжнѣ Маріи Михайловнѣ Дондуковой-Корсаковой посѣщать всѣхъ заключенныхъ Шлиссельбургской тюрьмы. На основаніи этого разрѣшенія, а также разрѣшенія даннаго покойнымъ Министромъ и самой княжнѣ, каковое ею было мнѣ предъявлено, княжна Дондукова-Корсакова пріѣхала ко мнѣ въ крѣпость и заявила мнѣ, что она желаетъ посѣщать заключенныхъ ежедневно и что для этого желаетъ поселиться у меня въ квартирѣ. Я ей объяснилъ, что ежедневное посѣщеніе заключенныхъ въ желаемые ею часы будетъ крайне затруднительно, такъ какъ въ этомъ случаѣ должно измѣниться существующее распредѣленіе времени въ тюрьмѣ, измѣниться порядокъ ихъ прогулки, которой они очень дорожатъ и что для выполненія ея желанія самое удобное время для ея посѣщенія

*) В. К. Плеве.

это время послѣ окончанія ихъ прогулки, т. е. послѣ 6 ч. 30 м. до 8 ч. Вмѣстѣ съ этимъ я заявилъ ей, что при всемъ желаніи не могу оказать ей гостепріимства въ своей квартирѣ на два мѣсяца, какъ она этого желала. 30-го іюня княжна первый разъ посѣтила заключенныхъ и была допущена мною къ №№ 11, 14, 25 и 2.*) Она была впускаема въ камеру одна, при чемъ дверь затворялась настолько, что я и мой помощникъ могли слышать каждое ея слово и вмѣстѣ съ этимъ наблюдать въ дозорное стекло, чтобы предупредить возможность какой-либо взаимной передачи. Передъ допущеніемъ ея къ заключеннымъ, я сказалъ ей о чемъ она не можетъ говорить, согласно тюремнымъ правиламъ. Желая узнать, какое впечатлѣніе произвело на заключенныхъ посѣщеніе княжны, я приказалъ на другой день моему помощнику, ротмистру Парфенову, и унтеръ-офицерамъ, наблюдающимъ за прогулками, прислушаться, не будетъ ли какого разговора между заключенными, гуляющими по два, и не будутъ ли они высказывать что-либо о своемъ впечатлѣніи, вынесенномъ ими изъ разговора съ княжной. По окончаніи прогулки, мнѣ было доложено, что заключенные, которыхъ посѣтила наканунѣ княжня, насмѣхались надъ ней, передразнивая ее всячески и глумились надъ ея желаніемъ просвѣтить ихъ. Съ 3-го сего іюля княжня поселилась въ г. Шлиссельбургѣ и въ назначенные мною часы черезъ день пріѣзжала въ крѣпость на посылаемомъ мною катерѣ и посѣщала преимущественно заключенную № 11. Слѣдя постоянно за ея разговоромъ, невольно бросилось въ глаза, что при всемъ ея желаніи сводить разговоръ на религіозныя темы, посѣщаемые ею заключенные всегда старались свести разговоръ на посторонніе предметы и видимо слушали ее лишь изъ учтивости. Княжна сказала мнѣ, что ей очень совѣстно передо мною и помощникомъ моимъ, что мы, хотя и затворяемъ дверь камеры, но всетаки присутствуемъ и слышимъ ея разговоры, что намъ это трудно и что это нѣкоторымъ образомъ стѣсняетъ и ее, и высказывала просьбу предоставить ей разговоръ безъ возможности слышать таковой, на это мною было заявлено, что это долгъ нашей службы и чтобы она этимъ не стѣснялась, а что касается до того, что это стѣсняетъ ее, то я сказалъ, что это дѣлается согласно существующимъ тюремнымъ правиламъ, существующей инструкціи, нарушить каковую я не имѣю права.

16-го сего іюля княжна имѣла прибыть въ обычный свой часъ для посѣщенія заключенныхъ, но я, по случаю кончины министра, не нашелъ возможнымъ продолжать допускать княжну къ посѣщенію заключенныхъ до особаго распоряженія, о чемъ лично и заявилъ ей. Княжна 17-го сего іюля выбыла изъ г. Шлиссельбурга.

*) Какъ извѣстно, заключенныхъ въ Шлиссельбургѣ администрація называла не по именамъ, а по номерамъ камеръ. Вотъ имена указанныхъ номеровъ: 11) Фигнеръ, 25) Новорусскій, 14) Ашенбреннеръ и 2) Фроленко.

Теперь, Ваше Превосходительство, позволю себѣ высказать мой взглядъ на неблагорiятный результатъ, могущiй произойти отъ продолженiя разрѣшенiя княжнѣ посѣщать заключенныхъ. Изъ постояннаго наблюденiя за ея разговорами, я могу по совѣсти сказать, что благотворное влiянiе ея разговоры о религiи и наставленiя могутъ оказать свое дѣйствiе лишь на людей мало образованныхъ, людей простыхъ, но никакъ не на заключенныхъ ввѣренной мнѣ тюрьмы, которые въ большинствѣ не только люди интеллигентные и образованные, но и изучившiе философiю, люди, которые съ видимымъ сожалѣнiемъ относились къ религiознымъ разговорамъ княжны, ея стремленiямъ религiозно просвѣтить ихъ и для которыхъ посѣщенiя ея могутъ служить лишь только развлеченiемъ въ однообразной тюремной жизни и больше ничего. За два съ половиною года моего завѣдыванiя тюрьмой Шлиссельбургской крѣпости я, хотя и не слышалъ никакого разговора о религiи и о Богѣ, но вмѣстѣ съ этимъ мною не было замѣчаемо и глумленiя надъ религiей и надъ Богомъ, а посѣщенiя и разговоры княжны вызвали подобные разговоры среди заключенныхъ и, допуская все желанiе княжны, женщины глубоко вѣрующей, благотворно повлiять на заключенныхъ въ смыслѣ обращенiя ихъ къ религiи и познанiю Бога, результатъ получился обратный и, откровенно говоря, крайне непрiятный. Считаю долгомъ доложить Вашему Превосходительству, что изъ разговоровъ съ княжной и изъ ея желанiя пробыть здѣсь до 1-го сентября я понялъ, что ей кѣмъ-либо сообщено, что № 11 освободится 1-го сентября, тогда какъ по имѣющимся у меня документамъ въ дѣлѣ арестантки № 11. срокъ освобожденiя ея долженъ послѣдовать не 1-го сентября, а 4-го октября сего года.

Имѣю честь быть Вашего Превосходительства
покорный слуга Н. Яковлевъ.

20 iюля 1904 г. Кр. Шлиссельбургъ.

Изъ печатаемаго далѣе письма княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой на высочайшее имя и изъ помѣтки на ней рукой Дурново видно, что неутомимой княгинѣ удалось преодолѣть сопротивленiе скептика Яковлева и добиться вторичнаго разрѣшенiя на посѣщенiе Шлиссельбургской тюрьмы.

Собственною Е. И. В. рукою написано: „разрѣшаю“. Въ Петергофѣ, 31-го Іюля 1904 г.

Тов. Министра Дурново.

Ваше Императорское Величество
Всемилостивѣйшій Государь!

„Невозможное человѣкамъ возможное Богу“ — говоритъ Спаситель. Съ глубокой вѣрой въ эти Божественныя слова, принявъ благословеніе Митрополита Антонія и получивъ прилагаемую при семъ бумагу съ драгоцѣнными строками Христіанина, нынѣ отошедшаго въ Царство Небесное*), я имѣла доступъ къ несчастнымъ преступникамъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Для 76-ти лѣтней старушки немыслимо надѣяться на собственныя силы, но въ Церкви обитаетъ Господь, „имѣющій всякую власть на небѣ и на землѣ“ и черезъ меня, какъ члена Церкви, можетъ и для нихъ открыться сила любви Христовой къ людямъ.

Когда я говорила почившему Вячеславу Константиновичу о моемъ долголѣтнемъ желаніи послужить шлиссельбургскимъ заключеннымъ, то онъ, давая мнѣ разрѣшеніе осуществить это желаніе, сказалъ: „Можетъ быть, это есть средство для смягченія ожесточенныхъ сердецъ“.

Словами: „Помоги вамъ Богъ“, Вячеславъ Константиновичъ выразилъ свою вѣру въ дѣло, превышающее силы человѣка.

Мнѣ дано было утѣшеніе услышать отъ самихъ заключенныхъ, какъ духовно обрадовало и оживило этихъ забывшихъ Бога, но не забытыхъ Богомъ, людей появленіе Архипастыря Митрополита Антонія среди нихъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.**) Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ утвердить разрѣшеніе посѣщать заключенныхъ въ крѣпости, данное мнѣ почившимъ Вячеславомъ Константиновичемъ, то я приму эту милость съ великой благодарностью.

Во имя Христа нашего Спасителя усердно прошу Ваше Императорское Величество разрѣшить мнѣ посѣщать несчастныхъ, которыхъ любитъ Господь!

Благоволите дать мнѣ отвѣтъ черезъ Митрополита Антонія.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная
княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова.

Іюля 26. 1904 г.

---

*) Этотъ отошедшій — или, вѣрнѣе, «вознесшійся» — въ Царство Небесное Христіанинъ — В. К. Плеве! O Sancta Simplicitas!

**) Оставляемъ на совѣсти покойной княжны это утвержденіе, такъ мало согласное съ вышеприведеннымъ донесеніемъ Яковлева, а также съ тѣмъ, что намъ случилось позже слышать отъ бывшихъ узниковъ, по словамъ которыхъ это посѣщеніе очень «заинтриговало» ихъ своей неожиданностью и странностью и тѣмъ, конечно, очень «оживило» на время ихъ бесѣды по поводу этого загадочнаго визита.

Политическая дѣятельность П. Л. Лаврова.

(*Къ десятилѣтію со дня его смерти.*)

Политическая дѣятельность П. Л. Лаврова состояла главнымъ образомъ въ его руководствѣ революціонными изданіями и въ его собственныхъ литературныхъ работахъ и рѣчахъ на соціально-революціонныя темы. Такъ какъ *политическіе* взгляды Лаврова, составляющіе предметъ настоящей статьи, были всегда не только тѣсно связаны, но и прямо обусловлены его общими воззрѣніями, то мнѣ придется коснуться въ главныхъ чертахъ и этихъ послѣднихъ. Въ цѣляхъ возможно точной передачи взглядовъ Лаврова, я постараюсь вездѣ приводить его подлинныя слова.

I. ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. ССЫЛКА.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, обращенныхъ къ представителямъ русской колоніи въ Парижѣ, Лавровъ замѣтилъ въ шутку, что для него цыфра 3 имѣетъ какое-то великое, полумистическое значеніе. А именно, въ 1873 году появился подъ его редакціей первый номеръ „Впередъ!“; въ 1883 г., при его редакціонномъ участіи, вышелъ первый номеръ „Вѣстника Народной Воли“ и, наконецъ, въ новомъ 1893 году, при встрѣчѣ котораго и была сказана эта рѣчь („Три эпохи“), Лавровъ съ группой старыхъ народовольцевъ началъ новое предпріятіе: изданіе „Матеріаловъ для исторіи русскаго революціоннаго движенія“ и хроники „Съ родины и на родину“. Лавровъ не упомянулъ, однако, что на цыфру 3 начинался и другой, не менѣе знаменательный годъ, — 1863, годъ возстанія и усмиренія поляковъ и окончательнаго поворота правительства въ сторону реакціи. Это умолчаніе Лаврова, разумѣется, не случайно. Въ 60-ые годы онъ былъ довольно далекъ отъ политики, занимаясь, главнымъ образомъ, философскими вопросами. По его собственному выраженію, онъ имѣлъ тогда „скорѣе репутацію умѣреннаго и нѣсколько педантичнаго кабинетнаго ученаго“ („Три эпохи“, „Съ родины на родину“, № 3, стр. 155). „Мои личныя литературныя сношенія и работы въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не вызвали большой близости между мною и тою радикальной группою литераторовъ, которая въ это время имѣло самое рѣшительное вліяніе на русскіе умы“. А, между тѣмъ, „всѣ мои связи съ людьми радикальнаго образа мыслей, продолжаетъ Лавровъ, ограничивались литературой... Вообще радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею

ни во время моей ссылки, ни при проѣздѣ черезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ за границу“. Въ частности сношенія Лаврова съ тогдашней „Землей и Волей“, завязанныя черезъ А. Н. Энгельгардта, были, по его выраженію, крайне ничтожны (Народники-пропагандисты, стр. 51—53, женевское изд.).

Въ сторону политики направило Лаврова само попечительное начальство. Вскорѣ послѣ покушенія Каракозова на Александра II, Лавровъ, въ качествѣ не очень благонадежнаго человѣка, былъ арестованъ. Военный судъ (въ августѣ 1866 г.) призналъ его виновнымъ въ сочиненіи стихотвореній, неуважительно отзывавшихся о Николаѣ I, въ близости къ неблагонадежнымъ людямъ и т. п., и приговорилъ къ аресту. Но затѣмъ арестъ, съ согласія Александра II, былъ замѣненъ высылкой подъ надзоръ полиціи въ Вологодскую губернію, сперва въ Тотьму, а затѣмъ въ Кадниковъ. Въ ссылкѣ Лавровъ написалъ свои знаменитыя „Историческія письма“, имѣвшія огромный (и неожиданный для автора) успѣхъ среди передовыхъ слоевъ общества, а также рядъ другихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ того времени. Въ 1870 г. Лавровъ, при содѣйствіи Г. А. Лопатина, бѣжалъ изъ ссылки и благополучно прибылъ заграницу.

II. СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. ЖУРНАЛЪ и ГАЗЕТА „ВПЕРЕДЪ!“.

Въ первое время Лавровъ не имѣлъ въ виду какихъ-либо опредѣленныхъ плановъ дѣятельности. „Уѣзжая заграницу и до самаго марта 1873 г., писалъ впослѣдствіи Лавровъ, я оставался въ полномъ убѣжденіи, что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбѣжно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ подпольной литературѣ, но что руководство какой-либо отраслью этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки“ (Матеріалы, X, стр. 52). Вышло, однако, иначе.

Въ началѣ 1872 г. къ Лаврову явились изъ Россіи делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ; по направленію они принадлежали къ лѣвымъ либераламъ, но въ общемъ выражались довольно туманно. Лавровъ предположилъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о группѣ радикальныхъ литераторовъ, желавшихъ основать заграницей политическій органъ и поручить его веденіе ему, Лаврову, какъ человѣку, отрѣзавшему себѣ пути въ Россію. Лавровъ составилъ программу этого изданія, причемъ онъ, по его словамъ, стремился „придать заграничному органу общесоціалистическій характеръ, предоставляя обработку внутреннихъ политическихъ вопросовъ русскаго движенія людямъ, находящимся на мѣстѣ“ (тамъ же, стр. 54). По провѣркѣ оказалось, что радикалы не думали организоваться, и въ частности денежныя и др. обѣщанія, данныя делегатами, сказались миѳомъ. Это обстоятельство дало Лаврову лишній поводъ разочароваться въ либералахъ и перенести свои симпатіи въ болѣе крайній лагерь, гдѣ въ это время замѣчался значительный подъемъ. „Нѣкоторыя совершенно личныя обстоятельства, писалъ впослѣдствіи Лавровъ, вызвали именно въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и письменно, какъ возможное. Съ Парижемъ меня ничего тогда не связывало. Въ конца 1872 года я поѣхалъ въ Цюрихъ съ рѣшимостью посмотрѣть своими глазами на тѣ группы (всѣ примыкавшія болѣе или менѣе къ бакунистскому движенію), которыя могли дать

матеріалъ для редакціоннаго и для техническаго персонала „Впередъ!", и на мѣстѣ оцѣнить возможность соединиться въ общее литературное дѣло съ тѣми личными силами, которыя присутствовали среди бакунистовъ. Пріѣхавъ въ Цюрихъ, я нашелъ многое какъ разъ соотвѣтствующее тому, что мнѣ сообщали мои корреспонденты. Въ средѣ бакунистовъ Цюриха существовалъ расколъ, едва прикрываемый внѣшними приличными отношеніями и нѣсколько весьма замѣчательныхъ личностей (мужчинъ и женщинъ), на которыхъ мнѣ указывали уже письменно (одинъ знакомый еще изъ ссылки въ Тотьму). обѣщали быть весьма надежными, умными и энергическими помощниками, при чемъ очень быстро оказалась и возможность провѣрить ихъ личныя связи въ Россіи... Одна изъ моихъ новыхъ молодыхъ пріятельницъ поѣхала въ Россію добывать матеріальную поддержку съ ручательствомъ продолжать ее и въ будущемъ и вернулась очень быстро съ блестящимъ успѣхомъ. Около „Впередъ!", еще только предполагавшагося, не выставившаго своей окончательной программы, повидимому, стали группироваться надежныя силы и за границей, и въ Россіи".

Лавровъ попытался было дѣйствовать совмѣстно съ бакунистами, и съ этой цѣлью написалъ второй согласительный проектъ программы „Впередъ!". Однако, принципіальные вопросы даже не были обсуждаемы, такъ какъ дѣло разстроилось прежде всего изъ-за редакціонныхъ разногласій.

„Я рѣшился, говоритъ Лавровъ, взять на себя всю тяжелую отвѣтственность веденія „Впередъ!", вмѣстѣ съ тѣми силами, которыя были на лицо".

Для этого изданія Лавровъ написалъ третью программу, которая и являлась „личной программой редактора, принимавшаго полную и исключительную отвѣтственность за помѣщеніе въ изданіи одного и за непомѣщеніе другого" (стр. 57).

„Впередъ!" сталъ выходить съ 1873 г. сперва въ видѣ „непеpіодическаго обозрѣнія" (всего вышло подъ редакціей Лаврова 4 тома, изъ которыхъ послѣдній цѣликомъ представлялъ его работу „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ"; пятый выпускъ вышелъ безъ участія Лаврова), а затѣмъ въ видѣ газеты (въ 1875—1876 гг. вышло всего 48 номеровъ).

Въ журналѣ „Впередъ!" перу Лаврова принадлежатъ статьи: Наша программа (т. I), Изъ исторіи соціальныхъ ученій (тт. I и III), Знаніе и революція (тт. I и III), Въ память столѣтія пугачевщины, 1773-1783 (т. I, вышла затѣмъ отдѣльно въ двухъ изданіяхъ), Кому принадлежитъ будущее (т. II, вышла отдѣльнымъ изданіемъ, заграницей и въ Россіи), Кто разрушаетъ основы общества (т. II), нѣсколько статей въ отдѣлѣ „Что дѣлается на родинѣ" (часть ихъ вышла отдѣльно въ двухъ изданіяхъ подъ заглавіемъ: „По поводу самарскаго голода"), и друг.

Въ руководящей статьѣ „Наша программа" Лавровъ выставляетъ на первый планъ соціальный вопросъ, считая ближайшей задачей русскихъ соціалистовъ подготовленіе соціальной революціи въ Россіи. Въ газетѣ „Впередъ!" Лавровъ посвятилъ цѣлый рядъ статей принципіальнымъ вопросамъ соціализма: „Соціально-революціонная и буржуазная нравственность", № 13; „Рабочій соціализмъ", № 19 (отношеніе его къ теоріи Дарвина („Соціализмъ и борьба за существованіе, № 17), къ христіанству („Соціализмъ и историческое христіанство", № 25, „Христіанскій идеалъ предъ судомъ соціализма", № 44). Онъ

подробно останавливался также на „общихъ законахъ подготовленія соціальной революціи“ (№ 26), на „возможныхъ и невозможныхъ путяхъ къ соціальной революціи“ (№ 28), на „задачахъ организаціи соціально-революціонныхъ силъ въ Россіи“ (№ 29), на отношеніи „роли народа и роли молодежи“ (№ 34), на формахъ соціально-революціонной пропаганды“ (№ 39), въ частности на роли въ ней періодической прессы (№ 40). Въ общемъ получалась довольно разработанная схема общихъ идей соціальной революціи. Въ заключительной статьѣ „Впередъ!“ Лавровъ резюмировалъ ее такъ. Соціальная революція, составляющая прямую и ближайшую цѣль соціалистовъ, въ томъ числѣ и русскихъ, можетъ быть совершена лишь самимъ рабочимъ народомъ, будучи подготовлена тайной организаціей революціонныхъ силъ на слѣдующихъ основаніяхъ: „убѣжденные соціалисты-революціонеры изъ интеллигенціи составятъ первый кадръ этой организаціи“, затѣмъ они сгруппируютъ возлѣ себя силы народа, объединяя эти группы въ федераціи; въ частности пропаганда внесетъ разстройство въ войска. Въ надлежащій моментъ эта разросшаяся организація, воспользовавшись неизбѣжными волненіями въ народѣ, обратитъ ихъ въ революціонный взрывъ, взрывъ же этотъ направитъ его къ осуществленію революціоннымъ путемъ началъ рабочаго соціализма“: общей собственности, всеобщаго труда, солидарности трудящихся (№ 48, страницы 789—790).

Лавровъ надѣялся, что все это совершится очень быстро, что общерусское возстаніе, влекущее за собою соціальную революцію „можно подготовить систематической пропагандой въ небольшое число лѣтъ“ (№ 34, стр. 313); онъ даже составилъ цыфровой расчетъ, по которому 100 пропагандистовъ черезъ 6 лѣтъ создадутъ соціально-революціонный союзъ, заключающій не менѣе 10.000 членовъ, не считая обширнаго числа сочувствующихъ (№ 33, стр. 311—313).

Впослѣдствіи, и самъ Лавровъ, и его послѣдователи отказались отъ этого оптимистическаго „максимализма“. Но именно онъ былъ одной изъ причинъ пренебрежительнаго отношенія Лаврова къ вопросамъ политическаго переустройства. Если соціально-революціонная организація въ очень короткій срокъ способна произвести соціальную революцію, то всякая борьба за политическую свободу оказывается излишней и даже вредной тратой силъ. Это и утверждалъ Лавровъ, руководясь также своими общими воззрѣніями на государство, въ которомъ онъ видѣлъ антипрогрессивный элементъ.

„Вопросъ политическій, писалъ Лавровъ, для насъ подчиненъ вопросу соціальному и въ особенности экономическому. Государства, такъ, какъ они существуютъ, враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю“... Поэтому „въ борьбѣ политическихъ партій и политическихъ программъ, продолжаетъ Лавровъ, мы будемъ постоянно обращать вниманіе на расширеніе элемента свободнаго союза на счетъ государственности“. Въ силу этого Лавровъ относится безразлично и даже враждебно къ пріобрѣтенію массами политическихъ правъ. „Всѣ нынѣшнія централизаціонныя политическія программы намъ прямо враждебны“, заявляетъ онъ въ статьѣ „Наша программа“. Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной

республикой... все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи".

Это принципіальное равнодушіе къ политической свободѣ и отрицательное отношеніе къ конституціоннымъ формамъ и парламентаризму проходитъ черезъ всѣ статьи Лаврова во „Впередъ!". Такъ, въ статьѣ „Въ память столѣтія пугачевщины" („Впередъ!", т. I, 1873) Лавровъ противопоставляетъ политическую борьбу Сѣверо-Американскихъ колоній въ 1773 г., происходившей въ томъ же году соціальной борьбѣ крестьянъ, выступившихъ за Пугачевымъ противъ помѣщиковъ. Первый типъ общественныхъ движеній принадлежитъ, по его мнѣнію, невозвратному прошлому. „Періодъ политическихъ революцій исчерпалъ свою програму, говоритъ Лавровъ. Государственная форма оказалась безсильна передъ общественнымъ зломъ. Конституціи и кодексы обратились въ пустыя формальности" (Отд. изд., Лондонъ, 1874 г., стр. 24). Наоборотъ, второй, соціальный типъ движеній имѣетъ огромное жизненное значеніе. Точно также въ брошюрѣ „Русской соціально-революціонной молодежи" (1874), въ главѣ „Съ кѣмъ можно вмѣстѣ итти", Лавровъ говоритъ, что молодежи нельзя итти вмѣстѣ съ либералами-конституціоналистами. „Пойдетъ ли она вмѣстѣ съ конституціоналистами, которые тоже могутъ составить заговоръ съ цѣлью ограниченія императорской власти всероссійскимъ представительнымъ соборомъ, съ либеральными гарантіями?... Забыла ли она (молодежь), что при союзѣ народныхъ партій съ партіями буржуазіи *всегда* проигрывалъ, *всегда* былъ обманутъ народъ? Неужели она думаетъ, что есть что-либо общее между народной соціальной революціей и революціей въ пользу либеральной конституціи, которою прежде всего воспользуются капиталисты и адвокаты?" (стр. 39).

Еще опредѣленнѣе заявленія Лаврова въ его извѣстной статьѣ „Кому принадлежитъ будущее", гдѣ отъ лица русскаго соціалиста-революціонера онъ заявляетъ слѣдующее: „нашъ государственный строй — врагъ всякому мыслящему человѣку на моей родинѣ... Борьба съ нимъ есть самый насущный вопросъ для насъ, борьба не въ смыслѣ исправленія, частной передѣлки, но борьба въ смыслѣ окончательнаго искорененія всѣхъ его основъ. Но именно потому въ насъ, представителяхъ радикальной мысли на моей родинѣ, вкоренилось глубокое убѣжденіе, что *всякая* политическая власть вредна въ своей сущности, что нельзя и не должно ждать постепеннаго ослабленія и вымиранія политическаго элемента, но слѣдуетъ разомъ, путемъ самой радикальной соціальной революціи, не только разрушить существующій порядокъ, но и устранить всякую форму возстановленія государственной принудительной власти" (Заграничное изд., 1902 г., стр. 77—78).

Такія заявленія постоянно встрѣчаются также и въ газетѣ „Впередъ". Исторія указываетъ рабочимъ, говоритъ, напримѣръ, Лавровъ, что всѣ прежніе политическіе перевороты, всѣ прежнія „либеральныя завоеванія" буржуазіи, не только не послужили въ пользу рабочимъ, но напротивъ, постепенно ухудшали ихъ положеніе". (Раб. соціализмъ, N 19, стр. 592). „Мы боремся не противъ *варварскаго* правительства, писалъ Лавровъ въ другомъ номерѣ, не противъ *дурного* правительства, а противъ правительства вообще, каково бы оно ни было" (Готовящійся процессъ, № 11 стр 326), и т. п.

Нужно замѣтить, что Лавровъ въ своихъ статьяхъ удѣлялъ довольно много вниманія варварству русского правительства. Въ жур-

калѣ „Впередъ!“, не считая отдѣльныхъ мѣстъ, былъ постоянный отдѣлъ „Что дѣлается на родинѣ“, гдѣ, между прочимъ, Лавровъ помѣстилъ свои прекрасныя статьи о самарскомъ голодѣ. Еще болѣе вниманія удѣляла русской дѣйствительности газета „Впередъ“, и Лавровъ, разумѣется, не могъ не видѣть, что цѣлый рядъ наиболѣе безобразныхъ фактовъ русской жизни связанъ именно съ русскимъ политическимъ строемъ. Достаточно напомнить, что газета „Впередъ“ выходила послѣ знаменитаго движенія въ народъ 1873—1874, закончившагося громадными арестами и жандармской вакханаліей, и воочію показавшаго необходимость хотя бы самыхъ элементарныхъ гарантій человѣческихъ правъ. Лаврову приходилось даже спеціально касаться дикихъ мѣропріятій правительства, напр., запрещенія (22 мая 73 г.) русскимъ женщинамъ учиться въ Цюрихскомъ университетѣ и политехникумѣ, такъ какъ Цюрихъ представлялся правительству центромъ соціалистической эмиграціи. Въ своей брошюрѣ, написанной по этому поводу, („Русскимъ цюрихскимъ студенткамъ“, 1873 г.) Лавровъ превосходно критиковалъ это нелѣпое распоряженіе. Онъ справедливо указывалъ, что „нѣтъ закона, нѣтъ силы, нѣтъ нравственнаго начала которое ограждало бы личность русскаго или русской отъ власти, надъ ними тяготѣющей“ и т. д.

И тѣмъ не менѣе Лавровъ, повидимому, не видѣлъ самостоятельной цѣнности свободныхъ политическихъ формъ и еще не представлялъ себѣ необходимости борьбы за нихъ. Его очень немногочисленныя разсужденія на эту тему очень туманны. „Къ организаціи революціонныхъ силъ въ Россіи, говоритъ онъ, напримѣръ, принадлежитъ и требованіе (?) борьбы съ существующимъ правительствомъ. Въ надлежащую минуту эта борьба будетъ имѣть форму энергическаго напора на центральныя власти и ихъ органы всюду, гдѣ это можно будетъ сдѣлать; ранѣе она должна имѣть форму искуснаго заговора, который позволялъ бы революціонной организаціи по возможности знать мѣры, предпринимаемыя властями противъ нея и противъ волненій вообще, быстро передавать полученныя свѣдѣнія въ разные пункты организаціи и своевременно парализовать правительственныя мѣры своими мѣрами“. (Задачи организаціи соціально-революціоныхъ силъ въ Россіи, № 29, стр. 140).

Очевидно, однако, что это собираніе свѣдѣній, при всей его важности, занимаетъ очень скромное мѣсто среди способовъ подлинной политической борьбы. Между тѣмъ, Лавровъ, далеко не выяснивши этихъ способовъ, довольно рѣзко критиковалъ съ своей максималистской точки зрѣнія тотъ способъ, который оказался наиболѣе дѣйствительнымъ въ усиліяхъ русской жизни, а именно террористическую борьбу.

„Строитель царства справедливости, говоритъ Лавровъ, обращаясь къ соціалистамъ, борись не противъ людей, а противъ принциповъ... Тебѣ кажется, что жизнь этого человѣка, этого врага тебѣ необходимо взять. Но обдумалъ-ли ты, что ты сдѣлаешь? Чѣмъ заслужилъ этотъ презрѣнный, этотъ дрянной врагъ — будь онъ хоть императоромъ или Бисмаркомъ — чѣмъ заслужилъ онъ мнѣніе, будто отъ его жалкой жизни зависитъ торжество соціальной революціи, или даже движеніе ея впередъ на одинъ шагъ?“ Лавровъ полагаетъ, что это мнѣніе ничѣмъ незаслужено, и отсюда дѣлаетъ выводъ: „употребляй всѣ свои силы, все свое время на подготовленіе соціальной революціи, и знай, что одно горячее слово пропаганды, которое пріобрѣтетъ

тебѣ двухъ-трехъ новыхъ братьевъ, во сто разъ цѣннѣе въ процессѣ подготовленія соціальной революціи, чѣмъ жизнь самаго опаснаго врага". („Соціально-революціонная и буржуазная нравственность", „Впередъ!", № 13, стр. 397-398). — На эти разсужденія Лаврова самое лучшее опроверженіе дала впослѣдствіи сама жизнь.

Въ 1876 г. Лавровъ вышелъ изъ редакціи „Впередъ!". Неудача движенія въ народъ вызвала раздоры и разногласія между членами группъ. Въ частности лица распространявшія „Впередъ" въ Россіи, разошлись съ Лавровымъ, „какъ по своему стремленію монополизировать въ рукахъ своей фракціи распространеніе изданій въ Россіи, такъ и по своему рѣшенію не допускать въ организаціи фракціи и въ ея программѣ усиленія ея боевого характера,—что редакторъ (т. е. Лавровъ) считалъ своевременнымъ, по общему настроенію молодежи". („Народники пропагандисты", стр. 209) Въ декабрѣ 1876 г. состоялся въ Парижѣ съѣздъ делегатовъ различныхъ впередовскихъ кружковъ.

Здѣсь дѣятельность Лаврова подверглась критикѣ со стороны болѣе умѣренныхъ элементовъ, и онъ сложилъ съ себя званіе главнаго редактора „Впередъ!".

„Группы пропагандистовъ, поддерживавшія „Впередъ!", — писалъ Лавровъ въ другомъ мѣстѣ, — рѣшились въ концѣ 1876 г. (противъ мнѣній прежняго редактора) прекратить его періодическое изданіе и, подавъ этимъ самимъ сигналъ къ гибели своего направленія, черезъ полгода оказались принужденными прекратить всякую пропагандистскую дѣятельность, перешли къ политикѣ „выжиданія", которая есть для всякой партіи синонимъ самоубійства, а въ бурные годы, которые пришлось переживать послѣ того Россіи, могли вызвать лишь нравственное возмущеніе во всякомъ искреннемъ дѣятелѣ". („Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма", „Календарь Народной Воли", 1883 г. стр. 105).

III. ВѢСТНИКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ, РѢЧИ И СТАТЬИ 80-хъ ГОДОВЪ.

Подводя впослѣдствіи итоги движенія въ народъ, Лавровъ писалъ: „пропагандисты принуждены были сознавать, что ихъ апостольству соціалистическихъ идей на первыхъ же шагахъ, являлись самыми трудно одолимыми препятствіями полицейскій строй Россійской имперіи, отсутствіе въ ней самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ у проповѣдниковъ новаго евангелія и у его слушателей, наконецъ, какъ реальныя, такъ и мистическія традиціи, созданныя русскимъ абсолютизмомъ". (Нар. проп., стр. 246) „Подготовители соціальной революціи, прдолжаетъ Лавровъ, должны были на фактахъ увидѣть, что подготовлять приходится интеллигенцію и массы не только къ воспріятію соціалистическихъ идей, но также къ политическому перевороту,... и этотъ переворотъ, въ своемъ подготовленіи, требовалъ организаціи не только проповѣднической, но и боевой; при этомъ не въ народныхъ массахъ, а въ интеллигенціи приходилось искать элементовъ подготовляющейся боевой организаціи." (Тамъ же, стр. 247).

Въ своей интересной статьѣ „Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма" („Календарь Нар. Воли", 1883), Лавровъ подробно описываетъ дальнѣйшій ходъ русскаго движенія. Въ 1877 г. демонстрація передъ Казанскимъ соборомъ и процессы 50 и 193 „въ особенности усилили раздраженіе противъ правительства и стали все болѣе укоренять въ большинствѣ дѣятелей мысль, что самодержав-

ное императорство составляетъ того врага всякому улучшенiю положенiя русскаго народа, отъ котораго надо отдѣлаться не одновременно со взрывомъ соцiальной революцiи противъ класса обладателей капитала. но *прежде всего* (курсивъ Лаврова, стр. 106). Въ частности безчеловѣчная расправа Трепова надъ политическими заключенными имѣла своимъ послѣдствiемъ „вызовъ и месть со стороны всѣхъ органовъ русской заграничной прессы“, а послѣдовавшiй за этимъ „выстрѣлъ В. Засуличъ въ Трепова обозначалъ начало новаго перiода въ развитiи соцiально-революцiонной партiи въ Россiи“ (107). А именно партiя Народой Воли выставила своей задачей „*сперва* раздѣлаться съ самодержавiемъ, а *затѣмъ* осуществить соцiальный переворотъ въ той формѣ, въ которой захочетъ его осуществить народъ“ (стр. 108)

„Большинство должно было признать, говоритъ Лавровъ, что Исполнительный Комитетъ своей „энергической дѣятельностью въ невѣроятно короткое время довелъ дѣло расшатыванiя русскаго императорства весьма далеко, оно находило, что и организацiя народныхъ силъ и пропаганда соцiалистическихъ идей невозможна при современныхъ полицейскихъ условiяхъ, и что остается или присоединиться къ Комитету, или ограничиться совершенно ничтожной индивидуальной дѣятельностью, или остаться при безнравственной теорiи выжиданiя, въ эпоху самаго живого общественнаго волненiя. Въ то же время Исполнительный Комитетъ имѣлъ досугъ признать, что его дѣятельность получитъ значительную опору, если она будетъ поддержана въ своихъ политическихъ отрасляхъ, — которыя фатально сближали его съ политическими радикалами буржуазiи, — чисто соцiалистической литературой, которая могла бы быть признана разработкой программы русскихъ соцiалистовъ-революцiонеровъ, независимо отъ ихъ разногласiя, приступившихъ въ настоящую минуту къ политической программѣ партiи „Народной Воли“. (стр. 117)

Эту именно задачу веденiя народническаго органа, въ цѣляхъ разработки соцiалистическихъ вопросовъ, и взялъ на себя Лавровъ, причемъ, какъ онъ писалъ впослѣдствiи, онъ „не былъ членомъ организацiи „Народной Воли“ (Послѣсловiе къ брошюрѣ „Революцiя или эволюцiя“, стр. 7).

„Соцiалисты-революцiонеры, говорилъ впослѣдствiи объ этомъ моментѣ Лавровъ, имѣли уже на нашей родинѣ свою исторiю. Забота была о томъ, чтобы теперь, на литературной почвѣ, при помощи заграничнаго органа, продолжать эту исторiю достойнымъ образомъ, когда въ прошедшемъ она имѣла за собой не столько литературнаго дѣла, сколько славы энергической борьбы и длиннаго уже мартиролога“. (Три эпохи, стр. 156). Принципы соцiализма и задачи борьбы съ самодержавiемъ, это и были двѣ руководящiя идеи „Вѣстника Народной Воли“. Въ предисловiи къ первому номеру (1883 г.) редакторы (Лавровъ и Тихомировъ), выставляя, прежде всего, принципы соцiализма, заявляютъ, что ближайшей задачей партiи является „подготовить и ускорить измѣненiе политическаго строя въ Россiи“. Но такъ какъ „Вѣстникъ Народной Воли“ былъ заграничнымъ органомъ, который не могъ ни дѣйствовать непосредственно, ни даже достаточно быстро отзываться на отдѣльныя событiя, то Лавровъ ставитъ его задачей „преимущественно группировать событiя и уяснять ихъ, показывая ихъ связь между собою, такъ и съ общимъ ходомъ событiй нашей эпохи или общими началами соцiализма.“ (стр. VII.

Редакція оговаривалась, что въ органѣ участвуютъ лица расходящіяся между собой въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но всѣ они сходятся въ существенномъ, т. е. въ общихъ цѣляхъ соціализма, и въ общемъ убѣжденіи о низверженіи самодержавія, какъ необходимой ступени къ соціализму. Бывали статьи, писалъ впослѣдствіи Лавровъ, которыя на мой взглядъ были слишкомъ рѣзки по боевымъ вопросамъ, но разъ вступивъ въ союзъ съ народовольцами, какъ съ партіей, успѣвшей наилучше концентрировать русское революціонное движеніе, я считалъ себя обязаннымъ принимать всѣ естественныя слѣдствія этого союза". (Письмо товарищамъ въ Россію по поводу Тихоміровa, 1888 г. стр. 28).

„Вѣстникъ Народной Воли" (съ 1883 г. — по 1886 г., всего вышло 5 нумеровъ) былъ составленъ очень содержательно, разнообразно, и интересно. Лавровъ помѣстилъ въ немъ цѣлый рядъ цѣнныхъ статей: „Задачи соціализма" (№ 1), „Тургеневъ и развитіе русскаго общества" (2), „Соціальная революція и задачи нравственности", „Открытое письмо къ молодымъ товарищамъ" (№№ 3 и 4), "Старые вопросы", „Ученіе гр. Л. Н. Толстого (№ 5), „некрологи" В. В. Ткачева и П. К. Никитиной. Кромѣ того, Лавровъ велъ отдѣлъ „За предѣлами Россіи" (№№ 1 и 2) и написалъ рядъ рецензій.

Изъ этихъ статей Лаврова особенный интересъ представляетъ работа о „Соціальной революціи и задачахъ нравственности". „Во имя соціалистическаго убѣжденія, писалъ здѣсь Лавровъ, то, что составляетъ препятствіе росту соціализма, должно быть разрушено какою угодно цѣной" (38). „Препятствіе должно быть разрушено", снова и снова повторяетъ Лавровъ (стр. 50, 52, 55 и т. д.). Рѣчь шла, разумѣется, о самодержавіи. „Безнравственная форма государственной власти должна перестать существовать", неустанно твердитъ Лавровъ. При этомъ, по его словамъ, „закрывать глаза на необходимость насилія въ этой борьбѣ, было бы лицемѣріемъ или самообольщеніемъ" (стр. 41).

Искренній теоретикъ соціализма, по словамъ Лаврова, „долженъ всегда помнить, что справедливость можетъ требовать борьбы, но что въ самый періодъ борьбы, она уступаетъ расчету необходимости; когда же онъ призналъ борьбу необходимою, онъ долженъ помириться и съ ея условіями, какъ мирятся съ самымъ противнымъ лѣкарствомъ, съ самой жестокой операціей, когда дѣло идетъ о спасеніи жизни человѣка... Самое широкое осуществленіе нравственныхъ требованій соціализма въ эпоху его торжества, и самое тщательное ограниченіе области его борьбы въ настоящемъ „крайне необходимымъ", составляютъ столь же существенный моментъ дѣятельности соціалиста, какъ и энергическое и безпощадное веденіе борьбы за торжество соціализма въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ эта борьба необходима, и на которые требованія нравственности не могутъ (?) распространяться" (№ 4, стр. 75). Эта послѣдняя фраза не совсѣмъ удачна, такъ какъ террористическая и вообще насильственная борьба является не отрицаніемъ принциповъ нравственности, а только примѣненіемъ ихъ къ частному случаю — къ необходимости устранить несомнѣнное зло.

Это утверждаетъ и самъ Лавровъ въ своей интересной критикѣ ученія Толстого о непротивленіи злу. Пусть убѣжденный человѣкъ, говоритъ Лавровъ, „перенесъ бы даже зло, ему лично сдѣланное, не чувствуя ни гнѣва, ни желанія мести, но будетъ ли согласно съ его убѣжденіемъ не препятствовать злу, которое совершается надъ дру-

гими, когда онъ можетъ помѣшать злу?... Нѣтъ ли безусловнаго противорѣчія между представленіемъ о злѣ, особенно же о нравственномъ злѣ, и о томъ, что я позволяю этому злу совершаться безпрепятственно?“ (V, стр. 174). Послѣ подробнаго разбора аргументаціи Толстого, Лавровъ заключаетъ: если мы прониклись солидарностью съ другими людьми, то наша обязанность заключается въ охраненіи ихъ отъ зла и въ противленіи этому злу во всѣхъ его формахъ. Если мы поняли, что убѣжденіе требуетъ дѣлъ и что всякое противленіе злу словомъ и мыслью есть уже начало борьбы и требуетъ борьбы, борьба же почти всегда требуетъ насилія, то мы не можемъ остановиться передъ насильственными мѣрами въ борьбѣ истины противъ лжи, свѣта противъ тьмы“ (V, 197).

Нужно замѣтить, однако, что все это относится скорѣе къ революціонной борьбѣ вообще, чѣмъ къ террору въ частности, такъ какъ послѣднему Лавровъ никогда не сочувствовалъ вполнѣ. Такъ напр., въ замѣткѣ по поводу Тихомірова, онъ пишетъ: „я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о террорѣ, который и прежнимъ „Исполнительынъ Комитетомъ“ не былъ возводимъ въ систему, (?), такъ какъ комитетъ никогда не признавалъ своими мнѣній, высказанныхъ въ брошюрахъ Морозова и Тарковскаго. Но *революціонный* путь былъ и остался, насколько мнѣ извѣстно, для всѣхъ фракцій русскихъ соціалистовъ, неизбѣжнымъ пріемомъ борьбы за прогрессъ нашей работы.“ („Революція или эволюція“, стр. 7).

Съ прекращеніемъ въ 1886 г. „Вѣстника Народной Воли“, Лавровъ, помимо легальной литературной дѣятельности (анонимныхъ статей въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“), постоянно читалъ въ Парижѣ лекціи, произносилъ рѣчи на разныя темы, и т. п.; обыкновенно эти рѣчи и лекціи выходили затѣмъ отдѣльными изданіями. Вышелъ также и рядъ его статей. Такъ, въ 1887 г. вышла лекція Лаврова „Національность и соціализмъ“, „Роль и формы соціалистической пропаганды“, „Черезъ восемь лѣтъ“ (въ память Парижской Коммуны). Письмо по поводу шпіонскихъ продѣлокъ и „Предисловіе къ статьѣ Маркса о Гегелевской философіи права“. — Въ 1888 г. ренегатство Тихомірова вызвало сперва небольшую замѣтку Лаврова въ послѣсловіи къ брошюрѣ „Революція или эволюція“, а затѣмъ его обстоятельное „Письмо товарищамъ въ Россію“. Въ томъ же году Лавровъ напечаталъ біографію Г. Лопатина въ приложеніи къ брошюрѣ о процессѣ „21“, письмо въ редакцію выходившаго тогда органа соціалистовъ революціонеровъ „Самоуправленіе“ (№ 2, май 1888). Въ 1889 г. Лавровъ началъ печатать въ газетѣ „Соціалистъ“ свои „Письма къ русскимъ людямъ“ и составилъ отчетъ для соціалистическаго конгресса въ Парижѣ въ 1889 году, подъ заглавіемъ: „Situation du socialisme en Russie“ (положеніе соціализма въ Россіи). Въ 1891 г. Лавровъ издалъ свою рѣчь „Русская развитая женщина“ (памяти С. Ковалевской) и (гектографированное) „Открытое письмо кь русской молодежи 90-хъ годовъ, въ 1892 г.— Введеніе и послѣсловіе къ брошюрѣ Сергѣевскаго „Голодъ въ Россіи“, въ 1893 г. „Послѣдовательныя поколѣнія“ (въ память Елисѣева и Шелгунова).

Господствующій мотивъ этихъ статей Лаврова все тотъ же. „Въ настоящую минуту, пишетъ онъ напр., никакое экономическое улучшеніе положенія массъ немыслимо въ Россіи иначе, какъ въ связи съ низверженіемъ произвола императорскаго абсолютизма, составляющаго позоръ нашей родины передъ всѣми цивилизованными стра-

нами" (Письмо къ молодежи стр. 2, см. также Самоуправленіе № 2, стр, 30.)

Кое-какія старыя аполитическія ноты звучатъ однако и въ этотъ народовольческій періодъ. Весьма важнымъ результатомъ соціалистической критики, говоритъ онъ напр., было, между прочимъ, уясненіе той истины, что „для массъ всѣ политическіе перевороты безплодны, если они не сопровождаются соотвѣтственнымъ экономическимъ переворотомъ". („Вѣстн. Нар. Воли" IV стр. 33). Такимъ образомъ самостоятельная цѣнность „свободныхъ политическихъ учрежденій" попрежнему отрицается Лавровымъ. Точно также въ письмѣ редакціи „Самоуправленія", касаясь слуховъ о политической оппозиціи либераловъ, Лавровъ писалъ: „мѣшать организаціи и агитаціи враговъ русскаго самодержавія было бы едва ли полезно... Но какъ группа, какъ партія, соціалисты едва ли могутъ вступить въ союзъ съ группою и партіей, отвергающей соціалистическіе принципы". (№ 2, стр. 31). Такимъ образомъ, Лавровъ отвергаетъ даже временный союзъ соціалистовъ съ либералами въ цѣляхъ достиженія политической свободы. Однако, вскорѣ ему пришлось отказаться и отъ этого положенія. Такъ, напр., въ послѣсловіи къ брошюрѣ „Голодъ въ Россіи" Лавровъ заявляетъ: „соціалисты, во имя своихъ убѣжденій, обязаны вести неумолимую борьбу съ абсолютизмомъ, и неизбѣжно ставятъ своею политической программою настоящей минуты его низверженіе. Но факты настоящаго народнаго бѣдствія и отношеніе къ нему русскаго правительства выказываютъ совершенно ясно, что эта же обязанность. эта же программа является обязанностью и программою для всѣхъ русскихъ, любящихъ свое отечество, независимо отъ ихъ экономическаго положенія и соціальныхъ убѣжденій. Русскіе либералы оказались до сихъ поръ, по недостатку ли политической традиціи, или по „недостатку гражданскаго мужества", не въ состояніи организовать либеральную революціонную партію для борьбы съ абсолютизмомъ, и нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы они способны были въ ближайшемъ будущемъ организовать ее. Нынѣшніе соціалисты поставили своею задачею именно эту организацію. Что же мѣшаетъ каждому мыслящему русскому человѣку стать въ ряды этой же организаціи для дѣла, общаго соціалистамъ и не соціалистамъ, для борьбы противъ общаго, противъ народнаго врага? Русскіе люди! Не измѣняйте русскому народу! — Русскіе люди! Низвергнемъ вмѣстѣ его врага! — Послѣ того, мы успѣемъ разобраться въ томъ, въ чемъ мы не согласны между собою." „Стр. 47 — 48. См. также „Послѣдовательныя поколѣнія", стр. 51. Письмо къ молодежи, стр. 3 и т. д.)

IV. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ.

Съ 1893 г. Лавровъ принимаетъ ближайшее участіе въ литературной дѣятельности группы старыхъ народовольцевъ, выпускавшей „Матерьялы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія" (съ приложеніемъ текущей хроники, подъ названіемъ (Съ родины и на родину".)

Лавровъ написалъ для этого изданія статью „Исторія, Соціализмъ и русское движеніе" (XI), упоминавшуюся выше статью „Три эпохи" (Съ род. и на род., № 4), обширную работу „Народники пропагандисты 1873 — 1878 г.г." и статьи, составленныя изъ его рѣчей: „Задачи людей новаго поколѣнія", „Четверть вѣка" (Съ ро-

дины и на родину № 5), „Пониманіе и жизненныя цѣли“ (Съ родины и на родину № 6 — 7), „Царскіе гости“ (отд. изд. 1896 г.) Письмо въ редакцію Летучаго Листка (№ 4, 1895 г.) группы народовольцевъ о программныхъ вопросахъ, а также рядъ рѣчей и статей, вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ рукописей 90-хъ годовъ“. Въ это же время (1894) вышло начало громаднаго (и неоконченнаго) труда Лаврова „Опытъ исторіи мысли новаго времени“ (Т. I, Вступленіе. Задачи исторіи мысли. Отдѣлъ I. Доисторическое подготовленіе человѣка. Отд. II. Антропологическая жизнь, а также ввидѣ одного изъ выпусковъ этого труда книга „Переживанія доисторическаго періода“. (1898).

Говоря объ этомъ новомъ періодѣ русской жизни. Лавровъ замѣчаетъ: „для русскихъ революціонеровъ теперь настолько же не можетъ уже существовать сомнѣній, что ихъ революціонное дѣло можетъ опираться лишь на принципы соціализма, на столько для русскихъ соціалистовъ безпорно, что, во ммя ихъ соціалистическихъ убѣжденій, они должны стать на почву революціонной агитаціи противъ императорскаго абсолютизма.“

Но наряду съ этимъ въ статьяхъ Лаврова, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ предательствъ и измѣнъ революціонеровъ, стала пробиваться новая струя. Еще въ своей рѣчи „Роль и формы соціалистической пропаганды“ (1887 г.) онъ намѣчалъ троякаго рода пропаганду соціализма: словомъ, дѣломъ и примѣромъ. Соціализмъ, писалъ Лавровъ, „требуетъ отъ личности обыденной жизни, ежедневныхъ привычекъ проникнутыхъ отвращеніемъ къ элементамъ капиталистическимъ въ этой жизни, проникнутымъ чувствомъ солидарности съ борцами за соціалистическую истину... Онъ требуетъ непрерывной пропаганды примѣромъ. А это едва ли не труднѣе пониманія неизбѣжности процесса, вырабатывающаго соціалистическій строй изъ капиталистическаго, и героическаго терроризма.“ (стр. 12.)

Точно также въ статьѣ „Три эпохи“ Лавровъ писалъ: „Начиная новое литературное соціально-революціонное предпріятіе, какъ одинъ изъ его сотрудниковъ и совѣтниковъ — единственная роль, на которую можетъ быть способенъ человѣкъ въ мои годы — я позволю себѣ высказать убѣжденіе, что всѣмъ участникамъ этого дѣла точно такъ же, какъ и тѣмъ соціалистамъ-революціонерамъ, которые не найдутъ для себя удобнымъ помогать ему, приходится ставить рядомъ съ прежними элементами борьбы, если даже не на первомъ мѣстѣ пропаганду *примѣромъ*, доступную всякому: примѣромъ жизни, примѣромъ самоотверженія, примѣромъ поддержки въ личной дѣятельности знамени русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ чистыми и достойными руками; примѣромъ жизни, въ которой личныя влеченія и симпатіи, личныя непріязни, были бы подавлены во имя соціально-революціоннаго идеала; въ которой проявлялось бы опредѣленное стремленіе выработать въ себѣ и около себя, по возможности, дѣйствительныхъ строителей будущаго царства соціалистической справедливости и соціалистической нравственности.“ (Стр. 158 см. также стр. 160).

Лавровъ оговаривался при этомъ, что „было бы горькимъ заблужденіемъ для соціалиста, если бы онъ полагалъ, что ведя соціалистически-безупречную обыденную жизнь, онъ тѣмъ самымъ исполнилъ всѣ свои обязанности“. (Роль и формы соц. проп., стр. 14.)

Лавровъ былъ несомнѣнно правъ, отмѣчая, что для соціализма

имѣетъ огромное значеніе достойная личная жизнь его послѣдователей. Но врядъ ли можно согласиться съ нимъ, что примѣръ личной жизни стоитъ въ соціально-политическомъ отношеніи важнѣе прямой борьбы, въ томъ числѣ и террористической. Нужно думать, что это воззрѣніе Лаврова было отголоскомъ того стремленія къ личному самоусовершенствованію, которое охватило молодежь въ годы апатіи и реакціи послѣ напряженной народовольческой борьбы. А это лишній разъ указываетъ, что въ чисто политическихъ вопросахъ онъ не былъ вождемъ и творцомъ новыхъ теченій, а только авторитетнымъ выразителемъ мнѣній, получившихъ преобладаніе въ жизни. Именно потому политическіе взгляды Лаврова 70-хъ годовъ, эпохи „соціалистической пугачевщины", какъ онъ выражался, смѣнились въ значительной мѣрѣ прямо противоположными воззрѣніями во времена „Народной Воли".

Значеніе и заслуги Лаврова относятся къ другой области. Въ качествѣ философа и соціолога онъ далъ замѣчательное принципіальное обоснованіе соціализма и разработалъ цѣлый рядъ связанныхъ съ нимъ философско-историческихъ вопросовъ, но тѣмъ самымъ онъ оказалъ громадное вліяніе на общее развитіе русскаго соціализма, а слѣдовательно и на политику въ широкомъ смыслѣ этого слова.

М. Антоновъ.

П. Л. Лавровъ о письмѣ В. Гольцева во „Впередъ!"

Въ недавно изданномъ сборникѣ автографовъ Гольцевъ говоритъ о своемъ письмѣ, напечатанномъ въ журналѣ «Впередъ!». Онъ, повидимому, имѣлъ въ виду письмо, которое напечатано въ 21 № «Впередъ!» (15 ноября 1875 г.). Мы цѣликомъ перепечатываемъ и это письмо Гольцева и отвѣтъ ему редакціи, написанный, очевидно Лавровымъ. Ред.

Письмо В. Гольцева.

М. Г.!

Вы неоднократно высказывали въ вашемъ изданіи желаніе встрѣтить возраженіе на Вашу программу дѣйствій; вы не находите въ русской „законной" печати сколько-нибудь серьезныхъ критическихъ замѣчаній; вы не встрѣчаете ихъ, по вашимъ словамъ, и на „свободной почвѣ". Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ нѣсколькими соображеніями, которыя возбуждены во мнѣ чтеніемъ вашего изданія.

Я далекъ, безъ сомнѣнія, отъ мысли считать эти соображенія рѣшающими вопросъ. Вашу программу, мнѣ кажется, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: соціальная революція посредствомъ самихъ объединенныхъ народовъ.

Нужно, слѣдовательно, поднять, просвѣтить народъ. Необходимо, чтобы онъ вполнѣ сознательно произвелъ эту революцію, ясно понималъ и средства, и цѣли ея.

Какія же мѣры слѣдуетъ употребить, чтобы довести народъ до подобнаго сознанія? Неужели распространеніе книжекъ вродѣ „Хитрой механики“ наилучшее для этого пособіе? Вы, вѣроятно, согласитесь, что поднять народъ для рѣзни, внушить измученному, умирающему съ полу-голода крестьянину и рабочему необходимость кровавой расплаты еще не значитъ сдѣлать изъ него гражданина будущаго свободнаго, идеальнаго общества. Вы не станете, я думаю, отрицать и того, что пропаганда, предполагая ее честной и горячей, еще не обезпечиваетъ прочныхъ измѣненій въ томъ, кого она имѣетъ въ виду. Возстаніе, положимъ, произошло. Что же потомъ? Развѣ народъ окажется вполнѣ приготовленнымъ къ рѣшенію своихъ судебъ? Развѣ въ дѣйствительности онъ достигъ высокой степени просвѣщенія, необходимой для прочности его матеріальныхъ завоеваній? Я думаю потому, что толкать народъ къ кровавой расправѣ — опасное и едва ли хорошее дѣло.

Я имѣю въ виду не возможность пораженія, разгрома, весьма правдоподобныхъ, а именно неприготовленность массы ни къ чему иному, кромѣ натиска, вѣроятность появленія на обломкахъ стараго цезаря или нѣсколькихъ цезарей.

Кромѣ того, вы утверждаете сами, что революція въ изолированной мѣстности — нелѣпость, что дѣло должно рѣшиться общими усиліями всего человѣчества. Прекрасно. Слѣдовательно, ушедшій впередъ народъ долженъ подождать своихъ меньшихъ братій, иначе, все равно, сосѣди, т. е. правительства сосѣднихъ народовъ, не позволятъ ему реализовать вашу соціальную теорію. Неужели Вы предполагаете, что Коммуна 1870 г. могла бы долго продолжаться въ какомъ бы то ни было случаѣ? А если такъ, то цѣлесообразна ли зажигательная пропаганда, которая, разумѣется, не можетъ внушить народу желанія ждать?

Не необходимо ли, что касается Россіи, прежде всего добиться чего-либо подобнаго хоть германской конституціи, дающей возможность рабочимъ объединяться и итти впередъ при свѣтѣ науки? Не имѣетъ ли также глубокаго значенія введеніе въ жизнь русскаго общества новаго принципа народнаго верховенства, на мѣсто императорскаго „быть по сему“? И можно ли поэтому обвинять русскихъ конституціоналистовъ, желающихъ оставаться на законной почвѣ?

Позвольте мнѣ, М. Г., не сообщать вамъ своего имени, которое, само собою разумѣется, не можетъ имѣть никакого значенія въ разрѣшеніи вопроса, безусловная важность и настоятельность котораго заставляетъ меня написать эти строки.

Отвѣтъ редакціи „Впередъ!“

Мы никогда не имѣли въ виду открывать страницы нашего журнала господамъ русскимъ либераламъ для защиты ихъ точки зрѣнія. Мы пригласили ихъ высказаться въ ихъ собственныхъ изданіяхъ, для чего у нихъ, конечно, достаточно средствъ, если бы была лишь рѣшимость и опредѣленная программа. Наши же страницы открыты лишь для полемики разныхъ оттѣнковъ соціалистическихъ партій. Поэтому, помѣщая теперь письмо неизвѣстнаго намъ парижскаго конституціоналиста и отвѣчая на него, мы заранѣе отказываемся помѣщать другія какія-либо догматическія или полемическія статьи изъ того же лагеря.

Господамъ конституціоналистамъ нечего прибѣгать къ соціалистической прессѣ для высказыванія своихъ мыслей. Имъ открыто много типографскихъ станковъ.

Нашему же неизвѣстному корреспонденту мы отвѣтимъ слѣдующее:

Въ цѣлой исторіи не происходило ни одного вполнѣ сознательнаго движенія. Полное сознаніе цѣлей и средствъ существовало въ небольшихъ группахъ и въ отдѣльныхъ единицахъ. Около нихъ стояло множество лицъ и группъ, въ которыхъ ясность сознанія постепенно ослабѣвала. Наконецъ, большинство партіи, подготовленной къ движенію, только *сочувствовало въ общихъ чертахъ* новымъ задачамъ, но за то было проникнуто ненавистью къ тому порядку, противъ котораго готовилась борьба. Побѣда же революціонеровъ зависѣла всегда отъ того, что еще далѣе, за плечами вполнѣ сознательныхъ, полусознательныхъ и горячо-сочувствующихъ революціонеровъ, исторія подготовила еще болѣе обширные слои людей, страдающихъ отъ стараго порядка, способныхъ еще ненавидѣть и нуждающихся лишь въ знамени, около котораго они могли бы соединиться противъ этого стараго порядка, чтобы его низвергнуть. Пока эти страдающіе люди не вѣрятъ другому знамени, способному ихъ вести противъ стараго порядка, они возможные и даже неизбѣжные союзники сплотившихся и выставившихъ свое знамя революціонеровъ. Но какъ только противъ стараго порядка выставлено нѣсколько знаменъ новыхъ партій, то каждая изъ нихъ не можетъ уже навѣрное разсчитывать на то, что именно къ ней пристанетъ этотъ слой, раздѣляющій съ ней вражду къ старому порядку, но не приступившій еще ни къ какому знамени.

То же самое положеніе теперь передъ нами въ Россіи. Русское самодержавіе невыносимо и ненавистно всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые извлекаютъ личную выгоду изъ настоящаго порядка вещей. Но массѣ народа невыносимо не *только* оно, а въ еще большей степени экономическій порядокъ, имъ охраняемый и поддерживаемый. Для конституціоналистовъ тяжелѣе первое, такъ какъ большинство ихъ пользуется вторымъ. Намъ, соціалистамъ-революціонерамъ, приходится, слѣдовательно, одновременно стремиться къ разрушенію и политическаго, и экономическаго строя въ нынѣшней Россіи, постоянно напирая на ихъ тѣсную связь, приходится и всѣми силами противодѣйствовать той партіи, которая увѣряетъ будто, избавившись отъ императорскаго самодержавія, народъ русскій поправитъ свое положеніе.

Какъ же дѣйствовать для этого? Укрѣпляя и уясняя въ тѣхъ, которые уже приступили къ нашему знамени, сознаніе условій соціальной революціи и ея необходимости, расширяя число вполнѣ сознательныхъ; но рядомъ съ этимъ приходится работать и надъ расширеніемъ числа *сочувствующихъ*, числа *ненавидящихъ* настоящій порядокъ, какъ источникъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій; для этого именно служитъ та литература „Хитрой Механики", о которой Вы упоминаете; наконецъ, рядомъ съ этимъ приходится бороться съ конституціоналистами, чтобы тѣ, которые только сочувствуютъ намъ, а не прониклись еще соціалистическимъ сознаніемъ, не могли пристать къ фальшивому, ненадежному знамени конституціонализма.

Намъ приходится обращаться къ уму, приходится обращаться и къ страсти. Мы нисколько не имѣемъ утопической надежды довести народъ въ его цѣломъ пропагандою до „яснаго сознанія" и до „высокой степени просвѣщенія". Но мы убѣждены, что систематическая и хорошо организованная пропаганда, веденная лицами, частью принадлежащими къ самому рабочему классу — а между нами уже *есть* и теперь не очень мало такихъ — способна образовать во многихъ мѣстахъ Россіи довольно значительныя группы *вполнѣ сознательныхъ*

соціалистовъ-революціонеровъ, тѣмъ болѣе, что начала соціальной революціи несравненно проще старыхъ политическихъ программъ и доступны въ своей полной ясности безъ особенно „высокой степени просвѣщенія". Около этихъ *вполнѣ сознательныхъ* группъ будетъ стоять, да и теперь уже стоитъ немалое число сочувствующихъ соціализму и ненавидящихъ настоящій порядокъ въ его экономическихъ и политическихъ основахъ. Когда крѣпкая организація свяжетъ эти группы и слои, то въ минуту взрыва къ нимъ неизбѣжно пристанетъ масса страдающихъ отъ нынѣшняго экономическаго и политическаго строя, если она не пойдетъ въ эту минуту за какимъ-нибудь призрачнымъ знаменемъ, напримѣръ, за знаменемъ „народнаго верховенства" въ смыслѣ конституціалистовъ.

Наше дѣло — предупредить этотъ случай, убѣждать какъ народъ, такъ и всѣхъ искреннихъ друзей народа, что „народное верховенство" есть иллюзія, пока оно не связано съ разрушеніемъ экономической эксплуатаціи большинства меньшинствомъ, что на „законной почвѣ", созданной народными эксплуататорами съ цѣлью облегченія эксплуатаціи народа, *невозможно* оставаться народу, не налагая на себя новыхъ цѣпей; что онъ не долженъ допускать не только императорскаго „быть по сему", но и „быть по сему" группы капиталистовъ — его естественныхъ враговъ. Если группы *сознательныхъ* соціалистовъ-революціонеровъ. вполнѣ усвоятъ невозможность довѣрять представителямъ капитила и сохранять старый общественный порядокъ, если они внушатъ это убѣжденіе массамъ, *сочувствующимъ* соціальному перевороту, то новые цезари будутъ невозможны послѣ переворота, и въ этихъ сознательныхъ и сочувствующихъ группахъ будетъ достаточно подготовки, чтобы создать строй, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ. будетъ несравненно выше нынѣшняго, а — главное — не будетъ въ себѣ заключать именно тѣхъ элементовъ монополіи, изъ которыхъ развилось самое большое количество современнаго зла.

Послѣдняя замѣтка. Мы никогда не вѣрили утопіи, будто соціальная революція должна произойти „общими усиліями всего человѣчества", хотя, конечно, не думаемъ, чтобъ она могла восторжествовать въ „изолированной мѣстности". Исторія пока зависитъ отъ Европы и части Сѣверной Америки; остальное же человѣчество въ счетъ нейдетъ. На этомъ же пространствѣ „изолированныхъ мѣстностей" нѣтъ, и соціально-революціонное движеніе подготовляется всюду, хотя разными способами. Можетъ весьма легко настать минута, когда противъ возстанія крестьянъ на Волгѣ, на Днѣпрѣ, на Уралѣ не будетъ имѣть возможности двинуть свои войска князь Бисмаркъ, потому что городскіе рабочіе Саксоніи, Баваріи. Брауншвейга, Гамбурга *не дозволятъ* ему сдѣлать это. Нельзя ручаться, чтобы въ то же время и могучіе союзы Англіи, давно уже организованные, не захотѣли перейти отъ легальныхъ мѣръ къ нелегальнымъ. А въ подобную минуту неужели вы думаете не развернется красное знамя на берегахъ Сены? Неужели не поднимутся итальянскіе и испанскіе рабочіе, повидимому, организующіеся втайнѣ для революціи? Нѣтъ, на этотъ счетъ мы спокойны. Наши враги сильны и повсемѣстны, но соціально-революціонное движеніе дѣлаетъ успѣхи *всюду*, и съ каждымъ годомъ предстоитъ все менѣе опасности, чтобы соціально-революціонный. взрывъ, происшедшій гдѣ бы то ни было, остался „изолированнымъ".

Изъ записокъ А. А. Петрова.

Отъ редакціи. — Александръ Алексѣевичъ Петровъ, казненный въ Петербургѣ по дѣлу о взрывѣ на Астраханской улицѣ, оставилъ въ рукахъ товарищей подробныя записки о своихъ сношеніяхъ съ Департаментомъ полиціи и съ охраной, сношеніяхъ, которыя онъ началъ хотя и безъ вѣдома товарищей, но съ исключительной цѣлью отомстить охранѣ путемъ контръ-провокаціи за азефщину.

Записки эти, представляющія крупный общественный и историческій интересъ и вскрывающія всю тайную и до сихъ поръ мало извѣстную систему правительственной провокаціи, появились недавно отдѣльнымъ изданіемъ. Мы приводимъ здѣсь ту часть записокъ, которая относится къ саратовскому періоду, т. е. къ тому времени, когдазаключенный въ саратовской тюрьмѣ по одному дѣлу съ Миноромъ, Петровъ сдѣлалъ первые шаги на пути придуманнаго имъ плана контръ-провокаціи.

О самомъ дѣлѣ Петрова мы подробнно писали въ „Общемъ Дѣлѣ" (№ 3) и возвращаться здѣсь къ характеристикѣ и оцѣнкѣ его считаемъ излишнимъ. Излишне было бы также дѣлать какія либо комментаріи къ печатаемымъ нами запискамъ, отличающимся большой детальностью и воспроизводящимъ, по словамъ Петрова, съ подлинной точностью разговоры, которые онъ велъ съ охранниками. Предполагая въ Петровѣ уже вполнѣ предавшагося имъ человѣка, охранники говорили съ нимъ со всей откровенностью и раскрыли ему очень много изъ того, что необходимо знать всѣмъ революціонерамъ о тайнахъ всероссійской провокаціи.

Замѣтимъ лишь, что имѣя въ виду появленіе уже полностью записокъ Петрова отдѣльнымъ изданіемъ, мы сочли возможнымъ сдѣлать въ печатаемой нами части нѣкоторыя сокращенія.

... Прошло немного дней — меня вызываютъ въ жандармское. Проводятъ въ кабинетъ полковника; кромѣ него, тамъ никого. Остаемся одни. Отвѣчаю на привѣтствіе. Сажусь.

— Ваше положеніе теперь опредѣлилось вполнѣ, и для васъ самихъ оно тоже совершенно ясно, такъ я и хочу съ вами поговорить объ этомъ прямо и откровенно. Мнѣ ротмистръ передалъ вашъ разговоръ съ нимъ, и теперь, когда вы подумали, какъ слѣдуетъ, о многомъ, я думаю, что мы можемъ разговаривать съ большей откровенностью и опредѣленностью...

— Я съ вами, полковникъ, помните, говорилъ однажды вполнѣ откровенно и серьезно, но теперь...

— Ха, ха, ха! Вы прѣдыдущіе оффиціальные разговоры принимаете за настоящую монету?! Ха, ха, ха! Это были оф-

фиціальные шаги, которые необходимо было сдѣлать, чтобы свободно продолжать наши прежніе переговоры.

— Что у васъ нужно принимать за настоящую монету: оффиціальные ли допросы, или такіе, какъ сейчасъ, разговоры, если это только разговоры, а не заигрыванія? Я не хочу двойной игры и хитраго дипломатничанья, я могу говорить только безхитростно и прямо, и всѣ ваши заигрыванія мнѣ противны.

— Какъ вы не хотите понять, что я работаю не одинъ, что намъ, жандармамъ, ставятъ всевозможныя препятствія, стѣсняютъ свободу дѣйствій, все время приходится работать подъ контролемъ прокуратуры. Тѣ оффиціальные шаги я долженъ былъ сдѣлать, иначе нельзя. И то я массу энергіи затратилъ на то, чтобы обставить ваше положеніе возможно лучше, чтобы намъ можно было, не стѣсняясь ничьего вмѣшательства, разговаривать и обсуждать сообща ваше положеніе, чтобы могли прійти къ обоюдному соглашенію. Вы сами виноваты въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше усложняется ваше положеніе и все больше и больше препятствій къ ликвидированію вашего дѣла келейнымъ способомъ — только между нами. Вы упорно не хотѣли намъ открываться, пока мы это сами не установили.*) Скажи вы это раньше, мы бы не стали и дѣлать запроса о васъ никуда, слѣдовательно — не были бы связаны въ своихъ дѣйствіяхъ ни съ какими другими учрежденіями, и если бы пришли къ соглашенію, такъ выслали бы васъ административно куда-нибудь, откуда бы вы могли свободно бѣжать, и дѣло бы съ концомъ. А теперь оно такъ запуталось, — что самъ чортъ не разберется! Но не скажу, что дѣло непоправимо. Поправить еще пока можно, если вы опять не будете его затягивать.

— Будемте, полковникъ, говорить, дѣйствительно, откровенно и прямо, безъ всякихъ обиняковъ, и называть вещи ихъ собственными именами.

— Я именно этого и желаю.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Не смотря на то, что вы старше меня, опытнѣе въ своихъ дѣлахъ и можете очень умно вести ихъ, можете очень умно и хитрить, но я заявляю вамъ, что я васъ нисколько не боюсь, не опасаюсь вашей и хитрости и всевозможныхъ ходовъ и подходовъ, потому что и я увѣ-

---

*) Арестованный въ Саратовѣ въ Январѣ 909 г., Петровъ, убѣжавшій за годъ до этого изъ Вятской тюрьмы, назвалъ себя Филатовымъ. Справедливо предполагая въ немъ нелегальнаго и «боевика», — на что указывали его израненныя ноги, — саратовскіе жандармы пытались всякими мѣрами установить его личность. Сначала они предположили въ немъ разыскиваемое ими лицо по имени Лещатникова. Затѣмъ, по фотографической карточкѣ, они приняли его за бѣжавшаго съ каторги бывшаго офицера Севастопольскаго гарнизона, Андрея Ясненко. Такъ какъ Петровъ не возражалъ, то жандармы окончательно увѣровали въ то, что онъ — Ясненко. На это именно намекаетъ въ разговорѣ полковникъ, начальникъ саратовскаго жандармскаго управленія Семигановскій.

Ред.

ренъ въ себѣ, увѣренъ, что вы своимъ всевозможнымъ хитроумнымъ политиканствомъ никакого вреда все равно не причините, не удастся вамъ этого, т. к. я иду безъ всякой задней мысли, прямо, открыто, и это то отсутствіе желанія хитрить съ вами меня и спасаетъ, выноситъ изъ всѣхъ затрудненій. И теперь, не смотря на такое, совершенно незаслуженное мной, отношеніе ваше ко мнѣ, несмотря на дипломатичанье и политиканство, которое меня глубоко обижаетъ, я, несмотря на все это, готовъ говорить съ вами, по прежнему, вполнѣ откровенно и серьезно, если и съ вашей стороны увижу дѣйствительную откровенность и прямоту.

— Если такъ, то извольте, — да, я хитрилъ съ вами, потому что не былъ увѣренъ въ искренности вашей. Насъ не разъ надували, вы это знаете...

— Да, знаю, знаю и то, что и вы въ свою очередь не мало надували нашего брата, кто легко поддавался на вашу удочку. Вы не обижайтесь, — мы будемъ говорить совершенно откровенно.

— Отлично! Всѣ предисловія, слѣдовательно, въ сторону, и прямо къ дѣлу.

— Начинайте!

— Вотъ что, въ виду того, что мы, наконецъ, можемъ вести чисто дѣловой разговоръ, безъ всякихъ сантиментальничаній и предисловій, такъ я хотѣлъ бы пригласить для участія въ нашемъ разговорѣ начальника здѣшняго охраннаго отдѣленія.

— Зачѣмъ это? развѣ я не могу дѣло закончить только съ вами? вѣдь, знать меня не должны многіе, потому что...

— Знаю, знаю, но вотъ именно съ нимъ то вы и должны будете разсуждать обо всемъ, а не со мной. Онъ завѣдуетъ этимъ, а не я. Онъ здѣсь вотъ, въ сосѣдней комнатѣ, я его сейчасъ позову.

— Подождите, подождите, полковникъ! Я долженъ сказать, что я вступать въ какія либо соглашенія иначе ни съ кѣмъ не желаю, какъ только съ петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ, и разговаривать съ начальникомъ здѣшняго охраннаго отдѣленія мнѣ собственно не о чемъ и не для чего. А я просилъ бы васъ меня отправить въ Петербургъ для переговоровъ съ петербургскимъ охраннымъ или же вызвать начальника его сюда.

— Вотъ даже и для разрѣшенія этого вопроса вы и должны переговорить именно съ нимъ, а не со мной.

— А вы этого сдѣлать не можете?

— Не могу... Позвать?

— Ну, что жъ, зовите...

Входитъ средняго роста прилично одѣтый въ штатское господинъ лѣтъ 35, шатенъ, съ бородкой клинышкомъ, волосы подъ гребенку, — юркій, живой, глаза маленькіе, хитрые, хитрые.

Ну, думаю, съ нимъ нужно держать ухо востро. Здоровается сразу же за руку. Рекомендуемся другъ другу, я — какъ Филатовъ, онъ — какъ ротмистръ Мартыновъ, начальникъ саратовскаго охраннаго отдѣленія.

Онъ сразу же приступаетъ къ „дѣлу“.

— Всѣ предисловія уже закончены вами съ Владимиромъ Конст...

— Съ кѣмъ?

— А вотъ съ полковникомъ — Владимиромъ Константиновичемъ. И со мной вы будете, слѣдовательно, говорить уже какъ свой съ своимъ. Не правда ли, — такъ?

— Да, если вы обѣщаетесь, если на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно, будете говорить со мной, какъ говорится, безъ всякихъ подходцевъ, а прямо и откровенно.

— Скажу вамъ — иначе намъ и разговаривать невозможно. Если съ вами до сихъ поръ Влад. Конст. говорилъ не совсѣмъ откровенно, какъ вы выражаетесь, — съ подходцемъ, хе-хе-хе! такъ это онъ долженъ былъ сдѣлать, и, во всякомъ случаѣ, это его дѣло... Согласитесь, что и вы, вѣдь, не сразу же намъ довѣрились, такъ что наши взаимныя, но скажу неизбѣжныя недоразумѣнія вполнѣ понятны и теперь, какъ я вижу, вполнѣ улажены. А о нашемъ довѣріи можете судить по одному тому, что вы разговариваете со мной. А это я дѣлаю не со всякимъ, и съ тѣмъ, къ кому у насъ есть малѣйшее недовѣріе, я разговаривать не стану. Итакъ, — мы предлагаемъ вамъ давать намъ кое-какія свѣдѣнія о дѣлахъ партіи, а вы, слѣдовательно, *принимаете* это предложеніе и ставите намъ свои требованія и условія. Вотъ объ этомъ то мы и поговоримъ сейчасъ.

— Мнѣ кажется, вы нѣсколько неправильно поняли полковника, со словъ котораго вы дѣлаете такой выводъ о характерѣ предстоящаго между нами разговора.

— Какъ такъ? Позвольте...

— Я изъявилъ согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе сотрудничать въ охранномъ, это совершенно вѣрно, но, вѣдь, я говорилъ, что желаю войти въ соглашеніе и вести переговоры о немъ съ петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ, а съ вами хотѣлъ говорить только о предоставленіи мнѣ возможности говорить съ начальникомъ его, и только.

— Слѣдовательно, вы хотѣли бы работать въ Петербургѣ. А почему бы вамъ не работать у насъ, въ Поволжьи? Вы Поволжье уже знаете, васъ здѣсь тоже знаютъ, людей здѣсь нѣтъ изъ видныхъ партійныхъ работниковъ, такъ что вы съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Петербургѣ, могли бы разсчитывать на болѣе видную роль въ организаціи и, слѣдовательно, болѣе солидныя свѣдѣнія можете давать намъ. А чѣмъ солиднѣе свѣдѣнія, тѣмъ солиднѣе за нихъ и вознагражденіе. Если ужъ служить, такъ, по моему, служить по настоящему, и нужно извлечь изъ своего положенія наибольшую пользу для своей

жизни. Мы даже помогли бы вамъ создать партійную карьеру. Вотъ, напримѣръ, въ концѣ марта мѣсяца заграницей собирается съѣздъ представителей отъ всѣхъ партійныхъ болѣе или менѣе крупныхъ организацій, такъ вы могли бы быть делегированы туда отъ Поволжья. Вотъ вамъ и карьера! А претендентовъ на такого делегата, конкурентовъ вашихъ вы укажете намъ, а мы ихъ своевременно удалимъ, если они будутъ мѣшать вамъ, а тѣхъ, которые будутъ поддерживать васъ, мы оставимъ, даже если они и арестованы, такъ мы ихъ можемъ освободить на то время, пока они будутъ нужны вамъ. Въ вознагражденіи мы тоже не постоимъ. Вы будете и нами довольны, если сумѣете дѣйствовать подъ нашимъ руководствомъ. Ну, что на это скажете?

— Видите ли, вступая въ соглашеніе съ вами ли — съ здѣшнимъ охран. отдѣлен., съ другимъ ли какимъ, все равно, — я говорю вамъ прямо, — что дешево я себя не продамъ! Я цѣну себѣ знаю! На мелкую роль я не пойду! Скажу еще, что я ищу не только матеріальной выгоды, но и личнаго внутренняго удовлетворенія. Я довольно самолюбивъ и не желаю быть какой-нибудь мелкой сошкой, а хочу предоставленія мнѣ права широкой иниціативы и проявленія самодѣятельности. Потомъ, мои требованія отъ васъ, отъ охран. отдѣленія, таковы, что врядъ ли будутъ удовлетворены вами, и условія работы таковы, что врядъ ли могутъ быть пріемлемы вами.

— А вотъ, вы скажите намъ эти условія и требованія, тогда мы и посмотримъ, — могутъ быть они удовлетворены или нѣтъ, а пока вѣдь мы ихъ еще не знаемъ.

— Моя сфера дѣятельности — боевая, и именно въ этой области я и могу всего скорѣе занять въ партіи видное мѣсто, а если это такъ, то правительству всего важнѣе освѣдомленность именно о террористической дѣятельности партіи и въ особенности — освѣдомленность о планахъ проведенія „центральнаго“ террора. А ближе всего и, кажется, исключительно этимъ занято именно петербургское охранное отдѣленіе.

— Но вѣдь боевая дѣятельность партіи не ограничивается только проведеніемъ центральнаго террора. Террористическую дѣятельность теперь она намѣрена развить особенно широко, такъ почему бы вамъ не занять постъ отвѣтственнаго руководителя всей боевой дѣятельностью въ Поволжьи? Согласитесь, что здѣсь то вы и могли бы быть наиболѣе независимы и здѣсь болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, вамъ предоставлена будетъ возможность проявить иниціативу и самостоятельность. Ей-богу, мнѣ думается, здѣсь, въ Поволжьи, вы скорѣе всего могли бы сдѣлаться своего рода генераломъ.

— Такъ то это такъ, но я скажу вамъ прямо, что я и теперь именно съ такими полномочіями и пріѣхалъ сюда изъ заграницы, такъ что мнѣ нечего добиваться того, про что вы говорите, — я есть завѣдующій всей боевой дѣятельностью

партіи въ Поволжьи. Мнѣ не хотѣлось бы здѣсь оставаться еще и потому, что я вступаю съ вами въ соглашеніе изъ за идейныхъ стремленій, изъ желанія способствовать скорѣйшему уничтоженію партіи и этимъ дать возможность возникнуть новой. А наиболѣе сильные и вѣрные удары партіи можно нанести именно въ ея боевомъ стремленіи провести центральный терроръ. Пусть я тамъ не сразу займу видное положеніе, не сразу пріобрѣту довѣріе Ц. К-та, но довѣріе я пріобрѣту скоро, и, слѣдовательно, моя освѣдомленность будетъ широкая вскорѣ же. А, вѣдь, охранному отдѣленію нужно именно это, т. е. широкая освѣдомленность, а не отвѣтственное и видное положеніе.

— Даже еще лучше, если, не занимая отвѣтственнаго положенія, удается быть хорошо освѣдомленнымъ. Но возможно ли это?

— Вотъ именно возможно! У насъ, какъ обыкновенно происходитъ въ организаціяхъ-то? Кумовство, своего рода именно кумовство между товарищами по организаціи, и они между собой говорятъ о вещахъ, которые ни въ коемъ случаѣ не нужно было бы сообщать другъ другу, а говорятъ просто потому, что вѣрятъ другъ другу, даже до извѣстной степени любятъ другъ друга. Да, наконецъ, и тамъ мнѣ развѣ не поможетъ охранное сдѣлать карьеру въ партіи. Если же вы предлагаете это и считаете возможнымъ продѣлать такую штуку, такъ и тамъ тоже возможно сдѣлать, даже еще скорѣе чѣмъ здѣсь можетъ упрочиться мое положеніе въ партіи.

— Вы говорите все это такъ, какъ будто уже имѣли дѣло съ охраннымъ отдѣленіемъ. Вамъ извѣстна обоюдная тактика въ этихъ случаяхъ.

— А почему вы думаете, что я не служилъ раньше въ охранномъ?

— А вы думаете мы и не справлялись объ этомъ. И если бы служили вы раньше, такъ не вели бы себя, какъ всякій новичекъ, да и мы бы разговаривали съ вами иначе. А то, что вы приблизительно знаете технику работы въ охранномъ, такъ это доказываетъ, что вы безъ всякихъ съ нашей стороны намековъ и вообще безъ лишнихъ разговоровъ понимаете, что именно *намъ* нужно отъ васъ и что *вы* можете получить отъ насъ. А это значительно упрощаетъ наши переговоры. Вотъ, если бы вы все это изложили на бумагѣ, такъ въ случаѣ, если бы намъ предварительно нужно было охарактеризовать васъ предъ петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ, изложенное вами же было бы далеко лучше всевозможныхъ нашихъ отзывовъ о васъ, къ тому же и самой вѣрнѣйшей характеристикой, а мы можемъ, пожалуй, нѣсколько перефразировать, или какъ нибудь измѣнить смыслъ вашихъ словъ и получится уже совсѣмъ не то. Какъ вы находите, Влад. Конст., — обращается онъ къ полковнику, — по моему гораздо лучше было бы,

если бы онъ свои взгляды на работу изложилъ письменно?

— Я тоже нахожу, что это было бы самое лучшее. Чѣмъ намъ здѣсь тратить время по-пустому, мы лучше поговоримъ теперь такъ о чемъ нибудь, а вы тамъ въ тюрьмѣ изложите письменно все, что касается вашихъ взглядовъ на характеръ совмѣстной съ нами работы, а теперь мы могли бы перейти ко мнѣ на верхъ, тамъ расположиться можно уютнѣе...

. . . .

Я сижу и хохочу. Смотрю на нихъ, не двигаясь съ мѣста.

— Вы чего?

— Жду продолженія вашей игры...

— Игры?!... удивился полковникъ.

— Полковникъ, полковникъ, вѣдь, вы обѣщались бросить это, не дурачить себя, потому что меня то вы не одурачите. Говорили бы прямо, что намъ, молъ, нужна документальная гарантія въ томъ, что вы, — т. е. я, — не надуваю васъ, что все, что я говорю — не фразы только, а дѣйствительно серьезныя мои убѣжденія...

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ вы опять насъ въ чемъ то подозрѣваете, бросьте свои подозрѣнія. Никакихъ намъ реальныхъ гарантій не нужно отъ васъ. Вы свою запись всегда можете потребовать обратно, мы не задерживаемъ ее силой.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, меня, ей-Богу, начинаетъ раздражать ваше убѣжденіе въ моей не то наивности, не то глупости. Смѣшно говорить мнѣ и выслушивать вамъ то, что я сейчасъ скажу. Допустимъ, я написалъ такую программу или взгляды на совмѣстную съ охран. отдѣленіемъ работу и вотъ сейчасъ отдалъ вамъ, а потомъ поднялся на верхъ въ вашу квартиру, покутилъ тамъ, а къ утру отправился бы въ тюрьму. И что же? Вы же бы, хохоча надо мной, называли бы меня дуракомъ, идіотомъ, и я увѣренъ, что отъ желанія со мной работать, отказались. Къ чему вамъ такіе болваны. Они если и возьмутся за такую работу, такъ съ первыхъ же шаговъ провалятъ и васъ и себя. Дай я вамъ такой документъ теперь, я, на вашемъ мѣстѣ, послалъ бы меня ко всѣмъ чертямъ и дѣло съ концомъ, или нѣтъ, велѣлъ бы выпороть сначала, а потомъ бы послалъ къ черту.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, что вы...

— Нѣтъ, вы не перебивайте и не скрывайте своихъ намѣреній, если вы ужъ такъ плохо замаскировали ихъ. Допустимъ, что вотъ сейчасъ уже у васъ имѣется такой документъ отъ меня. Какъ бы вы стали со мной разговаривать?!...

Оба смущенно переглядываются.

— То-то же и есть. Пожалуй, къ верху то и не позвали бы, а...

— Слушайте, — говоритъ начальн. охран. отдѣлен., — нельзя же ужъ такъ объяснять наши намѣренія. Помилуйте, за кого

же вы насъ принимаете? Ну, скажите прямо, подлецы что-ли мы, чтобы такъ поступать, какъ вы заподозрили?...

— Я не говорю, что — подлецы, но прошу васъ бросить эти заигрыванія, если вы, дѣйствительно, серьезно хотите меня имѣть въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Повторяю, что если я еще разъ замѣчу неискренность и двойственность или подходецъ подъ меня съ вашей стороны, такъ я безъ всякихъ объясненій плюну и уйду отъ васъ и ужъ ни разу въ жизни не рѣшусь разговаривать по-человѣчески съ жандармами и охранниками.

— Браво, браво, браво! — срываясь съ мѣста, хватая меня за руку и крѣпко пожимая ее, говоритъ начальн. охран. отдѣлен. Мартыновъ. Теперь мнѣ больше не нужно отъ васъ ничего, никакихъ гарантій, ни подробныхъ разсказовъ о себѣ и о томъ, какъ вы пришли къ рѣшенію работать совмѣстно съ съ нами. Я теперь убѣжденъ, что вы серьезно хотите работать, а не такъ, какъ другіе, которые легко бросаются на всякое удовольствіе и стараются только извлечь пользу изъ насъ, а потомъ катай за-границу и забываютъ о насъ.

— А оставленный документъ?

— Документъ! Да вы что? Неужели мы его можемъ предъявлять куда-нибудь? Ни за что! Иначе развѣ стали бы относиться къ намъ съ довѣріемъ другіе. Вотъ, напримѣръ, вы?

— Я? Я не знаю, а про себя скажу вамъ слѣдующее: никакихъ документовъ вы отъ меня не получите, ни теперь, ни послѣ, — ни въ видѣ писемъ, ни въ видѣ денежныхъ расписокъ. Вы хотите имѣть документъ, который давалъ бы вамъ надо мной право, т. к. угрожая опубликованіемъ такого документа, вы можете меня *заставить* работать у себя. А этого *я не хочу*. Я хочу работать *свободно*, безъ всякихъ принужденій и угрозъ. Буду работать такъ, какъ захочу, и столько, сколько захочу. Проработаю годъ — ладно, проработаю — два, пять лѣтъ — прекрасно. Захочу отдохнуть, уйти и отъ партійныхъ дѣлъ и отъ васъ, — уйду. Или, быть можетъ, захочется уйти только отъ васъ, — тоже, не стѣсняясь и ничего не боясь, уйду. Я это вамъ говорю прямо и совершенно откровенно. Прямо же говорю и то, что я вступаю съ вами въ соглашеніе совершенно свободно и работать хочу съ вами тоже свободно, безъ всякаго давленія. Теперь скажите мнѣ: принимается это мое условіе?

— Разумѣется, можно и безъ всякихъ документовъ обойтись, особенно сейчасъ, но впослѣдствіи то придется же, напримѣръ, письма къ намъ писать. Иначе, какъ же будете сообщенія дѣлать? Положимъ, что и это возможно устранить. Я, напримѣръ, могу періодически пріѣзжать видѣться съ вами или другой кто.

— Нѣтъ, не хорошо и то, если меня многіе изъ вашихъ бу-

дутъ знать, могутъ провалить скоро, я больше чѣмъ съ однимъ человѣкомъ дѣлъ имѣть не буду. А письма? письма очень опасная вещь. Чертъ ихъ знаетъ, кому они могутъ попасть въ руки. А вотъ у васъ, вѣдь, и Лопухины и Бакаи и т. п. личности есть, такъ что скомпрометировать меня могутъ легко. А, вѣдь, я вамъ только тогда и цѣненъ, пока мое положеніе въ партіи прочно. На кой чортъ я вамъ буду нуженъ, если мои сношенія съ вами будутъ замѣчены? Провалъ въ партіи влечетъ за собой конецъ моего сотрудничества у васъ. Куда же мнѣ тогда дѣваться? Нѣтъ, вы если хотите умно дѣйствовать, такъ всѣми силами должны охранять меня отъ всего того, что можетъ повести за собой мой провалъ въ партіи. Чѣмъ меньше у васъ моихъ документовъ о моемъ сотрудничествѣ, тѣмъ на большее время вы обезпечиваете себя моимъ сотрудничествомъ. Не правда-ли?

— Конечно, правда, но вотъ теперь-то нужно намъ что нибудь имѣть, чтобы что нибудь представить о васъ въ Петербургское охран. отд. Вѣдь оно потребуетъ это отъ насъ, а иначе, — я увѣренъ, — оно не захочетъ и вступать съ вами въ переговоры, — говоритъ полковникъ.

— Вотъ что, Вл. Конст., — говоритъ Мартыновъ полковнику, — быть можетъ переговоры съ Петерб. охр. отдѣленіемъ вести и не нужно будетъ. Быть можетъ, вы, — обращается ужъ онъ ко мнѣ, — еще и согласитесь работать у насъ, въ Поволжьи. Я совершенно съ вами согласенъ, что вы въ дѣлахъ боевыхъ всего скорѣе могли бы выдвинуться въ партіи и оказывать цѣнныя услуги намъ именно въ Петербургской боевой организаціи партіи, но, чтобы занять тамъ возможно скорѣе подобающее положеніе, вамъ именно необходимо сначала себя зарекомендовать у насъ, здѣсь въ Поволжьи. Здѣсь вы пріобрѣтете нужную репутацію и даже славу безъ всякаго риска для себя, мы васъ съумѣемъ охранить отъ всякаго рода случайностей, а роль выполнителя вы и сами не возьмете, у васъ будутъ въ вашемъ распоряженіи другіе. И вотъ тогда-то вамъ и можно будетъ безъ всякихъ усилій занять роль руководителя въ Петербург. боевой организаціи... Повторяю, что въ вашихъ же интересахъ вамъ выгоднѣе поработать сначала у насъ.

— Я тоже такъ думаю, — говоритъ полковникъ, — здѣсь вы сами заставляете другихъ работать, а тамъ наоборотъ — будутъ заставлять васъ, особенно сначала. А чертоломить-то вамъ, поди, и надоѣло и безъ этого. Мы уже до нѣкоторой степени знаемъ другъ друга, говорить можемъ по-просту, не нужно ни съ кѣмъ инымъ знакомиться изъ нашихъ. А что касается вашего освобожденія, такъ это устроить для насъ ничего не стоитъ. Вышлемъ васъ куда нибудь административно, уѣхать откуда вы сумѣете. Вотъ и все.

— Это все такъ, и я, пожалуй, долженъ признать, что, дѣй-

ствительно, лучше будетъ, если я вначалѣ поработаю въ Поволжьи, а не сразу въ центральную боевую организацію войду. Да, вы правы. Мнѣ нужно сначала зарекомендовать себя здѣсь. Кстати и условія-то работы достаточно знакомы мнѣ. Я, вѣдь, кое что уже здѣсь приготовилъ.

— Какъ, что? — говоритъ Мартыновъ.

— Что именно вы приготовили? — спрашиваетъ полковникъ.

— Вѣдь, я уже и сюда-то изъ за-границы ѣхалъ, собственно говоря, не соц.-революц., а вѣрнѣе — авантюристомъ.

— Это страшно интересно!

— Поясните намъ... — почти въ одинъ голосъ говорятъ они.

— Что же тутъ пояснять? Я уже и изъ за-границы пріѣхалъ съ опредѣленной цѣлью, а именно — нажиться. Устроить солидную экспропріацію, прикарманить тысячъ 50, а потомъ уѣхать въ Америку и жить тамъ припѣваючи.

— Ха, ха, ха!

— Хе, хе, хе! Ловко, это ловко! Вторымъ Бѣленцовымъ хотѣли быть! Хе, хе, хе!

— Да такъ же, какъ и онъ, влопаться съ деньгами... — замѣчаетъ полковникъ.

— Нѣтъ! — говорю я, — я бы такой глупости не сдѣлалъ. Деньги взять не хитро, но нужно сумѣть умно скрыть и умѣло ими пользоваться. А Бѣленцовъ что? Дуракъ, форменный дуракъ! Нѣтъ, ужъ извините, если я возьму деньги, такъ использовать то ихъ сумѣю, не безпокойтесь! Комаръ носу не подточитъ!

— И на старуху бываетъ проруха! — промовилъ Мартыновъ.

— Вотъ въ томъ то и штука, что я — не старуха.

— Ха, ха, ха, ха!

— Хе, хе, хе!.. — Въ чемъ же заключались ваши приготовленія?

— Ну, это долго разсказывать.

— И люди уже приготовлены были?

— Да, да...

— Тамъ, пожалуй, они могутъ привести это намѣреніе въ исполненіе и безъ васъ, въ вашемъ отсутствіи?

— Пожалуй и могутъ. Но это не скоро, не безпокойтесь! Захотите, такъ получите предупрежденіе объ этомъ во время.

— Нѣтъ, слушайте, нельзя ли, не можете ли вы сообщить это сейчасъ? Это же намъ страшная непріятность! Вы скажите намъ сейчасъ, — заерзавъ на стулѣ, проситъ Мартыновъ. А полковникъ добавляетъ:

— Мы можемъ и не арестовать указанныхъ вами лицъ сейчасъ, а просто вы намъ дадите только указанія, чтобы мы могли своими силами прослѣдить и предупредить эту экспропріацію, все равно она уже, вѣдь, не интересна вамъ теперь, а намъ-то это большая непріятность. Къ тому же вы, такъ давно не будучи на волѣ, не можете съ увѣренностью говорить, что она совершится не скоро?

— Нѣтъ, я имѣю сношенія съ волей и знаю положительно о каждомъ шагѣ оставшихся на волѣ моихъ товарищей.

— Ну, будто-бы... — сомнѣвается полковникъ.

— Какъ же вы сообщаетесь съ волей? — спрашиваетъ одновременно Мартыновъ.

— Очень просто. Будто вы ужъ и не знаете, что, не смотря на дьявольскій режимъ въ здѣшней тюрьмѣ, мы всетаки умудряемся такъ или иначе сноситься съ волей. Для того существуетъ масса способовъ, и чѣмъ режимъ суровѣе, тѣмъ способъ сношенія съ волей хитрѣе и строже замаскированъ.

— Но, вѣдь, вы свиданіями ни съ кѣмъ не пользуетесь, слѣдовательно, вамъ передаютъ черезъ другихъ на словахъ...

— Нѣтъ, такія вещи развѣ можно разглашать среди многихъ и даже не посвященныхъ въ это дѣло. Нѣтъ, у меня имѣются письма.

— Даже!

— Вотъ какъ! — восклицаютъ они одновременно.

— Ну, объ этомъ послѣ. Такъ вотъ я вамъ говорю, что и изъ за-границы я пріѣхалъ сюда уже не кѣмъ либо инымъ, а авантюристомъ, и, если бы могъ разсчитывать на ваше добросовѣстное ко мнѣ отношеніе, такъ мы разговаривали бы вотъ такъ, какъ сейчась, много раньше бы, даже съ первыхъ же дней моего пріѣзда сюда.

— Напрасно, очень напрасно такъ не сдѣлали вы! — говоритъ полковникъ. А Мартыновъ горячо подхватываетъ эту фразу полковника и говоритъ:

— Даже очень напрасно! И откуда, съ чего, на какомъ основаніи у васъ недовѣріе къ намъ? Неужели вы не понимаете, что партійные сотрудники намъ цѣнны, безъ нихъ, вѣдь, какъ говорится, хоть лавочку прикрывай, безъ нихъ мы безсильны...

— Однако, — вставляю торопливо я, — почты, телеграфы, телефоны, армія тайной и явной полиціи, деньги... и т. д.

— Да что-жъ изъ этого? Телеграфы, полиція, деньги — хе, хе, хе, хе,—да вотъ, однако, не смотря на все это... — разводя руками и дѣлая головой жестъ, давая понять безнадежность положенія, говоритъ Мартыновъ.

— Эхъ, чортъ возьми, да будь такая организованная сила у партіи!

— Э-э-э, батенька мой! — перебивая меня, говоритъ Мартыновъ, — если бы у партіи..., вотъ въ томъ то и штука, что для насъ и эта организованная сила — не сила..., а деньги? Деньги есть и у партіи. Для насъ цѣннѣе всего не эта организованная сила, не деньги, а указанія партійныхъ сотрудниковъ нашихъ. Вы это прекрасно понимаете, и меня удивляетъ, какъ вы могли колебаться сколько нибудь, если намѣрены были сотрудничать у насъ! Этого я не понимаю.

— Однако мои предположенія не совсѣмъ напрасны были?

— Оставьте, хотя теперь то ужъ оставьте, ради Бога, говорить объ этомъ. Неужели вы еще не убѣдились, неужели и теперь еще не вѣрите намъ? — говоритъ полковникъ.

Мартыновъ снова горячо начинаетъ:

— И какъ вы могли предположить, что мы васъ достаточно не оцѣнимъ? Видный партійный дѣятель, а главное, боевикъ, и не рядовой какой нибудь, а представитель цѣлой боевой организаціи — предлагаетъ намъ свои услуги, а мы его, по вашему, сцапали и засадили въ тюрьму?! Да, что толку то намъ, что вы уйдете въ каторгу или будете повѣшены? Пользы намъ отъ этого ни на грошъ. Если бы вы согласились даже не на полное сотрудничество, а на періодическое, такъ и тогда бы мы встрѣтили васъ съ распростертыми объятіями.

— Этого что-то я не вижу.

— Да, вѣдь, вы вотъ не сразу къ намъ пришли, а наоборотъ, мы зовемъ, зовемъ, тянемъ, тянемъ васъ, а вы все упираетесь. Повѣрьте, что такой человѣкъ, какъ вы, намъ очень цѣненъ. Указанія намъ изъ боевой дѣятельности партіи важнѣе всего. Мы цѣнимъ одно указаніе изъ области боевыхъ дѣлъ важнѣе цѣлаго ряда другихъ указаній изъ области пропаганды и агитаціи. Одно указаніе боевика намъ важнѣе цѣлаго года службы другого сотрудника изъ сферы агитаціонной работы партіи. Такъ что вы то во всякомъ случаѣ можете вполнѣ разсчитывать на то, что вы то у насъ будете оцѣнены гораздо лучше, чѣмъ въ партіи. Хотя это мнѣ, собственно говоря, и не слѣдовало вамъ говорить, чтобы вы не были весьма требовательны къ намъ съ перваго же момента сотрудничества у насъ, но я разсчитываю на ваше благоразуміе и не думаю, чтобы вы стали злоупотреблять своимъ выгоднымъ положеніемъ, а наоборотъ — будете умѣрены, такъ какъ понимаете и сами, что мы васъ можемъ отблагодарить впослѣдствіи гораздо щедрѣе, чѣмъ это можемъ сдѣлать вначалѣ. Ну-съ, такъ вотъ, давайте договоримся окончательно до чего нибудь опредѣленнаго. Я вамъ снова говорю, что и мнѣ и Вл. Конст. очень было бы желательно, чтобы вы согласились работать именно въ Поволжьи съ нами вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, первое время, ну, а тамъ сами увидите.

— Хорошо! я согласенъ остаться въ Поволжьи, но вѣдь здѣсь мнѣ волей-неволей придется работать не только въ сферѣ боевой, но взять на себя и общеорганизаціонную работу, а этого мнѣ бы не хотѣлось.

— Не хочется, такъ и не берите, а заставляйте работать другихъ, есть, вѣдь, еще у васъ кое кто здѣсь.

— Конечно, есть, но недостаточно, такъ какъ потребность въ организаторахъ большая, дѣло требуетъ ихъ и требуетъ вездѣ, а людей у насъ не хватаетъ.

— Ну, это я думаю, — говоритъ полковникъ, — это мы можемъ обсудить и послѣ, а теперь, какъ сказать, общіе раз-

говоры нужно довести до чего либо опредѣленнаго. Если разъ вы соглашаетесь съ нами работать, такъ должны вѣрить намъ во всемъ, безъ довѣрія къ намъ работать у насъ невозможно. Вы вотъ теперь же объясните намъ все о положеніи дѣлъ въ Поволжьи, мы это запишемъ, а вы подпишитесь, или сами все запишите и этимъ дѣлу будетъ положено начало. Безъ такого рода съ вашей стороны авансовъ мы освободить васъ не можемъ. Это вы сами понимаете, и все равно, рано или поздно, а придется же это сдѣлать, такъ чѣмъ время тянуть, такъ я вамъ вотъ это сейчасъ и говорю. Я дѣйствую прямо. Мы съ вами не маленькіе, и разводить разговоры намъ не пристало. Теперь вамъ ясно, что вы намъ нужны, что ваши услуги намъ очень важны и мы это цѣнимъ въ васъ, и что поэтому вы можете разсчитывать на гораздо большее по сравненію съ другими, что поладивъ съ вами окончательно въ смыслѣ принципіальнаго вашего согласія сотрудничать у насъ, мы васъ освобождаемъ изъ тюрьмы, ну, а относительно денежнаго вознагражденія, надѣюсь, столкуемся. Вотъ дайте намъ письменное согласіе на это и дѣло съ концомъ, черезъ нѣсколько же дней вы будете высланы административно куда нибудь, а дѣло о васъ я постараюсь замять.

— Гм!..

— Эта подписка намъ нужна обязательно, безъ нея мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ принять на себя погашеніе вашего дѣла и освобожденіе васъ при попощи высылки. Если вы послѣ побѣга изъ ссылки, допустимъ, захотѣли бы отказаться отъ сотрудничества у насъ, такъ мы бы все равно не дали бы работать вамъ въ партіи. Если же вы выйдете изъ партіи, то тогда, конечно, и подписка ваша не при чемъ. Я ее тогда могу вамъ возвратить обратно, ибо она и намъ не нужна. Давши подписку, вы должны или работать у насъ и въ партіи, конечно, или же, если захотите уйти отъ насъ, такъ должны будете уйти и изъ партіи. Мы ужъ больше работать тамъ не дадимъ однимъ безъ насъ. А посудите сами, что за дураки бы мы были, если бы освобждали только на слово! Вѣдь, и съ насъ тоже требуютъ отчетовъ и объясненій.

— Ну, такъ вотъ слушайте: я принимаю ваше предложеніе работать совмѣстно съ вами въ Поволжьи, но повторяю, что дешево себя я не продамъ, я цѣну себѣ знаю, освобожденіе меня при помощи высылки я не считаю, что будто-бы вы этимъ что нибудь дѣлаете только для меня, ибо освобожденіе мое нужно вамъ настолько же, насколько и мнѣ, а вотъ я хотѣлъ бы знать каково матеріальное вознагражденіе было-бы мнѣ съ самаго начала? Это я долженъ узнать теперь-же, т. к. вы понимаете, что матеріальный расчетъ долженъ быть прежде всего. Я молодъ и не жилъ еще, а теперь хочу пожить, что называется, во всю.

— Такъ, такъ, а сколько же мы, Вл. Конст., можемъ предло-

жить ему въ мѣсяцъ? — спрашиваетъ Мартыновъ полковника.

— Думаю, что ему-то мы можемъ предложить наибольше, что для насъ возможно. Получивъ утвердительный кивокъ головы полковника, Мартыновъ продолжаетъ: „рублей 300 въ мѣсяцъ мы можемъ предложить вамъ“.

— 300? Только-то?! — А самъ, въ дѣйствительности, былъ пораженъ, что они такъ много мнѣ могутъ обѣщать. Если такъ много обѣщаютъ, такъ это значитъ одно изъ двухъ: или они мнѣ только обѣщаютъ столько, а потомъ надуютъ и сбавятъ, или же значитъ я имъ на самомъ дѣлѣ представляю очень нужный источникъ для полученія свѣдѣній. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мнѣ не нужно показывать вида, что я такую сумму нахожу солидной. Нужно, думаю себѣ, убѣдиться, если я имъ *очень* нуженъ, такъ нельзя ли отъ нихъ сразу-же вытянуть что либо больше, чѣмъ то, что они сами даютъ. Рѣшимъ, что называется, раскусить ихъ и узнать, чѣмъ собственно вызвано такое солидное обѣщаніе, а потому продолжаю: „300 руб., да вы что, господа, неужели 300 руб. считаете крупной суммой?“

— Послушайте, сумма эта сама по себѣ не маленькая, да и вы, вѣдь, жить-то, собственно говоря, будете на партійный счетъ, такъ что эти деньги вы будете откладывать про запасъ, за годъ это вѣдь составитъ 3600 рублей, а это, вѣдь, не маленькія денежки. Да и при томъ, это только вначалѣ, а потомъ вы будете получать больше, и, кромѣ того, будутъ еще наградные. Такъ что года черезъ 3—4 у васъ составится цѣлое состояніе.

— Да вы что думаете? что я эти 3—4 года намѣренъ жить аскетомъ, что-ли, чортъ возьми! Я, вѣдь, и къ вамъ то поступаю ради того, чтобы имѣть возможность пожить въ свое удовольствіе, а этихъ несчастныхъ 300 руб. развѣ достаточно будетъ для меня!

— Вотъ вы, что называется, и пролетѣли бы по вѣтру. Развѣ вамъ удобно будетъ на глазахъ у товарищей шиковать? они васъ, во-первыхъ, любить не будутъ, во-вторыхъ, заподозрятъ — откуда дескать у него деньги берутся на такіе расходы, вотъ вамъ и капутъ.

— На глазахъ у товарищей я, конечно, не сталъ бы шиковать, можно кутить и такъ, что никто изъ товарищей не увидитъ и не узнаетъ. Развѣ я до сихъ-то поръ не устраивалъ кутежи, а, однако, объ нихъ никто ничего не знаетъ.

— Конечно, можно кутить и такъ, что не узнаютъ объ этомъ тѣ, кто не долженъ этого знать, — говоритъ Мартыновъ; — такъ не каждый же день будете устраивать ихъ, а періодически. Даже не каждый мѣсяцъ, такъ что 300 р., во всякомъ случаѣ, вамъ должно хватить. Да вѣдь, повторяю, это только вначалѣ 300 р., а потомъ, если вы оправдаете наши надежды на васъ, такъ безусловно эта сумма будетъ увеличена. А надежды на васъ у насъ большія. Боевое дѣло партіи насъ

интересуетъ больше всего и прежде всего.

А полковникъ добавляетъ:

— А освобожденіе ваше изъ тюрьмы вы ставите ни во что? Это ,вѣдь, тоже не шутка! Намъ многое, очень многое нужно будетъ сдѣлать, прежде чѣмъ васъ послать въ ссылку. Вы ,вѣдь, арестованы не одинъ, вотъ въ чемъ бѣда! Вы того и не подумаете, что если-бы мы васъ выслали одного, а другихъ бы продолжали держать въ заключеніи, такъ развѣ это никому бы не показалось подозрительнымѣ?. Сразу же бы заподозрили, что тутъ что-то не спроста! Вы, вѣдь, арестованы вмѣстѣ съ Бартольдомъ, а о немъ изъ Казанскаго жандармскаго управленія вонъ какія вещи сообщаютъ..... Въ письмахъ, отобранныхъ у его жены, противъ него имѣется солидный матеріалъ, который подтвержденъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, между прочимъ и той особой, которая писала эти письма. Такъ что, если бы даже матеріалъ, поступившій изъ Казанск. жанд. управленія, и можно бы было на время скрыть (и то замѣтьте — на время, а совершенно его уничтожить или навсегда о немъ замолчать мы не можемъ, нельзя намъ), такъ вотъ если бы этотъ матеріалъ еще и можно бы съ великимъ трудомъ на время скрыть, такъ письма-то эти куда мы дѣнемъ? Вѣдь, они уже извѣстны и прокуратурѣ. Такъ что видите сами, что Бартольдъ засѣлъ крѣпко. У него чертъ знаетъ теперь, какъ можетъ оформиться дѣло, да не одно дѣло, а цѣлый рядъ дѣлъ: и экспропріаціи, и террористическіе акты, и типографіи и чертъ знаетъ, что такое..... Это такая каша, такая каша, что онъ самъ запутается въ ней. Такъ что, видите, каково онъ не только скомпрометированъ, а какъ крѣпко запутанъ. А вы арестованы вмѣстѣ съ нимъ, такъ что теперь, до суда, положеніе ваше должно считаться одинаковымъ, даже и въ томъ случаѣ, если мы весь о васъ матеріалъ, поступившій изъ Севастопольскаго жандар. управленія*), и попридержали бы у себя. Выходитъ, что высылать однихъ васъ нельзя, чтобы не скомпрометировать васъ и не навлечь на васъ подозрѣнія среди товарищей. Это, вѣдь, и намъ не выгодно. Вы для насъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ ваше положеніе въ партіи будетъ прочнѣе. Вы это сами понимаете. Приходится, слѣдовательно, высылать и Бартольда.

Мартыновъ вставляетъ: — „Онъ вѣдь былъ уже неоднократно высылаемъ и въ послѣдній разъ бѣжалъ изъ Нарымскаго края, такъ его мы туда и пошлемъ обратно, а матеріалы то, я думаю, можно будетъ временно скрыть, это, я думаю, можно? Какъ по вашему, Вл. Конст.? Вы съ прокуратурой, я думаю, съумѣете сладить. А въ виду того, что Бартольдъ бѣжалъ изъ ссылки, такъ его тамъ должны будутъ предварительно выдержать въ тюрьмѣ 3 мѣс., прежде чѣмъ отправить на мѣсто

*) Т. е. матеріалъ, касавшійся, въ дѣйствительности, не Петрова, а офицера Андрея Ясненко, за котораго саратовскіе жандармы принимали тогда Петрова. — Ред.

ссылки. А за это время вы, — обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ Мыртыновъ, — успѣете уже уйти изъ ссылки и устроиться здѣсь, въ Поволжьи. Бартольда-же мы вновь тогда можемъ вернуть, не давъ ему возможности выйти изъ тамошней тюрьмы. Мы сдѣлаемъ требованіе о доставленіи его сюда подъ тѣмъ предлогомъ, что матеріалъ, имѣющійся противъ него, будто бы только-что получился. Точно такъ же можемъ вновь арестовать и другихъ лицъ, которыхъ придется только временно или тоже выслать или освободить подъ залогъ, т. к. высылая Бартольда, этимъ самымъ мы на время какъ бы прекращаемъ все дѣло, какъ бы уничтожаемъ его."

— А Миноръ? — спрашиваю я.

— Э-э! Это особь статья. Онъ останется и одинъ. Это ничего. Его дѣло можно обособить, выдѣлить, — говоритъ полковникъ; — а вотъ съ Перковскимъ не знаю, какъ и поступить. Его ни выпускать, ни высылать нельзя, т. к. онъ связанъ уже судебнымъ дѣломъ по Асхабадской орг-ціи. Выслать туда его, что-ли?

— Конечно, конечно, — говоритъ Мартыновъ: — Перковскаго можно отправить туда, дѣло Минора выдѣлить и обособить пока отъ другихъ, а всѣхъ остальныхъ освободить на время подъ разными видами, а нѣкоторыхъ выслать, а потомъ можемъ нѣкоторыхъ, вѣдь, и съ дороги воротить, такъ что опасаться, что они ускользнутъ отъ насъ, нечего. А вы постарайтесь, конечно, какъ можно скорѣе удрать оттуда. Здѣсь-то мы васъ съумѣемъ охранить.

А полковникъ добавляетъ:

— А вы говорите, что освобожденіе ваше вы не считаете авансомъ нашимъ, даннымъ вамъ. Нѣтъ, батенька мой, тутъ намъ потѣть и потѣть придется, чтобы вызволить васъ чистымъ отъ всякихъ подозрѣній. — Видите, какъ мы заботливо оберегаемъ васъ отъ непріятностей. И впредь мы очень зорко будемъ слѣдить, чтобы на васъ не пала-бы какая либо тѣнь подозрѣній. Вы думаете, что, получая отъ васъ сообщенія о лицахъ, мы прямо вотъ такъ и будемъ ихъ ловить и сажать въ тюрьмы. Нѣтъ, тутъ очень сложная процедура. Нужно будетъ ихъ такъ обставить, чтобы указанныя вами лица сдѣлали очевидную для всѣхъ глупость, нетактичность и тогда только ихъ арестовать, чтобы для всѣхъ была очевидна причина ареста. Такъ что вы не опасайтись дѣлать намъ указанія; мы ни одного изъ нихъ не используемъ и не имѣемъ права использовать, не посовѣтовавшись съ вами. Вотъ, видите, и теперь, чтобы выпустить васъ отсюда чистымъ, безъ тѣни подозрѣній, намъ приходится временно освобождать цѣлый рядъ лицъ.

Вотъ, думаю себѣ, нельзя-ли, такимъ образомъ, сдѣлать такъ, чтобы освобожденіе товарищей было не временное, или если и временное, но чтобы такое, при которомъ бы они имѣли возможность скрыться. А то что же изъ того толку, что ихъ свозятъ куда нибудь, да привезутъ обратно. Только время зря

протянуть и зря проморять дольше въ тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ, нужно теперь же извлекать отъ жандармеріи и охранки всю возможную и наибольшую пользу для насъ, для партіи. Ясно, что если Бартольда освободятъ, то должны освободить и всѣхъ другихъ. Но этого мало. Если они такую подтасовку дѣлаютъ ради освобожденія Бориса Бартольда, такъ нельзя ли ихъ заставить продѣлать то-же самое по отношенію и къ Минору. Во всякомъ случаѣ, нужно попытать, а потому начинаю говорить такъ:

— Конечно, я сознаю и вижу, что моя высылка должна быть обставлена серьезно, иначе вся наша затѣя не удастся. Вы сами говорите, что чѣмъ солиднѣе мое положеніе въ партіи, тѣмъ это и для васъ лучше, что для созданія моей партійной карьеры вы въ нужныхъ случаяхъ можете освобождать, выпускать изъ тюремъ тѣхъ лицъ, кои могутъ содѣйствовать моему упроченію въ партіи. Это совершенно вѣрно. Я вамъ говорилъ и говорю, что я очень самолюбивъ, и быть какой либо мелкой сошкой мнѣ совсѣмъ не хочется; а чтобы быстро подняться, такъ мнѣ нужна поддержка моихъ нѣкоторыхъ товарищей, которые мнѣ безгранично вѣрятъ, которые уважаютъ, даже до извѣстной степени любятъ меня и, кромѣ того, сами имѣя прочное положеніе въ партіи, прочищаютъ дорогу и для меня; они своими отзывами обо мнѣ рекламируютъ меня, дѣлаютъ меня популярнымъ среди товарищей и упрочиваютъ въ партіи за мной опредѣленное мнѣніе. И въ этомъ отношеніи незамѣнимыми людьми были бы Миноръ и Бартольдъ...

— Да вы ужъ не хотите-ли и того, чтобы мы и Минора освободили?! — удивленно въ одинъ голосъ спрашиваютъ они меня.

— Вотъ именно, что-жъ тутъ удивительнаго?

— Ну, нѣтъ, нѣтъ, все что хотите, а Минора — ни, ни; выпустить нельзя, — говоритъ полковникъ.

— Минора? Минора?! Что вы, Филатовъ, въ своемъ ли вы умѣ, что вы? Минора! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

— А вы выслушайте меня, да тогда и возмущайтесь. Чего-жъ тутъ удивительнаго? Чего вы такъ испугались?

— Какъ чего?!

— Какъ чего?!

— Да, конечно, ничего тутъ удивительнаго нѣтъ и не будетъ; развѣ Чайковскій не освобожденъ?

— А то Чайковскій, а это Миноръ!

— Не все ли равно?

— Конечно, не все равно, — говоритъ полковникъ.

— Да, вѣдь, за Чайковскаго не много не мало, а 20 тысячъ внесено, — добавилъ Мартыновъ.

А полковникъ продолжаетъ:

— Да, вѣдь, и освобожденъ то не нами, а Петербургомъ,

такъ у нихъ свои соображенія и власти больше. Да и тамъ такая махинація была пущена въ ходъ, что чортъ знаетъ, — тутъ было и давленіе англичанами на нашего министра финансовъ и просьбы ихнія предъ премьеромъ и все прочее. Нѣтъ, это было нѣчто необычное, и намъ продѣлать такой вещи не удастся, да и въ Питерѣ теперь вторично ничего подобнаго не согласятся продѣлать. Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ вы оставьте!

— Ничего не оставьте, а вы выслушайте и тогда увидите, что все это можно уладить самымъ прекраснымъ образомъ.

— Ну, ладно, послушаемъ, что вы намъ скажете.

— А вотъ и послушайте. Если вамъ нуженъ серьезный провокаторъ, серьезный сотрудникъ, — поправляюсь я, — такъ вы не должны останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы имѣть дѣйствительно виднаго сотрудника. Вы только вообразите, каково тутъ можно обставить дѣло, какія дѣла будетъ можно раздѣлывать. Вы только не стѣсняйте меня ни въ чемъ, дайте мнѣ развернуться во всю. Вѣдь, и ваша карьера почти всецѣло зависитъ отъ солидности партійныхъ сотрудниковъ, находящихся на службѣ именно у васъ, а не въ другомъ охранномъ. Тутъ у насъ, собственно говоря, обоюдная услуга: — вы выдвигаете меня въ партіи и этимъ самымъ выдвигаетесь сами,— выходитъ, что и я тоже выдвигаю васъ, составляю вамъ карьеру. Не правда ли?

— Такъ-то оно почти такъ.

— Конечно, конечно, хе, хе, хе, хе,!

— Ну, такъ вотъ, — зачѣмъ вы не хотите собственной же пользы, себѣ добра. Сколько я ни популяренъ среди товарищей, но въ Поволжьѣ я все-жъ таки не достаточно еще популяренъ, и Бартольдъ въ этомъ отношеніи просто незамѣнимъ. Онъ мнѣ поможетъ не только въ томъ, что я буду делегированъ на съѣздъ отъ Поволжья, но онъ вообще будетъ посвящать абсолютно во всѣ дѣла, о которыхъ только онъ самъ знаетъ, такъ что освѣдомленность у меня будетъ огромная. Такъ что Бартольда придется освободить не временно, а дать ему возможность скрыться и жить на нелегальномъ положеніи. Лучше было бы его не посылать въ ссылку, а просто теперь-же освободить подъ залогъ. Это сдѣлать прямо необходимо. Необходимо въ прямыхъ нашихъ съ вами интересахъ.

— Какъ же такъ — подъ залогъ?!—возмущенно удивляется полковникъ; —человѣкъ трижды бѣжалъ изъ ссылки, попался вновь и вдругъ мы его подъ залогъ выпускаемъ! Да что вы это? Вѣдь это же невозможная, немыслимая вещь!

А Мартыновъ добавляетъ:

— Мы если и говорили объ освобожденіи для нашихъ цѣлей, такъ, во всякомъ случаѣ, говорили не о такихъ лицахъ, какъ Бартольдъ.

— Послушайте господа, что-жъ въ этомъ удивительнаго?

Ничего удивительнаго нѣтъ и не будетъ если и Минора освободите подъ залогъ...

— Минора?

— Опять Минора?!

— Да, и Минора, потому что Миноръ мнѣ необходимъ для поддержанія меня тамъ вверху, въ центральномъ комитетѣ. Вѣдь, теперь пойдетъ перестройка, перетасовка тамъ у насъ въ верхахъ-то, и этимъ нужно намъ воспользоваться. Развѣ можно упускать такой случай?! Нужно умѣть пользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ. Теперь дѣломъ Азефа Ц. К. скомпрометированъ непоправимо, такъ почему не употребить всѣ усилія на то, чтобы новый Ц. К. состоялъ изъ друзей и пріятелей вашихъ сотрудниковъ? Вѣдь, это все равно, что сами ваши сотрудники засѣдаютъ тамъ въ Ц. К. Будь Миноръ или Бартольдъ въ Ц. К., такъ я бы былъ освѣдомленъ чрезъ нихъ абсолютно обо всѣхъ дѣлахъ, планахъ и начинаніяхъ во всѣхъ подробностяхъ и деталяхъ. А потомъ, при помощи ихъ, чрезъ нѣкоторое время и самъ бы былъ кооптированъ въ Ц. К. Вотъ вамъ и снова Азефъ. А это развѣ вамъ не важно? Да за это вамъ правительство будетъ такъ благодарно, такъ благодарно, что вы всегда съ благодарностью будете вспоминать меня за то, что я надоумилъ васъ на это.

— Гм!...

— Да, это все заманчиво вы рисуете.

— Эхъ, да только вы не мѣшайте мнѣ, такъ я надѣлаю дѣловъ. Ужъ если я раздѣлывалъ дѣла будучи революціонеромъ, когда приходилось работать, чортъ знаетъ, въ какихъ условіяхъ и бороться, чортъ знаетъ, съ какими препятствіями, а тутъ — почты, телеграфы, телефоны, деньги, желѣзныя дороги, цѣлая сфора полиціи — все къ твоимъ услугамъ, такъ тутъ ли не работать! Чортъ возьми, да мы натворимъ такихъ дѣлъ, что Азефъ предо мной будетъ казаться мальчишкой.

Они, тотъ и другой, самодовольно и весело улыбаются. Экъ, думаютъ, разошелся малый! А я продолжаю:

— Деньги-то изъ насъ всякій любитъ, такъ мы и объ этомъ сумѣемъ позаботиться. Не всю же жизнь будемъ чертоломить, захочется же и намъ отдохнуть, такъ имѣть денежки про запасъ никогда и никому не мѣшаетъ. Вѣдь, все равно придется же мнѣ для упроченія своего положенія въ партіи совершать какіе либо боевые акты. Это необходимо. Такъ не будемъ же мы кого либо убивать изъ сановниковъ, а мы лучше устроимъ двѣ-три крупныхъ экспропріаціи, и часть денегъ постараемся сумѣть прикарманить. Это можно обставить такъ, что будетъ возможно нажиться и мнѣ и вамъ.

— Ну, батенька мой, вы тутъ начинаете ужъ уголовщину разводить, вы насъ въ такую еще исторію впутаете, что и жизни то не радъ будешь! — говоритъ полковникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этакія экспропріаціи не можемъ мы допу-

скать, тутъ чуть-что, такъ и сами мы подъ судъ угодимъ. Нѣтъ, это ужъ вы слишкомъ!.. — говоритъ другой.

— Ничего не слишкомъ, а вотъ потомъ сами согласитесь и благодарить еще будете. Я говорю, что только не стѣсняйте меня, такъ я сумѣю дѣйствовать.

— Прекрасно, прекрасно все это, но все-жъ таки Минорато освободить ни подъ какимъ видомъ нельзя будетъ. Да и Бартольда-то тоже, вѣдь, невозможно освобождать такъ, какъ вы предлагаете. Какъ ни заманчивы ваши планы, но осуществлять такимъ способомъ, какимъ вы предлагаете, мы не можемъ согласиться, мы не имѣемъ права сдѣлать это. Вѣдь, мы работаемъ подъ руководствомъ Департамента Полиціи и, прежде чѣмъ продѣлать такую штуку, я обязанъ, снестись съ департаментомъ, а онъ на подобную авантюру, на подобный рискъ не пойдетъ. Скажетъ, что чуть-что неладно что нибудь, чуть-что гдѣ нибудь прорвется, такъ выйдетъ такой скандалъ, такой скандалъ!... Нѣтъ, тутъ съ вашими затѣями, пожалуй, еще въ Думу попадешь, да будешь виновникомъ какого либо запроса по этому поводу, такъ вотъ вамъ и служебная карьера, которую вы расписали такими заманчивыми красками. Нѣтъ, на такой рискъ я, напримѣръ, лично не пойду! — говоритъ полковникъ.

— Да и у меня смѣлости на это не хватитъ, — добавляетъ Мартыновъ. — Да, прежде всего, намъ и не дадутъ этого сдѣлать, если бы мы и захотѣли все это устроить.

— Эхъ, вы!.. Я говорилъ вамъ, что съ вами я врядъ ли столкуюсь.

— А вы думаете въ Петербургѣ, тамъ дурачье что-ли?

— Наоборотъ, я про нихъ-то и думаю, что они не такіе дурачье, какъ вы! Ха, ха, ха, ха! — смѣюсь я.

— Ха, ха, ха, ха! А все таки не споетесь вы на этомъ и съ ними, и тамъ не согласятся съ вашими планами и вашими требованіями! — говоритъ полковникъ.

— Вы подумайте только, чего вы требуете, — освободить не только всѣхъ, начиная съ Бартольда, но даже и Минора! Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!—говоритъ Мартыновъ.

— А насъ спроситъ департаментъ полиціи о васъ, что мы про васъ-то скажемъ? Вы, вѣдь, до сихъ поръ ничего намъ не дали, а требуете невозможнаго, — говоритъ полковникъ.

— Да, да, вы хоть что нибудь намъ дайте, чтобы мы хоть могли бы вступить въ переговоры съ департаментомъ о васъ самихъ, а то, вѣдь, мы до сихъ поръ не имѣемъ отъ васъ ничего, даже не можемъ рѣшиться и на вашу только высылку, — говоритъ Мартыновъ.

— Послушайте господа, ужь если вы говорите, что я долженъ вамъ во всемъ довѣрять, такъ, въ свою очередь, и вы мнѣ должны тоже вѣрить. Довѣріе, такъ довѣріе взаимное. А если гарантіи и подписки, такъ тоже взаимно. Хорошо, я дамъ

вамъ письменное согласіе на принятіе сотрудничества у васъ на условіяхъ, на какихъ мы согласились, но, въ свою очередь, и вы мнѣ выдайте отъ себя съ приложеніемъ печати подписку, письменное обѣщаніе выполнить эти условія и впослѣдствіи выполнять всѣ тѣ условія работы моей и вознагражденіе за нее, о чемъ мы договоримся. Контрактъ, такъ контрактъ съ той и другой стороны пусть будетъ. На это я согласенъ. И какъ только вы освободите подъ залогъ Минора и Бартольда, такъ я даю вамъ такую подписку и въ свою очередь беру подобную же и отъ васъ и только тогда соглашусь отправляться въ ссылку. До тѣхъ же поръ вы отъ меня не получите никакихъ свѣдѣній и никакихъ подписокъ. Согласитесь сами, что выдача мною подписокъ сейчасъ значило бы дать противъ себя оружіе. Получивъ отъ меня какія либо свѣдѣнія, а тѣмъ болѣе подписку или росписку въ чемъ либо, вы могли бы оказывать на меня давленіе, да я и самъ бы чувствовалъ себя какъ-бы связаннымъ. Я не могъ бы уже съ вами говорить такъ просто, такъ свободно, какъ говорю теперь. А работать съ вами я хочу именно свободно, безъ всякаго давленія и принужденія. Вѣдь, я иду къ вамъ самъ, меня никто и ничто не гонитъ. Допустимъ, что мнѣ бы удалось бѣжать, если бы мерзавецъ Воронцовъ не донесъ на меня, такъ я бы, вѣдь, все равно пришелъ къ вамъ и предложилъ бы свои услуги.

— Ой ли?

— Пришли бы?!—испытующе смотритъ на меня полковникъ.

— Хотите вѣрьте, хотите — нѣтъ, — это ваше дѣло. А вотъ, можетъ быть, въ этомъ и убѣдитесь скоро.

— Вы, что же, бѣжать, опять бѣжать наладились?

— А вы думаете нѣтъ?

— Ну, это вы нарочно, только стращаете насъ. Мы, вѣдь, знаемъ, что изъ тюрьмы бѣжать немыслимо теперь.

— Конечно, конечно, я только, вѣдь, такъ говорю, потому что къ слову пришлось, а бѣжать я не собираюсь, да и сами подумайте — возможно ли это? Нѣтъ, это я только къ слову сказалъ. Не безпокойтесь, не уйду, — говорю я такимъ тономъ, что мои слова истолковать можно только такъ, какъ будто я хочу скрыть отъ нихъ опять какой либо планъ побѣга, а ихъ только успокаиваю.

— Странный вы человѣкъ Филатовъ! Сколько съ вами ни говори, договориться все-же таки ни до чего не можешь. Все какъ-то вокругъ да около. Такъ разговаривать мнѣ еще не приходилось ни съ однимъ человѣкомъ, — говоритъ полковникъ; — вы не то соглашаетесь съ нами работать, не то не соглашаетесь. Скажетъ: да, согласенъ, а самъ такія требованія выставитъ, что отъ удивленія глаза на лобъ повыскочатъ. Такъ, вѣдь, разговаривать нельзя.

— Да это, вѣдь, вы въ этомъ виноваты сами. Не то вы соглашаетесь со мной принципіально о характерѣ моей совмѣст-

ной съ вами работы, не то не соглашаетесь. А если и соглашаетесь принципіально, такъ отмахиваетесь отъ способовъ осуществленія этой работы.

— Вотъ и разсуждай съ вами. Ну скажите, наконецъ, намъ ясно и кратко, что именно хотите вы отъ насъ, а мы вамъ скажемъ, что именно мы хотимъ отъ васъ, — говоритъ полковникъ.

— Извольте: вы должны освободить Минора и Бартольда, подъ залогъ того и другого, и этимъ дать имъ возможность скрыться и жить нелегально. Они мнѣ и вамъ нужны на волѣ, а не въ тюрьмѣ. Про остальныхъ-же товарищей мнѣ наплевать. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, — вы только послѣ этого, а не ранѣе, получаете отъ меня нужную вамъ подписку и свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Поволжьѣ; а въ третьихъ, — вы меня послѣ этого высылаете куда либо вмѣстѣ съ другими товарищами, разными Филимоновыми и Царевскими, куда нибудь въ Астраханскую что-ли губернію. И въ четвертыхъ, съ сегодняшняго дня обязуетесь платить по 500 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ и все. Ясно?

— Та, та, та, та, какъ онъ махнулъ...! — ужаснулся полковникъ.

— Ну, слушайте, нужно же знать мѣру своимъ требованіямъ. Я васъ считалъ серьезнѣе. А такія требованія серьезно предъявлять ни въ коемъ случаѣ нельзя, — говоритъ Мартыновъ. — Вы поставьте себя на наше мѣсто и подумайте — могли-ли бы вы удовлетворить подобныя требованія человѣка, который себя еще ничѣмъ не показалъ, ничѣмъ не зарекомендовалъ, кромѣ своихъ обѣщаній. А согласитесь сами, что когда обѣщанія ничѣмъ еще пока не подтвердились, мы не можемъ, даже не имѣемъ права удовлетворить ни одного изъ вашихъ требованій. Мы тоже связаны очень многимъ. Наша дѣятельность тоже строго контролируется, и мы не можемъ поступать по своему усмотрѣнію, даже если бы и рѣшились на подобный рискъ.

— Какъ угодно! А я иначе работать совмѣстно съ вами не могу. Согласны, — ладно, а не согласны тоже прекрасно. Но предупреждаю, что вы впослѣдствіи покаетесь въ своей теперешней нерѣшительности. Вѣдь, я все равно уйду, рано или поздно, объ этомъ я откровенно вамъ заявляю теперь-же. Да вы и сами, вѣроятно, убѣждены въ томъ, что такой человѣкъ, какъ я, все равно рано или поздно, а уйдетъ изъ тюрьмы. А тогда я ужъ пойду не къ вамъ съ предложеніемъ услугъ, и, слѣдовательно, просто напросто выйдетъ, что вы проворонили случай извлечь и для себя и для правительства огромную пользу.

— Можетъ быть, можетъ быть, но теперь-то мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ выполнить ни одного изъ вашихъ условій и требованій, — говоритъ полковникъ; — вы, по моему

сами хорошенько не разбираетесь въ томъ, чего вы хотите отъ насъ. Мы этого дать вамъ не можемъ, а если и можемъ что дать, такъ дадимъ слѣдующее: начиная съ Бартольда, въ томъ числѣ и васъ — высылаемъ административно, это разъ. Предъ своей высылкой вы даете намъ подписку въ томъ, что, убѣжавъ изъ ссылки, вы не скроетесь отъ насъ — это два. А третье то, что теперь же, вотъ здѣсь, сейчасъ разскажете или напишете подробно о наиболѣе серьезныхъ вещахъ въ Поволжьѣ и укажете нѣкоторыхъ изъ оставшихся еще на волѣ товарищей. И четвертое — то, что, съ момента вашего пріѣзда сюда къ намъ обратно изъ ссылки, вы будете получать по 300 р. въ мѣсяцъ. И повѣрьте мнѣ, что это предлагаемъ мы только первому вамъ въ такомъ выгодномъ для васъ видѣ. Если мы вамъ отдаемъ должное и цѣнимъ ваши услуги высоко, такъ и вы, въ свою очередь, должны оцѣнить наше отношеніе къ вамъ и не предъявлять невыполнимыхъ требованій.

— Какъ хотите, а я сказалъ все, что могъ. Я высказалъ все откровенно, чтобы потомъ не было между нами недоразумѣній. Если находите мои условія непріемлимыми, такъ что ужъ подѣлаешь, — распрощаемся да и только. Сердиться мы другъ на друга не будемъ, не изъ-за чего, не сошлись, вотъ и только.

— Послушайте, Влад. Конст., — говоритъ Мартыновъ полковнику, — прежде чѣмъ считать дѣло поконченнымъ такъ, какъ сейчасъ высказались вы, Филатовъ, я думаю мы можемъ еще кое что предпринять, чтобы какъ нибудь прійти-же въ концѣ концовъ къ соглашенію. Я вамъ, Филатовъ, откровенно, наконецъ, скажу, что относительно васъ департаментъ полиціи уже освѣдомленъ и мы получили на этотъ счетъ извѣстныя указанія и инструкціи, отступать отъ которыхъ мы не имѣемъ права. Департаментъ очень цѣнитъ ваши услуги въ будущемъ, указанія о боевой дѣятельности партіи ему очень важны, а потому онъ намъ заявилъ, что если мы съ вами не придемъ ни къ какому соглашенію, такъ онъ просилъ выслать васъ туда, въ Петербургъ, но вы, я думаю, понимаете, что отпускать намъ отъ себя такого сотрудника, какъ вы, крайне не хотѣлось бы. Вы совершенно вѣрно поняли, что въ извѣстной степени могли-бы способствовать и созданію нашей карьеры. Скажу болѣе того, что между нами, начальниками охранныхъ отдѣленій, существуетъ соревнованіе въ пріобрѣтеніи серьезныхъ сотрудниковъ и мы, дѣйствительно, на этомъ карьеру и создаемъ. Но мнѣ хотѣлось бы имѣть васъ сотрудникомъ не вообще въ нашемъ дѣлѣ, а лично при себѣ, въ предѣлахъ Поволжья. И если разъ мы съ вами такъ до извѣстной степени сошлись, такъ давайте общими усиліями постараемся прійти къ обоюдному соглашенію. Это, я думаю, сдѣлать возможно и вамъ и намъ. То, что полковникъ считаетъ невыполнимымъ сейчасъ, т. к. связанъ инструкціями департамента, а когда вы хотя чѣмъ

—

бы то ни было докажете департаменту свою искренность, такъ, я думаю, онъ согласится и на большее для васъ. Намъ то лично отъ васъ не нужно никакихъ гарантій, мы-то вѣримъ вамъ, но, вѣдь, департаментъ не знаетъ васъ, онъ стоитъ на формальной точкѣ зрѣнія. Вѣдь у насъ уже такое правило, своего рода законъ для насъ, что пока мы не получили отъ сотрудника никакого письменнаго документа, закрѣпляющаго его у насъ, мы не можемъ, не имѣемъ права входить съ нимъ въ соглашеніе и дѣлать для него что либо.

— Вотъ въ томъ-то и штука, что я не хочу никакихъ закрѣпленій, закабаленій себя, я хочу работать свободно, безъ всякихъ принужденій. Пока я вѣрилъ въ партію, я работалъ въ ней свободно и отдавался этой работѣ весь, теперь я не вѣрю въ нее и хочу работать противъ партіи и тоже свободно, безъ принужденій, и отдамся этому дѣлу съ неменьшимъ энтузіазмомъ. Неужели вы все еще не поняли меня? Къ чему вамъ отъ меня эти закрѣпленія? Что вы пристаете ко мнѣ съ ними? Не могу и не хочу я имѣть никакихъ закрѣпленій, обязательствъ и т. п. Я и безъ всякихъ закрѣпленій буду работать у васъ прекрасно. Неужели вы не видите меня, не поняли меня до сихъ поръ? А если поняли, такъ чего еще вамъ отъ меня нужно!..

— Да повѣрьте, что намъ-то съ Вл. Конст. отъ васъ никакихъ гарантій не нужно, мы вамъ вѣримъ, но, вѣдь, департаментъ-то, говорю, не знаетъ васъ, а потому и не можетъ такъ довѣриться вамъ, какъ мы. Что съ ними, съ бюрократами, подѣлаешь, — представьте, говорятъ, письменную гарантію, тогда и разрѣшеніе на его высылку получите. Вотъ и толкуй съ ними!

— Какъ-же я могу вамъ дать какую либо письменную гарантію, если и я и вы не можемъ быть увѣренными въ томъ, что это моя подписка вскорѣ же не очутится въ рукахъ партіи, вѣдь, это возможно вполнѣ. Среди вашихъ, вѣдь, тоже есть наши сотрудники. Такъ что какъ-же это департаментъ можетъ дѣйствовать такъ нецѣлесообразно. Вонъ благодаря такимъ же документамъ вы лишились теперь Азефа. Нѣтъ, я совсѣмъ не хочу, чтобы обо мнѣ имѣлись въ департаментѣ полиціи какіе либо документы.

— Напрасно вы этого опасаетесь. Документъ этотъ вамъ будетъ возвращенъ немедленно-же, какъ только вы вернетесь къ намъ изъ ссылки. Зачѣмъ онъ намъ тогда? — горячо доказываетъ Мартыновъ.

— А затѣмъ, — отвѣчаю я, — что этотъ документъ у васъ будетъ сильнымъ оружіемъ противъ меня. Вы тогда, пожалуй, мнѣ и 300 то рублей не дадите, а я долженъ буду согласиться, боясь оглашенія этого документа.

— Да вы за мерзавцевъ что-ли насъ считаете? Вѣдь, это подлость, если бы мы такъ сдѣлали! Мы этого даже только по-

тому не сдѣлали бы, чтобы не обмануть довѣрія къ намъ другихъ сотрудниковъ.

— Потомъ еще есть и другое неудобство, а именно — вы мою подписку хотите посылать въ департаментъ, а потомъ ее какъ же мнѣ возвратите? Вѣдь, вы говорили мнѣ, что такія подписки дожны храниться въ департаментѣ?

— Могутъ храниться тамъ, могутъ быть и возвращены вамъ, это какъ мы договоримся теперь. Это можете вы оговорить въ своей подпискѣ, — говоритъ полковникъ.

А Мартыновъ быстро вступаетъ снова съ горячими убѣжденіями:

— Вы, наконецъ, можете дать намъ не подписку, а просто письмо, обращенное даже не къ намъ, а просто яко-бы къ кому либо изъ товарищей и будто бы перехваченное нами. Въ письмѣ этомъ вы укажите кое на что изъ дѣятельности Поволжскаго Област. Комитета...

— О чемъ, напримѣръ? говорю я.

— Да, ну, напримѣръ, о типографіи въ Сызрани, о той же, наконецъ, экспропріаціи, которую вы намѣрены были совершить, вотъ и только. Вѣдь это не намъ нужно. Нужно, чтобы только отвязаться отъ департамента. Вы даже ничего намъ новаго не сообщите. Мы сами вамъ разскажемъ о революціонной дѣятельности въ Поволжьи не хуже какого либо вашего областника.

Я, на самомъ дѣлѣ, удивленъ былъ его словами о типографіи въ Сызрани. Объ этомъ знали только мы трое: я, Борисъ и „Дѣдъ". А потому я рѣшилъ выяснить откуда бы могло явиться у нихъ такое сообщеніе. Ужели „Дѣдъ"? Не можетъ этого быть! А, вѣдь, онъ, одинъ онъ остался не арестованнымъ, между тѣмъ онъ же самъ намъ говорилъ, что за нимъ слѣдятъ по пятамъ. Странно! Послѣ Азефа и даже такимъ, какъ „Дѣдъ", довѣрять нельзя. Попробую выяснить.

— А интересно, откуда это вы знаете, что типографія у насъ въ Сызрани, б. м., это совсѣмъ и не правда?

— Не правда? А вотъ читайте, — говоритъ полковникъ, подавая мнѣ листокъ письма.

Смотрю, — читаю „сообщеніе о типографіи П. С-Р. въ гор. Сызрани" и начинается изложеніе канцелярскимъ слогомъ о томъ, какъ онъ, пишущій это донесеніе, „преодолѣвъ массу приключеній" (такъ буквально и написано) добрался, наконецъ, до Сызрани, гдѣ „съ первыхъ же шаговъ *почуялъ*, что эсеровская типографія именно здѣсь въ Сызрани" (это тоже буквальное выраженіе донесенія). Дальше читать мнѣ не дали.

— Что? Не правда, — скажете?

— Ну, такъ вѣдь я и не намѣренъ былъ скрывать отъ васъ этого, — говорю я имъ.

— Однако, сами не сказали же пока мы вамъ не дали понять и даже доказали, что намъ все извѣстно, что отъ васъ

ничего новаго мы и не надѣемся получить. Намъ только нужно ваше показаніе для проформы.

— Ну такъ что же, т. е. о чемъ, да о чемъ я вамъ долженъ написать.

— Такъ вотъ пишите все, что знаете, — говоритъ полковникъ. А Мартыновъ перебиваетъ его: „Нѣтъ, ужъ разъ мы сказали ему, что теперь намъ свѣдѣній отъ него не надо, такъ пусть такъ и будетъ. Пусть напишетъ только то, что извѣстно намъ. Пусть успокоится и не подозрѣваетъ насъ больше ни въ чемъ".

— Ну, ладно. Пусть такъ. Такъ вотъ напишите, что вы такой то и такой-то — Андрей Григорьевичъ Ясненко, напишите полностью вашъ формулярный, послужной списокъ, были командированы сюда изъ за-границы отъ Ц. К. П. С-Р., какъ завѣдующій всей боевой дѣятельностью въ Поволжьѣ и, пріѣхавъ въ Саратовъ вмѣстѣ съ Бартольдомъ, Перковскимъ, Ворoнинымъ и Миноромъ, при участіи мѣстныхъ дѣятелей партіи Милашевскаго, Смолдовскаго и Петровой, образовали областной комитетъ Поволжской области П. С-Р. Что вами всѣми сообща приступлено было къ партійной работѣ и что вы, (между прочимъ, намѣрены были издавать здѣсь, въ Саратовѣ, свой партійный органъ, матеріалъ для котораго былъ отобранъ при арестѣ у Минора. Что вы для своей боевой дѣятельности получили санкцію отъ Ц. К. въ лицѣ Минора, Виктора Чернова и Аргунова на совершеніе экспропріацій и на совершеніе террористическаго акта надъ командующ. войсками Казанск. Воен. Окр. Сандецкимъ. Далѣе напишите, что вы принимаете наше предложеніе сотрудничать у насъ и устно, на словахъ, дали намъ освѣщеніе всей дѣятельности партіи въ Поволжьѣ и, въ частности, о типографіи въ г. Сызрани. Вотъ и все. Дальше вы можете оговорить, что подписку эту даете съ условіемъ получить ее обратно, какъ только вернетесь къ намъ изъ ссылки.

Чортъ возьми, они и объ актѣ на Сандецкаго узнали! Ну, да неудивительно! Это могли знать и многіе заграницей отъ N, такъ что слухъ этотъ легко могъ просочиться и сюда. Но какъ они могутъ знать, что актъ этотъ былъ санкціонированъ и знаютъ даже кѣмъ именно. Я лично не зналъ состава Ц. К., когда обсуждался вопросъ о санкціи Ц. К., и Аргунова, напримѣръ, такъ никогда въ жизни ни разу и не видѣлъ, не только что имѣлъ съ нимъ дѣловыя обсужденія. Затѣмъ, ни Смолдовскаго, ни Милашевскаго тоже ни разу не видѣлъ и объ ихъ участіи въ партійныхъ дѣлахъ и не подозрѣвалъ даже. Минора же я считалъ не членомъ Ц. К., а уполномоченнымъ послѣдняго, такъ что недоумѣвалъ, почему они вообразили, что въ санкціи на актъ надъ Сандецкимъ принималъ участіе и Миноръ, какъ членъ Ц. К. Потомъ, само собою разумѣется, я не могъ согласиться на выдачу подобнаго документа противъ другихъ. Если ужъ давать документъ, такъ

только противъ себя. Но чтобы не вести опять дальнѣйшіе споры и препреканія относительно характера и содержанія моей подписки, которую я, въ концѣ концовъ, рѣшилъ имъ дать, я сказалъ имъ, что я подумаю объ этомъ и отвѣтъ дамъ завтра. На самомъ дѣлѣ я долженъ былъ серьезно обдумать этотъ шагъ — выдачу имъ подписки, нужно было серьезно обдумать каждую фразу, каждое слово въ ней. На ихъ уговариванія написать это сейчасъ я отговорился и тѣмъ, что поздно молъ ужъ сегодня, а писать придется долго. Возвращаться же въ тюрьму такъ поздно неудобно.

— Ну, такъ вы принципіально то согласны, наконецъ, что написать то это вы должны?

— Да, согласенъ.

— Такъ, такъ! — потирая руки, говоритъ Мартыновъ весело, — намъ, видите ли, для ускоренія всей этой ликвидаціи вашего дѣла нужно возможно скорѣе поставить въ извѣстность Департаментъ Полиціи о томъ, что вы, наконецъ-то, даете или дали намъ такую подписку. Такъ что вы намъ это сейчасъ же окончательно скажите, и мы при васъ же вотъ сейчасъ напишемъ туда телеграмму. Ну-съ, такъ можно, слѣдовательно, писать? Вы насъ не подведете?

— Зачѣмъ подводить? Если я сказалъ, такъ, слѣдовательно, сказалъ разъ навсегда и отъ своего слова никогда не откажусь.

— Прекрасно, прекрасно! Ну, такъ, Вл. Конст., давайте, пишите сейчасъ же туда телеграмму, а я пойду, мнѣ нужно торопиться туда...

— Слѣдовательно, мы завтра съ вами опять увидимся и здѣсь же? — обращается онъ ко мнѣ. — Когда удобнѣе вызвать васъ сюда, я думаю—пораньше, такъ часовъ въ одиннадцать дня?

— Да, лучше, если пораньше.

— Ну, это вы уславливайтесь съ Вл. Конст., а я пойду. До свиданія, до свиданія! — крѣпко трясетъ онъ мнѣ руку и уходитъ.

— Уф!.. — вздыхаетъ полковникъ. Уморили вы меня, ни съ однимъ сотрудникомъ мнѣ не приходилось возиться такъ. Но я надѣюсь, что мы зато ужъ не зря и попыхтѣли. Ради Бога, ужъ вы дальше то хоть не будьте такъ упрямы и напрасно не подозрѣвайте насъ въ желаніи напакостить вамъ или эксплуатировать васъ. Вы, вѣдь, понимаете, что своими указаніями вы сразу же становитесь у насъ прочно и чѣмъ солиднѣе указанія, тѣмъ на большее можете разсчитывать отъ насъ. Только бы намъ съ вами заручиться согласіемъ Департамента, а тамъ ужъ наше дѣло, что и какъ устроить. Я съ своей стороны совсѣмъ ничего не имѣю ни противъ освобожденія Бартольда и другихъ и ничего не имѣю даже, если бы Департаментъ согласился освободить и Минора. Намъ что?

Лишь бы обезвредить ихъ и держать все время подъ своимъ наблюденіемъ, такъ пусть, намъ все-равно на волѣ ли они находятся или гдѣ. Даже лучше, если на волѣ, такъ какъ, будучи намъ извѣстны и находясь подъ нашимъ наблюденіемъ и благодаря вашимъ указаніямъ, они намъ могутъ принести существенную пользу, а не вредъ. Ну-съ, такъ вы, слѣдовательно, намъ завтра напишите, что нужно, и дѣло съ концомъ.

— Конечно, ужъ скорѣе бы кончить, да и только.

— Вотъ, вотъ, и я тоже говорю. Ну-съ, такъ завтра въ сколько часовъ васъ вызвать?

— Да лучше бы послѣ обѣда, а то на тощахъ...

— Вы можете пообѣдать и у насъ, такъ что объ обѣдѣ то вы не заботьтесь.

— Ну, что-жъ, прекрасно! Такъ вызовите завтра часовъ въ одиннадцать.

— Хорошо. А не послать ли на ваше имя денегъ въ тюрьму, чтобы и тамъ вы не терпѣли нужды, да и товарищамъ бы могли помочь?

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо, этого дѣлать ни въ коемъ случаѣ не нужно. Опасно. Вы рискуете подвести меня подъ подозрѣнія.

— Зачѣмъ! Дѣлаетъ же, вѣдь, организація, посылая деньги нѣкоторымъ изъ своихъ работниковъ отъ имени неизвѣстнаго. Такъ и мы можемъ сдѣлать то же самое. Вѣрный намъ человѣкъ придетъ и передастъ въ контору, только и всего.

— Нѣтъ, всетаки не дѣлайте этого, не надо.

— Ну, какъ хотите. Такъ, завтра въ одиннадцать. Я такъ и напишу требованіе. До свиданія, до свиданія!

* * *

Ясно, что дать такую подписку, какую они хотятъ, я не могу, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и то, что дать я что нибудь долженъ. Ясно, что довѣріе у нихъ достигается только путемъ предательствъ. Безъ этого никогда и ничего отъ нихъ не получишь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на предательство я пойти не могу, въ противномъ случаѣ вышло бы, что я служу не партіи, а, дѣйствительно, охранѣ. Съ другой стороны, чтобы извлечь для партіи пользу изъ общенія съ охраннымъ отдѣл., нужно заручиться его довѣріемъ, довѣріе же достигается путемъ предательства, путемъ выдачи партійныхъ тайнъ, а этого сдѣлать я не могу. Какъ же поступить въ такомъ случаѣ? Думалъ, думалъ и рѣшилъ поступить такъ: дѣйствительныхъ указаній не дѣлать (кромѣ тѣхъ, что уже извѣстно имъ), а нужно выдумать для нихъ что нибудь похожее на правду, но такъ, чтобы они не могли докопаться до истины, т. е. чтобы не могли убѣдиться въ томъ, что я ихъ надуваю, что то, что имъ сообщено, есть не болѣе, какъ миѳъ. Чтобы моя выдумка

сразу же не показалась миоомъ, нужно придумать какое либо вещественное подтвержденіе его, что доказывало бы мои слова несомнѣнно. Что именно я придумалъ и какъ это провелъ видно будетъ изъ слѣдующаго моего разговора съ жандармскимъ полковникомъ и начальн. Саратовскаго охран. отдѣл. Мартыновымъ.

* * *

Противъ обыкновенія, изъ тюрьмы меня конвоировали не двое, а трое жандармскихъ унтеровъ. Въ самомъ жандармскомъ управленіи слѣдятъ за мною строже обыкновеннаго. Но вхожу въ кабинетъ полковника, тамъ онъ съ Мартыновымъ уже дожидаютъ меня, и на столѣ готовъ горячій кофе и закуска. Они предупредительны и очень вѣжливы, а полковникъ такъ даже напустилъ на себя какое то благодушіе, что-ли. Однимъ словомъ, стараются дать понять мнѣ, что они меня считаютъ уже своимъ и довѣряютъ мнѣ. Они начали съ объясненій, почему ко мнѣ примѣнены строгости, что это только для видимости, для отвода глазъ, и что про то, въ какой мы обстановкѣ разговариваемъ, про это не догадывается даже ни одинъ жандармъ, что все это — кофе и проч. является сюда черезъ особый ходъ, вотъ этотъ, указываетъ мнѣ, изъ квартиры полковника, такъ что видѣть это никто не можетъ и завѣряютъ меня, чтобы я былъ спокоенъ въ этомъ отношеніи и не стѣснялся бы, что ими принимаются во вниманіе мельчайшія подробности предосторожностей въ переговорахъ со мною.

— Ну-съ, разсказывайте намъ, что вы придумали за ночь то? — говоритъ Мартыновъ.

— Что придумалъ? а вотъ думаю, что освобождать меня при помощи высылки не годится.

— А какъ же тогда быть?

— А нужно мнѣ устроить побѣгъ.

— Вотъ, опять придумалъ штуку, опять новость, — говоритъ недовольно и въ отчаяніи полковникъ. — Тутъ насъ Департаментъ Полиціи торопитъ съ вашимъ дѣломъ, прокуратура тоже торопитъ, чтобы кончали скорѣе слѣдствіе, потому что нѣтъ никакихъ причинъ не кончать его, а вы тутъ, ей-Богу, опять чортъ знаетъ, что затѣваете, опять канитель, да этакъ у насъ и конца никогда не будетъ.

Полковникъ взволнованно ходитъ по кабинету, размахиваетъ руками и съ видомъ отчаянія садится къ столу. А Мартыновъ болѣе спокойнымъ тономъ, но тоже возбужденно говоритъ, доказываетъ, что дѣло затягивать нельзя и въ заключеніе показываетъ бумагу Департамента Полиціи, въ которой говорится, чтобы полковникъ немедленно же выяснилъ, насколько серьезно мое предложеніе, получилъ бы отъ меня письменное согласіе въ случаѣ моего на то желанія и немед-

ленно же бы телеграфировалъ о конечномъ результатѣ переговоровъ и что только въ зависимости отъ этого ему, т. е. полковнику, будутъ даны дальнѣйшія инструкціи, но чтобы онъ, т. е. полковникъ, дѣйствовалъ возможно энергичнѣй, такъ какъ мои услуги для Департамента Полиціи теперь могутъ быть особенно нужны и важны. Дальше, на другой страницѣ, читать мнѣ не дали; но когда полковникъ бралъ эту бумагу изъ рукъ Мартынова, листъ этотъ перевернулся, и полковникъ положилъ его на сосѣдній столикъ, стоящій рядомъ съ его кресломъ, какъ разъ кверху той, не прочитанной мной, стороной и онъ этого не замѣчалъ сначала, а потомъ уже прикрылъ бумагу портфелемъ. Однако я успѣлъ схватить кое что изъ нея. Смыслъ таковъ, что Департаментъ совѣтуетъ имъ употребить всѣ усилія на то, чтобы выяснить и убѣдиться въ искренности моихъ намѣреній, а что касается выполненія моихъ требованій, такъ чтобы на нихъ не скупились бы, не останавливались бы ни передъ какими обѣщаніями. Ясно, что Департаментъ имѣетъ обо мнѣ преувеличенное понятіе, что мое положеніе и значеніе въ партіи преувеличиваютъ. Но этимъ то и нужно пользоваться. Здѣсь, слѣдовательно, можно держаться съ большимъ достоинствомъ и апломбомъ.

— Волноваться, господа, все-жъ не изъ-за чего,—говорю я имъ. Вѣдь, мы, какъ говорится, теперь свои люди, а потому сообща и нужно обсудить, какъ это устроить получше. Я вотъ думаю, что, какъ ни какъ, а высылка моя товарищамъ, знавшимъ меня, покажется все-жъ таки странной. Сами посудите: боевикъ, съ пораненіемъ ногъ и рукъ, пораненіями, характеръ коихъ очевиденъ для всѣхъ, и вдругъ принимается за какого то Филатова или Лещатникова и вмѣстѣ съ разными Бартольдами высылается административно. Это хоть кому покажется подозрительнымъ.

— Какъ же тогда быть? — спрашиваетъ полковникъ.

— Я говорю, что мнѣ должны вы устроить побѣгъ. Это же не трудно.

— Изъ тюрьмы?

— Или изъ тюрьмы или съ дороги. Отправьте меня хоть въ тотъ же Тамбовъ, какъ будто для опознанія, и дайте мнѣ возможность бѣжать съ дороги. Вотъ и только!

— Что-жъ, Вл. Конст., конечно такъ будетъ лучше. А побѣгъ такой обставить еще гораздо проще, тогда и освобождать никого не придется, — говоритъ Мартыновъ.

— Такъ то оно такъ, — вздыхая, говоритъ полковникъ; — но придется, вѣдь, или посвящать въ это унтеровъ, или же подвести ихъ подъ судъ. А ни то, ни другое крайне не желательно.

— Однимъ словомъ, скажите, Вл. Конст., — обращается Мартыновъ къ полковнику, — вы принципіально то согласны

на побѣгъ для него? — и при этомъ очень выразительно смотритъ на полковника.

— Да, согласенъ!

— А согласны, такъ детали мы обсудимъ и послѣ; да вы, — обращается Мартыновъ ко мнѣ, — вѣроятно, придумали и всѣ детали, весь планъ побѣга въ подробностяхъ, такъ что намъ то собственно придется только согласиться съ вами. Ну, вотъ видите и улаженъ этотъ вопросъ и напрасно такъ волновались вы, Владимиръ Константиновичъ.

— Конечно, напрасно, да ужъ очень все это затягивается, и мнѣ хочется поскорѣе отдѣлаться отъ этого, такъ какъ я думаю, что, въ концѣ концовъ, намъ съ нимъ работать все равно не придется...

— Почему это? — спрашиваю я.

— А потому, что васъ отнимутъ у насъ стоящіе выше насъ. Я такъ думаю, что Департаментъ пишетъ намъ подъ диктовку Петерб. охр. отдѣл., которое, утративъ Азефа, подозрѣваю, что сильно точитъ зубы на васъ. Вотъ почему. А непріятностей то съ вами вонъ сколько, и все это не для насъ собственно. Такъ что все то, что мы дѣлаемъ для васъ, мы дѣлаемъ именно только для васъ, тутъ корысти нашей нисколько нѣтъ.

— Ну-съ, господа, — говоритъ Мартыновъ, — давайте кончайте всѣ эти предисловія скорѣе, нужно продолжать то, на чемъ мы остановились вчера. Слѣдовательно, вмѣсто высылки вы желаете, чтобы вамъ устроили побѣгъ? Прекрасно. И на это мы согласны. Это еще для насъ лучше, т. к. не придется освобождать другихъ.

— Вотъ въ томъ то и штука, что для меня вы должны устроить побѣгъ, а Минора и Бартольда освободить подъ залогъ?

— Помилуйте, да зачѣмъ же мы ихъ то будемъ освобождать.

— А затѣмъ, что они *мнѣ* нужны будутъ.

— Ну, это вы сможете устроить и другимъ путемъ.

— Конечно! — подхватываетъ эту мысль Мартынова полковникъ. — Разъ вы беретесь за это дѣло, такъ должны сумѣть создать себѣ и поддержку въ верхахъ партіи.

— О, это онъ сумѣетъ! — добавляетъ Мартыновъ. Вонъ онъ, братъ, какія вещи обдумываетъ, а уже это не сумѣетъ? — сумѣетъ, да еще какъ. Я вамъ, — обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ Мартыновъ, — предсказываю блестящую будущность. Начали-то вы безусловно великолѣпно. Да вы, Вл. Конст., представьте только — у человѣка славное революціонное прошлое, широкое знакомство среди товарищей въ верхахъ партіи и популярность въ широкихъ партійныхъ кругахъ и у насъ сразу же занимаетъ такое положеніе, или, по крайней мѣрѣ, можетъ занять такое положеніе. Ну, развѣ не подъ счастли-

вой звѣздой вы родились? Только держитесь за насъ крѣпче, такъ раскаиваться не будете.

— Да я и теперь не раскаиваюсь, какъ ни въ чемъ другомъ въ жизни не раскаивался. Я дѣлаю только то, во что я вѣрю; и въ то, что я дѣлаю, — вѣрю. А утративъ вѣру во что либо, такъ, не моргнувъ глазомъ, бросаю, и если не возникла во мнѣ вѣра во что либо иное, такъ ничего не дѣлаю, а появилась вѣра во что либо новое, такъ я отдаюсь этому со всѣмъ пыломъ молодыхъ силъ и иду напроломъ прямо, захватывая настолько широко, насколько позволяетъ мнѣ мой кругозоръ. Вотъ и теперь я изъ вашего заклятаго врага превратился въ друга и ничего страннаго въ этомъ не вижу. И здѣсь я на новомъ поприщѣ буду такъ же энергично работать, какъ энергично работалъ до сихъ поръ въ партіи. Только не расхалаживайте меня, сдѣлайте для меня теперь все, что я прошу, послѣ я ни съ какими просьбами къ вамъ приставать не буду. Не портите только моего настроенія и нашихъ взаимоотношеній вначалѣ, а послѣ мы съ вами такъ сживемся, что... Я, вѣдь, очень привязываюсь къ людямъ. Вотъ и теперь меня, напримѣръ, страшно смущаетъ что? А то, что я вотъ съ вами здѣсь бражничаю, благодушествую, можно сказать, а тамъ въ тюрьмѣ томятся лучшіе мои друзья. Это сознаніе будетъ и впредь отравлять все удовольствіе въ жизни. Я вступаю съ вами въ соглашеніе, чтобы пользоваться жизнью, чтобы пожить въ свое удовольствіе, а какой чортъ тутъ удовольствіе, когда ежеминутно будешь сознавать, что твой близкій другъ въ тюрьмѣ. Тутъ всякая прелесть жизни утрачивается, а я ищу именно наслажденій и прелестей жизни. Вотъ еще почему, откровенно говоря, я и настаиваю на освобожденіи Минора и Бартольда.

— Такъ вы прямо такъ бы и говорили сразу! воскликнули они въ одинъ голосъ.

— А то вѣдь видно, что что-то замалчиваетъ человѣкъ; нужно все откровенно высказывать сразу, а не скрывать!—продолжаетъ полковникъ.

А Мартыновъ довольнымъ тономъ и весело-успокаивающе говоритъ: „Вотъ и прекрасно, что откровенно высказались. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что другъ другу нужно.“

Мартыновъ все время идетъ быстро на уступки, поддерживаетъ меня и старается улаживать остроту споровъ съ полковникомъ. Полковникъ, очевидно, въ глубинѣ души чуялъ, понималъ, быть можетъ, смутно, но понималъ меня и недовѣрялъ мнѣ. Хотя возражать на мои доводы и не могъ, а въ душѣ то чувствовалъ, что я имъ не другъ и другомъ быть никогда не могу. Онъ это безусловно чувствовалъ, но дать себѣ отчетъ, почему именно онъ это чувствуетъ, очевидно, не могъ. А Мартыновъ, тотъ менѣе наблюдателенъ, и я на него, очевидно, подѣйствовалъ сильнѣе. Онъ увѣрился во мнѣ почти

сразу. Полковникъ всегда упорно, проницательно уставлялся на меня, когда я смотрѣлъ ему въ глаза открытымъ взглядомъ, желая дать понять, что у меня не скрывается за моими словами никакой другой мысли, особенно мысли враждебной имъ — жандармамъ и охранкѣ. Мартыновъ же, наоборотъ, всякій разъ какъ будто смущался, когда я обращалъ на него свой открытый, ясный взоръ. У него или на совѣсти нечисто, или наоборотъ, онъ не такой еще подлецъ, какъ полковникъ, и моя подлость его смущала. Вѣдь, они, мерзавцы, должны же сознавать и безусловно сознавали, что я дѣлаю именно подлость, принимая ихъ предложеніе сотрудничать у нихъ. Какъ ни оправдывали они мой поступокъ въ моихъ глазахъ, называя провокацію не провокаціей, а „информаціей", и называя это чуть ли не святымъ дѣломъ для страны, для спасенія отечества.

Мартыновъ продолжалъ:

— Я васъ вполнѣ понимаю и раздѣляю ваши взгляды на это... Я прекрасно понимаю, что ваша счастливая жизнь была бы въ значительной степени отравлена сознаніемъ, что ваши товарищи лишены возможности пользоваться благами жизни. Что же, это вполнѣ понятно, и мы, съ своей стороны, готовы сдѣлать для васъ все возможное. Васъ, вѣроятно, связываетъ и общее участіе ваше въ какихъ либо боевыхъ дѣлахъ и т. п.

— О моихъ отношеніяхъ къ моимъ товарищамъ намъ говорить совсѣмъ излишне; я, напримѣръ, ничего не могу вамъ объяснить о нашихъ взаимоотношеніяхъ. Скажу только, что Бартольдъ, напр., во время моей болѣзни ухаживалъ за мной, какъ мать родная, и этого я ему забыть никогда не могу. Точно также и Минору. Я вамъ откровенно заявляю, что я на волю одинъ, безъ нихъ, ни за что не пойду. Освобождать, такъ освобождайте всѣхъ, а одинъ я не поѣду.

— Я лично, — говоритъ Мартыновъ, — ничего противъ этого не имѣю, но откровенно говорю, что врядъ ли департаментъ согласится на освобожденіе Минора. Трудно это, трудно, прямо невозможно, а вотъ Бартольда и, конечно, съ женой...

— Да, да, конечно съ женой вмѣстѣ, — говорю я.

— Такъ ихъ то хотя и съ большими затрудненіями, и я думаю, что можно будетъ освободить—говоритъ Мартыновъ. Что же давайте, Вл. Конст. — обращается онъ къ полковнику, — оборудуемъ это дѣло; ужъ если начали, такъ давайте доведемъ дѣло до конца.

— Авось, и насъ послѣ не забудете за это вы! — обращается онъ ко мнѣ. — Я охотно иду и пойду навстрѣчу вашимъ желаніямъ. Мнѣ, признаться, очень нравитесь вы; въ васъ есть что то такое . . . ну какъ бы это сказать . . . хорошее, смѣлое, удаль какая-то, что-ли, а это мнѣ очень нравится. Ей Богу, вы, въ концѣ концовъ, заставите, пожалуй, полюбить васъ.

— Ну, это мы вотъ вскорѣ же можемъ увидѣть на дѣлѣ, какъ вы относитесь ко мнѣ. А теперь я хочу высказать вамъ слѣдующее: Не смотря на наши всевозможныя размолвки и недоразумѣнія я все таки съ большимъ удовольствіемъ, съ большей охотой сталъ бы работать именно совмѣстно съ вами. Всѣ бывшія недоразумѣнія, вѣдь, въ сущности — мелочи. Не правда-ли?

— Да, да... конечно!

— О, конечно!

— Все бывшее между нами только дало намъ возможность узнать короче другъ друга, и только. Такъ что я, напр., противъ васъ ничего на душѣ не имѣю. Все непріятное безслѣдно канетъ, какъ только мы сообща приступимъ къ дѣлу, а потому я готовъ все сдѣлать, только бы покончить со всей этой канителью, какъ говоритъ полковникъ. Вамъ нужно, чтобы я далъ вамъ подписку? Извольте, я напишу. Потомъ вамъ нужно чтобы я сдѣлалъ вамъ сообщенія о партійной работѣ въ Поволжьѣ, и вы даже мирились на томъ, чтобы я подтвердилъ уже имѣющіяся у васъ свѣдѣнія; но я заявляю вамъ, что я готовымъ пользоваться не желаю. Кромѣ того, какія либо мелочи изъ жизни партіи я передавать не буду, этимъ я и пачкаться не стану, не буду размѣниваться на мелочи. А если и сообщу что либо, такъ сообщу нѣчто крупное, цѣлостное, цѣнное для васъ. На сообщенія по мелочамъ вы отъ меня и не разсчитывайте, я буду дѣлать провалы крупныхъ предпріятій, а мелочи меня только могутъ скомпрометировать. А если я скомпрометирую себя крупной выдачей, такъ, по крайней мѣрѣ, будетъ за мной нѣчто вѣсомое, послѣ чего я вправѣ разсчитывать на поддержку со стороны правительства и въ то время, когда я уже не буду имѣть возможности оказывать услуги вамъ. Чтобы убѣдить, наконецъ, и васъ и департаментъ въ серьезности моихъ намѣреній и въ томъ, что я вамъ теперь безусловно довѣряю, я вамъ теперь же готовъ сдѣлать крупныя разоблаченія партійныхъ тайнъ. Только вы оба должны мнѣ дать честное слово, что безъ моего согласія не будетъ арестовано ни одно лицо изъ указанныхъ мною. Арестъ ихъ или даже простой обыскъ у нихъ сразу же провалитъ меня. То, что я вамъ сообщу, есть строжайшая тайна. Тайна эта есть достояніе нѣсколькихъ лицъ, всѣ они на перечетъ, и потому не трудно будетъ догадаться, кто именно выдалъ эту тайну.

— Разумѣется, даемъ честное слово! Мы, вѣдь, и раньше говорили то же самое, что указанное вами лицо безъ вашего на то согласія арестовываться не будетъ. Повторяю, я даю вамъ честное слово, что я не нарушу даннаго мною вамъ обѣщанія въ этомъ, — говоритъ Мартыновъ.

— Я тоже даю честное слово вамъ въ этомъ,—промолвилъ полковникъ.

— Ну-съ, такъ слушайте. Прежде, чѣмъ пріѣхать въ Сара-

товъ, я заѣхалъ въ Казань и прожилъ тамъ около 2 ½ недѣль, а потомъ уже явился и въ Саратовъ и будто бы прямо изъ за границы, такъ какъ о своихъ дѣлахъ въ Казани я не имѣлъ права говорить абсолютно никому, даже Минору. Изъ дальнѣйшаго моего разсказа вы убѣдитесь насколько серьезно это дѣло. Не задолго предъ своимъ отъѣздомъ изъ за границы сюда, меня упорно приглашали въ боевую организацію сѣвернаго отряда партіи. Переговоры со мной велъ Савинковъ и сначала черезъ посредство одного изъ видныхъ партійныхъ работниковъ, а именно по кличкѣ „Янъ", иного имени его я не знаю.*) Но предложеніе было мнѣ сдѣлано въ такой обидной для меня формѣ, что я его отвергъ сразу же и, далъ, понять, чтобы ко мнѣ обращались не съ такими предложеніями, если разсчитываютъ на мое участіе въ ихней боевой О-ціи.

— А интересно, что они вамъ предлагали?

— Предлагали взять на себя технику, т. е. завѣдываніе лабораторіей для изготовленія взрывчатыхъ снарядовъ. Я, вѣдь, и этой части спеціалистъ своего рода. Химію террориста, если только такъ можно назвать эту область химіи, я знаю теоретически въ совершенствѣ. Я имъ заявилъ, что я боевикъ не пассивный, а активный, что у меня для этого достаточно силъ и энергіи, да, наконецъ, и сообразительности. И темперамента у меня достаточно, хватитъ, чтобы дѣйствовать не только въ лабораторіи. Потомъ Савинковъ видѣлся самъ со мной.

— Когда это, въ какомъ мѣсяцѣ?

— Въ августѣ. Видѣлся самъ со мной и снова приглашалъ работать съ собой и уже не въ качествѣ техника, но какъ своего ближайшаго сотрудника. Но я прекрасно понялъ, что именно онъ отъ меня хочетъ. Онъ просто хотѣлъ сладкими пѣсеньками расположить меня къ себѣ и наобѣщать для видимости чортъ знаетъ что, а на самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ использовать меня, какъ исполнителя какого либо террористическаго акта. Ему понравилось мое прошлое, понравилась моя біографія, и онъ разсчитывалъ, что если я и погибну, совершая какой либо актъ, такъ смертью моей можно будетъ воспользоваться въ агитаціонныхъ цѣляхъ. Вотъ молъ какіе хорошіе люди у насъ есть и идутъ умирать за наше правое дѣло и т. д. Я за это его глубоко возненавидѣлъ и злобу свою глубоко затаилъ и никогда не прощу ему этого. Я ему отомщу обязательно! Я, вѣдь, очень злопамятенъ и мстителенъ. Я не забываю добро, сдѣланное мнѣ кѣмъ-либо, но я не забываю и зла. Я ему при первомъ же удобномъ случаѣ отомщу за это**) Я предложеніе его отклонилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что я — да, готовъ пойти на все, но хочу вложить все свое творчество, всѣ свои знанія и силы, что роль простого

*) Разумѣется, имя это мною вымышлено, такого имени нѣтъ среди товарищей.

**) На самомъ дѣлѣ я тогда не видѣлся съ Савинковымъ, и онъ мнѣ никогда подобныхъ предложеній не дѣлалъ.

выполнителя мнѣ не улыбается, меня не сможетъ удовлетворить, что я вѣрю въ себя и считаю себя ничуть не худшимъ организаторомъ, чѣмъ „нѣкоторые иные"... Онъ сначала было разсердился, очевидно, на меня, потому что это послѣднее выраженіе ему не могло понравиться, но спустя нѣсколько дней онъ снова и ужъ серьезно предлагалъ мнѣ совмѣстно работать въ одной организаціи. Онъ предлагалъ раздѣлить сферыв ліянія и дѣйствовать самостоятельно, каждой въ своей сферѣ. Но я и отъ этого уклонился и сказалъ, что хочу ѣхать на Волгу и тамъ развернуться, что называется, во всю. Я тогда раскинулъ предъ нимъ во всей широтѣ картину предстоящей моей дѣятельности на Волгѣ и этимъ далъ понять съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Я такъ увлекся, разсказывая ему о своихъ планахъ, что онъ съ восторгомъ и даже завистью слушалъ меня. Иначе, какъ только съ одобреніемъ, онъ ко мнѣ отнестись, конечно, не могъ. И вотъ тогда то онъ далъ мнѣ адресъ къ одному чиновнику въ Казань и сообщилъ пароль къ нему. Просилъ обставить свое свиданіе съ нимъ абсолютной тайной отъ всѣхъ, даже, чтобы ни одна душа не знала и въ Ц. К. О сущности дѣла ничего не сказалъ, такъ какъ не имѣлъ на это права, а сказалъ, что узнаю это отъ человѣка, съ которымъ буду видѣться. Я такъ и сдѣлалъ. Пріѣхалъ въ Казань и, послѣ нѣсколькихъ этаповъ, увидѣлся съ тѣмъ, съ кѣмъ было нужно видѣться. Это оказался человѣкъ, котораго я раньше прекрасно зналъ. Зналъ и онъ меня отлично. Сначала мы говорили о дѣлахъ партіи вообще и моихъ намѣреніяхъ въ частности. Онъ такъ обрадовался мнѣ, такъ обрадовался тому, во что я посвятилъ его, что безъ всякихъ предосторожностей посвятилъ меня въ то дѣло, о которомъ зналъ и Савинковъ и о которомъ онъ послалъ меня переговорить съ этимъ человѣкомъ. *Дѣло касается Общероссійской военной организаціи высшихъ чиновъ.* Не смѣшивайте съ вообще военной организаціей. Это военная организація именно *высшихъ военныхъ чиновъ**). Видите ли, отчасти, а можетъ быть и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ примѣра младотурокъ, среди нашихъ высшихъ военныхъ возникла мысль о возможности создать въ Россіи государств. переворотъ при помощи военной орг-ціи. Конечно, тутъ не малую силу имѣли и чисто кастовые интересы. И это вполнѣ понятно. Положеніе, какое теперь занимаетъ военный классъ въ Россіи, очень многимъ самимъ же военнымъ не нравится. Съ тѣхъ поръ, какъ военные суды и смертные приговоры, въ изобиліи выносимые ими, стали обычнымъ явленіемъ въ нашей россійской дѣйствительности, такъ съ тѣхъ поръ взглядъ общества, взглядъ всей страны на военный классъ измѣнился. Въ военной силѣ теперь никто не

---

*) Ничего похожаго въ дѣйствительности я не зналъ и ни съ кѣмъ въ Казани не видѣлся по той простой причинѣ, что я въ Казань и не заѣзжалъ.

хочетъ видѣть защитниковъ и славу отечества, а наоборотъ позоръ и угнетеніе страны. Военный мундиръ теперь сталъ не менѣе позорнымъ, чѣмъ мундиръ полицейщика или жандарма. (При этихъ словахъ мои слушатели характерно переглянулись. Я дѣлаю видъ, что не замѣчаю этого). Отъ участія въ военныхъ судахъ многіе изъ высшихъ военныхъ чиновъ уклоняются, даже не останавливаются предъ выходомъ въ отставку. А такое, напримѣръ, положеніе офицерства, какое царитъ подъ эгидой Сандецкаго въ Казанскомъ военномъ округѣ, представляетъ весьма благопріятныя условія для броженія среди офицерства. Если къ этому прибавить еще общее положеніе дѣлъ въ нашемъ „конституціонномъ", съ позволенія сказать „конституціонномъ" отечествѣ, такъ ничего нельзя желать лучшаго для зарожденія названной мной организаціи. Организація эта поставила себѣ серьезныя цѣли и устроилась очень умно. Я не буду подробно излагать вамъ уставъ этой Организаціи, я его постараюсь вамъ доставить написаннымъ. Въ общемъ-то онъ очень напоминаетъ уставъ Пестеля. Теперь я укажу только на нѣкоторыя его части. Такъ, напримѣръ, въ о-цію они принимаютъ только послѣ тщательнаго освѣдомленія о лицѣ. Узнаютъ его, что называется, насквозь. Молодыхъ офицеровъ и особенно „горячія головы" рѣшено не принимать совсѣмъ. Принимаются только люди уравновѣшенные и установившіеся. За выдачу тайны — смертная казнь. Средства о-ціи составляются и изъ членскихъ взносовъ, но, главнымъ образомъ, экспропріируются для сей цѣли средства казенныя.

— Какъ такъ — экспропріируются?

— А очень просто, въ интендантство они стараются втирать своихъ членовъ, и экспропріаціи тамъ совершаютъ безъ всякаго шума, — тихо, мирно, безъ хлопотъ. Такъ что интендантскія хищенія не всѣ и не вездѣ идутъ на личныя потребности интендантовъ, а и въ кассу ихъ о—ціи . . . . . . Кромѣ того, ей приходится революціонными же путями бороться и за свое собственное существованіе, такъ, напримѣръ, путемъ устраненія нѣкоторыхъ лицъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ, которые препятствуютъ росту этой о-ціи. Сандецкій, конечно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду такихъ лицъ, кои подлежатъ устраненію. Но о-ція свои силы на это затрачивать безъ крайней необходимости и особенно въ началѣ своего существованія не хочетъ, а потому она охотно будетъ пользоваться услугами, помощью въ этомъ отношеніи революціонныхъ партій. Въ данномъ случаѣ — помощью П. С. Р.; но она, т. е. Военная Организація высшихъ чиновъ непосредственно связываться съ партіей, связываться организаціонно не желаетъ. Это, говорятъ, не прочно. У васъ, говорятъ они, въ партіи и провокація и провалы частые и составъ членовъ не такъ строго партіенъ, такъ что, оберегая существованіе о-ціи, мы съ

партіей С.-Р. будемъ сноситься только черезъ одного своего представителя, да и то не непосредственно, а при посредствѣ третьяго нейтральнаго лица, которое мы, т. е. Воен. О-ція, можемъ выбирать даже не постоянное, а только для отдѣльныхъ случаевъ и даже каждый разъ мѣнять, а не одно и то же лицо, чтобы такимъ образомъ не могли насъ прослѣдить. Денежныя записи у нихъ ведутся всѣ подъ видомъ счетовъ карточной игры. Даже термины для обозначенія нѣкоторыхъ вещей у нихъ взяты изъ карточной игры. Такъ что, организація законспирировалась очень строго. Несмотря на то, что я пользовался тамъ безусловнымъ довѣріемъ и несмотря на то, что эта о-ція имѣла ко мнѣ непосредственно просьбу, я видѣлся съ посредникомъ и только съ однимъ представителемъ. Но отъ нихъ узналъ я о другихъ лицахъ. Такъ что я теперь могу указать только на трехъ членовъ этой о-ціи, а именно полковники Кречетовичъ, Черноглазовъ и Панафутинъ. Послѣдній, несмотря на то, что слыветъ какъ ярый монархистъ, но въ о-ціи онъ, на самомъ дѣлѣ, ярый сторонникъ примѣненія террора къ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ. *)

Позднѣе я, конечно, смогу заручиться и документальными данными о дѣятельности о-ціи и спискомъ ея членовъ. О томъ конкретномъ дѣлѣ, для котораго я пріѣзжалъ къ нимъ, я умолчу, я о немъ вамъ сообщу позднѣе. Это, вѣдь, не къ спѣху, можете не торопиться съ мѣрами пресѣченія ихней дѣятельности.

— О это важно, это очень важно! — говоритъ Мартыновъ.

— Объ этомъ непремѣнно нужно сообщить въ Петербургъ, это очень важно, — говоритъ полковникъ.

— Такъ. Ну вотъ объ этомъ я пока такъ и закончу. Подробностей много, разсказывать о нихъ нужно долго, а теперь я вамъ сообщу о другомъ, не менѣе важномъ дѣлѣ. Это — о подготовлявшейся мною экспропріаціи Чебоксарскаго казначейства. Указать на лицъ, содѣйствовавшихъ мнѣ, и на тѣхъ, которые должны были сами непосредственно принимать участіе въ этой экспропріаціи, я не могу, нельзя. Но чтобы не дать возможности совершиться ей, такъ я вамъ все же кое-какія указанія сдѣлаю.

— А развѣ и безъ васъ ее могутъ совершить?

— Да, могутъ; я вамъ говорю, что я съ ними все время поддерживаю сношенія и даю имъ кое-какія руководящія инструкціи. Чтобы помѣшать этой экспропріаціи, вы должны спугнуть ихъ, должны сдѣлать видъ, что вы напали на вѣрный

*) Эти три полковника — члены Казанскаго Военнаго Суда. Я ихъ отлично знаю. Панафутинъ — настоящій мерзавецъ, сволочь, а не человѣкъ. Кречетовичъ отличается отъ другихъ нѣкоторой гуманностью, а Черноглазовъ этимъ же, но только рѣже, въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ. Но всѣ они трое выносили не разъ смертные приговоры товарищамъ, такъ что оговоръ такихъ лицъ въ сущности для нихъ ничего не стоитъ, не опасенъ.

слѣдъ и сможете ихъ накрыть, нужно произвести переполохъ среди нихъ и этимъ отсрочить моментъ совершенія экса. Нужно спугнуть руководителя этого дѣла, которому я передалъ уже изъ тюрьмы все веденіе боевыхъ дѣлъ въ Поволжьи. Для этого вы должны произвести обыскъ въ г. Казани у зубного женщины врача Гурляндъ и, если у ней окажется нелегально проживающій человѣкъ, такъ его нужно временно арестовать, но именно — только временно и въ тюрьму не помѣщать, а выдержать съ недѣлю въ участкѣ и потомъ освободить. Самую же Гурляндъ ни въ коемъ случаѣ не трогать. *) Нужно ее оставить. Она послѣ произведеннаго у ней обыска сейчасъ же предупредитъ кое-кого, и это произведетъ такой переполохъ, что чертъ знаетъ что. А если у ней никого изъ нелегальныхъ не накроете, то цѣль все равно будетъ достигнута. Ясно будетъ для всѣхъ, что за руководителемъ слѣжка и, слѣдовательно, съ нимъ дѣло имѣть нельзя. Онъ долженъ скрыться, чтобы не дать возможности полиціи и шпикамъ пользоваться имъ, какъ маякомъ, по которому могли бы выслѣдить и другихъ. Это значительно разстроитъ планы. Ну а потомъ я самъ, выйдя на волю, сдѣлаю еще кое-что, что совершенно сдѣлаетъ невозможной эту экспропріацію.

— А вдругъ, да они какъ нибудь такъ измѣнятъ планы, что мы все равно не сумѣемъ предупредить этотъ эксъ? Вы что нибудь намъ еще сообщите, чтобы мы подробнѣе знали объ обстоятельствахъ этого дѣла. А мы даемъ вамъ честное слово, что ни одно лицо не будетъ арестовано прежде, чѣмъ мы не посовѣтуемся съ вами, а съ Гурляндъ и съ нелегальнымъ, котораго у ней арестуемъ, мы поступимъ такъ, какъ вы говорите. Вы намъ что нибудь еще дайте, дайте болѣе подробныя свѣдѣнія, чтобы мы не тревожились и могли бы предупредить этотъ эксъ во время, — проситъ Мартыновъ.

— Извольте! Эксъ этотъ долженъ совершиться не ранѣе открытія навигаціи. Слѣдите за пароходомъ Андреева „Лѣсопромышленникъ", онъ вамъ укажетъ все. Вотъ и только. Вы понимаете меня.

— Да, понимаемъ. Вотъ какъ у васъ обставлено дѣло!

— Такъ, такъ... За пароходомъ мы установимъ тщательное наблюденіе. Онъ теперь гдѣ?

— Здѣсь, около Саратова.

---

*) Въ своихъ «Запискахъ» Петровъ затѣмъ еще разъ возвращается къ этому указанію на Гурляндъ и пишетъ:

... «Наканунѣ Пасхи нагрянутъ проклятые архангелы къ женщинѣ ни въ чемъ неповинной, ничего не знающей, перепугаютъ ее, перероютъ все... Это ей сюрпризъ передъ праздникомъ... А помню, когда я сидѣлъ въ казанской тюрьмѣ, она приходила въ тюрьму и, по моей просьбѣ, безплатно пломбировала зубы политическимъ заключеннымъ всей тюрьмы, въ томъ числѣ и мнѣ. За добро я ей плачу непріятностью! Но, думаю, когда она впослѣдствіи пойметъ въ чемъ дѣло, такъ все же не будетъ бранить, порицать меня...»

— Такъ, такъ... Мы на него, Влад. Конст., пожалуй, можемъ поставить своего человѣка въ видѣ служащаго.

— Да, пожалуй, можно. Однако, какъ это все вы успѣли такъ обставить ловко!

— Да это что? А вотъ онъ, не смотря на то что въ тюрьмѣ сидитъ, а умудряется руководить дѣломъ и оттуда. Вотъ это ловко, такъ ловко.

— Вотъ я, пожалуй, сейчасъ передамъ и вамъ кое-что изъ моей переписки. Нѣтъ, пожалуй, это послѣ.

— Зачѣмъ же послѣ? вы дайте намъ сейчасъ.

— Нѣтъ, сейчасъ вы этого отъ меня не получите. Не дамъ, а вотъ я, пожалуй, сообщу еще вамъ и о третьемъ дѣлѣ.

— Прекрасно, давайте за одно уже, — весело говоритъ Мартыновъ.

— Конечно, вы должны намъ все сообщить, все что знаете, — говоритъ полковникъ.

— Нѣтъ, ошибаетесь, вовсе я не долженъ вамъ сообщать даже не только что всего, а вообще ничего, до тѣхъ поръ пока не получу что либо съ вашей стороны. Вы вотъ, полковникъ, все время твердите мнѣ — то я долженъ сдѣлать, другое долженъ сдѣлать, это долженъ сообщить, это долженъ написать, все долженъ, долженъ, а за что, собственно говоря, долженъ? Что вы для меня сдѣлали? Ровнымъ счетомъ ничего. Обѣщанія пока только обѣщаніями и остаются. Довольно. Мы съ вами должны пока быть какъ коммерсанты: первымъ долгомъ расчетъ выгоды. Такъ вѣдь? ха, ха, ха, — смѣясь, весело говорю я.

— Конечно такъ! — соглашаются со мной оба.

— Ну, вотъ что, — говоритъ Мартыновъ. — Вы скажите мнѣ откровенно: того, что вы намъ сообщили, достаточно будетъ для своевременнаго предупрежденія этого экса?

— Да, достаточно!

— Я вамъ вѣрю и разспрашивать васъ больше не буду. То, что нужно, вы и сами сообщите, когда это найдете нужнымъ.

— И я тоже самое скажу. Вы, слѣдовательно, берете это на свою отвѣтственность?

— Да, беру.

— Ну вотъ и прекрасно. А то, третье-то дѣло не требуетъ немедленнаго же вмѣшательства?

— И даже очень возможно, что требуетъ и очень возможно что возможно скораго, но... но пока все-же опасности нѣтъ. А будетъ, такъ я сообщу, не безпокойтесь. Теперь же говорить объ этомъ я не хочу. А то я выжму изъ себя все и этимъ пожалуй обезцѣню себя, ха, ха, ха! Не то что на самомъ дѣлѣ обезцѣню, но вы это можете вообразить. Пожалуй, удовольствуетесь и тѣмъ, что уже получили отъ меня. А то, что вы получили, это вѣдь дѣла огромной важности. Вы это понимаете.

— Мы это понимаемъ и глубоко благодарны вамъ и по-

вѣрьте, сумѣемъ оцѣнить васъ. Напрасно только вы насъ подозрѣваете въ недобросовѣстности. Ну, да я надѣюсь, что скоро у васъ это пройдетъ совершенно. Вы увидите, что мы за люди. Во всякомъ случаѣ, мы то вамъ вѣримъ и полагаемся на васъ.

— И знайте, что ваше довѣріе я сумѣю оправдать. Докажу это на дѣлѣ, — говорю имъ я. — А теперь давайте, я напишу вамъ бумажку, нужную для Департамента Полиціи.

— Бумага эта вамъ будетъ возвращена вскорѣ же, такъ какъ я туда пошлю ее только для того, чтобы показать имъ. Бюрократы, вѣдь, тамъ у насъ засѣдаютъ. Имъ документы представь. А намъ то, конечно, она ненужна. Зачѣмъ? Мы и такъ вѣримъ вамъ. А я попрошу ее мнѣ немедленно возвратить, тогда вы ее можете куда угодно дѣвать. Она намъ ненужна, а Департаменту скажу, что буду ее хранить у себя. А потомъ, когда и деп. убѣдится въ вашей дѣятельности, такъ, само собой, и ему никакой бумаги ненужно будетъ и про эту бумагу совершенно забудетъ.

— Да это все равно, — говорю имъ я; — конечно, лучше если она тамъ не застрянетъ.

Бумагу эту я написалъ такъ:

„1909 года, марта 21 дня, я, бывшій офицеръ Севастопольскаго гарнизона Андрей Ясненко, *состоялъ* членомъ партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; сфера моей дѣятельности боевая; былъ судимъ и сосланъ въ каторжныя работы, но въ концѣ 1907 года бѣжалъ изъ Александровской каторжной тюрьмы и скрылся заграницу. Проживъ нѣкоторое время тамъ и оправившись отъ болѣзни, возникшей вслѣдствіе полученныхъ мною во время оно ранъ, я рѣшилъ ѣхать вновь въ Россію на партійную работу. Отъ предложенія, сдѣланнаго мнѣ Савинковымъ, работать совмѣстно съ нимъ въ Сѣверномъ Боевомъ Отрядѣ я отказался, а имѣя широкое знакомство въ широкихъ партійныхъ кругахъ и благодаря личнымъ хорошимъ отношеніямъ съ руководителями партіи, членами Центральнаго Комитета, мнѣ самому были предоставлены широкія полномочія въ сферѣ моей дѣятельности, и, пользуясь этимъ, я поѣхалъ сюда, на Волгу, какъ руководитель всей боевой дѣятельностью въ Поволжьѣ. Отъ Центральнаго Комитета мною была получена санкція на совершеніе террористическаго акта надъ командующимъ войсками казан. Воен. Округа, генераломъ Сандецкимъ, и на совершеніе экспропріаціи казенныхъ суммъ изъ Чебоксарскаго казначейства.

Акты эти были санкціонированы членами Ц. К-та Викторомъ Черновымъ, Натансономъ и Аргуновымъ.

Совмѣстно съ Миноромъ и Бартольдомъ было приглашено нѣсколько лицъ для совмѣстной съ нами работы, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1908 года мы выѣхали разными путями и въ разное время сюда, въ Саратовскую и Самарскую губерніи.

Вслѣдствіе разныхъ между товарищами по партіи, недоразумѣній, возникшихъ еще до моего пріѣзда изъ заграницы и обострившихся еще сильнѣе здѣсь, я здѣсь пришелъ къ рѣшенію бросить партійную работу, выйти изъ партіи.

Но чтобы имѣть средства для существованія и желая вознаградить себя за цѣлые годы самоотверженной и безкорыстной работы въ партіи, я рѣшилъ совершить здѣсь крупную экспропріацію и прикарманить изъ нея солидную сумму для себя, а потомъ скрыться въ Америку, заявивъ партіи, что я въ силу того, что сталъ извѣстенъ почти вездѣ и всюду полиціи, что вслѣдствіе этого дальше мнѣ работать невозможно, а потому и устраняюсь на время отъ партійной работы. Но 2-го янв. 1909 года я былъ вмѣстѣ съ другими арестованъ въ г. Саратовѣ подъ фамиліей Филатова.

Принявъ предложеніе Нач. Сарат. Губ. Жанд. Управленія и Начальника Сарат. Охран. Отд. поступить на службу къ нимъ въ качествѣ секретнаго сотрудника, я подробно объяснилъ имъ о партійной работѣ въ Поволжьи вообще и въ частности сдѣлалъ имъ указанія объ Общероссійской Воен. О-ціи Высшихъ Чиновъ, объ экспропріаціи въ Чебоксарахъ и партійной типографіи въ г. Сызрани. А также и о своей личной дѣятельности въ Саратовской, Самарской и Пензенской губерніяхъ.

1909 г., 21 марта. *А. Ясненко.*"

Передаю имъ написанное и спрашиваю — „довольно?" Они оба сіяютъ и едва сдерживаютъ охватившее ихъ радостное волненіе. Потомъ полковникъ беретъ эту бумажку и кладетъ въ ящикъ своего стола и запираетъ его на ключъ. Онъ точно боится, какъ бы я не взялъ ее у него обратно, но не хочетъ показать, что запираетъ ее отъ меня и говоритъ:

— Видите, какъ я берегу подобные документы, ни на минуту не оставляю ихъ незапертыми, чтобы какъ нибудь не забыть, и чтобы не прочли ихъ другіе. Теперь все можно будетъ устроить и скоро и хорошо. Я вотъ сейчасъ же поѣду посовѣтуюсь съ Татищевымъ.

— Съ кѣмъ это еще? — перебиваю я его.

— Съ нашимъ губернаторомъ, съ нашимъ непосредственнымъ высшимъ начальствомъ.

— Зачѣмъ это и о чемъ вы съ нимъ хотите говорить?

— Да вы не безпокойтесь, онъ уже обо всемъ освѣдомленъ. Я обязанъ былъ освѣдомить его, а теперь тѣмъ болѣе, т. к. на побѣгъ вашъ безъ разрѣшенія его я не могу согласиться Тутъ какъ никакъ, а долженъ пострадать и я и унтера, которые поведутъ васъ. Нужно это обставить какъ слѣдуетъ.

Я гляжу на нихъ пристально на того и другого. Теперь они чувствуютъ себя своего рода побѣдителями, хозяевами положенія. Да, еще бы, какъ имъ этого не чувствовать. Бумага

то моя, вѣдь, теперь у нихъ. Они понимаютъ, что этимъ я закабалилъ себя безвозвратно. Но ни тотъ, ни другой явно своего торжества не показываютъ, а, наоборотъ, стараются со мной быть еще вѣжливѣе, еще предупредительнѣе и силятся скрыть свое внутреннее волненіе. Мартыновъ не выдержалъ, — началъ говорить мнѣ комплименты, рисовать заманчивыми красками жизнь мою послѣ выхода моего на волю и потомъ закончилъ тѣмъ, что о планѣ моего побѣга и о способѣ освобожденія изъ тюрьмы Минора, Бартольда, Петровой и другихъ товарищей: „вы, дескать, переговорите съ Влад. Конст., а мнѣ, говоритъ, нужно бѣжать, тороплюсь въ одно мѣсто на свиданіе по „серьезному“ дѣлу“. Прощается и уходитъ.

Остаемся одни съ полковникомъ. Онъ мнется, не зная съ чего начать и какъ начать. Я рѣшилъ и виду не подавать, что считаю взаимоотношенія наши измѣнившимися, и начинаю развязно и отчасти весело говорить:

— Я думаю, что для Департамента бумажки этой будетъ достаточно...

— О, да! — перебиваетъ меня полковникъ.

— Я не сталъ тамъ много писать о себѣ. О себѣ я могу подробно написать и послѣ. Да я, собственно, и теперь и послѣ писать о себѣ не хотѣлъ бы, а лучше разсказалъ бы А то я самъ буду чувствовать себя не свободно, если вамъ будетъ извѣстно изъ моей дѣятельности нѣчто такое, что могло бы мнѣ угрожать серьезнымъ наказаніемъ. Даже и разсказывать я о себѣ подробно, пожалуй, не буду. Для чего вамъ? Знайте меня такимъ, какимъ видите. А если вы будете за мной знать кое-что, я говорю, что можетъ мнѣ угрожать серьезной карой, такъ я все время буду безпокоиться и тревожиться, предполагая, что чуть-что не поладишь съ вами, такъ вы цапъ-царапъ да и только. Я свободно могу работать тогда, когда мнѣ ничто не угрожаетъ, когда мнѣ нѣтъ основаній скрываться, бѣгать отъ васъ, когда я не связанъ никакими контрактами Такъ вѣдь?

— Само собой разумѣется, и мы именно такъ вѣдь и хотимъ, чтобы работали у насъ свободно, безъ принужденія. А эта бумага ваша, я говорю, что только для Департамента. Нужно, вѣдь, заручиться отъ нихъ согласіемъ на удовлетвореніе всѣхъ вашихъ требованій.

— Ну, а если Департаментъ не дастъ своего согласія?

— Тогда? Тогда я не знаю, что съ вами дѣлать. Вотъ я и хочу посовѣтоваться, на всякій случай, съ Татищевымъ. Онъ очень интересуется вами, и, если Департаментъ не пойдетъ на встрѣчу намъ, такъ мы постараемся это дѣло уладить своими силами.

— Прекрасно! Когда же я узнаю о результатахъ вашихъ переговоровъ съ нимъ?

— Да завтра же.

— Какъ же вы извѣстите меня объ этомъ? Такъ часто вызывать меня сюда нельзя?

— Ничего, не бойтесь, мы сумѣемъ это сдѣлать. Я думаю, черезъ день можно опять здѣсь же видаться?

— Ну, хорошо. Слѣдовательно, черезъ день мы увидимся?

— Да, да, чрезъ день я вызову васъ сюда, если все будетъ обстоять благополучно. Я, вѣдь, завтра же жду отвѣта изъ Департамента, что онъ скажетъ о васъ. Если все благопріятно, такъ черезъ день я васъ вызову.

— Отлично! До свиданія!

Ухожу.

* * *

Итакъ, въ этотъ разъ мною былъ сдѣланъ шагъ, безповоротно закрѣпившій мое вступленіе въ непосредстненную связь съ охраннымъ. Документъ, выданный мной, есть документъ огромной важности. Въ немъ я, кромѣ указаній на характеръ своей дѣятельности, кромѣ того, что я въ немъ себя выставилъ негодяемъ, авантюристомъ, пользующимся партіей для своихъ цѣлей, — въ немъ я указалъ еще и то, что Борисъ Бартольдъ пріѣзжалъ въ Саратовъ, какъ членъ П. С.-Р. для партійной работы, что для сей же цѣли пріѣзжали сюда и Миноръ, Перковскій и Воронинъ. Хотя это имъ и безъ меня извѣстно и хотя у нихъ имѣлись документальныя данныя противъ всѣхъ этихъ лицъ, какъ членовъ П. С.-Р., но это теперь подтверждено, слѣдовательно, и моей бумагой. Кромѣ того, они мнѣ говорили, что имъ извѣстно, что акты эк-совъ и на Сандецкаго санкціонированы членами Ц. К. Миноромъ, В. Черновымъ и Аргуновымъ. Слѣдовательно, у нихъ и объ этомъ имѣлись свѣдѣнія, хотя и не совсѣмъ вѣрныя. Акты эти я не знаю были ли санкціонированы Ц. К-омъ на самомъ дѣлѣ, но отъ Бориса я слышалъ, что актъ на Сандецкаго санкціонировалъ Ц. К., но при какомъ составѣ, онъ не сказалъ, а я его не спрашивалъ. Полагая, что В. Черновъ, Натансонъ и Аргуновъ, люди достаточно скомпрометированные и находящіеся на волѣ, нисколько не пострадаютъ, если я на нихъ наклевещу въ своей бумагѣ, а это дастъ мнѣ нужное довѣріе. Это подло, но я рѣшилъ переступить чрезъ это. Только вмѣсто Минора вписалъ Натансона. Итакъ, въ этой бумагѣ, чтобы ничего не выдавать дѣйствительно существующаго, я, создавая миѳы о Воен. Орган. высшихъ чиновъ и объ экспропріаціи чебоксарскаго казначейства, оклеветалъ цѣлый рядъ лицъ. Хотя, я, поступая такъ, прежде всего подумалъ и о томъ, какъ это можетъ отразиться на оклеветанныхъ мною. Рѣшилъ, что они пострадать не должны. Къ тому же, вѣдь, въ скоромъ времени обнаружится истинная цѣль выдачи этого документа, такъ ясна будетъ для всѣхъ и кле-

вета, слѣдовательно — бумага эта будетъ совершенно обезцѣнена. Самое ужасное то, что я на этотъ разъ окунулся съ головой въ грязи и подлости, въ какой и благодаря которой и существуетъ охранное. Но я, вѣдь, заранѣе зналъ это. Рѣшаясь на двойную игру съ охраннымъ въ цѣляхъ интересовъ партіи, я зналъ, что мнѣ придется по горло встать въ грязь и атмосферу мерзости, но я пошелъ и на это. Я говорилъ себѣ: — пусть я встану въ грязь, но я перенесу чрезъ эту грязь въ поднятыхъ рукахъ подъ головой своей, хотя бы для того пришлось и захлебнуться въ грязи, — перенесу чрезъ грязь, высоко держа, чистымъ и незапятнаннымъ знамя партіи.

* * *

Съ полученнымъ отъ Петрова документомъ начальн. саратовскаго жандармскаго управленія, полковникъ Семигановскій, отправился въ Петербургъ. За время его отсутствія Петровъ видѣлся еще разъ съ начальникомъ саратовской охранки Мартыновымъ, изъ продолжительной бесѣды съ которымъ мы опускаемъ лишь ея вступительную часть.

. . . .

— Прежде чѣмъ разсказать вамъ въ чемъ дѣло, вы отвѣтьте мнѣ еще на одинъ вопросъ и тоже совершенно правдиво, при чемъ я даю вамъ слово, что каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ на него, я о немъ абсолютно никому и никогда не скажу. Какъ будто я о немъ не слыхалъ отъ васъ. Только отвѣчайте правдиво.

— Обѣщаю, охотно обѣщаю. Спрашивайте.

— Желательно вамъ или полковнику убійство Сандецкаго?

— Что вы?! Какъ можно! Ни въ коемъ случаѣ!

— А если не вамъ, такъ можетъ ли быть это желательнымъ казанскому жандармскому управленію?

— Тоже ни въ коемъ случаѣ. Если только Сандецкій будетъ убитъ, казанское жандармское управланіе полетитъ къ черту.

— Быть можетъ, полетитъ, но съ повышеніемъ?

— Завѣряю васъ чѣмъ хотите, что это не такъ. Что мнѣ доподлинно извѣстно, что начальн. казанск. жандармск. управл. чуть не головой отвѣтственъ за сохранность Сандецкаго и онъ взялъ на себя эту отвѣтственность. У него есть серьезный сотрудникъ, и онъ вполнѣ надѣется на него, такъ же какъ мы на васъ.

— Чѣмъ же тогда объяснить попустительство какое дѣлается организаціей, задавшейся цѣлью убить Сандецкаго?

— Ей-Богу не знаю, — растерянно говоритъ Мартыновъ.

— А вы развѣ не освѣдомлены о всѣхъ дѣлахъ партіи въ Поволжьи?

— Освѣдомленъ по стольку, по скольку это является нужнымъ для моего района.

— А вы развѣ не областникъ?

— Нѣтъ. У насъ и вообще не существуетъ теперь областника. У насъ теперь нѣтъ такой централизаціи, какая была и есть въ с.-р-овскихъ организаціяхъ. Мы обязаны немедленно же сообщать другъ другу все, что только знаемъ о томъ, что можетъ касаться того или другого района. Потомъ мы часто съѣзжаемся, совѣтуемся, такъ что надобности въ областникѣ не встрѣчается. Но, хотя я и не областникъ, мнѣ извѣстно, какъ обстоятъ дѣла въ Казани. Насколько мнѣ извѣстно, тамъ у насъ дѣло поставлено великолѣпно. Тамъ есть у насъ серьезный сотрудникъ, и мѣстное отдѣленіе бываетъ всегда хорошо освѣдомлено о всемъ, что нужно. А что, развѣ вамъ что нибудь извѣстно?

— А вы что-нибудь знаете о готовящемся покушеніи на Сандецкаго?

— Знаю, но не все. Однако, достовѣрно знаю, что въ скоромъ времени опасаться за него пока нечего.

— Вы думаете? А знаете вы что нибудь о переполохѣ, какой произошелъ въ тамошней боевой организаціи, благодаря одной ихней неосторожности?

— Нѣтъ, не знаю и тамъ ничего не знаютъ. Ни о какомъ переполохѣ тамъ не слыхали. Я видѣлся на дняхъ съ начальникомъ казанск. жандармск. управл., онъ же завѣдуетъ и охраннымъ отдѣленіемъ.

— А завѣряете, что тамъ не можетъ быть попустительства. Какъ же не попустительство, когда они и отъ васъ это скрыли?

— Что, что такое?!

— Нѣсколько недѣль тому назадъ, такъ приблизительно недѣли 2-3-3½ тамъ, въ Казани, произошла „проруха" у боевиковъ. Изъ одной конспиративной квартиры, гдѣ обыкновенно часто бываетъ начальникъ боевой летучки, была отправлена съ боевикомъ же „пикриновая кислота" въ коробкѣ. Извѣстно, что „милинитъ" приготовляется изъ этой кислоты. Отправляли ночью, а несшій ее не замѣтилъ, что когда онъ уронилъ этотъ свертокъ по выходѣ изъ воротъ квартиры, такъ на деревянномъ тратуарѣ и на снѣгу остались слѣды отъ немножко высыпавшейся изъ свертка пикринки. Свертокъ этотъ у нихъ таскался давно, коробка была помята, и изъ нея сильно сыпалось содержимое, но пока не было замѣтно, т. к. она была завернута въ нѣсколько слоевъ. При паденіи же бумага немножко разорвалась, и мало того, что на мѣстѣ осталось немного высыпанной пикринки, она продолжала понемножку сыпаться и всю дорогу. Такъ что путь къ человѣку, приготовлявшему снарядъ, былъ указанъ. А пикринка передавалась именно тому, кто долженъ былъ приготовить снарядъ. Пикринка окрашиваетъ въ характерный желто-зеленоватый цвѣтъ и ни съ платья ни съ тѣла не смывается въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Вечеромъ окраску пикринкой совершенно

не замѣтили, а на утро, конечно, всѣ только ахнули, увидавъ слѣды пикринки. Полиція, конечно, не могла не замѣтить такихъ слѣдовъ и не могла не знать, чѣмъ именно окрашены подъѣзды у двухъ домовъ и путь между ними. Такъ что ясно было, что вотъ-вотъ нагрянутъ на эти квартиры. Всѣ наши, конечно, бѣжать, кто куда могъ, наскоро разсчитавшись съ хозяевами, которые только глаза таращили; что это, дескать, съ нашими постояльцами вдругъ случилось? А на одной изъ этихъ квартиръ разсчитаться то разсчитались, а за багажемъ то такъ и не приходили, — бросили его совсѣмъ. Согласитесь сами, что подобная исторія не могла быть не замѣчена никѣмъ хотя бы изъ филеровъ. Не слѣпыми же они ходятъ по городу то.*) Вотъ почему я и думаю, что въ Казани у васъ обстоитъ дѣло не совсѣмъ чисто. Развѣ нельзя предполагать, что тутъ въ дѣйствіяхъ казанскаго жанд. управленія существуетъ еще и закулисная сторона. Сандецкій будетъ убитъ, оффиціально сначала начальника казанскаго управленія какъ бы накажутъ, а потомъ... Развѣ не бываетъ этого? Тутъ у васъ, вѣдь, такая неразбериха идетъ... кто противъ кого или за кого и самъ чертъ не разберетъ.

(Думаю себѣ, что хорошо бы было пустить между ними раздоры; перессорить ихъ другъ съ другомъ, пусть собаки грызутся, отъ этого мы только въ выигрышѣ!).

— Правда то правда это. Вы объ этомъ пока не говорите съ Вл. Конст., я съ нимъ самъ поговорю, и безусловно объ этомъ придется сообщить куда слѣдуетъ. И за нами, вѣдь, тоже слѣдятъ и насъ, вѣдь, тоже обставляютъ слежкой не меньше, пожалуй, чѣмъ васъ, сотрудниковъ. Чертъ знаетъ, какъ вы меня этимъ озадачили. Я и самъ за нимъ кое-что замѣчалъ, но сообщенное вами меня все-таки сильно удивляетъ. Во всякомъ случаѣ, это очень важное, очень важное сообщеніе, быть можетъ важнѣе, чѣмъ все сказанное вами раньше.

— Такъ вотъ я и спрашиваю васъ, — увѣрены ли вы въ томъ, что въ ближайшемъ будущемъ за Сандецкаго опасаться нечего?

— Нѣтъ, теперь не увѣренъ; даже болѣе того, я склоненъ думать, что теперь именно и нужно за него опасаться всего сильнѣе.

— Почему вы думаете, что именно теперь?

— Да, вѣдь, наступаетъ пасха, будутъ парады войскъ, онъ поѣдетъ въ церковь, съ визитами поѣдетъ и т. д., т. ч. опасности подвергается болѣе, чѣмъ въ обычное время.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. Планъ убійства его именно на это и разсчитанъ. Я объ этомъ имѣю свѣдѣнія. Скажу прямо — онъ будетъ убитъ въ первый день пасхи.

— Что вы! Неужели?!

— Да! Будетъ убитъ!

*) Вся эта исторія, конечно, выдумана мною.

— Слушайте, неужели ничего нельзя предпринять для предупрежденія убійства?

— Можно.

— Скажите, скажите пожалуйста!

— Скажу, если...

— Что если? Скажите, я очень прошу васъ!

— Скажите, вы распорядились о томъ, чтобы у Гурляндъ въ Казани былъ произведенъ обыскъ и арестованъ на нѣсколько дней нелегальный человѣкъ, живущій у нея?

— Нѣтъ, это не сдѣлано пока, такъ какъ...

— Что такъ какъ?

— Видите ли, мы безъ объясненія причинъ не можемъ передавать такое распоряженіе казанск. жандармск. управленію. Какому либо другому могли бы, напримѣръ, самарскому, а казанскому не можемъ.

— Почему это?

— А потому, что такъ оно въ такія условія поставлено.

— ?...

— Да, потому что казанское управленіе имѣетъ своего сотрудника изъ вашихъ и о всѣхъ дѣлахъ бываетъ детально ознакомлено, такъ что начальнику казанск. управленія даны широкія полномочія, и онъ насъ можетъ запросить о причинахъ такого распоряженія, мы же, какъ вы это знаете, объяснить ему этого пока не можемъ. Не можемъ, потому что мы вамъ обѣщали не говорить объ этомъ, а еще и потому, что вашими сообщеніями мы совсѣмъ не хотимъ дѣлиться съ другими, не хотимъ, чтобы другіе составляли на этомъ карьеру. Вы вотъ видите, что разъ начальн. казан. управленія имѣетъ серьезнаго сотрудника, такъ благодаря этому и полномочія имѣетъ болѣе широкія. У насъ, вѣдь, на этомъ и карьера создается: солиднѣе сотрудникъ — власти больше у начальника охраннаго отдѣленія. А казан. начальн. жандарм. управл. благодаря этому состоитъ и начальникомъ охран. отд. Два дѣла ведетъ, два жалованья получаетъ. А вонъ у самарскаго нѣтъ теперь ни одного серьезнаго сотрудника, такъ съ нимъ почти и не считаются у насъ. Да съ мая мѣсяца его районъ, вѣроятно, перейдетъ ко мнѣ, если съ вами поладимъ. Вотъ почему я и не сообщалъ въ Казань о производствѣ обыска у Гурляндъ. Но все-таки какъ же, нужно же, вѣдь, какъ-нибудь предотвратить покушеніе на Сандецкаго?

— Да, какъ-нибудь нужно, чтобы вы предприняли?

— Я? Я не знаю, я ничего сдѣлать не могу. Что скажете, то и сдѣлаю.

— Когда пріѣдетъ полковникъ?

— Вѣроятно, завтра вечеромъ.

— Послѣ завтра утромъ вызовите меня въ управленіе, тогда я вамъ сообщу.

— А теперь ничего не скажете?

— Ничего! Нужно подумать.

— Но чего же тутъ думать, вы скажите мнѣ планъ убійства, такъ въ зависимости отъ этого и можно будетъ что-нибудь придумать.

— Какъ по вашему, могу я вамъ разсказать вотъ теперь, сейчасъ, планъ этотъ? Я его знаю детально, но я васъ спрашиваю, могу я вамъ разсказать его?

— Почему же не можете?

— Ха, ха, ха. Какой вы наивный человѣкъ! Послѣ завтра я вамъ и это объясню.

— Ладно! Я не буду къ вамъ приставать съ разспросами. Вы сами знаете, что нужно дѣлать, но я хочу напомнить вамъ, что сегодня ужъ 25-е, а послѣ завтра, слѣдовательно, будетъ 27-е, а пасха 29-го, такъ успѣемъ ли мы предупредить Сандецкаго, не поздно ли будетъ?

— 27-го? Если увидимся утромъ, пожалуй не будетъ поздно.

— Хорошо. Я вѣрю вамъ. А что это вы тутъ въ своемъ заявленіи писали относительно свиданій тюремныхъ?

— А это нужно было, чтобы не дать намека на что-либо иное тюремной администраціи — во-первыхъ, а во-вторыхъ, — вѣроятно, придется и на самомъ дѣлѣ воспользоваться ими.

— Для чего?

— А у меня велась съ волей переписка при помощи передачи грязнаго бѣлья на волю и полученія его оттуда чистымъ. Писалось на швахъ бѣлья и зашивалось. Чтобы у васъ не явилась мысль о голословности моихъ предположеній объ убійствѣ Сандецкаго, такъ вы бы могли сами убѣдиться въ этомъ.

— Какимъ же образомъ? Да, и не нужно этого. Господи Боже мой, да развѣ же мы сомнѣваемся въ васъ, развѣ мы и такъ, на слово, не вѣримъ вамъ. Вѣримъ, вѣримъ и никакихъ доказательствъ намъ не нужно.

— А если бы захотѣли провѣрить, такъ вы распорядитесь, чтобы тюремная администрація задержала грязное бѣлье у нѣкоторыхъ заключенныхъ, доставила бы вамъ, а я бы указалъ вамъ, въ которомъ именно бѣльѣ имѣется моя переписка. Вы бы распороли его, прочли, а потомъ бы опять зашили. Что морщитесь? Вѣдь, такія вещи продѣлываются же вами?

— Избавьте, ради Бога, отъ этого насъ хоть въ данномъ случаѣ. Ей-Богу такъ это непріятно, такое это непріятное занятіе, что, право, лучше не предлагайте и не настаивайте на немъ.

— Нѣтъ, отчего же, если разъ это нужно?

— Ради Бога избавьте! Мы вамъ и такъ вѣримъ. Я лично вамъ довѣряю, какъ никому, и къ тому, что вы говорите, мнѣ не нужно никакихъ доказательствъ.

— Однако, бумагу то тогда просили же меня написать.

— Ахъ, эта бумага! Да, развѣ, она намъ нужна? Вѣдь, это только для департамента.

— Ну, ладно, ладно. Я только указываю на то, что другіе то мнѣ все жъ-таки не такъ вѣрятъ, какъ вы.

— Не вѣрятъ, потому что не знаютъ васъ, а узнаютъ, такъ и тѣни сомнѣнія не будетъ у нихъ.

— Ну, это вотъ видно будетъ изъ того, что привезетъ полковникъ изъ Питера, а теперь, я думаю, что вы могли бы все жъ-таки кое-что сдѣлать по пути исполненія моихъ требованій, разъ ихъ все равно придется же выполнять вамъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, т. е. согласится или нѣтъ департаментъ.

— Напримѣръ, что же именно?

— А хотя бы и то, что сдѣлать намеки Бартольду, Милашевскому, Царевскому и другимъ, что они, быть можетъ, могутъ быть освобождены подъ залогъ. Къ тому же приближается Пасха, и такой фактъ по отношенію къ заключеннымъ вполнѣ естественъ. Нужно имъ заранѣе дать понять о возможности выпуска ихъ подъ залогъ, пусть эта мысль привьется имъ, пусть они сживутся съ ней, это нужно.

— Да, конечно, нужно, но безъ полковника я этого сдѣлать не могу. Милашевскому и Смалдовскому мы уже сдѣлали на дняхъ такіе намеки, и ихъ родные уже начали осаждать насъ, но вотъ нужно подождать пріѣзда полковника изъ Петербурга. Если департаментъ не согласится, такъ мы будемъ дѣйствовать на свой страхъ при поддержкѣ губернатора, и освобожденіе всѣхъ этихъ лицъ будетъ нѣсколько сложнѣе, такъ какъ намъ нужно законспирироваться отъ департамента.

— Прекрасно. Но я говорю вамъ, что медлить не желательно, нужно торопиться. Мнѣ надоѣли всѣ эти переговоры и ожиданія. Да и наконецъ — весна вѣдь, чертъ возьми! Солнце, зелень... На волю скорѣе бы!

— Да, да, весна, весна! Погода чудная, тепло, оживленіе всюду, Волга скоро вскроется...

И Мартыновъ пустился расписывать прелесть весны на Волгѣ. Мнѣ больно было выслушивать это отъ него, — слова о красотѣ природы въ его устахъ казались мнѣ какимъ то святотатствомъ, оскверненіемъ красоты и величія природы. Я постарался остановить потокъ его краснорѣчія, сказалъ, что долго на допросѣ быть не удобно, и что хорошо было бы, если бы онъ вызвалъ на допросъ еще кого-нибудь изъ арестованныхъ въ одно время со мной, ну, напримѣръ, Полякова что-ли, и кое-что поговорилъ бы съ нимъ, разспросилъ бы его про меня кое-что и вообще далъ бы понять, что вы на меня злы и проч., и что стараетесь узнать про меня кое-что. Даже пообѣщайте ему освобожденіе, если онъ вамъ сообщитъ что-либо.

— А вдругъ да онъ и на самомъ дѣлѣ сообщитъ намъ о васъ, тогда какъ? Вдругъ, какъ да опять получится нѣчто

похожее на сообщеніе Воронцова? Вѣдь, это испортитъ опять многое?

— Нѣтъ, онъ ничего не скажетъ. Я увѣренъ за него, онъ очень честный, очень порядочный человѣкъ.

— Ну, ужъ будто бы! Ручаться нельзя ни за кого. Я вызвать его, пожалуй, вызову, но очень то не буду налегать на него. Буду расспрашивать, но такъ, чтобы онъ воздержался, не выболталъ бы что-нибудь про васъ. Я его постараюсь сразу же обозлить, возстановить противъ себя, пусть позлится, погорячится малый, а потомъ съ удовольствіемъ и гордостью за себя разскажетъ товарищамъ въ камерѣ. Хе, хе, хе...

— Вотъ, вотъ именно. Ну-съ, такъ мы можемъ попрощаться до 27-го. Утромъ, слѣдовательно, мы увидимся?

— Непремѣнно, обязательно! Пріѣдетъ, не пріѣдетъ полковникъ, — все равно я вызову васъ. До свиданья, до свиданья! Не сердитесь только, ради Бога, на насъ. Вѣдь не сердитесь вы? Да? Ну, конечно, такъ. Я увѣренъ, что какія бы недоразумѣнія ни были между нами, а въ концѣ концовъ мы все-жъ таки столкуемся съ вами.

— Я тоже такъ думаю. Ну, до свиданья!

— До свиданья, спасибо, спасибо вамъ. Вѣрьте мнѣ, что все устроимъ, все уладимъ и черезъ нѣкоторое время заживемъ съ вами великолѣпно.

Я ухожу. — „Ужъ я тебѣ, прохвостъ, и покажу, какъ мы заживемъ великолѣпно! Погоди, покусаешь свои локти, узнаешь какова наша дружба можетъ быть!“

Какъ понимать все сказанное Мартыновымъ? Ясно одно, что надувать они меня такъ скоро не намѣрены. Ясно, что хотятъ они использовать меня именно какъ провокатора.

Все, что я сказалъ въ сегодняшній день, должно еще болѣе внушить ко мнѣ довѣріе.

Ладно! Пойду дальше. Только бы хватило силы терпѣливо переносить безъ видимой брезгливости общеніе съ ними. Вѣдь это же нужно, необходимо нужно. А разъ нужно, я долженъ сумѣть сдѣлать и это.

* * *

Изъ Петербурга полковникъ Семигановскій вернулся съ приказомъ отправить Петрова для дальнѣйшихъ переговоровъ въ Петербургъ. Приводимъ здѣсь послѣдній разговоръ Петрова съ саратовскими охранниками, происходившій наканунѣ отъѣзда Петрова въ Петербургъ.

—...Васъ приглашаетъ для личнаго объясненія самъ Герасимовъ. Это начальникъ петерб. охран. отдѣленія. Онъ очень интересуется вами и мнѣ строго запретилъ пользоваться вашими свѣдѣніями для нашихъ нуждъ, для нуждъ Поволжья. Это для того, чтобы сберечь васъ для болѣе важнаго.

— Но я вамъ уже, вѣдь, сдѣлалъ сообщенія и сообщенія важныя; съ ними какъ?

— А мы ни одно, кромѣ послѣдняго, т. е. для предупрежденія убійства Сандецкаго, ни однимъ сообщеніемъ не воспользуемся. Вы все это сами разскажите генералу, и что онъ намъ разрѣшитъ использвать, тѣмъ мы и воспользуемся, а на что наложитъ вето, про то должны будемъ забыть, не повиноваться ему не можемъ. Герасимовъ — кромѣ того, что начальникъ надъ всѣми нами, но онъ — и сила. Имѣетъ огромное вліяніе вообще на всѣ дѣла внутренней политики, и съ нимъ считаются всѣ, а не то что мы.

— А моя бумага?

— Ахъ, Боже мой, эта бумага! Да, вотъ, извольте ее. Возьмите... гдѣ она у меня... подождите, я розыщу ее. Вотъ она, извольте. Что хотите, то и дѣлайте съ ней. Теперь намъ и и это не нужно. Если какая бумага нужна, такъ генералъ пусть самъ получаетъ отъ васъ.

Я беру свою бумагу, осматриваю ее. Вижу, что она довольно таки помята, но никакихъ пятенъ и слѣдовъ скопировыванія какъ будто нѣтъ, а потомъ и говорю:

— Что же мнѣ съ ней дѣлать?

— Да, если она такъ смущаетъ васъ, такъ сожгите, что ли, — говоритъ Мартыновъ.

— Ладно, къ чему ее вамъ.

Мартыновъ любезно предлагаетъ спичку, и я сжигаю ее на металлической пепельницѣ, а пепелъ размельчилъ.

— Ну, вотъ, устроили а-у-то-дафе, — улыбаясь говорятъ они.

— Ну, вотъ видите, теперь вы въ Петербургѣ можете разговаривать свободнѣе, — хотите — соглашайтесь, не хотите — не соглашайтесь. Вы ничѣмъ не связаны.

— Когда, Влад. Конст., хотѣли бы вы устроить отъѣздъ его въ Петербургъ? Давайте, обсудимъ этотъ вопросъ. Вамъ, — обращаясь ко мнѣ говоритъ Мартыновъ, — вамъ, вѣдь, я думаю, все равно, когда бы ни отправиться, даже чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, видите ли, мнѣ на этихъ дняхъ еще кое-что должны послать съ воли, еще кое-какія важныя сообщенія, такъ что лучше было бы мнѣ отправиться послѣ Пасхи.

— Что вы, что вы, — возмущенно протестуетъ полковникъ, — да мнѣ строго, на-строго приказано безъ малѣйшаго промедленія отправить васъ, отправить сію же минуту, съ первымъ же поѣздомъ. Даже запрещено вести съ вами всѣ предварительныя объясненія. Герасимовъ боится, какъ бы мы, прощаясь съ вами, не стали бы выспрашивать васъ еще о чемъ-нибудь. И я не имѣю права не отправить васъ завтра же. Ну, сегодня на поѣздъ вы все равно уже не успѣете, а завтра утромъ непремѣнно должны выѣхать. Такъ что вы на насъ не сердитесь; ибо я иначе поступить не могу, мнѣ это строго наказано.

— Но, подумайте, какъ же вы это меня отправите въ Пе-

тербургъ? Зачѣмъ, — скажутъ товарищи, — въ Петербургъ? Да, вѣдь, это сразу же всѣмъ бросится въ глаза, покажется подозрительнымъ. Нѣтъ, это такъ дѣлать нельзя. Помилуйте, вы отправляли въ тотъ же Петербургъ Соболева, потомъ Гребнева, и что же? Для кого было тайной истинная цѣль этой отправки? То то же и есть. Нельзя такъ вотъ просто взять да и отправить. Я такъ не поѣду, не позволю отправлять себя, какъ какую то вещь.

— Но, вѣдь, намъ приказано и мы ослушаться не можемъ.

— А вы должны кое-что предварительно сдѣлать, кой-чѣмъ обставить мой отъѣздъ, иначе я не поѣду.

— Но какъ же, какъ же его обставить? поѣдете вотъ и все, и знать не будутъ, куда именно.

— Вы думаете, что не будутъ? Ничего, господа, не можетъ быть тайнымъ, если дѣлается не однимъ собой, а двумя, тремя лицами. Тайна? Да, не такіе еще ваши секреты расходятся по тюрьмѣ съ быстротой телеграфныхъ сообщеній.

— Такъ что же таки дѣлать? Вѣдь, ѣхать то вамъ туда нужно. Какъ бы вы хотѣли обставить свой отъѣздъ?

— А вотъ какъ: личность моя не установлена окончательно, по крайней мѣрѣ, такъ объ этомъ думаютъ товарищи и тюремная администрація, такъ вы и въ бумагѣ къ тюремной администраціи такъ и напишите, что меня вы берете для отправки въ такой то городъ для установленія моей личности.

— Что жъ, это можно!

— Кромѣ того, вы сегодня же должны въ тюрьму послать ротмистра, и пусть онъ вызоветъ кого-либо изъ заключенныхъ, изъ общихъ камеръ, знавшихъ меня, ну, напримѣръ, хотя изъ бы 26-й камеры, и пусть ротмистръ при допросѣ его кое-что поразспроситъ про меня, да такъ, чтобы дать понять, что вы меня отправляете для установленія моей личности и именно туда то. А вотъ куда? объ этомъ нужно подумать. По моему, такъ безъ всякаго неудобства можно сказать, что отправляете въ Севастополь, потому что въ тюрьмѣ уже кое-кто знаетъ, что я именно изъ Севастополя; объ этомъ разгласилъ Воронцовъ. Да и я тоже такъ прямо и скажу товарищамъ, простучу имъ черезъ стѣнку, что меня выдалъ Воронцовъ и сообщилъ вамъ о севастопольскихъ моихъ дѣлахъ, а потому меня и отправляютъ туда.

— Отлично, отлично, — говоритъ Мартыновъ, — а васъ, вѣроятно, тамъ, въ Петербургѣ, такъ прямо освободятъ, такъ версію о побѣгѣ не трудно будетъ и сочинить: бѣжалъ, молъ, съ дороги по пути въ Севастополь, вотъ и все.

— Ну, относительно побѣга-то, положимъ, не такъ просто разрѣшается вопросъ, такимъ способомъ уходить я не согласенъ.

— Но, вѣдь, они именно такъ и хотятъ сдѣлать.

— Мало-ли, что они хотятъ, а я сдѣлаю то, что я хочу. Вы-

ходить такъ, какъ вы сейчасъ говорите, я не желаю. Побѣгъ мой нужно обставить серьезнѣе, чтобы, какъ говорится, комаръ носу не подточилъ.

— А если не такъ, то они мнѣ наказали слѣдующее: чтобы вы просимулировали побѣгъ здѣсь, по пути изъ тюрьмы въ жандармское. И въ Петербургъ ѣхали бы уже свободнымъ человѣкомъ. Это можно продѣлать завтра-же. И завтра-же, не задерживаясь здѣсь ни минуты, вы отправитесь въ Петербургъ. Все это вполнѣ естественно, т. к. васъ здѣшняя полиція знаетъ и задерживаться, слѣдовательно, вамъ здѣсь ни въ коемъ случаѣ нельзя, а потому немедленный отъѣздъ изъ Саратова подозрителенъ не будетъ.

— А самый актъ побѣга?

— А тутъ дѣло наше. Поведетъ васъ одинъ унтеръ, т. к. вы больной человѣкъ, вы бросаетесь въ сторону, гдѣ будетъ васъ ждать на извощикѣ вотъ Ал. Павл., загримированный такъ, что его и свой жандармъ не узнаетъ. Ему мы скажемъ, что здѣсь, въ Саратовѣ, есть какой-то важный революціонеръ, но что мы его найти никакъ не можемъ, и что если дать бѣжать вамъ, такъ вы пойдете обязательно къ нему т. к. онъ вашъ пріятель, и что мы васъ тогда накроемъ обоихъ. Онъ постръляетъ вамъ вдогонку вверхъ на воздухъ, тѣмъ дѣло и закончится. Къ тому же вы, вѣдь, и готовились къ такого рода побѣгу, — намъ, вѣдь, извѣстно, извѣстно и то, кто именно изъ техниковъ хотѣлъ помочь вамъ. Теперь уже не тайна, что среди техниковъ мы имѣемъ сотрудника. Такъ вотъ это можно продѣлать завтра-же.

— Господа, вы — люди взрослые, серьезные, а разсуждаете, какъ ребятишки. Вотъ техникамъ, конечно, простительно строить такіе планы побѣговъ, а вамъ-то, слава тебѣ господи, — стыдно! Вы думаете, что такой способъ побѣга никому не покажется подозрительнымъ? Нѣтъ, господа, какъ хотите, а я не пойду такимъ способомъ. Нужно придумать что-либо другое.

— А вотъ, Вл. Конст., почему бы не выполнить тотъ планъ, который мы обсуждали съ вами и съ Татищевымъ (Татищевъ это саратовскій губернаторъ), — говоритъ Мартыновъ полковнику.

— Какой-же это? — спрашиваю я.

— А это таковъ: мы васъ вызываемъ сюда въ жандармское и вы, улучивъ удобный моментъ, убѣгаете. Тутъ можно обставить даже такъ, что вы убѣжите на глазахъ у своихъ товарищей, одновременно съ вами вызванныхъ тоже сюда. Этотъ планъ сложнѣе, но за-то выполнить его можно не такъ-то скоро, какъ первый.

Дальше полковникъ развиваетъ планъ моего побѣга до мелочей. Я слушаю и молчу. Мартыновъ тоже вставляетъ свои замѣчанія и дополненія. Однимъ словомъ, они разрабатыва-

ютъ планъ моего побѣга, какъ будто они мои пріятели, только у нихъ главная задача въ выполненіи плана является законспирированіе симуляціи побѣга, законспирированіе даже отъ своихъ коллегъ.

Когда они просили меня высказать свое мнѣніе по поводу этого плана, то я и къ этому отнесся отрицательно, приводя всевозможныя соображенія, и когда они эти соображенія каждый разъ находили и нашли окончательно неосновательными, такъ я прямо и откровенно имъ объяснилъ, что пусть они и не разсчитываютъ на мое согласіе уходить изъ тюрьмы при помощи ихъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены мои требованія, т. е. пока не будутъ освобождены всѣ товарищи, начиная съ Минора.

Тогда и полковникъ и Мартыновъ отказались предлагать мнѣ что либо и сказали, что они сдѣлать для меня ничего не могутъ теперь и если я свой уходъ изъ тюрьмы ставлю въ зависимости отъ выполненія моихъ требованій, такъ я долженъ обо всемъ договариваться тамъ, въ Петербургѣ.

Я въ концѣ концовъ согласился съ ними и сказалъ, что согласенъ ѣхать въ Петербургъ и завтра, если они сегодня же пустятъ по тюрьмѣ слухъ, что меня везутъ въ Севастополь на уличку. Они обѣщали это послѣднее, и я утромъ слѣдующаго дня, т. е. въ страстную субботу, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, былъ отправленъ сначала въ Москву, а потомъ уже съ московскими жандармами въ Питеръ.'

. . . .

* * *

Въ Петербургѣ Петровъ, не выдержавъ роли, былъ заподозрѣнъ Герасимовымъ въ неискрености, и оттуда его въ кандалахъ отправили, дѣйствительно, въ Севостополь для установленія его личности. По дорогѣ Петровъ сталъ симулировать сумашествіе. Въ Севастополѣ тотчасъ же установили, что онъ не офицеръ Ясненко, за котораго его до тѣхъ поръ принимали жандармы, и его отправили въ Саратовъ, гдѣ подвергли самымъ жестокимъ издѣвательствамъ и преслѣдованіямъ. Такъ какъ Петровъ продолжалъ — и очень удачно — притворяться сумашедшимъ, то его помѣстили въ психіатрическую больницу, откуда скоро, въ маѣ 1909 года, онъ бѣжалъ.

Очутившись на свободѣ, но не оставивъ своего плана контръ-провокаціи, Петровъ снова вступаетъ въ переговоры съ саратовскимъ охранникомъ Мартыновымъ и черезъ его посредство съ Герасимовымъ, который, послѣ всего произошедшаго, относится уже къ нему съ полнымъ довѣріемъ и заключаетъ съ нимъ тотъ договоръ, о которомъ мы подробно говорили въ статьѣ о дѣлѣ Петрова въ „Общемъ Дѣлѣ" (№ 3).

Тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ за границу и при первой же встрѣчѣ своей съ нѣкоторыми товарищами, Петровъ сообщилъ имъ свой планъ и, понятно, встрѣтилъ съ ихъ стороны единодушное и категорическое осужденіе. Скоро онъ самъ убѣдился въ опасности, непригодности и недопустимости такого плана дѣйствій.

Дальнѣйшее извѣстно.

Вотъ что самъ Петровъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, писалъ впослѣдствіи о своихъ сношеніяхъ съ охранкой и о своей попыткѣ служить революціонному дѣлу путемъ контръ-провокаціи:

То, что я вначалѣ считалъ единственно правильнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимо нужнымъ, теперь я считаю это глубочайшимъ моимъ заблужденіемъ, непониманіемъ, даже величайшей ошибкой. Встрѣчаясь съ людьми, перечитавъ многое изъ литературы, вышедшей за послѣднее время, познакомившись детально съ обстоятельствами нѣкоторыхъ дѣлъ, выслушавъ мнѣнія и взгляды нѣкоторыхъ людей на вещи сходныя по характеру съ задуманными мною, я пришелъ къ сознанію ошибочности, неправильности, нецѣлесообразности, непріемлемости и недопустимости своихъ выводовъ, своихъ рѣшеній. Какъ это ни тяжело, но я долженъ былъ сказать себѣ: — „да, я ошибся!"

Припоминая свои разсужденія и взляды, высказываемыя нѣкогда мною товарищамъ, по поводу вступленія въ двойную игру съ охраннымъ отдѣленіемъ въ интересахъ партіи, я съ удивленіемъ и къ немалому своему удовольствію вижу въ нихъ если не полное тождество, то, во всякомъ случаѣ, огромное сходство съ тѣмъ, что я думаю по этому поводу теперь, а именно: и теперь и тогда я говорилъ, что ни подъ какимъ видомъ, ни съ какими цѣлями входить съ охраннымъ въ соглашеніе нельзя, что подобный поступокъ не можетъ быть оправдываемъ ни чѣмъ, ни какими расчетами пользы и выгоды, что малѣйшій шагъ въ этомъ направленіи наноситъ партіи страшный вредъ, и только вредъ, и противорѣчитъ традиціямъ партіи и является поступкомъ недостойнымъ члена П. С.-Р., *что входя въ соглашеніе съ охраннымъ, рискуешь не собственной только честью, какъ это я понималъ нѣкогда, а честью партіи и, пожалуй, главнымъ образомъ, именно честью партіи, а не своей.* Своей я честью рисковать еще, пожалуй, и могу, но честью партіи рисковать я не имѣю права.

Самый тяжкій проступокъ передъ партіей это тотъ, когда членъ ея честь партіи подвергаетъ риску. А я это сдѣлалъ. Да, я рисковалъ честью пертіи, я могъ бы ее запятнать, но... но я остановился во время, мною еще не пройдена грань, я остановился на этой грани.

И такъ, благодаря чему, какимъ образомъ я могъ дойти даже до этой грани?! Умомъ я постигаю всѣ причины и факты, приведшіе меня къ рѣшенію необходимости войти въ соглашеніе съ охраннымъ въ интересахъ партіи, но чувства мои отказываются понимать, уяснить это. Какъ я могъ допустить подобное?! Я, я, именно я, а ни кто другой! Я, который всю жизнь въ партіи шелъ такъ прямо, твердо, не уклоняясь съ прямого пути — открытой, прямой борьбы — ни въ ту, ни въ другую сторону, — поступки, поведеніе котораго были безупречны, я это смѣло могу теперь сказать, чисты и прямы. А путь?! Двойная

игра, притворство, взаимное надувательство, хитрость, низская хитрость, постоянное соприкосновенiе съ гнусной подлостью, въ атмосферѣ которой и благодаря которой только и можетъ существовать охранное! Я заклинаю васъ, товарищи, всѣмъ святымъ для васъ, во имя для васъ всего чистаго и дорогого, не позволяйте въ своей жизни ничего похожаго на то, что я позволилъ себѣ въ своемъ ослѣпленiи, надѣясь извлечь изъ этого пользу, въ своемъ глубокомъ заблужденiи неправильно взглянувъ и односторонне понявъ задачи и цѣли, какiя я преслѣдовалъ. Не дѣлайте и даже не задумывайтесь надъ возможностью принести пользу партiи отъ соприкосновенiя съ охраннымъ, заклинаю васъ, я говорю, что лучше будетъ, если вы убьете себя въ тотъ моментъ, когда только что придетъ вамъ въ голову о подобномъ рѣшенiи. Или откажитесь отъ этого рѣшенiя немедленно, или убейте себя сейчасъ-же! Ибо можетъ случиться, что уже и смерть не въ силахъ будетъ избавить васъ отъ этой ошибки, и смерть ваша не сможетъ примирить, не явится искупленiемъ вашей вины! Ибо кто можетъ опредѣлить ту грань, черезъ которую перешагнуть нельзя, дальше которой идти не можно? Мнѣ думается, мнѣ кажется, и, я въ этомъ убѣжденъ, я въ это вѣрю, что я, что я-то не перешагнулъ этой грани, я не пошелъ дальше ея, я не запутался. Но представьте, какъ было легко запутаться, какая масса случайностей окружаетъ меня, какъ было легко оступиться, и... и дальше уже не было бы выхода. Ни что тогда, — ни геройство, никакiе подвиги, ни смерть, ни самыя ужасныя страданiя души, ничто уже не искупило бы содѣяннаго. И теперь, когда я образумился, остановился во время, и теперь я пережилъ ужаснѣйшiя страданiя. Отчаянiе, крайнее отчаянiе безвыходности и ужасъ, только одинъ *ужасъ собственнаго существованiя*!

А. Петровъ.



О пыткахъ въ Рижскомъ Сыскномъ Отдѣленіе

Рижской администраціей, по иниціативѣ Начальника Рижскаго Сыскного Отдѣленія Грегуса и полицеймейстера Нилендера, выработанъ проектъ реорганизаціи сыскного и для этой цѣли испрашивается черезъ Министра Вн. Дѣлъ ассигновка въ 47000 руб. Рижскому Сыскному Отдѣленію. Это тотъ же, извѣстный по запросу, въ II Государ. Думѣ, Грегусъ, начальникъ знаменитаго «Музея» пытокъ. Если же Грегусъ успѣлъ при 13,000 рубляхъ надѣлать столько всякихъ дѣлъ, то можно представить, что будетъ при 47000 рублей.

(Изъ сообщеній столичныхъ газетъ).

Объ испрашиваемой Грегусомъ суммѣ для болѣе успѣшнаго развитія пытокъ правительство внесетъ, вѣроятно, отдѣльный законопроектъ въ Гос. Думу, и поэтому не безъинтересно будетъ сообщить какъ нашимъ депутатамъ оппозиціи, такъ и всему культурному міру о тѣхъ ужасахъ пытокъ, которымъ Грегусъ до сихъ поръ подвергаетъ политическихъ арестованныхъ. Пишущій эти строки прошелъ два раза, въ 1906 и въ 1907 году, всю серію пытокъ въ Рижскомъ Сыскномъ Отдѣленіи. Находясь почти два года въ русскихъ тюрьмахъ, я, кромѣ того, встрѣтилъ массу лицъ, тоже подвергнутыхъ пыткамъ въ „Музеѣ", и теперь хочу сообщить только нѣкоторые извѣстные мнѣ факты, еще до сихъ поръ нигдѣ не опубликованные.

Система пытокъ арестованныхъ какъ въ Ригѣ, такъ и во всемъ Прибалтійскомъ краѣ возникла и получила широкое примѣненіе въ концѣ 1905 года и въ началѣ 1906 года, когда нѣсколько полицейскихъ приставовъ, во главѣ съ Грегусомъ и сообща съ нѣмецкими баронами, основали „Тайную каморру расправы" (selbst shutz), задавшись при этомъ цѣлью фабриковать, при помощи пытокъ, дѣла и „доказательства" противъ тѣхъ, которыхъ подозрѣвали какъ революціонеровъ, чтобы на основаніи этихъ сфабрикованныхъ пыткой „уликъ" военный судъ могъ выносить смертные приговоры.

Въ началѣ 1906 г. пытки производились въ подвалѣ подъ сыскнымъ отдѣленіемъ. Осужденные теперь на каторгу по дѣлу 36-ти: *Рубинштейнъ*, *Грундбергъ*, *Паегле* и находящійся теперь въ Рижской Центральной Тюрьмѣ *Людвигъ Боровскій* описали мнѣ тѣ методы пытокъ, какіе къ нимъ примѣнялись въ ту пору. Привели въ подвалъ, гдѣ по стѣнамъ были развѣшаны орудія пытокъ: нагайки, щипцы, клещи, резиновыя и проволочныя тиски, ремни. По серединѣ подвала, — скамья пытокъ, а противъ нея — висѣлица. Били ихъ нагайками рвали волосы и тѣло щипцами. У Грундберга каблуками сапоговъ совершенно грудь разбили — въ тюрьмѣ все время кровью

харкалъ. Наконецъ, видя, что и эти пытки не могутъ заставить ихъ подписаться подъ фантастически составленными протоколами палачи потащили Рубинштейна и Грундберга къ висѣлицѣ. Надѣли петлю, поставили на подмостки и говорятъ: если не подпишешься подъ протоколомъ, то мы тебя повѣсимъ — даемъ 3 минуты сроку на размышленіе. Проходитъ одна, вторая и третья минута мучительнаго ожиданія смерти. Считаютъ: „разъ, два, три" — тѣ отказываются подписаться — тогда натягиваютъ веревку и вѣшаютъ. Видя, что повѣшенный уже посинѣлъ, близокъ къ смерти — опускаютъ веревку, приводятъ въ чувство и требуютъ опять подписаться и оговорить ложно товарищей. Послѣ новаго отказа дать „откровенныя признанія" опять вѣшаютъ и опять, въ послѣднюю секунду, опускаютъ на землю. Опять отказываются, опять вѣшаютъ и почти мервыхъ вынимаютъ изъ петли. Грундбергъ не выдержалъ этой пытки и оговорилъ ложно нѣсколько лицъ, на основаніи чего военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни.

Не менѣе ужасенъ и другой фактъ, относящійся къ тому же дѣлу 36-ти. Въ началѣ января 1906 года были случайно арестованы на улицѣ: нѣкто по кличкѣ „Звѣзда", *Бушманъ, Ревальдъ и Андре.* Послѣ того, какъ полиціи ничего не удалось выколотить изъ нихъ, ихъ подъ конвоемъ солдатъ и въ сопровожденіи офицера вывели за городъ, въ мѣстность, называющуюся Гризенбергомъ. Офицеръ обращается къ нимъ со словами: „Тотъ, кто не сознается и не укажетъ своихъ товарищей, будетъ разстрѣлянъ." Перваго вывели и поставили подъ разстрѣлъ „Звѣзду". Тотъ отказывается вступить въ какіе бы то ни было разговоры съ офицеромъ. Раздается команда: „рота пли"! и „Звѣзда" падаетъ, пронзенный десятками солдатскихъ пуль. Очередь за Бушманомъ. Онъ тоже отказывается исполнить требованіе офицера и падаетъ, тяжело раненный нѣсколькими пулями въ шею и плечо. Чтобы удостовѣриться дѣйствительно ли Бушманъ мертвъ, офицеръ зажженной спичкой поджигалъ ему губы. Но тотъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, и офицеръ оставилъ его, хотя, въ дѣйствительности, Бушманъ еще былъ живъ. Ревальдъ, мальчикъ 18 лѣтъ, охваченный дикимъ ужасомъ смерти разстрѣлянныхъ на его глазахъ товарищей, „признался" офицеру и даже ложно оговорилъ много лицъ. То же сдѣлалъ и Андре. Въ мертвецкой, передъ вскрытіемъ. Бушманъ очнулся. Его вылѣчили, и впослѣдствіи мнѣ пришлось сидѣть съ нимъ нѣкоторое время. На военномъ судѣ по этому дѣлу присяжные повѣренные Шобловскій, Н. Д. Соколовъ и кн. Андронниковъ цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ документовъ доказали, какъ самый фактъ разстрѣла „Звѣзды", такъ и то, что показанія Андре и Ревальда фантастичны. Несмотря на это, военный судъ, основываясь только на добытыхъ такимъ образомъ „свидѣтельскихъ" показаніяхъ, приговорилъ массу лицъ къ смерти и на каторгу. Такъ дѣйствуетъ въ Ригѣ „правосудіе", но объ этомъ напишу въ другой разъ.

Теперь возвращусь къ пыткамъ въ Сыскномъ Отдѣленіи.

Я былъ арестованъ въ мартѣ 1906 г. Привели въ сыскное, обыскали, нашли паспортъ на чужое имя. Допрашиваютъ — я отказываюсь отъ всякихъ показаній. Входитъ въ мою камеру тов. прокурора Бусло и жандармскій подполковникъ фон-Анроніусъ. Спрашиваютъ, какъ меня зовутъ, и требуютъ, чтобы я сознался въ „преступленіяхъ", — я отказываюсь отъ всякихъ разговоровъ. Тогда Бусло

выходя изъ камеры, обращается къ начальнику сыск. отд. Пятницкому: „Поговорите Вы съ нимъ по своему", а ко мнѣ со словами: „Завтра Вы будете иначе разговаривать". И смѣется противной улыбкой палача. Скоро я понялъ, что означаютъ слова прокурора. Часовъ въ одинадцать вечера врывается въ мою камеру цѣлая свора солдатъ во главѣ съ шпикомъ Давусомъ. Начинается дикое избіеніе прикладами, кулаками, каблуками; кровь течетъ изъ глубокихъ ранъ на рукахъ, на ногахъ, на всемъ тѣлѣ. Затѣмъ меня схватываютъ и тащатъ на третій этажъ, куда въ это время была, изъ подвала, переведена инквизиціонная камера. Солдатъ ударомъ приклада въ спину вталкиваетъ меня въ большую комнату, посрединѣ которой столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ судейскій пюпитръ съ двуглавымъ орломъ. За столомъ засѣдаетъ инквизиціонный трибуналъ: тогдашній начальникъ сыскн. отдѣленія Пятницкій, смотритель арестн. дома Собецкій, помощн. начальн. Михѣевъ, помощн. пристава II московской части Александровъ, Давусъ и еще незнакомый мнѣ офицеръ.

На стѣнѣ красуется царскій портретъ — торжественный полицейскій судъ. Передъ столомъ площадка, огороженная высокими перилами. Меня поставили на площадку, а по сторонамъ стали двое палачей съ плетками изъ толстаго корабельнаго проволочнаго каната, облитыхъ въ концахъ свинцомъ. Въ углу комнаты цѣлая куча отобранныхъ при обыскахъ книгъ, газеты, какая то арестованная типографія. Собецкій тогдашній руководитель пытокъ, обращается ко мнѣ со слѣдующими словами: „Молодой человѣкъ, здѣсь кругомъ четыре стѣны, Богъ, да я. Что захочу то и сдѣлаю — захочу убью, захочу искалѣчу, и мнѣ за это ничего не будетъ; поэтому совѣтую во всемъ сознаться намъ чистосердечно." Давусъ перечисляетъ цѣлый рядъ убійствъ, увѣряя, что это я сдѣлалъ. Тогда, по поданному знаку, на меня набрасываются палачи. Начинается борьба неравная, отчаянная. Вскакиваютъ изъ-за стола всѣ сидѣвшіе. Собецкій колѣномъ налегаетъ на горло, душитъ. Михѣевъ каблуками сапоговъ бьетъ по головѣ, Давусъ держитъ за ноги, другіе за руки, и палачи приступаютъ къ своей звѣрской работѣ. Боль отъ ударовъ оглушительная, кажется, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ ударяютъ, тѣло разсѣчено по поламъ. Отъ нечеловѣческой боли и отъ потери крови я лишился чувствъ. Очнулся, облитый холодной водой, среди большой лужи крови. Тотчасъ же мнѣ затянули руки на спину въ желѣзные тиски-„браслеты" до того, что все мясо до костей было раздавлено. Подняли на воздухъ руки и повѣсили на высокій барьеръ. Я очнулся висячимъ на затянутыхъ рукахъ. Одинъ палачъ нажимаетъ „браслеты", подъ которыми кости рукъ хрустятъ, а другой, Александровъ, толстой резиновой пинкой, наполненной свинцомъ, начинаетъ наносить удары по затылку, шеѣ и плечамъ. Пытка эта невѣроятная — голова какъ будто лопается, глаза выкатываются изъ орбитъ, на губахъ пѣна. Въ ушахъ оглушительный звонъ, передъ глазами огненные круги. Разумъ мутится, и наступаетъ обморокъ. Привели въ чувство, требуютъ „признанія" — отказываюсь. Тогда съ дикимъ бѣшенствомъ набрасывается на меня вся эта свора кровожадныхъ собакъ и начинаетъ бить и истязать кто какъ можетъ: кто рветъ щипцами волосы, поджигаютъ тѣло сигарами, папиросами, а палачи наносятъ пинками одинъ ударъ за другимъ, одинъ страшнѣе другого. Лицо опухло, однимъ глазомъ я уже ничего не вижу. Въ голвѣ хаосъ, безуміе. Все тѣло лижетъ, какъ огненными языками, боль. Въ

душу заползаетъ предсмертная тоска, въ груди клокочетъ ярость обиды отъ смертельнаго оскорбленія, униженія. Изъ ранъ сочится кровь. А пытка все длится, все длится. Когда же кончится... Силъ больше нѣтъ. Готовъ уже вырваться, такъ долго и нечеловѣческими усиліями сдерживаемый вопль... на потѣху палачамъ. А пытка все длится. Къ счатью, наступаетъ разсвѣтъ, палачи торопятся кончить свое темное дѣло. Составляютъ протоколъ и бросаютъ меня обратно въ карцеръ.

Измученный до смерти, я кое-какъ доползъ до наръ, но ни сидѣть, ни лежать нельзя отъ ощущаемой повсюду невыносимой боли. Днемъ вошелъ еще ко мнѣ Алексанорововъ съ солдатами. Еще разъ избили, предъявили какимъ то лицамъ, которыя опознали меня. Послѣ этого оставили меня въ покоѣ, но морили голодомъ: въ день давали только полъ фунта бѣлаго хлѣба. Черезъ нѣкоторое время опять пришли ко мнѣ тов. прокурора Бусло съ жандармскимъ полковникомъ фонъ-Андроніусомъ. Я заявилъ, что меня подвергли страшнымъ пыткамъ.

— Это насъ не касается, жалуйтесь губернатору.

— Конечно, васъ не касается, васъ не пытали, но, какъ блюститель закона, вы должны на это обратить вниманіе и прошу объ этомъ составить протоколъ!

— Не разсуждать! — былъ грозный отвѣтъ.

На военномъ судѣ свидѣтельница Экерынь, которой полиція меня предъявила для опознанія, удостовѣрила подъ присягой, что въ сыскномъ отдѣленіи я былъ изуродованъ до неузнаваемости, и что, когда она меня видѣла, я былъ весь въ крови. При пыткѣ, Давусъ, чтобы остановить сильное кровотеченіе, засунулъ вату въ раны. Я сохранилъ эту вату съ запекшейся кровью и волосами и предъявилъ ее суду.

Осужденныхъ на каторгу по тому же дѣлу, по которому привлекался и я, *Алексѣя Плотникова, Маевскаго, Шимкунаса и Лазерсона* подвергли такимъ же пыткамъ, какъ и меня, и въ сыскномъ я слышалъ ихъ вопли подъ пыткой.

Интересно свидѣтельское показаніе на томъ же засѣданіи Рижск. воен. суда (5 сент. 1906 г.) караульнаго офицера, георгіевскаго кавалера. Привожу его дословно

„Будучи назначеннымъ стоять на караулѣ въ Рижскомъ Сыскномъ Отдѣл., я повелъ на верхъ, по требованію нач. сыскн. отд., арестованнаго Алексѣя Плотникова. Спустя нѣкоторое время слышу стоны изъ той комнаты, куда былъ введенъ Плотниковъ. Открываю двери и вижу, что Плотниковъ лежитъ связанный на полу и ему резновой пинкой наносятъ полицейскіе пристава удары. Я вырвалъ изъ рукъ одного пинку и не позволилъ больше пытать.“

На вопросъ предсѣд. суда, какова же была эта пинка, офицеръ отвѣтилъ, что у него въ дѣтствѣ была подобная пинка по размѣрамъ гораздо меньше и то онъ могъ ею палку перешибить!

Подъ невыносимой пыткой меня ложно оговорили *Гроубиль и Вироль*. Но на судѣ они взяли свои показанія обратно. И такъ какъ мнѣ и еще двоимъ подсудимымъ удалось доказать, что насъ подвергли пыткѣ, то насъ оправдали.

Пытка страшнѣе смерти, страшнѣе всего. Люди подъ пыткой не только ложно оговариваютъ другихъ и тѣмъ самымъ, при рижскихъ порядкахъ, посылаютъ тѣхъ на смерть и каторгу, но и берутъ на себя обвиненія, влекущія смертную казнь. Сыскн. Отд., въ буквальномъ смыслѣ, фабрикуетъ дѣла, нисколько не разбираясь въ винов-

ности. Слѣдователь и прокуроръ подтверждаютъ, военный судъ санкціонируетъ смертнымъ приговоромъ, попъ передъ висѣлицей освящаетъ, а палачъ на вѣки закрываетъ уста тѣхъ, которые могли бы сказать страшную, душу леденящую правду о тѣхъ пыткахъ и страданіяхъ, которымъ они были подвергнуты въ сыскномъ отдѣленіи. Палачи умѣютъ хоронить своихъ обличителей. А тѣхъ, которыхъ даже военно-полевой судъ отказывался послать на разстрѣлъ, этихъ Грегусъ отправлялъ или въ Рижскій уѣздъ или въ Гробинь, недалеко отъ Либавы, а тамъ ихъ разстрѣливали безъ суда подъ извѣстнымъ предлогомъ: „убить при попыткѣ бѣжать." Такими сообщеніями пестрѣли въ 1906 и 1907 годахъ всѣ прибалтійскія газеты. Особымъ усердіемъ отличался въ убійствахъ „при попыткѣ бѣжать" помилованный недавно Сенатомъ приставъ Іонинъ. О немъ, между прочимъ, собранъ обширный матеріалъ въ запросѣ въ II Гос. Думѣ о пыткахъ въ Ригѣ. Здѣсь упомяну только про одинъ выдающійся своимъ особымъ звѣрствомъ фактъ.

Недалеко отъ ст. „Олхи" драгуны отвели неизвѣстнаго молодого человѣка въ лѣсъ, привязали ему ноги къ двумъ лошадямъ и погнали. Живой человѣкъ былъ разорванъ пополамъ. Осужденный теперь на безсрочную каторгу и находящійся въ Рижской тюрьмѣ Осисъ, вмѣстѣ съ другими товарищами нашли, его въ такомъ разорванномъ видѣ.

Въ концѣ 1906 г. начальникомъ сыскн. отд, былъ назначенъ приставъ рѣчной полиціи Грегусъ и тотъ довелъ систему пытокъ до чудовищныхъ размѣровъ.

Я былъ арестованъ во второй разъ въ Петербургѣ 17 окт. 1907 г. и отправленъ въ Ригу спеціально для пытки. Нѣкоторые мои товарищи подъ пыткой въ Сыскн. Отд. выдали меня. Приводятъ меня въ канцелярію къ Грегусу, и тотъ начинаетъ перечислять по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, что я организаторъ-техникъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и т. д. Кончилъ и говоритъ: „вотъ видите, я про васъ все знаю, даже еще больше знаю, но незачѣмъ раскрывать свои карты; совѣтую сознаться во всемъ; знайте, что здѣсь „музей" и что здѣсь не шутятъ. Даю полчаса на размышленіе." Когда я выходилъ изъ кабинета, онъ еще спросилъ меня: „Въ 1906 г. здѣсь былъ?" — Былъ. „Получилъ? — Получилъ. „Ну, что въ шестомъ году, пустяки. Мы теперь почище работаемъ".

И дѣйствительно, я скоро убѣдился, что „почище работаютъ." Прошло полчаса, а у меня лишь одно размышленіе: выдержать бы только ту адскую пытку, которая меня ожидаетъ. Но разъ въ 1906 г. выдержалъ, почему бы теперь не вюдержать? Вдругъ отворяется дверь моего карцера, и тащатъ меня въ инквизиціонную камеру, которая теперь, послѣ запроса во II Госуд. Думѣ и сдѣланнаго Трусевичемъ выговора Грегусу „въ неосторожности", была перенесена со торого этажа*) на первый этажъ, рядомъ съ кабинетомъ Грегуса. Всѣ инструменты пытки изъ историческаго „музея" перенесены тоже внизъ и днемъ хранятся подъ кроватью главнаго палача Павolота, который спитъ въ томъ же корридорѣ, гдѣ карцеръ арестованныхъ. А историческій „музей" находится какъ разъ надъ карцерами. Снаружи, на дверяхъ, большими буквами написано: „музей"; внутри надъ дверью, человѣческій черепъ, надъ нимъ черное знамя анархи-

*) Раньше она находилась на третьемъ этажѣ, но осенью 1906 г. была переведена этажемъ ниже.

стовъ съ надписями, — напротивъ красное знамя с.-д., въ углу стоитъ вышедшій изъ употребленія теперь желѣзный стулъ, на которомъ поджаривали людей, въ другомъ углу скамейка съ ремнями, „самолетка". Инструменты же пытокъ перенесены изъ шкафовъ внизъ.

Вводятъ меня въ комнату пытокъ. За столомъ засѣдаютъ: полицеймейстеръ Нилендеръ, его помощникъ, три или четыре полицейскіе пристава, пом. нач. сыскн. отд. Михѣевъ, какой-то жандармскій полковникъ, кажется нач. охр. отд. Грегусъ лежитъ на кушеткѣ и руководитъ всей пыткой. Передъ столомъ стоитъ „с.-д. скамейка" со сложенными на ней веревками. Въ сторонѣ отъ скамейки сидятъ нѣсколько сыщиковъ во главѣ съ Давусомъ и Пупиломъ, тамъ же смотритель II-го мировскаго арестного дома Гернгутъ или Гернгроссъ. Палачи стали по обѣ стороны скамьи пытокъ съ засученными рукавами красныхъ рубашекъ, въ страшныхъ маскахъ. Одна эта картина инквизиціи наводитъ ужасъ — видно, что здѣсь не то, чтобы разсвирѣпѣвшій противникъ, вымещающій свою злобу — нѣтъ, здѣсь собрались изверги человѣчества на оргію сладострастія, жестокости, здѣсь пахнетъ утонченной пыткой, кровью, позоромъ человѣчества. Предлагаютъ мнѣ „сознаться во всемъ", т. е. выдать и свое дѣло. Я отказываюсь. Тогда вяжутъ на скамейкѣ. Гернгутъ садится на голову, затыкаетъ ротъ какой-то смрадной тряпкой изъ отхожаго мѣста, пропитанной кровью человѣческою, и начинаетъ нажимать въ углубленіи головы подъ ушами. Постепенно темпъ тренія костями согнутыхъ въ кулакъ пальцевъ становится все болѣе и болѣе быстрымъ. Боль отъ этой „операціи" можетъ свести человѣка съума. Грегусъ же въ это время командуетъ:

— Ну, начинай съ Божьей помощью!

Надо сказать, что „Божьей помощью" называется на языкѣ этихъ палачей палка съ свитой въ серединѣ проволокой, облитая гутаперчей и съ концами, наполненными свинцомъ. Одинъ палачъ начинаетъ въ тактъ наносить удары все по одному и тому же мѣсту, отчего все мясо превращается въ какую-то черную массу, въ одинъ сплошной кровоподтекъ и рану. Страданіе дикое, невыносимое — грудь отъ боли готова разорваться; кажется, что кто-то за сердце зацѣпилъ крючкомъ и терзаетъ и тащитъ по горлу изъ груди. Второй палачъ, Хвѣтковъ, снимаетъ сапоги и такой же пинкой начинаетъ ударять по пяткамъ. Отъ этихъ страшныхъ ударовъ разумъ мутится, кажется, что кто-то тупымъ ножомъ разрѣзалъ тебя отъ пятокъ до головы и сверлитъ въ мозгу. Палачи дѣлаютъ свое дѣло съ дикимъ опьяненіемъ, издавая время отъ времени только какое-то звѣрское рычаніе. Удары все учащаются и наносятся съ все возростающимъ остервенѣніемъ... Вотъ близокъ ужъ обморокъ, но палачи не допускаютъ человѣка до блаженной минуты отдыха — обморока, останавливаются, подымаютъ со скамьи.

— Скажи!

— Ничего не знаю, — отвѣчаю я.

Тогда опять вяжутъ на скамью и пытка возобновляется.

— Скажи!

— Нѣтъ.

Оргія пытокъ продолжается. „Судьи" уже не могутъ усидѣть на своихъ мѣстахъ. То Грегусъ, то другой подскакиваютъ, вырываютъ

изъ рукъ палачей пинку и со словами „такъ надо работать!“ — наносятъ удары, съума сводящіе отъ боли.

Все чаще и чаще раздается грозное слово:

— Скажи!

— Ничего не знаю, — одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Съ дикимъ бѣшенствомъ палачи вцѣпляются зубами въ израненныя мѣста, кусаютъ, рвутъ тѣло, какъ кровожадныя собаки. Бросаютъ на землю и мѣсятъ каблуками страшно болящія раны, схвативъ за волосы ударяютъ головой о скамью, о полъ. Нѣтъ словъ передать весь тотъ ужасъ пытки, которой подвергается всякій, попавшій въ лапы этихъ кровожадныхъ собакъ. Ночь проходитъ, а пытка страшная, безумная все длится, длится. Наконецъ, устали палачи и съ проклятіемъ бросаютъ меня обратно въ карцеръ. Тамъ уже сидѣлъ подвергнутый пыткѣ *Элертъ*. Я самъ видѣлъ его тѣло, превращенное въ какую-то черную массу. Его тоже топтали ногами, рвали ему щипцами волосы, ломали руки и ноги. Мы рѣшили какъ-нибудь покончить съ собой, чтобы не испытать дальше пытки и униженія. Вѣдь жизнь по сравненію съ пыткой чепуха! Сдѣлали изъ бѣлья веревки, но негдѣ повѣсить: кругомъ голыя стѣны, окно высоко — а за дверью наблюдаетъ недремлющій часовой. Рѣшили затянуть петлю руками, — но это невозможно: въ послѣднюю минуту, когда начинаешь уже терять память, руки дѣлаются безсильными и петля растягивается. Три раза такъ пытались, — но съ однимъ и тѣмъ же результатомъ. Тогда нашли осколокъ стекла и пытались перерѣзать артерію — стекло кожу и тѣло разрѣзало, а жила упругая, и ее перерѣзать не могли. И судьба, вопреки нашей волѣ, заставила насъ выпить чашу страданія до дна.

Пытка страшнѣе смерти, и смерти истязуемой ждетъ, какъ величайшаго счастья, избавленія. Только за то время, пока я находился въ сыскномъ отдѣленіи, я былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ попытокъ къ самоубійству. *Саука* былъ подвергнутъ страшной пыткѣ и, не чувствуя себя больше въ силахъ выдержать, принялъ ядъ, но порцію четыре раза сильнѣе, отчего получилась такая сильная реакція, что моментальной рвотой ядъ выбросило обратно. Сейчасъ его отправили въ больницу, гдѣ вылѣчили, хотя, по словамъ доктора, если бы его привели на 5 минутъ позже — то было бы поздно. Еще больного его привели изъ больницы обратно въ сыскное отдѣленіе. Тамъ его опять подверги пыткѣ по пяткамъ и, „по американски“ связаннаго по рукамъ и ногамъ и стянутаго въ комокъ, били по половымъ органамъ, раскачивали въ воздухѣ и съ силой ударяли о полъ. Больной человѣкъ не выдержалъ пытки и указалъ полиціи какой-то адресъ на Ревельской ул. Застигнутые тамъ товарищи оказали сопротивленіе, и на утро въ сыскное привезли пять звѣрски изуродованныхъ труповъ.

„Сампере“-Бернгардъ — человѣкъ съ слабымъ организмомъ, чтобы избавиться отъ дальнѣйшей пытки, принялъ какой-то медленно дѣйствующій ядъ, — но это замѣтили и ему въ сыскномъ же дали противоядіе и вылѣчили, послѣ чего продолжали надъ нимъ звѣрскую пытку: били пинками, топтали сапогами, рвали волосы; когда же приступили къ пыткѣ „по американски“ и со всего размаха ударили его о полъ, то кровь стала бить фонтаномъ изъ горла.

Крулишъ и одинъ анархистъ (имя его позабылъ, онъ теперь лежитъ теперь сумасшедшимъ въ тюремной больницѣ) приняли морфій. Находившійся въ ихъ камерѣ уголовный сообщилъ сейчасъ объ этомъ

Грегусу. Полицейскіе вмѣстѣ съ ихъ фельдшеромъ гурьбой ворвались въ камеру и стали насилу вливать имъ въ ротъ теплое молоко и разныя противоядія, заставили выпить массу холодной воды, пока не вызвали рвоту. Потомъ по четыремъ угламъ камеры стали палачи и ударами пинокъ гнали несчастныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ изъ одного угла въ другой, пока тѣ, измученные до нельзя, усталые не свалились въ безпамятствѣ съ ногъ. Послѣ ихъ подвергли пыткамъ въ продолженіи нѣсколькихъ ночей, пока не „сознались“ въ очень многомъ.

Въ декабрѣ 1909 года заключенный въ Либавской тюрьмѣ *Лѣкайсъ*, узнавъ, что его отправятъ въ рижское сыскное отдѣленіе на пытки, рѣшилъ лучше покончить съ собой. Онъ изрѣзалъ себѣ ножемъ въ 13-ти мѣстахъ обѣ руки и нанесъ себѣ двѣ раны въ шею, но такъ неудачно, что не перерѣзалъ ни одной артеріи, и его вылѣчили и отправили въ „Музей“, гдѣ жестоко пытали по пяткамъ и на „с.-д. скамейкѣ“. Я сидѣлъ въ сыскномъ въ одномъ карцерѣ съ нимъ и видѣлъ эти ужасныя раны, нанесенныя себѣ человѣкомъ въ безумномъ отчаяніи. Нѣкоторые шрамы были длиной въ 2—3 дюйма... Понятно, почему люди въ Ригѣ, при арестѣ, иногда оказываютъ отчаянное сопротивленіе, рѣшаются лучше умереть, нежели попасть въ руки палачей, попаеть въ музей пытокъ, гдѣ царствуетъ дикій ужасъ. По цѣлымъ днямъ слышны стоны измученныхъ людей, сидящіе въ карцерѣ товарищи слышатъ каждый ударъ палачей, каждый крикъ истязуемыхъ и съ чувствомъ безконечнаго ужаса ждутъ съ минуты на минуту, что вотъ придутъ и за ними, поведутъ на новыя страшныя пытки и униженія.

Въ такомъ тревожномъ ожиданіи провелъ я 2-й день. Израненныя мѣста за сутки опухли — малѣйшее прикосновеніе къ нимъ причиняетъ невыносимую боль. Вдругъ, часовъ въ 11 ночи, отворяется нашъ карцеръ и тащатъ меня на пытку. Вяжутъ руки веревкой и за желѣзную палку „по американски“ подымаютъ на воздухъ, такъ что я очутился головой внизъ, какъ на трапеціи. Отъ такого стянутого положенія израненныя прошлой ночью мѣста натягиваются и горятъ какъ въ огнѣ. Палачи начинаютъ свою звѣрскую работу. Отъ ударовъ по пятнамъ и израненнымъ вчера мѣстамъ боль, какъ огнемъ, охватываетъ все тѣло, разумъ мутится, члены цѣпенѣютъ. Но я не признаюсь — тогда, чтобы окончательно оболванить и лишить разсудка, начинаютъ меня вертѣть въ воздухѣ вокругъ желѣзной полки, раскачивая во всѣ стороны, и время отъ времени со всего размаха ударяютъ спиной о полъ такъ, чтобы ударъ пришелся какъ разъ на израненныя части тѣла. Трудно передать какими бы то ни было словами переживаемое при этомъ страданіе. Ночь уже проходитъ — пытка все длится, а я „не сознаюсь“. Тогда во все избитое тѣло вцѣпляются, кто когтями, кто зубами, кто щипцами и производятъ такъ называемый „массажъ“—расправляютъ раны и опять пытаютъ и опять раскачиваютъ въ воздухѣ и опять ударяютъ о полъ. Я потерялъ сознаніе, былъ близокъ къ смерти. Очнулся облитый водою, развязанный. Палачи видя, что въ эту ночь больше пытать нельзя, ибо близокъ къ смерти, отнесли меня обратно въ карцеръ. Было еще темновато, подъ утро — чувствую, что я близокъ къ сумасшествію, что въ головѣ какой-то хаосъ безумія, что гдѣ то въ одной только точкѣ еще бьется живая мысль — но вотъ-вотъ и она замиретъ и наступитъ безумія. А что если въ бреду безумія я выдамъ палачамъ то, чего отъ

меня добиваются? Это ужасная возмоность леденитъ всего. Нѣтъ, нѣтъ, только до этого не дойти. Что же дѣлать? Врать и врать безъ конца, прикидываться, унизить себя — но только не выдавать, не признаваться. Вдругъ вижу, въ углу карцера, стоитъ бѣлая тѣнь. Что это, начинается сумасшествіе иии галлюцинаціи? Тѣнь поплыла, за ней— другая, третья и такъ безъ конца. Передъ глазами проносится цѣлая вереница призраковъ... Тамъ и знакомыя лица замученныхъ здѣсь, въ „Музеѣ", товарищей и незнакомыя фигуры, но всѣ страдальческія, скорченныя, точно подъ пыткой. Жутко. Кажется, что всѣ замученные и загубленные здѣсь днемъ живутъ гдѣ-то подъ поломъ, а ночью выходятъ посмотрѣть на своихъ товарищей, которыхъ ожидаетъ та же участь.

Пришла третья ночь. Связали меня опять „по американски" и стали пытать такъ, чтобы ударъ „Марьей Ивановной" (такъ называется пинка размѣрами больше и дѣйствіемъ страшнѣе „Божьей помощи") пришлись по половымъ органамъ. Это страданіе невѣроятное —кажется, что вся перенесенная боль ничто по сравненію съ этой пыткой. Еще нѣсколько ударовъ и я сойду съума „Довольно", говорю, —и тутъ началъ имъ разсказывать миѳы, разыгралъ роль „сознающагося" такъ ловко, что повѣрили и оставили меня въ покоѣ. При дальнѣйшемъ слѣдствіи миѳъ, конечно, оказался миѳомъ, не подтвержденнымъ никакими фактами и пришлось дѣло прекратить.

Подъ пыткой Грегусъ фабрикуетъ, часто или совсѣмъ несуществующія дѣла, въ родѣ разныхъ заговоровъ, покушеній, или заставляетъ сознаться завѣдомо невинныхъ людей въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь. Въ концѣ ноября 1907 года былъ изъ Петербургскихъ „крестовъ" привезенъ въ „Музей" *Пидриксонъ*. Его пытали втеченіе ночи по пяткамъ, топтали каблуками, бросали о землю. Пытали его за то, что онъ, будучи въ 1906 г. приговоренъ военнымъ полевымъ судомъ къ смерти, успѣлъ за два часа до разстрѣла бѣжать и, пріѣхавъ въ Лондонъ, опубликовалъ въ англійск. газетахъ о тѣхъ срашныхъ пыткахъ, какимъ его подвергли.

Когда онъ пріѣхалъ обратно въ Россію и очутился въ лапахъ Грегуса, судебный слѣдователь ему въ сыскномъ же отдѣленіи предъявилъ два протокола, составленныхъ Грегусомъ и подписанныхъ *Гутманомъ* и *еще другими* (фамиліи забылъ), которые въ нихъ чистосердечно признаются, что ограбили кассира Кузнецовской фабрики. Пидрисконъ, знавшій всѣхъ дѣйствительныхъ участниковъ этой экспропріаціи, съ ужасомъ на лицѣ мнѣ передавалъ, что эти люди невинно осуждены военнымъ судомъ. Онъ заявилъ это и судебному слѣдователю въ присутствіи Грегуса, — на что послѣдній сказалъ: „Ну такъ что же — они у меня были извѣстными грабителями, если не по одному, то по другому дѣлу, но ихъ все равно бы повѣсили." Такъ просто этотъ извергъ человѣчества распоряжается человѣческими жизнями!

Страшнѣе всего попасть подъ пытку, когда всѣ они пьяны до бѣлой горячки — тогда забываются ими всѣ мѣры „предосторожности" о не оставленіи внѣшнихъ знаковъ, и человѣкъ калѣчится. Такъ былъ искалѣченъ нѣкто *Ракисъ*, человѣкъ не причастный къ революціи, но должно быть изъ личной мести, по указанію провокатора Пупиля, который теперь служитъ палачемъ въ „Музеѣ", былъ избитъ до то, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ полученныхъ въ Музеѣ ранъ умеръ въ тюремной больницѣ. Я видѣлъ его скорбный листь, — въ которомъ тюремной врачъ ни однимъ словомъ не обмолвился, что

болѣзнь и смерть Ракиса наступили отъ того, что ему въ сыскномъ искалѣчили грудь. Врачъ написалъ, что причина смерти: „Peritonitis tuberculosa". Подъ пытками Ракисъ „признался" что участвовалъ самъ и зналъ такихъ — то лицъ, какъ участниковъ нападенія на Рижск. Центр. тюрьму. Въ дѣйствительности же Ракисъ не участвовалъ въ этомъ нападеніи и совершенно не зналъ тѣхъ лицъ, которыхъ Грегусъ вписалъ въ протоколъ.

Крѣвиня, котораго я самъ видѣлъ въ сыскномъ, то-же оговорилъ себя подъ пыткой. Его, послѣ многихъ другихъ истязаній, бросили на полъ, а Михѣевъ сталъ на скамью и прыгалъ ему сму на грудь, переломавъ ему нѣсколько реберъ. Грегусъ набросился на него, лежачаго, и ножомъ рѣзалъ и ковырялъ тѣло. Потомъ шпорами ударялъ до тѣхъ поръ, пока на бокахъ не осталось нѣсколько глубокихъ ранъ. Ему вырывали изъ головы волосы, — выбили зубы. Товарищи его до самой смертной казни несли его на рукахъ — ходить не могъ. *Зоммера* били по пяткамъ впродолженіи двухъ ночей пытали по „американски" потомъ по половымъ органамъ. Онъ все время мочился кровью. Человѣкъ былъ сильный, никого не оговорилъ, не смотря на всѣ эти адскія пытки, только самъ сознался, что участвовалъ въ убійствѣ барона Будберга. *Судмала* и *братьевъ Цируль* пытали въ теченіи нѣсколькихъ дней самыми различными способами — вплоть до прижиганія тѣла, вырыванія волосъ, отколачиванія ногтей. Пыткѣ были подвергнуты *Дуббельштейнъ*, *Буллкниса*, котораго судебный слѣдователь, ведшій втеченіе 9 мѣсяцевъ его дѣло и не смогшій открыть его настоящаго имени, прислалъ наконецъ въ сыскное для „антропометрическаго измѣренія", какъ было сказано въ бумагѣ. Грегусъ, конечно, Книса такъ „измѣрилъ", что тотъ долженъ былъ открыть свое имя, чтобы избавиться отъ пытки. Всю серію пытокъ въ то время, пока я былъ въ сыскномъ, прошли еще слѣдующія лица, фамиліи которыхъ я знаю: *Кувалдинъ*, *Слона*, *Домбровскій*, *Салминъ*. „*Гарайсъ Анна*" (кличка,) *Мурнѣкъ* и *Абольтели*. Къ сожалѣнію, я не могу въ данное время возстановить въ своей памяти и другихъ именъ, такъ какъ всего, за время моего пребыванія въ сыскномъ, было подвергнуто пыткѣ, по моему тогдашнему подсчету, болѣе ста лицъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о томъ, что часто люди, прошедшіе черезъ „Музей", сходятъ съума отъ пережитого ужаса и потрясенія. Я лично знаю слѣдующихъ лицъ, не выдержавшихъ ужаса пытки и сошедшихъ съума: *Вольдемаръ Озолитъ*, *Озоль Календсъ*, выше упомянутой *Крѣвинь* и *Келле*, котораго кромѣ пытки, травили еще полицейскими собаками. Въ тотъ моментъ, когда измученный человѣкъ заснулъ, впускаютъ свору собакъ, которыя набрасываются на спящаго и начинаютъ кусать и рвать. Знаю еще и другіе подобные факты, но объ нихъ въ другой разъ. Думаю, что здѣсь разсказаннаго достаточно, чтобы выставить къ позорному столбу передъ всѣмъ человѣчествомъ этихъ людей — звѣрей, въ руки которыхъ отдано реакціей и баронствомъ столько человѣческихъ жизней. Самъ Грегусъ хвастается, что черезъ его руки прошло 5000 людей. Столько ужаса заключается въ этой цыфрѣ, сколько среди этихъ пять тысячъ звѣрски убитыхъ, искалѣченныхъ и сколько среди нихъ невинныхъ ни въ чемъ людей, погибшихъ отъ рукъ палачей. И когда же будетъ конецъ этой инквизиціи?

Карлъ Мицитъ («Мартынъ.»)

Парижъ. Ноябрь 1909 г.

Письмо Л. Н. Толстого къ Николаю II.

И теперь еще, послѣ революціи, послѣ дней свободы, послѣ конституціи, великій Толстой далеко не сталъ еще вполнѣ достояніемъ легальной печати. Напомнить ли тѣ многочисленныя преслѣдованія, которымъ подвергались за послѣднее время и продолжаютъ подвергаться издатели религіозно-философскихъ произведеній „великаго писателя земли русской“? Кто не знаетъ, дальше, что предсмертный крикъ ужаса и негодованія, его „Не могу молчать“, облетѣвшій весь міръ, было заглушенъ въ Россіи полицейскими запретами и административными карами и что на родинѣ его этотъ крикъ великой совѣсти былъ услышанъ лишь сквозь цензурныя, черносотенныя, толмачевскія и прочія стѣны, ограждающія нашу „свободу“?

Были все же дни, недавніе и уже столь далекіе дни, когда многія до тѣхъ поръ запретныя произведенія Толстого появились и широко распространились въ Россіи. Но и тогда не рѣшились легально издать печатаемое нами ниже письмо Льва Николаевича къ Николаю II, въ которомъ, несмотря на крайне сдержанную форму, Толстой далъ такую уничтожающую характеристику начатаго и продолжающагося въ крови царствованія.

Но упоминаемыя Толстымъ «дѣла» Николая II были до 9 января, до погромовъ, до массовыхъ разстрѣловъ, до кровавыхъ зорь, привѣтствуемыхъ висѣлицами, до усмирительныхъ отрядовъ и тюремныхъ пытокъ, до военныхъ экзекуцій, до Плеве и Столыпина.

Вѣроятно и даже несомнѣнно, что послѣ этого письма, послѣ манджурской войны, послѣ всѣхъ кровавыхъ расправъ, послѣ братанія царя съ черносотенцами, послѣ его объединенія съ Сашкой Косымъ и прочими погромщиками, послѣ всѣхъ николаевскихъ ужасовъ, которые пришлось еще пережить Толстому, онъ измѣнилъ свой взглядъ на Николая II, не считалъ его больше своего рода жертвой «легкомысленныхъ помощниковъ» и «совѣтчиковъ», а убѣдился въ собственной его злой волѣ, въ личной его отвѣтственности за многія, слишкомъ многія «дурныя и жестокія дѣла». И эту отвѣтственность Николая II Толстой подчеркнулъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній, въ предсмертномъ «Не могу молчать», въ которомъ онъ царя поставилъ морально ниже подлаго палача.

И всѣ, кому дорога свобода, должны дорожить той оцѣнкой, которой геній міра заклеймилъ и самодержавіе и наиболѣе жестокаго представителя его — Николая II.

Въ многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ въ нашей легальной печати памяти «великаго писателя земли русской» мы напрасно искали хотя бы отдаленнаго намека на это письмо Толстого къ Николаю II. Въ нѣкоторыхъ газетахъ было вскользь упомянуто объ извѣстномъ письмѣ Толстого къ Александру III. Но никто не рѣшился упомянуть хотя бы о томъ, что Толстой пытался усовѣстить личнымъ своимъ обращеніемъ Николая II.

Мы тѣмъ болѣе считаемъ поэтому своей обязанностью помѣстить это письмо на страницахъ нашего журнала, что оно является однимъ изъ наиболѣе яркихъ политическихъ актовъ Льва Николаевича Толстого, обычно сторонившагося отъ политической жизни и политической борьбы.

Прибавимъ еще, что письмо это, въ свое время доставленное лично Николаю II, было, какъ видно изъ собственныхъ словъ Л. Н. Толстого, написано имъ въ 1902 г., когда Толстой переживалъ тяжелую болѣзнь, представляющую опасность фатальнаго исхода.

Напечатано оно было нѣсколько лѣтъ спустя послѣ доставки его по назначенію въ «Свободномъ Словѣ» и «Освобожденіи».

Редакція.

Любезный братъ!

Такое обращеніе я счелъ наиболѣе умѣстнымъ потому, что обращаюсь къ Вамъ въ этомъ письмѣ не столько какъ къ царю, сколько какъ къ человѣку — брату. Кромѣ того еще и потому, что пишу къ Вамъ какъ бы съ того свѣта, находясь въ ожиданіи близкой смерти. Мнѣ не хотѣлось бы умереть не сказавъ Вамъ того, что я думаю о Вашей теперешней дѣятельности и о томъ, какою она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести милліонамъ людей и Вамъ, и какое большое зло она можетъ принести людямъ и Вамъ, если будетъ продолжаться въ томъ же направленіи, въ которомъ идетъ теперь.

Треть Россіи находится въ положеніи усиленной охраны, т. е. внѣ закона. Армія полицейскихъ, явныхъ и тайныхъ все увеличивается и увеличивается. Тюрьмы, мѣста ссылки и каторги переполнены, сверхъ сотенъ тысячъ уголовныхъ, политическими, къ которымъ теперь причисляютъ и рабочихъ. Цензура дошла до нелѣпости запрещеній, до которыхъ она не доходила въ худшее время сороковыхъ годовъ. Религіозныя гоненія никогда не были столь часты и жестоки, какъ теперь, и становятся все жесточе и чаще. Вездѣ въ городахъ и фабричныхъ центрахъ сосредоточены войска и высылаются съ боевыми патронами противъ народа. Во многихъ мѣстахъ уже были братоубійственныя кровопролитія и вездѣ готовятся и неизбѣжно будутъ, новыя и еще болѣе жестокія.

И какъ результатъ всей этой напряженной и жестокой дѣятельности правительства, земледѣльческій народъ, тѣ 100 милл., на которыхъ зиждется могущество Россіи, несмотря на непомѣрно возрастающій государственный бюджетъ, или скорѣе вслѣдствіе этого возрастанія, нищаетъ съ каждымъ годомъ, такъ что голодъ сталъ нормальнымъ явленіемъ. И такимъ же явленіемъ стало всеобщее недовольство правительствомъ всѣхъ сословій и враждебное отношеніе къ нему.

И причина всего этого, до очевидности ясная, одна: та, что

помощники Ваши увѣряютъ Васъ, что останавливая всякое движеніе жизни въ народѣ, они этимъ обезпечиваютъ благоденствіе этого народа и Ваше спокойствіе и безопасность.

Но, вѣдь, скорѣе можно остановить теченіе рѣки, чѣмъ установленное Богомъ всегдашнее движеніе впередъ человѣчества.

Понятно, что люди, которымъ выгоденъ такой порядокъ вещей, и которые въ глубинѣ души своей говорятъ; „après nous le deluge!“*) могутъ и должны увѣрять Васъ въ этомъ; но удивительно, какъ Вы, свободный, ни въ чемъ не нуждающійся человѣкъ, и человѣкъ разумный и добрый, можете вѣрить имъ и, слѣдуя ихъ ужаснымъ совѣтамъ, дѣлать, или допускать дѣлать столько зла, ради такого неисполнимаго намѣренія, какъ остановка вѣчнаго движенія человѣчества.

Вѣдь, Вы не можете не знать того, что съ тѣхъ поръ, какъ намъ извѣстна жизнь людей, формы жизни этой, какъ экономическія и общественныя, такъ религіозныя и политическія, постоянно измѣнялись, переходя отъ болѣе грубыхъ, жестокихъ и неразумныхъ къ болѣе мягкимъ, человѣчнымъ и разумнымъ. Ваши совѣтчики говорятъ Вамъ, что это неправда, что русскому народу, какъ было свойственно когда-то православіе и самодержавіе, такъ оно свойственно ему и теперь, и будетъ свойственно до конца дней, и что потому, что для блага русскаго народа, надо во что бы то ни стало поддерживать эти двѣ, связанныя между собой формы: религіознаго вѣрованія и политическаго устройства. Но, вѣдь, это двойная неправда.

Во-первыхъ, никакъ нельзя сказать, чтобы православіе, которое когда то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Изъ отчетовъ оберъ-прокурора синода Вы можете видѣть, что наиболѣе духовно развитые люди народа — несмотря на всѣ невыгоды и опасности, которымъ они подвергаются, отступая отъ православія, — съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе переходятъ въ такъ называемыя секты. Во-вторыхъ, если справедливо то, что народу свойственно православіе, то не-зачѣмъ такъ усиленно поддерживать эту форму вѣрованія и съ такой жестокостью преслѣдовать тѣхъ, которые отрицаютъ ее.

Что же касается самодержавія, то оно точно такъ же, если и было свойственно русскому народу, когда народъ этотъ еще вѣрилъ, что царь — непогрѣшимый земной Богъ и самъ одинъ управляетъ народомъ, то далеко несвойственно ему уже теперь, когда всѣ знаютъ, или, какъ только немного образовываются, то узнаютъ, во первыхъ, то, что хорошій царь есть только „un heureux hasard**), а что цари могутъ быть и бывали и изверги,

*) «Послѣ насъ хоть потопъ».
**) «Счастливая случайность».

и безумцы, какъ Іоаннъ IV и Павелъ; а во-вторыхъ, то, что какой бы царь и ни былъ хорошій и мудрый человѣкъ, онъ никакъ не можетъ управлять самъ 130-милліоннымъ народомъ, а управляютъ народомъ приближенные царя, заботящіеся больше о своемъ положеніи, а не о благѣ народа.

Вы скажете: царь можетъ выбирать себѣ въ помощники людей безкорыстныхъ и хорошихъ. Къ несчастію, царь не можетъ этого дѣлать, потому что онъ знаетъ только нѣсколько десятковъ людей, случайно или разными происками приблизившихся къ нему и старательно загораживающихъ отъ него всѣхъ тѣхъ, которые могли бы замѣстить ихъ. Такъ что царь выбираетъ не изъ тѣхъ тысячъ живыхъ, энергичныхъ, истинно просвѣщенныхъ и честныхъ людей, которые рвутся къ общественному дѣлу, а только изъ тѣхъ, про которыхъ говорилъ Бомарше: „Médiocre et rampant et on parvient à tout".*) И если многіе русскіе люди готовы повиноваться царю, — они не могутъ безъ чувства оскорбленія повиноваться людямъ своего круга, которыхъ они презираютъ и которые такъ часто именемъ царя управляютъ народомъ.

Васъ, вѣроятно, приводитъ въ заблужденіе о любви народа къ самодержавію и его представителю — царю то, что, вездѣ, при встрѣчахъ Васъ въ Москвѣ и другихъ городахъ толпы народа съ криками „ура" бѣгутъ за Вами. Не вѣрьте тому, чтобы это было выраженіемъ преданности Вамъ, — это толпа любопытныхъ, которая побѣжитъ точно также за всякимъ непривычнымъ зрѣлищемъ. Часто же эти люди, которыхъ Вы принимаете за выразителей народной любви къ Вамъ, суть ничто иное, какъ полиціей собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный Вамъ народъ, какъ напримѣръ, это было съ Вашимъ дѣдомъ въ Харьковѣ, когда соборъ былъ полонъ народа, но весь народъ состоялъ изъ переодѣтыхъ городовыхъ.

Если бы Вы могли также походить во время царскаго проѣзда по линіи крестьянъ, разставленныхъ позади войскъ, вдоль всей желѣзной дороги, и послушать, что говорятъ эти крестьяне: старосты, сотскіе, десятскіе, сгоняемые съ сосѣднихъ деревень, и на холоду и въ слякоти, безъ вознагражденія, съ своимъ хлѣбомъ, по нѣскольку дней дожидающіеся проѣзда, — Вы бы услыхали отъ самыхъ настоящихъ представителей народа, простыхъ крестьянъ, сплошь, по всей линіи, рѣчи, совершенно несогласныя съ любовью къ самодержавію и его представителю. Если лѣтъ 50 тому назадъ при Николаѣ I еще стоялъ высоко престижъ царской власти, то за послѣдніе 30 лѣтъ, онъ не переставая, падалъ и упалъ въ послѣднее время такъ, что во всѣхъ сословіяхъ, никто уже не стѣсняется смѣло

---

*) «Будь ничтоженъ и подобострастенъ и до всего доберешься.»

осуждать не только распоряженія правительства, но самого царя и даже бранить и смѣяться надъ нимъ.

Самодержавіе есть форма правленія отжившая, могущая соотвѣтствовать требованіямъ народа гдѣ нибудь въ центральной Африкѣ, отдаленной отъ всего міра, но не требованіямъ русскаго народа, который все болѣе и болѣе просвѣщается общимъ всему міру просвѣщеніемъ и потому поддерживать эту форму... можно только, какъ это и дѣлается теперь, посредствомъ всякаго рода насилія, усиленной охраны, административныхъ ссылокъ, казней, религіозныхъ гоненій, запрещеній книгъ, газетъ, извращенія воспитанія и вообще всякаго рода дурныхъ и жестокихъ дѣлъ.

И таковы были до сихъ поръ дѣла Вашего царствованія, начиная съ Вашего возбудившаго общее негодованіе всего русскаго общества, отвѣта тверской депутаціи, гдѣ Вы самыя законныя желанія людей назвали „безсмысленными мечтаніями", — всѣ Ваши распоряженія о Финляндіи, о китайскихъ захватахъ, Вашъ проектъ Гаагской конференціи, сопровождаемый усиленіемъ войскъ, Ваше ослабленіе самоуправленія и усиленіе административнаго произвола, Ваша поддержка гоненій за вѣру, Ваше согласіе на утвержденіе винной монополіи, т. е. торговли отъ правительства ядомъ, отравляющимъ народъ, и, наконецъ, Ваше упорство въ удержаніи тѣлеснаго наказанія, несмотря на всѣ представленія, которыя дѣлаются Вамъ объ отмѣнѣ этой, позорящей русскій народъ, безсмысленной и совершенно безполезной мѣры. Все это поступки, которые Вы не могли бы сдѣлать, еслибы не задались, по совѣту Вашихъ легкомысленныхъ помощниковъ, невозможной цѣлью, — не только остановить жизнь народа, но вернуть его къ прежнему, пережитому состоянію.

Мѣрами насилія можно угнетать народъ, но не управлять имъ. Единственное средство въ наше время, чтобы дѣйствительно управлять народомъ, — только въ томъ, чтобы, ставъ во главѣ движенія народа отъ зла къ добру, отъ мрака къ свѣту, вести его къ достиженію ближайшихъ къ этому движенію цѣлей. Для того же, чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желанія и нужды, исполнить тѣ изъ нихъ, которыя будутъ отвѣчать требованіямъ не одного класса или сословія, а большинства его.

А тѣ желанія, которыя выскажетъ теперь русскій народъ, если ему будетъ дана возможность это сдѣлать, по моему мнѣнію, будутъ слѣдующія:

Прежде всего рабочій народъ скажетъ, что желаетъ избавиться отъ тѣхъ исключительныхъ законовъ, которые ставятъ его въ положеніе парія, не пользующагося правами всѣхъ остальныхъ гражданъ; потомъ скажетъ, что онъ хочетъ свободы

передвиженія, свободы обученія и свободы исповѣданія вѣры, свойственной его духовнымъ потребностямъ; и, главное, весь стомилліонный народъ въ одинъ голосъ скажетъ, что онъ желаетъ свободы пользоваться землей.

И вотъ это то уничтоженіе права земельной собственностью и есть, по моему мнѣнію, та ближайшая цѣль, достиженіе которой должно сдѣлать въ наше время своей задачей русское правительство.

Въ каждый періодъ жизни человѣческой есть соотвѣтствующая времени ближайшая ступень осуществленія лучшихъ формъ жизни, къ которой она стремится. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такой ближайшей ступенью было уничтоженіе рабства. Въ наше время такая ступень есть освобожденіе рабочихъ массъ отъ того меньшинства, которое властвуетъ надъ ними, — то, что называется рабочимъ вопросомъ.

Въ Западной Европѣ достиженіе этой цѣли считается возможнымъ черезъ передачу заводовъ и фабрикъ въ общее пользованіе рабочихъ. Вѣрно или невѣрно такое разрѣшеніе вопроса, и достижимо ли оно или нѣтъ для западныхъ народовъ, — оно, очевидно, не примѣнимо въ Россіи, какова она теперь.

Въ Россіи, гдѣ громадная часть населенія живетъ на землѣ и находится въ полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, освобожденіе рабочихъ, очевидно, не можетъ быть достигнуто переходомъ фабрикъ и заводовъ въ общее пользованіе. Для русскаго народа такое освобожденіе можетъ быть достигнуто только уничтоженіемъ земельной собственности и признаніемъ земли общимъ достояніемъ, — тѣмъ самымъ, что уже съ давнихъ поръ составляетъ задушевное желаніе русскаго народа и осуществленія чего онъ все еще ожидаетъ отъ русскаго правительства.

Знаю я, что эти мысли мои будутъ приняты Вашими совѣтчиками, какъ верхъ легкомыслія и непрактичности человѣка, не постигающаго всей трудности государственнаго управленія, и, въ особенности, мысль о признаніи земли общей народной собственностью; но знаю я и то, что для того, чтобы не быть вынужденнымъ совершать все болѣе и болѣе жестокія насилія надъ народомъ есть только одно средство; а именно — сдѣлать своей задачей такую цѣль, которая стояла бы впереди желаній народа. И не дожидаясь того, чтобы накатывающійся возъ билъ по колѣнамъ, — самому везти его, т. е. идти въ первыхъ рядахъ осуществленія лучшихъ формъ жизни. А такой цѣлью можетъ быть для Россіи только уничтоженіе земельной собственности. Только тогда правительство можетъ — не дѣлая, какъ теперь, недостойныхъ и вынужденныхъ уступокъ фабричнымъ рабочимъ, или учащейся молодежи, — безъ страха

за свое существованіе быть руководителемъ своего народа и дѣйствительно управлять имъ.

Совѣтники Ваши скажутъ Вамъ, что освобожденіе земли отъ права собственности есть фантастическое, неисполнимое дѣло. По ихъ мнѣнію, составить стомилліонный живой народъ перестать жить, или проявлять признаки жизни, и втиснуть его назадъ въ скорлупу, изъ которой онъ давно выросъ, — это не фантазія и не только исполнимо, но самое мудрое и практическое дѣло. Но, вѣдь, стоитъ только серьезно подумать для того, чтобы понять, что дѣйствительно неисполнимо, хотя оно и дѣлается, и что, напротивъ, не только исполнимо, но своевременно и необходимо, хотя оно и не начиналось.

Я лично думаю, что въ наше время земельная собственность, есть столь же вопіющая и очевидная несправедливость, какою было крѣпостное право 50 лѣтъ тому назадъ. Думаю, что уничтоженіе ея поставитъ русскій народъ на высокую степень независимости, благоденствія и довольства. Думаю тоже, что эта мѣра несомнѣнно уничтожитъ все то соціалистическое и революціонное раздраженіе, которое теперь разгорается среди рабочихъ и грозитъ величайшей опасностью и правительству и народу.

Но я могу ошибаться, и рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону можетъ быть дано опять только самимъ народомъ, если онъ будетъ имѣть возможность высказаться.

Такъ что, во всякомъ случаѣ, первое дѣло, которое теперь предстоитъ правительству — это уничтоженіе того гнета, который мѣшаетъ народу высказать свои желанія и нужды. Нельзя сдѣлать добро человѣку, которому мы завяжемъ ротъ, чтобы не слыхать того, что онъ желаетъ для своего блага. Только узнавъ желанія и нужды народа, или большинства его, можно управлять народомъ и сдѣлать ему добро.

Любезный братъ, у Васъ только одна жизнь въ этомъ мірѣ, и Вы можете мучительно потратить ее на тщетныя попытки остановки установленнаго Богомъ движенія человѣчества отъ зла къ добру, отъ мрака къ свѣту, и можете, вникнувъ въ нужды и желанія народа и посвятивъ свою жизнь исполненію ихъ, спокойно и радостно провести ее въ служеніи Богу и людямъ.

Какъ не велика Ваша отвѣтственность за тѣ годы Вашего царствованія, во время которыхъ Вы можете сдѣлать много добраго и много злого, но еще больше Ваша отвѣтственность передъ Богомъ за Вашу жизнь здѣсь, отъ которой зависитъ Ваша вѣчная жизнь, и которую Богъ Вамъ далъ не для того, чтобы предписывать всякого рода злыя дѣла, или хотя участвовать въ нихъ и допускать ихъ, а для того, чтобы исполнять Его Волю. Воля же его въ томъ, чтобы дѣлать не зло, а добро людямъ.

Подумайте же объ этомъ не передъ людьми, а передъ Богомъ, и сдѣлайте то, что Вамъ скажетъ Богъ, т. е. Ваша совѣсть. И не смущайтесь тѣми препятствіями, которыя Вы встрѣтите, если вступите на новый путь жизни. Препятствія эти уничтожатся сами собой, и Вы не замѣтите ихъ, если только то, что Вы будете дѣлать, — Вы будете дѣлать не для славы людской, а для своей души, т. е. для Бога.

Простите меня, если я нечаянно оскорбилъ или огорчилъ Васъ тѣмъ, что написалъ въ этомъ письмѣ. Руководило мною только желаніе блага русскому народу и Вамъ.

Достигъ ли я этого — рѣшитъ будущее, котораго я, по всѣмъ вѣроятіямъ, не увижу. Я сдѣлалъ то, что считалъ своимъ долгомъ.

Истинно желающій Вамъ истиннаго блага братъ Вашъ

Левъ Толстой.

Гаспра. 16-го января 1902 г.

У гроба Сазонова.

Умеръ Сазоновъ. Отравился... А 27 января кончался срокъ его каторги.

Не соблазнила близость воли: нужно было протестовать, и онъ оказалъ свой послѣдній протестъ.

Онъ былъ молодъ и силенъ. Онъ зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ его на волѣ. Онъ любилъ жизнь, любилъ свободу. Мечталъ о томъ, какъ встрѣтить ее, что станетъ дѣлать. Онъ зналъ цѣну своей жизни; зналъ, что является послѣднимъ и самымъ главнымъ свидѣтелемъ по дѣлу Азефа. Зналъ, какъ нужна и желательна его смерть русскому правительству.

И вотъ, на рубежѣ къ желанной свободѣ, отказался отъ нея; отказался отъ самой жизни.

Что побудило его къ этому?

Что то огромное, вопіющее... Иначе и быть не можетъ. Краткое правительственное сообщеніе не заключаетъ въ себѣ и одной сотой той ужасной правды, что разыгралась въ ноябрѣ въ стѣнахъ Горнаго Зерентуя, этой самой далекой изъ сибирскихъ каторжныхъ тюремъ.

Часто случаются подобныя правды на русской каторгѣ, но никто почти не узнаетъ объ нихъ, а если и узнаетъ, то изъ короткихъ и лживыхъ правительственныхъ сообщеній. И только много времени спустя, вырывается тюремная правда на свободу.

Объ одной изъ такихъ правдъ я и хочу разсказать теперь. Случилась она въ прошломъ году, тамъ же, въ Горномъ Зерентуѣ, съ тѣмъ же самымъ Сазоновымъ, и тоже въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Сазоновъ сидѣлъ тогда въ одиночной камерѣ, но ввиду обычнаго тюремнаго переполненія, съ нимъ разрѣшено было поселиться еще двумъ политикамъ — Фролову и Сидорчуку.

Часовъ около десяти вечера, когда больше половины заключенныхъ нашей общей камеры лежали уже по нарамъ, а остальные сидѣли за столами и чѣмъ нибудь занимались, — со стороны одиночекъ раздалось послѣдовательно одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Затѣмъ выстрѣлы загремѣли и подъ окнами нашей камеры и повсюду вокругъ тюрьмы.

Стрѣльба продолжалась минуты двѣ. Съ улицы, изъ за тюремной стѣны, послышались площадная ругань и торопливый бѣгъ конвоя, во весь духъ несшагося съ винтовками изъ своей казармы, а въ корридорѣ — бѣганье надзирателей, голоса начальника и помощниковъ.

Мы привыкли къ подобнымъ исторіямъ: за послѣдніе полтора мѣсяца это былъ уже двѣнадцатый случай стрѣльбы по окнамъ. Очень многіе поэтому такъ и остались лежать по нарамъ; нѣкоторые даже не проснулись. Остальные повскакивали съ своихъ мѣстъ, и бросились къ дверямъ, къ форточкѣ.

— Въ кого?... Почему?... Куда?...

Минутъ черезъ десять узнали отъ проходившаго мимо надзирателя, что стрѣляли въ одиночку Сазонова, но что все обошлось благополучно. Больше узнать такъ ничего и не удалось.

Мнѣ, какъ тюремному библіотекарю, въ опредѣленные часы разрѣшено было ходить съ книгами по всѣмъ камерамъ и одиночкамъ. Поэтому, на слѣдующій день, я лично могъ убѣдиться, на сколько серьезно жизнь Сазонова наканунѣ вечеромъ подвергалась опасности. Онъ только на волосъ былъ отъ смерти. Въ оконныхъ рамахъ разбито пулями шесть стеколъ; пробитъ каменный подоконникъ; пробита рама; по стѣнамъ — царапины отъ рикошетовъ, а въ потолкѣ кромѣ царапинъ, двѣ громадныя, величиною въ кулакъ, выбоины. На полу — осыпавшаяся известка и отбитая штукатурка. А на столѣ лежатъ куски и кусочки свинца, обломки никелевыхъ оболочекъ и двѣ, почти цѣлыя, только смятыя и изуродованныя, пули. Все это собрано было на полу, въ разныхъ мѣстахъ; большой обломокъ одной изъ пуль найденъ былъ даже подъ кроватью.

Стрѣлялъ, стоявшій на дворѣ, подъ окномъ, солдатъ-часовой. Онъ выпустилъ всего пять пуль: четыре въ сазоновскую одиночку и пятую, которая была первой, по ошибкѣ — въ сосѣднюю. Повода къ стрѣльбѣ не было никакого. Сидорчукъ и Фроловъ уже спали, а Сазоновъ сидѣлъ за столомъ и писалъ письмо. Тишина была абсолютная, тѣни на окно ни отъ чего попасть не могло. Вдругъ — трахъ!... трахъ!... и посыпались стекла, известь, штукатурка, куски и кусочки пуль.

— Что же это такое, Егоръ?

— Да, ничего... Пострѣляли немножко... Вѣдь, мнѣ скоро на волю выходить, ну вотъ и...

Улыбнулся своей свѣтлой ласковой улыбкой. Но и въ улыбкѣ его, и въ словахъ, сквозила глубокая грусть.

— А начальникъ что говоритъ?

— То же, что и раньше. Говоритъ, что военный караулъ не въ его вѣдѣніи, что онъ не можетъ ничего съ нимъ сдѣлать, ничего не можетъ приказать ему... Словомъ, по его словамъ, начальникъ тюрьмы и даже начальникъ каторги сами

по-себѣ, а военный караулъ тоже самъ по себѣ. Потомъ говоритъ, что зря солдатъ стрѣлять не станетъ; чѣмъ нибудь да вызвана же была стрѣльба. А по словамъ часового кто то въ одиночкѣ нашей полѣзъ на окно. Когда я сказалъ ему, что это — неправда, и описалъ, какъ было дѣло, онъ только плечами пожалъ, да сказалъ, что обязанъ вѣрить не арестанту, а солдату; долгъ службы заставляетъ дѣлать это. Иначе какой же онъ начальникъ... Ну и т. д. Словомъ, все то же, что намъ не разъ приходилось уже слышать.

Снова грустная, но добрая улыбка.

— А, вѣдь, еще цѣлый годъ впереди...

У меня сердце сжалось отъ этихъ, повидимому, неопредѣленныхъ, но много говорящихъ словъ.

Черезъ нѣсколько дней меня отправили изъ каторги на поселеніе.

Прошелъ годъ. Глухо доносилось кой что за это время изъ Зерентуя. Умерло нѣсколько человѣкъ отъ туберкулеза; одинъ убитъ былъ надзирателемъ изъ револьвера, въ упоръ: пуля вошла въ глазъ и пробила черепъ насквозь; другого изъ винтовки пристрѣлилъ часовой во время прогулки; и много еще другихъ разныхъ „сѣрыхъ каторжныхъ обыденностей“ случилось тамъ за этотъ годъ.

И вотъ, наконецъ, — умираетъ Сазоновъ.

Годъ тому назадъ его хотѣли убить, — теперь заставили отравиться. Видно не суждено было герою-мученику снова увидѣть свою свободу...

Вчерашній зерентуецъ.

Отъ редакціи „Былого“.

До 1905 г. за границей было издано 6 №№ „Былое“. Въ 1906-7 г.г. „Былое“ печаталось въ Петербургѣ, и тамъ вышло 22 №№ этого журнала. Въ настоящее время „Былое“ снова выходитъ за границей, и мы выпускаемъ здѣсь пятый №. Съ 1908 г. въ Парижѣ вышли: 7, 8, 9-10, 11-12 и 13 номера.

Еще въ 7 № „Былого“, вышедшемъ въ Парижѣ, мы подробно говорили о задачахъ нашего журнала. Послѣдніе пять номеровъ, надѣемся, ясно даютъ понятіе читателямъ, какія задачи мы преслѣдуемъ и какъ мы ихъ выполняемъ. Поэтому намъ нѣтъ необходимости еще разъ говорить о томъ, какъ будетъ дальше вестись нашъ журналъ. Скажемъ только, что въ изданіи „Былого“ мы преслѣдуемъ не чисто литературныя или историческія задачи, — даже не главнымъ образомъ ихъ. Издавая „Былое“, мы стремимся посильно отвѣчать на запросы современнаго освободительнаго движенія въ Россіи. Только изучая наше *былое*, мы научаемся, какъ бороться дальше. Исторія для участниковъ освободительнаго движенія и должна быть и можетъ быть великимъ учителемъ.

Мы желали бы только начатое дѣло продолжать въ большихъ размѣрахъ, чаще выпуская книжки нашего журнала. Но это зависитъ не столько отъ насъ, сколько отъ тѣхъ, кто понимаетъ и сочувствуетъ нашимъ задачамъ. Къ нимъ-то мы и обращаемся въ настоящее время съ призывомъ посмотрѣть на изданіе „Былого“ какъ на наше *общее дѣло* и откликнуться.

Мы просимъ сочувствующихъ намъ читателей продолжать присылать намъ:

1) Матеріалы по исторіи оппозиціонныхъ и революціонныхъ движеній.

2) Все, что можетъ характеризовать личность и дѣятельность царя, великихъ князей, представителей высшей бюрократіи.

3) Все, что относится къ выясненію дѣятельности непосредственныхъ враговъ освободительнаго движенія (провокаторовъ, охранниковъ, ихъ руководителей и т. д.)

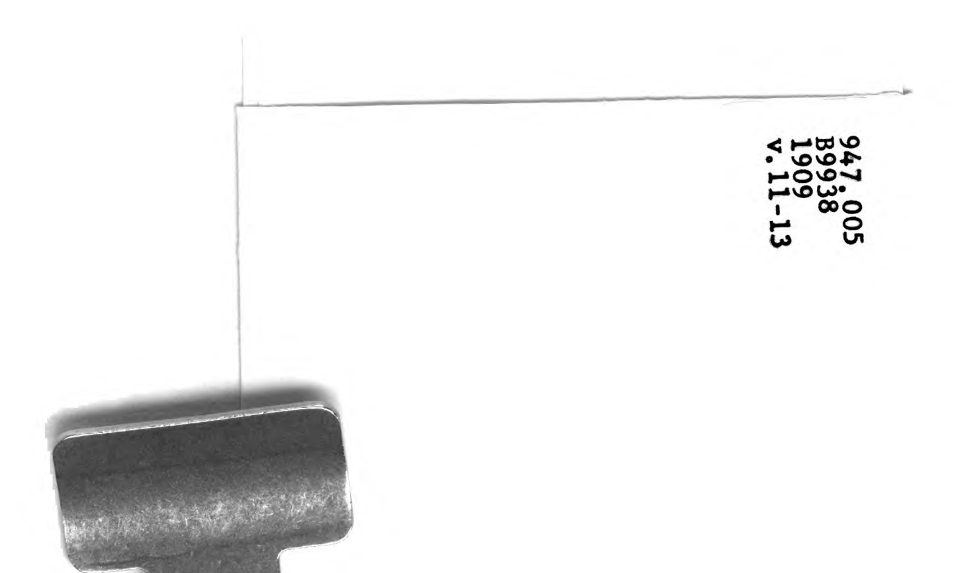
За всѣми разъясненіями относительно „Былого“ можно обращаться по адресу:

„Le Passe“, 50, B-d. St. Jacques, Paris (XIV arr.).

Вл. Бурцевъ.




11-13
947.005 B9938 1909
3 5556 009 930 165


947.005
B9938
1909
v.11-13

